

Курский край
в Гражданской
войне



Комитет по культуре администрации Курской области
Курский государственный областной музей археологии

С.Н. Емельянов
А.В. Зорин
А.Г. Шпилев

Курский край в Гражданской войне 1917 — 1921 гг.

(очерк военно–политической истории)

Курск 2013

ББК 63.3(2–4Кус)612ю11

Е 60

Рецензенты:

д.и.н., профессор А.В. Третьяков (Курский государственный университет)

д.и.н., доцент А.В. Аранович (Санкт–Петербургский университет технологии и дизайна)

к.и.н., доцент О.А. Черников (Курский институт социального образования)

Издание осуществлено в рамках областной целевой программы

«О реализации на территории Курской области государственной политики Российской Федерации в отношении соотечественников, проживающих за рубежом, на 2011–2013 гг.»

(Утверждена Губернатором Курской области А.Н. Михайловым 12 октября 2010 г.

№ 472–па)

Емельянов, Сергей Николаевич.

Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. [Текст]: (очерк военно–политической истории) / С. Н. Емельянов, А. В. Зорин, А. Г. Шпилев; Ком. по культуре адм. Курской обл., Курский гос. обл. музей археологии. – Курск: Полстар, 2013. – 528 с. – ISBN 978–5–906415–03–5.

Е 60 Книга посвящена военно–политической истории Курского края в период Гражданской войны. На основе архивных материалов и мемуарных источников, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, воссоздаётся целостная картина событий, связанных с установлением Советской власти и ходом военных действий на территории Курской губернии в 1917–1921 гг.

Книга предназначена для историков, краеведов и всех интересующихся историей своего Отечества.

ISBN 978–5–906415–03–5

ББК 63.3(2–4Кус)612ю11

© Курский государственный
областной музей археологии

© Коллектив авторов

© Василенко И.Г., обложка

Подписано в печать 01.04.2013 г.

Формат 60x84 1/16

Бумага офсетная

Гарнитура NewBaskervilleС

Заказ № 97

Тираж 1000 экз.

Печать ООО «ПОЛСТАР»

г. Курск, Элеваторный пер., 8

Тел./факс: (4712) 38–35–01

E–mail: polstarkursk@mail.ru

Предисловие

Гражданская война сделала нас такими, какие мы есть... Это был перекрёсток нашего бытия, и этот перекрёсток был адским.

Шелби Фут

Слова, приведённые в эпиграфе, были сказаны американским историком и относятся к Гражданской войне, расколовшей в XIX столетии Северо-Американские Соединённые Штаты. Однако, вне всякого сомнения, они могут быть вполне применимы и к событиям, потрясшим Россию в начале века XX. Несмотря на то, что немного времени осталось до столетнего юбилея этих событий, эхо их всё ещё не утихло. Это и неудивительно.

1917 год стал роковым в многовековой истории нашей страны. Для одних он стал периодом начала великих преобразований, для других — гибелью национальной России. Вне зависимости от нашей оценки бесспорным остаётся одно — с октября 1917 г. начинается новейший период нашей истории. Власть на территории бывшей Российской империи приходит к большевикам, исповедующим марксистскую идеологию.

Согласно учению марксизма, власть в государстве в силу классовых противоречий всегда концентрируется в руках правящего класса. В эпоху капитализма самым многочисленным классом в обществе должен стать рабочий класс — пролетариат, сосредоточенный на крупных промышленных предприятиях. Настанет момент, когда пролетариат осознает свою силу и возьмет власть в свои руки. Переход власти от буржуазии к рабочему классу по этой концепции должен произойти в результате вооруженной борьбы, так как прежние правящие социальные группы не смогут смириться с добровольной потерей доминирующего положения в обществе и государстве.

Курская губерния к началу 1917 г. представляла собой стандартный российский провинциальный регион. В начале XX века здесь проживало около 3154500 человек¹, в самом городе Курске насчи-

1 Обзор Курской губернии за 1914 г. — Курск, 1915. — С. 173.

тывалось около 80 тыс. жителей, из них только чуть более 3 тыс. человек являлись представителями пролетариата. Наибольшая численность промышленных рабочих приходилась на сахарные заводы, причем большинство из занятых здесь пролетариев относилось к разряду сезонных рабочих. Последние так и не порвали связи с деревней, приезжая в город на подработки только в сезон². То есть класс, на который в первую очередь опирались большевики, в губернии составлял менее пяти процентов населения.

В такой обстановке влияние большевиков в г. Курске осенью 1917 г. было незначительным. Более того, самостоятельная большевистская организация была создана только в октябре 1917 г. До этого момента большевики и меньшевики вели совместную партийную работу в рамках РСДРП, причем меньшевики играли главенствующую роль в единой партийной организации. В октябре, незадолго до переворота в Петрограде, была предпринята попытка созвать губернскую конференцию большевиков. Однако она оказалась безуспешной, практически не явились представители с мест.

Среди революционных партий наибольшим влиянием среди населения в течение всего 1917 г. и значительной части 1918 г. пользовалась партия социалистов-революционеров, в которой, за исключением своего левого крыла, считали, что в России экономическая обстановка для социалистической революции еще не созрела.

Представители буржуазных партий, вес которых в органах местного, особенно городского самоуправления был еще значительным, выступали за буржуазно-демократический путь развития государства. Последние пользовались поддержкой интеллигенции, предпринимателей, части горожан.

Единого взгляда на дальнейший путь развития государства в обществе не имелось. Именно в такой обстановке в Курской губернии в конце октября 1917 г. стало известно о произошедшем в Петрограде вооруженном перевороте большевиков и переходе центральной власти в их руки. Страна стала на порог гражданской войны, т.к. большевики не собирались выпускать из своих рук только что полученную власть, а их политические и идеологические противники не собирались мириться с коренной ломкой социального строя, изменением политических приоритетов как во внутренних, так и во внешних делах, и, самое главное, с диктатурой радикальной революционной партии. Сохранить или получить власть в государстве стало возможно только путем вооружённой борьбы.

2 Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 9.

Гражданская война началась практически сразу после прихода большевиков к власти. Эта война стала одной из самых страшных в истории России, ведь воевали люди одной культуры, выросшие в одной стране, говорившие на одном языке, исповедующие одни и те же религии и считающие одну и ту же страну своей Родиной. Война внесла небывалый раскол в российское общество. Несмотря на то, что в конечном итоге победили большевики и был установлен тоталитарный режим, в рамках которого более семидесяти лет власти стремились любыми путями изжить инакомыслие, раскол общества, произошедший в октябре 1917 г., продолжается вплоть до наших дней.

Сегодня перед нами стоит глобальная проблема — понять и по возможности объективно оценить то, что произошло в годы революции и Гражданской войны. Без этого невозможно восстановить гражданский мир в обществе и обеспечить поступательное развитие государства. Необходимо избежать нового наказания историей. Ведь как говорил известный русский ученый В.О. Ключевский, «История учит всех, даже тех, кто её не изучает. Она их учит наказывая».

Отечественная историография обладает большим количеством работ, относящихся к рассматриваемому периоду. Однако материалы по истории Гражданской войны столь обширны и многообразны, что потребуются еще не одно десятилетие, прежде чем мы сможем говорить о достаточной изученности данной темы. В этом аспекте не является исключением изучение жизни регионов, в том числе и Курского, в годы Гражданской войны, где многие проблемы истории тех лет до сих пор никем не затрагивались.

Территория Курской губернии в 1918–1919 гг. оказалась в полном смысле слова между молотом и наковальней, став полем решающих сражений Гражданской войны. Здесь прозвучали её первые залпы в декабре 1917 г., здесь пролегла граница Советской России, очерченная условиями Брестского мира, здесь прошли победным маршем «цветные» полки Добровольческой армии, а затем прокатились конные лавы Будённого и Примакова, здесь пронесли тачанки батьки Махно.

Несмотря на то, что публикации по истории Гражданской войны в Курском крае стали появляться почти сразу после её окончания, до настоящего момента нет ни одной фундаментальной работы, охватывающей рассмотрение всех сторон жизни этого российского региона. Среди доступных читателям работ, прежде всего, выделяются публикации мемуаров и воспоминаний участников установления Советской власти и боев в Курской губернии. На-

учное осмысление некоторых сторон жизни края в годы Гражданской войны предпринималось курскими учеными и краеведами. Однако, как уже отмечалось, они носят фрагментарный характер. Поэтому представленный коллективный труд является одной из первых попыток, стремящихся как можно шире охватить и проанализировать социальные, культурные, экономические, политические и, прежде всего, военно–политические аспекты развития региона в годы Октябрьской революции и Гражданской войны. Авторы надеются, что эта книга послужит толчком к дальнейшему всестороннему изучению истории Курской губернии в рассматриваемый период, поскольку исследование истории Гражданской войны в регионе, несмотря на усилия предшествующих поколений курских историков, только в самом начале пути.

Хронологически работа охватывает период 1917–1920 гг., время, на которое пришелся основной накал событий Гражданской войны в Курском крае. Что касается географических границ, то в работе рассматриваются события, происходившие не только в границах современной Курской области, но и на территории нынешних Белгородской области (Россия) и Путивльского района Сумской области Украины, поскольку все перечисленные регионы входили тогда в состав Курской губернии.

Авторы выражают свою глубокую признательность людям, оказавшим помощь в работе над книгой: директору Курского областного краеведческого музея И.В. Лоташовой, сотрудникам Государственного архива Курской области – бывшему и нынешнему директорам М.М. Литвиновой и Н.А. Елагиной, заместителю директора, начальнику отдела использования и публикации документов В.В. Ракову, главному архивисту В.К. Виноградовой, заведующей читальным залом О.В. Шуваевой.

Часть 1

Под красным знаменем

*Гражданские войны — тоже войны.
Кто признаёт борьбу классов, тот не
может не признавать гражданских
войн, которые во всяком классовом
обществе представляют естественное,
при известных обстоятельствах,
неизбежное продолжение, развитие
и обострение классовой борьбы.*

В.И. Ленин

1. Февраль 1917 г.

Зима 1917 г. выдалась в Курской губернии необычайно морозной и снежной. Обычными были двадцатиградусные морозы, а метели бушевали такие, что в Старом Осколе первые два февральских дня не было занятий в учебных заведениях: «навалило огромные сугробы и сковало их накрепко — ни пройти, ни проехать». Иссяк в Старооскольской женской гимназии уголь, «мёрзла, зуб на зуб не попадая, частная женская гимназия: в шубах и калошах учителя и учащиеся». Пришлось даже сократить количество занятий и вместо пяти уроков проводить только три. Духовное училище и школа имени Ушинского и вовсе вынуждены были временно прекратить занятия из-за нехватки топлива. Не лучше обстояло дело и у городских обывателей, тем более что небывалыми темпами росли цены на продовольствие. Фунт мяса стоил в Старом Осколе 60 копеек, фунт сливочного масла — два рубля сорок копеек, а цена «среднего кувшина молока» доходила до рубля — «страшные цифры!»³

Прошла унылая «постная» Масленица с чёрными блинами. Только самых легкомысленных жителей городка не приводило всё это к «радикальным заключениям». Одна из жительниц Старого Оскола, вспоминая те дни, писала: «Растёт тревога. Громче говорит недо-

3 *Рождественская В.М.* В те дни // Известия КГОК. — № 5. — 1927. — С. 47.

вольство. Чувствуется близость катастрофы». И вскоре эти предчувствия оправдались.

«Первые числа марта. Телеграммы Петроградского Телефонного Агентства от 4-го марта 1917 года: «Манифест об отречении государя от престола», «Отречение великого князя Михаила Александровича от престола». — Общий энтузиазм. Слезы. Привычно творит рука обывателя крестное знамение. Группа железнодорожников, прихватив по дороге горожан, манифестировала тогда же вечером. (Красное знамя ещё не парадное, а из чего-то старого.) У дома священника Тимонова (либерала 1905 г.) и гражданина Щепилова (депутат Курского губернского собрания в 1906–11 гг.) митинги. В интеллигентских кругах — агитация, споры, предположения: «Республика с президентом или без него?? — Если президент — кто?? Милоков??? С президентом прочнее...»⁴

То же происходит и по всей губернии — ввиду волнения, стихийные митинги, споры и полная неопределённость.

В Курске первые известия о том, что «в столице бастуют рабочие и переворот неизбежен» появились среди железнодорожников ещё 25 февраля. А 28 февраля по железнодорожному телеграфу пришло официальное известие о падении самодержавия. В депо и мастерских тотчас собрались стихийные митинги. Набирая силу, они проходили также 3 и 5 марта. Последний из них вылился в массовую манифестацию, участники которой прошли по Красной площади, после чего там был устроен также парад войск Курского гарнизона. Митингующие не только приветствовали революцию, но и выдвигали свои требования. Среди них было и требование отставки и ареста наиболее одиозных чиновников «старого режима». В итоге свои посты вынуждены были оставить вице-губернатор Ю.Б. Штюрмер и уполномоченный по продовольствию К.А. Рапп, которого тотчас препроводили в тюрьму в сопровождении огромной толпы народа⁵.

Тотчас после подтверждения сообщений из Петрограда, 3 марта, в Курске и в губернии были созданы органы нового Временного правительства — Временные исполнительные комитеты. Во главе губернского исполкома стал крупный курский купец и видный член местного отделения партии кадетов Н.Н. Лоскутов. Он же занял пост Курского комиссара Временного правительства (в июне

4 Там же. С. 48.

5 Якимова Л.В. Из истории Курской губернии в период между двумя революциями (1907–1917 годы) // Ученые записки КГПИ. — Т. 47. — Часть II. — С. 259–261. Раппа особенно ненавидели за то, что ещё в 1916 г. в ответ на жалобы солдаток по поводу несвоевременной выдачи пайков, отчего страдают их дети, чиновник пренебрежительно ответил: «Ну пусть и подышают ваши дети».

1917 г. его сменил на этом посту народный социалист А.П. Марков–Донской, а с середины октября обязанности комиссара исполнял его помощник Н.Н. Рождественский).

Газеты были полны сообщений о смене власти в уездах. При этом особо подчёркивался «образцовый порядок», которым сопровождалась революционные события:

«Старый Оскол. По Постановлению Старооскольского исполнительного комитета подвергнут домашнему аресту уполномоченный по продовольственному делу по Старооскольскому уезду Беккер.

Новый Оскол. Образован исполнительный комитет. Председатель Арсентьев. 6 марта торжество и чтение манифеста. Порядок образцовый.

Корофа. Образован комитет. Председатель Евдокимов, полиция разоружена. Гарнизон присоединился к народу. Организуется в городе и уезде милиция...

Грайворон... Избран комитет. Председатель Деревенский. Гарнизон присоединился. Порядок образцовый.

Белгород. Образован комитет. Председатель Меранвиль. Штюрмера, арестованного в Белгороде, предложено освободить. Подробных сведений не имеется»⁶.

Параллельно, как и во всей стране, в губернии возникают Советы. Первый из них появился в Белгороде. В Курске решение о создании Совета рабочих депутатов было принято 15 марта на совещании депутатов от служащих и рабочих при Курском исполкоме. Уже 9 апреля Курский Совет рабочих депутатов собрался на своё первое заседание. Вслед за ним возникли Советы солдатских и Советы крестьянских депутатов.

Из-за незначительного числа большевиков, не имевших тогда своей самостоятельной организации в пределах губернии и входивших в состав объединённой организации социал-демократов, главную роль в политической жизни и работе Советов играли меньшевики и эсеры. Сам председатель исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов Александр Алексеевич Аристархов («товарищ Андрей»)⁷, один из основателей первой курской ячейки большеви-

6 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. – Белгород, 1967. – С. 23.

7 Аристархов Александр Алексеевич (4 июня 1875 – 22 февраля 1947) родился в Харькове в семье бухгалтера. Окончил прогимназию и два курса Московского технического училища. В марте 1901 г. арестован за революционную деятельность и выслан на три года в Курск под гласный надзор полиции. Один из основателей Курской большевистской организации. Делегат III, IV и V съездов РСДРП. В марте 1917 г. создал в Курске объединённую организацию РСДРП. Не соглашался с курсом В.И. Ленина и в декабре 1917 г. вышел из РСДРП. Вступил

ков, в тот период находился на меньшевистских позициях (социал-демократ оборонец), хотя и продолжал упорно именовать себя большевиком. Большим авторитетом среди «твёрдых» большевиков, стремившихся к созданию самостоятельной организации, была супруга А.А. Аристархова, Софья Львовна Левицкая — «товарищ Анна». По воспоминаниям старых партийцев, «она была самой настоящей большевичкой, вокруг неё группировался Курский комитет партии». В связи с этим подчас случалось так, что на одном и том же митинге супруги—революционеры выступали с различных позиций⁸.

Солдатская секция совета была в основном представлена «политически активным офицерством», среди которого выделялись народные социалисты полковники Фирсов и Баранов, поручик Данилов и прапорщик Косаковский. Совет крестьянских депутатов оформился в губернии только ко времени своего 1-го губернского съезда 15 августа 1917 г. и находился целиком под влиянием эсеров⁹.

Но помимо общих для всей России того времени черт, Курская губерния отличалась и некоторыми специфическими особенностями политического развития. Здесь, писал официальный партийный историк И.Г. Кизрин, «мы встречаемся ещё и с необычной для других мест формой власти. Этой специфической формой был так называемый Губернский народный совет и его исполком»¹⁰.

в ряды РКП(б) в июле 1918 г. В марте 1919 г. назначен лектором губернской партшколы. В июне командирован в Белгород. Здесь на партсобрании выступил против руководства ЧОНа. Хотя собрание поддержало предложенную им критическую резолюцию, губком исключил А.А. Аристархова из партии. При поддержке ряда курских большевиков дело было направлено в ЦК РКП(б), решением которого Аристархов был восстановлен в членах партии и оставлен работать в Москве в Рогожско-Симоновском исполкоме. Делегат VIII Всероссийского съезда Советов. В 1921 г. назначен уполномоченным по чистке партии. В 1922 г. переведён в Самарский губисполком. Заболев летом 1922 г. нервным расстройством, вернулся в Курск, где издал свои воспоминания (*Аристархов А.А. Летопись революционной борьбы в Курской губернии. Воспоминания. — Курск, 1923*). В 1924 г. участвовал в работе XIII съезда РКП(б) как делегат Тамбовской парторганизации. Далее находился на партийной и советской работе, в 1942 г. получил пенсию союзного значения. Умер в Москве.

8 Стенограмма совещания старых большевиков города Курска 16 октября 1956 г. — Л.11, 37.

Аристархова-Левицкая Софья Львовна (1864–1918) родилась в дворянской семье Льговского уезда. Член РСДРП с 1898 г. В 1901 г. выслана в Курск под гласный надзор полиции. Одна из создательниц Курской большевистской организации. В 1918 г. заведовала ГубОНО. Умерла 24 августа 1918 г. во время выступления перед собранием курских учителей.

9 Подробнее о составе и деятельности Советов см: Комаров А.А. 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 9–26.

10 Кизрин И.Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и Гражданской войны. — Воронеж, 1933. — С. 37.

Он был сформирован в апреле 1917 г. из всего состава временно-го исполкома городской думы, дополненного представителями всех общественных организаций Курска. Инициатором его создания был лидер объединённых курских социал-демократов А.А. Аристархов.

Согласно «Основным положениям о Курского Губнарсовете», это был «временный орган революционной власти народа», перед которым стояли такие цели, как: «а) укрепление завоеваний революции, б) защита этих завоеваний от всякого рода посягательств со стороны приверженцев старого режима и поддержание полного спокойствия и порядка, в) установление непосредственной и прочной связи между правительством и народом, г) содействие правительству в деле защиты страны от внешних врагов и в деле созыва Учредительного Собрания...»¹¹ Председателем его стал эсер И.Е. Пьяных, а сам инициатор А.А. Аристархов удовлетворился положением его заместителя. По сути дела Губнарсовет был призван исполнять роль буфера между комиссаром Временного правительства и Советами или, как выражался И.Г. Кизрин, «он играл роль цепкого тормоза перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую на изучаемом территориальном участке»¹².

Следует отметить, что на протяжении всего периода между Февралём и Октябрём все существовавшие в Курской губернии организации уверенно выступали в поддержку Временного правительства. Это отразилось, в частности, в отношении к известным июльским событиям в Петрограде. В произнесённой на объединённом заседании Совета рабочих и солдатских депутатов 5 июля речи А.А. Аристархов приветствовал разгон вооружённой демонстрации большевиков в Петрограде: «Перед нами стоял грозный призрак гражданской войны. Необходимо было раскрыть большевикам глаза на грозившую России громадную опасность от вооружённой демонстрации. Необходимо было начать тушение пожара, угрожавшего принять колоссальные размеры»¹³. Вслед за этим Совет солдатских депутатов принял 7 июля решение не только о сплочении вокруг правительства Керенского, но и о создании специальных «команд спасения революции». А 12 июля на объединённом заседании исполкома губнарсовета, Совета рабочих и солдатских депутатов, земельного и продовольственного комитета под председательством А.А. Аристархова было принято постановление о создании «Коми-

11 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 27.

12 *Кизрин И.Г.* Курская парторганизация в эпоху Октября и Гражданской войны. — Воронеж, 1933. — С. 38.

13 Курская жизнь. 6 июля 1917.

тета спасения революции». В его состав помимо учредителей вошли также сам губернский комиссар со своими помощниками, представители городской думы, губземуправы и горпродкома¹⁴.

Общественное мнение в этот период также было весьма далеко от поддержки идей большевиков, которых в Курске, в полном соответствии с официальной пропагандой, воспринимали не более чем как «германских агентов». Князь Александр Ратиев, девятнадцатилетний внук бывшего городского головы, крупного купца и фабриканта Г.А. Новосильцева, приехав в середине июля 1917 г. в Курск, сразу же стал свидетелем весьма характерной уличной сцены:

«На площади перед собором дорогу нам неожиданно преграждает возбуждённая чем-то толпа. Человек 300–400. Экипаж останавливается. Желая узнать, в чём дело, встаю в экипаже во весь рост. Отсюда видно, что там, в центре, происходит какая-то борьба, драка.

«Да чего с ним церемониться, с предателем. Вишь, брататься с немцами захотел. Вы его башкой, башкой да об камни. Тудить ему и дорога, сукиному сыну!» — со всех сторон несутся крики одобрения и ни одного протеста. Жутко от сознания своеволия толпы, независимо, к чему бы оно ни было направлено.

Невольно мы стали свидетелями одного из тех самосудов, что стихийно пронеслись по стране после неудачной июльской попытки большевиков захватить власть. Их жертвами, большей частью, оказывались большевистские агитаторы, которые первыми решались возобновить пропаганду.

Слобода, женщины с вёдрами у водоразборного колодца, запах примятой колёсами ромашки... И благостные, мощные звуки колокольного звона Знаменского собора после только что виденного зверства толпы»¹⁵.

Спустя несколько месяцев ситуация в городе, как и по всей стране, начала стремительно меняться.

14 Там же. С. 39.

15 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С.115. Ратиев Александр Леонидович (1898–1981) — сын князя Л.Н. Ратиева (Ратишвили) и В.Г. Новосельцевой, дочери крупного курского фабриканта и землевладельца Г.А. Новосильцева. Окончил Ялтинскую гимназию с золотой медалью в 1917 г. и до осени 1919 г. находился в Курске. При Советской власти работал в отделе учёта и распределения рабочей силы (летом 1919 г. возглавляя его), был мобилизован в роту противохимической защиты. После взятия Курска белыми поступил вольноопределяющимся в 1-ю запасную Марковскую артбатарей, участвовал в действиях против Махно, в боях за Крым. В январе 1920 г. контужен. В эмиграции в Болгарии. Окончил юридический факультет Софийского университета в 1929 г. Владел мебельной мастерской. С 1947 г. работает художником-дизайнером ТПК «Народная мебель». Автор обширных мемуаров, частично опубликованных в Курске в 2007 г.

2. Установление Советской власти в Курске

О перевороте большевиков в Петрограде в Курске узнали уже на второй день. По инициативе исполняющего обязанности губернского комиссара Н.Н. Рождественского 27 октября (9 ноября) в городе был создан Комитет общественного спасения. С этой целью им было созвано объединённое заседание всех курских демократических и революционных организаций. В состав президиума нового органа вошли «неутомимый соглашательский вождь и комбинатор»¹⁶ А.А. Аристархов, прапорщик Коссаковский, Праведников, Талаловский и Пиняев, а также представители комиссариата – сам Н.Н. Рождественский и его помощник П.Г. Ливотов. На заседании 31 октября президиум был увеличен до 13 человек. В его состав были введены начальник гарнизона, городской голова и прокурор. Было объявлено, что именно Комитету принадлежит отныне вся власть в губернии. Вскоре название его было изменено на «Комитет спасения родины и революции»¹⁷.

Октябрьские события не встретили поначалу поддержки в Курске. На заседании Курского совета 29 октября (11 ноября) А.А. Аристархов выступил с яркой речью, доказывая невозможность в России социалистической революции в силу экономической и интеллектуальной незрелости страны. Он квалифицировал Октябрьский переворот как «брешь и раскол в демократическом фронте». Из всех ораторов лишь один большевик Н.Н. Булгаков «защищал большевистскую тактику, да и то не без дипломатии (признание того, что большевики будто бы «совершили ряд ошибок»)». Итогом стало принятие любопытной резолюции:

«Обсудив последние события в Петрограде, Курский совет р. и с. д. признает, что:

1. Захват власти большевиками путем военного заговора является насилием над волей большинства.
2. Что такое сепаратное выступление за несколько дней до выборов грозит срывом Учредительного собрания, т. к. созыв последнего невозможен в обстановке Гражданской войны.
3. Что основной задачей является сплочение всех пролетарских и демократических сил для предотвращения разгрома революции или полного торжества анархии и противодействия натиску контрреволюции.

16 Определение И.Г. Кизрина (*Кизрин И.Г.* Указ. соч. С. 57).

17 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. – 1927. – № 5. – С. 39–40.

4. Что необходимо для ликвидации братоубийственной борьбы создание однородной демократической власти, которая одна способна немедленно приступить к переговорам о заключении мира и передать все земли и дела в распоряжение земельных комитетов и обеспечить созыв Учредительного собрания в назначенный срок»¹⁸.

Следует отметить, что Петроградский переворот 25 октября вызвал отрицательную реакцию даже среди части курских большевиков. Один из них, А.С. Воробьёв, «на заседании в городском доме выступил с исторической речью о том, что я отрекаюсь от такого большевизма, который имеет дело с кровью и насилием»¹⁹. Осудил насильственный захват власти и первый обоянский марксист А.Ф. Непиющий, освобождённый с сибирской каторги Февральской революцией (позднее, правда, он воссоединился с товарищами по партии, став одним из руководителей Обоянского укома)²⁰.

Иначе повёл себя в данной ситуации Белгород — здесь влияние большевиков было гораздо сильнее. Ещё в конце июня 1917 г. «энергичная работа группы большевиков во главе с товарищем Озембловским» привела к расколу среди объединённых социал-демократов. Официальный разрыв произошёл на одном из заседаний в помещении бывшего Купеческого клуба. В разгар заседания большевики удалились в отдельную комнату и там избрали собственный партийный комитет (в его состав вошли Озембловский, Полозков, Мартынов, Полосков, Соколов, Васильев, Загнер, Лозбиорков, Славгородский, Григорьев, Брагин, Костюков и Фрумкин). К этому времени местный Совет, где сильно было влияние большевиков,

18 Кизрин И.Г. Курская парторганизация в эпоху Октября и Гражданской войны. — Воронеж, 1933. — С. 56.

19 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 24.

20 Воробьёв Александр Семёнович родился 20 августа 1875 г. в Дорогобуже в семье священника. Окончил смоленскую семинарию, в 1902 г. за революционную деятельность выслан под надзор полиции в Архангельскую губернию, в 1905–1907 гг. активно действовал в рядах Курской организации РСДРП, а в 1917 г. являлся одним из инициаторов создания самостоятельной большевистской ячейки. Занимал посты члена президиума губревсовета, председателя Курского горсовета, губпродкомиссара.

Непиющий Александр Фёдорович родился в 1883 г. в Обояни, работал телеграфистом на ж.д. станции, в начале 1906 г. был одним из организаторов марксистского кружка. Арестован в 1908 г., отбывал каторгу в Сибири. После 1917 г. был одним из руководителей Обоянского укома, осенью 1919 г. добровольцем ушёл на фронт. В 1920 г. заведовал Льговским отделом народного образования. Делегат X съезда РКП(б). Погиб при подавлении Кронштадтского мятежа.

уже присвоил себе немалую часть властных функций. Здание Купеческого клуба было им захвачено для собственных целей, несмотря на протесты со стороны городской думы. Совет потребовал «очистить клуб в 10 минут». Член думы, врач Голяховский (член партии кадетов) заявил в ответ, что «граждане, от имени которых он выступает, привыкли повиноваться только власти и закону, а не каким-то общественным организациям. Если это требование предъявляется в категорической форме, то он подчиняется в данном случае грубой физической силе, о чём будет телеграфировать в Петроград Совету Министров». Однако даже вмешательство верховной власти не помогло белгородцам — прибывшая из Курска делегация с телеграфным распоряжением А.Ф. Керенского об аресте президиума Белгородского совета сама еле смогла унести ноги обратно, спасаясь от ареста по приказанию Совета. Вскоре Совет поставил под свой контроль местную милицию, аппарат тюрем и самого комиссара Временного правительства эсера Холодова. Пытаясь противодействовать этому, белгородские эсеры создали ещё в мае 1917 г. крестьянский съезд, намереваясь создать собственные органы власти. Совет рабочих и солдатских депутатов командировал на его заседание своего человека. Им был адвокат Л.А. Меранвиль де Сент-Клер — «формальный меньшевик, но склонный подчас проявлять большевистскую настойчивость»²¹. Он пытался произносить на съезде речи о единстве интересов рабочих и беднейшего крестьянства, призывая к объединению крестьянского совета с рабоче-солдатским. Помимо агитации, большевиками «на всякий случай была приготовлена военная группа для демонстрации на случай необходимости вооружённой силы, в коридоре помещения

21 По воспоминаниям Н.А. Ховрина, это был человек «невысокого роста, смуглый, черноволосый, с небольшой бородкой и в очках. Являясь меньшевиком-интернационалистом, он в 1917 году действовал как большевик» (*Ховрин Н.А. Балтийцы идут на штурм!* — М., 1987. С. 174). Уже в 1918–1919 гг. тов. Меранвилью припомнят и его «формальный» меньшевизм, и оппозицию губернским властям. По словам председателя ГубЧК М.И. Лебедева, «в Белгороде меньшевик Меранвиль, захвативший городской Совдеп в свои руки и поддержанный железнодорожными рабочими, повёл решительную борьбу с губернским Центром — Губисполкомом. Здесь ГубЧК и Белгородская уездЧК несколько раз обезвреживали упомянутого Меранвиля, заставляя его по несколько дней сидеть в подвале» (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг.* — Курск, 2005. — С. 226). Оправдываясь перед Советской властью, бывший адвокат писал: «Я состою членом партии с 1904 года, работая непрерывно нелегально и легально... Я уже давно не «интеллигент», та среда от меня в ужасе отшатнулась. В течение всей революции я работаю исключительно как избранник рабочих низов и только в качестве их депутата» (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг.* — Курск, 2005. — С. 143–144).

Съезда были выставлены два секретных поста для связи». В конечном итоге большевикам удалось внести раскол в ряды делегатов. Часть их отделилась от эсеровского большинства и, присоединившись к большевикам, дала им возможность называть Белгородский совет Уездным Советом Рабочих, Крестьянских и Солдатских депутатов. К сентябрю был полностью «обольшевичен» 16-тысячный гарнизон Белгорода, и в итоге уезд оказался «на положении самостоятельной Республики Советов, не подчиняющейся ни Курску, ни Петрограду». На выборах в городскую думу из 40 мест большевики получили 22, а примкнувшие к ним меньшевики–интернационалисты — 5. Председателем думы стал большевик Костиюков, а городская управа оказалась целиком состоящей из большевиков. При такой ситуации неудивительно, что известие об Октябрьском перевороте в Белгороде было воспринято почти буднично: на дверях Совета лишь появилось маленькое объявление — «25 октября и в других городах власть перешла в руки Советов».

Поэтому понятно, что посланные туда из губернского центра специальные делегаты Комитета Спасения натолкнулись на «категорический отпор». Этими делегатами были известный либеральный священник Ломакин и Брагинский, убеждавшие белгородцев создать свой комитет по образцу Курского.

Каким образом курские делегаты были встречены в Белгороде, хорошо видно из описания прений, состоявшихся на городском собрании. Они были опубликованы эсеровской газетой «Курская жизнь» (№ 112 от 18 ноября (ст. ст.) 1917 г.).

«В отношении названия Комитета: „спасение революции от кого? Не от большевиков ли? В Петербурге и в Москве комитеты в союзе с буржуазией вступили в войну с пролетариатом. Не туда ли позовет нас и Курский комитет? Не так ли он будет спасать”. О составе: „В Харькове комиссар посажен военно–революционным штабом в тюрьму, а в Курске — он во главе спасителей революции... Прокурор до сего вылавливал врагов порядка, сажал по тюрьмам революционеров, а теперь с тем же усердием он будет вылавливать врагов революции. Так ли? Это не комитет спасения, а комитет душения революции”... О принципе объединения: „Объединять разные идеологии, значит затемнять их, стирать яркость лозунгов... Это не объединение, а смешение языков, не мобилизация сил, а путаница... Вся власть Советам Раб. Солд. И Крест. Деп... Мы не против объединения сил демократии, но такое объединение возможно лишь вокруг Советов... Никакой другой группировки мы не признаем”... В Белгороде большевистское влияние было большое, несмотря на наличие небольшой организации. Рабочие и крестьяне

целиком шли за большевистскими лозунгами, сознавая, что только большевики действительно осуществляют интересы трудящихся. Совершенно наоборот было дело в Грайвороне, там не было большевистской организации совершенно, было несколько сочувствующих большевикам и К-т спасения был создан. Грайворонские организации были целиком настроены против большевиков, что четко подчеркивалось в выступлениях: ... „Большевики – враги порядка и внутреннего мира... Большевики разрушили Московские храмы... Они зовут народ к погромам и захватам... Травят интеллигенцию... продались Вильгельму”»²².

Эти выдержки достаточно ярко характеризуют и общие настроения населения губернии в тот момент – от крайне-революционных в Белгороде до умеренно-охранительных в Грайвороне.

Наиболее значительную силу, на которую могли опираться большевики в Курске, представляли солдаты городского гарнизона и многочисленные промышленные рабочие. Так, большевиками 27 октября была устроена демонстрация рабочих города. Демонстранты выступали за поддержку событий, произошедших в Петрограде.

28 октября в Курске прошли выборы в городскую думу. Здесь, хотя во главе думы стал упорно числивший себя большевиком А.А. Аристархов, как и в других представительных органах власти, большинство мест оказалось в руках эсеров и меньшевиков. Городская дума на своем первом заседании осудила большевистский переворот и отказалась признавать коммунистическое правительство. Заседание думы было необычайно бурным. Представители буржуазных партий, в первую очередь кадеты, и большевики постоянно обменивались взаимными обвинениями. Наиболее значимой поддержкой для большевиков было признание солдатами Курского гарнизона октябрьского переворота, что значительно снизило активность городской думы.

После перевыборов в Курский совет рабочих и солдатских депутатов председателем его был избран А.А. Аристархов. По предложению большевиков Совет принял резолюцию о доверии Совету Народных Комиссаров, и тогда Аристархов демонстративно отказался от поста председателя. Благодаря его настойчивости на том же заседании Совета была принята резолюция о передаче всей полноты власти в губернии Комитету Спасения.

Для установления советской власти ЦК партии большевиков направил в Курск группу партийных работников²³. В городе при под-

22 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. – 1927. – № 5. – С. 41.

23 История политических партий Центрального Черноземья. – Курск, 1995. – С. 128.

держке революционизированного гарнизона и части рабочих начало решительно пресекаться любое сопротивление советской власти.

Под давлением пробольшевистски настроенных солдат и части рабочих 26 ноября в здании кинотеатра «Гигант» на Херсонской улице произошло объединенное заседание курских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, главным вопросом которого было отношение к власти. Несмотря на рост влияния большевиков в стране, в курских советах по-прежнему преобладали эсеры.

Здесь было принято решение о создании нового губернского органа власти — Революционного совета. Жаркие прения разгорелись по вопросу признания центральной Советской власти. Как вспоминал позднее Е.Н. Забицкий, «большевики потребовали или перерыва с тем, чтобы можно было по секциям обсудить этот вопрос... или же требовали разгрома этого самого чрезвычайного съезда. Аристархов чуть ли не кулаком стучал по моей голове и кричал: «раскальваете демократию, тов. Забицкий, раскальваете». Его фетиш был — демократия... которая приведёт к Учредительному собранию»²⁴. В итоге всё же была принята резолюция, предложенная неутомимым А.А. Аристарховым:

«Обсудив вопрос об организации центральной власти, Курский Совет Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов признаёт, что по созыве всенародного Учредительного Собрания, которое должно быть открыто 28 ноября, вся высшая власть в стране должна принадлежать только Учредительному Собранию, которое должно установить и власть исполнительную. Курские Советы заявляют, что всей своей силой они поддержат Учредительное Собрание, твёрдо веря, что, избранное всеобщим, прямым, равным и тайным голосованием, оно не может разойтись с волей народа, не может нарушить народных интересов, что оно даст крестьянам землю, установит полное народовластие и закрепит все завоевания Революции».

Вслед за этим, 52 голосами за, 9 против при 34 воздержавшихся было принято дополнение к этой резолюции:

«До тех пор, пока власть будет определена Учредительным Собранием, власть должна принадлежать Советам»²⁵.

Таким образом, благодаря преобладанию левых эсеров, на заседании 26 ноября было решено продолжать курс на поддержку будущего Учредительного собрания, которое окончательно определит форму правления в стране. За названную резолюцию голосовали

24 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 14–15.

25 *Камафов А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 44.

представители всех социалистических партий. Исключение составили только большевики²⁶.

При выборе названия для нового властного органа также верх взяло эсеро-меньшевистское большинство. Название «Военно-Революционный Комитет» было отвергнуто как «большевистское», название «Комитет Спасения» — как буржуазное. В итоге победило компромиссное название, и в губернии власть была вручена Революционному Совету.

В его состав вошли: от Совета Рабочих Депутатов — Воробьев (большевик), Коган (меньшевик), Булгаков Н.Н. (большевик), Бабков (большевик), Минаков (большевик), Трубицкий И.Т. (левый эсер), Тулупов А.В. (большевик), Гуляев (большевик), Мухин (большевик), Залесский Л.Н. (большевик); от Совета Крестьянских Депутатов — Праведников А.Н. (левый эсер), Бреусов (эсер), Гридин (большевик), Фролов И.А., Лютой, Строчков Е.Н., Локтионова (левая эсерка), Гуров И.М., Озеров (эсер), Трофименко В.Е.; от Совета Солдатских Депутатов: Забицкий Е.Н. (тогда левый эсер), Белоконь (большевик), Румянцев, Денисов, Садилов. Кроме них входили: Бугаев М., Козлов Ф., Хизун Г., Бурый Ю.И., Трофимов Л.П., Филиппов, Кобьольский, Галкин, Дмитриев и Михайлов, принадлежность которых к конкретным Советам не установлена²⁷.

29 ноября Революционный совет избрал президиум, в него вошли 6 левых эсеров, 1 меньшевик и два большевика. Главой совета избрали Евгения Николаевича Забицкого²⁸. Это была откры-

26 Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 13–14.

27 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 44.

28 Забицкий Евгений Николаевич (ок. 1887 — 26 ноября 1960) — член Союза Социалистов-революционеров-максималистов (ССРМ), затем член РКП(б). С 29 ноября 1917 — председатель Курского губревсовета, руководил установлением Советской власти в Курской губернии. С марта до 9 июля 1918 — первый председатель губсовнарком, затем губисполкома. 11 июля 1918 г. был арестован ЧК в здании Совета по подозрению в причастности к выступлению левых с.-ров в Москве. Освобожден в августе 1918 г. Делегат 4-й Всероссийской конференции СССРМ (4–10 декабря 1918 г.). В своём докладе обвинил РКП(б) в «стремлении к самоизоляции» и к «отгиранию масс», что преступно по отношению к революции. Был избран в состав Центрального Совета СССРМ и в редакцию его центрального органа — газеты «Максималист». В дальнейшем — один из руководителей «Украинской инициативной группы СССРМ» и «Украинской повстанческой группы СССРМ», вёл подпольную деятельность против белых, в т. ч. готовил покушение на А.И. Деникина. В декабре 1919 г. — организатор и лидер стачки московских рабочих пищевой промышленности, в связи с чем был арестован чекистами (Российские социалисты и анархисты после Октября 1917 года. Биографический справочник. Науч.-исслед. и просветительский Центр (НИЩ) «Мемориал». socialist.memo.ru).

венно проходная фигура. Сменивший его в мае 1918 г. большевик А.Ф. Рыннич характеризовал своего предшественника самым нелестным образом: «Забицкий — человек недалёкий, самолюбивый и тщеславный, производит впечатление авантюриста и демагога. Помощник присяжного поверенного и сотрудник московских бульварных газет до революции (по сведениям авторитетных товарищей), он был известен в Курске с конца прошлого года, как человек, стоящий вне партий. На пост председателя совета народных комиссаров [он] был выдвинут солдатской секцией против кандидата с[оциалистов].-р[еволюционеров]...»²⁹. По сути, Забицкого протолкнули на его пост в противовес более влиятельным эсерам сами же большевики, сыграв на известности «человека, стоящего вне партий». Однако позднее большевики, а вслед за ними и советские историки неоднократно обвиняли его во всех грехах, стараясь списать на Забицкого, как на эсера-максималиста, все промахи, допущенные Советской властью в Курске. Но стоит прислушаться к мнению видного революционного деятеля той поры, комиссара 1-го Курского полка Николая Денисовича Токмакова³⁰. Вспоминая прошлое, он откровенно говорил в 1935 г.: «тов. Забицкий — на

29 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 266.

30 Токмаков Николай Денисович (1892–1938) родился в бедной крестьянской семье. Отец его работал в Курске кучером, затем арендовал небольшой надел в районе ст. Отрешково. В семье было четверо детей. Николай учился на кровельщика. Участник 1-й Мировой войны. Был награждён Георгиевским крестом. В Курск с фронта вернулся большевиком. Стал организатором и первым комиссаром 1-го Курского революционного полка. Летом 1918 г. участвовал в боях на Восточном фронте. В период 26 марта — 1 июля 1919 г. являлся комиссаром 9-й стрелковой дивизии. «После разгрома белых партия направила Николая Денисовича в Турцию для оказания помощи в национально-освободительной борьбе турецкого народа против султанского правительства и англо-греческой интервенции. Николай Денисович и с этим поручением партии справился с честью. За боевые заслуги был награждён орденом Красного Знамени». Окончил курсы Военной Академии ВЦИКРЕЛ, стал кадровым военным, жил в Ленинграде, командовал полком. Затем был направлен в Казань для переквалификации в танковые части. В 1937 г. служил начальником штаба Приволжского военного округа. В 1938 г. репрессирован и расстрелян. Хорошо знавший его Н.А. Дюмин сообщает в своих кратких воспоминаниях примечательную деталь: «Своих детей Николай Денисович не имел. Усыновил мальчика Русанова Сашу из Анапы. Дал ему военное образование. По газетным сообщениям, [ныне] Такмаков Александр — командир подводной лодки». Внимания заслуживает то, что даже после ареста и расстрела Н.Д. Токмакова, как «врага народа», приёмный сын продолжал носить его фамилию, хотя имел возможность вернуться к своей собственной и тем облегчить себе жизнь (*Дюмин Н.А.* Воспоминания о первом комиссаре 1-го Курского революционного полка Такмакове Николае Денисовиче. 1968 г. Рукопись. Л. 1–6).

него много лили грязной воды. Тут я должен прямо сказать, что, хотя он и был [эсером]—максималистом, но он был исполнителем воли нашей партии. Ведь если бы он не был исполнителем воли нашей партии, мы бы его не потерпели. Снять, убрать нежелательное лицо — в этом отношении у большевиков недостатка не было. Я могу сказать, что, начиная с ноября месяца вплоть до своего ухода на чехословацкий фронт, я не помню, чтобы когда-нибудь т. Забицкий в чём-нибудь отказывал. Я к нему не приходил с наганом, я к нему приходил, как к старшему товарищу, руководителю данной губернии, и всегда в его лице встречал поддержку»³¹.

Приказ Революционного Совета № 1 от 30 ноября 1917 г. оповестил жителей губернии о переходе власти к Революционному Совету, а приказ № 4 объявил о сложении своих полномочий комиссаром Временного правительства А.П. Марковым—Донским и его помощниками Н.Н. Рождественским и П.Г. Ливотовым. Выслушав постановление Ревсовета, комиссар и его помощник заявили, что «подчиняются реальному соотношению сил и прекращают исполнение возложенных на них Временным Правительством обязанностей и о сложении своих полномочий телеграфно доносят Учредительному Собранию»³².

«Я помню, как мы вошли в этот бывший губернаторский дом, где восседал Рождественский в качестве комиссара Временного правительства и губернатора всей Курской губернии, — вспоминал позднее Е.Н. Забицкий. — Он знал о том, что съезд был, знал о постановлении и не скрылся. Это был чрезвычайно устойчивый кадет, по-своему принципиальный, крепкий, и когда мы пришли и сказали, что «властью восставшего народа вы арестованы», он весь побледнел и сказал: «не признаю этого, это насилие над личностью». Мы сказали тогда: «рассматривайте, как хотите, но сейчас вы арестованы». Его увели наши красноармейцы»³³.

Тогда же прекратил своё существование и Комитет Спасения. Последнее заседание исполкома губернского Народного Совета состоялось 1 декабря. На нём было принято решение о самоликвидации этого органа. С этого момента, как отмечал первый из историков данного периода, А.А. Комаров, «кончилась эпоха игры в «демократизм», игры соглашателей в «единение» со всеми классовыми

31 ГАКО, ф. Р-3139, оп. 8, д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 13–14.

32 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 45.

33 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 16.

группами»³⁴. Попытки сгладить ход революционных перемен, избежать их перехода к жёсткому классовому антагонизму, избежать вспышки насилия и Гражданской войны окончились провалом.

В ближайшие дни после перехода власти к Революционному Совету советская власть была признана на территории всей губернии. В ноябре–декабре ревкомы были созданы в Рыльске, Обояни, Короче, Грайвороне. Исключение составлял только г. Белгород, где советская власть была установлена уже 26 октября³⁵. Ревкомы, руководимые большевиками, разгоняли органы старой власти. Смещались комиссары Временного правительства, распускались уездные земства, городские управы и т.д.

При этом не обходилось без определенного сопротивления. Так, Тимский уездный комиссар Дойников, получив телеграмму о переходе власти к Ревсовету, попросту «оставил её без движения». Позднее он так объяснял, почему проигнорировал смену власти в губернии: «телеграмма не была принята к исполнению, потому что была совершенно неизвестна личность подписавшего телеграмму, телеграмма была совершенно неясна, в Курске ещё существовал губернский комиссар, от которого я никаких распоряжений не получал, сдать свою должность не мог, так как сдавать было некому»³⁶. Аналогичная ситуация складывалась и в других уездах.

Большинство мест в новых властных органах, как в центре, так и на местах, получили левые эсеры. Значительно укрепить свою власть в губернии большевики смогли только после 1 декабря, причем не за счет политической борьбы, а с помощью вооруженной силы. М.Я. Седых, очевидец тех событий, описывает их следующим образом. Во время заседания Совета в зал вошли вооруженные люди во главе с И.П. Павлуновским, который «остановился посередине зала и, не спрашивая у президиума разрешения, властно и четко сказал», что вся власть в стране перешла к большевикам, и вся власть в Курске так же переходит к большевикам. Депутаты стали расходиться по домам³⁷.

2 декабря 1917 г. явочным порядком был создан Революционный комитет, объявивший о перевыборах советов. 24 февраля – 1 марта 1918 г. состоялся I губернский съезд Советов, на котором избрали губернский Совет народных комиссаров в составе 60 человек³⁸.

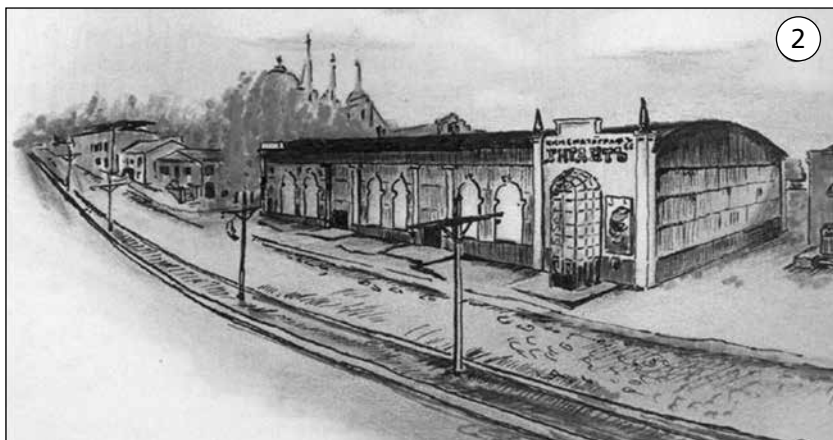
34 Там же. С. 39.

35 История политических партий Центрального Черноземья. – Курск, 1995. – С. 109.

36 *Комаров А.А.* 1917 год в Курской губернии // Известия КГОК. – 1927. – № 5. – С. 46.

37 *Фёдоров Л.* Он все отдавал людям // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 63–64.

38 Страницы истории города Курска. – Курск, 1981. – С. 95.



1. Курский губернский Совет Народных Комиссаров 1-го созыва. 1918 г.
2. Кинотеатр «Гигант». Акварель Г.А. Каминского.

Однако и после названных событий эсеры продолжали преобладать в советах. Влияние эсеров ярко проявилось в голосовании съезда в вопросе о Брестском мире, большая часть депутатов или воздержалась, или голосовала против. В итоге была принята эсеровская резолюция³⁹. «Первый съезд советов мы считаем чрезвычайно большой исторической датой, — заявлял Е.Н. Забицкий уже в 1934 г. — ...Первый съезд советов собрался в чрезвычайно напряжённой обстановке... Основными вопросами съезда были Брестский мир, продовольственный вопрос и организация органов власти. На съезде были представлены основные 2 группировки: большевики и эсеры. Последние уже имели незначительное большинство, но всё же являлись очень упорной группой... По первому вопросу — Брестский мир и перемирие с немцами — доклад делал тов. Брагинский, член ЦИКа. При обсуждении вопроса о Брестском мире эсеры доказывали полезность этого мира»⁴⁰.

Говоря о позиции эсеров, Е.Н. Забицкий несколько обобщает, поскольку единства не было и среди них. Принадлежавший к левым эсерам Брагинский действительно заявлял: «Подписав мирный договор, мы создадим благоприятную почву для углубления революции в России, не предадим интересов трудового народа; наоборот, мы дадим возможность германскому пролетариату немного опомниться и также свергнуть свое правительство». В отличие от него сам Е.Н. Забицкий, числившийся тогда среди эсеров-максималистов, от имени своей фракции провозглашал: «те условия, которые предлагает Вильгельм, есть смертный приговор Советской России: лишившись Красной гвардии, мы не сможем удержаться у власти ни одного дня; потеряв хлеботородную Украину, мы умрем с голоду»⁴¹. В итоге резолюция съезда гласила:

«Условия германских империалистов должны быть признаны неприемлемыми, как губительные для Советской России и наносящие непоправимый ущерб мировой социалистической революции; что война при настоящем состоянии армии, транспорта и продовольствия невозможна для Советской России, так как грозит полным разорением страны и гибелью всех приобретений революции; что само принятие войны с Германией может быть истолковано как акт войны с германским народом». Исходя из этого, Кур-

39 Из протокола I Курского губернского съезда советов // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 174.

40 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 27.

41 Революция и Гражданская война / Курский край. Т. IX. — М., 2006. — С. 99.

ский съезд Советов признал, что «мир на условиях, предложенных Германией, не может быть подписан, но и война не должна быть принята». За эту резолюцию проголосовало 287 человек, против — 35 и 23 — воздержалось. Курский военно-революционный полевой штаб, возглавляемый Е.Н. Забицким, призвал население губернии вступать в партизанские отряды и «начать священную войну против германского империализма»⁴².

«Очень много дискуссий развернулось вокруг продовольственного вопроса, — продолжает Е.Н. Забицкий. — Эсеры не желали считаться с общей политической обстановкой, сваливая всю вину на большевистское руководство в центре и на местах... Представитель большевиков тов. [Д.З.] Мануильский сумел дать крепкий отпор этим наскокам эсеров... Когда разбирался последний вопрос выборов исполнительного органа, то при выборе председателя съезд был под угрозой срыва со стороны эсеров... Благодаря умелому руководству ЦК (больш.) через своего представителя тов. Мануильского Д.З. эта тактика эсеров была бита»⁴³.

Любопытно, что, несмотря на «умелое руководство» Д.З. Мануильского, эсеры сохранили большинство в органах власти. Сам Е.Н. Забицкий стал председателем Губернского совнаркома и председателем сформированного в марте военно-революционного полевого штаба, а позднее и председателем Губисполкома. В президиуме губсовнархоза было избрано 5 левых эсеров, 2 большевика и 1 беспартийный.

Более основательно большевики стали готовиться ко II губернскому съезду Советов. В его преддверии на местах некоторые вполне большевизированные уездные советы стали выражать недоверие губсовнаркому, находящемуся под руководством эсеров. С подобными политическими заявлениями выступили Новооскольский, Фатежский, Курский уездный и некоторые другие советы⁴⁴.

На II губернском съезде Советов, проходившем с 10 по 22 мая 1918 г., большевики уже преобладали. Правые эсеры и меньшевики были объявлены пособниками контрреволюции и стали удаляться из органов власти. Был переизбран Губернский Совет Народных Комиссаров, избранный на I губернском съезде Советов. Но ле-

42 Известия Курского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 33–34.

43 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 28.

44 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. XVI.

вые эсеры по-прежнему обладали значительным влиянием. Так, Е.Н. Забицкий занял пост председателя Губисполкома.

Монополия большевиков на власть установилась после июльско-го мятежа левых эсеров в Москве. Левые эсеры были сняты со всех руководящих постов в губернских органах власти, затем их изгнали из местных советов. В июле председателем губисполкома стал посланный из Москвы большевик А.Ф. Рындич⁴⁵. «За контрреволюционную пропаганду» в Курске была закрыта левоэсеровская газета «Курская жизнь», а ее редактор И.Т. Трубицкий – арестован. Только теперь все ключевые должности оказались в руках большевиков.

Арестованы были также Е.Н. Забицкий и командир 1-го Советского батальона. Конный отряд И.Т. Рожкова, в котором также сильно было эсеровское влияние (располагался на ул. Невского, 3, в будущем Доме колхозника), «разбежался, а командир отряда бежал в неизвестном направлении». Как далее вспоминает участвовавший в этих событиях П.И. Подцуев, «при обыске в квартире бывшего председателя Курского Совнаркома Забицкого было найдено шестнадцать (16) кг золота и золотых ценностей»⁴⁶.

Сведения о найденных ценностях сохранились также в воспоминаниях Луки Палладиевича Чубунова, балтийского матроса, занимавшего одно время должность начальника Дмитриевской ЧК. В изложении последнего история эта обросла совершенно фантастическими подробностями и превратилась в настоящую «пещеру Лейхтвейса»⁴⁷. Суть же истории, вероятно, в том, что большевики

45 Рындич Адриан Филиппович родился в местечке Семёновке Черниговской губернии в 1897 г. в семье кустара-сапожника. Согласно мемуарным источникам, в период революции 1905 г., «несмотря на его детский возраст, он был связан с социал-демократической организацией. Распространял листовки, был связанным на массовках. Впервые в эти годы был подвергнут репрессии: его отстегал нагайкой вахмистр казаков карательной экспедиции генерала Рудова за то, что он распевал революционные песни» (*Рындич М. В борьбе за Советскую власть* (рукопись). Л. 7). С 1911 г. член РСДРП(б). Окончил фельдшерскую школу в Чернигове (1912 г.). Арестован осенью 1916 г. и по приговору военно-полевого суда отправлен в Воронежский гарнизон, где и застала его Февральская революция. Вернувшись в Семёновку, был избран членом Учредительного собрания от большевиков. Переезжает в Петроград, затем в Москву. По решению ЦК РКП(б) вместе со своим братом Владимиром направлен на работу в Курскую губернию. После Курска работал в системе Наркомпроса РСФСР.

46 ГАКО, ф. Р–3139, оп. 8, д. 7, л. 38.

47 Главными злодеями в этой саге о сокровищах губисполкома, разумеется, выступают курские эсеры. «Во время работы в губисполкоме Забицкий и Трубицкий часто разговаривали друг с другом на польском языке... Я почти не знал польского языка, но смысл некоторых фраз мне удалось разобрать... в разговоре часто повторяли выражения «Список поименных вещей», «всё ли там благополучно?». Долго я думал, что могли означать эти слова, но так сначала и не мог разгадать их

конфисковали, наконец, ту «контрибуцию», что выплачивала городская буржуазия Советской власти. Взимание «контрибуции», как в виде наличных денег, так и в виде золота и иных ценностей, было одним из направлений в политике Советской власти по отношению к «эксплуататорским классам». Подобная контрибуция была наложена и на зажиточных граждан Курска. Согласно сведениям того же П.И. Подцуева, она составляла «золотом и серебром до миллиона рублей». Судя по всему, изъятые ценности долгое время никуда не переправлялись и были учтены лишь при полной «большевизации» Советской власти в июле 1918 г. Это и породило слухи о «эсеровском кладе».

После II губернского съезда Советов его большевистская фракция выступила организатором созыва губернской партийной конференции. Конференция прошла 14 июля, на ней был создан губернский комитет РКП(б)⁴⁸. Впервые появился официальный общегубернский орган партийной власти. Численность большевиков во всей губернии тогда не превышала двух тысяч человек.

смысл. И вот однажды на письменном столе Забицкого я обнаружил лист бумаги с таинственной надписью: 2х-Г?0-4. Этот ребус был обведён красным карандашом, и в кружке мелким почерком Забицкого было написано: «Выждать». И тут я вспомнил, что подобные знаки, высеченные каким-то острым предметом, уже встречал на стене, когда осматривал подвальное помещение губисполкома. Тогда я спросил коменданта эсера Гнездилова об их происхождении, и он на мой вопрос ответил, что это знаки пожарной охраны. С несколькими красногвардейцами, захватив с собой лом, я отправился в подвал. Выломав в стене несколько кирпичей в том месте, где была надпись, мы обнаружили замурованную дверь. Она вела в потайную кладовую. Здесь были собраны целые сокровища. Ряды полок были уставлены серебряной и золотой посудой. В правом углу у входа находился большой кованый сундук с драгоценностями. Мы позвонили в финотдел т. Малькину с просьбой прислать уполномоченных и транспорт, чтобы забрать ценности. Содержание кладовой увезли на 4 грузовых машинах. Как потом выяснилось, эти ценности эсеры собирали от дворян и купцов. Припёртые к стене заговорщики расшифровали нам и значение таинственной надписи. Два икса это у них обозначало Забицкого и Трубицкого, написанная через тире буква «Г» — фамилию коменданта Гнездилова, знак вопроса — было условное обозначение доверенного лица дворян, сдавших ценности эсерам, а цифра 0-4 говорила о том, что кроме этих четверых врагов советской власти об этих ценностях никто не знал» (*Чубунов Л.П.* За власть Советов! // Простор. № 6. 1957. — С. 26). Под пером мемуариста эсеры превратились в сообщников дворян и купцов, у которых они принимают ценности на хранение, на столе главного заговорщика запросто валяется таинственная шифрованная записка, подписанная «знаком четырёх», на стене подвала возникают загадочные знаки, а в тайнике сияют груды золота и серебра, для вывоза коих потребно не менее четырёх грузовиков (в сравнении с этими совершенно меркнет пуд золота из мемуаров Подцуева). Судя по всему, в буйном воображении бывшего балтийского матроса просто всплыли давние впечатления от чтения бульварной литературы.

48 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 96.

На первой и последующих губернских партийных конференциях, кроме собственно партийных вопросов, на первом месте у большевиков всегда стояли вопросы управления губернией. Например, круг вопросов II губернской партийной конференции был следующим: работа губпродкома, губземотдела, губернской ЧК, губсовнархоза, губвоенкомата и т.д.⁴⁹ Продовольственный вопрос был одним из самых основных весь период Гражданской войны. Не снижая остроты продовольственного вопроса, начиная с 1919 г. таким же важным становится военное строительство, в связи с укреплением антибольшевистских движений. Советам, таким образом, отводилась только роль ширмы для законного прикрытия деятельности коммунистов.

Эсеры, традиционно пользовавшиеся в губернии наибольшим влиянием, пытались оказывать сопротивление политике коммунистов. При поддержке крестьянства они настаивали на своем представительстве в Советах, на руководстве земельными и продовольственными отделами, требовали снятия запрета на печатание левых эсеров, выступали против политики комбедов. В первых числах сентября в Курск из Москвы прибыл максималист Волох. Ему удалось собрать «старых подпольщиков» и «активных максималистов» на конференцию. По заданию ЦК он предлагал немедленно «приступить к организации ряда экспроприаций, в том числе и губчека, где хранилось много ценностей», а также к террору против «отдельных ответственных работников-коммунистов». Такую тактику Волох объяснял тем, что «к коммунистам можно относиться как к захватчикам, держащим власть насильем и террором». Предложения Волоха вызвали раскол среди курских максималистов. Многие из них покинули конференцию, о которой вскоре стало известно губчека. Группа заговорщиков уже на следующий день была арестована (Волоху удалось скрыться). После этих событий многие максималисты покинули ряды своей партии, вступили в ряды РКП(б)⁵⁰.

Между тем большевики заявили, что в Советах останутся лишь те эсеры, которые «подадут заявления о своей несолидарности с ЦК». Вскоре после Московских событий 6 июля начались повальные аресты эсеров. Уже 10 июля нарком внутренних дел Г.И. Петровский потребовал от губернских Советов «немедленно принять все меры к задержанию и поимке «участников мятежа»,

49 Из протокола II курской губернской конференции РКП(б) // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 420–436.

50 Революция и Гражданская война / Курский край. Т. IX. — М., 2006. — С. 103–104.

«пытавшихся поднять восстание против Советской власти, арестовывать, предавать военно-революционному суду» «сопротивляющихся расстреливать», а «всех поддерживающих, одобряющих авантюру левых эсеров немедленно устранять». Действуя в духе подобной политики, курский губвоенком Мазалов направил во все уездвоенкоматы распоряжение, в котором предписывалось «не позднее 1 октября 1918 г. уволить всех уездных и волостных комиссаров, не принадлежащих к коммунистическим и социалистическим партиям. Предписывалось представить список уездных и волостных комиссаров с указанием их партийности». А немногим позже представители иных партий кроме РКП(б) были уволены⁵¹.

Очень часто по отношению к своим бывшим союзникам большевики стали применять силу. Левый эсер А.В. Барышников был избит, арестован и помещен в тюрьму только за то, что попросился выступить. Его обвинили в попытке «возбудить массы против Советской власти». И хотя у местной ЧК не было оснований для содержания его под стражей, а сам он обладал неприкосновенностью как член ВЦИК, на свободу его выпустили лишь в середине августа 1918 года. Был арестован и заведующий отделом юстиции Курского губисполкома эсер Чайкин⁵². Первое крупное дело, которым занималась Курская ГубЧК, было дело левого эсера М.В. Слувиса и эсера-максималиста Е.Н. Забицкого. Они, как уже упоминалось, были арестованы 9 июля 1918 г. по обвинению в причастности к апрельскому «контрреволюционному мятежу» в Курске.

В итоге в течение 1918 г. все губернские советские учреждения в г. Курске были полностью очищены от так называемых саботажников, т.е. меньшевиков и эсеров заменили коммунистами. При этом сами большевики редко имели подготовленные кадры для занятия ответственных должностей. Например, губернские власти города Курска в конце 1918 г. ходатайствовали в Москву о присылке из центра людей, способных создать отдел по проведению в жизнь декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», своих кадров не было⁵³. Власти из-за своей некомпетентности не обладали даже точной информацией по многим делам управления в г. Курске и губернии. Наиболее работоспособной организацией

51 Там же. С. 104–103.

52 Там же. С. 105.

53 Емельянов С.Н. Власть и церковь: Эволюция государственной религиозной политики и институтов церковного управления в губерниях Центрального Черноземья. 1917–1922. – Москва–Курск, 2001. – С. 40.

города Курска весной 1918 г. была городская комиссия совдепа, бывшая городская управа⁵⁴. Губернские и уездные комиссары не имели плана работы на ближайшее время⁵⁵.

3. Установление Советской власти на территории губернии

Процесс установления Советской власти в губерниях Центрального Черноземья растянулся с октября 1917 года по март 1918 года. В Курской губернии, в результате сильного влияния пролетариата Харькова, установление Советской власти началось с южной части: в октябре–ноябре Советская власть победила в Белгороде, Старом Осколе, Льгове. Установление Советской власти в уездах проходило не всегда спокойно. Так, в Дмитриевском уезде (Курская губерния) правые эсеры, захватив в свои руки инициативу, создали Революционный Совет. Но состав Совета постоянно менялся. Причем до июля 1918 года в число членов Совета входили представители различных политических партий. Однако большинство все же было на стороне левых эсеров. Так, из 22 членов Совета – 13 являлись левыми эсерами, 1 – максималистом, 7 – большевиками, 1 – беспартийным. Председателем Совета был максималист А. Павлов. Левые эсеры возглавляли военный отдел (Н. Васечкин), казначейство (Р. Корнеев), комиссариат земледелия (Н. Куликов, М. Паниютин и С. Савельев), комитет продовольствия (Т. Цаценко), комитет юстиции (Я. Надобных), отдел народного хозяйства (К. Пикнов и А. Винокуров), городской отдел (В. Волков), отдел просвещения (Н. Зикеев), отдел по борьбе с контрреволюцией (С. Сахаров)⁵⁶.

Иная картина наблюдалась в исполкоме Льговского Совета крестьянских, рабочих и солдатских депутатов в декабре 1917 года. Среди 22 членов исполкома было 3 большевика, 16 социалистов–революционеров максималистов: Г.Г. Пгус, П.Т. Кравченко, Я.Г. Се-

54 Доклад Всероссийскому центральному исполнительному комитету члена комитета А.В. Христева о положении советской власти в Курской губернии // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 257.

55 Отчет о II Курском губернском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 264.

56 *Комаров А.А.* Советская власть в Дмитриевском уезде Курской губернии в 1918 году (материалы) // Известия Курского губернского общества краеведения № 6, ноябрь–декабрь 1927. – Курск, 1928. – С. 17.

чинский, К.А. Ершов (сочувствующий), В.М. Синяев, М.А. Шифрин, А.А. Тверенков, П.Г. Егоров, Г.И. Динник (центрист), С.Д. Данилин, А.А. Фрундин, К.Г. Сокульев, Н.Г. Зубков, И.Ф. Мякишин, Ф.Я. Морозов, В.Н. Григорьев, А.И. Трэфлебов, П.П. Авилов, 1 – социалист–революционер центрист, 1 – беспартийный, 1 – сочувствующий эсерам⁵⁷.

Весьма своеобразно была установлена власть Советов в Обояни. Позднее очевидец–большевик с некоторым удивлением отмечал, что «Октябрьские события для Обоянского уезда прошли незаметно, а в городе были встречены недоумением. Уезд и город на них не реагировал... Учреждения продолжали функционировать, и всё шло по–старому»⁵⁸. Вскоре, однако, город отреагировал, но реакция эта оказалась не той, что ожидали большевики. Вернувшийся из Курска А.Ф. Непиющий, возглавлявший в то время Продовольственную управу, сообщил, что «продовольственный комитет в Курске разгромлен большевиками и предложил готовую резолюцию протеста: «Продовольственная управа, не признавая власти большевиков, подчиняется силе и уходит». В городе сложилась необычная ситуация, когда центром политической активности стало именно это ведомство, во главе которого находился наиболее известный обоянский революционер. Именно Продовольственная управа стала играть в эти дни «доминирующую роль, группируя вокруг себя старых и молодых эсэров и группы старых знакомцев из низов», а сам Непиющий «довольно резко и отрицательно стал в оппозицию текущего момента»⁵⁹.

В начале декабря 1917 г. на очередном земском собрании был зачитан доклад депутата Учредительного собрания от Обоянского уезда эсера Русанова «о случившемся в Петрограде факте захвата власти большевиками и о разгоне Учредительного собрания». Это и выступления докладчиков, среди которых особенно выделялся правый эсер Скрыпченко, настолько подействовали на «некоторых из гласных крестьян из кулачков и попов, что они, сидя, подпелись ладонями в щёки, всхлипывали». Когда же левые эсеры Н.И. Колесниченко и Г.Л. Клименко попытались оправдать действия большевиков, то «негодованию гласных не было предела» и в итоге обоих ораторов «вывели из зала под ручки»⁶⁰.

57 ГАКО. Ф. Р–865. Оп. 1. Д. 11. Л. 145.

58 Очерки по истории революционного движения в Обоянском уезде Курской губернии // Летопись революционной борьбы в Курской губернии. – Курск, 1923. – С. 27.

59 Там же. С. 27–28.

60 Там же. С. 28.

Ситуацию переломило прибытие в Обоянь большевиков из числа солдат-фронтовиков. Из их числа особой активностью отличались С.В. Козлов, С.И. Аносов, Г. Перлин и Дронов. На созванном под их напором в середине декабря 1917 г. съезде уездных представителей они подвергли резкой критике своих умеренных предшественников. Не ограничиваясь словами, «горячие головы, вроде неистового Козлова» требовали даже расстрела А.Ф. Непиющего. Их действия вскоре получили поддержку со стороны губернского центра. «2 января из Курска прибыл отряд красногвардейцев во главе с левыми эсерами Н.И. Колесниченко и Г.Л. Клименко (начальник Лазарев), — вспоминал П.П. Афанасьев. — Заняли дом земства, Лазарев расставил на балконе пулеметы и дал в сторону базара две небольшие очереди. Базар сразу очистился. Колесниченко вывесил объявление: «Город Обоянь объявлен на военном положении». Затем был организован Военно-революционный Совет, в который вошли: 5 большевиков, 6 левых эсеров, 15 правых эсеров, 5 меньшевиков»⁶¹. Окончательно утвердились большевики в Обояни после уездного собрания 7 января 1918 г., на котором председательствовал прибывший из Одессы большевик С.В. Козлов (уроженец с. Ольшанка). «Это был человек, полный огня, ходячая олицетворённая сила, рождённая в буре революции», — с провинциальной выпренностью характеризует его один из соратников по борьбе. Согласно его же описанию, «собрание было очень бурное. Зал клокотал, как котёл; выкладывались все мысли наружу, и хотелось каждому всё сказать, что у него накипело на душе за всю жизнь». Уездный комиссар правый эсер Скрыпченко пытался противодействовать натиску большевиков и даже предложил арестовать Козлова. Однако крестьянское большинство собрания, услышав от Козлова, что «власть, земля, леса и имения уже принадлежат народу без дальнейших разговоров», не поддержало эту идею. «Это был последний вздох демократии, который был задавлен негодующей массой», — радостно подводит итог мемуарист⁶².

В целом же Советская власть в уездах и на более низком уровне устанавливалась примерно по тому же сценарию, что и в самом Курске. Типичным примером этого являются события в Тимском уезде, подробно описанные в своих мемуарах одним из организаторов Советской власти в Тимском уезде М.Н. Черниковым.

61 Позднее боевые соратники так поэтически характеризовали товарища Лазарева: «живое дитя народа, буйная кипучая молодая бесшабашная голова, олицетворение безумной дерзости, пыла и порывов» (Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 30).

62 Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 29.

В Тимском уезде правые эсеры организовали в конце декабря 1917 года свой «ревком». Однако на 1-м уездном съезде Советов, состоявшемся в конце января 1918 года, ревком был переизбран. В него вошли 15 большевиков, 3 левых эсера, 1 эсер-максималист и 3 беспартийных⁶³.

В связи с изменившейся общей политической ситуацией в Тиме 27 января был созван местный представительный орган власти, состоявший в основном из эсеров, Народный совет. Как утверждает М.Н. Черников, «в разосланных на места повестках был указан один только вопрос для обсуждения на уездном Народном совете – доклад лидера тимских эсеров Кутепова об Учредительном собрании. Никаких упоминаний об организации новых органов Советской власти в повестке не было указано. И это не случайно. Эсеры рассчитывали при обсуждении доклада Кутепова дать отпор большевистским делегатам, протащить на совете антисоветское решение и удержать руководство уездом в своих руках».

Если у эсеров действительно имелись подобные замыслы, то они имели и все шансы добиться их осуществления: «27 января возбужденные предстоящей борьбой делегаты заполнили зал уездной земской управы. Все свободные места в зале и все прилегающие к нему комнаты до отказа были заполнены горожанами. Среди них были купцы, демобилизованные офицеры, сбежавшие из своих имений помещики. Вся эта категория зрителей была злобно настроена по отношению к советскому строю, к большевикам. Настроение зрителей из служащих, трудовой интеллигенции было выжидательное, настроенное: эсеровская пропаганда сумела очернить в их глазах большевистскую партию.

От имени уездного ревкома заседание открыл эсер Пожидаев и предложил избрать президиум. Но тут же поступило заявление, что в числе делегатов от городского Совета находятся лица, состоящие до революции в монархической организации. Исключение черносотенцев из числа делегатов прошло единодушно. Но часть наиболее реакционно настроенной городской публики подняла шум в знак протеста против исключения черносотенцев – избранников города.

После ряда предложений о количественном составе президиума было решено избрать президиум в составе семи человек. Но за персональный состав президиума развернулась ожесточенная борьба. Большевики вместе с сочувствующими им беспартийными, составляя большинство, могли бы без особых затруднений

63 ЦДНИКО. Ф. 16. Оп. 1. Д. 43. Л. 67.

обеспечить выбор президиума из своей среды. Однако борьба за персональный состав президиума продолжалась целый день. Дело в том, что у большевиков не доставало организационного опыта в борьбе со своими политическими противниками. Не было у них и руководящего органа на месте. Все делегаты–большевики впервые встретились на уездном собрании и до этого почти не были знакомы между собой. Беспартийные делегаты, сочувствующие большевикам, в острые моменты напряженной борьбы не всегда обладали должной выдержкой.

В других условиях находились эсеры. У них в уездном городе уже давно был свой партийный руководящий орган, состоящий из людей с большим организационным опытом. Почти все эсеровские делегаты были участниками предыдущих пленумов уездного Народного совета. Конечно, эсеры, руководившие созывом Народного совета, могли провести заблаговременно организационную работу или хотя бы выдать мандаты представителям от тех или иных партий. Но это не входило в их расчеты. Наоборот, эсеры умышленно стремились создать в работе Народного совета побольше неразберихи.

Немаловажное значение имело и то, что на стороне эсеров было сочувствие многочисленной городской публики, враждебно настроенной по отношению к большевикам. При таких условиях обсуждение и голосование каждого из выставленных кандидатов в президиум протекали при бурных неорганизованных прениях и криках.

Только поздним вечером закончился выбор членов президиума, и измученные, охрипшие делегаты разошлись на отдых. В президиум оказались избранными следующие делегаты: Ровенский, Корвин, Зеленин, Кашин, Герасимов, Громов. Пять большевиков и два левых эсера. Все отчаянные попытки эсеров–учредителей (как их тогда называли) протащить своих кандидатов в президиум провалились.

На другой день обе стороны приготовились к новой решительной схватке. Как и в первый день, все свободные места были до отказа заполнены городской публикой. Но на этот раз на заседание явились большевики партийной организации пригородного села Выгорное–3. Из-за опоздания они вынуждены были расположиться у входных дверей и на крыльце здания. После краткого совещания президиум избрал из своего состава председателем собрания Ровенского, секретарем Кашина.

Заседание открылось докладом лидера тимских эсеров Кутепова об Учредительном собрании. Опытный докладчик и оратор,

Кутепов свой почти полуторачасовой доклад посвятил заслугам эсеровской партии и невозможности победы социалистической революции. Кутепов подробно рассказал о работе Учредительного собрания и роспуск его характеризовал как акт самоуправления со стороны большевиков. Кутепов заявил, что только Учредительное собрание правомочно устанавливать государственный строй в России. С целью повлиять на слушателей свой темпераментный доклад Кутепов закончил, потрясая листком наказа: «Товарищи крестьяне, представители уезда! Скажите, прав ли я был, защищая Учредительное собрание по вашему наказу? Скажите мне здесь, иначе я жить не могу!»

Уже во время доклада атмосфера в зале начала накаляться, а по окончании его — разразилась бурным взрывом. Исступленный рев, рукоплескания эсеровских делегатов и зрителей, яростные вопли из зала «Долой большевиков!» и другие слились в сплошной гул, в котором потонули протестующие голоса большевистской части собрания. Члены президиума покинули места за столом и бросились в бущующий зал, чтобы навести какой-либо порядок. Большевистские делегаты оказались зажатыми среди разъяренных эсеровских делегатов и враждебного окружения многочисленной городской публики. Несколько делегатов-большевиков, в особенности сидящих на последних рядах, были сбиты с ног и получили ушибы. В этот момент пригородненские большевики бросились на помощь к своим товарищам.

Появление в зале организованной и значительной группы пригородненских большевиков заставило присмиреть наиболее обнаглевших и распоясавшихся пособников эсеров из городских зрителей и облегчило борьбу делегатов-большевиков со своими противниками. Кутепов покинул трибуну и убежал домой.

Когда все успокоились, президиумом было послано Кутепову приглашение прибыть на собрание для участия в прениях по его докладу. Но Кутепов, напуганный такой бурной реакцией на свой доклад, от явки на собрание отказался. Решено было обсуждать доклад Кутепова без него, хотя пришлось отразить выпад эсеров, обвинивших большевиков в уходе Кутепова с заседания.

Первым в качестве оппонента от большевиков выступил Коровин, делегат от Никольской волости. Ответив на выпады Кутепова против партии большевиков, Коровин подробно рассказал, как эсеровская партия, кичившаяся заслугами в борьбе с самодержавием, во время революции стала прислужницей буржуазии и предала интересы трудящихся. Эсеровское учредительное собрание не отражало волю трудящихся. Выразителем интересов рабочих и кре-

стьян является только советский строй. Горячая убедительная речь Коровина неоднократно прерывалась криками и шумом со стороны эсеров.

Выступившие Афанасьев, Ровенский, Герасимов, Громов и другие раскрыли предательскую роль эсеров в революции и доказывали, что только советский строй, руководимый партией большевиков, дал трудящимся мир и землю.

Несмотря на бегство с поля битвы своего лидера Кутепова, эсеры не сдались и пытались продолжать бой. После выступления рядовых эсеров слово взял один из их лидеров Стукалов. В начале речи он заявил, чтобы по повязанному галстуку его не приняли за буржуа и что у него, кроме галстука и чачотки, полученной в сибирской ссылке, ничего нет. Затем Стукалов разразился погромной антисоветской речью с призывом к свержению советского строя. Под неистовый рев и рукоплескания эсеров и их пособников распоясавшийся Стукалов закончил свою речь здравицей Учредительному собранию.

Другой из эсеровских лидеров Полянский в своем выступлении повел атаку на советский строй «с деловой стороны». В своей пространной речи он пытался доказать, что рабочие и крестьяне не обладают ни опытом, ни знаниями для управления хозяйством, и потому приход их к власти приведет к расстройству хозяйственной и политической жизни страны. Выступления Стукалова и Полянского сопровождалась бурной реакцией. Возмущение большевиков вызвало выступление кадета Дойникова, уездного комиссара Временного правительства. Начав свою речь обращением к собранию «господа», Дойников разошелся до того, что назвал собрание незаконной безответственной кучкой, избранной на местах такими же безответственными собраниями. Беспорочно наглая и оскорбительная речь Дойникова вызвала бурное негодование и возмущение не только со стороны большевиков, но даже и некоторой части эсеров, обиженных содержанием речи своего союзника. В результате оратор, выкрикивающий плохо слышные за шумом какие-то угрозы большевикам, был стащен с трибуны своими же единомышленниками. Только к вечеру закончилась жаркая дискуссия по докладу Кутепова.

После перерыва в зале установилась более спокойная обстановка. Потерпев поражение на дневном заседании, эсеры притихли. По предложению большевиков было принято решение считать настоящий состав Народного совета первым уездным съездом Советов и приступить к избранию уездного революционного комитета. Однако эсеры, потерпев поражение на съезде в

лобовой атаке, предприняли попытку сорвать выборы ревкома. Некоторые эсеровские делегаты выступили с заявлением о неправомочности данного состава съезда проводить выборы ревкома, мотивируя это тем, что на волостных собраниях делегатам были даны полномочия только для обсуждения доклада Кутепова. Поэтому предлагалось на волостных собраниях провести новые выборы делегатов на уездный съезд с полномочиями для выбора уездного ревкома. Такое предложение отодвигало организацию советского строя в уезде и давало возможность эсерам перестроиться для дальнейшей борьбы. Аргументы эсеров казались убедительными, и многие делегаты-большевики уже были готовы поддаться на хитрую эсеровскую уловку. Немало стоило труда председателю съезда Ровенскому и другим делегатам, понявшим маневр эсеров, разъяснить съезду смысл эсеровского подвоха. В результате абсолютное большинство съезда приняло решение приступить к выборам уездного ревкома. Некоторые наиболее упорные эсеровские делегаты, видя провал попытки сорвать выборы ревкома, в знак протеста покинули съезд.

После обмена мнениями было решено выборы провести по территориальному признаку: от девяти волостей — по два представителя, от Мантуровской волости и города — по одному представителю в состав ревкома. С удовлетворением отмечая, что учительский союз явился единственной профсоюзной организацией, командировавшей своих представителей на уездный съезд, было вынесено решение предоставить учительскому союзу два места в уездном ревкоме. Так, большевики, которых буржуазная пропаганда обвиняла в некультурности, продемонстрировали свою оценку значения трудовой интеллигенции в строительстве нового советского строя.

Уездный революционный комитет был избран в составе 22 человек — Я.Ф. Афанасьев, Г.И. Безлепкин, Ф.В. Булгаков, М.К. Герасимов, А.Г. Громов, М.И. Еськов, М.М. Жилин, М.М. Зеленин, Иванов, Кашин, Коровин, Селютин, А.А. Мазалов, Филатов, М.Н. Черников, Яковлев. По партийному составу: большевиков — 15, левых эсеров — 3, эсеров-максималистов — 1 и беспартийных — 2 человека»⁶⁴.

Таким образом, хотя Народный Совет и выступил с поддержкой Учредительного собрания, собранные по пригородным селам большевики фактически силой заставили эсеров удалиться. В итоге во вновь созданном ревкоме большевики заняли господствующую

64 *Черников М.Н.* Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. — Курск, 1963. — С. 94–99.

щее положение, причём и председателем его стал большевик Иван Захарович Ровенский⁶⁵.

Однако, как был вынужден признать тот же С.Н. Черников, «первое организационное заседание уездного ревкома не обошлось без инцидента, который мог бы повлечь за собой серьезные последствия. Врагами советского строя были распущены среди городского населения провокационные слухи, будто бы ревком на закрытом заседании обсуждает вопросы о массовых арестах городского населения, о закрытии церквей и т.д.

Около здания земской управы собралась огромная возбужденная толпа, среди которой было много пьяных. Слышались брань, угрожающие крики. Вскоре толпа перешла к активным действиям: наиболее осмелевшие ворвались в пустующий зал земской управы, а оттуда в комнату заседания ревкома. Ревком оказался фактически заблокированным в одной комнате возбужденной толпой. Но все члены ревкома соблюдали спокойствие и выдержку. Покончив с организационным вопросом, они перешли в зал заседаний и заняли места за столом. Председатель Ровенский объяснил собравшимся деловые причины проведения организационного заседания ревкома в закрытом порядке. Были опровергнуты провокационные слухи о каких-то агрессивных намерениях ревкома в отношении городского населения. В заключение было объявлено, что пленарные заседания ревкома будут проводиться в открытом порядке, на которых будут присутствовать все желающие. Внушительный вид Ровенского в матросской форме, его спокойный твердый тон успокаивающе подействовали на толпу. Люди начали задавать деловые вопросы, наиболее благоразумные стали одергивать горлопанов и провокаторов, которые, видя провал своего плана, постепенно исчезли»⁶⁶.

Однако, ощущая шаткость своего положения, новая власть поспешила принять меры по упрочению своего положения: «из этого случая был сделан вывод о необходимости принятия срочных мер для обеспечения безопасности и создания более спокойной обстановки в работе ревкома. Был пересмотрен состав милиции с укреплением ее надежными кадрами. Начальником уездной милиции был назначен большевик И.С. Семькин, работавший до своего назначения секретарем партийной организации с. Выгортное-3. Через военный комиссариат членам ревкома было выдано

65 Кутепов К. В борьбе создали Советы // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 215–216.

66 Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. – Курск, 1963. – С. 100.

оружие, установлена связь между отделами ревкома при помощи полевого телефона, установлено ночное дежурство в помещении президиума. Введено ночное патрулирование. Ночные дозоры вместе с милицией несли члены ревкома. Началась организация Красной гвардии путем тщательного отбора кандидатов через волостные ревкомы и партийные организации. Вскоре в городе был сформирован отряд Красной гвардии, в который вступило много пригородных большевиков. Командиром отряда был назначен большевик И.Н. Кретов, демобилизованный строевой унтер-офицер из крестьян с. Соколя Успенской волости»⁶⁷.

По сходной схеме проходили аналогичные события и в других уездах Курской губернии.

В Грайворонском уезде установление Советской власти стало побочным результатом доклада, сделанного вернувшимся из Петрограда делегатом III Всероссийского съезда Советов. Как вспоминал позднее этот делегат, председатель укома РКП(б) Л.И. Краснокутский, в его уезде «Октябрьский переворот прошёл тихо, никаких жертв не было. Власть продолжала оставаться по-прежнему в руках тех же земств, только был создан, наряду с земством, так называемый уездный распорядительный комитет, куда вошли выборные от каждой волости по 2 представителя. Комитет на 75% был эсеровско-меньшевицким, а 25% — большевицкого течения. Задача этого комитета была следить за порядком в уезде, так как уездное земство было бессильно... На III Всероссийский съезд требовалось представителей 3 человека от Грайворонского уезда, и бывший исполком выделил 2 представителя от себя и одно место дал распорядительному комитету, от которого был командирован я. Кроме съезда мне было поручено побывать во всех наркоматах и получить инструкции по организации Красной гвардии, ревтрибунала и т.п. Когда я возвратился в январе 1918 г. из Петрограда, для ознакомления с положением было созвано заседание уездного земства, на котором я делал доклад о поездке. На этом съезде много присутствовало прибывших с фронта солдат. После доклада и вопросов открываются прения, в которых выступали Климов Сергей — анархист, Архипов, которые клеймили совнарком и большевиков... После речи Архипова в зале поднялся шум. Я прошу вне очереди слова, чтобы успокоить публику и разъяснить предательскую политику Архипова. Мне слова не даёт председательствующий, некий Деревенский, «народный социалист». Потом по требованию находящихся там солдат слово было дано, и когда я стал обвинять

67 Там же. С. 101.

Архипова в предательстве, в зале раздался крик: «Бей их, предателей!» Все присутствующие бросились бежать, давили друг друга, и через 2–3 минуты зал был пустой. Земские мудрецы разбежались. Тогда там же было сделано экстренное заседание распорядительного комитета, где присутствовали члены РСДРП(б) Сорочинский и я, и там было постановлено уездное земство считать распущенным. После чего власть перешла к исполнительному комитету, а распорядительный комитет был тоже ликвидирован»⁶⁸.

В Фатеже после Февральской революции, как и везде, был создан исполнительный комитет городской думы, в состав которой вошли крупнейший землевладелец уезда князь И.Н. Мещерский, исправник фон Розен, солдат А. Винокуров и др. Немногочисленных большевиков города возглавляли И.А. Фатьянов, И.С. Курдюмов, А.К. Уваров и В.В. Пахомов. Как и во всей стране, ситуация в городе быстро становилась всё более накалённой. Когда 4 апреля 1917 г. членом окружного суда Орловым был организован митинг «для обсуждения текущих дел», несколько прибывших в отпуск солдат выступили с предложением арестовать местного воинского начальника подполковника Пилсудского «за грубое отношение к солдатам». Местным властям пришлось исполнить требование толпы, и подполковник отправился в тюрьму. В уезде нарастали аграрные волнения, которые перекидывались на сам Фатеж. Председатель Фатежского исполкома Панов сообщил 8 (21) октября в Курск: «в городе волнения. Комитеты продовольственный, исполнительный и земельный под угрозой разгрома. Прошу оказать содействие. Мы справиться не можем. Милиция бессильна».

Наконец 5 (18) декабря 1917 г. в городе открылся уездный съезд крестьянских депутатов с участием делегатов от Совета рабочих депутатов, Совета солдатских депутатов и ремесленных союзов. Была оглашена телеграмма из Курска об установлении там 26 ноября Советской власти. С докладом «О проекте образования Советской власти на местах» выступил фельдшер Георгий Ильич Косилов. В итоге заседания был избран состав уездного Революционного Совета во главе с П. Перепоновым и принята осторожная резолюция: «Советская власть — это автономная законодательная власть, существующая только до открытия Учредительного собрания». В таком положении уезд просуществовал до начала 1918 г.

21–24 января (30 января — 4 февраля) 1918 г. состоялся VII Фатежский уездный съезд Советов, который, наконец, принял реше-

68 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 115–116.

ние об упразднении старых властных учреждений. Был переизбран и состав Революционного Совета. Теперь во главе его стал большевик И.С. Курдюмов, а посты комиссаров продовольствия и просвещения заняли большевики М.Ф. Мухин и И.А. Фатьянов. Новая власть быстро перешла к решительным действиям. Было принято решение о конфискации помещичьих и церковных земель, 30 января (12 февраля) были «конфискованы средства шести капиталистов города Фатежа», а 30 марта проведена реквизиция типографии Я.А. Добромыслова⁶⁹.

В Рыльске, где имелась большевистская ячейка из 25 человек, 18 ноября 1917 г. был создан временный солдатский военно-революционный комитет, а 26 ноября по его инициативе на собрании представителей волостей был избран и уездный ревком. Митинг, на котором было принято это решение, проходил на Соборной площади и собрал около 3000 человек. Председатель временного ВРК В.Н. Матюхин призвал установить в уезде Советскую власть. В состав уездного ревкома вошло по два представителя от каждой волости. Комиссар временного исполкома Фёдоров заявил при этом, что новой власти не признаёт, но слагает свои полномочия, «уступая силе». После этого земская управа была распущена и власть перешла в руки Советов.

Параллельно в городе действовал «комитет солдат» во главе с В. Иглиным (братом председателя Рыльского укома большевиков), который придерживался антибольшевистской направленности и входил в состав так называемого «Союза союзов», резко выступавшего против Советской власти. 17 декабря его члены заняли помещение ревкома, однако под давлением большевиков вынуждены были его освободить. Подобная активность «Союза союзов» вызвала обеспокоенность советских органов власти. Большевики начинают с 26 декабря формировать добровольческие красногвардейские отряды, численность которых первоначально составляла всего 30 человек. Опираясь на них, 28 декабря большевики объявили, что «в целях ликвидации беспорядков в учреждениях» в Рыльске создаются комиссариаты по образцу центра.

Действия новой власти породили недовольство в городе, что усугубили слухи о намеченном на 10 января 1918 г. закрытии церквей. Встревоженные большевики, опасаясь контрреволюционного мятежа, якобы назначенного на 11 января, спешно вызвали из с. Ивановского конный отряд стоявшего там артиллерийского дивизиона. 11 января на Соборной площади действительно собрался митинг, участниками которого были преимущественно гимна-

69 Поляков Н. За власть Советов! // Путь Ильича. 1966. 11, 23 июля, 12, 19 июля.

зисты, учащиеся духовной семинарии и «просто любопытные». В произносившихся здесь речах критиковались действия ревкома и в целом большевиков, выражалась поддержка Учредительному Собранию. Пытавшихся выступить членов ревкома Зекунова и Майбородина встретили «шумом и непристойными выкриками». Сигналом к началу беспорядков послужил неизвестно кем произведенный револьверный выстрел. Воспользовавшись этим предлогом, прибывшие из Ивановского солдаты по приказу ревкома разогнали собравшихся. Ряд гимназистов был арестован. Организаторы митинга — братья Левицкие, Жилиевы, Языков и В. Иглин — вынуждены были бежать из города. На экстренном заседании Совета Рыльск был объявлен на военном положении.

Собравшийся 15 января 1-й уездный съезд Советов принял на своём заседании специальную резолюцию: «По вопросу создания Советской власти в волостях съезд предлагает объединить все волостные организации в одну Советскую власть и создать необходимые отделы в Совете»⁷⁰.

Следует отметить, что установление власти большевиков происходило на таком фоне, когда по уездам практически не существовало партийных организаций РКП(б). Создателями первых коммунистических организаций в уездах часто являлись распропагандированные солдаты, возвратившиеся с фронта, ими же в основном и пополнялись партийные ячейки. Например, в Щиграх первая большевистская ячейка появилась только в апреле 1918 г. Тогда в город прибыл поезд-мастерская по ремонту оружия, с помощью приехавших солдат-большевиков и произошло организационное оформление коммунистов, хотя их было всего 5 человек⁷¹. Затем летом при поддержке из губернского центра в партию удалось привлечь около 200 коммунистов, а 16 октября была создана комсомольская организация⁷².

Комсомольскую организацию Курска удалось создать в ноябре 1918 г.⁷³ Тогда же в ноябре была проведен I губернский съезд профессиональных союзов, в котором главную роль играли большевики.

Установление и упрочение Советской власти в уездах затянулось с конца 1917 г. по осень 1918 г., сопровождаясь многочислен-

70 *Коробов И.* Революция шагала твёрдо // За изобилие. 1965. 7 ноября; *Процесский В.А.* Рыльск. — Воронеж, 1977. — С. 81–86.

71 *Кретов Ф.* Первые послереволюционные дни // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 222.

72 *Кретов Ф.* Первые послереволюционные дни // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 224.

73 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 73.

ными восстаниями, которые позднее классифицировались советскими историками как «кулацко–эсеровские бунты». Уже 27 ноября 1917 г. вспыхнуло восстание в с. Марица, где был разогнан местный Совет. Оно было быстро подавлено спустя три дня.

В Дмитриеве 14 января 1918 г. в городском кинотеатре состоялся уездный съезд советов, на который прибыло 457 делегатов. Здесь произошёл открытый раскол между большевиками и эсерами, представители которых демонстративно покинули заседание. Временный уездный крестьянский комитет был объявлен распущенным, председатель уездной земской управы Казаков — арестован. В ответ на эти действия большевиков 29 января⁷⁴ в городе вспыхнул мятеж. Восставшие осадили тюрьму, смертельно ранили комиссара внутренних дел Агейкина. Восстание произошло «после поповского молебна и благословения, под набат, с криками «бей жидов и коммунистов», «долой советскую власть»⁷⁵. Организаторами его называли эсера Арапова и купца Черницына, создавших некие «ударные группы из молящихся». Вооружённые столкновения между восставшими и красногвардейцами продолжались весь день, «а ночь была очень тревожная». Ночью предводителям восстания удалось скрыться из города (позднее один из них, Яковлев, был без суда расстрелян тогдашним командиром красногвардейцев Баранниковым). После подавления выступления последовали аресты и конфискация оружия.

В феврале 1919 г. был подавлен мятеж в Брянске. Его руководитель Бородин сумел скрыться и в середине марта появился в с. Веретенино, арестовав членов волисполкома. Высланный на подавление выступления отряд под командованием начальника уездной милиции Лилякевича в 40 человек освободил арестованных, но на обратном пути 19 марта попал в засаду у с. Останово и был окружён. Сам Лилякевич и с ним двое красноармейцев попали в плен и были замучены. Командиру отряда выкололи глаза, отрезали язык, нос и уши, отрубили руки. Восставшие перешли в наступление. В Дмитриеве и Михайловке было объявлено осадное положение, но это её не спасло: прибывшие из слободы Михайловки коммунисты Ястребов и Танаев сообщили, что там ночью «разогнали Совет и избивают милиционеров и коммунистов». На борьбу с восстанием бросили силы из Орла и Курска (160 человек во главе с военкомом Будниковым), была проведена мобилизация коммунистов.

В связи с этими событиями 20 марта 1919 г. состоялось экстренное объединённое заседание Дмитриевского уездного и городско-

74 По другим сведениям — в начале марта (*Кизрин И.Г.* Указ. соч. С. 79).

75 *Кизрин И.Г.* Указ. соч. С. 79.

го комитетов РКП(б) и уисполкома. Выступивший на нём Л.П. Чубунов заявил, что «как ни велик отряд в 260 человек... но считаться с великой бандой нужно, а потому необходимо учесть местные свои коммунистические силы и в нужную минуту с оружием в руках выступить на помощь против восставших банд. Необходимо теперь же организовать штаб коммунистического отряда при исполкоме, и желающие стать на защиту Советской власти будут записываться в этом штабе»⁷⁶.

21 марта отряд из 120 бойцов ВОХР и 150 мобилизованных коммунистов вышел к Свапе западнее Михайловки. Слобода была блокирована повстанцами. Ночью 25 бойцов перешли реку по льду и сняли охрану, контролировавшую мост через Свапу. Отряд без боя вошёл в Михайловку, и повстанцы были вынуждены снять осаду. Военком Будников так описывал свои действия: «Прибывши в село Пальцево, я с конной милицией и разведчиками в числе 7 человек отправился в разведку в сл. Михайловку. Доехав до сл. Михайловки и видя абсолютную тишину, я с отрядом направился по улице Михайловки (время было 24 часа). Убедившись, что всё спокойно, я при помощи местных коммунистов приступил к подысканию квартиры для следующего за нами отряда... отряд был размещён во вполне безопасном месте, предварительно выставив караул, преграждающий въезд в Михайловку. Ночь прошла спокойно. На постах были арестованы граждане, охранявшие подъездные дороги в слободу Михайловку. На мой вопрос «Зачем вы здесь?» они отвечали: «Мы ждём неприятеля». Кроме того, по показанию коммунистов и милиционера Иванова арестовано несколько граждан, принимавших участие в разгоне исполкома, где всё было разбросано и расхищено, даже корешки регистрационных карточек были уничтожены, портреты тт. Ленина и Троцкого были порваны... Арестовано нами 14 человек... От времени до времени была слышна промежуточная стрельба, там, где, по словам некоторых, бушевало восстание, где, по сведениям некоторых граждан, были пулемёты и орудие»⁷⁷. Будников не решился продолжать наступление и запросил помощи из Курска. Оттуда выслали пулемётный взвод и отряд в 450 курсантов. Тем временем к Будникову присоединился Дмитровский отряд в 50 человек с пулемётом, который уже «имел столкновение с бандой [и] благодаря пулемёту банду рассеяли». Решив не дожидаться прибытия курсантов, объединённые силы дмитриевских и дми-

76 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 102.

77 Доклад о результатах командировки в сл. Михайловку для подавления кулацкого восстания // НА КОКМ, д. 85, л. 9, 14.

тровских коммунистов выступили на выручку отряда московских чекистов, с которым и соединились вечером 21 марта. Утром 22 марта они вошли в д. Копёнки, где «стали производить аресты и расстрелы, где и расстреляно 5 человек и до этого вечером в селе Бобровой расстреляли одного». Вечером того же дня была оцеплена д. Андросово, где также было расстреляно 4 человека. Затем силы разделились. Будников вернулся в Дмитриев, проведя по пути обыск в д. Остапово (конфисковано «два дробовых ружья и берданка»), а москвичи и дмитровцы двинулись на Веретенино — главный оплот мятежников. Им был направлен ультиматум, но ответа от Бородина не последовало. Село было взято с боем, однако предводителю восстания вновь удалось скрыться⁷⁸. Следует отметить, что, несмотря на утверждения, будто восстанием руководили «попы и бывшие офицеры, переодетые в крестьянское платье», вооружены и организованы повстанцы были из рук вон плохо. Вся их «пятитысячная масса» имела на вооружении в основном вилы, косы, топоры и колья, винтовками располагали лишь немногие⁷⁹.

Не менее сложной была обстановка в Тимском уезде. Даже в своих официальных мемуарах М.Н. Черников вынужден признать, что, например, «для разрядки создавшегося положения в Крестинской волости потребовался выезд специальной бригады от уездного ревкома во главе с зам. уездного комиссара по внутренним делам Яковлевым. Большую борьбу пришлось вести большевикам Погожевской волости с эсеровской группой, возглавляемой Бобраковым. В ряде случаев эсеры шли на открытые антисоветские выступления. Такое эсеровско-кулацкое выступление произошло в д. Ширинке Верхосеймской волости под руководством бывших офицеров старой армии. Выступление было подавлено в самом зародыше вооруженной силой отряда Красной гвардии. Зачинщиков арестовали»⁸⁰.

Согласно утверждению М.Н. Черникова, в самом Тиму даже «удалось случайно напасть на след контрреволюционного заговора под руководством помещиков офицеров Гололобова и Бочкова. Заговорщики ставили целью завербовать как можно больше участников в свою контрреволюционную организацию, чтобы при приближении фронта организовать восстание». Правда, обвиняемых вскоре пришлось освободить из-за отсутствия улик, что мемуарист записы-

78 Чубунов Л.П. За власть Советов! // Простор. — 1957. — № 6. — С. 29.

79 Курпинов С. Из революционных дней. Дмитриевский уезд // Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 20.

80 Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. — Курск, 1963. — С. 102.

вает на «неопытность судебных и следственных органов». Но если «контрреволюционный заговор» в Тиму остался только в области предположений, то крестьянские восстания были очевидной опасностью для органов Советской власти: «в это напряженное время врагами советского строя было спровоцировано вооруженное нападение крестьян с Ильинки Двоелученской волости на конный отряд Красной гвардии, возвращавшийся из Ржавского сахарного завода после эвакуации заводского оборудования. Извращая в своих преступных целях недавно опубликованный правительственный декрет об отделении церкви от государства, враги советского строя распустили среди населения провокационные слухи, что будто бы воинский отряд с представителями уездной власти прибыл для закрытия церквей с вывозом из них церковного имущества. Отряд был окружен сбежавшей огромной возбужденной и вооруженной, кто чем мог, толпой крестьян с Ильинки и соседних сел. Только присутствие в отряде самого председателя уездного ревкома Ровенского и его умение говорить с трудящимися предотвратили столкновение. Организаторы преступной провокации из кулацкой среды, видя провал своего замысла, поспешили скрыться»⁸¹.

В ноябре 1918 г. вспыхнуло восстание в с. Крестище. Повстанцы разогнали волисполком, а «отдельные партийные работники подверглись избиению». На подавление были брошены силы Тимской ЧК, а также «спешно мобилизованные члены партии». В итоге четверо активных участников мятежа по приговору ревтрибунала были расстреляны. Среди них находились «помещик Богданов и бывший волостной старшина кулак Кутепов». В зародыше были подавлены попытки восстаний в Мантурово и в Михальпольской волости⁸².

Установление Советской власти проходило на фоне усилившегося стихийного крестьянского движения. В том же Тимском уезде «было разгромлено в д. Екатериновке Верхосеймской волости самое крупное и богатое в уезде имение помещицы Похвистневой. Дом и почти все надворные постройки были частью сожжены, частью сломаны. Сельскохозяйственный инвентарь, рабочий и продуктивный скот, богатые культурные ценности были разобраны по домам и попали в основном в руки кулаков. Впоследствии удалось собрать только часть инвентаря и скота, а культурные ценности почти все погибли. Во время разгрома между крестьянскими обществами чуть было не произошло столкновение с применением ог-

81 Там же. С. 104–105.

82 Там же. С. 109.

нестрельного оружия. В с. Кшени Крестищенской волости эсеры и кулаки подготовили крестьянскую массу на разгром помещичьих имений Бородаевского и Сергеева. Прибывшие представители уездного ревкома с отрядом Красной гвардии застали разгром в самом начале. Часть имущества и сельскохозяйственного инвентаря уже была развезена по домам. Богатая библиотека Сергеева оказалась выброшенной. Дальнейший разгром был ликвидирован путем проведения разъяснительной работы среди населения. Разобранный сельскохозяйственный инвентарь был возвращен. Ценная помещичья библиотека была направлена в Тим»⁸³.

В Путивльском уезде также «были два заговора против Советской власти. Один накрыли сами красногвардейцы и убили генерала Родионова (черниговского губернатора) и другой в Софр[ониевом] монастыре, где был произведён обыск и найдено оружие. Сперва монахи сопротивлялись, один из них был убит, один ранен. Избит ими был один красногвардеец»⁸⁴. Более серьёзные волнения произошли здесь в начале февраля 1918 г. в связи с объявленной местными властями мобилизацией в Красную армию «десяти последних годов призыва». Заполонившие город мобилизованные начали выражать своё возмущение: «Почему нас призывают, когда говорили «Долой войну»? Почему мобилизуется только наш уезд?». От слов дело быстро перешло к рукоприкладству. Коммунистов, пытавшихся успокоить толпу, встречали криками: «Долой, изменники, предатели, шпионы, продали Россию, бей их!». В итоге, ради собственного спасения, выступавшие перед толпой комиссар земледелия Н.В. Красавин и председатель Ревсовета Хильченко вынуждены были объявить об отмене мобилизации. Правда, в ходе стихийного митинга им всё же удалось добиться записи добровольцами большинства собравшихся — они «изъявили желание защищать Советскую власть, ведь они сами делили имения».

Путивльские большевики учли этот печальный опыт. Когда в следующий раз в один из базарных дней перед зданием Совета вновь возник стихийный и враждебный им митинг, они уже были наготове. Митинг был устроен «на темы «Как большевики продали Россию» и ещё из местных тем о том, «как из лесных контор бедным дают лес бесплатно, а богатым крестьянам за плату. Почему такая несправедливость?». На встречу с крестьянами, которые кричали «Всё народное! Нет богатых и бедных крестьян!», пред-

83 Там же.

84 *Красавин Н.В.* Мои воспоминания о том, как г. Путивль и уезд стали советскими. — Рукопись. Л. 11.

ставители Советской власти вышли с десятком красногвардейцев и двумя пулемётами. Этим аргументам митингующие ничего противопоставить не могли⁸⁵.

Отношение жителей Обоянского уезда к красногвардейцам в полной мере проявилось во время отступления их разбитых отрядов в сторону Курска в середине апреля 1918 г. Детальный рассказ об этом сохранился в неопубликованных воспоминаниях Ф.А. Лунёва⁸⁶. Согласно его сведениям, отряд под командованием Тихонова «был создан для борьбы с кулачеством и контрреволюционерами, [для] изъятия излишков хлеба в кулацких хозяйствах. Однажды нас 15 человек красноармейцев под руководством работника Упродкомиссариата тов. Бубликова в с. Курасовка изъяли в 17 кулацких хозяйствах около 5 тысяч пудов ржи». Неудивительно, что члены отряда не пользовались популярностью среди крестьян уезда. После захвата немцами Обояни 17 апреля 1918 г. отряд начал отход в сторону Курска, разделившись на части. Группа из 18 человек заночевала в д. Полозовка (1-я Рождественка) и была полностью уничтожена местными крестьянами. Ряд бойцов был зарыт заживо в землю⁸⁷. Вторая половина Тихоновского отряда (43 чел.) провела ночь в с. Котельниково и выступила на Полозовку лишь поутру. В составе отряда находились начальник уездной милиции Аносов, член УИКа Чернышёв и зав. УОНО Бочеров. На подходе к Полозовке бойцы услышали колокольный набат, а вслед за тем по ним был открыт ружейно-пулемётный огонь. Часть красногвардейцев бежала в сторону с. Трубацкого и была там разоружена местными крестьянами, а часть сдалась полозовцам.

«Мы встали и пошли... в направлении волости, — вспоминает Ф.А. Лунёв. — Не доходя до волости [волостного правления] 1500 метров из ям и рвов высыпали вооружённые люди и закричали: «Руки вверх!» Обезоружили нас и повели нас арестованными 6 человек. Вдруг нас догнал на коне крестьянин (кулак), вооружённый дубинкой. Он начал нас оскорблять нецензурными словами: «Вам Советская власть дорога. Вот как начну крестить дубинкой по голове! Куда ведёте, их надо расстрелять, как наших врагов».

Пленников заперли в волостном правлении, и среди валявшегося там вороха шинелей Лунёв опознал шинель своего троюродного бра-

85 Там же. Л. 13.

86 Хранятся в фондах Обоянского краеведческого музея («Воспоминания Лунёва Филиппа Афанасьевича». Машинопись. 11 л.).

87 «В Полозовье, Обоянский у., ночью, под руководством попа, вырезывается спящий партизанский отряд (часть партизан закопана живыми)» (*Кизрил И.Г.* Указ. соч. С. 79).

та Степана. Помимо Ф.А. Лунёва и его пятерых товарищей, под стражей в Полозовке вскоре оказались все 43 человека отряда Тихонова. Лишь прибытие Курского уездного военкома Озерова спасло пленников от самосуда⁸⁸. Когда их под охраной двух конных милиционеров вели через деревни (Полозовку, Жигаловку, Китаевку, Любичкое и пр.), то местные жители бросали в них «палки, затвердевший конский навоз, камни и т.д.». Вечером во время отдыха на выгоне около церкви в с. Любичком мимо избитых красногвардейцев «народ разгуливал в праздничном наряде... а богатеи говорили вслух между собой, не стесняясь быть услышанными нами: «И этих надо бы перестрелять!»

Судя по всему, именно деятельность отряда по изъятию продовольствия и повлекла за собой трагические события в Полозовке. Здесь, как и во множестве других подобных случаев, спланированного эсэро-кулацкого выступления, конечно, не было. Это был акт выражения стихийного народного недовольства.

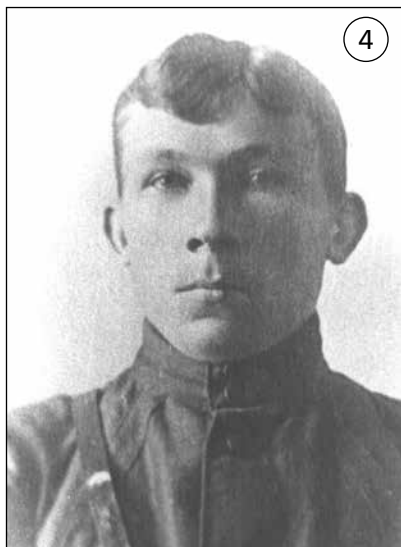
4. Красный террор

«Конец августа. Тёплые солнечные дни. Последние незабываемые спокойные дни лета 1918 года, когда думалось: уйдя в себя, в науку, в искусство, можно остаться сторонним наблюдателем событий и оградить себя от того, что сотрясает сейчас всю страну, — вспоминает А.Л. Ратиев, которому в тот год как раз исполнилось двадцать лет. — Именно в один из таких дней, перед вечером, является к Софье Степановне Ваня Бочаров. Он привёл с собой свою приятельницу Дину, племянницу курского митрополита, — ту, которая поступила на службу в Че-Ка.

С большим смущением и опаской спрашивает она нас, как ей быть? Вчера ей дали печатать большой список лиц, подлежащих аресту, и другой поменьше, с пометкой «К расстрелу». Платят здесь хорошо, больше, чем в других местах, но оставаться здесь страшно, заявить об уходе боится. С большим смущением сознаю, что никто из нас ещё не знает, что из себя представляет Чрезвычайная Комиссия — не знаем мы до сих пор даже её полного наименования...

А ещё через день по всему городу расклеены объявления со списком 18-ти лиц, расстрелянных по постановлению Че-Ка! Между

88 По другим сведениям «приехавший из Курска случайно на автомобиле член Губисполкома Озеров (лев. эсэр) отказался защитить и удрал. Но большевики, местные караульные и нач. уезд. милиции спас с невероятным трудом их» (Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 33).



1. *И.Г. Озембловский, первый председатель Курской ГубЧК.*
2. *И.И. Каминский, председатель Курской ГубЧК в 1918–1919 гг.*
3. *М.И. Лебедев, председатель Курской ГубЧК в 1919–1920 гг.*
4. *В.И. Середин, курский чекист.*

ними имена Крутликера, Пожидаева, курского городского головы Короткова, предводителя дворянства Офросимова... Расстреляны, лишены жизни! За какие преступления? Были ли они сами убийцами, заговорщиками? Конечно, нет. Понятия, инерция всей жизни подсказывает — не может быть, чтобы их действительно убили... Должно быть, их просто вывезли куда-то. Может быть, в Москву. Просто, на всякий случай, хотят запугать народ. Так ли это?.. Но вот — Дина и её предварительный рассказ о списках... Убийства, массовые убийства офицеров во флоте на Балтике и в Севастополе, убийства офицеров на фронте, в частях, убийства железнодорожников-машинистов солдатами, оставившими фронт?

Да, всё это было именно так, но происходило стихийно... А сейчас? Система? Аресты по спискам. Уничтожение без вины, без допроса, суда, только за то, что ты был известным и занимал какой-то пост в городе?.. Родился не у тех, кого надо?»⁸⁹

Таковы же наверняка были первые впечатления и многих других курян, впервые столкнувшихся с новой системой революционного правосудия, столь непохожей на то, что было им привычно с давних лет. Но то, что казалось им кошмарной и нелепой случайностью, оказалось продуманной и целенаправленной политикой новых властей.

После перехода власти к Советам наступила пора ликвидации или коренной перестройки прежних учреждений. Так, в начале 1918 г. был ликвидирован Курский губернский суд, руководствовавшийся старым законодательством. Взамен был создан народный суд. Новое судебное заведение руководствовалось на первых порах революционной совестью судей. Народные судьи являлись проводниками воли Советов, нового законодательства еще не существовало. Попутно ликвидировались земские и городские органы самоуправления. Совершенно неожиданно для мирных обывателей огромная и страшная власть оказалась в руках организации, полное наименование которой поначалу мало кто и знал, называя её просто «Че-Ка».

Курская губернская ЧК, созданная 5 июля 1918 г., первоначально располагалась в цокольном этаже здания Дворянского Собрания (ныне Дом офицеров), затем переехала в бывший дом Альпина на Херсонской (ул. Дзержинского), а осенью 1919 г. после отступления белых обосновалась в бывшем доме купца Гладкова на 1-й Сергиевской (ул. Горького). С 1920 г. эта организация работала

89 Курские дни князя Саша Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С.172, 175–176.

в здании городской думы (позднее Дворца пионеров на ул. Ленина), а затем, уже под именем ОГПУ, в здании на ул. Горького, где позднее разместился Облсуд. Первыми руководителями ГубЧК были революционеры со стажем подпольной работы, поляки по национальности И.Г. Озембловский (июль 1918 г.) и И.И. Каминский (июль 1918 – июнь 1919 гг.)⁹⁰.

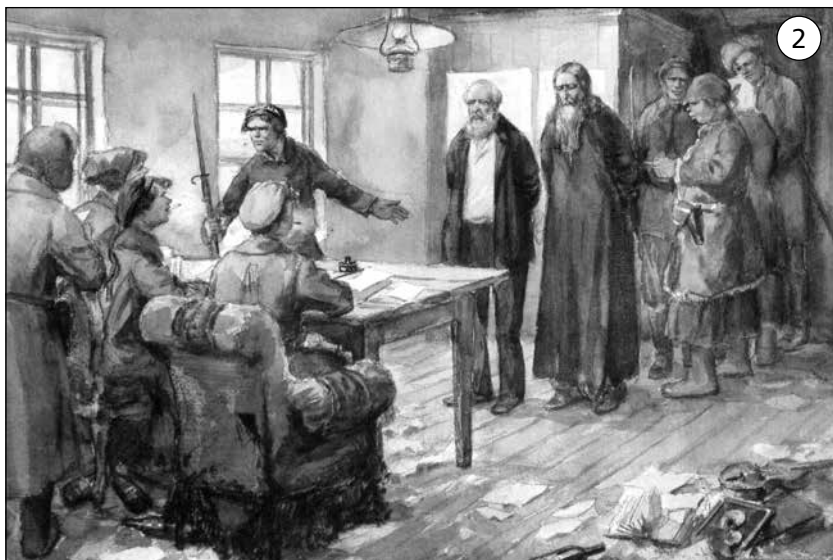
О том, как осуществлялся «красный террор» в Курске, и о том, какие люди осуществляли его, ярко свидетельствуют неопубликованные воспоминания Петра Ивановича Подцуева. Наряду с ценными фактическими сведениями, они изобилуют откровенными домыслами относительно «зловещих планов эсеров и контрреволюционеров», однако следует учитывать, что именно на основе подобных домыслов зачастую и производились аресты и расстрелы подозрительных для Советской власти лиц. Повествуя о своей роли в разоблачении врагов революции, П.И. Подцуев пишет:

«В 1918 году в феврале месяце курские помещики, жандармерия и офицерская свора готовили свержение Советской молодой власти, и вот в доме № 23 по быв. Ново-Преображенской улице, ныне по Красноармейской, помещик, т. е. полковник генерального штаба в своём доме, т. е. Кругликов собирал заговор против Советской власти, но благодаря героической бдительности лично моей – Подцуева, красногвардейца Бондарева Николая и Мораина Ивана, заговор был раскрыт. В этот заговор входили помещики: Кругликов, Аладьин, Ребендер, губернский исправник Пожидаев, предводитель Курского дворянства Афросимов и другие, все были арестованы и по решению Военного революционного Совета – расстреляны. При обыске обнаружена переписка с английским и

90 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 17, 104, 159;

Иван Густавович Озембловский родился в 1888 г. в семье полковника, окончил Харьковскую гимназию и естественно-математический факультет Гейдельбергского университета, преподавал в Белгородском коммерческом училище. Член РСДРП(б) с 1905 г. В 1917 г. возглавляет Белгородский уком большевиков, делегат II и III Всероссийских съездов Советов, член ЦИК РСФСР. Осенью 1919 г. был направлен для подпольной работы на Украину. Схвачен и расстрелян денкинцами на ст. Харьков–Сортировочная.

Сменивший Озембловского Иосиф Иосифович Каминский 27 июня 1919 г. был по состоянию здоровья переведён на должность комиссара Курских военно-хозяйственных курсов, а пост председателя ГубЧК временно занял Николай Павлович Гольдберг. После его отъезда из Курска 16 июля 1919 г. чекистов возглавил Василий Максимович Мовчан, занимавший эту должность до 1 декабря. С 1 декабря 1919 г. по 1 января 1920 г. председателем ГубЧК является Василий Иванович Иванов, которого сменяет Михаил Иванович Лебедев, оставшийся на этом посту до 10 сентября 1920 г. (Там же. С. 263).



1. Коллегия Курской ГубЧК. Курск. 1920 г. Слева направо: Преображенский — секретарь ГубЧК, Емельянов — член коллегии, Арнольдов — председатель Губревкома, Октябрьский — комиссар батальона при ГубЧК, Лебедев — председатель ГубЧК, Галагулин — председатель Губмилиции, Карелов — зав. секретной частью ГубЧК, Разумов — зав. юридическим отделом ГубЧК.

2. Владимиров И.А. Помещик и священник перед ревтрибуналом.

французским военными штабами, их буржуазными правительствами... Кроме переписки был обнаружен один пулемёт Максим под ванной в квартире полковника Кругликова, двадцать штук русских 3-х линейных винтовок, десять штук револьверов системы «Наган» и «Браунинг», пять ящиков патронов, один центнер динамиту двадцать пять штук перекселиновых [так в тексте] шашек, кроме этого нами так и остался не разыскан броневик, закопанный в доме помещика Шуклина на Бородино Поле, ныне против площади 1-го Мая... [после перехода всей полноты власти к большевикам в июле 1918 г.] красногвардейский отряд под моим командованием обслуживал Курскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, по постановлению которой были расстреляны курские купцы: Сапунов, Лоскутов, Павлов и ряд других»⁹¹.

Заняв в сентябре 1919 г. город, белогвардейцы обнаружили 46 трупов расстрелянных на городской свалке в ур. Глинице, причём на многих телах были следы пыток. Несколько позднее было найдено ещё несколько тел, в том числе останки курского предводителя дворянства и гласного уездной земской управы Николая Александровича Офросимова. В своих записках П.И. Подцуев с гордостью вспоминал о личном участии в казни Офросимова, полковника Кругликова, помещиков Ребиндера и Аладьина, купцов Сапунова, Лоскутова, Павлова «и ряда других» (Пётр Афанасьевич

91 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 37об.-38. В материалах, подготовленных в июле 1920 г. для составления сборника ВЧК, тогдашний председатель ГубЧК М.И. Лебедев сообщал: «Красный террор произведён в Курске в небольших размерах, но вполне обдуманно. Это было для контрреволюционеров достаточно внушительно. Всего было расстреляно 9 человек видных представителей класса туземцев: 1) Шатохин — член 2 и 3 Государственной Думы, друг Пуришкевича; 2) Кругликов — дворянин, помещик, крупный землевладелец, имевший в своём распоряжении в Курской губернии до 12 000 десятин земли, бывший и поровный крестьянин в царское время; 3) Пожидаев — крупный помещик-дворянин, бывший исправник; 4) Волков — дворянин, бывший полицмейстер; 5) Афросимов — бывший губернский предводитель дворянства; 6) Сапунов — крупный купец, кадет...» [далее в публикации документа, хранящегося в АУФСБ РФ КО, находится пропуск] (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 227–228). В том же документе сообщается о расстреле 13 «анархистов-бандитов», лидеров местного отделения партии эсеров-максималистов Широкова и Марковского и ряда уголовных преступников. Интерес представляет сообщение М.И. Лебедева о раскрытии в январе 1920 г. подпольной организации «Национальный Центр» во главе с неким «домовладельцем Ивановым», членов которой не удалось покарать, так как «большинство участников организации были расстреляны ранее, а именно в декабре 1919 г. по другим делам» (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 228–229). Уже из этой фразы видно, что сведения, представленные для официального сборника, являются явно заниженными.

Кругликов — гласный уездной земской управы по ведомству земледелия и государственных имуществ; Иван Петрович Сапунов — гласный городской земской управы). Некоторые детали расстрела этих и других лиц сохранились в материалах Особой следственной комиссии Добровольческой армии: «После покушения на Ленина в г. Курске приказано было произвести массовые расстрелы и аресты. Расстрелян предводитель дворянства Офросимов, бывший член Государственной Думы Шетохин, председатель Биржевого комитета Сапунов, член Землеустроительной комиссии Кругликов. Особенный террор проявлен по отношению полицейских чинов... Из Курска сообщают, что расстрелы там происходили в здании пивоваренного завода Вильма. К небольшой кирпичной стенке были одновременно подведены член городской думы Шетохин, председатель обоянской земской управы Грибников и председатель биржевого комитета Сапунов. Шетохин первым подошёл к Сапунову, обнял и расцеловал его; в это время раздался залп и все пали мёртвыми»⁹². На Глиннице были обнаружены также тела иеромонаха Серафима (Кретова) из Свято-Троицкого Белгородского монастыря и белгородского протоиерея Петра Сионского, арестованного и отосланного в Курск ещё весной 1918 г. Его останки были перезахоронены на братском кладбище Белгородского Свято-Троицкого монастыря⁹³.

Всего за период с 5 июня 1918 г. по 1 мая 1919 г. ГубЧК арестовала «за контрреволюцию» 1 977 человек, причём 477 было взято в качестве заложников после покушения на Ленина. Из них ЧК расстреляла 89 человек, а дела прочих передала в ревтрибунал. Из них, скорее всего, также мало кто выжил⁹⁴. Согласно сведениям той же следственной комиссии, расстрелы продолжались в Курске вплоть до его сдачи белым: «В осаждённом Курске большевиками объявлен красный террор. Расстреляли заложников, судебных чиновников, среди расстрелянных председатель [Судебной] палаты Крылов»⁹⁵. По свидетельству курского старожила С.Н. Романовского, после

92 Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. — 2001. — № 9. — С. 18.

93 Давыдов В.И. Храмы Белгородчины. — Белгород, 1999. — С. 178–179.

94 «Во время красного террора были взяты на учёт все офицеры старой полиции и арестованы, в результате 11 человек были расстреляны в самом Курске... Арестовано во время красного террора быв[ших] офицеров 247, крупной буржуазии, как то купцов, помещиков и пр. 163, духовенство за агитацию, как и заложников и пр[очие] преступления 67 человек» (Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 148, 153).

95 Красный террор в годы Гражданской войны. По материалам Особой следственной комиссии // Вопросы истории. — 2001. — № 10. — С. 4.

взятия города белыми тела казнённых, пока шла подготовка к торжественному перезахоронению, были засыпаны известью и взяты под охрану. Затем жертвы большевиков были торжественно перезахоронены белыми в братской могиле у Московских ворот⁹⁶.

По свидетельству старожилов–очевидцев, места массовых казней находились в 1918–1919 гг. также и в самой черте города, в зданиях, находящихся в ведении ЧК – в подвалах и во дворе гостиницы «Петроградская», в подвалах домов на ул. Бебеля напротив дома Гладкова (где позднее, в 1990 г., были обнаружены останки казнённых), в доме Исаея Альпина на Херсонской (ул. Дзержинского, 82), откуда позднее было извлечено немало мёртвых тел.

Следует отметить, что все эти аресты и расстрелы не были просто случайными эксцессами, обусловленными общей жестокостью, характерной для любой войны. В большинстве случаев они представляли собой осуществление целенаправленной политики, проводимой партией большевиков, боровшейся за сохранение власти в ходе Гражданской войны. В связи с этим характерным примером является постановление объединённого партсобрания Курского городского и Ямского районов по поводу покушения на В.И. Ленина и убийства М.С. Урицкого, принятое 1 сентября 1918 г. Резолюция, принятая на этом собрании, содержит, в том числе, следующие пункты:

«д) Для прекращения покушений на деятелей партии коммунистов и её вождей применить массовый террор. В первую очередь, как предупредительную меру, в Курске произвести арест заложников из среды крупной буржуазии и партии социал–предателей, могущих ответить своими жизнями при контрреволюционных выступлениях.

е) Мобилизовать в Курске всю буржуазию и послать её на чехословацкий фронт для рытья окопов»⁹⁷.

Нет нужды говорить, что курская «крупная буржуазия» никоим образом не была причастна к покушениям на Ленина и Урицкого. Примечательно также, что *массовый* террор планируется применить в ответ на террор *индивидуальный*, да ещё к людям, вообще не имеющим отношения ни к каким террористам. Осуществление террора носит подчёркнуто классовый характер. На заседании Курского губкома РКП(б) 25 июня 1919 г. принимается решение:

96 ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 37об.–38; *Каплунова И.Г.* Из истории красного террора в Курской губернии // *Армия в истории России.* – Курск, 1997. – С. 88–89.

97 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 49–50.

«Приступить немедленно к терроризированию буржуазии, арестовывая видных представителей её, в особенности офицеров. Производить массовые аресты по мере надобности... Изменить положение арестованных ... увеличить строгости, в частности, пока Деникин наступает, лишить арестованных получения с воли продуктов и проч.»⁹⁸.

Террор становился удобной формой сведения личных счётов. В камере курской ЧК А.Л. Ратиев видел «женщину в красной кофте», которая отомстила мужу за измену, подбросив ему украденный у соседей австрийский карабин и написав затем донос чекистам: «Муж уже получил заслуженное... На днях расстреляли... Суку эту тоже со света сживу. Теперь я тут все ходы и выходы знаю»⁹⁹. Арестованный при попытке перехода к белым В.А. Кривошеин встречал среди содержащихся под стражей самых разных людей, в основном чрезвычайно далёких от всякой контрреволюции. Среди них была, например, домовладелица–мещанка из Рыльска, которую арестовали по доносу собственной племянницы. Причиной ареста был букет цветов, которые мещанка поднесла белым. «А племянница все это проделала, чтобы захватить мой дом. Она и раньше просила, чтобы я пустила ее к себе с мужем, но я не согласилась, вот она теперь и мстит мне», — жаловалась арестованная.

В Рыльске же В.А. Кривошеин видел и одного из тех, кто этот террор осуществлял. Это был «матрос, элегантно одетый брюнет с красивым, но жестоким лицом, на его матросской фуражке вместо названия корабля надпись: «Красный террор». Тут я сразу понял, в какого рода учреждение я попал!.. Один из мужичков, со свойственным соединением хитрецы и наивности, спрашивает его: «Что это за слова такие на фуражке? Название корабля?» «Нет, это наша программа», — отвечает тот со снисходительным выражением лица»¹⁰⁰.

Матрос «Красный террор», встретившийся Кривошеину, не был единичным явлением. Неотличим от него и другой балтиец, Егор Ерёмин, отличившийся при установлении Советской власти на станции Полевая Курского уезда. Обосновавшись на железнодорожной станции, он действовал практически бесконтрольно. Им был без всякой причины расстрелян священник из соседнего села Лисово, а также два студента, пришедшие из села Любичское для поездки в Курск (причём местные жители заранее предо-

98 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 159.

99 *Курские дни князя Саша Ратиева / сост. Ю.В. Донченко.* — Курск, 2007. — С.191.

100 *Кривошеин В.А.* Воспоминания. — Нижний Новгород, 1997.

стерегали их от такого шага, зная привычки революционного моряка)¹⁰¹.

Бесконтрольные убийства «на классовой почве» происходили практически повсеместно. Типичным может служить история гибели в марте 1918 г. помещицы Л.Г. Алексеевой из с. Яблоново Корочанского уезда. Согласно воспоминаниям С.А. Туника, «местные товарищи, хотя «особой злобы против Лидии Григорьевны не питали», выселили её из комнат, разрешив жить в каморке около кухни, в которой раньше было нечно вроде уборной... Ей было уже девяносто три года. И вот однажды из села Холань в Корочу направлялась группа матросов. Проезжая Яблоново, они решили заночевать в барском доме. Собираясь уезжать после весело проведённой ночи, они вспомнили, что в этом доме где-то живёт сама барыня. Отправились к ней и, стащив её с кровати, нанесли беспомощной женщине девятнадцать штыковых ран. После этого с чувством исполненного долга перед революцией тронулись в путь»¹⁰².

В Обояни с подвалами ЧК пришлось познакомиться даже первому местному марксисту А.Ф. Непиющему, именем которого ныне названа одна из улиц города. Здешний председатель укома С.И. Исаков, «горячий молодой коммунист, огневая натура и ходячая неутомимость», не в силах сдержать свой революционный пыл, «повёл дело так, что в чрезвычайную комиссию кулаки поступали пачками». В итоге вскоре подвал Обоянской ЧК наполнили «спекулянты, укрыватели имущества бежавшей буржуазии, языковатые попы и контрреволюционные змеи». А после покушения на Ленина здесь, как и по всей стране, было решено взять заложников. Ими оказались: «полицейский надзиратель Малыхин, непременный член Кашернинов, Мих. Бровцын (помещик), земские начальники Павлов и Чарторыжский, двое Лукиных: Евгений и Василий, первый как представитель дворянства (клубный хлыщ), а второй, как член госуд. Думы 3-го созыва, и с ними за компанию меньшевик Непиющий и доносчик «Кречет». Русанов удрал перед этим в Курск в губ. коопер. союз»¹⁰³.

Обострение положения на фронте активизировало карательную деятельность чекистов. Учащались обыски, аресты, брались заложники, производились всё более массовые расстрелы. Летом 1919 г. А.Л. Ратиеву пришлось выслушать жалобу молодого курского чекиста, мучившегося с утра головной болью: «Целую ночь не

101 Личное сообщение С.П. Зорина.

102 Туник С.А. Белогвардеец. Воспоминания о моём прошлом. — М., 2010. — С.198–199.

103 Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 36.

спамши работали. Восемнадцать человек в расход оформляли, белобандитов. Свеженькие, только на днях в плен к нашим попали»¹⁰⁴.

Не всегда «оформление в расход» проходило столь гладко. Со слов могильщика Херсонского кладбища А.Л. Ратиев узнал о судьбе одного из «белобандитов», чудом уцелевшего при расстреле: «Под утро к сторожке притащился, Христом–Богом просит, какую можно одёжу, тряпё какое ему дать – прикрыться. Перед тем, как стрелять, их в одном исподнем оставляют. Таким перед нами и стоит – дрожит. Весь кровью перемазанный. Хотел я ему своё, что было, дать – сторож здешний: «Постой, говорит, не спеши. Я к себе домой наведаюсь, что надо, враз доставлю». Ну, вошли мы с ним в сторожку, сели на лавку дожидаться... а тот, сволота, сторож здешний, с собой двух милиционеров приволок. Забрали они этого самого спасённого с собой. Должно обратно в Че–Ка повели. Только вот один из этих, из начальства, значит, поотстал малость на выходе, слышу, сторожу и говорит: «Подожди, герой. Ждать–то, оно видно, недолго тебе осталось. Быть может, вскорости и тебе какая награда выйдет, старатель!»¹⁰⁵

Происходили и более скандальные для чекистов происшествия. Так, летом 1919 г. в Курске из–под стражи сумели бежать два пленных казачьих офицера. Помог бежать им семнадцатилетний гимназист Шульц, арестованный на ст. Ямской с пачкой денкинских воззваний. Он начертил офицерам план города, назвал надёжные адреса, где беглецы сумели найти помощь и скрыться от погони. Сам же Шульц погиб, организовав нападение приговорённых к расстрелу на конвой. При этом из примерно 30 обречённых на казнь людей семеро оказались убиты или ранены, а прочим удалось скрыться¹⁰⁶.

Удаление линии фронта не привело к прекращению террора в Курской губернии. Сохранились сведения о деятельности ГубЧК за период с февраля по июнь и с июля по ноябрь 1920 г. За этот период было заведено 3034 дела на более чем 9000 человек. Достоверно известно о расстреле 20 арестованных, но, как полагают исследователи, изучавшие архивную документацию, цифра эта является сильно заниженной, поскольку она приходится на 1578 дел, заведённых на 2333 человек в период июля–ноября 1920 г.¹⁰⁷ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. об отмене смертной

104 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. – Курск, 2007. – С.265.

105 Там же. С. 317.

106 Там же. С. 291–292.

107 *Катлунова И.Г.* Из истории красного террора в Курской губернии // Армия в истории России. – Курск, 1997. – С. 89–90.

казни¹⁰⁸ вызвало открытое недовольство курских чекистов. Отвечая на вопросы анкеты, составленной согласно приказу Президиума ВЧК в июне 1920 г., они прямо заявляли, что «по мнению Губчека ошибками Центра является следующее: а) отменена высшая мера наказания (*расстрел*) к тем, которые безусловно заслуживает такую... в особенности когда необходима быстрая и короткая расправа с врагами революции, в данный момент в г. Курске и губернии в связи с той вакханалией, которая творилась ранее в наших Совучреждениях, и которая теперь стоит на должной высоте ввиду отсутствия *жала пролетарской диктатуры*»¹⁰⁹. Впрочем, как известно, сокрушаться о своей беспомощности чекистам пришлось недолго.

С первых дней своего существования, видя в церкви союзника силам зарождающегося антибольшевистского движения, советское правительство развернуло «красногвардейскую атаку» на православную церковь. Эта атака не прекращалась и не ослабевала весь период Гражданской войны в России. В результате такого отношения к церкви и ее служителям в 1918 г., в основном в городах губернии, стало просто небезопасно появляться на улицах в своем облачении. В 1918 г. церковнослужители стали обращаться в Епархиальный совет с просьбой разрешить им носить светскую одежду. Многие из них мотивировали это тем, что стало опасно для жизни появляться в общественных местах в рясе¹¹⁰. В частности, нередким явлением стали просто бандитские нападения на представителей духовенства.

Например, вечером 10 июня 1918 г. в г. Курске под дулом пистолета с члена Епархиального собрания священника Иваницкого был сорван наперсный крест и академический знак. В городах губернии подобные явления были нередкими.

Стоит отметить, что к сентябрю 1918 г. террор против духовенства вошел в более официальное русло, т.к. гонения на церковнослужителей к тому времени уже практиковались повсюду. Так, большое количество расстрелов священнослужителей было совершено в городе Белгороде в 1918 г. Инициатива репрессий против церковнослужителей исходила от двух братьев Саенко, занимавших соответственно посты председателя ЧК и начальника местной милиции. Особой жестокостью отличался Саенко — начальник ЧК.

Гонения на православную церковь в Белгороде начались практически сразу после утверждения здесь советской власти. Уже в дека-

108 Из истории Всероссийской Чрезвычайной комиссии. 1917–1921 гг. — М., 1958. — С. 356–357.

109 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С.215.

110 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 45. Л. 1–46.

бре 1917 г. был арестован священник П. Амфитеатров за произнесение антибольшевистских проповедей и настоятель Сергиевской церкви о. А.В. Тимофеев. Амфитеатров был обвинен в черносотенстве и тайно расстрелян в начале 1918 г. в Белгородской тюрьме¹¹¹.

Только активная проповедническая деятельность стала причиной смерти Белгородского vicарного епископа Никодима. Архиерей не вмешивался в политическую жизнь, но в своих проповедях порицал грабежи и убийства. Он призывал свою паству к учению Христа, утверждая, что законы Божии выше законов человеческих. Подобная тематика проповедей была расценена местным большевистским руководством как контрреволюционная. По приказу уполномоченного ЧК Саенко Никодим был арестован, но возникшие среди народа волнения по поводу ареста любимого пастыря заставили чекистов отпустить епископа. Однако в тот же день архиерей произнес проповедь, осуждавшую насилие, после чего он вновь был арестован тем же Саенко, который говорил при этом, что «через попов и монахов вся революция пропала»¹¹².

В первую после ареста ночь епископ Никодим был зверски убит, а его голова изуродована ударами железного прута¹¹³. Могилу епископа пытались скрыть от народа. Однако о месте ее нахождения все равно стало известно горожанам.

На следующий день по приказу Саенко расстреляли жену священника Кияновского, которая от имени группы верующих попыталась вступить за епископа. Тогда же под арестом оказался и священник о. Лихарев за то, что призывал верующих ходатайствовать перед властями об освобождении Никодима. Лихарева, правда, затем отпустили после уплаты за него контрибуции в размере 5 тыс. рублей¹¹⁴.

О расстреле епископа Никодима официально было объявлено только через месяц в харьковской газете «Известия», где церковного иерарха назвали «злостным агитатором против советской власти»¹¹⁵.

111 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 42, 20 об.

112 Валентинов. Штурм небес. // Москва. – 1991. – № 1. – С. 145.

113 Святитель Тихон – Патриарх Московский и всея России / Под ред. О.В. Орловой. – М., 1995. – С. 128.

114 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 121, 123 об.

115 Л.А. Меранвиль де Сент-Клер, являвшийся в 1917 г. председателем Белгородского ВРК, оценивал казнь епископа Никодима с иных позиций: «Я не поклонник Белгородской ЧК и её деятельности, но могу сказать, что пристрастием к расстрелу она вряд ли страдала. Казнь архиерея Никодима, наглого гетманского палача, использовавшего тайну исповеди для шпионажа и поимки большевиков, вряд ли революционная власть вменит в вину ЧК» (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 140).

Известны случаи расстрела священнослужителей и в других местностях Курской губернии¹¹⁶.

К моменту занятия Курской губернии Вооруженными силами на Юге России органами ЧК и др. советских учреждений было расстреляно 22 священнослужителя епархии, нередко без суда и следствия¹¹⁷. Это: епископ Белгородский Никодим, иеродиакон Рьльского Николаевского монастыря Тихон, иеродиакон того же монастыря Прохор, монах того же монастыря Иосаф, священник села Александровки Рьльского уезда Н. Иосифов, протоиерей из Белгородского уезда К. Нискевич, протоиерей, благочинный 1-го округа Корочанского уезда И. Авдеев, священник слободы Борисовки Грайворонского уезда В. Крутиков, священник села Никольникова Рьльского уезда Ф. Арбузов, протоиерей села Богоявленского Курского уезда Н. Егурнов, священник села Крюкова Белгородского уезда В. Косьянов, протоиерей города Грайворона Ф. Андриевский, псаломщик из Путивльского уезда П. Никитин, протоиерей города Белгорода П. Сионский, протоиерей города Белгорода В. Суидовников, иеромонах Белгородского монастыря Серафим, священник Суджанского уезда Третьяков, священник Рьльского уезда Н. Одинцов, псаломщик села Верхнего-Гурова Щигровского уезда Н. Степанов, псаломщик Тимского уезда (фамилия не известна), священник города Белгорода П. Амфитеатров, священник села Татаровки Белгородского уезда А. Солнцев.

Террор, коснувшийся всех слоёв населения, выражался не только в эксцессах и кровавых расправах. Он стал повседневной практикой, проникая во все сферы административной работы новой власти, органы которой просто кишели самодурами и откровенными жуликами, среди которых терялись отдельные честные идеалисты. Живую картину состояния дел в крае рисует «Доклад о положении в Курской губернии», составленный шокированным московским партийным работником Б. Майзелем, посетившим губернию с инспекцией в 1919 г., как раз незадолго до вступления на её территорию деникинских войск. После ознакомления с ним становятся вполне понятны причины стремительного успеха Вооружённых сил на Юге России в их продвижении на Москву. Он достоин того, чтобы, несмотря на объём, привести его тут почти дословно.

«Общее положение в Курской губернии очень плохое. Наблюдается массовое недовольство Советской властью, причем это не-

116 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 185. Л. 24.

117 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 113–113 об.

довольство прогрессирует. В некоторых уездах частые восстания, коммунистов ненавидят и во многих местах ищут случая убить советского работника. Причины такого печального явления различны. Главные следующие: 1) продовольственный вопрос, 2) чрезвычайный налог, 3) мобилизации, 4) отсутствие литературы и плохая постановка агитации на местах и 5), самое главное, это хулиганство негодяев, называющих себя коммунистами.

Не касаясь продовольственной системы, одобренной ЦИК, я опишу несколько картинок, которым я был свидетелем.

Слишком больно истому коммунисту видеть несчастную плачущую женщину, у которой отобрали 20 фунтов муки, она умоляет, падает на колени, обливаясь слезами, а её грубо отталкивают¹¹⁸.

Таких случаев я видел много. Трудно себе представить, что переживает вдова, имеющая пятеро детей, отдавшая последнюю подушку и пустившаяся в далёкие края, чтобы купить немного хлеба для голодающих детей. Этот хлеб у неё грубо отбирают и всякие мольбы о пощаде высмеиваются. Заградительные отряды бесчинствуют, действуют далеко не в том духе, как красноармеец, о котором тов. Ленин говорил, что он взял винтовку для защиты женщины, собирающей в лесу хворост. Понятно, что эти женщины никогда не поверят в прекрасный идеал коммунизма. Но самое главное не в физических страданиях этих женщин, а в том, что среди них и вообще среди голодающих распускаются слухи, к сожалению, большей частью не лишённые оснований, что «комиссары и коммунисты» имеют всего вдоволь. Везде лица, стоящие у власти и близко к продкомам и ЧК, злоупотребляют продуктами. Я был свидетелем, как после того, когда, несмотря на мольбы и слёзы, отобрали у несчастной вдовы 20 фунтов муки, а через десять минут писали ордер знакомым на 5–6 пудов. Когда я агитирую за продовольственную политику Совнаркома, меня засыпают тысячами примеров злоупотреблений ответственных работников. В Московских больницах больные не получают даже золотника масла или сахара, а заведующий Московским продкомом Соль выписывает себе ордера на масло, сахар, яйца и рис. Я знаю случай, когда из больницы г. Ярославля выписывали знакомым рис, а больные, наверное, не получают его. Вот в чём ужас положения. Как может относиться голодный к нашей агитации за тепершнюю систему продовольственной по-

118 Ср. с цитируемой далее песней продотрядовцев, в которой описывается, как во время реквизиций их комиссара «с плачем умоляют»

Мучицы хоть пудик отдать...

Перед ним на колени вставая,

Говоря: у нас детки болят.

литики, когда он знает, что тот, кто проповедует необходимость лишений и голода, сам сыт. Если в Курской губернии продовольственный вопрос так остр, что же тогда в Олонецкой, Вологодской и тому подобных. В этом отношении необходимо что-то предпринять. А то мы превратимся в людей, засевших в тёплые местечки, и постепенно перестанем чутко относиться к народным бедствиям.

Чрезвычайный налог обречён на неудачу, но восстаний и недовольства он вызывает чрезвычайно много. 10 миллиардов было бы трудно выкачать, если аппарат взыскательный был налажен, но теперь налог изыскивается самыми примитивными мерами. Понятно, что ничего хорошего из этого выйти не может. Какой-нибудь крестьянин в пьяном виде похвастался богатством, и на него накладывается громадный налог, а кто действительно богат, бывает не обложен. Большой частью в деревнях налоги накладываются на личной почве. Понятно, что при таких условиях в Тимском, например, уезде не удастся взыскать 37 миллионов, а восстания там каждый день два-три, причём нередки расстрелы. В Новооскольском уезде имеется громадное село Великая Михайловка с 26 000 жителями. Большинство из жителей кустарники [кустари], теперь там занятий никаких нет, ибо Курский Совнархоз, несмотря на неоднократные просьбы дать селу заказы на изделия из кожи, дерева и т.п., не обращает внимания на эти просьбы. Даже кожа, получаемая на месте, тоже увозится в Курск. На этой почве очень сильное недовольство Советской властью. К этому присоединился чрезвычайный налог на село 4 000 000. Взыскание шло с натяжкой, тогда исполком посадил 200 человек в тёмный и сырой погреб, многие просидели до 22-х дней, тогда удалось взыскать ещё немного. Теперь несколько из сидевших заболело. Но по окрестным сёлам на расстоянии 50-ти вёрст эта история рассказывается ещё с прибавлениями, будто в погреб накачивали воду и несколько из сидевших утонуло. Но если бы не было случая, то не было бы и прибавлений. Я осматривал этот погреб и не знаю, как можно в нём высидеть 22 дня. Всего до погреба и после взыскано 800 000 рублей, больше не удастся уже ни в коем случае. И вот за пары сот тысяч мы возбудили против себя целое село, по величине равное некоторым губернским городам, населённое рабочими. Хулиганы, посадившие в погреб, и исполком говорили, что это они делают по декрету, что Курск и Москва виноваты, а не они.

Курск пишет: примените строгие меры, но инструкций не прислали, а Москва Курску не прислала. Во всех деревнях чрезвычайный налог испортил наладившиеся было отношения с крестьянами, везде началось сильное недовольство, чреватое опасностями.

Весьма понятно, что крестьянство не хочет воевать. Исходя из этого, мы должны осторожно производить мобилизации и учитывать психологию масс. А Орёл и Курск действуют как раз в противоположном направлении. Например, объявляется мобилизация 97-го года, а затем 99-го, а не 98-го. На этой почве произошло в Тиму восстание. Толпа хотела растерзать комиссара, говоря, что он лично заинтересован не призывать 98 год. Только спустя некоторое время был призван и этот год.

По приказу из Орла произведена мобилизация унтер-офицеров, прошедшая с громадным трудом. Их послали в Орёл, но оттуда они были отосланы обратно за ненужностью. То же самое было и с мобилизацией офицеров и чиновников военного ведомства. Не говоря уже о расходах и прочее, [это] страшно подрывает авторитет уездвоенкомов. В Тимском и Новооскольском уездах на этой почве были серьёзные вспышки. При мобилизации лошадей не принимается во внимание, что жеребец нужен для завода или что кобыла должна скоро принести плод. Что особенно важно теперь, когда, к сожалению, все наши конские заводы разрушены и хорошие породы лошадей заметно уменьшаются в количестве.

Ко всему надо добавит, что в деревне абсолютно нет газет. Во многих уездных городах газеты получают раз в 2 недели и то через 12–15 дней, а в деревнях газет совершенно нет, брошюр тоже нет. Неудивительно, что разные провокационные слухи находят себе место в деревне. По поводу отбирания винтовок в деревнях распространились слухи, что коммунисты лишены власти и у них отбирают винтовки. Или Ленин арестовал Троцкого и наоборот. Когда я на митинге говорил о национализации, мне задала вопрос: разве национализация — это не возвращение к старому? Оказывается, что среди них кто-то пропагандировал, что национализация есть возвращение к старому [...].

Но самое страшное зло, которое творится на местах, это то, что люди, стоящие у власти, вместо того, чтобы успокаивать население и объяснять животрепещущие вопросы, в большинстве случаев действуют наоборот. Особенно вредят нам негодяи, которые, действуя под флагом коммунизма, дискредитируют Советскую власть. Вместо коммунизма и братства и защиты угнетённых они вызывают кровь и стоны. Фабрика контрреволюционеров не миф и не выдумка, а, к сожалению, она работает на всех парах, её деятельность прогрессирует с каждым днём. Фабрикантами являются разные «комиссары и коммунисты», из которых часть действует сознательно, а другая часть поняла коммунизм, как господство насилия и хулиганства. Понятно, что в деревнях есть и наши враги, но

повод для контрреволюционной агитации дают «свои». Более 90 % крестьян были бы настроены за советскую власть, но они темны, газет не получают и не знают, что Центральное правительство против хулиганств. Почему мы имеем в деревнях 90 % врагов вместо друзей. Их заставляют братья за оружие, а потом расстреливают за «контрреволюцию».

Неудивительно поэтому, что деревня становится контрреволюционной и что каждый день бывают восстания. Когда я был в Тиму, ко мне явилась женщина, дрожащая, и рассказала следующее: в деревне Пузачах к ней на квартиру комбед поселил «коммуниста». Она вдова, имеет четырёх детей и старых родителей.

Этот негодяй терроризирует всю семью, расхищает всё имущество, каждую минуту угрожает убийством или при криках всей семьи бросается на мать, эту вдову, с ножом, угрожая зарезать.

Она обратилась по этому поводу к председателю уисполкома, но он ответил, что исполком «такими пустяками не занимается». Случайно она узнала про нашу комиссию, и я передал это дело в ЧК с просьбой расследовать это дело, что мне обещано. Но если бы она сама обратилась в ЧК, её даже не выслушали бы, а может и прогнали бы. [...] Председатель партии Кретов пьянствует. Председатель ЧК Крышкевич тоже не прочь выпить, вообще весь исполком пьянствует. [...] Раздоры, дразги на личной почве между всеми ответственными работниками доминируют над всем. Всякие государственные интересы отступают на задний план. Кроме заведующего агитационно-просветительным отделом Терехова нет ни одного настоящего коммуниста (Терехов — ученик Гюрина). Но и его выжидают оттуда. Заведующий земельным отделом бывш. председатель партии Афанасьев приказал военному комиссару уволить в 24 часа сотрудника военкома за то, что последний попросил Афанасьева снять в комиссариате шапку по установленному правилу.

Бывший военком Мосалов терроризировал население. Он выселил из квартиры целую семью из 7-ми человек в декабрьские морозы и поселился один, а потом водил к себе девушек и устраивал вакханалию. Когда выселенная семья пошла жаловаться в ЧК на действия Мосалова, им пригрозили арестом за «жалобы на начальство». Дошло до того, что караульная рота постоянно волнуется на почве хулиганства и пьянства членов исполкома. Председатель ячейки роты пришёл к Терехову и плакал. Красноармейцы даже угрожали арестовать исполком. [...] Вот картинка Советской власти в Тиму. Таковы главари, что же делали в деревнях рядовые «коммунисты»? Они терроризируют всё крестьянство уезда, они довели до того, что крестьянин боится красноармейца и коммуниста хуже огня. В деревнях

сплошное хулиганство и грабёж со стороны «коммунистов». К сожалению, в Тимском уезде целых 4000 коммунистов (там принимают в партию всех желающих). Неудивительно, что в уезде бывают 2–3 «восстания» в день. Какой-нибудь хулиган доводит крестьян до того, что они принуждены его выгнать или поколотить. Сейчас же вызывается ряд красноармейцев для усмирения «восстания» и нередко кончается расстрелами там, где надо сказать пару разумных слов.¹¹⁹ Красноармейцы рассказывали, что при мобилизации они спрашивали, зачем их мобилизуют, и получили ответ, что их пошлют на Западный фронт в помощь германцам против англо-французов (на Западный Рейнский фронт, а не русско-немецкий). Следует добавить, что из всех 4000 коммунистов ни один не обучается военному искусству наравне с другими гражданами и все уклонились от мобилизации, хотя сверстники многих из них призваны.

119 Прекрасной иллюстрацией к этому может служить история «кулацкого мятежа» в слободе Белой, как о том рассказывается в воспоминаниях А. Ломакина: «Летом 1919 г. в сл. Белой вспыхнул кулацкий мятеж. Дело происходило так. Член комитета бедноты Павел Глобенко поздней ночью встретился в одном из переулков сл. Белая с милиционерами К. Глековым и В. Верёвкиным. Все трое были навеселе. Завязался за что-то спор, затем драка. Верёвкин выхватил из ножен саблю и в порыве гнева ударил ею Глобенко по голове, тяжело ранил. Этот случай кулаки использовали в своих интересах, пустив слух, что Советы расправляются с бедняками. На второй же день раздался набат церковного колокола. По его зову на площади у здания сельского Совета совершенно стихийно собрался сход граждан. Сюда пришли мужчины, многие женщины, дети... Участники схода потребовали немедленно выдать им Глекова и Верёвкина на суд мира (виновники в это время скрылись из Белой). Сход шумел, гудел, как рой пчелиный. [Председатель ревкома Г.И.] Филимонов выступил с речью, пытаясь усмирить народ, но пьяные головорезы... стащили его с крыльца за полы кожанки и начали расправу. «Бей коммунистов», – кричали они в ярости. Досталось также и [его заместителю И.Е.] Тарапатину. Но этот изловчился. После нескольких ударов упал у калитки, прикинулся мёртвым, а когда от него отступили, ушёл на огороды и скрылся. Филимонова же били долго, зверски. Он всё поднимался с земли, бежал по площади, а его догоняли и кольями наносили удары. Весть о мятеже сразу же передали по телефону в город Суджу... В Белую срочно выехал вооружённый отряд конников, но на его пути в селе Белица возник пожар... поэтому помощь пришла только к вечеру, когда Филимонов был уже при смерти» (Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 22 октября, 27 октября 1977). Мемуарист приписывает пожар в Белице проискам кулаков, стремившихся задержать отряд. Он также не сообщает, что последовало в Белой за прибытием «вооружённого отряда конников», но можно не сомневаться, что «мятеж» был успешно подавлен. Филимонов Григорий Иванович родился на х. Виноградный станицы Новочеркасской в Области Войска Донского, по профессии был ветфельдшером, затем почтовым работником. Участник 1-й Мировой войны. Делегат 1-го Всероссийского съезда работников связи. С 1918 г. находится на партийной работе. Его именем назван парк в центре сл. Белой (Филимоновы О. и К. Таким был Филимонов // Колхозная правда. 21 ноября 1967).

В Новооскольском уезде в селе Ольшанке комбеду надо было перевезти кассу из одного места в другое, запрягли 2 попов в телегу и заставили их перевезти. Это мне рассказал председатель уисполкома. Когда я спросил, что предпринято по этому поводу, он мне сказал, что это частное дело комбеда. Между прочим, этот председатель самый лучший из всех уездных работников. Секретарь партии — человек с ограниченным умом. Во всех учреждениях Новооскола [Нового Оскола] не поняли, как истолковать декрет о суточных вознаграждениях. Секретарь партии объявил, что он декрет понимает и проводит его в жизнь. Интересно, как он его понял. Там сказано, что суточные не должны превышать 40 и [быть] не меньше 20 рублей. Не знаю, почему он решил, что надо сложить 20 и плюс 40 и разделить на 2 и всем платить по 30 рублей.

Председатель исполкома рассказывал мне, что многие комбеды заняты спекуляцией, выделкой самогонки и что на партийных съездах коммунисты критикуют центральную власть, почему хлеб и масло вывозится в центр и т.п.

Село В. Михайловка, где посадили в подвал, тоже Новооскольского уезда. Общее настроение уезда не очень хорошее. Литературы совершенно нет. У крестьян производятся незаконные реквизиции. Часто берут лошадей, но ничего не дают. Иногда берут 400–500 подвод для перевозки дров к железной дороге и ничего не дают за это.

Во всех уездах наблюдается страшная грызня между коммунистами на личной почве, борьба за власть. Почти везде есть две партии и между ними происходит форменная война, которая приводит к ужасным результатам. Такую войну я наблюдал в Рыльске, в Тиму, в Новом Осколе. Но особенно жестока она в Короче. Всяки государственные и общественные интересы пошли насмарку. На каждом шагу интриги, доносы и подкопы. [...] В сущности говоря, я не знаю, кто из 2-х партий прав и кто нет. Обе партии настолько обсыпали друг друга грязью, столько донесли, что трудно разобрать что-либо. Но, как видно, и те, и другие — негодяи, мечтающие о взаимной гибели и забывающие серьёзность переживаемого момента. Единственный истинный работник и настоящий коммунист — это бывший комиссар и теперешний помощник военрука Кривчиков.

Секретарь партии Островская является полным диктатором в уезде, её муж Зенченко — председатель исполкома. Арбузов, председатель ЧК, — личность весьма подозрительная. Месяц тому назад полными диктаторами в уезде являлись Реутов и Подпорин — 1-й заведующий агитационно-просветительским отделом, 2-й испол-

комом. Таких хулиганов и пьяниц очень мало, и они терроризировали уезд. Теперь один арестован, а другой сбежал с деньгами. Впрочем, не он один: в Короче десятки лиц сбежали с деньгами, кто 100, кто 30, кто 50 тысяч [украл], на всех хватило, потому что Орёл отпустил 6 миллионов, а отчёта и не думал просить. Вышло так, что Корочанский уезвоенкомиссариат израсходовал больше 5-ти миллионов, а соседний уезд 300–400 тысяч. Этот-то Реутов и Подпорин присудили коменданта города Герасимова к расстрелу и хотели привести приговор в исполнение, только вмешательство Кривчикова спасло жизнь Герасимову.

Военком Краснокутский объявил свободную торговлю для красноармейцев. На этой почве чуть не произошли серьёзные события. Член исполкома Селюков колотит крестьян, производит незаконные реквизиции лошадей в деревнях. Ко мне приходили крестьяне жаловаться, что Селюков приехал, забрал 4-х лошадей и увёл за два дня до мобилизации.

У Кривчикова я читал целую кипу заявлений на действия ЧК (к Кривчикову обращаются все обносимые, больше не к кому). Одна бедная вдова жалуется, что у неё забрали пять пар чулок, другая — две пары панталон и т.п. У одного ЧК отобрала охотничье ружьё и отдала его своему сотруднику. Как раз в дни нашего приезда в городе был маскарад. ЧК оцепила здание, начала обыскивать всех присутствующих. На маскараде искали оружие. Месяца 1 1/2 тому назад [ЧК] наложила контрибуцию на попов, взыскала 14 000 рублей — это вызвало сильное недовольство крестьян.

Вообще ЧК служит предметом ужаса по всей России. Про председателя Новооскольской Чрезвычайной комиссии рассказывали, что женщины получают от него записочки: «если не придёшь сегодня ночью, завтра арестую»¹²⁰.

И не только ЧК, вообще большевиков и красноармейцев очень боятся во многих местах. Приведу случай, когда мы приехали в Новый Оскол, по нераспорядительности военкома и заведующего квартирным отделом нам не отвели квартиры. Когда они почувствовали, что за это они могут ответить, они начали в 10 часов ночи рыскать по городу. В 11 часов прибегает запыхавшийся квартирным отделом Шуленко и говорит: «Квартира есть, но там боятся впустить вас, плач, вой». Тогда тов. Дроздов пошёл узнать в чём дело. Оказывается, что там живут 4-е женщины, 2 учительни-

120 Согласно воспоминаниям старожилов, подобная практика получила в 1920-х гг. творческое развитие в деятельности тогдашнего председателя Льговской ЧК. Он арестовывал мужей приглянувшихся ему женщин, освобождая их только после личного ночного свидания с их жёнами.

цы, старушка и ещё одна. Когда они уже спали, ворвался Шуленко и объявил, что он пришлёт к ним на квартиру 4-х большевиков. Когда они начали умолять не делать этого, он закричал: «Ну так я всё-таки пришлю большевиков, и они вас зарежут!» Можно себе представить, что там творилось. Вот какое мнение о большевиках прививают господа «коммунисты» вроде Шуленко. Обывателей пугают большевиками, как детей чертями и волками. Оказывается, что Дроздов — знакомый этих женщин. И каково было их удивление, когда они увидели не зверей, а людей, с которыми приятно побеседовать. При отъезде они нас угощали и благодарили за посещение. Трудно себе представить, как этот самый Шуленко лакействовал перед нами, носил сам кровати для нас, все свои подушки принёс. Что эти женщины такого мнения о большевиках — неудивительно. Они газет не читают, что делается в Москве, в Петербурге не знают и всех большевиков меряют на Корочанский аршин. А в Короче со стороны большевиков могли видеть только хулиганство, убийства и пьянство. [...]

Вот каково положение в той части Курской губернии, где я был. Причины, вызвавшие эти явления, не являются специфическими для Курской губернии. [...] Пребывание в Ливенском уезде только подтвердило мою мысль о том, что это печальное явление не носит местного характера, а оно общероссийское.

Я смело могу сказать, что всё крестьянство Ливенского уезда стонет, и что если не будут приняты самые срочные меры, неминуемо страшное восстание крестьянства. Настроение страшно подавленное, крестьянство задавлено. Власть держится исключительно на штыках. Крестьянство страшно напугано. Для того чтобы этот страх поддерживать, время от времени производятся расстрелы. На каждом шагу слышишь ужасы. В сёлах всеобщее пьянство «коммунистов».

Разные комиссары заставляют крестьян шить сапоги, собирают их. На каждом шагу реквизиции по твёрдой цене, раз в пять ниже установленной (сало, например. 2 руб. фунт), и это практикуется в широком масштабе, но в подавляющем большинстве случаев и этого не платят, да и крестьяне сами боятся брать деньги, опасаясь мести. Крестьяне ненавидят коммунистов. У них существует различие между коммунистами и большевиками. При большевиках было хорошо, а при коммунистах — хуже, чем при царе.

Чрезвычайный налог ещё больше обострил отношения. Я знаю очень многие случаи, когда продаются дома, амбары на снос, т.е. постройка разрушается, а материалы продаются (это называется социалистическое строительство). Крестьян заставляют продавать

скот. Часто крестьянин облагался большими суммами для того, чтобы он продал лошадь или корову, а коммунисты и комиссары покупали их и потом спекулировали. Такие явления почти везде. Это особенно вызывает возбуждение.

В Вышнеольшанской волости председатель комбеда пьянствует с другими коммунистами, стреляют. Присланную мануфактуру забрали себе. В одной волости (забыл название) военком забрал себе за бесценок жеребца, который оценивался в 6000 рублей. Поэтому волновалась вся деревня, так как этот жеребец служил для завода. В селе Речица (Речицкой волости) председатель комбеда Зацепилин купил продававшегося имущества на многие тысячи, такие картины почти во всех сёлах. Затем существует обычай обмена своей плохой лошади или коровы на чужую хорошую (например, в д. Набережной Урицкой волости). В Болошевской волости председатель совета Руднев, Евлакиев, Черников и другие устраивают пьяные пирушки и катаются на рысаках в пьяном виде. То же самое в Вышнедолжанской волости. Эти факты — частица в море. [...] Член Ливенского комитета РКП Радзевич–Белевич говорит, что глядя на всё это ей хочется умирать, только надежды на то, что центр примет меры против этого, придают ей силы для работы. Председатель Совдепа Октябрьский (прежняя фамилия Приказчиков) позорит свою новую фамилию. Раньше он был хорошим революционером, но власть его испортила. Теперь он пьянствует, появляется в театре и в других публичных местах весь увешанный золотом (откуда он его взял столько — неизвестно), по этому поводу по всему городу сплетни. Красноармейский клуб ходатайствовал о проведении электричества, в этом отказано за отсутствием энергии, а Октябрьский к себе на квартиру провёл. Когда я проходил мимо его квартиры, в столовой горели две большие люстры и стенные лампочки. Все речи ливенских работников носят такой характер: «Мы вас перевешаем, мы зальём реку Ливенку кровью, мы сотрём вас с лица земли».

Положение в уезде страшно подавленное. Малейшая возможность — и в уезде восстание, и если в августе в восстании приняло участие 15 тысяч, то теперь число недовольных во много раз больше.

Вот как оскверняют коммунизм наши «коммунисты» на местах и вот как укрепляют Советскую власть. Когда я указал Сафонову (тов. председателя исполкома) на недопустимость держаться исключительно на силе штыка, не имея почти ни одного сочувствующего и будучи окружённым сотнями тысяч врагов, он сказал: «У нас нет бедноты, у нас только кулаки, а с ними иначе действовать нельзя и не нужно».

На самом деле истинно кулацкие элементы составляют небольшой процент. Хуже всего то, что население до того напугано, что боится даже рассказывать о похождениях начальства. Многие боялись сказать свою фамилию. Неопытная комиссия может быть введена в заблуждение, так как крестьяне боятся рассказывать, опасаясь мести всесильных «комиссаров», а месть будет жестокая, гораздо страшнее мести городничего. На всякую подлость они умеют находить оправдание, это я сам наблюдал. [...] Во время пребывания в Орле приходили два агитатора из Ливенского уезда. Со слезами на глазах они умоляли меня содействовать спасению уезда. Они недавно из уезда и говорят, что назревает страшное восстание, крестьянство не в силах больше выносить этого»¹²¹.

Примечательно, что автор доклада видит причины ненависти к Советской власти в действиях отдельных «хулиганов и негодяев», однако как раз «настоящие коммунисты» и выглядят одиночками в тексте его доклада. Две–три фамилии их теряются среди «4 000 «коммунистов» Тимского уезда», среди тех «большевиков», именем которых в Новом Осколе пугали горожан, среди ливенских «борцов с кулачеством». Поневоле создаётся впечатление, что виновны тут были не отдельные личности, а сама система, при которой эти личности получали такую свободу деятельности¹²².

121 НА КОКМ. Д. 38. Л. 327–343 (машинописная копия документа из: ЦГАКА СССР (ЦАМО РФ), ф. 10, оп. 1, д. 110, л. 113–121).

122 Красный партизан Н.С. Исаев в своих воспоминаниях бесхитростно повествует о своей личной встрече с В.И. Лениным, в ходе которой между ними произошёл примечательный разговор. Спросив, как зовут молодого красноармейца (мемуаристу было тогда 18 лет), откуда он родом и давно ли в Красной Армии, Владимир Ильич с улыбкой поинтересовался: «Значит, уже приходилось бить буржуев?» «В Донбассе даже одного пузатого попа заколол штыком, товарищ Ленин», — вырвалось у меня. Владимир Ильич, громко рассмеявшись и хлопая меня рукой по плечу, сквозь смех сказал: «Вот как, значит попа пузатого, прямо штыком и, наверное, в пузо?» «В живот его, товарищ Ленин», — ещё вырвалось у меня. «Товарищ Ленин, — не скрывая улыбки, сказал комиссар полка товарищ Вакуленко. — Это секретарь комсомольской ячейки, член партии с декабря семнадцатого года». Лицо товарища Ленина посерьёзнело. Он ещё пристальнее посмотрел на меня, протянул мне руку, которая была тёплая и немного влажная, пожимая ею мою правую руку, сказал: «Молодец, товарищ молодой красноармеец, бывший шахтёр. Всех, кто поднял оружие против нашей родной партии и власти Советов, тех надо беспощадно уничтожать мозолистыми руками рабочих и крестьян. Уничтожать именем пролетарской Социалистической революции» (*Исаев Н.С. Мои воспоминания о Гражданской войне* (рукопись из фондов Рыльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 41–42 [орфография подлинника сохранена]). Надо ли удивляться, что рядовые бойцы революции в точности выполняли наказания, данные им её вождём. Интересно, что в опубликованных в 1969 г. отрывках из мемуаров Н.С. Исаева, где также описывается встреча с Лениным, этот многозначительный разговор был опущен.

То, что такая система не являлась результатом самоуправства отдельных «хулиганов и негодяев» на местах, явствует из заявлений, исходивших с самых вершин большевистского Олимпа. Поразительные откровения довелось услышать А.Л. Ратиеву из уст самого Л.Д. Троцкого, выступавшего перед курскими коммунистами 14 декабря 1918 г. в помещении бывшего Дворянского собрания.

Кратко, но «ясно и доступно для аудитории» обрисовав международное положение Советской республики, Троцкий перешёл к внутрипартийным делам. Эта часть выступления особенно ярко врезалась в память слушателей:

«Как я сказал, необходимо разобраться в положении дел в рядах нашей партии. К сожалению, оказалось, что там находится ещё много таких слюнявых интеллигентов, которые, как видно, не имеют никакого представления, что такое революция. По наивности, по незнанию или по слабости характера, они возражают против объявленного партией террора. Революцию, товарищи, революцию социальную, такого размаха, как наша, в белых перчатках делать нельзя!.. Каждому из вас должно быть ясно, что старые правящие классы своё искусство, своё знание, своё мастерство управления получили в наследство от своих дедов и прадедов. А это часто заменяло им и собственный ум, и способности.

Что можем противопоставить этому мы? Чем компенсировать эту неопытность? Запомните, товарищи, — только террором! Террором — последовательным и беспощадным! Уступчивость, мягкотелость история никогда нам не простит. Если до настоящего времени нами уничтожены сотни и тысячи, то теперь пришло время создать организацию, аппарат, который, если понадобится, сможет уничтожать десятками тысяч. У нас нет времени, нет возможности выискивать действительных, активных наших врагов. Мы вынуждены стать на путь уничтожения, уничтожения физического, всех классов, всех групп населения, из которых могут выйти возможные враги нашей власти.

Предупредить, подорвать возможность противодействия — в этом и заключается задача террора!.. Есть только одно возражение, заслуживающее внимания и требующее пояснения. Это то, что уничтожая массово, и прежде всего интеллигенцию, мы уничтожаем и необходимых нам специалистов, учёных, инженеров, докторов. К счастью, товарищи, за границей таких специалистов избыток. Если будем им хорошо платить, они охотно приедут работать к нам. Контролировать их нам будет, конечно, значительно легче, чем наших. Здесь они не будут связаны со своим классом и

его судьбой. Будучи изолированы политически, они поневоле будут нейтральны»¹²³.

Не только Александр Ратиев, случайно попавший на это собрание, куда пускали по специальным пропускам, но и партийцы, присутствовавшие там на законных основаниях, слушали откровения вождя революции затаив дух:

«Тишина, такая тишина в зале, что мне кажется, что тут нет никого, кроме нас двоих, — его, отверзающего передо мной бездну, и меня, стоящего у самого её края... Молча выходим под чистое звёздное небо, молча идём рядом. Я, который только что услышал безапелляционный приговор, что и он подлежит, рано или поздно, физическому уничтожению, и вот эти другие люди, уже вступившие в партию, обязанные её абсолютной солидарностью, подчинением, и, естественно (только помнят ли они об этом), моральной ответственностью за принятый курс»¹²⁴.

5. Разгул анархии

В первой половине апреля 1918 г. для Советской власти в Курской губернии сложилась критическая ситуация. С одной стороны росло внутреннее недовольство политикой, проводимой её органами и отдельными представителями. С другой стороны резко обострилась внешняя угроза — перешли в наступление войска украинской Центральной Рады, опиравшиеся на поддержку германских частей. Оборонявший территорию губернии «Курский отряд Западного участка отрядов Завесы», командование которым было возложено на председателя губсовнаркома Е.Н. Забицкого, был не в состоянии оказать действенное сопротивление. Немцы и гайдамаки захватили Путивль, Рыльск, а 10

123 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 228–229. Следует отметить, что, завершая теоретическое обоснование террора, Л.Д. Троцкий напомнил слушателям: «Но, товарищи, запомните одно — раз и навсегда! Об этом нам говорит, опять-таки, опыт истории, опыт всех революций. Какие бы разногласия ни появились у нас в партии, как сейчас, так и в будущем, что естественно, мы должны всегда искать пути для их мирного разрешения. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы наши внутренние споры привели к пролитию крови. Первая её капля, ставшая между нами непреодолимой преградой, может оказаться фатальной» (Там же. С. 229). В этом и было единственное различие в подходе к террору между «старой ленинской гвардией» и «верными сталинцами». Для И.В. Сталина и его последователей партийная принадлежность противника уже не имела равным счётом никакого значения.

124 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 230.

апреля, несмотря на упорное сопротивление отрядов Трунова и Дыбенко, взяли Белгород. Среди красногвардейских отрядов, неумело руководимых и плохо снабжаемых, росли слухи об измене в верхах. На улицах городов почти открыто хозяйничали уголовники. В самом Курске местная милиция безуспешно вела борьбу с «признанным шефом и организатором» бандитизма — дезертиром Голощаповым. Действия членов его шайки отличались и своеобразной «революционностью». Так, например, в феврале 1918 г. на ул. Золотой ими был убит молодой поручик, имевший несчастье носить офицерскую шинель со следами срезаемых погон. В компании молодёжи он возвращался с вечеринки, когда к нему «подошли двое в солдатских шинелях, и один из них молча вынул из-под полы обрез и двумя выстрелами в упор убил поручика наповал». Убийц никто не преследовал, и, похоже, никто даже и не искал — ведь, как пишет очевидец, «то, что только что произошло, просто узаконенное теперь очередное убийство «золотопогонника»!¹²⁵

Ситуация усугублялась разгулом полуанархических партизанских банд, подлинное нашествие которых на ставшую прифронтовой и пограничной Курскую губернию началось весной 1918 г.

Одна такая банда объявилась в Тимском уезде: «Однажды в середине апреля к зданию президиума уездного ревкома подскакал конный отряд примерно в 70–75 сабель. Впереди отряда реяло огромное красное полотнище, на груди каждого всадника алели большие красные банты. Войдя к председателю ревкома Ровенскому, командир отряда с развязным видом заявил, что они прибыли припугнуть буржуазию города и собрать с них средства на содержание отряда. На ответ Ровенского, что такого самочинства ревком не может допустить, посыпались брань и угрозы с обвинением ревкома в покровительстве буржуазии. Дело едва не дошло до револьверной стрельбы. Твердость Ровенского и других членов ревкома и меры по приведению в боевую готовность гарнизона заставили отряд смириться. Ему было разрешено на некоторое время остановиться в городе для отдыха. Одновременно о подозрительном поведении отряда было сообщено в губернский военный комиссариат. Выступивший из города отряд по направлению к ст. Солнцево был обезоружен высланной из г. Курска воинской частью»¹²⁶.

125 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 141.

126 *Черников М.Н.* Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. — Курск, 1963. — С. 105–106.

Известен и случай, когда один из таких красных отрядов пытался сорвать миллионную контрибуцию с Обояни¹²⁷. Это произошло ещё в конце 1917 г., когда часть матросов, участвовавших в разгроме ударников, «заехала в Обоянь и, зайдя в Революционный Совет, потребовала себе за труды по охране Обоянского уезда контрибуцию в 1 милл. рублей. Всякие разговоры были излишни, и оружие блеснуло в их руках, но тут члены Совета выскочили кто куда в окна, комендант города т. Аносов вступил с ними [матросами] в разговоры и пререкания, а под окнами очутился как из-под земли Лазарев с двумя пулемётами. Матросы смирились и удовлетворились получением натурой харчевых на дорогу. Их проводили на вокзал и дали специальный поезд до Ржавы»¹²⁸.

Не прекращались конфликты между населением Дмитриевского уезда и представителями Советской власти, а также красноармейцами. Одним из основных очагов их была Гламаздинская волость, известная своим винокурным заводом. 19 августа 1918 г. отряду, прибывшему для реквизиции ста пудов смешанного спирта «для передвижных нужд грузовых автомобилей, обслуживающих продовольственные ссыпные пункты уезда», было отказано в выдаче. Поведение отдельных красноармейцев вызвало открытое столкновение, и отряд был обстрелян¹²⁹. Продолжение подобных инцидентов привело к тому, что 3 сентября «город Дмитриев и его население объявляются на осадном положении с распространением основной беспощадной борьбы со всеми контрреволюционерами».

В апреле же 1918 г. (незадолго до праздника Пасхи) вспыхнуло восстание в Короче. По утверждению старого большевика П.А. Шалимова, поводом для восстания послужила тщательно продуманная провокация со стороны «местной корочанской контрреволюции: эсеров, торговцев, гимназистов и прочей швали, нечисти». По его словам, 22 апреля «два головореза из банды заговорщиков, переодевшись в морскую форму и выдавая себя за красногвардейцев, на глазах людей потребовали от торговца Шафирова и владельца маслобойного завода Нужного отдать им золото, а когда те выполнить ультиматум отказались, они их расстреляли. И с этого началось. Поднялся колокольный звон ураганной силы, зазвонили во всех церквях... Они [мятежники] захватили власть в свои руки. Убили военного комиссара Дорошенко и его соратников, захватив

127 Кизрин И.Г. Указ. соч. С. 79.

128 Летопись революционной борьбы в Курске. — Курск, 1923. — С. 31.

129 Комаров А.А. Указ. соч. С. 22.

их внезапно в рабочем кабинете, а разбежавшихся других представителей Советской власти ловили и сажали в тюрьму»¹³⁰.

Учитывая нравы уездных красногвардейских отрядов, следует признать, что, скорее всего, тут не было никакой провокации, а была лишь обычная практика неприкрытого грабежа под вывеской «реквизиций», а убийство Нужного (совершенное накануне святого праздника!) лишь истощило, наконец, терпение корочанцев. Под арестом оказались практически все видные корочанский большевики: И.М. Пузанов, М.У. Умников, М.В. Мантулин, А.Н. Цариченко, С. Уваров, П. Кривчиков и другие. Их намеревались расстрелять в шесть утра в страстную пятницу перед Пасхой. Однако в четыре утра 27 апреля в город со стороны Яблонова ворвался красногвардейский отряд «Молния» под командованием Марка Алексеевича Кабанова и его брата Арсения. Восстание было подавлено, Советская власть восстановлена.

Данное описание общего хода событий корректируют воспоминания Сергея Александровича Туника, одного из активных участников «восстания». Молодой чиновник военного времени, вернувшийся после развала армии в родной город, он привёз с собой небольшую «коллекцию» оружия: «она состояла из русских винтовки и кавалерийского карабина, японского карабина Ариса-

130 *Шалимов П.А.* Тяжёлый, но славный путь жизни Вениамина Михайловича Пузанова. — Рукопись. Л. 19; следует отметить, что имя комиссара С.В. Дорошенко упоминается в протоколе экстренного заседания уездного совнаркома 9 мая 1918 г., где он настойчиво вносил на рассмотрение своё внеочередное заявление «о необходимости сделать облаву в окрестностях Корочи, где скрываются бежавшие контрреволюционеры» (Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 287). Красочную характеристику этого деятеля даёт близко знавший его С.А. Туник, также активный участник апрельских событий: «У нас в Корочах председателем ревтрибунала оказался некто Дорошенко. С этим «предом» я учился в первом классе гимназии. Через месяц после начала занятий он украл в раздевалке у кого-то калоши; сторож видел это, и вора с треском выбросили из гимназии. Несколько лет о нём ничего не было слышно. Когда ему исполнилось семнадцать, он поступил рассыльным к мировому судье. За кражу марок судья его прогнал; Дорошенко поступил приказчиком в лавку к Чижиковым — проворовался и был выгнан. Таким образом, в Корочах он стал известен и работу получить нигде не мог. Делать было нечего, и Дорошенко отправился в Харьков, но тоже попался на краже. Отсидев, опять нашёл себе работу, опять совершил кражу, теперь уже со взломом, и как рецидивист на этот раз основательно засел в «даровую гостиницу». Настала революция, он как «пострадавший» получил свободу. Приехав в Корочу в матросской форме с пехотным георгиевским оружием на боку, начал наводить революционный порядок. Первым делом расстрелял мирового судью, который когда-то прогнал его за кражу. За такое рвение был назначен или сам себя назначил предом и комендантом города» (*Туник С.А.* Белогвардеец. Воспоминания о моём прошлом. — М., 2010. — С. 200).

ка... ко всему этому — по несколько тысяч патронов. Были ещё ручные гранаты разных систем, браунинг, наган, маузер, моя охотничья двустволка, несколько разных сабель и палашей, старинный китайский меч с разными надписями на нём, старинный револьвер отца работы 1878 года». Всё это было им припрятано во избежание неприятных объяснений с новой властью. Это было особенно благоразумно в свете того, что из-за угрозы продвижения германских войск Короча была официально объявлена «красной крепостью». По мнению С.А. Туника, «это было похоже на анекдот, лишённый остроумия. Гарнизон «красной Корочи» располагал одним пулемётом, с которым каждый вечер группа матросов отправлялась на передовые позиции». Однако порядки в городе ужесточились: «власти сильно нервничали. Ловили шпионов, искали оружие и по ночам, что уже не было секретом от многих, понемногу эвакуировались... Плохо было только то, что вдруг, ни с того ни с сего начали врывать в дома, грабить и попутно расстреливать».

О «восстании» Сергей Туник, как и многие корочанцы, узнал «в одно прекрасное утро», когда внезапно обнаружилось, что «все учреждения пусты, казначейство ограблено». Вскоре выяснилось, что красный гарнизон вышел из города и расположился лагерем примерно в километре от него. Отсюда красногвардейцы предпринимали вылазки, грабя и подчас убивая зажиточных горожан. На второй день этого странного безвластия С.А. Туник по просьбе своих друзей вскрыл тайник с оружием. Подобные схроны обнаружались и у других корочанцев, которые перешли к самообороне. Результаты не заставили себя долго ждать: «в полдень того же дня Шурка Уколов и Иоасаф Романенко пристрелили трёх пришедших «на охоту» из лагеря красных. Ясно, что комендант Дорошенко решил немедленно наказать «белых бандитов», и с группой человек в тридцать начал подходить по шоссе к городу. Свой единственный пулемёт они везли с собой на телеге. Мы немедленно заняли перекрёстки нескольких улиц, которые выходили в сторону неприятеля. Я залёг на центральной улице, продолжением её было шоссе, по которому в тот момент наступала группа красных. Первым, размахивая шашкой, скакал верхом на лошади один товарищ. В тот же момент Шурка стал на правое колено, спокойно прицелился и выстрелил. Наездник в матросской форме свалился с лошади вниз головой, а лошадь поскакала обратно. В рядах наступавших произошло смятение, они остановились, пустили несколько очередей из пулемёта, а потом быстро удрали в поле. Мы подошли к убитому, и оказалось, что

это наш старый знакомый — комендант Дорошенко. Пуля попала прямо в переносицу»¹³¹.

После этого красногвардейский отряд отступил в сторону Нового Оскола, а корочанские «мятежники» занялись самоорганизацией. Комендантом города был выбран штабс-капитан Роман Наумов, а его «штаб» составили Сергей Туник, Александр Уколов, Евгений Шаталов и полковник Турчанинов. Для выяснения общей ситуации была выслана разведка в Белгород. Обнаружив, что там уже находится германский гарнизон, корочанские посланцы просили немцев поскорее занять и Корочу. Однако немецкое командование отказалось, заявив, что имеет приказ не продвигаться далее с. Игуменка в восьми верстах от Белгорода. Зато повстанцам была оказана помощь оружием — им передали 300 винтовок и 15000 патронов к ним. Это намного превышало потребности «мятежников», поскольку в их рядах находилось не более сотни человек.

Вскоре после этого Короча была атакована красногвардейцами отряда братьев Кабановых. «Ночью в городе поднялась сильная стрельба, — вспоминает С.А. Туник. — Я спал не раздеваясь и через несколько секунд, схватив карабин, был на улице. Сразу стало ясно, что положение очень серьёзное: со стороны Бехтеевки заливалось несколько пулемётов. У нас их не было... Мы начали отступать по Курской улице вверх... Красноармейцы, группами человек по пятьдесят, занимали все перекрёстки, выставляя пулемёты, и о какой-либо защите города не могло быть и речи. Как потом выяснилось, красноармейцев было больше тысячи при нескольких пулемётах. А пулемёты им провозили крестьяне из сочувствующих, проезжали они мимо наших застав на окраинах города, спрятав оружие в возах соломы или сена... Наше спасение заключалось в том, что все нападающие были пьяны. Выступая из Нового Оскола, красные разгромили казённый склад спирта... Они могли легко окружить город, и тогда нам бы не уйти живыми... Из наших... во время нападения было убито человек семь или восемь. Преимущественно из тех, кто крепко спал и не сразу услышал стрельбу. Из нападавших гораздо больше. Три года спустя сестра рассказывала мне, что мимо нашего дома пронесли на кладбище более пятидесяти красных гробов... Братья Кудрявцевы, сидя в своём доме, уложили человек пятнадцать, пока их дом не подожгли ручными гранатами. Они, конечно, погибли. Удовенко с сыном, тоже отстреливаясь, недёшево продали свою жизнь.

131 Туник С.А. Белогордеец. Воспоминания о моём прошлом. — М., 2010. — С. 202–203.

Наши потери были невелики, но зато после — около сотни людей арестовали и расстреляли»¹³².

Апрельские события были не последним испытанием для жителей Корочи. В декабре 1918 г. из Курска пришлось направлять военные силы на усмирение самого партизанского отряда Кабановых, к которому примкнула и Корочанская караульная рота. Отряд «Молния» весной 1918 г. действовал в районе Старого Оскола, вызывая «боязнь эксцессов со стороны отряда» среди его жителей¹³³. Летом 1918 г. на базе «Молнии» был сформирован 6-й Корочанский полк¹³⁴. В августе М.А. Кабанов был отозван в Курск. Перебравшись в Корочу, «партизаны» перешли к ещё более активным действиям.

Курские власти были встревожены вестью о том, что в Корочке «все правительственные органы [были] разогнаны бандитом матросом Кабановым и в городе идёт поголовное уничтожение, насилие, сильные грабежи и убийства». Против корочанских партизан штабом 9-й стрелковой дивизии был направлен отряд П.И. Подцуева в 175 человек. Подцуев приблизился к пригородам Корочи 18 декабря. На следующее утро бойцы услышали со стороны города выстрелы. К отряду присоединились председатель уисполкома Арбузов и уездный военком Кривчиков. После этого «отряд разбился на цепи и дружными шагами, сняв эсеровские посты, которые были выставлены на окраине города, занял без всяких потерь город Корочу». Кабанов со своими людьми успел скрыться в окрестных лесах, караульная рота была разоружена и направлена в распоряжение штаба 9-й дивизии¹³⁵.

Отряд Подцуева оставался в Корочке до мая 1919 г., и ему «пришлось подавить, т.е. ликвидировать несколько эсеровских и кулацких восстаний». Наиболее серьёзное из них произошло 9 мая 1919 г. в самой Корочке. «В этот момент проходили две ярмарки — одна в центре города, другая на Бехтеевке, конная, и когда подводы упродкома подъехали к складам упродкома, а они находились в самом центре города, то эсеровская свора повела агитацию, что коней вывозят большевикам в Москву с Украины и т.д. Здесь сразу же вспыхнуло

132 Там же. С. 205–206.

133 *Рождественская В.М.* В те дни // Известия КГОК. — 1927. — № 5. — С. 53.

134 На заседании Корочанского уездного совнаркома 4 июня 1918 г. было принято решение «тов. Кабанова командиром 6-го Корочанского полка утвердить... Военно-политическим комиссаром в штаб Корочанского полка [назначен] Дорошенко (старший)» (Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 292–293).

135 Командиром 6-го Корочанского полка во второй половине декабря 1918 г. значится уже не Кабанов, а Кисель (Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 322).

восстание, и городская милиция во главе с начальником милиции тов. Рындичем ничего не могли сделать, так как на ярмарке также была пущена эсеровская агитация, что лошадей забирают от крестьян и большевики забирают (грабят) для себя... посланный от отряда один взвод, состоящий из корочан, был бандой эсеров окружён, а милиция в панике бежала, бросая врагам оружие и т.д. Тогда вся банда эсеров обрушилась на мою квартиру, которая находилась в центре города... была брошена в мою квартиру бомба, которую фельдшер околотка тов. Пузанов Ф.Н. выбросил в окно, и таковая разорвалась на улице, и банда в панике отступила. В этот момент я, несмотря на свою болезнь [Подцуеву недавно вырезали аппендицит], через сады и огороды добрался до казармы отряда и собрав что было в казарме бойцов отряда и наступали в цепь. Тремя залпами было ликвидировано восстание, убитых никого не было, раненых 7 человек. А главари и зачинщики восстания были арестованы и судимы на месте»¹³⁶.

В Новом Осколе в 1918 г., согласно воспоминаниям комиссара уездной ЧК З.Т. Ерёмкина, «было два восстания. Первое – восстание гимназистов и второе восстание – Второго Воронежского полка. Мы подавили эти восстания. Нам помогал Кабанов, который был здесь начальником партизанского отряда... Восстание гимназистов было организовано здесь. Я несколько раз допрашивал [их], что [за цели] они преследуют в восстании. Они говорили мне, что они думали, что советская власть только в одном Новом Осколе... что советская власть будет для них вредной. Опираясь на то, что немцы близко, они и думали кое-что сделать»¹³⁷.

Центральной губернской власти приходилось то и дело сталкиваться с возникшими на местах самостоятельными вооружёнными формированиями. Как вспоминал взводный командир 1-го Курского Советского отдельного батальона П.С. Малахов, в то время реальная власть «была на местах и эта власть имела свою «красную гвардию». В отдельных случаях приходилось разоружать эту «красную гвардию» и восстанавливать власть... действительную Советскую».¹³⁸

Пиком анархических беспорядков, творимых разложившимися и неуправляемыми красногвардейскими отрядами, стали апрельские события в самом Курске.

136 ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 38об–39об. Употребляемое повсюду П.И. Подцуевым слово «эсеры» является для него, судя по всему, просто синонимом контрреволюционеров.

137 ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 27. Л. 18, 23.

138 *Малахов П.С.* Контрреволюционное восстание Карцева в Курске в апреле 1918 г. (рукопись). – Л. 3.

К тому моменту на Курском железнодорожном узле скопилось большое количество эшелонов с солдатами демобилизуемой Русской армии. Это были распропагандированные революционными лозунгами солдаты, с отсутствующей дисциплиной, при этом в их распоряжении находилось оружие.

Как отмечали очевидцы, эшелоны с солдатами стали появляться в Курске ещё с декабря 1917 г. По ночам в городе стали раздаваться выстрелы, были слышны песни солдат¹³⁹. Нередко из-за отсутствия паровозов эшелоны оставались в городе на длительный срок. Очевидец и активный участник этих событий, Н.Д. Токмаков, вспоминает: «Мы знаем, что старая армия сама себя демобилизовала. Что значит демобилизоваться? Бойцы бросили фронт, но домой шли с оружием в руках. Солдатская масса хлынула с фронта в битком набитых вагонах, на крышах, под вагонами. Что они имели с собой кроме винтовок? Ничего. Нужно было их кормить. Что мы должны были сделать? Мы должны были облегчить все их пути, чтобы они могли вернуться домой, но наряду с этим нам не было интересно, чтобы они уходили домой с винтовкой. Курск стоял как раз на пути этой хлынувшей массы. Курск прежде всего должен был обеспечить себя оружием... — теперь нам самим были нужны винтовки для вооружения наших отрядов»¹⁴⁰.

Старый большевик-железнодорожник М.Г. Каширцев вспоминает, что в то время «через станцию [Курск] проходили разные эшелоны, в том числе и многочисленные банды... Некоторые были хорошо вооружены. Эшелонов было много, а паровозов не хватало, поэтому из-за паровозов возникали конфликты, вплоть до убийств. Так, например, был убит большевик Зеленский, хотя прямого отношения к выдаче паровозов он и не имел. Следующие через Курск банды часто оседали в Курске... По сообщению из Орла на Курск шёл эшелон с севера. По пути, на остановках, следующие в эшелоне бандиты во главе с [Р.Ф.] Сиверсом буйствовали, громили железнодорожное имущество... Красногвардейцы остановили эшелон на подступах к станции для переговоров. Это было ночью. Затем утром, под предлогом маневров, расформировали эшелон на две части и по отдельности разоружили»¹⁴¹. Любопытно отметить, что «бандитами» старый большевик именуется здесь красногвардейский «северный летучий отряд» Р.Ф. Сиверса, сформированный

139 *Краснов Б.* Делегат четырех съездов // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 200.

140 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 3.

141 *Каширцев М. Г.* Воспоминания (рукопись). — Л. 4.

для борьбы с контрреволюцией на Дону. О факте разоружения его частей упоминается также В.А. Антоновым–Овсенко и Н.Е. Какуриным: «отряд Сиверса... увлекаясь преследованием казаков, двигался не на восток, как ему было указано, а начал снижаться к югу. Прибывшие с фронта мировой войны подкрепления были направлены к нему; они оказались настолько небоеспособными, что два полка из них пришлось разоружить ещё в Орле и Курске»¹⁴².

Старая большевичка Правдивцева вспоминает, что в сторону Коренной пустыни двигался через Курск «поезд с какими–то военными в тельняшках. Они взбунтовались, требовали от нашего партизана продовольствия. Наши большевики их перехитрили: дали из города два выстрела, чтобы их напугать. Фурсов, Сорна Денис Иванович организовали рабочих, которые расцепили поезд... Выезжал наш отряд и обезоружил зачинщиков бунта»¹⁴³. Вероятно, этот же случай имеет в виду Р.И. Жердев, когда говорит о том, как в первых числах апреля 1918 г. ружейно–пулемётным огнём был обстрелян эшелон, который был «кем–то принят за белогвардейский». Жертв не было, но, по его мнению, «за этот случай, как раз по моему, те разложившиеся матросы и взялись кое–кому вправлять мозги на свои места»¹⁴⁴.

Особо сильно положение с бродячими военными подразделениями осложнилось в апреле 1918 г. На вокзале скопилось много войск. Это были демобилизованные солдаты, находящиеся в пути домой, и партизанские отряды Завесы, прибывающие в Курск для переформирования на регулярной основе. Части формируемой регулярной армии снабжались всем необходимым, но все остальные, в том числе разнузданные партизанские отряды Завесы, находились в скудном положении. В среде недисциплинированных войск началось брожение¹⁴⁵. Солдаты 1–го Революционного Курского полка открыто выступили «против некоторых членов Совдепа». У них были для того вполне веские причины. «Солдатам приходилось туго, — признаются описывавшие «мятеж» советские публицисты. — Самозванные снабженцы торговали обмундированием, хлебом из солдатского пайка. Исчезало и воинское снаряжение... Военный отдел губсовнаркома не подавал признаков существова-

142 *Какурин Н.Е.* Как сражалась революция. — Т. 1. — М., 1990. — С. 162; Антонов–Овсенко В.А. Записки о гражданской войне. — Т. 1. — М., 1924. — С. 101.

143 Стенограмма совещания старых большевиков г. Курска. 18 октября 1956 г. — Л. 32.

144 *Жердев Р. И.* Письмо сотрудникам Курского краеведческого музея от 22 января 1970 г. (рукопись).

145 *Краснов Б.* Делегат четырех съездов // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 201.

ния; в штабе полка кутили и развратничали люди, благосклонно назначенные на военные посты с ведома эсеровского президиума совдепа»¹⁴⁶. Обозлённые солдаты обвиняли своего командира во всех грехах разом: «в расхищении двух вагонов обмундирования, в пьянстве, разгуле и контрреволюции»¹⁴⁷.

Кроме того, причиной недовольства была и политика губсовнаркома, для которого существовали «свои» и «чужие» отряды. К последним, что неудивительно, относились полунезависимые партизанские формирования. Заниматься полноценным снабжением этих отрядов губсовнарком не имел ни желания, ни возможности. Когда терпение солдат кончилось, недовольство переросло в неподчинение властям.

В последовавших за этим апрельских событиях 1918 г., известных под названием «мятежа анархистов», до сих пор ещё немало неясного¹⁴⁸. Стоит отметить только, что очевидцы противоречат друг другу даже относительно даты начала беспорядков. Если Д.З. Мануильский телеграфировал из Курска 13 апреля: «11/IV в 10 часов вечера восстал 1 революционный Курский полк...», то комиссар особых поручений М.А. Ярема рапортовал 23 апреля Н.И. Подвойскому о том, что мятеж начался 14 апреля. В материалах же самой военной инспекции Подвойского упорно фигурирует дата 10 апреля, как дня «военного переворота в Курске»¹⁴⁹. При этом советский историк Л.Д. Глебов утверждал, что обстрел Курска и начало мятежа относится к 12 апреля¹⁵⁰. Из анализа документов следует сделать вывод, что решающие, наиболее яркие события произошли всё же 14–15 апреля, а к 10–11 апреля относится лишь начало стихийных беспорядков, не принявших ещё столь угрожающего размаха.

146 Юрченко И., Николаев Ю. Мятеж // Простор. 1957. № 6. С. 38–39.

147 Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 197.

148 Стандартное описание событий, наполненное обычными штампами советской историографии, содержится, например, в работе А.Н. Манжосова и Н.П. Фёдорова: «10 апреля 1918 г. в Курск прибыли два эшелона матросов-анархистов и уголовников... На станции разместился «Штаб военных моряков» во главе с бывшими царскими офицерами Карцевым и Мамаевым. Банды уголовников захватили городские гостиницы, начались попойки и грабежи населения» (*Манжосов А.Н., Фёдоров Н.П. Этапы большого пути. Ч. 1 (1868–1941).* — Курск, 1991. — С.89–90). Как показывают документальные свидетельства, моряков среди мятежников практически не было, Карцев был всего лишь унтер-офицером старой армии, а называть его отряд, входивший в состав 5-й армии Сиверса, «уголовниками» может быть и верно по сути, но совершенно неверно по форме.

149 НА КОКМ, д. 38, л. 27, 51.

150 Глебов Л.Д. Борьба большевиков за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. — Курск, 1952. — С. 104.

Первая вспышка произошла в сводном отряде под командованием Карцева — инспектора артиллерии 5-й армии Р.Ф. Сиверса. В его рядах числилось 300 человек при 3 орудиях. Этот отряд уже несколько недель стоял на курской железнодорожной станции. По воспоминаниям Н.Д. Токмакова, «Карцев — [был] молодой парнишка, малограмотный демагог... За время своего пребывания [в Курске] он занимался самочинными реквизициями. Все попытки Ревкома перебросить его отряд на фронт он отвергал, утверждая, что имеет мандат от Антонова–Овсенко, который его сюда прислал по делу мобилизации лошадей. Однако в действительности никакой мобилизацией лошадей не занимался, просто занимался «весёлой жизнью». Ну, а раз командир занимается «весёлой жизнью», то бойцам и бог велел вести весёлую жизнь». Бойцы грабили, пьянствовали, шёл горячий обмен, торговали налево и направо. И действительно, какой им смысл идти на фронт, когда и сыт, и пьян, и нос в табаке»¹⁵¹.

Сам Карцев, бывший унтер-офицер старой армии, артиллерист, в своих политических воззрениях колебался между эсерами и анархистами. Когда военно-революционный полевой штаб потребовал от него отбытия на фронт, он явился 10 апреля со своими телохранителями в губревком, объявив: «Мы за власть советов, но против Курского губсовнаркома, который властью не признаем!» Вслед за тем он предъявил настоящий ультиматум, в котором требовал смены губернского военного руководства, а также «предоставить отряду право наложить на местную буржуазию контрибуцию». Председателя губсовнаркома Е.Н. Забицкого в тот момент на месте не было, и Карцева встретил его заместитель Г.И. Акивис. Он был уже немало встревожен ползущими по городу слухами о том, будто «белая гвардия задумала разогнать советскую власть... что в гостинице «Франция» идёт совещание неизвестных лиц»¹⁵². В итоге при помощи командира кавалерийского отряда И.Т. Рожкова Карцев был разоружён и взят под стражу¹⁵³. Однако это только ускорило назревавший взрыв.

151 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10.

152 НА КОКМ, д. 38, л. 51.

153 Эпизод с арестом (или только разоружением) Карцева и обстрелом города поразному освещается в мемуарной литературе. Автор биографического очерка о Г.И. Акивисе утверждает, что утром 10 апреля «анархисты» произвели по городу пять артиллерийских выстрелов, после чего Карцев явился в губревком. Поскольку Е.Н. Забицкий скрылся в неизвестном направлении, то на встречу с «мятежником» вышел Акивис, которому хитростью удалось разоружить Карцева и двух его сопровождающих. Вызвав нажатием потайной кнопки И.Т. Рожкова (якобы адъютанта Забицкого), Акивис, «незаметно подмигнув» ему, заинтересовался, выставлено ли вооружённое оцепление вокруг здания. Поняв

Гостиницу «Франция» в это время захватили и разгромили разбушевавшиеся солдаты 1-го Курского полка, полагавшие, будто там спрятано оружие. Кроме того, солдаты пытались разгромить склады оружия и обмундирования, к чему их активно побуждал губвоенком Леонов, «который сулил бойцам всякие блага». В стихийном выступлении солдатской массы он надеялся найти опору для своей политической карьеры. Однако, благодаря стойкости полкового комитета, склады удалось спасти от разграбления. Впрочем, разбушевавшиеся солдаты быстро наверстали потерянное. Как испуганно сообщал в Москву 13 апреля Д.З. Мануильский, «11/IV в 10 часов вечера восстал 1 революционный Курский полк... Вооружённые кучки под видом ареста стали врываться в гостиницы, захватывая деньги и имущество. К восставшим примкнул свободный отряд Корцева, открывший стрельбу. Необходим вывод из Курской губернии этих развращённых элементов. Просим выслать дисциплинированных и преданных Советской власти войск. Неприятель [немецкие и украинские войска] от Курска в 80 верстах и в 15 верстах от Льгова»¹⁵⁴.

Карцевский отряд потребовал немедленного освобождения своего командира и открыл по городу артиллерийский огонь, дав пять залпов шрапнелью («к счастью, не причинивших вреда»). Затем, во главе со Слепцовым, мятежники двинулись на вырчку Кар-

хитроумный замысел, Рожков бодро отрапортовал, что все посты выставлены. Испуганный Карцев грозился пожаловаться самому Троцкому (!), но согласился сдать оружие (*Краснов Б.* Делегат четырёх съездов // Они были первыми. – Воронеж, 1969. – С. 201–202). В помещённых в том же сборнике воспоминаниях Н. Евсеевкова утверждается, что «Карцев и его приближённые явились в Курский ревком и предъявили ультиматум» за день до начала мятежа, то есть 9 апреля. Забицкий отсутствовал и Г.И. Аквис при помощи Рожкова разоружил «анархистов». На следующий день «мятежники» дали по городу пять артиллерийских залпов, после чего Аквис и Слвис вынуждены были двинуться к железнодорожной станции, чтобы «погасить мятеж» (*Евсеевков Н.* Вспоминая годы боевые // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 234). Н.Д. Токмаков в своих воспоминаниях утверждает, что никакого ареста вообще не было, а отряд Карцева, ошибочно «думая, что его начальство арестовано, выступил с ультиматумом освободить его, иначе разгромит Курск, и произвёл несколько выстрелов по городу» (ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10).

Григорий Исаакович Аквис – уроженец с. Вонячино Литинского уезда Подольской губернии. Вступил в РСДРП в 1906 г. В 1914 г. переехал в Курск. В 1917 г. избирается членом Совета рабочих депутатов. Председатель профсоюза рабочих табачно-махорочной и гильзовой фабрик. После октября 1917 г. – товарищ председателя губревкома. Делегат XI–XIV съездов РКП(б).

154 НА КОКМ, д. 38, л. 27–28.

цева, разогнав по пути контролировавший железную дорогу отряд Ковальчука. Самого Ковальчука «загнали в подполье, проведя его со станции под дулом нагана. Восставшие прервали всякую связь Курска с внешним миром и сделались хозяевами положения», — констатирует Н.Д. Токмаков¹⁵⁵.

«Помню, кто-то из сотрудников Губисполкома, выглянув в окно, закричал: «Смотрите, против нас установили пулемёт», — вспоминает М. Рындич. — Мы трое девушек, самые молодые, подбежали к окну и стали смотреть. На противоположной стороне, на ступеньках теперешнего кинотеатра им. Щепкина какие-то люди, одетые в матросскую форму, обвешанные гранатами и револьверами, установили пулемёт, направив на здание Губисполкома (который помещался в бывшем доме губернатора, теперешняя 2-я поликлиника). Они беспорядочно кричали и показывали руками на Губисполком. Все они были пьяные. Заметив, что из окна смотрят, они подбежали к пулемёту. Зав. канцелярией тов. Михайлов крикнул нам: «Ложитесь, сейчас будут стрелять». Мы легли на пол и действительно раздался выстрел, зазвенели и посыпались разбитые стёкла. Через некоторое время кто-то из нас выглянул в окно, но напротив уже никого не было и исчез пулемёт. Из Ямской тоже раздался один выстрел из орудия по городу. В городе началась паника»¹⁵⁶.

В этот момент, «совершенно неожиданно», по выражению Токмакова, в Курске появился Михаил Васильевич Служис, который с 4 апреля 1918 г. являлся помощником командующего войсками Курской губернии¹⁵⁷. Служивший при его штабе Б.М. Гуцин воспомина-

155 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10.

156 *Рындич М.* В борьбе за Советскую власть (рукопись). — Л. 6-7.

157 Служис Михаил Васильевич (22 июня 1888-1938) — родился в Бендерском уезде Бессарабской губернии в семье сельского учителя-молдаванина. Окончив гимназию, был в 1910 г. отчислен с 3-го курса Новороссийского университета за революционную деятельность. В 1914 г. закончил Виленское военное училище и выпущен подпоручиком в 148-й Каспийский пехотный полк. Командовал батальоном 10-го Заамурского пограничного полка. К 1917 г. дослужился до чина штабс-капитана. Примкнув весной 1917 г. к левым эсерам, он уже летом был судим за призыв к свержению Временного правительства. Член Полтавского ревкома, начальник отрядов Красной гвардии и военмором Балтфлота. С 4 апреля 1918 г. — помощник командующего войсками Курской губернии, с 11 апреля — командующий. Сыграл видную роль в период так называемого «анархистского мятежа» в Курске в апреле 1918 г., пытаясь поддержать порядок в городе. После упразднения по приказу Н.И. Подвойского 30 апреля поста главкома войск губернии с 1 мая 1918 г. — начальник войск Львовского направления. В июне-августе 1918 г. — командир 2-й бригады 1-й Курской Советской пехотной дивизии, прикрывавшей участок Льгов-Суджа. В августе отбыл в Москву по болезни. С 3 сентября — командир 1-го Московского особого советского батальона быв-

ет, что Слувис «имел военную подготовку и боевой опыт. Левый эсер–максималист, он вступил в партию большевиков. Он был невысокого роста, худощав. По первому впечатлению казался хилым человеком. Брюнет с небольшими усиками, выглядел грузинком, носил френч, брюки галифе, кавказскую обувь, бурку, папаху. Был властный, самолюбивый, решительный. Всегда хмурый, чем–то недовольный. Не видел я его улыбающимся, приветливым. Голос – резкий, говорил отрывисто, кратко. Чувствовал свою силу, занимая высокое положение»¹⁵⁸.

Когда вечером 11 апреля «матросы»¹⁵⁹ отряда Карцева ринулись в город, М.В. Слувис, только что прибывший в Курск с линии фронта, вместе с Г.И. Акивисом и самим Карцевым выступил им навстречу. По словам самого М.В. Слувиса, «когда прогремел первый залп... из большого здания губсовнаркома всех будто метлой повывело. Со мной остались лишь Григорий Исаакович Акивис – старый большевик, заместитель председателя Курского ревкома, один из членов губсовнаркома и эсер–максималист Кобозев, уже пожилой человек». Слувис и Акивис вызвали броневик и приказали привести в боевую готовность Курский революционный полк. На броневике в губсовнарком прибыл Татаринов, которого попросили пересесть в автомобиль и следовать в Ямскую за броневиком. «Недалеко от здания штаба они встретили цепь вооружённых людей из отряда Карцева. Цепь двигалась в полном боевом порядке, таща за собой пулемёты. Однако, когда Слувис приказал наступавшим повернуть обратно, они сделали это безоговорочно»¹⁶⁰.

ших унтер–офицеров в составе 1–й Украинской особой бригады Р.Ф. Сиверса. В октябре бригада вливается в 15 стрелковую дивизию, а М.В. Слувис вступает в РКП(б). С 31 декабря 1918 г. по 12 января 1919 г. временно командует 15–й дивизией, замещая заболевшего начдива Ю.С. Гузарского. С 28 апреля 1919 г. командует 56–й стрелковой дивизией, действующей на Тамбовщине против Антонова. В 1920 г. – помощник военкома Киевского округа, затем – начальник отдела Центрального управления снабжения РККА. 21 мая 1923 г. награждён орденом Красного Знамени. Погиб в период репрессий, реабилитирован в 1956 г. (*Липно Д.Д.* Честь и доблесть. Воронеж, 1980. С. 60–85).

158 *Гущин Б.М.* Борьба с немецкими оккупантами на Курской земле (1918 г.) // Курские мемуары. № 2. – Курск, 2002. – С. 9.

159 Н.Д. Токмаков отмечает: «Большую активность в этом восстании проявили матросы... Собственно говоря, матросов в Курске почти не было, те элементы, которые приняли участие в восстании, были просто под маркой матросской, которая видела во всём этом только наживу» (ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10).

160 *Евсеев Н.* Вспоминая годы боевые // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 234–235.

На вокзале Слувису и Акивису пришлось столкнуться с бурным возмущением солдат: «все люди, находящиеся в эшелонах, требовали немедленного ареста всего полкового штаба за то, что он им ничего не даёт, хотя всё имеет»¹⁶¹. Он потребовал встречи с командирами и членами отрядных комитетов, чтобы спокойно обсудить выдвигаемые требования. Пока шло это совещание, на бурном митинге, маневрируя и делая уступки толпе, Акивис сумел в какой-то мере овладеть ситуацией. Он призвал митингующих объединиться и сплотить ряды перед лицом общей угрозы со стороны немцев и гайдамаков. Однако гораздо больший эффект произвели действия Слувиса, которые неоднократно затем ставились ему в вину. «Сейчас т. Слувис хороший парень, — пишет в 1935 г. Н.Д. Токмаков, — однако с точки зрения исторических фактов я предъявляю ему несколько обвинений. Прежде всего... первым действием т. Слувиса было освобождение из тюрем уголовных элементов. Вторым действием Слувиса было следующее — он предъявил Ревкому требование выдать ему денег, несколько тысяч, а может быть даже миллионов, по тогдашнему исчислению, рублей, как контрибуцию в определённое время, иначе он разгонит Ревком»¹⁶².

«Услышав орудейные выстрелы, я сейчас же явился в полевой штаб, где никого уже не было, — вспоминает телеграфист Н. Горбачев, помощник начальника штаба боевой организации левых эсеров-интернационалистов. — Не совсем ещё зная, в чём дело, я пошёл оттуда с т. Стеценко (член штаба от ПСР) в штаб боевой дружины, откуда, взяв отряд, направился в полевой штаб для его охраны, но по дороге ехавший в Ямскую т. Слувис, как пом. командующего войсками обороны Курской губернии, приказал мне, Стеценко и Шурову ехать с ними на вокзал, где мы увидели пьяную ватагу, пытавшуюся снять 6-ти дюймовые орудия с платформы для обстрела города. Уговорив кое-как прекратить обстрел и успокоив часть отряда, мы снова с Слувисом и представителями отряда Карцевым, Гох и др. поехали в Горсовет, где бывший председатель Забицкий сдал свои обязанности Слувису, тогда как остальные члены Совета разбежались... В тот же день были распоряжением Слувиса, под давлением банды Карцева, распущены тюрьмы. Не зная об этом распоряжении и получив в штабе по телефону известие о роспуске заключённых, я поехал в автомобиле с Стеценко и Гохом (о котором лично я ещё ничего не знал), но было уже поздно: тюрь-

161 НА КОКМ, д. 38, л. 51.

162 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10.

мы все были распущены и Гох самодовольно сказал: «это наша братва действует». Тут я догадался, кто он такой, комментарии были излишни»¹⁶³.

Действительно, вместе с арестованными сподвижниками Карцева на свободу вышли и уголовные преступники, некоторые из которых быстро заняли видное место среди восставших. Среди них следует отметить Молокоедова и судимого за убийство Гоха. Но, так или иначе, к ночи волнения улеглись, а власть практически полностью перешла в руки полевого штаба, руководимого М.В. Слувисом — единственным представителем власти, активно проявившим себя в бурных событиях дня. Он был единогласно выбран главнокомандующим войсками обороны Курской губернии. Члены губсовнаркома, а в первую очередь Забицкий, Трубицкий и большевик Гридин, старались ничем не напоминать солдатам о своём существовании. «С этого момента штаб моряков захватил полевой штаб в свои руки. Были туда от них назначены Коак (нач. штаба), Сосвич, Карацинский и др., — пишет Н. Горбачев, — главное своё недовольство отряд Карцева выражал по адресу Забицкого, Трубицкого и членов Совета Рожкова, Семёнова, Немцева и других сотрудников штаба и ближайших сподвижников первых»¹⁶⁴.

Однако долго сдерживать вооружённую толпу, оставаясь на положении заместителя Забицкого, М.В. Слувис был не в состоянии. Положение обострялось тем, что на Курском вокзале скопилось множество солдат, разъезжавшихся по домам после разложения старой армии. Находившийся в Курске замнаркомпрода Д.З. Мануильский даже утверждал, что «поводом к беспорядку послужила полная деморализация эшелонов, ведущих себя, как неприятельская сторона». Он же сообщает, что после этих бурных событий «в течение двух дней кучка, вооружённая гранатами, терроризировала мирное население»¹⁶⁵. Позднее выяснилось, что стихийными беспорядками пытались воспользоваться в своих целях и отдельные личности из числа самих советских руководителей. Так, губвоенком Леонов, который ранее «требовал реорганизации штаба и стоял в резкой оппозиции к Забицкому», всячески старался направить недовольство солдатской массы против своих политических соперников из числа губернского руководства, в первую очередь, против того же Забицкого. По этому поводу Н.Д. Токмаков, явно сгущая краски, сообщает: «на сторону восставших перешёл Лео-

163 Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 14.

164 Там же. С. 15.

165 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 140.

нов. Говорят, что он большевик, но я его лично никогда в Губкоме не видел... Очевидно, в Леонове имелась определённая установка, чтобы свергнуть советскую власть. Леонов имел зуб не только против руководителя Ревкома т. Забицкого, но и целиком и полностью против всего Исполкома»¹⁶⁶.

В итоге в три часа дня 14 апреля толпа солдат и матросов во главе со Слепцовым ворвалась в помещение Совета, разыскивая Забицкого, Трубицкого и Гридина. На руках у «мятежников» имелся официально выписанный ордер на арест всего президиума губсовнаркома («причём под арестом разумелся расстрел») ¹⁶⁷. Не найдя успешных скрыться комиссаров, Слепцов взял под стражу попавшихся ему в руки начальника кавалерийского отряда И.Т. Рожкова и комиссара охраны Семёнова. Арестованы были также видные курские большевики М.Г. Каширцев и А.В. Тулупов («который, только благодаря своей находчивости, сумел часа через два освободиться»). Курские большевики в панике запросили по телеграфу помощи из Москвы¹⁶⁸.

Вскоре после этого состоялся бурный митинг в знаменитом кинотеатре «Гигант», на котором М.В. Слывис был провозглашён главнокомандующим войсками Курского губернии. В своём выступлении он много говорил о необходимости повышения обороноспособности, а кроме того, сумел путём уступок добиться вывода из города «чуждых, развращённых элементов». В завершение митинга была принята резолюция о полном доверии новому главкому, который был облечён «чрезвычайными полномочиями в деле военных операций»¹⁶⁹.

На другой день, 15 апреля, как зафиксировал в своём рапорте Михаил Ярема, «образовался из находящихся в Курске матросов Морской штаб, выбраны были два матроса из своей же среды, тов. Поспелов, председатель штаба, и организатор отряда тов. Сидоренко, принимают всех, кто желает поступить к ним». По мнению Яремы, единственными надёжными войсками в Курске является железнодорожная боевая дружина в составе 500 человек. Прочие же части были «деморализованы тем, что им не дают снаряжения и обмундирования, жалования по их требованию». Взы-

166 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 10.

167 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 190, 194.

168 См.: *Колонов А.* Мы верили в победу и завоевали ее // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 196.

169 *Латно Д.Д.* Честь и доблесть. — Воронеж, 1980. — С. 63.

вая к помощи центра, Ярема писал 23 апреля Н.И. Подвойскому о том, что для наведения порядка в городе следует части, не желающие идти на фронт, «расформировать или вставить в рамку власть Морского штаба» и с этой целью прислать в Курск «20 пулемётов, 4 броневики и 500 латышских советских стрелков»¹⁷⁰.

Вскоре в Курск вернулся с Белгородского участка фронта Н.Д. Токмаков. Он вспоминал позднее, как после начала восстания была потеряна связь с Курском, а прибывший на боеучасток со своим балтийским отрядом Дыбенко прямо заявил ему: «Раскололась ваша власть». Обеспокоенный комиссар поспешил в Курск и по приезде застал там печальную картину: «Ревкома нет, работает в подполье, Губкома тоже нет... пришлось искать товарищей, ходить, собирать. Я поймал Булгакова, Гуляева. Устроили совещание совместно с т. Забицким. Таким образом, власть нашлась. Т. Забицкий продолжал работать и в подполье. Губком тоже развернул работу в рабочем районе. Но официально в Курске была полная анархия»¹⁷¹. Характерным примером царившей в городе неразберихи служит случай, едва не стоивший жизни самому Токмакову. «Иду я в те дни как-то из квартиры, — вспоминает он, — встречаю моряка, — в лицо он меня знает. Здравствуйте. Здравствуйте, говорю, что вы так рано прогуливаетесь. Да вот мне Слувис поручил найти и расстрелять такого Маклакова — контрреволюционера, члена Государственной Думы, — теперь он является комиссаром Первого Курского полка. Вы, говорю, ошибаетесь, комиссар Первого Курского полка не Маклаков, а Токмаков, — это буду я. Да ты же, говорит, наш, рабочий»¹⁷².

Счастливо избежав участи члена Государственной Думы, Н.Д. Токмаков начал принимать меры по возвращению своего 1-го Курского полка под контроль советских органов власти. Вновь был устроен очередной митинг в «Гиганте». Здесь комиссару пришлось напрямую столкнуться с М.В. Слувисом, неодобрительно относившимся к подобной самодеятельности. «Когда я повёл беседу, — вспоминает Токмаков, — то врывается т. Слувис с группой матросов и заявляет: «я командующий вооружёнными силами Курского фронта». Не знаю, говорю, командующий вы или нет, не время сейчас выяснять. Тогда [он] просит у меня слова. Ну, думаю, что он может сделать, и я дал ему выступить. Тов. Слувис выступил очень хорошо — прежде всего против местной власти, он говорил, чтобы бойцы

170 НА КОКМ, д. 38, л. 51–52.

171 ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 9.

172 Там же. С. 11.

нас не поддерживали. Тогда я приказал ему прекратить разговор. Моряки, видя, что вождю их не дают говорить, стали у выходных дверей и открыли стрельбу, чтобы произвести панику. Я взял стул, поставил его посреди кино, устроив такого рода трибуну. Я сказал Слувису: оставьте помещение или я вас арестую. Больше его никто не стал слушать. Тогда я обратился к бойцам, заявив, что через 3–4 дня я их распущу и что они должны сдавать винтовки, всё снаряжение, постельные принадлежности, чтобы никто с собой не взял лишнего. Они мне дали слово, что всё это проделают, что ничего с собой не возьмут». Таким образом, не сумев поставить полк под партийный контроль, Токмаков сумел всё же вывести его из игры, попросту демобилизовав его почти целиком. Под ружьём остался отряд в 400–500 человек, проходивших обучение в казармах в Горелом лесу¹⁷³. Туда же вскоре уехал и сам Н.Д. Токмаков.

Об анархистствующих матросах и о бурных митингах тех дней, проходивших в кинотеатре «Гигант», красочно вспоминает боец 1-го Курского полка Р.И. Жердев: «Матросов мне приходилось видеть на каком-то собрании. На участников собрания они не походили, скорее всего это были конвойные. На поясе с боков у них висели гранаты, через плечи перекрещивались пулемётные ленты с патронами, а кроме того с одной стороны [висел] «маузер» в деревянной колодке и бебут с другой¹⁷⁴. Находились они во время проведения собрания на сцене и расхаживали по сцене наподобие пожарников. Помню, одно из собраний было очень бурным. Делал доклад один, как видно из больших командиров. Одет он был в хорошей бекеше с каракулевым воротником серого цвета, папаху он держал в руках... Зал был полон вооружённых винтовками красноармейцев. Матросы часто выходили по двое и четверо на сцену и расхаживали по ней. Докладчик выступил с резкой критикой по всем адресам. Он, например, указывал на полное отсутствие воинской дисциплины со стороны военных руководителей и самих красноармейцев. Ждут эшелон с красноармейцами на подкрепление, а приходят только списки. Назвал «летучую» дивизию «ползу-

173 Там же.

174 С этим можно сравнить описание красногвардейцев, подавлявших «контрреволюцию» в Глухове: «Кожний п'яний красногвардієць мав страшний вигляд. Всі були на лиці брудні, на кожному з них на перехресті лента від скоростріла [пулемёта] з набитими кулями, в кожного два або три голих нагани (револьвери за ремінним поясом), збоку черкеський ніж, довкола попричіплювані ручні гранати, в руках обкровавлений зі штиком кріс [винтовка]» (*Білокінь С.І.* Глухівська трагедія // *Сіверщина в історії України*. Випуск 2. Матеріали Восьмої науково-практичної конференції (Глухів, 15–16 жовтня 2009 р.) — Київ–Глухів, 2009. С. 166).

чей» и т.д. Но как только дивизию он назвал «ползучей», поднялся невообразимый шум. На этом собрание и было закончено. Когда выходили из помещения кинотеатра, то заметили пулемёт «максим», направленный вдоль тротуара у самого театра»¹⁷⁵. Вероятно, что «большим командиром», столь резко выступавшим на митинге, был сам М.В. Слувис.

Следует отметить, что, при всех эксцессах, «мятежники» отнюдь не выступали против Советской власти, как таковой. Скорее, они видели свою задачу в очищении Советов от отдельных лиц, вызывавших их недовольство. Сопровождающие этот процесс «незаконные обыски с грабежами и арестами, расхищение народного имущества, получение денег под угрозой штыков на три месяца вперёд» ничуть не противоречили их представлениям о «революционной законности». Более того, сам Карцев, объявивший себя «главнокомандующим штаба военных моряков», даже послал в Москву вполне верноподданническую телеграмму: «Курск. Главком войсками Карцев. 15 апреля. Главнокомандующий войсками Курской губернии от имени всех частей войск тыла и фронта сообщает, что по первому требованию Советских центральных учреждений курские войска с оружием выступают на защиту Советской власти»¹⁷⁶. Это, однако, ничуть не мешало на деле весьма мало считаться с распоряжениями этих самых «центральных учреждений». Так, М.В. Слувис явочным порядком отменил приказ главкома фронта В.Н. Егорьева о назначении помощником начальника штаба бывшего подпоручика К.П. Зильбермана. Имевшихся в составе полевого штаба «ставленников Совета» (около пяти человек) просто терроризировали, а «бывшего офицера Яковченко» вообще едва не пристрелили¹⁷⁷. Главной целью восставших не было свержение существующего строя. Это была попытка воспротивиться введению дисциплины в армии, дисциплины, целенаправленно разрушенной ранее большевиками.

Реальной силой в городе все эти дни оставался хорошо вооружённый и сплочённый «штаб военных моряков» в количестве 120 человек. В докладе Высшей военной инспекции он даже именуется «фактическим хозяином города». Всё это время, как с некоторым удивлением отметила инспекция, отряд «пьянствовал, грабил, убивал, устраивал оргии, арестовывал, врвался в квартиры

175 Жердев Р. И. Письмо сотрудникам Курского краеведческого музея от 22 января 1970 г. (рукопись).

176 Юрченко И., Николаев Ю. Мятеж // Простор. — 1957. — № 6. — С. 46.

177 Борьба за установление и укрепление советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 195.

и т.д., и т.д.; и всё это совмещалось при наличии полевого штаба и Совдепа»¹⁷⁸. Именно в те дни, 25 апреля, была похищена и ограблена знаменитая икона Знамения Божьей Матери. «В городе новая сенсация, — пишет А.Л. Ратиев, — из Знаменского собора точно в час дня выкрадена икона Курской Божьей Матери вместе с драгоценной ризой, с какой — никто не знает, т.к. их было несколько. Кто-то утверждает, что это та жемчужная, присланная в дар самим Стенькой Разиным. Сейчас весь район монастыря блокирован и там идут тщательные обыски, так как подозревают, что икону украли, якобы, сами монахи»¹⁷⁹.

Позднее Высшая военная инспекция РККА ставила «отличившимся» в те дни членам отряда в вину «полную дезорганизацию и терроризирование Совета и мирного населения, незаконные обыски с грабежами и арестами, расхищение народного имущества, получение денег под угрозой штыков за три месяца вперёд» и даже «агитацию среди гарнизона против Совета и подготовку «Варфоломеевской ночи»!¹⁸⁰ Конкретными пунктами обвинения бойцов «личного отряда Слувиса (Карцевского)» служили и собственно «военный бунт», и «обстрел города и Совета боевыми снарядами», и попытка ареста президиума Совнаркома. Полевой штаб Слувиса имел более колоритные грехи, среди которых «получение по ордерам спирта и вина «для нужд штаба». Конкретно: реквизиция вина у виноторговцев Нестерова и Новосильцева (распито штабом); в пьяном виде производство обысков; оргии в гостиницах; посещение штаба в пьяном виде; расхищение имущества, принадлежащего исправительному отделению под руководством «комиссара» Лоскутова. Вещи частью находятся в штабе моряков, частью расхищены солдатами из эшелонов и распроданы на толкучке. Повальные незаконные реквизиции помимо и вопреки постановлению Совнар-

178 Там же. С. 197.

179 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С.147. Белые, заняв Курск, утверждали, будто иконы были похищены и ограблены чекистами.

Похищены были сама икона и её копия. Их обнаружили 15 мая 1918 г. в Феодосиевском колодце на берегу Тускари две девочки, стиравшие бельё: «Иконы лежали на дне колодца, завернутые в мешок. Вытащив находку из колодца и развернув мешок, девочки увидели иконы, о чём сообщили своим семьям и проходившему с похоронной процессией св[ященнику] Иваницкому. Собранный комиссией иконы были признаны за те, которые были украдены из монастыря. В 11 час. дня по случаю нахождения икон на Красной площади отслужен был торжественный благодарственный молебен при толпе молящихся в несколько тысяч человек... Вечером во всех церквях города были отслужены молебны» (*Красная Армия*, № 5, 16 мая 1918 г.).

180 НА КОКМ, д. 38, л. 65.

кома... провоцирование центральной и местной власти путём агитации по поводу назначения военных специалистов: о введении якобы старых порядков». Но наиболее яркими подвигами озаменовал себя пресловутый «штаб военных моряков». Помимо всего вышеперечисленного, за ним числились: «антисемитская агитация и подготовка еврейского погрома, для чего у коменданта по охране представители моряков Сидоренко, Слепцов и другие требовали производства обыска в двух еврейских кварталах (28 апреля сего года); особо деятельной агитацией в пользу еврейского погрома занимались Слепцов, Сидоренко, Молокоедов, Гох, Поспелов.

Пьянство, спаивание солдат, для чего снимались у винных складов караулы и бесконтрольно забирался спирт.

Ночные обходы и налёты на автомобилях на частные квартиры с целью грабежа под предлогом поисков для расправ над членами Совета.

Маскарады–переодевания в матросские формы лиц, не имеющих отношения к флоту, с целью скрыться от уголовного преследования и терроризировать Совет и население.

Тяжкие уголовные преступления некоторых членов штаба... как например: убийство «матросом» Молокоедовым Чертога и его спутницы;¹⁸¹ бесконтрольные расстрелы, которые необходимо, но невозможно при настоящих условиях расследовать: ограбление волостных касс Чаплынской, Дьяконовской и других волостей и много других уголовных дел, которые ждут расследования.

Раскрытие тюрем (с участием Сидоренко, Мамаева и пр.)»¹⁸².

181 Вероятно, именно этот случай нашёл отражение в одном из эпизодов документальной повести И.И. Юрченко «Мятеж» (её рукопись хранится в научном архиве Курского областного краеведческого музея под названием «История анархистского мятежа в Курске»): «Площадь переходила девушка в лёгком осеннем пальто... На углу площади её ждал мужчина. Девушка ступила на тротуар, и они пошли вместе. Но тут спутницу взял за рукав Молокоедов. «Погоди-ка, прелесть!» «Отстаньте!» Мужчина пытался заступиться, но Молокоедов не обращал на него внимания. Когда же девушка вырвала руку, он лениво вытащил из кармана только что добытый пистолет... Двое лежали на тротуаре. Компания шла дальше».

182 НА КОКМ, д. 38, л. 81–84. О других «подвигах» Мамаева и «его подручного матроса Пацуева» сообщается в мемуарах А.Л. Ратиева, проживавшего в это время в доме своего деда Г.А. Новосельцева на ул. Золотой. Дом непосредственно примыкал к фабрике Новосельцева, на территории которой располагались склады спиртного. С января 1918 г. они находились под охраной военного караула. Однако весной караул был снят. «Каким-то образом это быстро становится известно матросскому отряду и анархистам, прочно обосновавшимся в лучшей курской гостинице, и через несколько дней к нам во двор врывается их объединённый отряд, предводительствуемый Мамаевым и его подручным матросом Пацуевым, на шапке которого красуется надпись «Десна». Их всего

Неудивительно, что бывший штабс-капитан Пошехонского полка Коак, назначенный Слувисом на пост начальника штаба, на вопрос Н.И. Подвойского: «Значит, вы состоите начальником штаба бандитских войск?», мог лишь развести руками: «Может быть, да»¹⁸³.

Между тем, открыв в пьяном виде стрельбу из револьвера у себя в комнате, Карцев «прострелил сам себя» и вскоре скончался в больнице. Сподвижники устроили ему пышные похороны, организатором которых назначили Гоха: «Кто-то предложил хоронить главкома с попом. Гох согласился, но одного попа показалось ему мало. Привели трёх. Попов запрягли в телегу. На телегу положили гроб. Похоронный кортеж направился в сторону Херсонских ворот»¹⁸⁴. Внезапная гибель командира вызвала среди соратников

семь человек. Привезли они с собой два пулемёта, которые тут же устанавливают во дворе, как видно, чтобы не допускать вмешательства посторонних в их личные дела... И морякам, и анархистам расположение погребов хорошо знакомо, и взломав беспрепятственно акцизные печати, они быстро возвращаются обратно к нашему дому с большой корзиной, доверху наполненной бутылками с наливками, коньяками, ликёрами, и удовлетворённые добычей, требуют предоставить им место, где бы они смогли устроить своё пиршество... Вскоре, в разгар веселья, тов. Мамаев вынимает маузер и начинает стрелять в потолок, анархисты следуют его примеру. Подобная идиллия вскоре переходит в спор, и недавние друзья, превратившись в противников, уже готовятся вступить в рукопашную... И, как это памятно ещё со времён царя Петра, «великая баталия» кончается тем, что «онный Бахус всех пошиб!» Среди занесённого снегом двора февральский рассвет обнаруживает только два одиноко стоящих пулемёта — без всякой охраны... а владельцы, которых они предназначены охранять, всё ещё находятся в приютившем их убежище в объятиях сна. Выходят они только к обеду» (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 142–143).

«...вечером к нам пришёл инженер Бака-Абаковский... рассказать об убийстве своего сослуживца-путейца, который возвращался домой со станции Ямская. Убил его без всякого повода и смысла оказавшийся случайно сзади него какой-то Мамаев двумя выстрелами из маузера в затылок. После того, как убитый упал ничком на землю, убийца перевернул его лицом к себе и стал с интересом разглядывать.

— За что вы его, товарищ? — спрашивает оказавшийся тут же невольным свидетелем происшествия локомотивный машинист.

— А ты что, сам разве не видишь? Это же настоящее капиталистическое отродье! Жалеть таких, что ли? — и убийца Мамаев, в дополнение к своим словам, сильно подает сапогом мёртвое тело» (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 146–147).

183 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 197.

184 *Юрченко И., Николаев Ю.* Мятаж // Простор. — 1957. — № 6. — С. 46. Со ссылкой на воспоминания М.А. Яремы, А.Н. Манжосов и Н.П. Фёдоров придают эпизоду с похоронами Карцева решающее для подавления «мятежа» значение: «перезаряжая револьвер, был смертельно ранен Карцев. На третий день анархисты хо-

борьбу за власть, и в итоге Гох, на глазах всего отряда, выстрелил и тяжело ранил Слепцова¹⁸⁵.

Вероятно, именно этот эпизод привёл к расколу в рядах «мятежников». В результате Гох и его сторонники покинули город. Согласно воспоминаниям щигровского большевика Ф. Кретова, «в конце апреля на станцию Щигры прибыл эшелон с анархистами. Атаманом у них был Гох. Все были хорошо вооружены, имели бронированные платформы, легковую машину. Анархисты напугали руководителей Совета и те разбежались. Скрылись также работники милиции, военкомата, председатель Совета левый эсер Помогаев и его помощники». Местные большевики организовали из рабочих чугунолитейного завода Щеглова отряд в 50 человек под командованием Осетрова, который взял под контроль склад военкомата, однако этих сил было явно недостаточно для того, чтобы противостоять Гоxu. Тогда «анархистам» решили устроить ловушку, пригласив их участвовать в Первомайской демонстрации. Однако Гох не принял приглашения и увёл свой отряд в сторону Касторного. Впрочем, далеко уйти ему не удалось: он был арестован и расстрелян на ст. Мармыжи 1 мая 1918 г.¹⁸⁶

Слувис, как мог, старался урегулировать положение в городе. Он отменил распоряжение об аресте президиума Совдепа, что по-

ронили своего вожака и несли гроб через весь город. Благодаря оперативным действиям командира 1-го Курского революционного полка Н.А. Токмакова, начальника Военно-революционного штаба П.С. Немцева, главкома воинских частей губернии М.В. Слувиса и других, на Херсонском кладбище была устроена засада. Когда бандиты стали расходиться, их арестовали и разоружили красногвардейцы... На стеници Курск-Ямская были выведены эшелоны мятежников... На требование Р.С. Кукулдавы сдать оружие матросы ответили отказом. Пулемётчики, лежавшие на платформе, открыли предупредительный огонь... Вскоре все, кроме пьяных, вышли из вагонов и были арестованы... Был арестован и эсеровский «ревком» Ямской слободы во главе с Крутовым» (*Манжосов А.Н., Фёдоров Н.П. Этапы большого пути. Ч. 1 (1868–1941)*). – Курск, 1991. – С. 90). Однако свидетельства других участников событий ничем не подтверждают данную версию. В рассказе самого Н.Д. Токмакова (а не Н.А., как у Манжосова и Фёдорова) нет никаких упоминаний о засаде на Херсонском кладбище, которую он якобы организовал. Лично принимавший участие в разоружении эшелона «мятежников» П.С. Малахов ничего не говорит о пулемётной стрельбе и вообще о каком-либо вооружённом столкновении. Якобы арестованный в это время Крутов на самом деле являлся одним из руководителей разоружения карцевского отряда.

185 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 197.

186 *Кретов Ф.* Первые послереволюционные дни // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 222–223; *Манжосов А.Н., Фёдоров Н.П.* Этапы большого пути. Ч. 1 (1868–1941). – Курск, 1991. – С. 90.

зволило Забицкому и его товарищам вернуться, наконец, на легальное положение в руководимом ими городе. Более того, Забицкий, Трубицкий и Тулупов попытались упрочить свои позиции и с помощью железнодорожной ячейки большевиков задумали обезглавить «мятежников». Согласно воспоминаниям Н. Горбачева, этот план обсуждался «в комитете ПСР (левых)... с участием от партии большевиков гг. Булгакова, Тулупова и др., от максималистов Забицкого, Денисова, от левых СР меня и Ливанова и других». Поскольку главари «мятежников» обитали в классном вагоне на железнодорожной станции, было задумано под видом манёвров отогнать этот вагон за пределы города к Горелому лесу, где «устроив засаду перестрелять их всех». После этого следовало произвести разоружение основной массы солдат¹⁸⁷.

Однако план этот провалился, и вся паровозная бригада, осуществлявшая его, попала под арест. Была также предпринята попытка повлиять на «мятежников» политически. На совещание Совдепа были вызваны их представители, Молокоедов и Пospelов, которым было заявлено: «если вы за советскую власть, дайте возможность работать Ревкому и прекратите свою гульбу». По утверждению Токмакова, «после этого они сказали, что будут работать и действительно до прибытия т. Подвойского они присмирели и работа продолжалась»¹⁸⁸.

Наконец, утром 29 апреля в Курск прибыли члены Высшей военной инспекции во главе с Н.И. Подвойским. Ситуация произвела на них впечатление удручающее и потрясающее одновременно: «Нигде инспекции не пришлось столкнуться с такой расхлябанностью власти, с такой растерянностью, граничащей с ужасом... Нигде не было такой оторванности от центра, ...и нигде не был так широк разгул блуждающих банд уголовных преступников, именуемых «революционными отрядами»¹⁸⁹.

Инспекцию сопровождала военная команда в 19 человек при одном пулемёте. Тот факт, что при столь мизерных силах Подвойскому удалось в два дня «подавить мятеж», арестовав штабы отрядов, свидетельствует о том, что происходившие в Курске беспорядки отнюдь не носили характера «антисоветского восстания». Кроме того, положение Подвойского было облегчено расколом среди его противников и уходом значительных сил «мятежников» под командованием Гоха в сторону Щигров.

187 Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 15.

188 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 11–12.

189 Там же. С. 195.



1. Л.Д. Троцкий, председатель реввоенсовета РСФСР. Фотография 1918 г.
2. Н.И. Подвойский, председатель Высшей военной инспекции. Фотография 1918 г.
3. Курыне встречают Н.И. Подвойского. Июль 1918 г.

Подавление «мятежа» обошлось практически без кровопролития¹⁹⁰. Командир взвода 1-го Курского Советского отдельного батальона П.С. Малахов рассказывает, как однажды вечером он был вызван в губсовнарком, где обсуждался вопрос о ликвидации Карцевского отряда:

«Мне было поручено днём сделать разведку расположения отряда Карцева на ст. Курск с целью обезоруживания и доложить вечером того же дня губсовнаркому. При разведке... я увидел, [что] вблизи крайней платформы стоял небольшой состав из двух штабных вагонов (вагонов второго класса) и пяти товарных вагонов. Причем три вагона [из них были] с водкой, а остальные два вагона — с командой пулемётной. Три орудия стояли на отдельной платформе. На станции по рельсовому пути было большое движение поездов и было много людей. Это были партизаны, самодемобилизовавшиеся солдаты, мешочники и др. Так что днём обезоруживание отряда было невозможно. Вечером того дня я доложил губсовнаркому о результатах моей разведки. После небольшого обсуждения губсовнарком решил: рано утром состав со штабными вагонами перевести на [станцию] Курск-город, а мне со взводом окружить находящихся в вагонах и доставить в здание губсовнаркома. Рано утром я со взводом направился на ст. Курск-город... На перроне меня встретили т. Крутов, Белоусов, начальник станции и другие неизвестные мне лица. Они указали мне на стоявший на станции состав. Я взводом оцепил его. Через тамбур я пролез в один из штабных вагонов. В первом купе на столе лежали ключи от вагона, два нагана и два матроса крепко спали на диванах. Я забрал ключи, оружие и открыл дверь вагона, впустив начальство и бойцов. Так последовательно было забрано оружие у остальных спящих в других купе и в следующем вагоне. После захвата оружия спящих грубо разбудили и предупредили их, что они арестованы как бандиты и всякое сопротивление ими — их смерть. Арестованные покорно вышли из вагонов и стали под мой конвой. По всей видимости, арестованные накануне были очень пьяны и с похмелья не соображали в чём дело. Всех арестованных было 10–12 человек, в их числе и Коак, начальник полевого штаба... Пулемётчиков было 8 человек. Интересно, что у каждого пулемётчика в вещевом мешке была четвертная бутылка с водкой»¹⁹¹.

190 «О мятеже, который подавлялся вооружённой силой, я что-то не слышал», — иронически пишет Р.И. Жердев, процитировав в начале своего письма описание «борьбы с анархистами» из краеведческих изданий того времени (Курск. Очерки истории города. — Курск, 1969. — С. 183; Как это было. Из рассказа старого железнодорожника М. К. Гладилина // *Курская правда*. 5 марта. 1969).

191 Малахов П.С. Контрреволюционное восстание Карцева в Курске в апреле 1918 г. (рукопись).— Л. 4–5.

М.В. Слувис подчинился решению Подвойского об упразднении должности главкома войск губернии и принял назначение на пост начальника отрядов Завесы Льговского направления. Полевой штаб был «почти целиком» арестован инспекцией уже 29 апреля (сумели бежать Гох и Сидоренко, «важные уголовные преступники»). Спустя два дня был разоружён и пресловутый «штаб военных моряков» в номерах гостиниц Полторацкого и «Золотой якорь». Боец 1-го Курского полка Р.И. Жердев вспоминал, как, возвращаясь к себе в казарму из Знаменского сада (затем Парк им. 1-го мая), он шёл по Херсонской улице, когда «не доходя ж/д путей встретил отряд латышских стрелков, шедших под командой в полном вооружении к Красной площади. Через некоторое время послышался сначала одиночный выстрел, а затем частая ружейная стрельба. В ту же ночь в помещении нашего полка были выставлены посты у входов, вооружённые пулемётами, и [высланы] патрули вокруг здания. То же самое было и у латышских стрелков. Эти мероприятия были предприняты на случай, если бы латышские стрелки стали обезоруживать красноармейцев Курского революционного полка и наоборот. Кем-то был пущен такой провокационный слухок. Разрядку этого напряжённого состояния сделал красноармеец нашего полка тов. Садовский... Он сразу взял с собой не помню сколько товарищей и отправился к латышским стрелкам. Вот тогда-то и выяснилась провокация»¹⁹².

Попытка расформированной «команды военных моряков» освободить арестованных, предпринятая ими в 5–6 часов утра 30 апреля, была решительно пресечена Подвойским, который пригрозил, что впредь такие действия поведут прямоком «к расстрелам на месте»¹⁹³.

Интриговавший против Забицкого военком Леонов также был взят под стражу и «убит по дороге в тюрьму, куда был направлен в автомашине в сопровождении конвоя». Неудный Слувису К.П. Зильберман стал начальником штаба войск Курского района. В отношении же большинства «мятежников» Н.И. Подвойский ограничился вполне символическими мерами. По его приказу «личный отряд Слувиса», бывший «Карцевский отряд» был разоружён и распущен «с поимённым опубликованием всех солдат отряда в советской печати». А 30 апреля было отдано распоряжение о том, чтобы 10 мая в Курске, в 25 мая в губернии каждый солдат-доброволец

192 Жердев Р.И. Письмо сотрудникам Курского краеведческого музея от 22 января 1970 г. (рукопись).

193 НА КОКМ, д. 38, л. 72.

Красной Армии дал торжественное обещание «об исполнении принятого на себя долга». В итоге 1 мая недавно ещё «мятежные» части участвовали в праздничном параде на Красной площади города.

Секретный агент Добровольческой армии А.А. Борман, сопровождавший делегацию большевиков на переговорах с Центральной Радой, оставил колоритную зарисовку ситуации в Курске вскоре после прекращения апрельских беспорядков:

«В Курске на вокзале к нам в поезд явился Подвойский... Он рассказал, как ему пришлось прибегнуть к расстрелам, чтобы восстановить дисциплину в своих частях... Курск переживал неопределенное время. Власть в городе конечно была советская, но советчики были местные, и потому жизнь города еще изменилась очень мало. Чека вероятно уже существовала, но она еще не принялась за систематическое искоренение буржуазии и интеллигенции. Больше всего неприятности доставляли горожанам матросские отряды, но и они не очень досаждали. В городе находилось много помещиков, съехавшихся из уездов. Все были разгромлены. Мне пришлось бывать в частных домах. Обычная картина. Ругают большевиков, ждут у моря погоды. Полная неосведомленность. Не знают не только что происходит в России, но даже и в Москве. Не только буржуазия и помещики были настроены против большевиков, но и сельские учителя.

Как раз во время нашего пребывания в городе проходил губернский учительский съезд, созванный конечно большевиками. На открытии осоветившийся священник (кажется Ионин) произнес речь о том, как земство тормозило дело народного образования и в частности как кн. Павел Долгоруков препятствовал просвещению народа. Учителя молчали. Долго молчали они также, когда на трибуне появился Раковский, но наконец не выдержали и после какой-то революционной фразы, произнесенной с резким акцентом, со всех сторон послышались крики:

— Отправляйтесь к себе в Румынию.

Раковский не ожидал таких реплик и, обозвавши народных учителей контрреволюционерами, быстро ушел из залы заседаний...»¹⁹⁴

Но, так или иначе, Советская власть в городе была восстановлена в полном объёме, ненадежные части после переформирования в спешном порядке отправлялись на фронт¹⁹⁵. Попутно Под-

194 Борман А.А. Москва — 1918 (Из записок секретного агента в Кремле) // Русское прошлое. — 1991. — № 1. — С. 126–127.

195 См.: Из отчета высшей военной инспекции о проверке деятельности Курского совета и его военного отдела и о принятых инспекцией мерах по установлению революционного порядка в Курске // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 194–200.

войский произвел чистку советского и военного руководства. С руководящих постов удалялись эсеры, вместо них назначались большевики¹⁹⁶. Не удалось, однако, отделаться от возбуждающего подозрения М.В. Слувиса. Против него было выдвинуто обвинение из девяти пунктов, которое завершалось заявлением о том, что «вся его политическая деятельность не что иное, как контрреволюционный авантюризм». Однако из Москвы 15 мая пришло распоряжение: «оставление тов. Слувиса на занимаемой должности считать необходимым для пользы дела»¹⁹⁷.

Что касается клейма «анархистского мятежа», то его курские апрельские события 1918 г. получили уже позднее, в связи с событиями общероссийского масштаба. Дело в том, что именно анархисты стали первой левой революционной партией, смятой большевиками на пути к однопартийной диктатуре. В ночь с 11 на 12 апреля 1918 г. в Москве было арестовано 600 анархистов по обвинению в грабежах, насилиях и заговоре против Советской власти. В свете этого было весьма соблазнительно связать курские события с «контрреволюционными замыслами» анархистов, что и было сделано советской историографией¹⁹⁸.

196 *Евсеевков Н.* Вспоминая годы боевые // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 235.

197 НА КОКМ. Д. 38. Л. 37. Однако в июле 1918 г. Курская ЧК всё же отдала приказ об аресте М.В. Слувиса. Помимо причастности к апрельскому мятежу, его обвиняли в повальных обысках и грабежах на границе с Украиной, пьяных оргиях, которые его штаб устраивал в льговском имении князей Барятинских, каковое в конечном итоге и «погибло от диких огней», а также в провокации постоянных столкновений с немецкими частями и нарушении перемирия. Кроме того, было обращено внимание и на то, что Слувис – штабс-капитан, бывший юнкер... иногда он принадлежит к эсерам, иногда к большевикам, а иногда к социалистам, вообще его прошлое скрыто неизвестностью» (НА КОКМ. Д. 38. Л. 115–116). Несмотря на столь грозные формулировки, Слувис и в дальнейшем успешно занимал командные должности в Красной армии, получая награды и повышения в званиях.

198 Отнюдь не случайным в свете этого выглядит стремление инспекции и Н.И. Подвойского привязать дату начала Курского «мятежа» именно к 10 апреля. Впрочем, были разгромлены и настоящие курские анархисты: «согласно приказу ВЧК была разоружена федерация анархистов-синдикалистов, занявшая дачу [предводителя дворянства] Афросимова, где при ликвидации было взято 200 винтовок, 3000 ручных гранат, 24 револьвера, десятки пулемётных лент, 8 пулемётов и 10 000 патронов, 6 пудов пироксилиновых шашек. После расследования была расстреляна группа анархистов-бандитов в количестве 13 человек». Но произошло это только в июне 1919 г.! (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 51, 227).

6. Церковь и власть

В революцию и Гражданскую войну Курская епархия (границы епархии совпадали с губернскими) вступила, имея 13 монастырей, 1 скит, 1440 храмов, 57 часовен. В церковном ведомстве в Курской губернии состояло 3 воскресных школы, 945 церковных школ, 41 приходское училище.

По официальным данным к началу 1915 года на территории губернии проживало 3154501 человек, из них более 95% являлись православными христианами. В условиях 1-й мировой войны, революции и Гражданской войны количественные показатели населения менялись, но вряд ли за короткий промежуток времени они претерпели значительные качественные изменения в области религиозных взглядов.

Последнее, правда, стоит рассматривать, учитывая тот факт, что в среде православного населения к моменту революционных изменений 1917 г. значительно ослаб авторитет церкви, накрепко связанной с государственным аппаратом. А это в свою очередь повлияло и на возможность революционных изменений в стране и позволило пришедшим к власти большевикам начать открытые гонения на Русскую православную церковь.

Видя в церкви союзника силам зарождающегося антибольшевистского движения, советское правительство с первых дней своего существования развернуло «красногвардейскую атаку» на православную церковь. Эта атака не прекращалась и не ослабевала весь период Гражданской войны в России.

Уже по декрету о земле церковь была лишена всей земельной собственности. Затем последовали постановления о национализации всех банковских церковных счетов. 11 декабря 1917 г. за подписью В.И. Ленина было издано постановление, по которому все духовные учебные заведения, включая семинарии и духовные академии, должны были перейти в ведение Наркомпроса, т.е. преследовалась цель лишить церковь пополнения профессиональными служителями. В декабре 1917 г. из ведения церкви изъяли учет всех актов гражданского состояния. Решением СНК было объявлено о закрытии всех храмов при государственных учреждениях, хотя многие из них являлись одновременно и приходскими.

20 января 1918 г. в СНК был принят декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». По этому декрету церковь была лишена права юридического лица и возможности распоряжаться оставшейся собственностью, которая теперь объявлялась всенародным достоянием, а богослужебные здания отныне лишь

передавались в бесплатную аренду группам верующих. В школах запрещалось преподавание Закона Божия во всех формах.

В 1919 г. власти начали проводить национализации монастырей, а в июле 1920 г. Совнаркомом было принято постановление «О ликвидации мощей во всероссийском масштабе».

Конституция РСФСР 1918 г. закрепила неполноправное политическое положение духовенства, лишив его избирательных прав. Программа РКП(б) 1919 г. отмечала, что в наступлении на церковь должно идти дальше декларированного отделения последней от государства. В «Азбуке коммуниста», являвшейся толкованием партийной программы, откровенно заявлялось, что церковь должна умереть в ближайшие годы. А дабы приблизить свою мечту, большевики не гнушались никакими методами, вплоть до террора по отношению к духовенству и верующим.

Действие революционных перемен и отношение новой власти к православной церкви в Курской епархии почувствовали на себе уже в конце 1917 г., хотя это были еще не акты, собственно проводимые государством, а скорее попустительство местных властей. Благодаря этому революционно настроенные солдаты проявляли нередко глумление над религиозными канонами и обрядами.

Так, 29 ноября 1917 г. в Белгородский Свято-Троицкий монастырь пришла большая группа матросов. Некоторые из них вошли в монастырскую церковь в шапках и с винтовками. Матросы требовали показать им мощи Св. Иоасафа. Монахи открыли раку и обнажили руки святого. После того как выяснили, что в раке действительно мощи, а не восковая кукла, матросы стали расходиться. На этот раз все обошлось без эксцессов. Причем любопытно, что многие из моряков, покидая монастырь, приобрели у настоятеля житие Св. Иоасафа¹⁹⁹.

Что касается первых антицерковных действий советской власти на местах, то их иначе как спонтанными назвать нельзя. Здесь не было, с одной стороны, достаточно подготовленных сил для ведения антирелигиозной деятельности, с другой — вера в легкую победу над церковью нередко переплеталась с опасением народного гнева, вызванного антирелигиозными действиями. Поэтому, как правило, наступление на церковь шло, в основном, путем периодического нанесения ударов по религиозным центрам, при условии полного физического превосходства.

Даже проведение в жизнь декрета «О земле» велось непоследовательно. Так, весной 1918 г. на бывших церковных землях в Ка-

199 ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 643. Л. 2–2об.

зацкой слободе Курского уезда уже трудились крестьяне, взяв ее в аренду в казацком Совдепе²⁰⁰, но в некоторых уездах местные власти еще длительное время не производили национализацию церковных земель.

Непосредственно действия по отделению церкви от государства в губернии начались с первой половины 1918 г. И шли они в виде «красноармейской атаки» на церковь. Например, в стенограммах заседаний курских губернских партийных конференций РКП(б) за 1918–1921 гг. нет сколько-нибудь серьезных упоминаний о политике по отношению к церкви²⁰¹. То есть за весь период Гражданской войны многие антирелигиозные действия совершались без четко выработанного плана. Причин здесь несколько. Во-первых, часть коммунистов искренне верила в легкость победы над «религиозными пережитками» в сознании трудового народа и не придавала им большого значения; во-вторых, некоторые представители местных партийных организаций здраво оценивали церковный вопрос, понимая, что в случае четкого исполнения постановлений центральных органов власти в области антирелигиозной политики может открыться внутренний — религиозный фронт в тылу Красной армии.

Если не считать спонтанных нападений на церкви, монастыри и другие учреждения православной церкви, произошедших в первые месяцы после октябрьского переворота большевиков, то одной из первых мер по антирелигиозной борьбе в Центральном Черноземье стало учреждение при губернских отделах юстиции подотделов, ведавших антирелигиозными делами. Подобные подотделы учреждались и при уездных и волостных органах советской власти. Руководил работой юридических подотделов по проведению в жизнь декрета об отделении церкви от государства VIII «ликвидационный» отдел НКЮ. По названию последнего подразделения местных органов власти, занимавшиеся антирелигиозной работой, также стали именоваться ликвидационными.

Реально ликвидационные отделы долгое время или почти бездействовали, или оказывались созданными больше на бумаге. Причем образовались они, в основном, только в 1919 г., хотя первые распоряжения центральной власти об учреждении органов, ведающих ликвидационной работой по отношению к церкви, появились еще в первой половине 1918 г. Так, в Курске ликвидационный орган при Губисполкоме был создан в феврале 1919 г., а подобные

200 ГАКО. Ф. Р-496. Оп. 1, Д. 6. Л. 70–70об.

201 ЦДНИ КО. Ф. 65, Оп. 1, ДД. 3, 19, 56, 57, 59, 146, 156.

структуры при уездных и волостных исполкомах были созданы с еще большим опозданием²⁰².

Характерны и показатели работы ликвидационных органов на местах. Нередко в уездах за неимением ни опыта, ни кадров функции ликвидационных учреждений передавались уже созданным органам, которые не ставили основной целью ведение антирелигиозной борьбы, но могли ею заняться. В городе Тиме проведением в жизнь декрета от 20 января 1918 г. первое время занимался совет местных судей, в Щигровском уезде — уездный отдел просвещения, в Дмитриевском — отдел управления местного уисполкома. В итоге, как отмечалось в отчете Щигровского Уисполкома, отделением церкви от государства занимаются «никто в сущности... или все»²⁰³.

Пожалуй, провести в Курской губернии более или менее последовательно властям удалось лишь несколько мероприятий. Среди них были действия, связанные с декретом А.В. Луначарского от 1 марта 1918 г., в соответствии с которым распоряжением местных отделов народного просвещения упразднялись должности преподавателей Закона Божия²⁰⁴. Однако на практике отменить преподавание Закона Божия в образовательных учреждениях удалось только к 1 сентября 1918 г., хотя и здесь нередко оказывалось, что данный предмет в школах и училищах продолжал преподаваться, перейдя в разряд факультатива. Затем во второй половине 1918 г. из епархиального ведения были изъяты все духовные школы и училища. Вместе с ними национализировались и библиотеки, были изъяты даже книги духовного содержания²⁰⁵. Также местным властям удалось полностью ликвидировать иконы и предметы религиозного культа в общественных местах²⁰⁶.

Работа же по изъятию кладбищ из ведения религиозных организаций, конфискации церковных счетов в банках за редким исключением проводилась очень вяло, а иногда и вовсе не велась. Примерно так же обстояло дело с регистрацией актов гражданского состояния, хотя работа в этом направлении начала вестись с июля 1918 г.

В г. Курске и по губернии к февралю 1919 г. метрические книги были изъяты не из всех церквей²⁰⁷, а даже там, где изъятие про-

202 См.: ГА РФ. Ф. А–353. Оп. 2. Д. 693. Л. 159; Ф. А–353. Оп. 2, Д. 699, Л. 152, 197.

203 ГА РФ. Ф. Р–470. Оп. 2. Д. 170. Л. 117, 129, 152, 201.

204 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 6. Л. 29.

205 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

206 См.: Хроника VIII отдела // Революция и церковь. — 1919. — № 3–5. — С. 70.

207 ГА РФ. Ф. Р–470. Оп. 2. Д. 168. Л. 123 об. В г. Белгороде метрические книги более активно стали изыматься в январе 1919 г.

изошло, конфискованными оказались только книги за последние годы²⁰⁸. Предъявленное к Курскому Епархиальному совету требование о немедленной выдаче всех метрических книг за многие годы оказалось невыполненным из-за объемности архива, хранившегося в Духовной консистории, и архив остался в прежнем месте, поступив лишь номинально в распоряжении Губисполкома²⁰⁹.

Окружной же отдел ЗАГСа удалось сформировать только к 28 января 1919 г., и именно с этого времени подобные отделы начали функционировать по губернии²¹⁰. В городе Тиме к ноябрю 1918 г. был зарегистрирован только один брак в гражданском порядке, а гражданских похорон и вовсе не было. В Щигровском уезде функций ЗАГСа не выполнял никакой советский орган весь период 1918 г.

Что касается исправной работы органов ЗАГС в 1918 г., то были и такие случаи, но они являлись редким исключением. Например, можно назвать работу в этой области, проведенную в Новооскольском уезде Курской губернии, где было зарегистрировано к сентябрю 1918 г. 439 браков, 679 рождений, 377 смертей. Не меньшим исключением была ситуация в Дмитриевском уезде, где к февралю 1919 г. были национализированы и переданы в ведение похоронного отдела все кладбища.

Очень вяло шел и процесс по составлению описей церковных ценностей, которые во многих местностях губернии не были учтены до середины 1919 г., а в некоторых уездах даже до 1920 г.

Говоря об отделении церкви от государства, в марте 1919 г. власти Обоянского уезда Курской губернии констатировали, что декрет от 20 января 1918 г. в жизнь не проводился²¹¹. Такая же ситуация была в Корочанском и некоторых других уездах, где вообще отсутствовали статистические сведения о работе ликвидационных органов²¹².

Почему так нерешительно, при учете всех установок из центра, проводился на местах декрет об отделении церкви от государства, видно из отчета Старооскольского уездного исполкома от 22 июля 1919 г. В отчете говорилось, что необходимо время, за которое народ должен отвыкнуть от вековых суеверий, а «до тех пор практические шаги в области осуществления провозглашенной свободы духа, чуждого всяким созданным эпохой предрассудков, невозможно и всякие горячие необдуманные попытки к этому или встретят сопро-

208 ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 139. Л. 12, 25.

209 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 185. Л. 22.

210 ГА РФ. Ф. Р-393. Оп. 11. Д. 140. Л. 1.

211 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 117, 122–123, 120, 151, 197.

212 ГА РФ. Ф. А-353. Оп. 2. Д. 699. Л. 196.

тивление массы, или изуродуют течение революции». Отмечалось также и отсутствие антирелигиозной агитации в уезде, т.к. все способные коммунисты занимались работой для нужд фронта²¹³.

Для проведения антицерковной политики требовались подготовленные кадры, способные проводить в жизнь декрет об отделении церкви от государства. Ликвидация церковных счетов в банках и денежных средств храмов требовала кропотливой работы. На местах к столь серьезной работе не были готовы не только технически, но и психологически. Более простым оказался способ наложения контрибуций на церковные организации под страхом жестоких репрессий в случае невыполнения или простого ограбления под видом обыска. Например, церковные капиталы к февралю 1919 г. еще не были полностью изъяты из ведения церкви в Курской губернии²¹⁴.

Анализ документов показывает, что на этом фоне отсутствовало или отставало и идеологическое обоснование антицерковных действий новой власти, так как людей, способных вести антирелигиозную пропаганду, в уездах практически не было²¹⁵.

В итоге полной реализации декрета «Об отделении церкви от государства» в Курской губернии не было проведено вплоть до 1920 г., а в некоторых уездах даже до 1921 г. Только летом 1920 г. Щигровским Уисполкомом было дано распоряжение провести по уезду описи церковного имущества и передать общинам верующих в бессрочное пользование храмы там, где это еще не сделано. В то же время Рыльский Уисполком потребовал от волостных органов власти как можно скорее провести в жизнь декрет 20 января 1918 г.²¹⁶ В Льговском уезде в 3-х волостях церковь от государства была отделена частично, а в 8-ми волостях совсем не отделена. В Большежировской волости Фатежского уезда старые церковные печати и бланки были изъяты из церквей только во 2-й половине 1921 г.²¹⁷

Более распространенной была практика наложения контрибуций на церковные организации. Сразу же после революции названные действия были применены к Льговскому женскому монастырю²¹⁸. Кроме того, реквизиции и контрибуции нередко налагались и непосредственно на церковнослужителей, как лиц, по советским

213 Хроника VIII отдела // Революция и церковь. – 1919. – № 3–5. – С. 61.

214 ГА РФ. Ф. Р–470. Оп. 2. Д. 170. Л. 152.

215 ГАКО. Ф. Р–865. Оп. 4. Д. 81. Л. 25об.

216 ГАКО. Ф. Р–545. Оп. 1. Д. 3. Л. 1.; Ф. Р–2504. Оп. 1. Д. 30. Л. 9.

217 ГАКО. Ф. Р–590, оп. 1, д. 12, л. 5–8.

218 ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 678. Л. 48.

понятиям обладавших нетрудовыми доходами. Например, 7 марта 1918 года Дмитриевским революционным трибуналом на состоятельных граждан был наложен налог в размере 1 млн. руб. Среди них оказалось и четыре священника, которых трудно было назвать богатыми. Два церковнослужителя налог не заплатили. У невыплативших нужной суммы было конфисковано имущество, а сами неплательщики выселены с территории уезда²¹⁹, плюс ко всему паства осталась без двух пастырей.

Как во всей Советской России, с 1918 г. духовенство Курской епархии подвергалось репрессиям, о чём уже упоминалось выше. Священнослужители нередко оказывались в числе заложников. Так, в 1919 г. с отступающими красными частями были увезены: священник села Никольского Тимского уезда А. Недригайлов, священник села Николаевка Щигровского уезда П. Арбузов, священник города Старого Оскола В. Иванов, несмотря на то, что его сын служил здесь же, на Южном фронте, в Красной армии²²⁰, диакон города Старого Оскола Г. Обоянский²²¹. В качестве заложников в белгородском арестантском доме содержались: смотритель Белгородского духовного училища протоиерей П. Сионский, протоиерей кладбищенской церкви В. Солодовников, иеромонахи С. Критов, Л. Вик, Д. Гусаков²²². В Обояни в качестве заложника был взят священник О. Попов²²³.

Что касается наиболее распространенной формы репрессий против духовенства, то это были постоянные аресты церковнослужителей за их принадлежность к православной церкви. Например, священник города Щигры протоиерей Васильев первый раз оказался под арестом за непризнание советской власти, т.к. не узнал председателя местного совета и потребовал от него снять шапку в помещении, где находилась икона. Затем последовало еще два ареста. После одного из них Васильев был судим судом революционного трибунала, который, не найдя состава преступления, выпустил протоиерея на свободу. Однако в дальнейшем свою жизнь он смог сохранить только потому, что уплатил представителям местных органов власти контрибуцию в размере 3750 рублей²²⁴.

В начале 1919 г. был арестован органами ГубЧК священник из г. Тима Пузанов. Вся его вина заключалась в том, что он в 1911 г.

219 ГАКО. Ф. Р-1812. Оп. 1. Д. 8. Л. 19-21об.

220 ГА РФ. Ф. Р-130. Оп. 2. Д. 162. Л. 102.

221 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 114.

222 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 123об.

223 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 182. Л. 9.

224 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 183. Л. 24.

вступил в Союз Русского народа, отдел которого в Тиме существовал больше на бумаге. Активной политической деятельности в Союзе Пузанов не вел, ибо был вовлечен в его состав городским головой по принуждению, как представитель церкви. После революции о. Пузанов в своих проповедях о политике не говорил, никакой агитации не вел.

Председатель 6 благочиннического округа Рыльского уезда, священник П. Одинцов, был арестован осенью 1919 г. отступавшей из уезда частью Красной армии за то, что его сыновья служили в Добровольческой армии. За эту «вину» он подвергся заключению в Брянский острог, из которого, правда, 24 ноября 1919 г. вернулся в округ и приступил к исполнению своих обязанностей²²⁵.

Часто местные власти использовали и прямое удаление негодных священников из приходов. Так, 10 декабря 1917 года по решению коменданта Белгорода Позднякова в административном порядке были заключены в местную тюрьму священник села Намовки Иосаф Четвериков и мировой судья Понкратьев. Выдвинутое против них Поздняковым обвинение состояло в том, что Четвериков обратился в суд на оскорбившую его прихожанку, а он как пастырь должен был ее простить; Понкратьев же обвинялся за вынесение наказания этой женщине.

При этом стоит отметить, что за весь период гражданской войны духовенство неправославных исповеданий никогда не подвергалось столь жестоким гонениям, как церковнослужители недавно господствующей церкви. Например, в городе Курске из инославных священников только однажды арестовывался католический ксендз за произнесенную проповедь, но его быстро освободили²²⁶.

Притеснениям подвергались и лица, снявшие сан, в случае если после этого они не включались в советскую работу. Так, в 1920 г. бывшему священнику–педагогу А.А. Крупинину никогда ранее, кроме преподавательской работы ничем не занимавшемуся и снявшему с себя в 1918 г. сан, чтобы продолжать беспрепятственно вести педагогическую деятельность, было запрещено Усманским отделом управления работать на педагогических курсах, как бывшему священнослужителю²²⁷.

Многие священнослужители и практически все трудоспособные монахи православных монастырей повсеместно, как нетрудовые элементы, стали привлекаться в принудительном порядке

225 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 11. Л. 22–23, 26.

226 ГА РФ. Ф. Р–470. Оп. 2. Д. 185. Л. 25об.

227 ГА РФ. Ф. А–353. Оп. 3. Д. 761. Л. 203.

к общественным работам. Стоит учитывать тот факт, что многие виды названных работ могли оказаться просто унижительными для человека духовного сана. Но именно самая грязная работа, как правило, выставлялась на всеобщий показ.

Привлечение лиц духовного звания к принудительным работам началось уже с ноября 1917 г. Стали привлекаться к общественным работам монахини Курского женского монастыря. Сестры были мобилизованы шить белье для Красной армии, причем за выполняемую работу не получали практически никакой платы, им даже не выдавали карточки на получение хлеба²²⁸.

К общественным работам в 1918–1919 гг. привлекались члены Курского Епархиального совета протоиерей Г. Мусатов, священник Л. Иваницкий и многие другие церковнослужители епархии. Монахи Курского Знаменского монастыря были вынуждены работать на очистке снега с железнодорожных путей²²⁹. На общественных работах постоянно работали монахи Белгородского мужского монастыря²³⁰.

Общественные работы для священников в городе Курске заключались в очистке улиц, крыши здания ЧК от снега, обеспечением ЧК дровами и водой и т.п. В Щиграх священники и диаконы в принудительном порядке были обязаны кормить лошадей и чистить улицы²³¹. За выполнение принудительных работ, на которых люди находились с утра до вечера, плата не предполагалась, так что даже еду приходилось брать с собой из дома²³².

В связи со строительством регулярной Красной армии и с приближением фронта к пределам Курской губернии с июля 1919 г. советом курского крепостного района была объявлена мобилизация духовенства в возрасте от 18 до 50 лет в тыловое ополчение Красной армии²³³. От призыва в РККА священников могли освобождать прихожане, вынеся соответствующий приговор и направив его в органы, ведающие мобилизацией. Однако анализ документов показывает, что последнее не всегда исполнялось. К тому же, прикрываясь мобилизацией и с ее помощью, власти могли удалять неугодных священников из приходов.

В условиях антицерковной политики начался и процесс закрытия церквей. Массового закрытия храмов в этот период еще не

228 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 46.

229 Там же. Л. 14.

230 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 168. Л. 123.

231 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 183. Л. 24.

232 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 185. Л. 25об.

233 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 122. Л. 3.

было, а происходившее касалось в основном городов губернии, где в первую очередь стали закрывать так называемые домовые церкви и храмы при государственных учреждениях.

Так, в декабре 1918 г. по распоряжению Курского Губернского Комиссариата юстиции была закрыта церковь при тюрьме г. Фатежа²³⁴. Известно и о закрытии в губернии Знаменской тюремной церкви²³⁵.

Началось закрытие таких домовых церквей, которые часто использовались и как приходские. Так, например, было с Богородицким храмом при вокзале в слободе Ямской, которой одновременно являлся приходским для жителей поселка Мурыновка. Эта церковь подлежала закрытию, как находящаяся при государственном учреждении, к тому же коммунисты и комсомольцы–железнодорожники также приняли решение о ее закрытии ввиду малого количества прихожан (официально жители поселка Мурыновка числились за Введенской церковью слободы Ямской).

Прихожане опротестовали вышеназванные решения²³⁶. Тяжба за церковь шла около 2 лет. Верующие обращались в СНК, в дело пришлось вмешаться В.И. Ленину, который разрешил его в пользу жителей Мурыновки. Судьба Скорбященской церкви при курской Губернской больнице оказалась менее удачной. Решением Президиума Губисполкома от 7 июля 1921 г. она была закрыта. Прихожанам на ликвидацию прихода отвели всего 3 дня²³⁷.

Последнее, кстати, опровергает утверждение некоторых современных историков церкви, что домовые храмы в основном были ликвидированы в конце 1917 — начале 1918 г., т.е. сразу после издания декрета о закрытии домовых церквей.

В не менее тяжелом положении оказались монастыри. Сразу же после революции начался прямой произвол по отношению к ним. Так, 28 декабря 1917 г. в Белгородскую Николаевскую пустынь из соседней деревни Горняля явилось человек 40 вооруженных солдат и граждан. Эти «богомольцы» рассчитали всех монастырских рабочих, а сами по март 1918 г. остались здесь жить на монастырском довольствии, предварительно назначив из своей среды комиссара обители²³⁸. Подобные случаи, видимо, не были закономерностью, но скорее всего они не являлись и исключением, особо же здесь стоит отметить бездействие властей по отношению к акту насилия над монахами.

234 См. ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 72. Л. 1.

235 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 212. Л. 1–1об.

236 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 74. Л. 5.

237 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 199. Л. 1–2.

238 Хроника с мест // Курский епархиальный вестник. — 1918. — № 4. — С. 79.

С 1919 г. началась кампания по национализации монастырских имуществ. Монастыри, в отличие от храмов, оказались менее защищенными от антицерковных действий властей. Сохранить обители от быстрого закрытия также смогли верующие. Однако монастыри не являлись для простого населения таким же сосредоточением церковной жизни, как храмы, и власти начали медленно вытеснять монашествующих из занимаемых ими зданий, ослабляя народный протест сохранением на первых порах в монастырях действующих церквей. В результате такой тактики в губернии в 1922 г. практически все монастыри оказались на грани полного закрытия, оно стало лишь делом времени.

Так, несмотря на то, что большинство монастырей губернии были объявлены национализированными уже в 1919 г., в 1921 г. продолжали функционировать все 13 обителей. Первой реально ликвидированной обителью оказалась Глинская пустынь, и то ее закрытие произошло в 1922 г.

Наиболее распространенной стала практика частичного использования монастырей советскими учреждениями для своих нужд. В Коренной пустыни в части монастырских помещений была расквартирована воинская часть и военный госпиталь. В Знаменском монастыре города Курска часть построек была отведена для размещения караульной команды и отдыха коммунистов, прибывающих с фронта. Тогда же в коридоре одного из корпусов был повешен портрет Ленина. Двор обители стал постоянно использоваться для проведения митингов, на которых нередко звучали призывы о том, что надо «перерезать все духовенство, как белое, так и монашествующих».

Несколько раз в течение 1918–1919 г. оказывался под угрозой закрытия Курский женский монастырь. Однако пока было реквизировано пять монастырских корпусов, в которых разместили приют социального обеспечения (для мальчиков 8–18 лет), общежитие, интернат и убежище для пострадавших от контрреволюции. При всем вышперечисленном монахини были обязаны платить арендную плату за использование оставшихся помещений для собственных нужд. В кассу Горисполкома монашествующие в 1918 г. внесли 12000 рублей за период с 13 декабря по 13 мая 1919 г., а 24 июня 1919 г. монастырские помещения были вновь сданы на год в аренду монахиням²³⁹.

В Обоянском Знаменском мужском монастыре из 2 существующих корпусов главный с февраля 1921 г. занял лагерь принуди-

239 ГА РФ. Ф. Р-470. Оп. 2. Д. 170. Л. 188, 14.

тельных работ. Это накладывало заметное воздействие на жизнь монахов, ибо администрация лагеря закрыла главный соборный и теплый храмы, действующие с 1730 и 1720 гг., соответственно. Заключенными же оказались испорчены почти все хозяйственные постройки (сарай, конюшня, ледник) и один из двух небольших одноэтажных домов. Погребом под вторым корпусом и кухней одновременно пользовались монахи и лагерь принудительных работ²⁴⁰, что являлось причиной некоторых конфликтов.

В результате активной позиции монахов, опирающихся на поддержку верующих, готовых до последнего защищать свои монастыри от закрытия, властям не удалось провести декларируемого полного закрытия всех православных обителей. Но их судьба все равно была уже предрешена. Полная ликвидация монастырей стала лишь вопросом времени.

Серьезным потрясением церковной жизни явилось повсеместное вскрытие мощей угодников, признанных церковью святыми. Акт вандализма, расцениваемый наркомюстом как средство борьбы с религией, вызвал протесты даже в среде работников советского и партийного аппарата. Так, на заседании Белгородского уездного комитета РКП(б) от 17 апреля 1920 г. 10 коммунистов, включая секретаря уездкома, отказались участвовать во вскрытии мощей, сославшись на свои религиозные убеждения²⁴¹.

То есть процесс отделение церкви от государства в Курской губернии начался без четко выработанного плана в виде «красногвардейской атаки», преследовавшей цель нанести сокрушительный удар по Русской православной церкви, порождая у некоторых представителей новой власти иллюзию о возможности полного уничтожения религии в ближайшем будущем.

Если говорить об отношении духовенства к советской власти, то его первые шаги были направлены против утверждения большевистской диктатуры, грозившей разрушению церкви. Священно-церковнослужители поначалу признали советское государство только как свершившейся факт и в конце 1917 — первой половине 1918 гг. пытались оказывать демонстративное неповиновение первым постановлениям советской власти, затрагивающим интересы церкви. Однако, когда стало ясно, что большевики прочно обосновываются у власти, патриарх и Синод запретили духовенству вмешиваться в политическую борьбу в стране и поддерживать силы,

240 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 253. Л. 1, 14.

241 Раков В.В., Емельянов С.Н. Курская епархия в годы гражданской войны // Материалы международной научно-практической конференции: «Юг России в прошлом и настоящем: история, экономика, культура». — Белгород, 1998. — С. 94.

борющиеся за власть. И хотя духовенство на местах часто не выполняло названное распоряжение, московский патриархат со второй половины 1918 г. занял нейтральную политическую позицию, а в отношениях с советской властью все силы сосредоточил на попытках отстаивать интересы церкви, хотя бы в рамках нового законодательства.

Среди первых церковных действий стоит отметить анафему патриарха Тихона, направленную против большевиков, и попытки противодействия проведению в жизнь декрета от 20 января. Так, от имени патриарха и Синода было направлено послание к духовенству о необходимости создания христианских дружин по охране церквей. В случае посягательства на захват священных сосудов, принадлежностей богослужения, церковных метрик и прочего имущества церковного рекомендовалось созывать верующих, ударяя в набат. На этой почве по стране произошла масса столкновений верующих и представителей власти. Например, в некоторых местах Курской губернии при изъятии метрических книг были зафиксированы столкновения между верующими и уполномоченными советов в городах Короче и Дмитриеве²⁴².

Так, период наибольшей политической активности служителей церкви охватывает конец 1917 – первую половину 1918 гг. Например, одновременно с началом проведения антицерковной политики в губернии духовенство ответило нежеланием принимать новую власть. Уже 6 декабря священнослужители г. Обояни совместно с местной интеллигенцией, служащими, частью эсеров и меньшевиков участвовали в демонстрации в честь предстоящего созыва Учредительного собрания, по окончании которой они отслужили молебен. Такое же событие имело место 10 декабря в Щиграх²⁴³.

И хотя печатный орган Курской епархии «Епархиальный вестник» в начале 1918 г. со своих страниц призывал к прекращению гражданской розни и неоднократно призывал к христианскому миру²⁴⁴, противостояние достигло еще большего накала. Так, в январе 1918 г., после того как стали известны послание патриарха Тихона от 19 января, в котором гонители церкви подвергались анафеме, и декрет СНК от 20 января, в Стрелецкой слободе местный

242 *Салышко Ю.* Курское духовенство на службе помещиков капиталистов // Антирелигиозный сборник. – Курск, 1940. – С. 40.

243 *Краснов Б.И.* Борьба рабочих и беднейших крестьян за установление Советской власти в Курской губернии // Ученые записки КПИ, гуманитарный цикл, вып. VIII. – Курск, 1958. – С. 111–112.

244 *Иеромонах Арсений.* Под новый год // Курский епархиальный вестник. – 1918. – № 1–3. – С. 7.

священник после прочтения послания патриарха стал дополнять его сообщениями, рассчитанными на возбуждение религиозных чувств слушателей. Среди верующих послышался плач, с другой стороны заговорили о лживости сообщаемых фактов. В результате произошло столкновение.

В некоторых случаях представители духовенства вообще открыто становились на путь борьбы с советской властью. Духовенство участвовало в некоторых антиправительственных выступлениях в сс. Плоское, В. Озерны и др.²⁴⁵ Однако названные явления не стали правилом и, видимо, были единичными. Так, летом 1918 г. было зафиксировано лишь несколько случаев по отдельным пунктам губернии, когда духовенство агитировало прихожан против советской власти в связи с декретом 20 января 1918 г.²⁴⁶ Не отмечалось враждебных действий церковнослужителей по отношению к существующему порядку и в политических отчетах по губернии за 1920–1921 гг.

В целом в Курской губернии большой политической активности духовенства в годы Гражданской войны не наблюдалось, что отчасти характеризовалось провинциальностью местной жизни и следованием распорядкам патриарха.

После того, как Курск был взят Добровольческой армией, начался непродолжительный период мирного сосуществования церкви и гражданских органов власти. Но Вооруженные силы на Юге России на территории губернии продержались недолго, последние южные уезды были оставлены ими 22 декабря 1919 г. С их отступлением покинули Знаменский монастырь епископ Феофан и часть братии, взяв с собой Курскую Чудотворную икону Знамения Божией Матери.

С Добровольческой армией ушла и часть духовенства. Причины ухода были разными — это и неприятие советской власти, и боязнь расправы со стороны вернувшегося большевистского руководства за сотрудничество с белыми, а порой существовала надежда на скорое возвращение с антибольшевистскими силами, в которые еще верили, что они возьмут реванш.

На данный момент нет возможности привести точные данные по духовенству, ушедшему с белоармейцами. Известно, что из Му-

245 См.: Дунаев В.Н. Борьба духовенства против проведения в жизнь декрета об отделении церкви от государства (на материалах Воронежской и соседних губерний) // Из истории Воронежского края. — Воронеж, 1966. — С. 120–125.

246 Зыбковец В.Ф. Национализация монастырских имуществ в Советской России (1917–1921 гг.). — М., 1975. — С. 90.

равлевской волости с ними ушел только один священник²⁴⁷, а в с. Знаменском Старооскольского уезда прекратились церковные службы из-за отступления с Добровольческой армией священника А. Огулькова, священники окрестных деревень также бежали, и исполнять церковные богослужения стало некому. В г. Короче священник Н. Золоторев Николаевской церкви тоже ушел с отступавшими войсками Деникина²⁴⁸.

Но с другой стороны, когда в 1921 г. в Фатежском уезде ставили на учет всех сотрудничавших с антибольшевистскими силами, в волостных отчетах о проделанной работе заявляли, что духовенство с белогвардейцами не сотрудничало и не бежало с ними²⁴⁹.

Несмотря на поддержку церкви администрацией ВСЮР, курское духовенство в основной своей массе сохраняло политическую пассивность. Свою роль здесь сыграло возвращение некоторых прежних принципов взаимоотношения органов власти и церковных институтов. Церковнослужители вновь получили возможность относительно спокойно жить, а в своей общественной деятельности руководствоваться привычными инструкциями и распоряжениями гражданского и церковного начальства. Старые привычки оказались сильнее новых условий жизни.

Что касается отношения основной массы населения к православной церкви, то его также нельзя оценить однозначно. Оно впитало в себя многие противоречивые тенденции Гражданской войны. Это, с одной стороны, равнодушие и попустительство части православных по отношению к гонениям советской власти на религиозные организации, а с другой — жертвенный порыв других по защите интересов церкви.

Верующими г. Курска после революции был создан по примеру Москвы Союз приходских общин, призванный, как и московский Союз объединенных приходов, защищать интересы церкви и церковное достояние от притеснений со стороны советских властей. Так, представителям курских приходов в конце 1917–1918 гг. удалось: добиться отмены контрибуции с уже упоминавшегося Льговского женского монастыря, предотвратить попытку реквизиции Епархиальной типографии и помещений мужского монастыря в Коренной пустыни. В дальнейшем Союз инициативной деятельностью не отличался. Когда и как он прекратил своё существование, нам не известно²⁵⁰.

247 ГАКО. Ф. Р-506. Оп. 1. Д. 8. Л. 27.

248 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 152. Л. 1; Д. 151. Л. 1.

249 ГАКО. Ф. Р-590. Оп. 1. Д. 11. Л. 28–36.

250 ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 678. Л. 48.

Изменения отношения к религии и церкви населения губернии можно проследить на примере 3-го благочиннического округа Рыльского уезда. Проживало в округе 33 тыс. человек, в основном православного населения. Здесь редким явлением у молодых парней стало исполнение церковных обрядов. Появилась даже некая мода щеголять своим неверием, особенно в среде молодежи и бывших солдат. На распространение неверия оказывала определенное влияние антирелигиозная пропаганда, особенно публикуемые протоколы о вскрытии святых мощей. Но основная масса населения округа оставалась верной православию, хотя и здесь повсеместно наблюдалось несоблюдение церковных уставов и постов, что, впрочем, объяснялось голодом.

С прекращением Гражданской войны жизнь начала входить в более спокойное русло, это повлияло на возвращение некоторых прежних ценностей в сознание людей. С конца 1920 г. стало наблюдаться улучшение в отношении к духовенству и религии. Реже стали раздаваться оскорбительные для церкви речи, насмешки над духовенством. Появилось больше уважения к церковнослужителям, там, где они вели себя с достоинством²⁵¹.

Последнее подтверждает и поведение населения Тимского уезда, где во 2-й половине 1921 г. жители с. Роково воспротивились чтению антирелигиозных лекций. Так, когда до названного села, где имелась большая экономия и сахарный завод, дошел слух, что у них будет читать антирелигиозные лекции московский профессор Филатов, уже известный своими выступлениями в солнцевском культпросвете, рабочие сахарного завода потребовали от своего директора отменить выступление лектора, пригрозив ему, что в противном случае он будет слушать лекции один. После разговора с директором лектор «тотчас возвратился в Солнцево, а отсюда направился в Курск и Москву»²⁵².

Переходя к освещению событий внутрицерковной жизни октября 1917–1921 гг. в Курской губернии, первым делом стоит отметить принцип организации Курско–Обоянской епархии. Во главе ее стоял епархиальный архиерей: до декабря 1919 г. епископ Курский и Обоянский Феофан, который покинул пределы губернии в месте с отступающими войсками Деникина; с начала 1920 г. архиепископ Назарий, оставшийся на посту епархиального архиерея все время рассматриваемого нами периода.

Церковно–административная власть всех уровней на местах на основании решений проходившего в Москве в 1917–1918 гг. По-

251 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 129.

252 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 254. Л. 1–1об.

местного собора Русской православной церкви была передана в руки епархиальных органов власти, состоящих из выборных представителей от духовенства и мирян. После перерыва в несколько веков стало возрождаться церковное самоуправление в России, получившее свое развитие и в Курской губернии.

Возглавило епархию Епархиальное церковное собрание духовенства и мирян. В перерывах работы Собрания ее функции вместе с епархиальным архиереем выполнял Епархиальный совет (до июня 1919 г. подобный орган существовал в Белгороде при викарном епископе под названием Церковный совет)²⁵³. Он занимался всеми хозяйственными, финансовыми, судебными и административными делами, а также вместе с архиепископом ведал назначением и перемещением священников по епархии и решал внутрицерковные конфликты.

Епархиальный совет осуществлял свою деятельность до сентября 1920 г., когда был закрыт по решению VIII отдела НКЮ. И его функции были переданы канцелярии митрополита Курского и Обоянского.

Имела епархия и свой печатный орган – «Курский епархиальный вестник», выходивший в 1918 г. три–четыре раза в месяц. К началу 1919 г. Церковные издания на территории Советской России были почти повсеместно закрыты решением соответствующих органов советской власти, но в Курской губернии (по крайней мере в 1-й половине 1919 г.) «Курский епархиальный вестник» еще издавался²⁵⁴.

Церковное самоуправление получило развитие и на уровне благочиннических округов и приходов. Здесь также были организованы советы из представителей духовенства и мирян. Приходские и благочиннические советы решали хозяйственные и экономические вопросы своего уровня. А приговоры приходских собраний могли влиять на выбор духовных лиц для службы в своем приходе. В случае утверждения кандидата на вакантную должность епархиальной властью, последняя, при отсутствии особых причин, должна была считаться с их решениями.

Основную роль в выработке стратегии и тактики функционирования Курской епархии определяло Епархиальное собрание духовенства и мирян. Собрание должно было собираться не реже одного раза в год (делегаты Собрания избирались сроком на 3 года), но реально удалось провести всего две сессии. Первая сессия проходила в Курске с 3 по 7 июня 1918 г.

253 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

254 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 59. Л. 6об.

Исполняя распоряжения центральных церковных властей, на Собрании пытались избежать рассмотрения политических вопросов. Неоднократно напоминал об этом соборянам и председатель Епархиального собрания епископ Курский и Обоянский Феофан.

Одной из главных проблем, требующих разрешения на Собрании, стал вопрос о преподавании Закона Божия. На обсуждение возможных путей обхода или снятия запрета на преподавание этого предмета в учебных заведениях было потрачено значительное количество времени.

Принятая по этому поводу резолюция подчеркивала необходимость сохранения Закона Божия в школах всех типов в качестве обязательного предмета. Было решено рекомендовать мирянам епархии просить местные власти не вмешиваться в дело религиозного воспитания, а также обратиться к центральной власти с просьбой отменить п. 9 декрета 20 января²⁵⁵.

Другим вопросом, требующим немедленного разрешения, стал поиск источников финансирования епархии. Причем все надежды возлагали на доходы тогда еще неконфискованного свечного завода.

Вторая сессия Собрания, проходившая 3–4 июня 1919 г., оказалась последней, несмотря на ее решение собраться в мае 1920 г. К тому времени власти такой активности церковной деятельности уже не позволяли.

Тематика вопросов, вынесенных на обсуждение Собрания, во многом была знакома представителям духовенства и мирян еще с прошлого года. Вновь потребовал решения вопрос о преподавании Закона Божия. В связи с ужесточением действий советской власти в этой области остановились на том, что Закон Божий следует вести не в форме школьных уроков, а в виде религиозных беседований в специально создаваемых для этого ячейках христианского просвещения, состоящих из «ревностных мирян и клириков» во главе со священниками.

С закрытием духовной семинарии срочного решения потребовал и вопрос о подготовке новых кадров духовенства. Используя успехи центральной церковной власти, которая добилась от советского правительства разрешения открывать пастырско-богословские школы, было решено открыть такую школу в Курске.

Одним из самых сложных вопросов, как и год назад, снова оказался финансовый. Ввиду недостатка денежных средств пришлось упразднить Белгородский церковный совет и оставить кафедру Белгородского викарного епископа, пустующую после расстрела еписко-

255 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 6. Л. 32, 3–8, 37–38.

па Никодима, незанятой²⁵⁶. Правда, последнее исполнялось недолго, т.к. не позже начала 1920 г. в Белгород был назначен епископ Никон.

Постановления Епархиальных собраний, а также все текущие церковно-административные дела был призван решать Курский епархиальный совет, а затем канцелярия архиепископа, работающая при епархиальном архиерее.

В Епархиальном совете (и канцелярии правящего архиерея с сентября 1920 г.) обсуждались почти все дела епархии за 1918–1921 гг. На примере наиболее важных и известных нам решений Совета и канцелярии попытаемся проследить их деятельность.

Выполняя постановление Поместного собора Русской православной церкви, от отдела Просвещения Курского Губисполкома удалось добиться разрешения на открытие пастырско-богословской школы²⁵⁷. Занятия в ней начались 11 января 1919 г.

Еще ранее, предположительно летом 1918 г., были предприняты попытки открыть при Белгородском духовном училище семинарские классы²⁵⁸, а в Старом Осколе учредить 2-месячные курсы по повышению квалификации священников²⁵⁹.

Много времени пришлось уделять разбору конфликтов между духовенством или духовенством и мирянами. Пользуясь смутой, вызванной Гражданской войной, и в связи с материальными трудностями, испытываемыми церковнослужителями, последние нередко начинали враждовать меж собой на почве получения более богатых приходов или удаления конкурентов из своих церквей. Подобные конфликты вовлекали в свой водоворот мирян, т.к. по решению Поместного собора Русской православной церкви именно от них теперь зависел выбор церковнослужителя для своего прихода.

К тому же на взаимоотношения церковнослужителей стали влиять уравнилельные лозунги революции. Так, представители низших ступеней церковнослужителей²⁶⁰ некоторое время усиленно настаивали на равном разделе хлебных и других доходов, за неимением денежных²⁶¹.

Разрешение подобных вопросов красной нитью проходит через все время деятельности Епархиального совета, а затем и канцелярии епархиального архиерея в рассматриваемый нами период. Для пресечения самовольных действий духовенства Епархиальный со-

256 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 59. Л. 9–9об.

257 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 20. Л. 2.

258 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 44. Л. 1об.

259 ГАКО. Ф. 20. Оп. 2. Д. 647. Л. 1.

260 Псаломщики, пономари.

261 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 129. Л. 3.

вет с 1918 г. стал применять репрессивные меры, чем снизил нарушение церковной дисциплины²⁶². Однако в июне 1920 г. и декабре 1921 г.²⁶³ потребовалось еще 2 решения епархиального архиерея, упорядочивающих и конкретизирующих процедуру избрания церковнослужителей прихожанами²⁶⁴.

Так, г. Фатеже в сентябре 1919 г. священник кладбищенской церкви не позволил своему коллеге из Покровской церкви отслужить панихиду на кладбище, заявив, что это его компетенция, хотя сам, находясь еще и на государственной службе, не мог добросовестно выполнять свою работу. В случае же уступки он терял часть своих доходов. Однако по прошению приходского совета Покровской церкви Епархиальный совет разрешил их священнику служить панихиды на кладбище²⁶⁵.

С апреля по ноябрь 1920 г. Епархиальный совет разбирал взаимные обвинения Вороновского и диакона Шафранова церкви с. Сул Суджанского уезда. В основе конфликта оказалась возможность принятия диаконом Шафрановым сана священника, для чего он уже тогда успешно сдал экзамен. Вороновский, боясь потерять свое место или часть доходов, обвинил Шафранова в пьянстве, ведении агитации против него и т.п. В ответ Шафранов выдвинул подобные обвинения против Вороновского.

В Казацкой слободе г. Курска священник Смирнов резко отнесся к назначению на должность псаломщика протодиакона Данилова. Пытаясь выжить его из прихода, он часто стал начинать службы за час до положенного времени, не предупреждая псаломщика, а к церковному звону заканчивать их. Поэтому Смирнов стал отказывать протодиакону в его части дохода, объявив, что Данилов ее не заслужил. Данилову отказывалось в доходах и когда он отлучался из прихода по церковным делам.

За Данилова вступился Епархиальный совет, и ввиду грубых нарушений Смирнов был отчислен от Вознесенской церкви²⁶⁶. Смирнов, в свою очередь, стал искать защиты у прихожан, т.к. очень часто именно их голос оказывал решающее значение на судьбу конфликтующего священника. Епархиальный совет не мог не считаться с мнением прихожан.

Так, например, в мае 1920 г. жители с. Износова Льговского уезда предложили диакону П.Безуглову быть их священником, а свя-

262 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 58. Л. 2.

263 См. ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 190. Л. 1–1об.

264 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 128. Л. 24об.

265 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 119. Л. 1–2.

266 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 192. Л. 1–1об.

щенника Антонова, служащего в их Николаевской церкви, отстранили и не дали ему часть заработанных доходов в размере 2000 руб.

В Епархиальный совет был послан рапорт церковно-приходского совета с заявлением, что «В. Антонов назначен к нам без нашего на то прошения и приговора. Поэтому просим назначить к нам священником диакона Безуглова». Епархиальный совет был вынужден перевести Антонова в другой приход, а Безуглова возвести в сан священника²⁶⁷.

Подобных случаев вражды в среде представителей клира и мирян на почве распределения доходов и занятия богатых (в понятии того времени) приходов происходило довольно много.

За все время своей деятельности Епархиальный совет постоянно решал вопросы материальной помощи нуждающимся представителям духовенства и их семьям. Он изыскивал средства на одновременные пособия и пенсии. Так, за июнь 1919 г. материальная помощь была оказана 12 нуждающимся на сумму 3100 руб.²⁶⁸ Такая же тенденция прослеживается в предыдущий и последующие периоды.

Это происходило несмотря на то, что епархиальный бюджет был дефицитным. Существовала постоянная нехватка средств. Вообще, практически все денежные поступления в епархию шли от сборов среди верующих по благочинническим округам. Но, учитывая трудности, испытываемые населением губернии, запланированного объема они не достигали.

Конфискация органами советской власти у церкви земли, коммерческих и доходных предприятий, а также падения уровня жизни всего населения страны в рассматриваемый период давали о себе знать. Анализ документов показывает, что к январю 1921 г. на содержание епархиальных учреждений практически не оказалось средств²⁶⁹.

Трудности епархиальных органов власти были естественным отражением дел на местах. Русская православная церковь в целом, и в Курской губернии в частности, вследствие преследования со стороны советской власти и ухудшения материального положения населения в условиях Гражданской войны и политики военного коммунизма, оказалась в перманентно кризисном состоянии. Православное население во многих случаях оказывалось не в состоянии содержать храмы на должном уровне и обеспечивать необходимый прожиточный минимум духовенству.

267 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 157. Л. 3, 8–8об.

268 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 115. Л. 1об–2.

269 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 235. Л. 1.

В этой связи распространенным явлением стало сокращение штатов священнослужителей в приходах епархии. Так, в январе 1919 г. прихожане Всехсвятской церкви г. Курска постановили закрыть вакансию 2-го священника, а оставить при храме 1 диакона и 1 священника — на большее не было средств²⁷⁰. Весной 1919 г. решили сократить один штат и прихожане Знаменской церкви станции Поныри. Здесь в январе 1919 г. ввиду большого количества прихожан стал служить второй священник и псаломщик. Но в феврале этот священник умер, и прихожане, почувствовав, что не в силах содержать две штатные единицы, постановили вакансию на освободившееся место не открывать²⁷¹. Подобная практика стала распространенным явлением в губернии.

Нередко церковнослужителям приходилось довольствоваться содержанием, не соответствующим их сану. Так, прихожане Успенской церкви Медвенской слободы Обоянского уезда на сходе 12 июля 1920 г. постановили: закрыть существующую вакансию диакона в приходе из-за бедности жителей слободы. Но направили в Епархиальный совет²⁷² прошение возвести в сан диакона псаломщика М.Палешука с оставлением за ним в последующем содержания псаломщика²⁷³.

В апреле 1919 г. благочинный 5 благочиннического округа²⁷⁴ Львовского уезда И.Казминский даже просил у Епархиального совета закрыть церковь села Левшинки, т.к. после конфискации 51 дес. церковной земли и счета в банке на сумму в 11000 руб. церковнослужители оказались без денежного содержания, которым не могли обеспечить и прихожане, хотя их насчитывалось 942 человека²⁷⁵.

В этом плане характерную картину церковной жизни на уровне уезда можно проследить на примере 3-го благочиннического округа Рыльского уезда в 1920 г. В округе функционировало 12 церквей. За интересующий нас период органами местной советской власти закрытию подвергся только 1 храм. 2 храма нуждались в ремонте, но, по словам благочинного²⁷⁶: «говорить о ремонте храмов при настоящих условиях жизни совершенно бесполезно». Из-за трудного

270 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 105. Л. 1–3.

271 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 114. Л. 11, 4.

272 Орган церковного управления Курской епархии. Осуществлял руководство епархией вместе с епархиальным архиереем с весны 1918 г. по сентябрь 1920 г.

273 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 139. Л. 2.

274 Благочиннический округ объединяет несколько приходов, находящихся в территориальной близости, и возглавляется благочинным, которого выбирают верующие округа, а затем его кандидатура утверждается епархиальным архиереем.

275 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 70. Л. 1–10б.

276 Благочинный 3 благочиннического округа Рыльского уезда.

морального и материального положения существующие штаты духовенства были неполны: из положенных 13 священников – 12, из 7 диаконов – 5, из 13 псаломщиков – 10. Например, осенью 1919 г. умер священник в с. Самарке, а вакансия на его место перестала существовать не ранее января 1921 г.²⁷⁷

Трудные условия жизни стали отражаться и на обрядовой стороне церковного богослужения. Так, за неимением средств, просфоры стали печь из муки пресного помола, отсутствующее церковное вино заменяли мирским – из смородины, вишни и т.д. Негде стало достать ладан и лампадное масло, вместо них в ход пошли воск, сахар, другие плавящиеся пахучие вещества и конопляное масло.

В не менее трудном материальном положении в епархии оказались и монастыри. Монахи жили за счет пожертвований верующих, т.к. почти вся собственность была конфискована. Обоянский Знаменский монастырь для своего прокормления имел всего 1 десятину земли под садом. Денежные поступления в 1921 г. составили 4 801 048 руб.

Перечисленные трудности стали отражаться на положении всех институтов церкви и связанных с ними людей. 17 мая 1918 г. надзиратель Белгородского духовного училища обратился к Епархиальному собранию с прошением улучшить его материальное положение, потому что при окладе 575 руб. в год невозможно было обеспечить себя нормальным жильем и всю зиму 1917–1918 гг. пришлось жить в неотапливаемой комнате в училище с сослуживцем. Размещавшиеся некоторое время в училище красноармейцы побили часть окон и испортили многие двери, после чего температура в комнате равнялась 8–12°С. В результате оба заболели ревматизмом.

Суточный рацион питания надзирателя составлял: 1 ф. хлеба, 1/4 ф. говядины, 1/8 ф. рыбы и т.д. Но и 1 ф. хлеба был не всегда, «а при карточной системе и 1/2 ф., а иногда даже и 1/4 ф.». «В этой ситуации о новой обуви и одежде не приходилось и думать»²⁷⁸.

Из общественной деятельности духовенства нам известны действия по борьбе с неверием и сектантством и попытки наладить преподавание Закона Божия среди детей.

Внешкольное обучение детей Закону Божию, несмотря на постановления Епархиального собрания, не получило широкого распространения. Так, в 3 благочинническом округе Рьльского уезда предпринимались попытки наладить в новых условиях преподавание Закона Божия. Это начинание практиковали всего в 2–3

277 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 129. Л. 1–2.

278 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 48. Л. 1об.

церквях, но нерегулярно, а затем из-за отсутствия специальных помещений и зимнего холода в храмах начатые были занятия прекратились²⁷⁹. На подобном фоне скорее исключением выглядели активные действия в области религиозного обучения детей, тоже имевшие место.

В селе Глебово Фатежского уезда священнику Дубному удалось убедить многих родителей посылать своих детей не в советскую школу, а в организованную им у себя на квартире²⁸⁰. Священник церкви Покровской с. Старкова Курского уезда безвозмездно преподавал Закон Божий детям, прекратив подобную деятельность не ранее 1921 г.²⁸¹

Не оставались в стороне от решения этого злободневного вопроса и верующие. Так, в с. Марица Льговского уезда верующие вынесли постановление: из школы иконы не убирать и во всех классах продолжать преподавание Закона Божиего²⁸².

Кроме вышеназванного процесса, несмотря на трудности, вызванные временем, в губернии открывались и новые церкви. Нам известно несколько таких случаев. Однако возникновение новых церквей было все-таки явлением редким, сопряженным с множеством трудностей, и затрагивало только сельскую местность.

Так, в 1919 г. сельское общество с. Ново-Вирково Путивльско-го уезда решило открыть свой храм. Все расходы по содержанию церковного здания и духовенства селяне брали на себя. Подобное решение было принято в селе Гуторово Курского уезда. Однако нам неизвестно, были ли открыты храмы в названных селах. Скорее всего, был открыт новый храм в с. Дьяконово в 1920 г. Здесь под устройство церкви удалось добыть разрешение отдела народного образования на аренду бывшей земской школы²⁸³. Была открыта новая церковь в деревни Злобино Дмитриевского уезда. Во всех перечисленных случаях храмы открывались в пригодных для этого светских зданиях.

В 1921 г. трудности, переживаемые Курской епархией, поставили ее на грань выживания. Перед церковью стали почти неразрешимые финансовые проблемы, сохранили свою остроту конфликты в среде церковнослужителей, не прекращались гонения по отношению к духовенству, начался процесс закрытия храмов.

279 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 129. Л. 3об.

280 *Луцев Г.К.* Борьба коммунистической партии за преодоление религиозных суеверий и предрассудков. // Ученые записки КГПИ, вып. VIII. – Курск, 1958. – С. 43.

281 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 159. Л. 17.

282 *Луцев Г.К.* Указ. соч. С. 43.

283 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 67. Л. 4.; Д. 76. Л. 1.; Д. 131. Л. 1–2.

Таким образом, революция и Гражданская война поставили перед Курской епархией много сложных проблем, требующих немедленного разрешения. Возродившееся церковное самоуправление предприняло реальные шаги для нормализации церковной жизни. Но деятельность советских властей свела эти начинания на нет, так как партийными и советскими органами власти был взят курс на полное уничтожение религии в стране.

7. Советские преобразования

Переход власти в руки советов на местах также был встречен неоднозначно лицами и учреждениями, в ведении которых находились рычаги управления экономикой и социальной сферой.

Например, случаи саботажа советской власти служащими старых госучреждений в Курской губернии были таким же явлением, как и во всей России. Так, на первых порах, профсоюзы связистов объявили нейтралитет к мероприятиям, проводимым советской властью. Просьбы комиссаров открыто игнорировались²⁸⁴.

Собственная экономическая политика советов в губернии активно стала проводиться с начала 1918 г. В первую очередь на предприятиях был установлен рабочий контроль. В течение 1918 г. прошел процесс национализации промышленных предприятий и банков города, который завершился к концу года. В первую очередь были взяты под контроль отделения государственного банка. 17 сентября было принято решение о национализации сахарной промышленности, 19 ноября – типографий, 15 ноября – табачной фабрики и т.д.²⁸⁵ Зимой 1918–1919 гг. национализации подверглись кирпичные заводы, мыловаренный завод и т.д.²⁸⁶ В течение января–февраля 1919 г. национализация предприятий была завершена. В самую последнюю очередь государственной собственностью стали самые мелкие предприятия.

Однако в ходе Гражданской войны незначительный промышленный сектор губернии практически полностью перестал функ-

284 *Чернышев И.* Курские связисты в революции // Они были первыми. Очерки, воспоминания. – Воронеж, 1969. – С. 117.

285 См., например: Решение коллегии Курского губземотдела по вопросу о национализации сахарной промышленности // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 307.

286 Информация в газете «Курская беднота» о работе Курского уездного исполкома в области промышленности // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 320.

ционировать. Имущество многих предприятий оказалось разграбленным. Совсем не обновлялось оборудование на работающих предприятиях. Так, только в Курске в 5 раз уменьшилась мощность курской электростанции, прекратилось трамвайное движение, сократилась подача воды. Уменьшился жилой фонд, значительная часть зданий была разрушена. Возрождение промышленности началось только после окончания Гражданской войны на Юге России в 1921 г.²⁸⁷

Показательной в отношении советских методов организации и последующей судьбы новых предприятий является история «Курской портняжной артели», созданной в 1918 г. взамен многочисленных частных портновских мастерских. Дело было поставлено на широкую ногу, что весьма впечатлило А.Л. Ратиева, явившегося туда перешить костюм. «Как вам удалось такое чудесное предприятие организовать?» — поинтересовался он у заведующего, товарища Балабанова. «Очень просто. Забрали у всех лучших мастеров города машины и свезли сюда с приглашением явиться на новое место работы. Что им оставалось делать?» Удовлетворив своё любопытство, Ратиев получил прекрасно пошитый костюм, и, как оказалось, весьма вовремя. Уже следующей же ночью «дотла сгорело то самое предприятие, откуда только вчера получил я свой костюм. Сгорел и весь свезённый туда инвентарь, конфискованный у местных портных, частников. Идут аресты»²⁸⁸.

Создавшаяся ситуация отрицательно сказывалась и на санитарной ситуации в городе. Особенно опасным являлся недостаток питьевой воды. Так, только за ноябрь–декабрь 1918 г. в Курской губернии заболело сыпным тифом 425 человек. На 23 декабря в Курске в больницах состояло 237 сыпнотифозных, в том числе 130 красноармейцев. Болели и представители медперсонала. Местные власти очень беспокоила возможность распространения болезни в среде горожан и солдат. По названной причине губсанотдел выступал против притока населения в город и перемещение новых воинских частей²⁸⁹.

«По городу ползут зловещие слухи: ширится эпидемия сыпного тифа, в большинстве случаев со смертельным исходом, — пишет в

287 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 74.

288 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 176–177.

289 Телеграмма губсанотдела Наркомздраву о заболевании сыпным тифом населения губернии и красноармейцев воинских частей в ноябре–декабре 1918 г. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Курск, 1967. — С. 74.

своих воспоминаниях А.Л. Ратиев, работавший тогда в отделе по учёту и распределению рабочей силы. — На стенах расклеено объявление, что больных немедленно должны отправлять в больницы. Для тифозных приспособлены здания Народного дома и Епархиального училища. Говорят, что коек там не хватает, и больных кладут прямо на пол, на солому. Заняты больными и все коридоры. Не хватает там и отопления. В помещении не более трёх–четырёх градусов.

Быть может, всё преувеличено? Но вот у меня в руках косвенное этому подтверждение. Из больницы Народного дома получено требование на санитаров. Сразу на 300 человек. Откуда их взять? Вопреки ожиданию, к нам начинают являться группы по 5–6 человек и сами просят послать их санитарями. Чуда никакого нет. Стало известно, что служба санитаром освобождает от службы в Красной армии, а сейчас туда идёт новый набор.

За несколько дней нам удаётся туда отправить свыше 120 человек. А ещё через неделю — снова телефонный звонок. Почему прекратили присылку санитаров?

— Вам же послано свыше ста!

— А мы затребовали 300. Из тех, что присланы нам, уже больше половины лежат больными, другие разбежались. Считайте, что наше требование на 300 человек остаётся постоянным. Присылку санитаров не прекращайте.

Встречаю на улице доктора Бауэра Бориса Карловича. Он сейчас главный врач Земской больницы, бывшего богоугодного заведения. Спрашиваю: «Так ли страшна тифозная эпидемия?»

— ...В больницу сейчас попасть и врагу не пожелаю. Кого тиф помилует, тот неминуемо или воспалением лёгких кончит, или же себе конечности отморозит. В крайнем случае, погибнет от пролежней. Не хватает не только санитаров, но и врачей. За последние два месяца шесть моих коллег погибло, известных курских врачей...»²⁹⁰

Угроза населению от эпидемии тифа сохранялась весь период Гражданской войны. В конце 1919 г. местные власти признали город и губернию «угрожаемой по развитию заболеваемости тифом»²⁹¹. Вопрос о борьбе с тифом переходил из чисто медицинской проблемы в политическую плоскость. Выход из создавшейся ситуации мог быть только один: преодоление разрухи и поднятие материального благосостояния граждан. Принимаемые меры мог-

290 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 213.

291 Протокол межведомственного совещания о мерах борьбы с эпидемией сыпного тифа // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Курск, 1967. — С. 198–199.

ли только смягчить ситуацию, но не приводили к ее разрешению. Антитифозными мерами стали постанова всего врачебного персонала на учет, усиление питания в больницах, здание тюрьмы за Московскими воротами передавали под госпиталь для сыпнотифозных, в городе усиливалась ассенизационная работа, организовывались медицинские курсы и т.д. Кроме того, власти были вынуждены усилить финансирование антитифозных мероприятий.

Тиф продолжал свирепствовать и в течение 1920 г. При этом появлялись и новые эпидемии. Второй по силе разгула заболеваемости стала холера, распространение которой началось в начале 1920 г.²⁹²

Экономическая ситуация была настолько сложной, что основные продукты питания, такие, как хлеб, с начала 1918 г. в городах губернии, впрочем как и во всей Советской России, стали выдаваться по карточкам. Исключение представляло только молоко. Представители так называемых бывших эксплуататорских классов продовольственных карточек не получили. Они обрекались на голодную смерть. Спасти от голода могло только устройство на работу в советские организации или черный рынок.

Представители буржуазии, духовенства и других бывших «эксплуататорских» классов, кроме того, подлежали обязательной регистрации и исполнению трудовой повинности. Она заключалась в уборке улиц, расчистке от снега железнодорожных путей, обслуживании советских учреждений и т.д. Плата за общественные работы не предполагалась.

Большой проблемой для советской власти, особенно в 1918 г., было отсутствие денежных средств. Управление экономикой находилось на примитивном уровне. Поэтому организации, наделенные властными полномочиями, постоянно прибегали к наложению контрибуций на представителей буржуазии, духовенства, производились реквизиции денежных средств или ценностей из церквей, монастырей и несоветских организаций. Например, 28 апреля по постановлению Курского губсовнархоза на буржуазию города был разверстан единовременный налог общей суммой 1 млн. руб.²⁹³ Налог на такую

292 Телеграмма Губернской чрезвычайной комиссии по борьбе с тифом в ВСНХ о срочном отпуске топлива для Курской губернии // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 219.

293 Информация в газете «Известия Курского объединенного совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов» о налоге на капиталистов гор. Курска // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. 302.

же сумму был наложен на зажиточных жителей г. Тима. Неоднократным конфискациям имущества подвергались курские и белгородские монастыри и т.д. Широкое распространение имела практика, когда под арестом оказывались представители буржуазии, духовенства только за принадлежность к своему классу. Выйти на свободу можно было, только заплатив определенную денежную сумму.

Вот как описывает Н.В. Красавин проведение подобного финансового мероприятия в Путивле, где он занимал в 1918 г. пост комиссара земледелия: «Решили наложить в один миллион [рублей] контрибуцию на торговцев и прочию буржуазию, официально мотивируя отчасти тем, что за войну они «награбили». Мне было поручено составить проект. Я уже знал, как в Харькове Антонов-Овсенко взыскивал «контрибуцию». Метод и план был тот же, только надо было выбрать «материал». Рев. Совет одобрил. Вызвали: Кетроица, Духовского, Беляева, Саленко, Покровского, Сазонова, Курдюмовых, Брянцева, Таянкова и др. генералов, Глазенапа, Покатило (атаман Войска Донского), Ершова и предложили им в 24 часа разложить 1 мил[лион] между собой и Пут[ивльской] буржуазией в числе не более 30 человек. Они не согласились, тогда мы их объявили заложниками, отвечающими за 1 миллион рублей. После этого они согласились и были отпущены на 24 часа для развёрстки. К следующему вечеру они вместе с податным инспектором Архангельским разложили эту сумму не на 30 человек, а на весь город, о чём от себя объявили по кварталам. К вечеру исполком был забит народом с возгласами «почему я должен платить». Явились и заложники. После бурного митинга, где особенно свой протест заявляли путивльские студенты... граждан успокоили, что с них брать не будут, а заложников отправили в тюрьму и вручили им список, нами развёрстаный на 30 человек. Им было объявлено, что по уплате ставки, причитающейся на каждого, они будут освобождены. Первыми на следующий день же заплатили Беляев, Саленко, генералы Покотило (платил серебряными вещами), Глазенап (платил золотыми вещами), Курдюмовы, Сазонов, Калугина, Убоженко, Череповы, Асосков, Покровский. Через 10 дней были собраны 420 тысяч, остальным даны были отсрочки. Впоследствии золото и серебро было сдано т. Хильченко в Курский государственный банк в размере приблизительно — золота 1 п. 56 зол., серебра 4 п... Таким образом, на первое обзаведение денег достали, на которые и содержали служащих и на эти же средства эвакуировались»²⁹⁴.

294 *Красавин Н.В.* Мои воспоминания о том, как г. Путивль и уезд стали советскими (рукопись). — Л. 10–11.

Еще одним сбором средств, произведенным в экстремальном порядке, был единовременный чрезвычайный революционный налог, разверстаный на всех зажиточных жителей Курской губернии. Необходимость налогообложения предложил Губернский финотдел 18 ноября 1918 г. Предполагалось собрать 380 000 000 руб., из них в г. Курске — 40 000 000 руб.²⁹⁵

Как вспоминает М.Н. Черников, в Тимском уезде «с первых же дней своей работы уездному ревкому пришлось столкнуться с финансовыми затруднениями. Возросла потребность в средствах на новые нужды, не предусмотренные в сметах земского бюджета, как например, на содержание Красной гвардии и пр. По постановлению уездного ревкома был установлен налог на буржуазию города и деревни. Это дало возможность укрепить финансовое состояние уезда, обеспечить нужды хозяйственного и культурного строительства, увеличить расходы на содержание Красной гвардии и даже приступить к работам по телефонизации района... Осенью в уезде был введен чрезвычайный денежный налог на сельскую буржуазию, подорвавший экономическую основу кулачества»²⁹⁶.

Причин экономической разрухи в Советской России было достаточно. В первую очередь это политика военного коммунизма, в ходе которой все силы промышленности были направлены на нужды фронта. Национализация промышленности и отсутствие экономических стимулов так же отрицательно сказывались на экономике. И главный вред был нанесен анархией в стране, существовавшей после свержения власти Временного правительства и собственно боевых действий Гражданской войны.

Значительные проблемы в экономической или социальной политике нередко решались путем экстренных мер, которые, кроме прочего, были призваны повлиять на революционную инициативу масс. В первую очередь это были субботники и всевозможные недели, посвященные «фронту», «деревне», «транспорту» и т.д. Экономике восстановить они не могли, но определенную помощь властям оказывали. Так, 19 августа в Курске был проведен первый для губернии коммунистический субботник. Его организаторами стали коммунисты-железнодорожники. В субботнике участвовало более 100 чел.²⁹⁷

295 Сообщение Губфинотдела о размере и разверстке единовременного чрезвычайного налога по гор. Курску и уездам // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 315.

296 Черников М.Н. Октябрь в Тимском уезде Курской губернии // Краеведческие записки. Вып. 2. — Курск, 1963. — С. 103, 109.

297 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 100.

Из других наиболее значимых мероприятий можно назвать «Неделю фронта, транспорта и тифа», проходившую 26–31 января 1919 г. Тогда было собрано 1 млн. руб. и 600 пудов белья. 23 февраля 1919 г. провели день «Красного подарка». В этот день для Красной армии собирали продукты, деньги и оружие²⁹⁸. 1–16 октября 1920 г. была проведена «Неделя крестьянина», направленная на укрепление союза между деревней и городом. Организации и предприятия Курска оказали крестьянам помощь рабочей силой, материальными средствами²⁹⁹. Проведение подобных агитационных мероприятий происходило постоянно. Некоторые «недели» повторялись. Так как проблемы фронта и распространения тифа стояли остро постоянно, то в января 1920 г. была в очередной раз проведена «Неделя фронта и борьбы с тифом». В ходе проводимых мероприятий принимались пожертвования на нужды госпиталей. От населения принимали деньги, дрова и одежду для больных тифом³⁰⁰.

Конечно, подобные меры не могли серьезным образом повлиять на ситуацию в губернии. Насущные проблемы решались путём внеэкономического принуждения. Например, в феврале 1920 г. снабжение Курска топливом (дровами) было решено производить путем принудительных работ, на которые привлекались по мобилизации в масштабах всей губернии подлежащие призыву в армию возраста. Не явившиеся на лесозаготовительные работы объявлялись дезертирами и отправлялись в действующую армию³⁰¹.

В октябре 1920 г. в масштабах губернии была проведена еще одна трудовая мобилизация. На этот раз она коснулась кустарей–валяльчиков. Их труд должен был использоваться для обеспечения Красной армии тёплой обувью. Мобилизованные кустари–валяльщики отправлялись в распоряжение усовнархозов. Лица, уклонившиеся от явки, привлекались суду революционного ревтрибунала как злостные дезертиры³⁰².

298 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 12.

299 Страницы истории города Курска. – Курск, 1981. – С. 100, 104.

300 Обращение политотдела Юго–Западного фронта, Курского губкома РКП(б) и Губпродсовета к гражданам губернии // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 213.

301 Из протокола Межведомственного совещания губернских организаций о мерах по снабжению г. Курска топливом // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 218.

302 Приказ № 207 Губисполкома о мобилизации кустарей–валяльчиков для обеспечения Красной армии теплой обувью // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 287.

Вместе с установлением Советской власти был установлен и контроль правящей партии над средствами массовой информации. «Буржуазные» и «антисоветские» издания попали под запрет. Получить сведения о том, что происходит в стране и в мире, люди могли только из официальных советских изданий. Сведения же эти отнюдь не всегда отличались точностью. Так, например, 28 апреля 1918 г. «Известия» поместили на первой странице обширную статью, посвящённую событиям «Ледяного похода» Добровольческой армии генерала Л.Г. Корнилова. Под весьма характерным заголовком — «Борьба с чёрным врагом» — повествовалось, что «отряд Корнилова состоял из киргизов, чеченцев и офицеров», что он был «окружён со всех сторон, но в виду того, что в его отряде было много людей, взятых по станицам силой, [красногвардейцы] воздерживались от разгрома». Затем корниловцы стали прятаться в Кубанских плавнях и «при малейшей возможности разбегаться». В отчаянии Корнилов пошёл на прорыв и был убит в бою вместе с большинством своих людей³⁰³. Нет нужды говорить, что с реальным ходом боёв под Екатеринодаром эта фантастическая история не имеет ничего общего. Между тем именно такими «известиями» и вынуждены были пробавляться в 1918–1919 гг. жители Курска.

В ноябре 1918 г., к праздникам в честь годовщины Октябрьской революции, в Курске началось переименование улиц и площадей города. Тогда разом было переименовано 40 улиц, площадей и переулков. Центральная улица Московская была переименована в улицу Ленина³⁰⁴. С тех пор традиция переименования исторических улиц города в память громких событий или имен советской, а теперь и российской истории продолжается вплоть до наших дней.

Колоритную зарисовку облика Курска летом 1919 г. сохранили мемуары И.Б. Казацкого³⁰⁵:

«Старый русский город, застроенный полутёмными кирпичными лавками и приземистыми мучными лабазами, на фоне пожарной каланчи и многочисленных церквей, с монументальной хлебной биржей, вокруг которой ещё недавно вертелись всевозможные маклеры, комиссионеры и прочая шантрапа, никогда не имел постоянной прослойки рабочего класса, если не считать нескольких

303 Головин А. Борьба с чёрным врагом (на Кубани) // Известия. № 83 (331) 28 апреля 1918 г. (номер в фондах Курского областного краеведческого музея)

304 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 98.

305 Казацкий Исай Борисович (Беркович) (1906–1976) — В 1930-е переехал в Москву, работал бухгалтером. В конце 1950-х — начале 1960-х был главбухом «Мосхлеба».

сотен человек, занятых на кожевенном, мыловаренном и пивоваренном заводах, да ещё сотни–другой девушек на табачной и конфетной фабричках...

Город был объявлен на осадном положении. Губздравотдел приспособлял городские больницы под военные госпитали, аптеки отпускали лекарства не по рецептам, а по ордерам. Губпродком объявил об урезке и без того скудного хлебного пайка для гражданского населения... Кончалось лето 1919 года. Небывалая жара высушила город, прославленный садами и соловыными трелями. Обезлюдевшие улицы оголились грязными ранами облупленных домов и выщербленными тротуарами, раскалёнными до банной температуры. Обгоняя сгорбленную старушку, жадно вцепившуюся в ржавую воблу с кусочком сыпучего овсяного хлеба, пробегал на работу хмурый невыспавшийся совслужащий с брезентовым портфелем под мышкой. Пулемётной дробью грохотала по булыжнику военная двуколка, запряжённая парой тощих коняг, погоняемых небритым красноармейцем. Вот и всё уличное движение. Городское население, облачённое в серо–зелёное отрёпье недоношенного солдатского обмундирования... в деревянных колодках и тапочках из мешковины на верёвочной подошве, не нуждалось в услугах портных, сапожников и парикмахеров. Судя по стоимости коробки незажигавшихся спичек в миллион рублей, все были «миллионерами», обладателями массы обесцененных денег, на которые ничего нельзя было купить»³⁰⁶.

Отец двенадцатилетнего Исяя, Борис Маркович Казацкий, «один из лучших закройщиков города... тосковал по настоящей работе, вынужденный строчить на машинке бумажные гимнастёрки и широчайшие галифе из старых байковых одеял, за которые редкие заказчики расплачивались гречневой крупой и конопляным маслом». Но сам Исай был вполне доволен жизнью — можно было забыть надоевшее реальное училище, «ненавистную зубрёжку, издевательства чиновников–учителей и подзатыльники, полученные от сынков разбогатевших лавочников». Теперь он, наконец, «первые почувствовал себя равным среди учеников Советской школы, где занятия велись нерегулярно и лишь тогда, когда вместе с книжками ребята тащили на уроки по полену дров»³⁰⁷. Высшим авторитетом для него был теперь не живший прошлым отец, а энергичный

306 Казацкий И.Б. Два месяца (рукопись). Л. 3, 5.

307 Там же. Л. 5,6.

старший брат Самуил³⁰⁸. Он, коммунист и важный ответственный работник, «рассуждал ясно и здраво, совсем не так, как отец, мать и старшие сёстры». Он был среди тех, кто строил новый мир и прошлое было для него не более, чем «тёмным царством», заслуживающим только скорейшего разрушения.

8. Крестьянские восстания

Что касается большевистской политики в крестьянском вопросе, то в соответствии с «Декретом о земле», принятом на II Всероссийском съезде советов, вся земля объявлялась национализированной. В Курской губернии перераспределение бывших помещичьих, монастырских и государственных земель завершилось к началу полевых работ весной 1918 г. При этом передел земли часто производился самими крестьянами. В феврале 1918 г. губернские власти не обладали сведениями о земельном фонде подведомственного им региона³⁰⁹.

Однако в целом политика большевиков была направлена на ослабление социальной активности сельских жителей, внесение раскола в их среду. В первую очередь ставка была сделана на деревенскую бедноту, которую противопоставили всем остальным сельским жителям.

С середины 1918 г. в селах губернии стали создаваться комитеты деревенской бедноты (комбеды). Комбеды создавались на сельском и волостном уровне под непосредственным руководством коммунистов или бывших солдат-фронтовиков — сторонников большевистского переворота. В комбеды принимались только представители деревенской бедноты и незначительная часть середняков. Задачей комбедов было помогать укреплению власти коммунистов на селе. Все лица, которые препятствовали организации комитетов бедноты, могли быть переданы революционному суду³¹⁰. Комбеды в се-

308 Казацкий Самуил Борисович (Беркович) (1897–1937) — в 1919 г. курский комиссар финансов. После Гражданской войны работал в Москве в системе Наркомфина. В середине 1930-х занимал должность управляющего Дальневосточной конторы Промбанка в Хабаровске. Арестован 13 августа 1936 г., осуждён по ст. 58-8 и 58-11 УК РСФСР, расстрелян 10 января 1937 г. Посмертно реабилитирован в 1956 г.

309 Из протокола I Курского губернского съезда советов // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 177.

310 Постановление Корочанского уисполкома об образовании комбедов // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 42.

лах, при поддержке организаций РКП(б), стали подменять собой советы. Тем самым деревня оказалась расколотой на два враждующих лагеря.

Организацию комбедов не поддержала ни одна социалистическая партия, даже левые эсеры.

Комбеды занимались перераспределением бывших помещичьих и государственных земель, сельскохозяйственных орудий и инвентаря. Перераспределяли отобранную у кулаков землю и инвентарь в пользу бедноты, облагали местных кулаков контрибуциями и т.д. О полномочиях комбедов можно судить по статьям постановления одного из них, Корочанского (сентябрь 1918 г.):

«Этим постановлением все граждане уезда обязываются:

Подчиняться всем распоряжениям и постановлениям комитета бедноты.

Не распространять ложных слухов и не устраивать контрреволюционных договоров [заговоров].

Не устраивать без разрешения комитета бедноты собраний и митингов и не бить в набат (кроме несчастного случая).

Не варить самогонку и не продавать излишков хлеба в частные руки и по вольным ценам. Хлеб вывозить из волости можно только с разрешения комитета.

Не рубить лес, не продавать домов, не покупать живого и мёртвого инвентаря без разрешения комитета»³¹¹.

В Курской губернии организация комбедов началась с конца июля 1918 г. В начале сентября их существовало уже около 300³¹². В абсолютном большинстве волостей к тому времени комитеты бедноты существовали. Сельские комитеты состояли из 3–5 человек, координировали их деятельность волостные комбеды³¹³.

Просуществовали комбеды до весны 1919 г., когда они вновь были слиты с советами. К концу 1918 г. комитеты бедноты выполняли отводимую им роль, и дальше их существование стало грозить власти большевиков. Деревня больше не могла терпеть подобную политику коммунистов и ответила многочисленными восстаниями на бесчинства советской власти. В Курской губернии было зареги-

311 Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С.100.

312 Из доклада члена Курского губкома Московской областной конференции РКП(б) о работе Губкома партии // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 53.

313 Доклад председателя Льговского административного отдела об организации комбедов Коньшевской волости // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 59.

стрировано более ста восстаний. Представители власти сами отмечали, что восстания были направлены против комбедов и расквартированных поблизости воинских отрядов³¹⁴.

По официальным большевистским данным, Курская губерния не отличалась высоким процентом кулаков. Однако по числу крестьянских восстаний она являлась одной из самых опасных в Центральной России. Советская идеология народные выступления всегда называла кулацко-буржуазными, белогвардейскими, эсеровскими и т.п. В действительности это были спонтанные выступления в ответ на притеснения властей.

За время своего существования комбеды выполняли еще одну важную функцию, они являлись главными помощниками в реализации политики продразверстки, введенной майским декретом ВЦИК и СНК. Политика продразверстки обязывала крестьянство сдавать государству по твердым ценам все излишки сельхозпродуктов. На основании распоряжения Наркомпрода от 10 августа 1918 г. была установлена норма, по которой крестьянину оставляли необходимое количество хлеба и других продуктов для прокормления семьи, скота и для предстоящей посевной. Крестьянство отказывалось добровольно сдавать продукты своего хозяйства, так как из-за разрухи в стране невозможно было взамен приобрести необходимые товары. Поэтому хлебные излишки власти стали изымать силой. Распоряжение от 10 августа часто не исполнялось, и сельские жители после изъятия хлеба оказывались на грани голодного существования.

Политика продразверстки существовала весь период Гражданской войны. Для выколачивания хлеба у крестьян создавались продотряды, объединенные в продармию. Борьба за хлеб временами превращалась в самую настоящую войну.

Официально считалось, что снабжение продовольствием основывается на товарообмене между городом и деревней. Однако, при явно завышенных ценах на промышленные товары (которых, к тому же, постоянно не хватало) и откровенно заниженных ценах на сельхозпродукты, товарообмен превращался в узаконенный грабёж деревни. В обмен на свои продукты крестьяне получали в основном обесценившиеся денежные знаки по установленному властью твёрдому курсу. При этом следует учесть, что согласно это-

314 Из протокола экстренного объединенного заседания Дмитриевского укома РКП(б) и Исполкома о положении в уезде в связи с контрреволюционным выступлением кулаков в с. Старшем Прилеповской волости // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 71.

му курсу, стоимость пуда хлеба равнялась цене одной подковы или полуаршина ситца, или 200 грамм гвоздей!³¹⁵ В итоге уже к декабрю 1917 г. фактически прекратился приток хлеба в промышленные центры страны. Крестьяне отказывались продавать зерно, и над столицами нависла угроза голода. Из этой ситуации имелось два выхода: повышение закупочных цен на зерно и усиление репрессий. Советское правительство избрало второй путь. В деревню начали посылать вооружённые отряды для изъятия хлеба и «принятия самых революционных мер» по борьбе со «спекулянтами» и «кулаками». Были введены хлебная монополия государства (безусловное запрещение частной торговли хлебом) и обязательная сдача всех излишков хлеба государству по твёрдым ценам. Товарообмен в деревне должен был производиться по классовому признаку: обменивать хлеб на промтовары могли теперь только бедняки, остальные крестьяне обязаны были принимать в обмен на своё зерно обесцененные бумажные деньги по твердым ценам³¹⁶. Таким образом, зажиточная часть села фактически исключалась из товарообмена.

Подобная практика в сочетании с запретом свободной торговли приводила к тому, что городское население оказывалось в прямом смысле на грани голодной смерти. Нехватка продовольствия стала бычком не только Москвы или Петрограда, но и городов плодородного Черноземья. Зимой 1918–1919 гг., как вспоминал позднее А.Л. Ратиев, в Курске уже вполне привыкли «употреблять в пищу конину и даже считать её лакомством». Но эпидемия сапа подорвала и этот источник снабжения продовольствием. «Спасает нас... оставшийся ещё мешок гороха, — пишет далее мемуарист. — Едим его и за обедом и вечером вместо хлеба. А хлеб? Овсяной, с отрубями, рассыпающийся как песок с глиной, через несколько часов покрывающийся плесенью, но и такой получаем мы только по 400 грамм на человека в неделю»³¹⁷. Столь же малоаппетитно выглядело меню столовой для совестких служащих, работавшей при Дворце Труда (бывшее Дворянское собрание): «каждый день обжигающе горячая похлёбка под названием суп или борщ. Суп это тогда, когда в тарелке плавает комочек запаренной муки или репы или несколько зёрен какой-либо крупы. Борщ — когда мука или крупа заменены листиком сушёной капусты, оставшейся ещё от военных запасов. На второе обыкновенно пюре из мёрзлой картошки. Желаящие всегда могут получить чай — или морков-

315 История социалистической экономики СССР. — Т. 1. — М., 1976. — С. 203.

316 История социалистической экономики СССР. — Т. 1. — М., 1976. — С. 20.

317 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 222, 237–238.

ный, или настоянный на яблочной кожуре. Сахарин полагается приносить с собой»³¹⁸.

В мае 1918 г. правительство предоставило наркомпроду чрезвычайные полномочия по заготовке и распределению продовольствия. На территории, подконтрольной Советской власти, была установлена «продовольственная диктатура». Её целью, по словам В.И. Ленина, было «вести и провести беспощадную террористическую борьбу и войну против крестьянской и иной буржуазии, удерживающей у себя излишки хлеба». Декрет ВЦИК от 9 мая предписывал жителям сельских районов в недельный срок сдать советским органам все свои «излишки хлеба». Не исполнившие этого объявлялись «врагами народа». Ситуация усугублялась ещё и тем, что немалое число уже собранного хлеба до столиц просто не доходило — его либо реквизируют по пути местные органы власти для нужд своих областей, либо растаскивали железнодорожники и просто толпы голодающих людей. Нарком продовольствия А.Д. Цюрупа указывал ещё один «бич хлебозаготовок» — мешочничество. Мешочники, ввозившие хлеб в голодающие города в обход декрета о государственной монополии, подрывали политику хлебозаготовок и в то же время фактически спасали города от полного вымирания. Согласно подсчётам А.Д. Цюрупы, только в Курской губернии насчитывалось 20 000 мешочников. В нечернозёмных губерниях их было во много раз больше (до 500 000 в Калужской губернии). Нередко они объединялись в отряды, причём среди них бывало немало располагавших оружием недавних солдат-фронтовиков. Но чаще всего мешочники просто подкупали ловивших их на вокзалах чекистов. Свидетелем тому стал осенью 1918 г. британский секретный агент Джордж Хилл, ехавший из Харькова в Москву: «Свою миссию [в Харькове] я закончил тем, что наполнил два мешка мукой. В третий уместилось шесть фунтов сахара, с чем я и направился обратно к границе... На советской границе я вынужден был выделить весь свой сахар комиссару станции в качестве взятки, чтобы мне было позволено следовать далее в Москву. Когда, наконец, поезд прибыл на Курский вокзал в Москве, все пассажиры тащили с собой мешки муки. Но прежде, чем им позволялось покинуть вокзал, они уделяли часть своих запасов патрульным из Чека»³¹⁹.

Учитывая, что политика хлебной монополии терпит крах, Цюрупа призывал к усиленной организации продотрядов «для отби-

318 Там же. С. 252.

319 *Hill George A. Go Spy The Land: Being the Adventures of I.K.8 of the British Secret Service.* — Cassell, London, 1932. — P. 252.

рания от держателей запасов хлеба», предлагая оставлять самим крестьянам только «паёк, рассчитанный более, чем на месяц, а иногда на месяц». В итоге 13 мая 1918 г. ВЦИК и СНК утвердили предложенный наркомом декрет в качестве обязательного к исполнению закона. Согласно этому декрету за не сдачу и «разбазаривание» хлеба крестьянам грозил тюремный срок до 10 лет, конфискация имущества и изгнание из села. Доносчикам, указавшим место, где прячется хлеб, обещалось вознаграждение в виде половины стоимости конфискованного. Нарком продовольствия получал право применять вооружённую силу в случае сопротивления, «увольнять, смещать, предавать революционному суду, подвергать аресту должностных лиц и служащих всех ведомств и общественных организаций»³²⁰.

Наконец, 26 мая 1918 г. ЦК РКП(б) утвердил ленинские «Тезисы по текущему моменту», согласно которым объявлялась настоящая война за хлеб. Военный комиссариат реорганизовывался в «военно-продовольственный комиссариат», и его работа на три летних месяца концентрировалась на «переделке армии для войны за хлеб и на ведение такой войны». В стране объявлялось военное положение, на военную службу призывались лица, достигшие 19 лет, за нарушение дисциплины вводился расстрел, а успех каждого воинского отряда измерялся «успехами работы по добыче хлеба». Вводилась круговая порука с расстрелом каждого десятого за разграбление отрядом конфискованного хлеба. Выступая на заседании ВЦИК 4 июня, Л.Д. Троцкий во всеуслышание заявил: «Да здравствует гражданская война!.. Наша партия за гражданскую войну. Гражданская война упёрлась в хлеб»³²¹. Моментально были забыты декреты, отменявшие смертную казнь, хотя именно её отмена была одним из козырей большевиков в борьбе против Временного правительства. «Революционер, который не хочет лицемерить, не может отказаться от смертной казни, — говорил В.И. Ленин 5 июля 1918 г. на V Всероссийском съезде Советов. — Не было ни одной революции и эпохи гражданской войны, в которой не было бы расстрелов... Ссылаются на декреты, отменяющие смертную казнь. Но плох тот революционер, который в момент острой борьбы останавливается перед неизбежностью закона. Законы в переходное время имеют временное значение. И если закон препятствует развитию революции, он отменяется или исправляется»³²². Предвос-

320 Декреты Советской власти. — Т. 2. — М., 1959. — С. 261–266.

321 Протоколы заседаний ВЦИК IV-го созыва. Стенографический отчёт. — М., 1920. — С. 333–334.

322 Ленин В.И. Полн. собр. соч., т. 36. — С. 503–504.

хищая эту ленинскую мысль, нарком юстиции П.И. Стучка ещё 16 июня подписал приказ, где говорилось: «Революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и прочим не связаны никакими ограничениями»³²³. Беззаконие было, таким образом, фактически узаконено.

Одним из регионов, где особенно жарко разгорелась «хлебная война», была чернозёмная Курская губерния.

В середине августа 1918 г. для более успешного проведения продразверстки в Курскую губернию был направлен 5-й московский продовольственно-реквизиционный полк. В него влились все местные продовольственные отряды. Московские большевики стали играть решающую роль в проведении продовольственной политики. Для борьбы с мешочниками и спекулянтами (т.е. с горожанами и спекулянтами, приобретшими хлеб в деревне и везущими его в город на себе), заполнившими железные дороги, создавались специальные заградительно-реквизиционные отряды. Мешочники представляли для властей большую проблему. Весной 1918 г. ими были буквально запружены все крупные железнодорожные станции. Предпринимались самовольные захваты поездов, парализовывалось железнодорожное движение. Кроме того, мешочники нарушали закон о хлебной монополии, один из основных в рамках политики военного коммунизма.

Продотряды действовали в тесном контакте с комбедами. Комитеты бедноты указывали, где можно найти хлеб (часть реквизированного хлеба оставалась в их распоряжении), помогали вести борьбу с мешочниками и спекулянтами. Так, только за период с 16 августа по 20 ноября в Старо-Оскольском, Ново-Оскольском и Обоянском уездах было реквизировано у мешочников 75 000 пудов хлеба, в Дмитриевском уезде — 90 000 пудов, на железнодорожных станциях — 45 000 пудов³²⁴.

По данным II Курской губернской конференции РКП(б), в Москву, Петроград и северные губернии к 25 октября 1918 г. было отправлено 1,5 млн. пудов хлеба, 1,2 млн. пудов картофеля и много иных продуктов сельского хозяйства. Кроме того, за 1918 г. было заготовлено 725 950 пудов подсолнечных, 316 864 пуда конопляных и 7 234 пуда льняных семян и т.д.³²⁵ Как отмечали советские авторы,

323 Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства. 1918, № 44. — С. 533.

324 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. XIX.

325 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 8.



1. Отправка продотряда. 1918 г.

2. Владимиров И.А. Ревизия зерна.

«это было лишь начало по-большевистски организованной борьбы за хлеб. В дальнейшем она велась еще более энергично»³²⁶.

Примером вышесказанного может служить продрозверстка в Тимском уезде в начале 1919 г. Здесь «излишки» хлеба изымали 313 бойцов 5-го Московского реквизиционного полка и 352 человека отряда Военпродбюро. Аналогичная ситуация существовала во многих других уездах губернии. Местные власти часто обращались с ходатайствами о выделении им оружия для проведения продрозверстки³²⁷.

Помощник главного политкомиссара 5-го Московского продреквизполка М. Маркелов в своём итоговом докладе о работе полка за период 16 августа – 20 декабря 1918 г. оставил живое описание этой трудной и неблагодарной деятельности:

«Работа этого пролетарского полка сводилась к тому, что по прибытии товарищей из Москвы губпродком, указывая место расположения экономий, в которых предполагалось взять хлеб, где и производилась работа по обмолоту, ссыпка в мешки и отправка на станционные сыпочные пункты. Таким путём посредством продовольственного полка спасено от расхищений и отправлено разного экономического хлеба в районе Старо-Оскольского и Обоянского уездов 75 000 пудов, в районе Дмитриевского уезда до 90 000 пудов. На железнодорожных станциях реквизировано заградительными отрядами до 45 000 пудов (от спекулянтов и мешочников). Кроме того заградительными отрядами реквизирована масса нормированных продуктов и мануфактуры... Нисколько не удивительно... что родина Маркова 2-го вначале не слишком радушно отнеслась к прибывшим голодным товарищам севера и кусок хлеба не было возможности приобрести за деньги. Располагаться на ночёвку приходилось на открытом воздухе под усиленным караулом. Отдельным отрядам, которым приходилось реквизировать излишки хлеба у кулаков, товарищи отбирали из-под вооружённых богатеев крестьян, рискуя быть на вилах.

В подтверждение изложенного привожу один из многих пример, имевший место в Дмитриевском уезде... По распоряжению Центра необходимо было вывезти с одного из винных заводов Дмитриевского уезда села Гламазина [Гламаздина] спирт. Политический комиссар полка даёт распоряжение, для этой цели назнача-

326 Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. – Курск, 1957. – С. XIX.

327 Из протокола Губернского продовольственного съезда о заготовке хлеба и работе кооперации // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 83–84.

ется отряд в 22 человека с 2-мя пулемётами во главе с батальонным комиссаром. Разведав это, крестьяне под влиянием тёмных сил организовали оборону численностью до 608 человек, хорошо вооружённых. При приближении отряда крестьяне рассыпались в цепь и повели наступление. Ввиду предотвращения кровавого столкновения политический комиссар выступил вперёд для переговоров, которого они немедленно арестовали, после чего началось форменное сражение. Видя, что отрядцы упорствуют, они под страхом расстрела принудили политического комиссара к тому, что последний написал записку отряду о сдаче оружия, на что отряд согласился. По разоружении отряд подвергся избиению и оскорблению со стороны крестьян. Через некоторое время были посланы силы во главе с политическим комиссаром полка, вследствие морального воздействия было возвращено оружие и взят спирт. Нужно сказать, что подобные факты очень часто происходили в уездах.

Ещё в худших условиях были поставлены тов[арищи] продотрядцы на станциях железных дорог, как заградительные отряды по борьбе с мешочничеством и спекуляцией. Каждый воинский эшелон считал своим долгом избить товарищей, проводящих декрет о хлебной монополии... Была масса фактов, когда выбрасывали на ходу с поезда товарищей продармейцев и расстреливали на месте»³²⁸.

Отработанную «методику» изъятия продуктов у крестьян описал в своих воспоминаниях со слов одного из продотрядовцев А.Л. Ратиев:

328 НА КОКМ. Д. 38. Л. 313–314, 315–316. Там же комиссар приводит текст песни, родившейся среди бойцов 4-й роты полка, каковая «служит ярким показателем тяжёлого положения товарищей, проводящих в интересах трудового народа декрет о хлебной монополии»:

*На солнце штыками сверкая
Под топот неправильный ног
По улице пыль поднимая
Проходил продовольственный полк.*

*А там чуть подняв занавеску
С радостью смотрит бедняк,
Но рядом со злостью и мстостью
Проклятия шлёт им кулак.*

*Вот вам картинка другая:
Спекулянтов всех ловит отряд
И след комиссара рыдая
Проходит мешочников ряд.*

*И с плачем его умоляя
Мучицы хоть пудик отдать...*

*Перед ним на колени вставая
Говоря: у нас детки болят...*

*Поезд со свистом отходит,
Все сразу в вагоны спешат.
Нашим товарищам бравым
Насмешки и ругань летят...*

*И так посудите, товарищи, сами,
Как трудно сей путь нам пройти,
Как тяжело бороться с разрухой,
На помощь новой Отчизне прийти.*

*И часто при ламповом свете
Думушку думал отряд,
Вспоминая знакомые лица
И далёкий родной Петроград...*

«Как приедем в какое село, ну, понятно, сначала митинг. К их революционному сознанию обращаемся. Так и так, дескать, сколько вас тут жителей, столько от вас пудов зерна государству получить полагается, да столько-то быков да телят впридачу. Раза два для ясности повторим, потом по-хорошему список составим. Кто у них богатеи да кулаки, с тех и начинаем. Предупреждаем: наберём сколько сказано, остального трогать не будем. Ясно? Двух-трёх сразу и покажут. К этим и идём. В амбарах чего найдёшь? Загодя, черти, прячут. Эти, кто похитрей. Тот в поле или в лесу зарывает, а то больше поближе к себе норуют: во дворе, на огороде. Как найдём что, тут и начинается стоящий разговор. Зачем, борода, зарывал? Государству своему, власти твоей собственной, крестьянской, пожалел! Теперь плачь не плачь, всё заберём — начисто! Вот разве укажешь, где что у соседей зарыто или скрыто, может тогда и тебе чего выделим. Вот таким манером всё село с начала до конца просвечиваем... В одиночку нашему брату туда к ним не показывайся. Моду теперь повсюду завели. С обрезками ходят. Они у них под шинелями висят — спрятаны, а руки свободны. Так и не знаешь, кто тебе в спину пулюнуть готов»³²⁹.

Однако, несмотря на все усилия, за весь период Гражданской войны продрозверстка в губернии в намеченном объеме не выполнялась. Более успешно действовали только советские воинские части, которые самостоятельно для своих нужд заготавливали у населения продовольствие и фураж³³⁰. Последнее также шло в принудительном порядке.

На этом фоне становятся понятны истоки многочисленных крестьянских восстаний, не утихавших в губернии весь период Гражданской войны. Советские сводки, освещавшие восстания крестьян в губернии, рисуют следующую картину. За период с 25 февраля по 10 марта 1918 г. волнения наблюдались в Фатежском, Дмитриевском, Новооскольском, Грайворонском, Корочанском, Старооскольском уездах. Причиной недовольства стала в первую очередь продовольственная политика большевиков и создание чисто большевистских советов на местах. Далее, недовольство вызывала мобилизация людей, лошадей и духовенства.

Сводка положения в губернии 25 марта — 10 апреля приводит следующие данные: «В Белгородском гарнизоне 27 марта произошло восстание красноармейцев караульного батальона. 28 марта

³²⁹ Курские дни князя Саша Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 264.

³³⁰ Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 22.

вторая рота сдала оружие, а остальные разбежались. 29 марта все улажено.

В Обоянском гарнизоне недовольство на почве недостатка обмундирования.

В Суджанском у... мобилизуемые собрались у уездисполкома... и требовали на фронт вместе с ними виднейших коммунистов Исполкома. Вечером несколько демагогов проникли в местную роту и уговаривали последних дать им оружие и действовать вместе с ними. Митинг этот был ликвидирован, демагоги ушли. На следующий день повторилось то же. И только после настойчивых требований красноармейцев местной роты и коммунистов все призываемые пошли на врачебную комиссию. Главари арестованы. Мобилизация теперь проходит удовлетворительно. В Грайворонском у. (среди гражданского населения — С.Е., А.З.) настроение колеблющееся...

В Курском у. Казацкой вол. настроение возбужденное на почве учета лошадей. Наблюдались в уезде небольшие эксцессы на почве реквизиции хлеба и мобилизации лошадей...

В Львовском у. в некоторых волостях происходит самовольная рубка леса и разграбление имущества... В с. Ольшанке толпа контрреволюционеров избила 2 агитаторов...

В Дмитриевском у. настроение неудовлетворительное. 30 марта в Кармановской в. появилась шайка вооруженных грабителей... Уездвоенком послал туда отряд в 20 красноармейцев с пулеметом...

В Обоянском у... в сс. Быканове и Знаменке замечались волнения, в связи с мобилизацией духовенства... В с. Долгих Будах на сходке кулаки выступали против местной власти, в связи с призывом духовенства, и нанесли побои коммунистам...

В Белгородском у., в с. Луговом за взятие отмера на помол хлеба на мельнице крестьяне напали на реквизиционный отряд и обстреляли его. Отряду пришлось с боем отступить...»

Наконец, сводка за период времени 23 мая по 8 июня отмечает, что:

«Среди гражданского населения были восстания: в г. Короче, в Белгородском, Грайворонском и Старооскольском уездах»³³¹.

Противостояние населения с властями выливалось в вооруженное сопротивление. Однако большинство восстаний носило местный спонтанный характер и советским воинским формированиям их удавалось ликвидировать. Так, 18 декабря 1918 г. было подавлено восстание в с. Старшем Прилеповской волости Дмитриевского

331 См.: *Кизрин И.Г.* Курская парторганизация в эпоху Октября и Гражданской войны. — Воронеж, 1933. — С. 131–133.

уезда; 10 февраля 1919 г. был ликвидирован мятеж на х. Журавлево Дьяконовской волости Курского уезда; в течение 13–20 февраля 1919 г. удалось подавить восстания в с. Тёткино Рыльского уезда, в слободах Чернянка и Грязная Михайловской волости Новооскольского уезда; 1 марта был подавлен мятеж в Грайвороне, а 2–3 марта – в слободе Булановке Новооскольского уезда; 4 марта подавили восстание в с. Жадино Благодатенской волости Рыльского уезда; апрель 1919 г. ознаменовался всплеском восстаний в Рышковской, Спасской, Старковской и Муравлевской волостях Курского уезда, в сёлах Долженково и Гахово Обоянского уезда, в Погоженской волости Тимского уезда, в Знаменской волости Старооскольского уезда и в самом г. Старом Осколе, в слободе Белой, в Черкасской, Косторнянской и Замостянской волостях Суджанского уезда, в г. Путивле; к маю относятся мятежи в с. Коровино Фатежского уезда, в Троицкой и Рождественской волостях Курского уезда, в Скороднянской волости Старооскольского уезда³³².

Что из себя представляли подобные выступления, можно судить по рассказу о «восстании» в с. Ольшанка под Обоянью весной 1918 г.: «В четверг на пасхальной неделе в Ольшанке они [«контрреволюционные элементы»] колокольным звоном собрали сход, ворвались в здание волости, вытащили на улицу военкома, небезызвестного тов. Козлова, и один из них ударил его по голове прикладом, от чего Козлов упал на пороге. Другие выстрелами из винтовок добились его. Прибывший на другой день начальник отряда партизан Трупов нашёл убитц: сына кулака дезертира... С.Н. Алексеева, его товарища Ф.Д. Козлова и Полянского, и расстрелял их»³³³.

Из наиболее крупных крестьянских выступлений на территории губернии можно выделить восстания, произошедшие в июле 1919 г. Они были вызваны протестом против мобилизации во время полевых работ. Вооруженное противостояние власти началось в Курском, Путивльском, Суджанском и Фатежском уезде, в районе станций Мармыжи и Касторная. В Белгородском, Старооскольском и Корочанском уездах в восстании участвовало от 5 до 8 тысяч человек, причем восставшие создали свои органы самоуправления³³⁴.

332 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 324–326.

333 Летопись революционной борьбы в Курской губернии. – Курск, 1923. – С. 34–35.

334 Председатель ГубЧК И.И. Каминский, подводя итоги своей работы за год (июнь 1918 – май 1919 гг.), сообщал, что в 1918 г. были «ликвидированы кулацкие восстания в Рождественской, Спасской и Чаплыгинской волостях Курского уезда, Зерновской, Гламаздинской, Прилеповской волостях Дмитриевского уезда, Казацкой, Михайловской, Верхосельской волостях Обоянского уезда, в с. Дьяконово Курского уезда, в гор. Фатеже и уезде, Большежировской, Гродненской,

При подавлении восстания в Рождественской волости (одной из наиболее зажиточных в губернии) летом 1919 г. было расстреляно 16 человек (включая бывшего офицера Панюхина), а также изъято 4 000 винтовок, 5 бомбомётов, около 500 гранат, более 20 000 патронов. В ходе этой же операции было выявлено и схвачено 700 дезертиров, а также «выкачан» хлеб по продразвёрстке, который волость ухитрялась не сдавать в течение года³³⁵.

В период отхода войск 13-й армии на курском направлении и августовского контрнаступления в тылу армии вспыхнуло 5 вооружённых выступлений (из которых 2 крупных с числом участников до 8 тысяч человек). Они произошли в Курском, Обоянском, Щигровском, Старооскольском уездах, которые вскоре были заняты Добровольческой армией. Основной их причиной было чрезмерные для крестьян гужевая и повозочная повинности по перевозке войск и эвакуации армейского имущества в период полевых работ.

Сергеевской волостях». В 1919 г. восстания происходили «11 апреля в Рышковской и Спасской, 16 апреля в Старковской, 28 апреля [в] Муравлевской, 1 мая [в] Троицкой, в мае месяце в Стрелецкой, 9 мая [в] Рождественской волостях Курского уезда под влиянием агитации эсеров на почве реквизиции коммун, артелей и враждебного отношения к коммунистам. В Тимском уезде в апреле месяце в Погожинской волости на почве недовольствия волостным исполкомом и инструктором по продовольствию. В Старо-Оскольском уезде в апреле, в Знаменской волости, в городе Старом Осколе на почве недовольства мобилизуемыми организациями комбеда и раздела земли. Во время восстания убито 2 человека. В Обоянском уезде 3 апреля в селе Долженково, 20 апреля в селе Гахово, в Суджанском уезде, в апреле в Черкасском, Касторнянском, Замостянской [волости], в мае в слободе Белой – восстания дезертиров. Фатежский уезд – 3 мая в селе Коронило под влиянием эсеров, а также в самом городе Фатеде в январе. В Грайворонском уезде 15 февраля выступление красноармейцев против ЧК и 1 марта выступление левых эсеров. Рыльский уезд – 13 февраля в селе Тёткино принимали участие дезертиры против распоряжений властей и декретов. В Ново-Оскольском уезде с 15 по 20 февраля в слободе Чернянке, Грязной, Михайловской волости, 25 апреля в Киселевской волости на почве реквизиции. Путивльский уезд – в апреле в городе Путивле на почве недостатка продовольствия. Потом на границах Глуховского уезда Черниговской губернии банда в 200 человек в Красной слободке убила садовника... банда эта в Путивле освободила арестованных и разгромила ЧК... Дмитриевский уезд – в марте крупное восстание под влиянием левых эсеров и максималистов против советской власти. Щигровский уезд – в мае в Стакановской волости было восстание, вызванное недовольствием против милиционера, причём всё это сопровождалось поджогами экономий. Львовский уезд – в марте происходила порубка лесов, разгром экономий и восстание в Ольшанской волости на почве преступлений самой власти. Белгородский уезд – ... восстание красноармейцев, вызванное нетактичным поступком самих коммунистов» (*Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 148, 151–152). Список впечатляет, особенно если учесть, что в некоторых местах восстания происходили неоднократно.

335 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 51.

Крупные крестьянские выступления в осенне-зимний период 1919–1920 гг. не были частыми (всего 12, наиболее значимых – 4). Однако они были значительными по охвату территорий и количеству участников. Из них шесть было направлено против действий продотрядов и сотрудников Наркомпрода, по два – против продовольственной политики и призыва, одно – против антирелигиозных действий местных властей, и еще одно имело несколько лозунгов³³⁶. С 3 по 15 февраля бушевало восстание в Рыльском и Путивльском уездах, а 22 февраля был подавлен мятеж в Грайворонском уезде. По оценке курских чекистов, «восстания были на почве разверстки продовольствия, но по существу носили чисто анархо-деникинский характер» (каким образом анархисты оказались в одной связке с Деникиным, так и осталось покрыто мраком). Одним из руководителей повстанцев был некий Фролов, которого официально объявили главарём шайки бандитов и бывшим офицером. На подавление Рыльского и Путивльского восстаний штабом Юго-Западного фронта были брошены силы 7-й дивизии. Грайворонское восстание, в котором принимали участие «местные дезертиры и крестьяне», было подавлено силами местного же военкома. Согласно официальным сводкам, при этом «оказались жертвы: со стороны восставших 2 убитых, 1 раненый, с нашей стороны 1 убит, 1 ранен». Цифры эти, вероятно, являются крайне заниженными, поскольку в том же докладе сообщается, что сведений о жертвах при подавлении Рыльского и Путивльского восстаний пока нет, но «можно предполагать, что таковые есть и довольно многочисленны»³³⁷.

Во всех случаях руководители крестьянских восстаний подвергались строгим наказаниям, вплоть до физического уничтожения вместе со своими семьями. То, что рисуют сводки, находит полное подтверждение в докладах с мест на партийных конференциях.

Помимо крупных выступлений, на территории губернии то и дело происходили мелкие столкновения с представителями Советской власти. «Из ряда уездов получены сведения, что там имеются отдельные и очень мелкие шайки бандитов... Работа бандитов заключается в убийстве отдельных советских работников и в ограблении советских организаций», – сообщал в марте 1920 г. в своём докладе председатель ГубЧК М.И. Лебедев³³⁸.

336 *Аптекарь П.А.* «Зеленый вал» – Антибольшевицкие крестьянские выступления в мае–сентябре 1919 г. // *Белая гвардия. Альманах. № 6.* – М., 2002. – С. 94–95.

337 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 202–203.

338 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 203.

В такой обстановке властям требовалось пересмотреть свою политику. На свою сторону теперь стало жизненно важным привлечь основную часть сельских жителей середняков. По отзывам самих коммунистов, исследовавших деятельность комбедов, становилось видно, что в комитетах собиралась деревенская гольтымба и деклассированные элементы, которые в упоении властью терроризировали своих односельчан. Комбеды были ликвидированы. На места из губернского центра стали отправляться грозные распоряжения о необходимости прекратить преследования середняков³³⁹. Было обращено, наконец-то, внимание и на самоуправство местных представителей власти — по выражению предгубчека М.И. Лебедева, «вошли крестьян, а иногда их угрозы по отношению к Советской власти, дошли до ЧК». Результатом стало отправление 15 апреля 1920 г. группы следователей в Дмитриевский, Корочанский и Львовский уезды с целью «положить конец той вакханалии, которая творилась представителями местной власти». Итогом этого похода стала серия арестов: «в Дмитриевском уезде за различные должностные преступления и расхищение народного имущества, а также за бесконечное пьянство арестованы: 1) председатель уездного комитета партии Фурсов; 2) заведующий коммунальным отделом Бондарев; 3) начальник уездной милиции Сумин; 4) не имеющий чина бывший уполномоченный ГубЧК Лобанков, выдававший себя за заместителя председателя ГубЧК... Во Львовском уезде произведена выкачка всей милиции во главе с начальником Воротынцевым... В Корочанском уезде местные работники во главе с представителем укомпарта и исполкома Ореховым, членами исполкома и упомпарта Квасовым, Павловым и членами райпродколлегии Горащук, Мантилиным и Фроловым обвинялись в устройстве попок на средства местного населения. Они обкладывали их особыми поборами за освобождение кулацкого элемента от выполнения государственной разверстки... 1 мая означенные исполкомовцы устроили пышный пикник на свежем воздухе на глазах обывателя, на который они пригласили проституток и хор уездного военного комитета»³⁴⁰.

Между тем и после ликвидации комбедов попытки внести раскол в среду сельских жителей не прекращались. Они лишь приняли иную форму. Партийные организации с начала 1920 г. стали актив-

339 Письмо Губкома РКП(б) горкомам и укомам партии о запрещении репрессивных мер против среднего крестьянства // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 10–109.

340 Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 230–231.

но проповедовать создание сельхозартелей — советских хозяйств. Советские документы отмечали, что артели должны содействовать классовому расслоению деревни. Артели должны были снабжаться сельхозтехникой от государства. В совхозы принималась только беднота и часть середняков³⁴¹.

Таким образом, политика Советской власти в период Гражданской войны претерпела ряд изменений, которые, однако, не повлияли на главную её составляющую. Как в 1918 г., так и в 1920–е гг., власти относились к деревне с подозрительной настороженностью, видя в крестьянстве потенциальную угрозу и стремясь найти опору в лице «сельского пролетариата». В конечном итоге это и привело к проведению в конце 1920–х гг. коллективизации и раскулачивания села.

341 О работе в деревне // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 206.

Часть 2

Между молотом и наковальней

*Нам осталась только дерзость
и решимость. Через гибель
большевизма к возрождению России!
Вот наш единственный путь, и с него
мы не свернём.*

М.Г. Дроздовский

*Вырезать всех раненных в боях против
тебя — вот закон гражданской войны.*

М.И. Лацис (Судрабс)

1. Боевой 18-й год

В феврале 1918 г., подводя итог годовщине начала революции в России, известный писатель Марк Алданов так отзывался о гражданской войне, всё больше охватывающей страну: «Странная это, однако, «гражданская война», и не сразу поймёшь, по какому логическому принципу делятся в ней стороны: большевики сражаются с украинцами, поляки с ударниками, матросы с финнами, чехословаки с красногвардейцами. По-видимому, люди воюют с кем попало — по соображениям географического удобства»¹. В этом удивившем писателя перечне на первом месте стоят события, имеющие прямое отношение к Курскому краю и первым вспышкам Гражданской войны. Именно на территории Курской губернии сражались между собой поляки и ударники, большевики и украинцы. Искры, вспыхнувшие здесь, стали одними из тех, что первыми зажгли гигантский всеобщий пожар, в пламени которого исчезла Российская империя.

1 Алданов М. Из записной книжки 1918 года (отрывки) // Сочинения в 6 книгах. — Кн. 2. Очерки. — М., 1995. — С. 68.

Солдаты Курского гарнизона одними из первых в губернии поддержали большевистский переворот. Когда среди городских политиков шли активные споры о признании или непризнании правительства В.И. Ленина, в воинских частях принимались резолюции о присоединении к революции². В то время войска представляли собой плохо управляемую массу вооруженных людей. Опытные офицеры практически все были изгнаны. Солдаты в силу утраты дисциплины обладали слабой боеспособностью, но, будучи вооружённой силой, оказывали определяющее влияние на политику внутри страны.

Недисциплинированные войска были довольно независимой силой, хотя и поддерживали левых эсеров и большевиков. Намного больше надежды советы возлагали на части Красной гвардии, которые в губернии стали создаваться в декабре 1917 г. Первые части были созданы в Рыльске и Льговском уезде. Красная гвардия имела своей целью борьбу с внутренней и внешней контрреволюцией. Но отряды Красной гвардии, хотя и обладали дисциплиной на более высоком уровне, были малочисленны.

Разгром ударников. Несмотря на слабость советских войск, в конце ноября — начале декабря 1917 г. красногвардейцы на территории Курской губернии смогли одержать свою первую крупную победу. Под Белгородом были разбиты ударные батальоны — для тех времен довольно крупная боевая единица. Ударные батальоны являлись лучшими отборными частями Русской армии периода Временного правительства. Осенью 1917 г. ряд их был стянут к Ставке Верховного главнокомандующего в Могилёве для её охраны. В ноябре здесь располагались батальон 1-го ударного полка, ударный батальон 1-й Финляндской стрелковой дивизии, 4-й и 8-й ударные батальоны под общим командованием подполковника Генштаба В.К. Манакина и полковника Л.А. Янкевского — всего около 2000–3000 человек при 30–50 пулемётах³. Ударники намере-

2 Никулин Ф. Есть в Курске улица Минакова // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 124

3 Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. № 8 (2/1998). — С. 40.
Революционные ударные батальоны волонтеров тыла формировались согласно приказу Верховного главнокомандующего А.А. Брусилова от 13 июля 1917 г. «из революционной молодежи среди учащихся, рабочих, интеллигенции и вообще всех граждан России, необязанных военной службой или ещё не призванных в ряды армии, возрастом не моложе 17 лет, за исключением лишённых прав по суду» (Там же. С. 36). Батальоны должны были сражаться под красным знаменем с надписью: «За свободу народов, граждане, с оружием вперед» (ударники-финляндцы вошли в Могилев под алым стягом с лозунгом «Долой

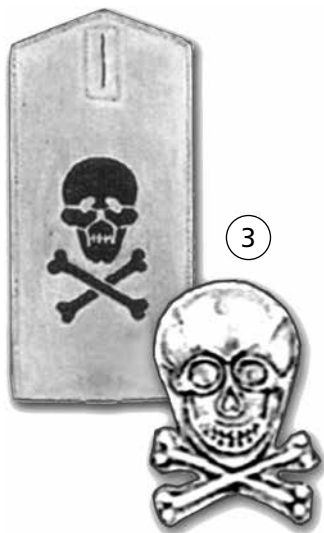
вались защищать Ставку от надвигающихся на неё красных отрядов. Однако главнокомандующий генерал Н.Н. Духонин, не желая братоубийственного кровопролития, решил не оказывать сопротивления представителям новой власти и приказал ударникам уходить на Гомель⁴.

После столкновений с советскими отрядами, миновав 21 ноября Гомель, ударники решили прорываться на Дон через Белгород и Купьянск. Но об их движении уже было известно. Извещённый 22 ноября о приближении «загадочных войск», Сумский ревком приказал срочно разобрать железнодорожные пути между Сумами и ст. Торопиловка. Затем в Торопиловку направилась делегация во главе с членом ревкома Коганом. Ему ударники предъявили поддельный приказ о направлении их эшелонов на Кавказский фронт. Однако ревкомовец разгадал эту хитрость и попытался покинуть место переговоров. Но сделать этого ему не удалось — под угрозой расстрела ударники задержали делегатов и вынудили расослать бла-

анархию»). Ударные части были расформированы приказом первого большевистского главковерха прапорщика Н.В. Крыленко от 9 декабря 1917 г. «в виду производимой ныне демократизации армии».

По сведениям Н.А. Ховрина, ядром ударников «был батальон 1-го ударного полка, которым командовал белогвардейский подполковник В. Манакин, 2-й Оренбургский, 4-й и 8-й ударные батальоны. Численность всей этой группы достигала трех тысяч человек. На вооружении ее имелось пятьдесят пулеметов» (*Ховрин Н. А.* Балтийцы идут на штурм! — М., 1987. С. 174–175).

- 4 В советской историографии этот эпизод нередко излагался в сопровождении самых удивительных домыслов: «В ноябре 1917 года в южной части Курской губернии появились крупные силы белогвардейцев и белоказацких войск, которыми командовал генерал Корнилов... Их численность достигла 6–9 тысяч человек. Во главе находились штабные офицеры, бежавшие из ставки, и среди них — генерал Деникин... 25 ноября красные войска дали первый бой войскам Корнилова у Томаровки. Отряд противника численностью в 3000–4000 человек состоял на одну треть из офицеров и юнкеров и был вооружён до зубов пулемётами и артиллерией. Сражение за Томаровку с самого начала приняло ожесточённый характер, оно продолжалось весь день и ночь. Первый эшелон противника был полностью разгромлен» (*Глебов Л.Д.* Борьба за установление и упрочение Советской власти в Курской губернии. — Курск, 1952. — С. 74–75). В приведённой цитате практически нет ни одного факта, соответствующего истине. Остаётся даже неясным, кого же удалось разгромить белгородцам — самого Корнилова или только Деникина (хотя ни одного, ни другого среди ударников, конечно же, не было). Версия о пребывании в эшелонах А.И. Деникина возникла под бойким пером курских журналистов — 28 ноября 1917 г. газета «Курская Жизнь» утверждала, что в переговоры с белгородским ревкомом от имени ударников «по некоторым данным, впоследствии отчасти подтвердившимся», вступил именно генерал Деникин. Позднее некоторые краеведы умудрялись даже живописать бегство от красных моряков генерала Корнилова, переодетшегося в поповскую рясу! Впервые эти события были изложены подробно и объективно только в монографии В.Д. Поликарпова (1976 г.).



1. Отправка эшелона ударников на фронт. Москва. 6 июля 1917 г.
2. Подполковник В.К. Манакин, организатор ударных батальонов в 1917 г.
3. Погон и кокарда ударников. 1917 г.

гоприятные для них телеграммы. Тем временем сапёры из второго эшелона восстановили разобранные пути, и войска смогли продолжить движение на Сумы. Коган, впрочем, сумел всё же известить о своём положении ревком, который после предостерег Белгород и Харьков, чтобы телеграммам Когана больше не доверяли.

В то же самое время на Дон через Орёл и Белгород четырьмя эшелонами двигался сводный Петроградский отряд, задачей которого было оказание помощи красной гвардии Харькова в борьбе с местной контрреволюцией. Командовал отрядом член Центробалта матрос Н.А. Ховрин, комиссаром был назначен член Петроградского ВРК И.П. Павлуновский⁵, начальником штаба — прапорщик А.Ф. Ильин-Женевский. Заместителем начальника отряда состоял известный своим участием в разгоне Учредительного собрания матрос Анатолий Железняков. В общей сложности в отряде числилось около 300 матросов, солдат и красногвардейцев (среди них — отряд из Тулы, рота московской школы прапорщиков и 170 балтийских матросов). На их вооружении находилось 30 пулемётов «максим», два бронеавтомобиля, трёхдюймовое орудие и бронепоезд. Помимо того отряд вёз рабочим Харькова и Донбасса 10 тыс. винтовок и пулемёты⁶.

Во время остановки в Курске отряд получил известие о движении ударников через Сумы на Белгород. «Каких-либо сведений о цели их движения ещё не было, и в сознании командования отряда эта новость преломилась своеобразно: ударники, видимо, идут специально для того, чтобы перерезать отряду путь на Харьков»⁷. В результате Ховрин и Павлуновский ускорили своё движение к Белгороду, стремясь опередить предполагаемого противника.

Ситуация в Белгороде внушала определённые опасения. Здесь в тот момент квартировал запасной полк («легион») польского корпуса И.Р. Довбор-Мусницкого. Он насчитывал в своих рядах около 6 000 человек, а потому его позиция могла иметь решающее значение в будущем столкновении. Правда, лишь часть польских солдат имела вооружение (австрийские винтовки и небольшое количество патронов), тем не менее Ховрин и Павлуновский поспе-

5 Иван Петрович Павлуновский (1889–1940) был родом из д. Ржава Фатежского уезда Курской губернии. Член РСДРП(б) с 1905 г., один из руководителей военной организации в Курском гарнизоне. Участник 1-й Мировой войны, выпускник Петергофской школы прапорщиков (1917 г.). После окончания Гражданской войны — член президиума ЦКК ВКПб, начальник военно-морской инспекции, зам. наркома РКИ СССР, зам. председателя ВСНХ СССР, зам. наркомтяжпрома. Репрессирован и расстрелян.

6 *Полжартов В.Д.* Пролог Гражданской войны в России. — М., 1976. — С. 285–286.

7 Там же. С. 286.

шили выслать в легион своего представителя, чтобы заручиться поддержкой поляков⁸.

В Белгороде же действовали активная большевистская организация и ревком под руководством местного адвоката Л.А. Меранвиля де Сент-Клера. Узнав о движении ударников, белгородский ревком начал деятельно препятствовать им, добываясь их разоружения. На экстренном заседании Совета, как вспоминает известный белгородский большевик П.А. Костюков, было решено выслать навстречу ударникам отряд в 200–300 человек «для выяснения и принятия мер к разбору путей и задержки эшелонов, пока сорганизуемся и завяжем связь с Харьковом и Москвой. На Курск не надеялись». К 10 часам вечера отряд под началом самого Костюкова прибыл на ст. Гутня. Здесь по телефону на связь вышел представитель корниловских эшелонов, пытавшийся уверить Костюкова в том, что «их войска революционные». В качестве доказательства говоривший ссылался на присутствие в эшелонах видного харьковского эсера Десятовского и председателя Сумского совета Когана. Было предложено даже переговорить с ними. «В это время в трубке телефона, — вспоминает далее Костюков, — послышалось почти шёпотом: «не верьте, всё ложь, будьте остор...» (это предупредил телефонист). Через некоторое время подошёл к телефону т. Коган и начал говорить, чтобы мы не боялись, что здесь ему хорошо и т.д. Потом он сказал что-то тихо и разговор моментально прервался. Через некоторое время я опять услышал предложение приехать к нам. На вопрос, куда девался т. Коган, ответили: «Пошёл погулять на платформу», на что я им ответил: «довольно валять дурака» и прервал дальнейшие разговоры» (позднее выяснилось, что арестованный Коган беседовал с товарищем по партии под дулом револьвера).

8 Польский запасной стрелковый полк был сформирован в январе 1917 г. на базе запасного стрелкового батальона преимущественно из военнопленных австро-венгерской армии польского происхождения. Впоследствии полк планировалось развернуть в дивизию. 27 июля 1917 г. белгородский совет рабочих и солдатских депутатов вместе с полковым комитетом сместили командира полка полковника Винницкого, место которого занял поручик М. Яцкевич. 29 июля приказом командования Яцкевич был отстранён от этой должности и сменён полковником Шишко. Однако в ночь на 30 августа солдаты арестовали Шишко и ещё семерых офицеров, которые были высланы в Харьков. Командование полком вновь оказалось возложено на Яцкевича. Для подавления волнений командование польского корпуса направило в Белгород генерала Павловского. Он потребовал от солдат принять присягу о подчинении исключительно польскому командованию и попытался сместить Яцкевича. Это, однако, не удалось, и Павловский был также выслан из Белгорода. В ноябре 1917 г. полку было присвоено наименование «1-й Польский революционный полк». Большинство солдат на выборах в Учредительное собрание голосовали за большевиков.



1. Станция Готья. Начало XX в.
2. Н.А. Ховрин (справа), командир сводного Петроградского отряда.
3. И.П. Павлуновский, комиссар отряда, член Петроградского ВРК.

После этого, разрушив участок путей на подходах к Гутне, отряд Костюкова повернул обратно к ст. Герцовка. Тут их настиг новый приказ Белгородского Совета — «разобрать стрелки на ст. Герцовка и если не последует изменений из штаба, то сжечь мост под Томаровкой». Исполнив это распоряжение и прибыв в Томаровку, Костюков вновь связался с Белгородом и узнал, что «идут 2 бронепоезда на Украину, а также отряды матросов и им уже дано распоряжение уничтожить «белую сволочь» и не дать захватить Белгородский узел». Корниловцы в это время заканчивали исправление путей под Гутней. Утром следующего дня, узнав о прибытии первого из красных бронепоездов в Белгород, Костюков, согласно новому приказу штаба, покинул Томаровку, «ничего не ломая». Возвратившись в Белгород, он застал там крупные перемены: «на станции стоят бронепоезда, везде спуют матросы, ездят броневики, проходят красногвардейцы. Стали под ружьё многие товарищи рабочие депо. Начштаба назначен тов. Полосков, командиром, кажется, тов. Годун. Начали прибывать вооружённые рабочие также из Харькова. Город превратился в военный лагерь».

Петроградский отряд прибыл в Белгород около пяти часов утра 23 ноября. Появление балтийцев ободрило местных большевиков. В город немедленно были высланы патрули, а около насыпи Сумской железнодорожной ветки по совету штабс-капитана Скавронского (командовавшего в отряде пехотой) начали рыть окопы, мобилизовав для этой цели гражданское население Белгорода⁹. Были начаты переговоры с командиром польского легиона поручиком М. Яцкевичем. Сам Яцкевич на встречу не явился, но выслал своего заместителя Яерняковского. В итоге удалось достичь договорённости — легион перешёл в оперативное подчинение большевикам и выделил часть сил для несения патрульной службы в Белгороде и его окрестностях.

9 «Немедленно по выгрузке на ст. Белгород петроградские красногвардейцы и матросы приступили к обыскам на ст. Белгород. У случайно оказавшихся на станции офицеров оружие было отобрано. Со станции были высланы по всему городу и в окрестности патрули, разьезды и дозоры, охватившие Белгород кольцом. Артиллерия была расположена за городом возле вокзала Белгород–Сумской ж.д. и у полевого штаба отряда — вблизи складов Нобеля. Со стороны Белгород–Сумской ж.д. начали рыть окопы. На улицах города, до того пустынных, громыхали невиданные ещё в Белгороде броневики, грузовые автомобили с солдатами, красногвардейцами и матросами. Провозились орудия. К отряду присоединились также добровольцы из числа жителей города, преимущественно молодёжь. Им немедленно было роздано оружие и патроны. Отряд добровольцев составил несколько сот штыков. В число добровольцев вступили даже некоторые продавцы газет — разносчики» (*Курская Жизнь*, 28 ноября 1917).

Вечером 24 ноября стало известно о появлении противника на ст. Томаровка. На разведку и с целью захвата «языков» туда на паровозе с теплушкой был выслан отряд из 15 моряков под началом большевика-подпоручика Вадима Хрущеви́ча, исполнявшего в отряде обязанности начальника артиллерии (до присоединения к отряду он являлся комиссаром для поручений при командующем войсками МВО). Вылазка оказалась опасной, но успешной, как о том красочно повествуется в мемуарах Н.А. Ховрина:

«Паровоз шел с потушенными огнями. Остановился примерно в километре от станции. Дальше моряки пошли пешком в обход станции. А поручик Хрущевич один продолжал двигаться по полотну. Он первым достиг Томаровки, на путях и на платформе никого не обнаружил. Решив, что неприятель уже уехал отсюда, он безбоязненно вошел в станционное помещение.

Едва Хрущевич открыл дверь, как увидел направленный на него револьвер. Решительный голос предложил ему поднять руки. Поручик повиновался, понимая, что сопротивление бесполезно. Прапорщик – командир разведки – вытащил из кармана Хрущеви́ча старую офицерскую книжку и стал ее рассматривать. Видя, что имеет дело с кадровым офицером, он успокоился, опустил револьвер и возвратил документ Хрущевичу. Поручик молниеносно выхватил свой револьвер и обезоружил прапорщика. А тут подоспели и матросы, захватившие на станции двух ударников.

Пленных посадили в теплушку, прицепили сзади трофейный паровоз и покатали обратно в Белгород. Захваченных сразу же допросили. Они не стали заператься и рассказали все, что знали. Зато начальник разведки всячески пытался запутать нас, вел себя вызывающе и даже угрожал. Солдат мы отпустили, посоветовав им никогда больше не воевать против Советской власти. А прапорщика пришлось расстрелять»¹⁰.

Утром 25 ноября, узнав о появлении на ст. Томаровка головного эшелона ударников, штаб Петроградского отряда «решил нагнать страху на белогвардейцев», выслав им навстречу бронепоезд. Рейд возглавил И.П. Павлуновский. Вскоре после его отбытия на связь с Белгородом вышел командир 8-го батальона ударников штабс-капитан Степанов, обратившийся к польским легионерам с предложением «прекратить братоубийственную войну» и пропустить эшелоны на Дон. Однако Ховрин ответил, что легион передал ему все полномочия на ведение переговоров, которые тотчас и оборвались.

10 Ховрин Н. А. Балтийцы идут на штурм! – М., 1987. С. 175–176.

Тем временем, внезапно появившись у Томаровки, бронепоезд открыл огонь, подбил паровоз и разбил несколько вагонов эшелона. «Когда бронепоезд вылетел из-за поворота, в Томаровке уже стоял эшелон с ударниками, а еще один подходил, — вспоминает Н.А. Ховрин. — Кронштадтец Василий Серебряков первым же рядом разбил паровоз, затем перенес огонь на теплушки. Из вагонов, как горох, посыпались солдаты. Тогда Серебряков ударил по прибывающему составу, и второй локомотив был выведен из строя. Тут было бы самое время возвращаться. Но комиссар Павлуновский решил вступить с ударниками в переговоры, надеясь, что они сдадутся. Те попросили час, чтобы посоветаться. Пока моряки ждали ответа, манакинцы зашли им в тыл. Пришлось прорываться»¹¹.

Оправившись от неожиданности, командование корниловцев быстро организовало контрудар, окружив бронепоезд «сплошным кольцом пулемётов». Ответная атака матросов захлебнулась, и, бросая убитых и раненых, они бежали под защиту вагонов. Бронепоезд дал задний ход и поспешно ушёл на Белгород¹². Потери моряков составили 2 убитых и 3 раненых¹³. Вzbешённые неудачей и потерями матросы едва не пристрелили самого Павлуновского, и Н.А. Ховрину «стоило большого труда» спасти комиссару жизнь.

Однако бой у Томаровки показал ударникам, что со стороны Белгорода их ждёт сильный заслон. После этого они отошли к станциям Готня и Герцовка, бросили там эшелоны и походным порядком двинулись на Купянск. Получивший пополнение отряд Ховрина выступил следом за ними. Вначале его поддерживал 30-й пехотный полк, но обострение борьбы с Центральной Радой заставило Харьковский ревком спешно отозвать его назад. Зато с юга прибыл отряд черноморских моряков — 1-й Черноморский революционный отряд А.В. Мокроусова, сформированный в Севастополе для борьбы с Калединым (2268 чел.)¹⁴.

11 Там же. С. 177.

12 «Погибших в этом бою подобрали день или два спустя. Манакинцы надругались над телом [матроса] Михайлина: срубили ему шашкой верхнюю часть черепа и втиснули в мозг большевистскую газету» (Там же. С. 176).

13 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 262.

14 Отряд был сформирован в Севастополе 17–20 ноября 1917 г. Комиссаром его стал представитель Петроградского совета Степанов, начальниками эшелонов — прапорщик А.Н. Толстов и матрос Гудзеев-Горский. Первый эшелон выехал на Дон 22 ноября, второй — 25 ноября. На ст. Раздоры им было сообщено телеграммой о движении с запада корниловцев, после чего эшелоны вернулись в Синельниково и повернули на Харьков, откуда, по указанию местного ревкома, двинулись на Белгород (*Поликартов В.Д.* Указ. соч. С. 293–294).

Балтийцы и черноморцы, объединившись, создали сводный отряд под командованием И.П. Павлуновского (начальник штаба — А.Ф. Ильин-Женевский). Выступив бронепоездом на ст. Сажное, матросы оттуда двинулись на с. Крапивное и д. Быковку, где с 28 ноября находились ударники. «Матросы мобилизовали в окрестных сёлах подводки для подвоза боеприпасов и продовольствия, — вспоминает уроженец Сажного И. Черняев. — Взяли пару лошадей и у моего хозяина Елисея Губарева. Сам он не поехал, с конями отправился я, его батрак. Мне приказали подвозить снаряды к матросским пушкам»¹⁵. По пути, заподозрив, что взятый проводником зажиточный крестьянин Сидор Гранкин намеренно указывает неверное направление, Черняев обвинил его перед комиссаром отряда. В результате Гранкин был расстрелян, а молодой батрак занял его место. «Только мы пересекли шоссе, как белогвардейцы встретили нас артиллерийским огнём. Матросы рассредоточились и цепями двинулись на врага. Шли смело, дерз-

Алексей Васильевич Мокроусов (1887–1959) — родился в с. Поньри Курской губернии в многолетней крестьянской семье. В 17 лет уехал на заработки в Таврическую губернию. Участник революции 1905 г. С 1909 г. служит на Балтийском флоте, в 1912 г. за революционную агитацию был арестован, бежал за границу, работал в Швеции, Англии и Южной Америке. Вернулся в Россию только после Февральской революции. Активный участник Октябрьского переворота в Петрограде, революционных событий в Крыму, Гражданской войны на Юге России. Являлся начальником Херсонского, Бердянского и Таганрогско-Ростовского оборонительных районов, командовал левым флангом Доно-Кубанского фронта. За успешные действия и личную храбрость был награждён орденом Красного Знамени. В августе 1920 во главе группы бойцов был направлен в тыл Врангеля на Крымский полуостров для организации из разрозненных партизанских отрядов единой Повстанческой армии. Организовал ряд успешных боевых операций, активно действовал во время штурма Перекопа Красной армией. В то же время партизаны Мокроусова были известны массовыми расправами с немецкими колонистами и крымскими татарами. По окончании войны находился на руководящей хозяйственной работе. Находясь на руководящей работе в Крыму, активно участвовал в репрессиях против «врагов народа». Участник Гражданской войны в Испании. В годы Великой Отечественной войны — командующий партизанским движением Крыма. Отмечалось, что «наряду с боевыми действиями против оккупантов командир Мокроусов и комиссар Мартынов сеяли среди населения национальную вражду, приказывали расстреливать всех татар, появившихся в лесу, кто бы они ни были, изгоняли из леса татар-партизан. Своими действиями Мокроусов по сути дела передал в руки гестапо председателя Верховного Совета Крымской АССР Абдурафи Сейт-Яяева, директора винзавода Асана Сеферова и др. коммунистов и патриотов Родины татаро-крымской национальности. Бюро Крымского обкома ВКП(б) своим решением от 18.XI.1942 вынуждено было признать эту ошибку и отстранить командующего партизанским движением Крыма Мокроусова от должности».

15 *Черняев И.* Пятый Курский Краснознамённый // Они были первыми. — Воронеж, 1969. — С. 243.



1. Члены 1-го Черноморского революционного отряда. Декабрь 1917 г.

2. А.В. Мокроусов. Фотография 1920 г.

3. Революционные матросы-черноморцы. Увеличенный фрагмент.

ко», — рассказывает Черняев, ошибочно приписывая ударникам обладание артиллерией.

Весь день 29 ноября на окраинах села шёл бой. Ударники встретили красногвардейцев пулемётным огнём. «Не произведя предварительной разведки и не ознакомившись с силами и расположением врага, мы беззаботно двигались прямо на него, не рассчитывая ни на какие возможные сюрпризы и неожиданности, — вспоминает матрос-черноморец Я.П. Резниченко. — Засевшие в селе корниловцы установили на церковной колокольне несколько пулемётов, и, кроме того, завидя нас, они держали свои войска в цепях около деревни наготове, не выдавая, однако, своего присутствия ни одним выстрелом. А затем, подпустив нас на очень близкое к себе расстояние, они сразу открыли по нам губительный огонь изо всех пулемётов и — залп за залпом — из винтовок. Мы являлись прекрасной для стрельбы по нам мишенью: одеты мы были кто в шинель, кто в бушлат исключительно из материала чёрного цвета и резко выделялись на фоне поля боя зимнего времени»¹⁶. Попытки моряков захватить село оказались неудачны, равно как и усилия корниловцев нанести им решительное поражение. Единственным преимуществом ударников была возможность отогреваться в крестьянских хатах между боями. «Целый день мёрзнем в снегу, голодные, переутомлённые, — вспоминает другой участник боя, черноморец П. Маштаков. — Озлобленные, делаем последний натиск. Но стена свинца не пускает нас. Ночь. Решаем прекратить наступление и отойти от деревни»¹⁷.

К вечеру моряки отступили к ст. Сажное. Утром следующего дня, 30 ноября, получив подкрепление, красногвардейцы возобновили наступление. Теперь в их рядах находились бойцы из второго черноморского эшелона, рота польского запасного полка в 150 штыков и три полевых пушки. Установив их у оврага близ Крапивного, моряки первым делом обстреляли колокольню, подавив бывшие оттуда по ним пулемёты. После этого была предпринята общая атака на село, которое красные охватили с трёх сторон. Не в силах продолжать дальнейшее сопротивление, ударники отступили. Часть их сдалась в плен.

«Начались бои, длившиеся целую неделю, — описывает дальнейшие события один из ударников, Н. Шинкаренко. — Благодаря огромному численному перевесу противника все попытки волонтеров прорваться в желательном для них направлении неизменно кон-

16 *Поликарпов В.Д.* Указ. соч. С. 295–296.

17 Там же. С. 295.

чались неудачей. В конце концов ударный отряд начал отходить на запад. Борьба отличалась крайним ожесточением... Отряд не имел ни минуты отдыха. Днём дрались, а ночью шли. Понемногу и физические и моральные силы отряда истощились, и более слабые духом люди начали спасаться бегством. Предчувствовался конец...»¹⁸

Преследуя отступающих, красногвардейцы настигли их у с. Яковлевка. После короткого боя ударники отступили и, не задерживаясь, прошли Покровку и Верхопенье. В д. Драгунское они закрепились и вновь дали бой преследователям. Здесь 6 декабря им было нанесено окончательное поражение. Согласно рапорту И.П. Павлуновского, «бой у деревни Драгунской продолжался около 6-ти часов и выпущено более трёхсот снарядов»¹⁹.

Подполковник В.К. Манакин собрал офицеров на совещание. Положение было безнадежным: почти полностью оказались уничтожены 4-й и 8-й ударные батальоны, их командиры, поручик Дунин и штабс-капитан Степанов, убиты, две роты ударного батальона 1-й Финляндской стрелковой дивизии сдались в плен ещё под Крапивным. «Наступили последние тяжёлые минуты, — вспоминает Н. Шинкаренко. — Знамёна были сняты с деревьев, и знаменщикам было приказано сберечь их до того момента, когда соберётся Учредительное собрание, и тогда передать их председателю собрания, рассказав о том, как погибли бойцы ударных батальонов... Последние ударники дали друг другу клятву снова собраться вместе при лучших условиях и возобновить борьбу с большевизмом»²⁰.

После боя под Драгунской силы ударников распались. Часть их во главе с полковниками Янкевским и Гофманом ушла в пределы Полтавской губернии, но большая часть этой группы была разружена под Суджей красногвардейским отрядом А.П. Чупруненко. Остальные, численностью около 300 человек, отступили к слободе Белая, пытаясь пробиться к ж. д. ст. Псёл. Это им, однако, не удалось. Погоня неотступно следовала за ними. Высланная к Белой разведка сообщила штабу красногвардейцев, что ударники «готовятся к обороне по всем правилам, наступать же теперь придётся не лесом, а по открытому полю. Разведчики сунулись было в лесок, что версты две не доходя Белого справа, да едва ушли: лес тоже, оказывается, занят белыми; видны подводы с пулемётами»²¹. По предложению А.В. Мокроусова было решено разделить силы и охватить Белую с двух сторон, взяв противника в клещи.

18 Там же. С. 297.

19 Там же. С. 297.

20 Там же. С. 299.

21 *Полкафров В.* Бурям навстречу. — Симферополь, 1961. — С. 58.

Участник разгрома, уроженец Белой матрос–черноморец Е.Н. Цыхманов, вспоминал: «Мы шли от самого села Сажное... Они [ударники] всё время отрывались от преследования. И только у хутора Ивановский в трёх километрах от Белой мы настигли их. Остановились. Сделали рекогносцировку. «Ты, Цыхманов, местный, знаешь здесь все ходы и выходы. Бери усиленный взвод, выйди с ним по реке и ударь с фланга, — приказал мне командир отряда Шамченко. — Да следи за сигналом — две белые ракеты». Сражение произошло на рассвете. Белые начали было сопротивляться, но видя, что они окружены, подняли руки, сдались в плен. Солдаты были разоружены и распущены по домам, а офицеры–кадеты — расстреляны на больничном выгоне. Корниловцы оставили в Белой много лошадей, обозного имущества, воинского снаряжения. Всё это стало достоянием ревкома и комитета бедноты. Кони и повозки были распределены среди безлошадных крестьян, а оружие и снаряжение передали красногвардейскому отряду»²².

О том, что пленных солдат красногвардейцы после разоружения отпускали, а офицеров расстреливали, упоминает и Н.А. Ховрин. По его словам, «всего расстреляли офицеров человек 30–40»²³. Лишь единицам из числа ударников удалось, в конце концов, всё же пробраться на Дон (среди них оказался и сам подполковник В.К. Манакин).

Таким образом, на Курской земле прозвучали первые залпы кровавой Гражданской войны, охватившей в скором времени всю Россию²⁴.

22 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 15 октября 1977.

23 Кибовский А. Революцией призванные. Ударные революционные батальоны из волонтеров тыла. 1917 // Цейхгауз. — № 8 (2) 1998. — С. 40.

24 И.П. Павлуновский торжествующе рапортовал в Москву: «11 декабря. Отряд корниловцев в составе одного ударного полка, 2-го и 8-го оренбургских ударных батальонов и 4-го отдельного ударного батальона, численностью в 5–6 тысяч человек, при 200 пулемётах нами стёрт в порошок. После боя у станции Томаровка, где нами были разбиты 2 эшелона ударников, корниловцы пытались обходным путём обойти Белгород, прорваться на Купьянск и Обоянь. В боях у деревни Крапивная, Ольховка корниловцы были сбиты со всех позиций, обеспечивающих их беспрепятственное продвижение на Купьянск и Обоянь. Все пути на Купьянск и Обоянь были перерезаны нами. В результате боёв у Ольховки и Крапивной было беспорядочное отступление корниловцев на северо-запад. Наш отряд, состоящий из черноморцев, балтийцев и польского легиона, держал всё время противника под ударами и у дер. Драгунской окончательно разгромил и рассеял организованное ядро корниловских войск. Бои у дер. Драгунской продолжались около 6 часов. Выпущено более 300 снарядов. Дальнейшее преследование привело к захвату у него обозов, пулемётов и т.п. Наш отряд преследовал противника на протяжении 100 вёрст и уничтожил его как организованную боевую величину.

Партизанские отряды и военное строительство. Боевое крещение других красных отрядов произошло весной следующего года. В феврале 1918 г., в связи с угрозой со стороны Германии, Советское правительство активизировало действия по организации собственных вооружённых сил. Исполняя приказы, полученные из Москвы, 21 февраля 1918 г. Революционно-военный штаб Курской губернии, председателем которого являлся Е.Н. Забицкий, распорядился «задержать демобилизацию товарищей солдат сроков службы 1910, 1911 и 1912 годов... прекратить отпуска, вернуть из отпусков немедленно под красные знамёна товарищей солдат, призвать всех желающих, сочувствующих социалистической революции, а также всех специалистов вернуть под красные знамёна и тем самым создать добровольческую Красную Армию для защиты Советской власти»²⁵. Спустя несколько дней, 28 февраля 1918 г., Курская губерния была объявлена на военном положении, причём в городах вводился комендантский час с 9 часов вечера до 6 часов утра. Помимо этого было объявлено, что в связи с этим «воспринимаются все увеселения, зрелища, за исключением уже разрешённых благотворительных вечеров»²⁶. Вслед за этим, 20 марта 1918 г., Курский полевой штаб разослал уездным советам телеграмму за подписью Е.Н. Забицкого, в которой уточнялись условия формирования новых красногвардейских отрядов:

«Обязательной мобилизации объявлять пока не нужно. Организуйте добровольческую запись в партизанские отряды; вооружение вышлите после того, как известите о количестве записавшихся добровольцев. Жалованье специалистам 200 руб., кавалеристу 100 руб., пехотинцу 50 руб.; каждый нетрудоспособный член семьи получает по 50 руб., дети до 16 лет — по 25 руб... Организуйте и шлите отряды на Ворожбу в распоряжение командующего армией Сиверса или Курск в моё распоряжение»²⁷.

В уездах началось спешное формирование отрядов Красной гвардии. Средства на её содержание должна была предоставить

Наши потери за всё время: 19 убитых, 92 раненых. Все сведения и сообщения газет о том, что якобы от артиллерийского огня горели деревни, — неверны. Утверждаю, что от нашей стрельбы не пострадал ни один дом, ни один из мирных жителей. Пострадал только несколько мельниц, где противником были установлены пулемёты. Командующий отрядом прапорщик Павлуновский» (*Полікарпов В.* Бурям навстречу. — Симферополь, 1961. — С. 141).

25 *Около-Кулак Н.В.* Немецко-гайдамацкая оккупация Курского края в 1918 году // Курский архивист. 1932. № 1. С. 26.

26 Там же. С. 27–28.

27 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 273–274.



1. И.П. Рогулин, командир Дмитриевского партизанского отряда. Фотография 1918 г.
2. Р.С. Кукулдава, командир бронепоезда курских железнодорожников. Фотография 1918 г.
3. Г.П. Молчанов, командир Шебекинского партизанского отряда. Фотография 1918 г.
4. Ф.В. Путимцев, командир Белгородского красногвардейского отряда. Фотография 1917 г.

местная буржуазия. Официально было утверждено, что «заработок, который красногвардейцы потеряют, работая в Красной Гвардии, уплачивается им из сумм, взятых из обложений имущих классов города для этой цели»²⁸. Численность таких отрядов была весьма разнородной. Например, Фатежский отряд состоял из 70 чел., а в Дмитриевском отряде было не менее 2000 чел. Дмитриевский отряд в скором времени стал 4-м Курским советским полком Красной армии. Вооружение для отрядов добывалось самыми различными способами. Рыльский совет народных комиссаров, например, оповестил «всех граждан города и уезда, имеющих винтовки, револьверы и патроны к ним, всякого рода бомбы и гранаты, а также холодное оружие, т.е. шашки и тесаки, прийти на помощь в решительной борьбе с вражескими полчищами, надвигающимися на территорию Рыльского уезда, немедленно доставить в Совет Народных Комиссаров вышеназванное оружие для формирующихся отрядов по отражению врага. Лиц, не желающих доставить или умышленно скрывающих оружие и патроны, Совет привлечёт к ответственности по всей строгости Революционного закона помимо отобразания оружия силой»²⁹.

В Грайвороне отряд Красной Гвардии был сформирован в феврале 1918 г., когда, как вспоминает Л.А. Краснокутский, «прибыл с Кавказского фронта Борисенко Антон. Он, как офицер, привёз с собою 4 пулемёта и много другого снаряжения. Борисенко был беспартийный, но у него было враждебное отношение к буржуазии... Борисенко принял активное участие в организации гвардии, но беда в том, что эсеровский исполком не был заинтересован в поддержке её. В результате туда были набраны разнообразные элементы, и Красная гвардия, несмотря на то, что имела 2 пулемёта, боевой единицы из себя не представляла»³⁰. Впрочем, в том были повинны скорее не эсеры из исполкома, а те самые «разнообразные элементы», которые устремились в ряды красногвардейцев.

Своих командиров красногвардейцы выбирали из собственной среды. Кроме того, они могли приглашать к себе профессиональных военных в качестве инструкторов. Жёсткая военная дисциплина и согласованность действий между отдельными отрядами отсутствовали практически повсеместно. Нормальным явлением было обсуждение

28 *Около-Кулак Н.В.* Немецко-гайдамацкая оккупация Курского края в 1918 году // Курский архивист. 1933. № 1–3. С. 34.

29 *Около-Кулак Н.В.* Немецко-гайдамацкая оккупация Курского края в 1918 году // Курский архивист. 1932. № 1. С. 34.

30 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. – Белгород, 1967. – С. 116.

приказов командиров. По отзывам современников, партизанские отряды часто представляли собой полубандитские формирования, занимающиеся незаконными реквизициями продуктов и денег у местного населения и грабежом магазинов³¹. Уровень командования таких частей также отличался большой некомпетентностью, при наличии больших амбиций. «...Вчерашний прапорщик сегодня хочет быть не менее чем командиром батальона, а корнет желает командовать полком»³². Семёнов, командир одного из львовских отрядов, позднее вспоминал, что «тогда был такой момент, что каждый считал себя командиром и каждый распоряжался по-своему»³³.

Это приводило к тому, что обоянские партизаны Громова могли, например, отправиться домой на отдых, даже не подумав предупредить об этом своих соседей на других участках фронта. Отмечалось, что «часты были случаи перехода демаркационной линии, а из-за беспечности и игнорирования мер предосторожности многие отряды, особенно ночью во сне, полностью уничтожались»³⁴. Тем не менее, в результате принятых мер губернские власти, по неполным данным, вскоре уже имели в своём распоряжении 41 боевую единицу, общей численностью в 4 698 человек³⁵. Из них около 1300 человек прикрывали наиболее уязвимый Белгородский участок³⁶. Именно Белгородский отряд стал ядром при создании 5-го Курского Советского полка.

Между тем, в конце марта немецкие войска, находившиеся на территории Украины, нарушив условия Брестского мира, вторглись на территорию Курской губернии. Вторжение на территорию Советской России шло от имени Украинской Центральной Рады. Вместе с немцами двигались украинские гайдамаки, но последние не играли заметной роли в наступлении. Украинские власти считали, что часть южных уездов губернии, включая Белгород, населены украинцами, а потому должны входить в состав независимой Украины.

31 Отчет о II Курском губернском съезде советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 264.

32 Докладная записка Военного совета курского района Высшему военному совету о положении в Курске и формировании частей Красной армии // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 35.

33 *Около-Кулак Н.В.* Немецко-гайдамацкая оккупация Курского края в 1918 году // Курский архивист. 1933. № 1–3. С. 36.

34 Там же. С. 37.

35 Там же. С. 39.

36 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. — Белгород, 1967. — С. 260.

Тогда же для защиты от немцев стали создаваться отряды Завесы. Последние состояли из пехоты, кавалерии, подрывников, сапёров и т.д. Но в их организации также сохранялся принцип партизанщины, дисциплина была на слабом уровне.

Наибольшей известностью среди организаторов партизанских отрядов пользовался Михаил Епифанович Трунов³⁷. Его отряд, созданный в Обоянском уезде, вёл бои на Белгородском участке. «Это героическая личность, это Чапаев в полном смысле этого слова, — отзывается о нём Н.Д. Токмаков. — ...Когда я прибыл в Белгород, Трунов являлся начальником обороны Белгорода в одном лице. К нему шёл поток беднейших крестьян, он их вооружал, организовывал из них роты и направлял на фронт. Когда я прибыл в Белгород, то мы совместно с ним организовали штаб... Трунов остался на станции, продолжая вооружать отряды и держать связь с городом, с Ревкомом, я же отправился непосредственно на фронт, выступив походным порядком в северо-западном направлении в район деревень Томаровки, Карповки. Здесь я через несколько дней столкнулся с передовым отрядом немцев. В течение нескольких дней мы сдерживали наступление немцев. Но когда подошли главные силы немцев, нам с нашими разрозненными отрядами пришлось туго. Бои под Белгородом были тяжёлые... Белгород переходил неоднократно из рук в руки. Отдав Белгород, мы отошли дальше, к ст. Саженка»³⁸.

Позднее отряд М.Е. Трунова влился в созданный в мае 1918 г. 5-й Курский Советский полк. В Обоянском уезде действовали отряды Громова, Кузнецова, Качанова, Ломоносова и Бредихина. Обоянским партизанам удалось полностью уничтожить один из

37 В ряде публикаций отчество Трунова ошибочно звучит как «Емельянович» (например: *Добыкин Д., Кондаков А. Победный путь. Очерк о боевом пути 9-й стрелковой (бывшей 1-й Курской советской) дивизии.* — Курск, 1961. — С. 10).

Михаил Епифанович Трунов родился 11 августа 1881 г. в с. Мясоедово Белгородского уезда. Участник 1-й Мировой войны, в 1917 г. — член полкового комитета. С января 1918 г. — член Белгородского Совета и уисполкома, военный комиссар уезда и комендант Белгорода. С мая 1918 г. — командир 5-го Курского Советского полка, во главе которого участвовал в боях за Симбирск в составе Железной дивизии Г.Д. Гая (*Зайцев В. Комбриг Трунов // Знамя* (Белгород). 3, 5, 7, 10 августа. 1966).

38 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмаков]. С. 8-9; Н.Д. Токмаков также сообщает: «Трунов погиб от нашей же руки, он расстрелян, как изменник, по наговору предателя — одного комиссара дивизии, который одновременно был контрразведчиком ставки Деникина. В 1928 г. я сам на основании имевшихся у меня документов ходатайствовал перед ЦИК Союза о реабилитации памяти Трунова. Я этого добился, и теперь семья Трунова получает пенсию. Такая личность, как Трунов, не могла быть предателем — для меня это совершенно очевидно...». Речь тут идёт о комиссаре 9-й дивизии Петрашине (см. далее).

гайдамацких отрядов под с. Красным, а также нанести гайдамакам поражение у сёл Бочарово и Драгунское. В Шебекино партизанами командовали Г.Д. Горяинов и Г.П. Молчанов. Их силы, а также отряд К.В. Сидоренко вошли в состав 6-го Корочанского Повстанческого полка под командованием М.А. Кабанова. На основе отряда Г.С. Бочарникова, сформированного в апреле 1918 г. в с. Красная Поляна, осенью был создан 9-й Украинский Повстанческий полк. В районе Грайворона — Готни действовал отряд А.Н. Борисенко. Конный партизанский отряд создал в с. Гостищеве Белгородского уезда С.Л. Губарев (оба отряда затем влились в 5-й Курский полк). Ряд подобных же отрядов действовал под Льговом, Рыльском и Дмитриевым. Силами 650 курских и льговских красногвардейцев удалось 12 мая 1918 г. остановить наступление на Льгов одного из немецких подразделений. В Щигровском уезде был организован отряд В.А. Уколова, под Суджей, помимо отряда Чупруненко, держал оборону отряд Петрова. Между Курском и Белгородом курсировала бронелетучка «Молния» под командованием слесаря вагоноремонтной мастерской Р.С. Кукулдавы. Начал формироваться 1-й Курский революционный полк.

Следует отметить, что одновременно с формированием красных отрядов на территории Белгородского уезда создавались и отряды русских добровольцев, объединявших в своих рядах противников Советской власти. В с. Шебекино такими отрядами командовали корнет Лихачёв и корнет С.В. Курмин³⁹.

Красные партизанские отряды не могли сдержать планомерно наступления сил противника. Советские войска были вынуждены оставить Путивль, Рыльск, Коренево, Суджу, Белгород, Корочу, Грайворон и ряд волостей Рыльского, Льговского, Суджанского и Корочанского уездов. Полностью немцами были оккупированы Белгородский, Путивльский и Грайворонский уезды⁴⁰. Политика германского командования на территории оккупированных уездов губернии ничем не отличалась от той, что они проводили на Украине. В экономической сфере она выражалась в вывозе в Германию продуктов сельского хозяйства. Это способствовало подъёму партизанского движения.

Как осуществлялась оборона линии фронта партизанами, свидетельствуют воспоминания Ф.А. Лунёва, бывшего тогда бойцом отряда Тихонова, сформированного в Обояни.

39 *Поздняков Э.Н.* История Шебекина. XX век. — Белгород, 2001. — С. 6–7.

40 *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. — Курск, 1995. — С. 113.

«17 апреля 1918 года в пятницу немцы заняли с. Афанасьево. Наш отряд распределили тогда на 4 группы: 1-я гр. осталась в Обояни для поддержания порядка. 2-я гр. направлена для встречи немцев со стороны с. Н. Солотино. 3-я гр. была направлена к мосту [через] реку Псёл. 4-я (наша) была направлена на участок Садовой дачи — на старый шлях. Нас было 18 человек с винтовками и одним пулемётом системы «кольт». Расположились на склоне перед с. Афанасьево, отчётливо видели, как немцы устанавливали 3-х дюймовые орудия (76 мм). Три или четыре штуки, около церкви. При установке орудий было много детей и взрослых, и нам хорошо было видно. Поэтому стрелять из пулемёта по немцам Лунёву Степану Владимировичу командир взвода Косилов Сергей не разрешил. И мы досиделись... пока немцы открыли по нам ураганный огонь. Мы кинулись отступать к Обояни. Нам дали приказ отступать на Курск по сёлам, ибо Обоянь нашим отрядом оставлена. Немцы вошли в город».

Для организации обороны края и координации действий разрозненных партизанских отрядов в Курске был создан Военно-революционный полевой штаб. Кроме руководства боевыми действиями, Штаб занимался вербовкой добровольцев в армию.

Попытка создания боеспособных частей была предпринята еще 2 января 1918 г. Курский уездный Революционный совет принял постановление об организации Красной гвардии в более широких масштабах, чем это было ранее⁴¹. Незадолго до этого был разоружён стоявший в Курске английский бронедивизион «с большим военным автогаражом и продовольствием и оружием, хотя англичане не хотели сдаваться, выставили караул с пулемётами»⁴².

Однако реальные успехи по реорганизации армии были достигнуты значительно позже. 1 марта Курский военно-революционный полевой штаб обратился ко всем трудящимся губернии с призывом о создании партизанских отрядов для борьбы с немцами. Формирование новых воинских частей было сопряжено со многими трудностями. В частности, не хватало обмундирования, о чём красочно вспоминает боец 1-го Курского революционного полка Н.В. Дюмин: «Вообще красноармейцы периода организации полка были одеты кто что имел. Было и так, что верхнюю одежду красноармейца заменяли вместо брюк и гимнастёрки — кальсоны и нижняя рубаха. Другого обмундирования пока не было. Можно было наблюдать такую картину: по центральной Херсонской ули-

41 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 95.

42 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 37.

це в мае месяце [1918 г.] идёт подразделение красноармейцев, одетых очень пёстро, и среди них немало одетых в солдатское нижнее бельё»⁴³.

Говоря об организации в Курске красногвардейских отрядов, Н.Д. Токмаков сообщает: «Возьмём Курск — какие здесь к периоду Октября были организованы отряды? 1. Большевистский отряд при Губкоме, состоящий из членов партии, — все члены партии обязаны были входить в этот отряд. 2. Отряд т. Рожкова в составе около 350 сабель. 3. Отряд Ковальчука — для обеспечения жел. дор. станции и линии. 4. Отряд при Ревкоме (Ямской). 5. Рословский отряд [под командованием Сабинина], присланный Кудинским для обеспечения революционного порядка в Курске. 6. Отряд Сухоносова.

Затем в Курске стояли воинские части — запасной батальон в составе около 5 тыс. человек, артиллерийский дивизион и [команда] выздоравливающих, но эти последние силы не были в революции активны... Отряд большевиков выполнял указания партии по обеспечению её работы; отряд Рожкова — выполнял большую работу, в его задачи входило обеспечение порядка в Курске. Отряд Рожкова посылался в районы, — одно время был послан в Тим, когда левые эсеры и меньшевики арестовали большевиков и арестовали совет... этот отряд также был послан в Сапогово для разгона офицерского союза и контрреволюционных прислужников... Когда Рословский отряд выступил с погромными действиями — громил еврейские кварталы и магазины, — то и здесь отряд Рожкова выступил первым для наведения порядка. Отряд Ковальчука не был большим отрядом, в его состав входило всего 120 человек, но функции отряда были большие: основной его задачей было обеспечение работы железнодорожного узла...

Кроме того, как я уже говорил, имелся отряд Сухоносова. Некоторое время этот отряд стоял в городе, и это был в буквальном смысле горе-отряд. Этот отряд пьянствовал, грабил, учинял насилия. Этот отряд мы долго терпели. Однажды Сухоносов появился на заседании Горисполкома с самыми контрреволюционными требованиями, — он прямо так и сказал — «дайте мне столько-то тысяч денег, дайте для наших сестёр одежду, платья и дайте свободный доступ к спиртоводочному заводу. Не дадите, — я вас разнесу». Конечно, люди, вооружённые революционным энтузиазмом да нагамами, противопоставить себя 6-ти дюймовым пушкам не могли.

43 Дюмин Н.В. Воспоминания о первом комиссаре 1-го Курского революционного полка Такмакове Николае Денисовиче (рукопись). Л. 3.

Таким образом, этот отряд долгое время терроризировал Курскую губернию, пока, наконец, мы его не выпроводили⁴⁴. Наконец, в распоряжении левых эсеров находилось около батальона [бойцов], тесно сомкнувшихся вокруг них и живших для обеспечения работоспособности этих левых эсеров, но свою работу этот отряд вёл не успешно...

Затем был Рословский [Рославльский] отряд. Первоначально это был небольшой отряд, присланный Кудинским, состоявший из революционно настроенной массы, большевиков, преимущественно рабочих, правда, молодёжи. Однако в Курске этот отряд стал увлекаться расширением своей базы и стал доукомплектовываться. Всех, кто приходил в отряд, записывали, вооружали, словом, считали своим. В результате отряд быстро разбух, причём теперь в его состав вошли, главным образом, люмпен-пролетарии, просто жулики и контрреволюционеры. Как только отряд разбух, он, конечно, показал своё лицо: начались самочинные реквизиции, аресты, обыски, а затем и открытые погромные выступления, громились магазины, рынки, в курском воздухе вновь появились перья подушек из громившихся еврейских домов. [...]

Следующей крупной военной силой являлся Орловский запасной батальон в составе около 5 тыс. человек. Этот батальон расквартировался в духовной семинарии, купеческом клубе, коммерческом клубе и т.д. Руководили им исключительно офицерский состав и левые эсеры. Но... масса была большевистски настроена⁴⁵.

Не менее критично оценивал ситуацию с военными силами в Курске и деятельность местных органов Советской власти и сам В.А. Антонов-Овсеенко: «В Курске наводил «революционный порядок» и соответственную панику на обывателей посланный Кудинским «Рославльский отряд» тов. Щеглова. Ревком вёл себя нерешительно. Допустил украинизацию мортирной батареи, согласился пропустить на Украину, по требованию радовцев, 8 орудий, растерялся перед

44 Сам Е.Н. Забицкий писал о деятельности отряда Сухоносова следующим образом: «Так, например, были отряды под командованием Сухоносова. Они предъявляли бесконечные требования и ультиматумы Ревкому в смысле отпуска денежных средств, спирта. Даже доходило до того, что часто подделывались подписи. Я перехватил документ с подделанной моей подписью в казначейство о выдаче 40000 рублей. В случае неотпуска угрожали открыть огонь по городу... Но работники, выделенные для борьбы с ними, быстро ликвидировали такие выступления» (Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. — Л. 17–18).

45 ГАКО. Ф. Р–3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 2–4.

вызывающим поведением персонала бронепарка Английской военной миссии... «Команда выздоравливающих», для которой Муралов прислал до 1000 винтовок, оказалась совершенно непригодной. Курский ревком через тов. Садикова получил от нас твёрдые задания — орудий украинцам не давать, украинцев из mortarной батареи распустить по домам, бронепарк Английской миссии захватить и использовать по моему дополнительному заданию»⁴⁶.

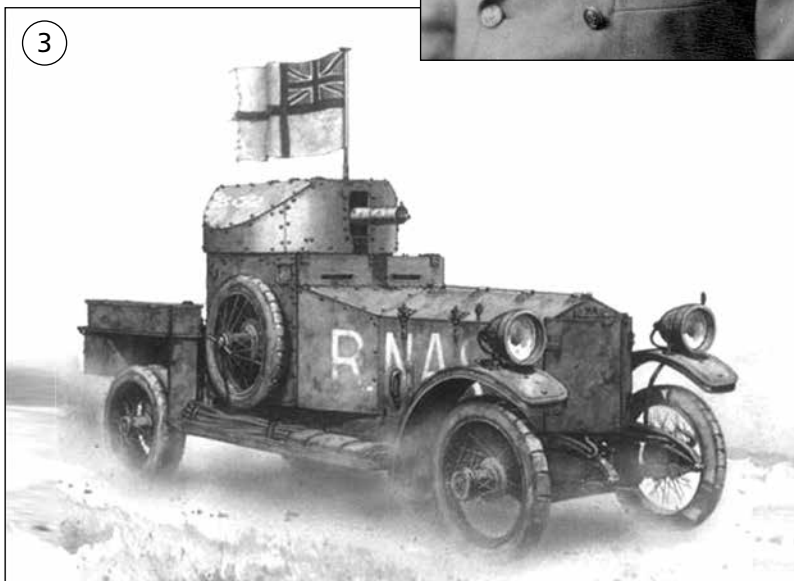
Как видно из воспоминаний Токмакова, отношения между органами власти и отдельными отрядами были напряжёнными и нередко выливались в открытые столкновения. Единственным способом избавиться от буйных партизан было отправить их на фронт. После усмирения Рославльского отряда ему был предъявлен форменный ультиматум. «Уезжайте на фронт, или мы ваш отряд обезоружим, а вас арестуем», — заявил Забицкий Сабинину, новому командиру отряда, занявшему этот пост после Щелова. «Им ничего не оставалось делать, как уехать из Курска. С музыкой и песнями они пошли на фронт», — вспоминает Н.Д. Токмаков⁴⁷. Единственную пользу для себя из пребывания в Курске Рославльского отряда местная власть извлекла лишь при захвате имущества английского бронедивизиона.

«Русский броневедомственный дивизион Королевской морской авиационной службы» (Armoured Car Squadron № 15 Royal Naval Air Service (RNAS)) под командованием командера Оливера Локкер-Лэмпсона⁴⁸ был сформирован из британских добровольцев и прибыл в Россию в январе 1916 г. Личный состав включал в себя 42 офицера и 524 солдата. Все они были трезвенниками, давшими слово не употреблять хмельного в России. В состав дивизиона входило 28 броневедомств — пулемётные броневедомства «ланчестер», бронированные грузовики «пирс-эрроу» с 3-фунтовыми орудиями, а также броневедомства «фиат». Британские союзники

46 Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. — М., 1924. — С. 53.

47 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 5.

48 Оливер Стиллингворт Локкер-Лэмпсон (1880–1954) — английский военный и политик. Сын поэта Фредерика Локкера и Джейн Лэмпсон, дочери сэра Кёртиса Лэмпсона. Получил образование в Итоне и Кембридже, занимался юриспруденцией и журналистикой, с января 1910 г. член парламента от Рэмси (Хантингдоншир). Во время 1-й Мировой войны в составе RNAS служил в Бельгии, Франции, Румынии и России. После окончания войны вернулся к политической деятельности, придерживался правых взглядов, в 1931 г. основал движение «Стражей Империи» с целью «мирной борьбы против большевизма». Вышел из парламента по результатам выборов 1945 г. О деятельности его подразделения в ходе 1-й Мировой войны см.: *Perrett B., Lord A. The Czar's British Squadron.* — London, 1981.



1. Командер Оливер С. Локкер-Лэмпсон.
2. Знак R.N.A.S.
3. Бронеавтомобиль R.N.A.S.

участвовали в боях на Кавказском и Румынском фронтах, а также в июньском наступлении 1917 г. За два года войны около 100 бойцов отряда получили Георгиевские кресты 4-й степени, из них полтора десятка были награждены также крестами 3-й степени и один – посмертно получил Георгиевский крест 2-й степени к двум уже имеющимся. Около 100 солдат получили Георгиевские медали «За храбрость» 4-й степени и один из них был удостоен также 3-й степени этой медали. Примерно 400 солдат получили российские медали «За Усердие»⁴⁹.

После тяжёлых летних боёв дивизион был переведён в Курск для ремонта и переформирования. База его располагалась за Херсонскими воротами на территории бывшего ипподрома. Среди определённой части населения города прибытие британского отряда «сразу возродило надежды, что он поможет и освободить городской совет от большевиков, и выпустить каких-то незаконно арестованных»⁵⁰. У революционных властей же присутствие в Курске «посланцев британского империализма» вызывало непрестанную тревогу. Кроме того, местные власти точили зубы и на богатую материальную часть английского подразделения. Как вспоминал позднее Е.Н. Забицкий, там «была огромная продовольственная база, были консервы, мука, медикаменты, обмундирование, масса пулемётов, скорострельных пушек, а также другое боевое снаряжение. Кроме того, мы имели уже в то время сведения о том, что этот бронепарк является ничем иным, как по существу контрреволюционным гнездом английского империализма, тесно связанным с Керенским. Причём в командовании этого бронепарка были и представители старой царской власти, чуть ли не родичи Николая Второго»⁵¹. Относительно родственников царской фамилии Е.Н. Забицкий, конечно, преувеличил, однако в составе бронедивизиона, помимо самого командера Локкер-Лэмпсона, служили и другие незаурядные личности. Одним из них был, например, старшина Майкл Терри – будущий известный исследователь, член Королевского Географического общества, который за 1923–1938 гг. совершил 14 экспедиций во внутренние районы Австралии.

Серьёзными военными силами Курский ревком не располагал, и потому долгое время ничего не мог предпринять, несмотря на

49 *Баятинский М., Коломиец М.* Бронеавтомобили русской армии. 1906–1917. М., 2000. С. 69–71.

50 *Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко.* – Курск, 2007. – С. 136.

51 Стенограмма доклада тов. Забицкого (бывш. председателя Курского ревкома) об Октябрьском перевороте в бывш. Курской губернии и об исторических событиях на Курском фронте. – Л. 18.

будоражащие воображение зловещие слухи о намерениях британцев. Так продолжалось до конца декабря 1917 г. «Я помню, в Курском Ревкоме были очень большие колебания в части захвата этого бронепарка, — вспоминает далее Е.Н. Забицкий, не упоминая о полученном им прямом указании В.А. Антонова–Овсенко, — потому что шли разговоры об их сильных укреплениях, о миномётных отрядах, которые имеются среди них и которые могут взорвать город. Я помню, товарищи, как ночью, часа в 3–4 было решено окончательно взять этот бронепарк всеми имеющимися в нашем распоряжении частями, с которыми мы и совершили эту операцию. Захват был поручен Рословскому [Рославльскому] и Кавалерийскому отрядам при непосредственном руководстве председателя Ревсовета тов. Забицкого и членов — Аквиса, Булгакова, Когана, Садикова, Штейнберга, Гридина, Мазурова, Токмакова и начальника штаба Немцева и командиров вышеуказанных частей Рожкова и Сабинина»⁵².

Таким образом, на разоружение бронедивизиона союзников двинулись два наиболее крепких красногвардейских отряда и практически весь состав Курского Ревсовета во главе со своим председателем. Операцию было решено провести в ночь на 12 (25) декабря. Однако, как оказалось, «наймиты империализма» даже и не собирались оказывать сопротивление: «Товарищи спрашивают, каковы были методы захвата бронепарка? Методы обычные: окружили, расставили посты, почти без выстрела сняли посты [англичан], воспользовавшись тем, что часть бойцов была распушена, сделали всё это глубокой ночью и кончено. А утром на рассвете Президиум Ревкома поехал в имение Клейнмихеля и арестовал весь штаб этого бронепарка. Причём у них было какое-то торжество, были накрыты столы, сёстры милосердия русские, тут же какие-то подозрительные типы, которые хотели скрыться. И начался разговор наш с английским командованием. Английский переводчик переводил нам, что они подчиняются воле революции, но «почему большевики испортили им праздник Рождество?». Мы ответили на это: «Революция сейчас не знает праздников, и потому будьте любезны подчиниться тем приказаниям, которые вам дадут»⁵³.

Военное снаряжение и провиант, захваченные у британцев, были, по распоряжению В.А. Антонова–Овсенко, переданы ко-

52 Там же. Л. 18–19.

53 Там же. Л. 20–21. Показательно, что никто из членов Ревсовета и не подозревал о том, что Рождество англичане празднуют совершенно в другое время, чем в России.

манующему 3-й армией Кудинскому, штаб которого располагался в Брянске⁵⁴. Командир разоружённого бронедивизиона спустя несколько дней обнародовал дипломатично составленную декларацию, объявив, что конфискованное вооружение есть не что иное, как «помощь англичан русскому народу». Наконец, 12 января 1918 г. англичане выехали в Архангельск и в феврале смогли вернуться на родину.

Неизгладимые впечатления оставил у жителей Курска отряд Сухоносова. Один из очевидцев вспоминал о событиях 1917 г.: «В то время в Курске, в народном доме, квартировали карцевские и сухоносовские отряды, во главе которых стоял Сухоносов, прогремевший своими анархическими выступлениями в городе и его окрестностях, наводя ужас и страх на всю курскую буржуазию. Сухоносовцы разъезжали по городу на автомобилях с лозунгами: «Смерть буржуазии, да здравствует беднота!» Но в то же время производили незаконные реквизиции. Был зимний декабрьский вечер. На собрании совета рабочих депутатов обсуждению подлежал вопрос о действиях Сухоносова и его отрядов в связи с произведённой ими реквизицией каракулевых пальто из профсоюзного магазина «Игла» (быв. Пахомова). Выступавшие ораторы критиковали действия Сухоносова. В этот момент в зал заседания совета врывается с револьвером в руке сам Сухоносов. Он произносит гневную грозную речь, всё время размахивая наганом. Он грозит «поднять на пушку» весь г. Курск, в 24 минуты разнести город, чтоб камня на камне не оставить, если совет немедленно не выдаст того, кто доносил на него, кто осуждал его и т.д. Собрание растерялось. Воцарилось гробовое молчание. Но вот выступил быв[ший] св[ященник] Ломакин, который заявил, что виноват только совет, осуждавший незаконные действия Сухоносова, но при чём тут город и спящее теперь неповинное население. Если Сухоносов в силах и находит нужным, то пусть производит суд только над одним данным собранием. Слова эти были сказаны столь внушительно, что грозный на-

54 На британской технической базе был сформирован красный бронеполк. Об этом вспоминает Н.Д. Токмаков: «Командование бронеполком брал на себя т. Берети — студент, сын акцизного чиновника. Мне было поручено достать людей. Я эту задачу выполнил, и мы организовали отряд в составе 10 бронемашин, 200 людей и послали его т. Антонову-Овсенко» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Стенограмма воспоминаний участника Курского фронта и организации Красной Армии [Н.Д. Токмакова]. С. 9). Сам В.А. Антонов-Овсенко вспоминал, что из Курска было вывезено «порядочное количество броневиков, захваченных у Английской миссии. Броневики приводились в порядок в тыловых автомобильных мастерских» (*Антонов-Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 1. — М., 1924. — С. 109.*)

чальник сухоносовцев смягчился, сменил гнев на милость, тут же расцеловал оратора и покинул зал»⁵⁵.

Толпы разнузданной солдатни были весной 1918 г. привычным явлением на улицах города. Газеты то и дело сообщали об инцидентах, закончившихся применением оружия. Так, 22 мая облава, организованная в городском саду «с целью захвата бандитов и других преступных элементов», вылилась в беспорядочную пальбу, что вызвало панику среди мирных граждан. «Случайно стоявший у ворот солдат из оцепления выстрелил из револьвера, а ему ответили товарищи, стоявшие в цепи за оградой, и дальше поднялась стрельба и в самом саду. Стреляли в воздух, хотя не обошлось и без случайных жертв. Оказались ранеными двое солдат и одна барышня»⁵⁶.

Именно в связи с подобными происшествиями было издано специальное «обязательное постановление для посетителей общественных садов», где, в частности, говорилось: «Появление в саду товарищей солдат, не имеющих отношения к наряду, с винтовками или бомбами, безусловно воспрещается»⁵⁷.

Крупный инцидент с участием солдат произошёл 15 мая 1918 г. во время крестного хода по случаю находки чудотворной иконы Знамения, похищенной в дни апрельских беспорядков. В честь этого на Красной площади был отслужен торжественный молебен, собравший несколько тысяч человек. Во время шествия богомольцев «не обошлось при молебствии и без некоторых эксцессов, вызванных тёмными личностями, по счастью окончившихся благополучно. Несколько человек, одетых в солдатскую форму, во время шествия богомольцев с иконами от места находки позволяли себе курить, идти в шапках, а некоторые из них выражаться неблагопристойно. В одном месте с одним из таких лиц толпа хотела расправиться самосудом, но благодаря вмешательству милиции это было предотвращено. Озорник был отведён в управление милиции, но дорогой, видимо, не поняв в чём дело, солдаты в числе 30 человек кинулись выручать своего товарища, причём у здания городской милиции один из солдат хотел даже выстрелить в начальника 2-го участка милиции Н.Л. Попова. В этот момент один из агентов милиции Войнилович, желая отвести дуло наведённой винтовки, схватил рукой за ствол. Грянул выстрел, пуля попала легко в ладонь и немного задела затылок Попова»⁵⁸.

55 [Гл.] Некоторые эпизоды // Курская правда. 1925. № 254 (1751). Воспоминания, судя по всему, принадлежат старому большевику–железнодорожнику П.М. Бутову. Священник Ломакин затем сложил с себя сан и вступил в РКП(б).

56 Красная Армия (Курск). 1918. № 11. 24 мая.

57 Красная Армия (Курск). 1918. № 4. 15 мая.

58 Красная Армия (Курск). 1918. № 5. 16 мая.

Не всегда дело кончалось столь благополучно. «Были случаи, когда с мародерами, пролезавшими в армию, сами красноармейцы были судьями, — вспоминает боец 1-го Курского революционного полка Н.В. Дюмин. — Так, например, в апреле месяце 1918 года в предпасхальную субботу патруль красноармейцев на базарной площади задержал красноармейца, укравшего у гражданина пачку махорки. Выяснив обстоятельства, они тут же на площади у часовни его расстреляли. Видимо, за этим человеком уже были кражи. Тоже в апреле патруль задержал ночью одного в форме красноармейца с берданкой, который напал на дом с целью грабежа. Тут же поставили к забору и расстреляли»⁵⁹.

В апреле 1918 г. войска, противостоящие немцам, стали реорганизовываться на регулярных началах. Это встретило в среде солдат сильный протест. Причину недовольства лучше всего описывают сами бойцы партизанских отрядов: «Отчего ушли к тому и пришли» [имеется в виду власть офицеров — С.Е., А.З.], «А где воля солдат, где их революционная инициатива?», «Может быть еще и честь прикажете командирам отдавать?», «Погоны навесите? Чины установите?»⁶⁰

Однако реорганизация армии на новых началах за счет волевых действий представителей советской власти продвигалась довольно быстро. Был создан губернский военный комиссариат, реорганизован революционный полевой штаб. На базе партизанских отрядов началось формирование пехотной дивизии регулярной Красной армии.

Военные действия на украинской границе. Военное строительство имело для Курской губернии особое значение, поскольку события первой половины 1918 г. привели к превращению её территории в прифронтовую зону. Находившееся у власти на Украине правительство Центральной Рады, стремясь обеспечить себе надёжную военную поддержку, заключило 27 января 1918 г. мирный договор с Германией и Австро-Венгрией, пригласив их войска на украинскую землю. Вслед за этим, 18 февраля, германские войска перешли в наступление по всему фронту, а 21 февраля Совнарком РСФСР издал декрет «Социалистическое Отечество в опасности», призвав трудящихся к борьбе против империалистической Германии. Спустя два дня с аналогичным воззванием выступил ЦИК Советов Украины: «Организируйте свои партизанские отряды, взрывайте мосты, железнодорожные

59 Дюмин Н.В. Воспоминания о первом комиссаре 1-го Курского революционного полка Такмакове Николае Денисовиче (рукопись). Л. 3.

60 Евсеенков Н. Вспоминная годы боевые // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 233.

пути, шоссе, дороги, увозите или уничтожайте при отступлении хлеб и всё, чем могли бы поживиться голодные разбойничьи банды»⁶¹. Таким образом, охватившая Украину гражданская война оказалась осложнена борьбой с иностранным вмешательством.

Под давлением сил противника красные украинские отряды вынуждены были сдавать свои позиции. Украинское советское правительство перебралось из Киева в Полтаву. Правительство РСФСР, хотя и пошло на заключение 3 марта Брестского мира с Германией, продолжало оказывать поддержку украинским коммунистам. Именно по указанию В.И. Ленина ЦИК Советов Украины назначил 7 марта 1918 г. командующим всеми войсками Украинской Советской Республики В.А. Антонова–Овсенко. После этого вооружённые силы «южнороссийских республик» (Украинской, Донецкой и Донской) были реорганизованы и сведены в пять «революционных армий», численность каждой из которых не превышала 3500 человек. Район, непосредственно примыкавший к территории Курской губернии, контролировали войска 5-й армии под командованием Р.Ф. Сиверса⁶². Штаб её располагался в Курске (из бойцов именно этой армии состоял и печально знаменитый отряд Карцева).

Между тем на Украине развернули наступление крупные австро-германские силы, действовавшие «в сопутствии многочисленных иррегулярных гайдамацких частей». Поэтому, как отмечал позднее В.А. Антонов–Овсенко, «приходилось отправлять на фронт всё, чтобы было под рукой, наспех сколоченными отрядами пытаться прикрыть лихорадочно вёдшееся формирование регулярных частей. На Бахмачском направлении единственной регулярной частью на нашей стороне были два чешских полка. Они дрались великолепно. Но остальные части чехословацкого корпуса, под прикрытием этих полков, тянулись в эшелонах с Украины, и мы не могли этому противиться»⁶³.

61 Большевистские организации Украины (ноябрь 1917 – апрель 1918 гг.). Сборник документов и материалов. – Киев, 1962. – С. 59.

62 Сиверс Рудольф Фердинандович (11 (23) ноября 1892, Петербург – 8 декабря 1918, Москва) – уроженец Петербурга, участник 1-й Мировой войны. В 1917 г. в чине прапорщика вступил в члены РСДРП. Член полкового комитета, один из создателей и редакторов большевистской газеты 12-й армии «Окопная правда». Командовал отрядом красногвардейцев и матросов под Пулковым против войск Керенского–Краснова. В ноябре 1917 послан с отрядом на Украину, участвовал в боях против Каледина. В марте–апреле 1918 года командовал 5-й советской армией, а с лета 1918 – Особой бригадой (с сентября – 1-я Особая украинская бригада) в составе 9-й армии Южного фронта. Скончался от ранений, полученных 15 ноября 1918 г. в бою под д. Желновка.

63 *Антонов–Овсенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. – М., 1928. – С. 47.*

Советское командование старалось использовать продвижение чехословаков для снабжения оружием собственных формирований. Согласно приказу В.А. Антонова–Овсенко от 10 марта 1918 г. чехословацким войскам позволялось оставить у себя «все винтовки и по одной 12–пулемётной команде Моксима и по одной команде Кольта на каждый полк, по два заряженных орудия на батарею, по 2 парных казённых повозок на полк, по одной парной патронной двуколке на батальон, пулемётную команду, все санитарные повозки и все походные кухни и по 10 парных повозок на каждый штаб дивизии». Всё остальное снаряжение следовало передать представителям советских войск на железнодорожных станциях, в первую очередь в Курске, Белгороде, Воронеже, Ельце, Тамбове⁶⁴.

Сам В.А. Антонов–Овсенко спешно прибыл в Курск 12 марта, где застал сложные взаимоотношения между Р.Ф. Сиверсом и курским Совнаркомом: «курские товарищи лишь после долгих разъяснений поняли необходимость единовластия на фронте и согласились ограничиться обслуживанием армии Сиверса».

Красные войска представляли собой, по сути, партизанские формирования, не отличавшиеся дисциплиной. В докладе о положении дел на фронте прямо говорилось: «Войска деморализованы, бегут от мелких германских и украинских частей, и во время бегства терроризируют население, грабя и насилуя мирных жителей и беззастенчиво реквизируя всё, что попало под руку, чем сильно восстанавливают население не только против себя, но и против советской власти. Известны случаи, когда выведенное из терпения население, вооружившись, нападало само на насильников и разогнало целые отряды. Одна из важных причин разложения лежит в полном отсутствии всякой планомерной организации, или, вернее, в наличии массы мелких организаций, друг с другом не координированных и друг другу противоречащих. Существует масса мелких отрядов со своими штабами, есть масса разного рода начальников, руководителей, комиссаров и сверхкомиссаров, а войска нет. Более устойчивые части заражаются от частей уже разложившихся, и поэтому посылаемые небольшими пакетами подкрепления никакой пользы не приносят»⁶⁵.

О некоторых подобных отрядах даже сами советские историки и мемуаристы отзывались как о разбойничьих шайках. Так, ветераны борьбы за Советскую власть в Дмитриевском уезде утверждали, что упомянутый в приказе Сиверса командующий сводными колон-

64 Там же. С. 47.

65 РГВА, ф. 39242, оп. 1, д. 1, л. 260 (<http://alwin.livejournal.com/296393.html>).

нами Ремнёв, якобы «поддерживаемый кулачеством... разгонял советы, устраивал крушения поездов и т.п.»⁶⁶. При этом мемуаристы ни словом не упоминают о том, что А.О. Ремнёв был одним из видных красных командиров, а также известным революционером с подпольным стажем⁶⁷. Его 2-я Особая армия успешно действовала

66 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 37об.-38.

Колоритный эпизод с попыткой Ремнёва наложить контрибуцию на Дмитриев красочно изложен одним из организаторов Советской власти в уезде, Л.П. Чубуновым:

«Однажды во время заседания уездного исполкома в зал к нам вошло пять человек, вооружённых винтовками и револьверами. Один из них, как потом выяснилось, был атаман банды Ремнёв. Он подошёл к столу президиума и грубо спросил: «Кто здесь будет председатель?» Ему указали на председателя, а затем в свою очередь спросили, кто он и что ему нужно. «Кто я такой — это вас не касается, — заявил Ремнёв, — нужно же мне 100 тысяч рублей и то золото, что вы отобрали у купцов и дворян, по-вашему — буржуев»... Ему ответили, что исполком закончит рассмотрение вопроса, который сейчас обсуждает, а затем разберёт его просьбу. Ремнёв заявил: «Не вздумайте нас долго задерживать, дорого обойдётся: на станции у нас большая сила»... Он сел на стул, зажал между ног винтовку и на колени положил маузер. Остальные четыре бандита стали у дверей, держа наготове оружие. Пока в президиуме разговаривали с Ремнёвым, [военком] Будников незаметно выскользнул через запасную дверь из зала [и позвал на помощь]... Один из членов президиума попросил у Ремнёва спички, чтобы прикурить. Когда Ремнёв протянул их, член президиума схватил его за руку. Тут же двери распахнулись и в зал вбежали красногвардейцы, приведённые Будниковым». После этого, якобы, Ремнёв был арестован, а 200 человек его отряда, оставшиеся без командира, — разоружены (*Чубунов Л.П.* За власть Советов! // Простор. — 1957. — № 6. — С. 28).

Следует отметить, что при всей живости и красочности описаний воспоминаниями Л.П. Чубунова следует пользоваться с большой осторожностью, поскольку в них отчётливо просматривается склонность автора к чрезмерному подчёркиванию собственной роли и к откровенной мифомании. Явные следы этого видны и в изложении данного эпизода. Дмитриевский исполком никак не мог арестовать Ремнёва, который был отозван в Москву и уже там взят под стражу. Речь может идти, скорее, о разоружении одного из отрядов распавшейся после отъезда командующего армии. Аналогичные сведения приводит и другой мемуарист: «В районе этом оперировал отряд бандита Ремнёва. Собранный из дезертиров-бунтовщиков, бежавших с фронта целыми эшелонами, отряд грабил население, вырезал целыми семьями евреев, на жел.-дор. станциях разгонял всю администрацию и устраивал крушения поездов. Однажды мне на ст. Навля пришлось обезоружить целый эшелон ремнёвцев. При обыске у каждого из них было обнаружено под рубахой и тетрами толстые пачки бумажных денег, главным образом «керенок». Эшелон под конвоем был отправлен в Брянск» (*Купринов С.* Из революционных дней. Дмитриевский уезд // Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 18-19).

67 Ремнёв Афанасий Осипович (1890 — 4 августа 1919) — уроженец с. Лапино Тамбовской губернии, член РСДРП(б) с 1905 г. Работал конторщиком на ж.-д. ст. Брянск и за революционную деятельность был сослан в Сибирь. Отбыв ссылку, вернулся в Брянск, где работал приказчиком в лавке. Участник 1-й Мировой войны, прапорщик 703-го Сурамского (25-го гренадерского) полка. В 1917 г.



1. *Немецкие солдаты на Украине. Фотография 1918 г.*
2. *А.О. Ремнёв. В 1918 г. командовал 2-й Особой армией. Фотография 1916 г.*
3. *Гетман П.П. Скоропадский со штабом осматривает Серожупанную дивизию. Август 1918 г.*

против войск Центральной Рады, сыграла видную роль при взятии советскими войсками Киева. При отступлении под натиском германско-украинских сил «Отряды, входящие в эту армию... в боевых действиях оказывали должное сопротивление немцам, несмотря на свою малочисленность. Особых эксцессов по отношению к командному составу и к населению не наблюдалось»⁶⁸. Правда, с точки зрения противников, эти красногвардейские отряды находились под командованием «арештанта и душогуба Ремнёва... Ремнёв це була правдива звірюка, котрый наліво і направо страшно мордував всіх, хто не був большевик»⁶⁹. Так характеризовал красного командующего И.П. Рогатинский, ставший свидетелем кровавого еврейского погрома, устроенного ремнёвцами 6–8 марта в Глухове.

«Армия» А.О. Ремнёва, как и другие подобные красногвардейские формирования, представляла собой конгломерат отдельных отрядов (Сосницкий, Глуховский, Крупецкий, Киевский, 1-й Сводный, 3-й Революционный, Путивльский, Конотопский). Откатившись от Киева к северо-восточным пределам Украины, она занимала позиции по линии Крупец, Холопки, Шостка, Короп, Глухов. Только личность самого командарма могла спаять эти полуанархические отряды в единую боеспособную единицу. Но 15 апреля А.О. Ремнев «упал с лошади и сильно ушибся. Его подобрали почти без чувств и отправили в Хутор-Михайловский, а оттуда он уехал в Москву, за себя оставив заместителями тт. Семёнова и Смирнова, которые совсем не в курсе дела». В результате на позициях 2-й Особой армии почти мгновенно воцарился хаос. При виде немногочисленных германских разведов красногвардейцы обратились в

активный участник революционного движения в армии и событий 4 июля в Петрограде, был арестован Временным правительством. Весной 1918 г. командовал красными отрядами в боях против немцев и войск Центральной Рады на Украине, затем – командующий 2-й Особой армией на Брянском направлении. По обвинению в развале фронта и грабежах в апреле 1918 г. отдан под трибунал и отозван в Москву. Здесь был арестован, а после того, как у него «появились признаки душевной болезни», переведён в больницу Бутырской тюрьмы, затем в окружную психиатрическую лечебницу, при помощи персонала которой весной 1919 г. совершил побег. Вторично арестован в с. Нарышкино Самарской губ., где скрывался под именем своего двоюродного брата Якова Михалина, работая у местного священника Константина Ахматова. По приговору реввоенсовета 4-й армии приговорён к расстрелу, «как аферист и контрреволюционер». Приговор приведён в исполнение в ночь на 4 августа 1919 г. (*Федосов А. Яд платиновой чаши* // *АиФ-Брянск*, 2005, № 28–29).

68 РГВА, ф. 39242, оп. 1, д. 1, л. 262 (<http://alwin.livejournal.com/296393.html>)

69 *Блокін С.І. Глухівська трагедія* // *Сіверщина в історії України*. Випуск 2. *Матеріали Восьмої науко-во-практичної конференції* (Глухів, 15–16 жовтня 2009 р.) – Київ–Глухів, 2009. С. 163.

паническое бегство: «наши отряды отступили на ст. Глухов, а тт. Семенов и Смирнов отдавали приказания по аппарату всем отрядам, чтобы они отступали, так как они увидели в Х.-Михайловском 3-х немецких разведчиков, и началось позорное бегство на ст. Зерново, а с Зерново на ст. Навль, а оттуда на Брянск, где их тов. Сытин и стал обезоруживать и арестовывать при помощи 1-го Киевского Сводного отряда. На ст. Зерново, когда собрались отряды, то 3-й Революционный отряд забрался в местечко с другими отрядами и стали учинять еврейский погром: грабили и убивали что попадетса под руку; и их 1-й Киевский отряд несколько человек расстрелял и тем самым наладил немного дела»⁷⁰.

Не лучшим образом обстояли дела и в других частях войск Сиверса.

Наиболее опасным для красных Бахмачским направлением командовал Шаров, штаб которого располагался в Путивле. «Силы Шарова были ничтожны, — констатирует В.А. Антонов-Овсеевко. — ...Шаров пытался развить серьёзную работу по формированию новых частей, особенно в Конотопе и Путивле, — настроение окружающих крестьян было чрезвычайно нам благоприятно, но надёжных кадров не было. Лихорадка тревоги шла с фронта впереди немецкого вторжения. И призывы Шарова «всем, всем — стать под знамёна своего вождя», «главкома партизанских отрядов», оставались почти безрезультатны»⁷¹. Более того, своими распоряжениями в тылу Шаров «лишь увеличивал нарастающий хаос фронта». Он принялся именовать себя «главком по борьбе с контрреволюцией», неумолимо издавал приказы, грозящие расстрелами всем и каждому, а 12 марта, находясь в состоянии похмельного раскаяния, повелел конотопскому коменданту уничтожить все спиртные напитки, поскольку «алкоголь — зло для революции»⁷². Обороноспособность его участка от всей этой бурной деятельности ничуть не повышалась.

Между тем чехословацкие части утром 14 марта оставили свои позиции и, погрузившись в эшелоны, стали покидать Украину. Встревоженный ситуацией на фронте, В.А. Антонов-Овсеевко срочно выезжает из Курска в Конотоп. По пути он обнаруживает, что на всех станциях движением эшелонов распоряжаются чехословацкие комендатуры. В Путивле командующего встречает Шаров — «невзрачный, всклокоченный, с тем сумасшедшим, воспалённым от усталости и непрерывного напряжения видом, кото-

70 РГВА, Ф. 39242, д. 1, оп. 1, л. 3 (<http://alwin.livejournal.com/289697.html>).

71 Антонов-Овсеевко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. — М., 1928. — С. 50.

72 Там же. С. 55.

рый неопытным глазом может быть принят за «нетрезвый». Он сообщает, что его силы «все рассеялись», в Путивле он имеет два шестидюймовых орудия без лошадей и 45 человек прикрытия⁷³. В.А. Антонов–Овсеенко передал Шарова в подчинение Сиверсу, как «начальника авангардной позиции», хотя это не спасло положения – путивльский «главком» продолжал рапортовать о формировании всё новых и новых призрачных частей, а тем временем на него «поступали серьёзные жалобы на его самоуправство и заявления об его грабежах». Наконец, к 25 марта Шаров был смещён со своего поста и послан в Крым.

Сознавая недостаточность своих сил для серьёзных военных действий, 16 марта 1918 г. Р.Ф. Сиверс приказал своей «армии» перейти к активной обороне:

1. Командующему сводными колоннами т. Ремнёву – на участке ж.д. Михайловский Хутор – Мельня до Конотопа.
2. Начальнику авангардной позиции у Путивля – Грузское т. Шарову.
3. Начальнику южного боевого участка у Григоровки т. Примкову.

Прочим частям сосредоточиться в Ворожбе для организации колонн.

На случай сильного наступления противника подрывным командам немедленно приступить к минированию крупных железнодорожных мостов. В случае такового наступления отрядам отходить, концентрируя, уничтожая ж.д. и станции»⁷⁴.

Путь отступления для украинских отрядов был один – в пределы Курской губернии. Понимая это, Курский военно–революционный полевой штаб в тот же день 16 марта издал приказ № 6 о срочном наборе добровольцев для отражения «вражеских войск, состоящих из гайдамаков и австрийских ударников». В приказе выражалась ничем не обоснованная уверенность в том, будто «неприятель, идущий сравнительно небольшими силами, может быть с успехом отражён как можно скорее, если куряне не хотят, чтобы жилища их семей и их достижение подверглись разгрому». Не уповая лишь на сознательность сограждан и опасаясь, что приток добровольцев может оказаться не столь мощным, как ожидалось, предусматривалось «объявить обязательную трудовую повинность специалистов артиллеристов»⁷⁵.

73 Там же. С. 56.

74 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн.1. – Киев, 1967. – С. 47–48.

75 Гражданская война в ЦЧО в документах и материалах. – Воронеж, 1931. – С. 125.

Тем временем германские войска всё ближе подступали к границам губернии. 21 марта части 45-й и 16-й дивизий ландвера при поддержке 1-й Баварской кавалерийской дивизии заняли Ромны, Лохвицу и Хорол, что вызвало паническое бегство красных частей из Ромодана. И без того непрочная линия фронта стала разваливаться на глазах. В своём рапорте от 24 марта Р.Ф. Сиверс сообщал: «на фронте 5-й армии Конотоп занимают гайдамаки, Ромны — немцы. По последним сведениям, через Гадяч уходят войска нашей 4-й армии, у Лохвицы был бой, нами оставлено много военного имущества. На левом участке против Ромны — наша кавалерия и немного пехоты. На среднем участке у Сумы нач. участка Потапов ранен в голову предательским выстрелом. Объявлено осадное положение, работают броневики. На правом участке — Грузское, Путивль, Чечки в наших руках. Противник пассивен на всём фронте армии. Замечается некоторое неподчинение». Цитируя данный рапорт, В.А. Антонов-Овсеенко меланхолично замечает, что теперь «рассчитывать на активность со стороны 5-й армии не приходилось»⁷⁶. Он и сам ещё не знал, насколько был прав в этой оценке.

29 марта пала Полтава со всеми её обширными запасами военного имущества. Красные части заняли оборону вдоль противоположного берега Ворсклы, но не смогли там удержаться более суток. В этот же день от Сиверса поступило известие о падении Путивля. Обстоятельства взятия города В.А. Антонов-Овсеенко называет «крайне характерными для нашей тогдашней военной неопытности»:

«Начальник сторожевого охранения, командир 1 бат. Петроградской красной гвардии Васильев, при первом же известии о движении немцев на Грузское, где они починили взорванный нами ж.-д. мост, заявил командарму, что держаться не может и, получив разрешение штаба, отошёл на 9 вёрст к востоку от Грузское. Но и отсюда без всякого давления со стороны противника продолжал звать о подкреплении.

Сиверс, подготавливавший на следующий день наступление в Грузское особо выделенной ударной группой, предписал этой ударной группе перейти из резервного положения в Белополье в Путивль, чтобы ночью служить опорой сторожевому охранению. На станции Путивль сверх того были погружены в эшелоны две батареи. Они не были выдвинуты на позиции «ввиду ненадёжности прикрытия». Сиверс предписал отодвинуть эти батареи за разъезд к востоку от Путивля и заминировать мост к западу от Ворожбы. Но батареи были задержаны в Путивле комендантом станции, сторожевка отошла

76 Антонов-Овсеенко В.А. Записки о Гражданской войне. Т. 2. — М., 1928. — С. 122.

ночью также в Путивль, куда прибыли и 2 роты из ударной группы. Начальник сторожевого охранения уверял подошедший резерв, что в сторону неприятеля выставлена застава и что опасности нет. На деле никакого охранения выставлено не было.

Утром к станции Путивль подошёл неприятельский броневик в сопровождении отряда пехоты. Начальник нашей сторожевки не дал никаких распоряжений. Под сильным обстрелом наши бросились в панике бежать. В Путивле остались два артиллерийских и три пехотных эшелона»⁷⁷.

Паника охватила и части, стоявшие вне Путивля. Сиверс сообщал, что «несмотря на приказы, деморализованная масса не была в состоянии ничего делать, как только ехать в Курск». В итоге к 12 часам ночи он вместе со своим штабом взорвал мосты и отошёл от Ворожбы на Коренево. Оценив свои силы, он понял, что в его распоряжении всего «боевых 50 ч. пехоты и 40 ч. кавалерии, больше ничего». Осознав же, что «ответственности за боевой участок нести не в состоянии», он телеграфировал отсюда в Курск Е.Н. Забицкому:

«Ввиду обнаружившейся полной небоеспособности и дезорганизации отрядов, уезжающих сейчас в Курск, прошу принять все меры к их полному расформированию, и все отряды, кои будете высылать на Курский фронт, прошу формировать исключительно на принципе строгой дисциплины и подчинённости командному составу. Начальников назначать вполне знакомых с военно-боевым делом и энергичных. Путивльское поражение было следствием отсутствия этих начальников. Гарантирую вам упорную оборону подступов на Курск при соблюдении этих условий»⁷⁸.

Известие о падении Путивля вызвало панику и в Сумах, где «сильный отряд Потапова, без всякого давления со стороны противника, бросился в эшелоны и бежал к Белгороду, открывая германцам прорыв сквозь затеянную нами оборонительную линию».

Между тем германо-австрийские войска при поддержке отрядов Центральной Рады методично выдавливали красных с территории Украины — к 2 апреля были оставлены Сумы и Ахтырка, 4 апреля был сдан Екатеринослав, 8 апреля пал Харьков, а к началу мая 1918 г. германо-украинские войска овладели Донбассом. Красные украинские отряды отступили на территорию РСФСР. Вслед за этим в пограничной зоне между Советской Россией и Украиной разгорелись упорные бои, в ходе которых некоторые населенные пункты по несколько раз переходили из рук в руки.

77 Там же. С. 138.

78 Там же. С. 139.

Ситуация осложнялась ещё и тем, что в этот момент по железной дороге из Бахмача и Ворожбы через Курск на Конотоп двигались части чехословацкого корпуса, с которыми местные красные отряды то и дело вступали в вооружённые столкновения⁷⁹.

Сложная ситуация сложилась под Обоянью. В четверг, 20 марта 1918 г. село Гюряиново, находящееся в непосредственной близости от города, было занято подразделением германских войск (150 штыков, 5 пулемётов, 2 орудия). Противостоять им могло всего 20 бойцов Обоянской караульной роты. В итоге «власть эвакуировалась по направлению в Курск». Замешкался лишь Н.И. Колесниченко, поскольку «шоффер умышленно испортил автомобиль; обыватели хотели его арестовать, один даже выстрелил (Винокуров). Но тут показался с отрядом Клименко и он еле уехал на какой-то подвернувшейся подводе». Судя по ряду глухих упоминаний, причиной падения Советской власти в Обояни было не столько вторжение немцев, сколько восстание самих обоянских «обывателей». Об этом говорят и попытки ареста товарища Колесниченко, и то, что после стремительной эвакуации советских функционеров ситуацию в городе контролировала некая «пресловутая белогвардейская охрана с белыми повязками, организованная Скрипченкою, в числе коей находился бывший комиссар эсэр Сергеев».

Немцы в городе задержались всего на сутки. Однако, опасаясь возвращения красных, новые городские власти предпочли призвать германское командование выделить для Обояни собственный гарнизон. С этой целью делегация во главе с уже упоминавшимся Скрипченко (правый эсер, бывший уездный комиссар)

79 Отдельный Чехословацкий корпус был сформирован в 1917 г. из чешских военно-политических и перебежчиков. Основой ему послужила Чехословацкая добровольческая дружина, созданная ещё в 1914 г. из российских подданных чешского происхождения. В ходе войны она была развернута в полк, затем в бригаду и, наконец, в дивизию. Созданный на этой базе корпус насчитывал в своих рядах около 30 тыс. человек и находился под командованием генерал-майора В.Н. Шокорова. После заключения Брестского мира он был объявлен автономной частью французской армии и начал движение на восток, чтобы через Сибирь и Тихий океан попасть на франко-германский фронт. В 1918 г. участвовал в боях против наступающих австро-германских частей на Украине. Сыграл важную роль в консолидации антибольшевистских сил в Поволжье и Сибири.

А.Л. Ратиев отмечает в своём дневнике: «Из военной комендатуры... к нам в дом прислали постояльца, офицера из штаба чешских войск — капитана Удовенко, с приказом отвести ему отдельную комнату. От него — он капитан Генерального штаба, узнаём, что к нам в Курск направляются какие-то чешские отряды. «Что они из себя представляют? Ухудшится ли с их прибытием наше положение?» Можно ли верить Удовенко, который нас заверяет, что дисциплина в их отрядах полностью сохранилась? Ничего другого сообщить он нам не может» (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 143.).

постаралась доказать командиру германского подразделения, что Обоянь — украинский город. В качестве доказательств был приведён ряд характерных обоянских фамилий («Синча, Николаенко, Мирошниченко, Андрейченко-цыган»), указано, что севернее города находятся «чисто-украинские сёла», а в самой Обояни работает театральная кружок с явно украинским названием «Спилка». Немцы, дав предварительно пару орудийных выстрелов по городу из с. Афанасьево, повторно заняли Обоянь. Однако буквально на следующий день партизанский отряд Громова, заняв позиции «на Казацком и Пушкарском полях», предпринял артиллерийский обстрел города («начал крыть и кстить Обоянь артиллерией»). Орудия двух артиллерийских батарей наводил унтер-офицер старой армии Никанор Алтунин, уроженец с. Стрелецкого под Обоянью⁸⁰. При этом на протяжении одного дня по Обояни им было выпущено около тысячи снарядов. В итоге немногочисленные немцы вынуждены были отступить, отойдя на 40 вёрст южнее. Продвинуться далее и на этом направлении советским войскам не удалось⁸¹. Зато, войдя в освобождённую Обоянь, «возбуждённые партизаны» товарища Громова тотчас расстреляли ряд горожан, которые неосторожно «попались им на глаза». Жертвами этой мести пали акцизный чиновник Рашке, помещик Витавский, городской голова Король и уездный врач Шибает⁸².

После этого «красногвардейские и партизанские отряды, действовавшие на участке Льгов — Коренево, Льгов — Суджа, занимали оборону на рубеже Кремяное, Малая Локня, Черкасское, Поречное; Дмитриевский отряд выдвинул одну роту с пулеметом к деревне Степановке. Резервы отрядов располагались в населённых пунктах: Верхняя Груня, Шептуховка, Погребки, Киреевка. Общая численность наших отрядов определялась в 2 тысячи бойцов с бронелетучкой, двумя орудиями и легкой батареей. Кроме того, из Курска в распоряжение командующего участком прибывал бронепоезд»⁸³. В итоге боёв на этом рубеже линия фронта стабилизировалась. Попытки германцев продвинуться в направлении Льгова были успешно отражены, и противник был вынужден отсту-

80 *Бахмут В.* Бой за Обоянь // Молодая гвардия. 14 апреля 1973 г.

81 Из информационного листа организационно-информационного отдела Московского областного комиссариата по военным делам о формировании воинских частей в Курске // Борьба за установление и упрочение советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 191.

82 Обоянские события живо изложены их очевидцем: *Летопись революционной борьбы в Курской губернии.* — Курск, 1923. — С. 32–33.

83 *Добыкин Д., Конаков А.* Победный путь. Очерк о боевом пути 9-й стрелковой (бывшей 1-й Курской советской) дивизии. — Курск, 1961. — С. 18.

пить обратно в сторону Коренево. На участке Суджанского отряда упорные бои развернулись под Малой Локней. В их итоге противник отошёл к Лебедёвке.

На участке Белгородского партизанского отряда немцы перешли в наступление на станцию Гостищево. Отряд С.Л. Губарева, прибыв со станции Сажное, организовал засаду на кладбище у села Гостищево и выслал группу бойцов для взрыва железнодорожного пути, чтобы задержать немецкий эшелон и бронепоезд. Первоначально действия партизан были удачны, однако под натиском превосходящих сил противника (германцы сосредоточили против них три батальона) отряд понёс тяжёлые потери и отступил. Сам Губарев был контужен, а его партизаны сконцентрировались вокруг ст. Беленихино.

В Грайвороне повторилась обоянская история с добровольным приглашением германских войск. По свидетельству Л.А. Краснокутского, «уисполком вместо того, чтобы сделать какое-либо сопротивление, наоборот, решил пригласить немецкие войска, которые находились в Богодухове, и ночью отправились в Богодухов представители от уисполкома Лохвицкий, от городской управы Машков и не помню кто ещё третий, которые переговорили с немецким комендантом и потом, возвратясь, начали провоцировать население, вследствие чего гвардия разбежалась, оставив 2 пулемёта. Уисполком разбежался тоже, оставив 2 пулемёта и много другого оружия. Милиция тоже разбежалась, вследствие чего на третий день был занят г. Грайворон отрядом гайдамаков в числе 36 чел. без всякого сопротивления». Попытка местных большевиков поднять восстание не удалась, поскольку «много товарищей беспартийных вышло из отряда». Оставшиеся красногвардейцы похитили из здания уисполкома 36 винтовок, 4 000 патронов и 2 пулемёта, после чего «перешли в Курск и влились в ряды Красной Армии»⁸⁴.

Германо-украинские войска глубоко вторглись в пределы южной части Курской губернии и 8 апреля начали артиллерийский обстрел Белгорода, прервав линию телефонной связи города с Курском и Москвой. Высший Военный Совет республики придавал Белгородскому направлению особое внимание, издав 9 апреля специальное распоряжение:

«Удержание Белгорода возлагается на ответственность руководителя Курского отряда Забицкого... Курский отряд должен, кроме того, обеспечить удержание Льгова и направлений на Курск от

84 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. – Белгород, 1967. – С. 117.

Суджи и Обояни. Повторяю, что Белгородскому [направлению] принадлежит выдающееся значение, а Льгов следует удержать по соображениям тактическим...»⁸⁵

Непосредственно обороной Белгорода руководил М.Е. Трунов. Под его руководством партизаны оказывали противнику ожесточённое сопротивление. Согласно рапорту В.А. Антонова–Овсёенко, «особенно упорно заседал противник на Белгород. Предместья его дважды переходили из рук в руки. Огнём артиллерии немцы зажгли город»⁸⁶. Наконец, 10 апреля германско–украинские войска обошли город с трёх сторон, создав угрозу полного окружения, и Трунов был вынужден дать приказ об отступлении. Белгород был сдан. Вслед за этим немцы вошли в Суджу, 13 апреля 1918 г. было оставлено Коренево, а на другой день – Рылск. Партийные и советские органы Рылского уезда были вынуждены перебраться в с. Капыстичи. В результате стремительного продвижения неприятелем были полностью заняты Белгородский, Путивльский и Грайворонский уезды, большая часть Рылского уезда, а также часть Суджанского и Корочанского уездов, что в целом составляло треть всей территории губернии.

Устанавливая свой контроль над захваченной территорией, украинские власти, опираясь на силу германской армии, в первую очередь стремились ликвидировать все советские нововведения. Украинский комиссар Харьковской губернии, в состав которой были включены оккупированные южные уезды Курской губернии, издал 16 и 20 апреля два предписания, подтверждённые приказом германского генерала Менгельбира от 22 апреля 1918 г. В них содержались следующие пункты:

- «1. Все прежние декреты и приказы большевистского правительства, а также все постановления и приговоры, изданные народными судами, народными судьями и революционными трибуналами, объявляются недействительными.
2. Все имущественные права, основанные на вышеуказанных декретах и распоряжениях, теряют свою силу и возвращаются к первоначальному положению.
3. Лица и население, захватившие чужое имущество, должны возвратить всё захваченное прежним владельцам или их законным наследникам в трёхдневный срок».

Подкрепляя эти требования, генерал Менгельбир объявлял:

85 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. – Белгород, 1967. – С. 275.

86 Там же. С. 277.

«Каждое нарушение постановлений комиссара будет пресекаться в корне. Грабёж и расхищение, вообще всякое незаконное присвоение чужого имущества, также домов и крестьянских хозяйств, ни в коем случае не могут быть допущены. Виновные должны быть задержаны и переданы украинскому суду»⁸⁷.

Однако, как показали последующие события, вернуть ситуацию «к первоначальному положению» ни в трёхдневный, ни в трёхмесячный срок было уже невозможно. Стихию революции оказалось невозможно обуздать ни гайдамацкими, ни немецкими штыками.

Против немецких и украинских частей действовал ряд партизанских отрядов различной численности. Так, например, в с. Агарково располагался штаб Дмитриевского отряда под командованием И.П. Рагулина и С.А. Федюшева. В Капыстичах был сформирован отряд Ляхова, в Ивановском стоял Львовский отряд Ф.Д. Васильева, насчитывавший до 1000 человек при 4 лёгких орудиях и 8 пулемётах. Подобные отряды формировались повсеместно. Например, на экстренном заседании Корочанского Совета народных комиссаров 4 мая 1918 г. было принято решение «предложить волостным Советам народных комиссаров организовать при каждой волости в целях защиты Советской власти, охраны местности и прекращения вывоза хлеба из пределов Корочанского уезда в районы, занятые немцами, боевые отряды из сознательных граждан в числе не менее 10 человек. Эти отряды по мере надобности направляются в те местности, которые нуждаются в охране. По формированию отрядов таковым будет выдано оружие из Корочанского военно-революционного штаба; денежные же средства на содержание отрядов, их обмундирование и на обеспечение семейств будут отпущаться центральным Советским правительством»⁸⁸.

Первоначально общее командование красногвардейскими отрядами, действовавшими против германо-украинских войск, находилось в руках П.С. Немцева. По воспоминаниям современников, это был «курянин, большевик, человек лет 32, общительный, достаточно решительный, в военном отношении был недостаточно подготовлен для такой высокой должности, которую занимал... Начальником штаба у Немцева был Иосиф Попов, человек заносчивый и крикливый. Он был плохим помощником для своего командира. Постоянно был в разъездах, отлучках. Штабное дело не знал и не любил... в штабе не было нужных руководящих военспецов. Появились они позднее, в мае. Не было... политических руководи-

87 Там же. С. 281–282.

88 Там же. С. 284.

телей. Прибыли они на фронт позже при реорганизации отрядов и сведения их в полки, бригады, дивизии»⁸⁹.

В результате бурных апрельских событий в Курске главнокомандующим войсками губернии стал М. В. Слувис, прибывший во Льгов в середине апреля. Здесь он созвал совещание командиров. «Заслушав доклады каждого, задавал им ряд вопросов. Многим остался недоволен. В заключение он сказал, что всем надо быть «начеку», удвоить бдительность, ожидать наступления противника. В некоторые отряды приказал выдать дополнительно боеприпасы. Все внимание было обращено на направление Коренево — Рыльск, на котором было сосредоточено большое число отрядов. На Суджанском направлении был оставлен небольшой заслон. Предполагалось, что со стороны Готни немцы не будут продвигаться в сторону Льгова.

Слувис получил указания перейти в наступление и занять Коренево и Рыльск. Он решил нанести главный удар по Рыльску, развивая наступление в дальнейшем на Крупец, Глухов. В это время из Курска во Льгов прибыл кавалерийский эскадрон под командованием бывшего офицера Коршуна–Осмоловского. Отряд и его командир производили хорошее впечатление. Перед наступлением руководство штаба переехало в Ивановское, имение князя Барятинского, которое охранялось сильным отрядом матросов, прибывших из Петрограда. В Ивановском Слувис провел краткое совещание с командирами отрядов, каждому была поставлена определенная задача»⁹⁰.

Наступление на Рыльск велось по нескольким направлениям. Со стороны Волынской горы через р. Рыло двигался отряд Рагулина. Львовский отряд Васильева в то же время наступал из Ивановского через Боровское. В Рыльске противник располагал силами численностью до одного батальона. В бою у Боровского партизаны одержали победу, но среди убитых они потеряли и своего командира Ф.Д. Васильева.

Однако немцы оставили Рыльск только после того, как наступающие с запада партизаны начали выходить на дорогу Рыльск — Глушково, а Львовский отряд пересек дорогу Рыльск — Коренево, угрожая взять противника в кольцо. Вслед за этим 25 апреля Рыльск был занят красными частями, которые продолжили преследование противника в сторону Крупца, на подступах к которому насту-

89 *Луцин Б.М.* Борьба с немецкими оккупантами на Курской земле (1918 г.) // Курские мемуары. № 2. — Курск, 2002. — С. 6.

90 Там же. С. 10.

пление красных захлебнулось, столкнувшись с упорной обороной регулярных германских частей⁹¹. Отрядам Слувиса приходилось беспокоиться и за свой тыл. Как вспоминает Б.М. Гуцин, «ночью ко мне в комендатуру явилось несколько взволнованных граждан. Это были рабочие. Они сказали, что им известно – в городе организуется контрреволюционное выступление офицерства. И им, рабочим, необходимо сейчас же выдать оружие для ликвидации выступления белогвардейщины. После колебаний я поверил им и разрешил выдать оружие. Все окончилось благополучно. Белогвардейского выступления не было»⁹².

Между тем под Коренево и Крупцом наступление красных остановилось: «У противника оказалась сильная артиллерия, которая и решила исход боя. Когда же выяснилось, что немцы со стороны Коренево наступают на Рыльск и наши части могут быть отрезанными, Слувис дал указания оставить Рыльск и отойти за Сейм. Отряды отошли на исходные рубежи. Резервов у Слувиса не было. Поэтому наступление без подкрепления и поддержки с флангов и тыла захлебнулось. Слувис со штабом через Ивановское вернулся во Льгов»⁹³.

Хотя 28–29 апреля 1918 г. в Киеве произошёл государственный переворот и власть перешла от свергнутой Центральной Рады в руки гетмана П.П. Скоропадского, ситуация на российско-украинской границе ничуть не изменилась. 29 апреля в Курск прибыла делегация Советского правительства, задачей которой было организовать мирные переговоры с немцами и украинцами. Возглавляли её И.В. Сталин и Х.Г. Раковский. В тот же день представители Курского совета А.М. Чайкин и Б.М. Гуцин прибыли в Коренево. Переговоры продолжались с 30 апреля по 4 мая и велись непосредственно секретарём мирной делегации П.А. Зайцевым, начальником штаба войск Курского района К.П. Зильберманом и комиссаром Курского района Н.П. Вишневецким. С германской стороны присутствовали командир 482-го пехотного полка майор фон Ранненберг–Липальски, ординарец 10-го уланского полка поручик Кёниг и полковой адъютант подпоручик Дистель. Итогом стало заключение 5 мая перемирия на Львовско–Рыльском боеучастке и решение о продолжении переговоров, местом проведения которых был назначен Конотоп. Условия соглашения включали в себя следующие пункты:

91 *Семов А.* Этих дней не смолкнет слава // За изобилие. 7 ноября 1968; *Просецкий В.А.* Рыльск. – Воронеж, 1977. С. 88–90.

92 *Гуцин Б.М.* Борьба с немецкими оккупантами на Курской земле (1918 г.) // Курские мемуары. № 2. – Курск, 2002. – С. 10.

93 Там же. С. 11.

- «1. Установлена нейтральная зона в ширину 10 километров, которую обе стороны не должны переходить. С германской стороны эта зона идёт по линии Суджа – Любимовка – Коренево и железная дорога Коренево – Рыльск. На русской стороне по линии Мазеповка – Степановка – Нижняя Груня и пересечение железной дороги Коренево – Льгов и дороги Александровск – Скрылёвка – Кремяное – Малая Локня – Черкасское Поречное – Курочка – Шинавка – Пушкарское – Русская Конопелька.
2. Вышеозначенную зону не должны переходить никакие охраняющие или разведывательные патрули с обеих сторон.
3. Реквизиция продовольственных припасов в нейтральной зоне воспрещается каждой из сторон, а также частным лицам.
4. Обе стороны не отвечают за переход через обозначенные границы частных лиц.
5. Границы зоны недоступны и лётчикам.
6. С момента подписания этого договора обе стороны гарантируют, что больших боевых действий предприниматься не будет»⁹⁴.

Вскоре аналогичные соглашения были достигнуты также на Белгородском, Брянском и Воронежском участках⁹⁵. Делегация во главе с П.А. Зайцевым выехала для продолжения переговоров в Котопи, а затем, в сопровождении германского лейтенанта Паака, — в Киев. Только здесь, 7 мая, советским дипломатам стало известно о смене власти на Украине.

Одновременно принимались всё более активные меры по упорядочению военного строительства. 2 мая был создан Курский губвоенкомат. 5 мая все действовавшие на фронте войска были подчинены Военному совету Курского отряда. Все командующие «армиями» стали простыми начальниками отрядов. С 10 мая все части Курского гарнизона стали приводиться к присяге. Бойцы, не желающие принести присягу, разоружались и распускались по домам. 10 мая начались регулярные занятия солдат по воинской подготовке. Для штабной работы стали привлекать бывших офицеров⁹⁶.

94 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 136–137.

95 Бугров Ю.А. Участие населения Курской губернии в отражении агрессии кайзеровской Германии против Советской России (весна 1918 г.) // Армия в истории России. Материалы межвузовской научной конференции (23 мая 1997 г.). — Курск, 1997. — С. 76.

96 Из отчета военрука Курского отряда о формировании и состоянии войск губернии в 1-й половине мая 1918 г. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 41.

Установившееся перемирие то и дело нарушалось. Историки 9-й дивизии так описывают один из подобных эпизодов: «В первой половине мая 1918 года разведка 1-го Дмитриевского партизанского советского полка, входившего в состав 2-й бригады, установила, что немцы готовят наступление из Рыльска на Дмитриев по шляху через деревни Высторонь, Конопляновка. 13 мая рано утром было замечено, что из Рыльска через слободку выступила немецкая разведка, за которой последовали передовые подразделения в направлении деревень Высторонь и Волынка. В это время 1-й батальон Дмитриевского полка занимал деревню Конопляновку и село Асмолово, 2-й батальон — населенные пункты Кострова, Никольниково, Агарково; 4-я рота Яцына — роту «Галкино» в одном километре западнее деревни Высторонь.

В 13 часов около двух батальонов немцев и гайдамаков с двумя орудиями прошли Высторонь в направлении на Конопляновку и Тураево и выдвинули заслон к деревне Садки. 2-й батальон, подпустив противника на 600 метров, открыл пулеметный огонь, одновременно обстреляла врага наша артиллерийская батарея, находившаяся за деревней Агарково. Немцы ответили пулеметным и артиллерийским огнем по Конопляновке и перешли в наступление. Но эту попытку врага сорвал 1-й батальон, встретивший немцев сильным ружейно-пулеметным огнем.

В это время рота Яцына стремительной атакой сбила заслон немцев у Высторони, заняла северную окраину деревни, захватив здесь повозки с боеприпасами. Также сорвалась попытка немцев наступать из деревни Садки на Кострову. Здесь красноармейцы дружно отразили атаки противника. Особенно в этом бою отличился пулеметчик Константин Малышев. Шквальным огнем он заставил немцев залечь и затем отойти в лес у деревни Садки. Противник, неся потери, под прикрытием артиллерийского и пулеметного огня, начал поспешно отходить в направлении Высторони, которая была уже занята ротой Яцына. Боясь попасть в окружение, немцы вынуждены были бежать»⁹⁷.

Несмотря на удачный исход этой стычки, в целом положение на демаркационной линии оставалось крайне напряженным и угрожающим, что отражало и общее состояние в стране. «Сами большевики в те месяцы считали, что дни их власти сочтены. За исключением столиц они не имели опоры в стране», — к такому выводу на основе анализа документальных и мемуарных источников пришёл

97 Добыкин Д., Кондаков А. Победный путь. Очерк о боевом пути 9-й стрелковой (бывшей 1-й Курской советской) дивизии. — Курск, 1961. — С. 24–25.

Ю.Г. Фельштинский, исследовавший историю заключения Брестского мира и его последствия⁹⁸. Особенное возмущение вызывала внешняя политика Советской власти. «Страна живёт под градом унижительных ультиматумов Германии. Ультиматум о военнопленных, ультиматум о Черноморском флоте... Германцы занимают Курскую губернию, вторглись уже в центральную область, германцы направляются к Севастополю, германцы около Петрограда... Что делает Советская власть? Она платит по брестскому векселю. Она готова на всё... Советская власть принуждена расплачиваться за право своего существования исполнением приказов и желаний германского империализма», — писала 1 мая 1918 г. меньшевистская газета «Новая заря». А 16 июня меньшевик В.О. Левицкий сообщал П.Б. Аксельроду: «Начался... отход рабочих масс от Советов и большевиков... Если бы вы знали, что за атмосфера жгучей ненависти всего населения окружает Советы, и не столько в центрах, сколько в провинции. Эту атмосферу можно только почувствовать, словами её не передашь. И не о «буржуазии» здесь идёт речь. Она, конечно, давно настроена вполне определённо. Ненависть бушует среди обывателей, среди мещанства, среди мелкой городской буржуазии, среди доведённого до отчаяния крестьянства и среди рабочих. А опирающаяся на свои штыки власть на все эти настроения отвечает массовыми расстрелами, террором и репрессиями»⁹⁹.

На этом фоне вполне реальной казалась угроза возобновления продвижения германских войск вглубь российской территории. О серьёзных опасениях на сей счёт говорит тот факт, что в Курске стали готовиться к эвакуации — 7 июня из города начали вывозить запасы продовольствия, движение пассажирских поездов было полностью остановлено, а все прочие поезда могли двигаться только по разрешению военно-революционных комитетов¹⁰⁰. События на юге давали этому основания. Так, 20 июня 1918 г. пришло тревожное сообщение из Валук: «Немцы перебросили все свои силы на правый фланг Воронежского полка и вытеснили нас из Валук, Генераловки, Палатовки, Старо-Пузино, но к вечеру штыковой атакой были отброшены на Валуйки и выбиты из Перелесок. На левом фланге положение восстановлено: нами занято Шелякино, Варваровка и Никитовка»¹⁰¹. На сей раз всё окончилось сравни-

98 *Фельштинский Ю.Г.* Крушение мировой революции. Брестский мир. Октябрь 1917 — ноябрь 1918. — М., 1992. — С. 365.

99 Там же. С. 381.

100 Там же. С. 382.

101 *Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919.* — Белгород, 1967. — С. 293.

тельно благополучно, однако вскоре в районе Льгова произошли события, которые едва не сделали эти опасения реальностью.

Июльские события под Львовом. Мир с немцами был неприемлем для левых эсеров, шедших против любых соглашений с империалистическими державами. Ещё 24 февраля 1918 года на губернском съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов эсер–максималист Е.Н. Забицкий заявил, что «те условия, которые предлагает Вильгельм, есть смертный приговор Советской России: лишившись Красной гвардии, мы не сможем удержаться у власти ни одного дня; потеряв хлебородную Украину, мы умрем с голоду». В итоге Курский съезд Советов признал, что мир на условиях, предложенных Германией, не может быть подписан, но и война не должна быть принята». За эту резолюцию проголосовало 287 человек, против – 35 и 23 – воздержалось. Курский военно–революционный полевой штаб, возглавляемый Е.Н. Забицким, призвал население губернии вступать в партизанские отряды и «начать священную войну против германского империализма»¹⁰².

Тогда же в Курске по инициативе левых эсеров был создан штаб боевой организации, который призвал «к выполнению священного долга перед Советским Отечеством и Революцией всех сознательных товарищей, всех социалистов... стать в ряды боевой дружины левых эсеров и дать отпор врагу». От имени штаба боевой организации воззвание подписали Щуров, Горбачев, Стеценко, Срединский. Представители штаба были посланы в Белгородский, Львовский и другие уезды¹⁰³.

Вслед за этим в марте 1918 г. на одном из заседаний Львовского уездного Совета была принята резолюция о том, что «Львовский уезд выражает готовность вести борьбу с германским милитаризмом до последней капли крови. Предложенный Германией мир является позором для всего трудящегося народа».

Попытка левых эсеров сорвать договор с Германией была предпринята на V съезде Советов. Они предлагали стычками на временной демаркационной линии спровоцировать немецкие войска на выступление и тем самым нарушить Брестский мир. Это предложение стало причиной яростной полемики левых эсеров и большевиков. В этой связи Л.Д. Троцкий был зачитан приказ, в котором предписывалось подобного рода провокаторов расстреливать на месте. Тогда левые эсеры решились на более отчаянный шаг.

102 Известия Курского объединенного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. 1918. № 33–34.

103 Там же. № 62.

Возможно, по замыслу организаторов, убийство Мирбаха (6 июля 1918 г.) повлекло бы за собой немедленный разрыв Брестского договора и возобновление войны.

В Курске, сразу же после получения из Москвы известия о мятеже, в здании губисполкома было созвано общее собрание максималистов и левых эсеров. Во время заседания между ними разгорелась острая дискуссия. «В это время большевистский латышский отряд окружил здание, в котором заседали левые эсеры. Несколько человек ворвались в помещение и скомандовали: «Руки вверх!». Большевики потребовали сдать оружие», — вспоминал позднее эсер И.Г. Рогачевский¹⁰⁴. В этой обстановке комитет продолжил работу. Но, несмотря на то, что ни один член губкома не был арестован, в зале заседания царил полная растерянность. После этого происшествия ни левые эсеры, ни эсеры-максималисты больше заседаний не проводили.

Многие эсеры оценивали убийство немецкого посла Мирбаха как провокацию и призывали всех левых эсеров «объединиться в единый революционный фронт». Между тем в воинских частях события 6 июля были восприняты как призыв к решительным действиям. Так, под руководством эсеров началось восстание солдат Курского отряда Льговского направления.

В Курский военкомат регулярно поступали сведения из Льгова о том, что там «неблагополучно». В воинских частях распространялись прокламации, в одной из которых говорилось следующее: «Мы не против Советской власти, но мы против нашего военного руководства, которое не выпускает нас на Украину». Наступление против немцев готовили 3-й Курский полк и партизанский отряд, состоявший из матросов, которые располагались в Льговском уезде¹⁰⁵. Начало наступления было запланировано на 17 июля. Штаб и весь командный состав был арестован, а комиссар полка З.С. Быч — убит. Однако вскоре арестованные были освобождены и даже возвращены на прежние посты. Восставшие надеялись, что командиры примкнут к ним, но «командный состав благоразумно начал скрываться в Курск». Среди организаторов выступления, помимо Колесникова и Полянского, следствие позднее называло Митрашёва, Орла, Лукасюка, Семерника, Рудакова, Гопанчука, Педуна, Подвойского, Чернякова и Кобачева. При этом отмечалось: «интересно, что и бригадный комиссар Белоконь поддерживал наступа-

104 Революция и Гражданская война / Курский край. Т. IX. — М., 2006. — С. 102.

105 Телеграмма Наркома по военным делам Н.И. Подвойского в Совнарком об установлении порядка в гор. Курске и губернии // Борьба за установление и укрепление советской власти в Курской губернии. — Курск, 1957. — С. 216.

тельную тенденцию». Заговорщики рассчитывали, что переход советских войск в наступление вызовет мощное всеобщее восстание на Украине, что приведёт к изгнанию немцев и свержению украинского правительства.

В Курск восставшими была направлена делегация в числе пяти человек (среди них находились Белоконь и Семернин), которая заявила, что их полк считает чехословаков союзниками, что необходимо наступление на Украину. Восстание продолжалось более двух недель. Тем временем из Москвы в войска приезжали «многочисленные политические делегации, которые только развращали Курский гарнизон демагогическими митинговыми речами».

Причинами возникновения «наступательного настроения» среди войск этого участка, как свидетельствовали результаты расследования, было то, что «отряды имели случайный командный состав, совершенно неподготовленный, демагогический и авантюристический. Среди солдат находилось много беженцев из оккупированной Украины, по возрасту большей частью «мальчуганов». Большой процент этих красноармейцев раньше принимал участие в партизанских действиях Муравьёва, Ремнёва и прочих подобных лиц, поэтому в частях сохранились соответствующие преступные традиции; совершенно отсутствовала дисциплина, обучение не производилось, снабжение было предоставлено заботам самих войск, что вылилось в грабежи и разбой среди местного населения. Отряд был занят несением пограничной службы, которая выражалась в наглom и бесцеремонном обирательстве в свою пользу и третировании проезжающих границу пассажиров. Это ненормальное положение осложнялось процветавшим пьянством, причём удивительно то, что спиртом части снабжались с ведома Льговского совдепа... Произошедшее в Москве восстание левых с.-р. дало повод разгореться и без того кипевшим страстям... Большинство солдатской массы руководили добрые намерения, а именно желание наказать издевающихся всеми способами над их родичами немцев и их гайдамацких наёмников. Наивные солдаты крестьянской армии считали необходимым выручать от немецкого захвата свои созревшие хлеба. Этим настроением пользовались разные авантюристы, характерными типами которых являются Колесников и Полянский... Вообще вооружённого военного мятежа на Льговском фронте не было, было лишь сильное брожение на почве наступления на Украину. Главными подстрекателями были отряды матросов. Они были присланы для службы на пограничном пункте и позже пополнились 200 черноморских матросов. Последние — родом украинцы, раньше служи-

ли на потопленных кораблях и были настроены оппозиционно против существующего правительства»¹⁰⁶.

Восставшие части располагались на станции Льгов (в помещении сахарного завода) и в имении Барятинского (отряд матросов в 150 человек). Отсюда они рассылали своих агентов, стараясь привлечь к выступлению другие подразделения. Тогда 11 июля в Курск вновь прибывает Высшая военная инспекция во главе с наркомвоенном Н.И. Подвойским. В Курске им были разоружены ненадёжные или внушающие подозрение части, «арестованы провоцирующие элементы» (в том числе бывший председатель губисполкома Е.Н. Забицкий). Инспекция располагала силами двух рот 3-го Московского полка при пулемётах и двух орудиях, Орловского батальона и бронепоезда № 3. «Отряд выступил из Курска на Льгов в 20 ч. 30 мин. 11-го июля, — рапортовали Подвойскому военком Н.П. Вишневецкий и В.П. Глаголев, бывший полковник Генштаба, начальник формируемой 1-й Курской Советской дивизии. — Эшелоны следовали один за другим на расстоянии 10 м. с риском столкновения вследствие тумана. Броневагон поезд, шедший впереди, прибыл во Льгов около часа ночи. Орловский эшелон отстал. Выгрузка затянулась отсутствием мостков... Орловцы выгружались 4 часа вместо 20 мин.»¹⁰⁷.

Эти сведения дополняются материалами итогового доклада о подавлении беспорядков: «Уже после выхода поезда Высшей военной инспекции из Москвы матросы начали разбегаться из Льгова... Медленность погрузки и разгрузки двинутых войск и их неподготовленность к полевому маневрированию дали возможность преступникам разбежаться. Дело было ликвидировано без боя; отстреливался лишь один Полянский... 3-й Курский полк, получив приказ, выстроился без оружия и был отправлен для исправления в Курск. 29 зачинщиков были арестованы»¹⁰⁸. Сам 3-й Курский полк решено было отправить на Восточный фронт против чехословаков.

Отголоски Льговских волнений, правда, ощущались ещё некоторое время спустя, поскольку часть мятежников бежала в нейтральную зону. Как рассказывает в своём докладе волостной военрук Ивановской волости И.Т. Воротынцева, «около 10 часов вечера 16-го сего июля в село Ивановское явился красноармеец

106 Доклад о ликвидации наступательного настроения в Курском районе // НА КОКМ. Д. 38. Л.178-179.

107 НА КОКМ. Д. 38. Л.136.

108 Доклад о ликвидации наступательного настроения в Курском районе // НА КОКМ. Д. 38. Л. 180-181.

из дер. Степановки, где расположена 6-я рота 3-го Курского полка, с бумагой к председателю Ивановского Совета. Председатель вызвал меня, и когда я пришёл и, взяв бумагу, увидел, что это воззвание к наступлению, я спросил солдата, знает ли он, что было в бумаге. Ответ был отрицательный, тогда я сказал, что в бумаге воззвание к наступлению вопреки резолюции 5-го Всероссийского съезда Советов и приказа товарища Троцкого... На мои вопросы о том, что происходит в Степановке, он сказал, что собралось много солдат и матросов и кажется готовится наступление... [Затем] из разговора с начальником связи 4-го полка выяснилось, что бригада ничего не говорила о наступлении, что их полк идти в наступление не предполагает и что это баламутят бежавшие в нейтральную зону матросы из г. Льгова... Между тем явились делегаты от отряда из Степановки в Совет и зашли к нам. Узнав от них, что наступление ещё не начато, а только перейдена демаркационная линия на Сучкино и Секерино и что они намерены перейти в наступление и просят помощи от Ивановского людьми и фуражем, я указал им, что, призывая к наступлению, они являются изменниками родины и революции и провокаторами. Долго убеждал делегатов и, как мне казалось, смутил их»¹⁰⁹. В конечном итоге, общими усилиями готовящееся наступление удалось предотвратить.

Больше всего беспокойства доставил один из зачинщиков волнений, командир стоявшей в Дмитриеве 42-й линейной батареи Полянский. Как позднее писалось в мемуарной и краеведческой литературе, в июле Советская власть в Дмитриеве вновь оказалась под угрозой — её создала «появившаяся неизвестно откуда банда во главе с бывшим командиром местной Дмитриевской батареи Полянским». На самом деле выступление Полянского было отнюдь не бандитской вылазкой.

После того, как в час ночи 12 июля во Льгов прибыл бронепоезд № 3, посланный Подвойским, мятежные подразделения 3-го Курского полка «частью разбежались, [частью] изъявили полное подчинение». Среди бежавших оказалась и двухорудийная 42-я линейная батарея с частью особенно враждебно настроенных матросов. Предводителем беглецов и был левый эсер Полянский. Получив известие об этом, Подвойский наложил на телеграмму гневную резолюцию: «Почему же упустили матросов-зачинщиков, убежавших в Дмитриев, опубликовать по фамилиям и указать, что если они не

109 *Воротылицев И.Т.* Доклад тов. Подвойскому о событиях на Степановском боевом участке Рьльского фронта вечером 16-го сего июля и утром 17-го июля // НА КОКМ. Д. 38. Л.151-154.

явятся в Курск, то будут объявлены вне закона»¹¹⁰. Вслед бежавшим тотчас двинулся бронепоезд.

Между тем Полянский вошёл в Дмитриев, арестовав членов исполкома, обезоружив милицию и овладев цейхгаузами. Объявив себя «диктатором уезда», Полянский потребовал немедленной реквизиции лошадей и продуктов для своего отряда. Горожанам новоявленный диктатор обещал выдавать три фунта хлеба в сутки и пять фунтов сахара в месяц. Схваченный им военком Василий Будников был посажен в товарный вагон на станции. Полянский сулился затем привязать его к пушке и выстрелить, однако не успел исполнить свою угрозу. На последовавшем праздничном застолье «диктатор» рассорился и с дмитриевскими эсерами. Угрожая им револьвером, он заявил: «Кто посмеет мне сказать ещё слово, я сейчас же арестую, а завтра привяжу рядом с Будниковым к пушке». Эсеры во главе с Павловым бежали в Фатеж. В 8 часов 13 июля в Дмитриев прибыл бронепоезд № 3 под командованием Лобанина (комиссар Бабаев), доставивший сюда Курскую карательную экспедицию, которая и положила конец кратковременному правлению Полянского¹¹¹. На железнодорожной станции выгрузились две бронемашин, вокзал был обстрелян из пулемёта, «диктатор» был арестован и расстрелян на ст. Арбузово. Комиссар Бабаев рапортовал Подвойскому по телеграфу: «Авантюра Полянского и компании окончательно ликвидирована. Совдеп вместе с нами принимает решительные меры поимки разбежавшихся бандитов Полянского... Совдепом предполагается сегодня произвести аресты и обыски среди местных контрреволюционных элементов, помогающих

110 НА КОКМ, д. 38, л. 35. Н.И. Подвойский имел все основания питать к матросам и личную неприязнь, поскольку один из них использовал его имя в мошеннических целях, что вынудило Подвойского поместить в газете специальное объявление: «В Курской губернии продельвает всевозможные аферы один бывший матрос, прикрываясь именем якобы «моего брата» — Михаила Подвойского. Объявляю, что этот негодяй, называя себя братом наркома по военным делам Подвойского, рассчитывает с одной стороны, что таким путём ему удастся ускользнуть от революционной кары, а с другой, что ему, как брату наркома, будет оказано попустительство в его преступной деятельности. Пусть знает негодяй, что при поимке к нему будет применено самое строгое наказание» (*Курская правда*, 18 июня 1918 г.). Дальнейшая судьба неведомого «сына лейтенанта Шмидта», использовавшего популярное в Курской губернии имя Подвойского, осталась неизвестной.

111 *Комаров А.А.* Советская власть в Дмитриевском уезде, Курской губернии в 1918 г. (материалы) // Известия Курского губернского общества краеведения. — 1927. — № 6. — С. 22; *Чубунов Л.П.* Указ. соч. С. 27; Чубунов утверждает, будто прибывшим отрядом матросов командовал лично он и он же лично арестовал спящего после попойки Полянского, предварительно выхватив у того из-под подушки револьвер.

бандиту Полянскому во время его кратковременного пребывания здесь. Пойманы 15 человек шайки Полянского, находящиеся в данный момент в тюрьме... В городе восстановлен полный порядок и спокойствие»¹¹².

Льговские события, последовавшие непосредственно за июльским мятежом левых эсеров в Москве, вызвали повышенное внимание большевистского правительства. На V Съезде Советов Л.Д. Троцкий особо остановился на них во время своего внеочередного выступления: «На Курской части украинского фронта, в зоне демаркационной линии с немцами, наблюдались несколько недель тому назад тревожные симптомы того, что какие-то элементы ведут агитацию среди отдельных частей нашей армии, призывая ее, независимо от команды и директив центральной Советской власти, переходить в наступление... Я получил телеграмму от нашего курского военного комиссара Кривошеина — и, в скобках, здесь же скажу... что товарищ Кривошеин, один из наших лучших и энергичных комиссаров, принадлежит к партии левых эсеров, — который сообщает, что, благодаря провокации, о которой я доносил, в настоящее время некоторые части потребовали наступления. Н-ский полк вынес резолюцию: «в наступление не идти без приказа центральной власти». Он же докладывал 15 числа телеграммой, которую я только что цитировал, о том, как пятая рота 3-го полка перешла в наступление. Это было вызвано, — говорит он, — причинами разного порядка.

Далее, на днях, третьего дня, в том же районе, в Льгове убит комиссар Быч и ранен начальник бригады Слувис, — опять замечу в скобках, что Слувис принадлежит к фракции левых эсеров, — причем Кривошеин, которого я назвал уже, докладывал, что при этом, по его соображениям, по тем данным, которые у него имеются, отдельные темные элементы натравливали части к прямому переходу в наступление, минуя распоряжения центральной и даже местной Советской власти. Он говорит, что это убийство — дело рук той же руководящей группы, которая производит демагогическую агитацию.

Такого же рода сообщения получают и из других мест. Я должен только добавить еще, что я отправил на Курск и Льгов комиссию для расследования дела, и что эта комиссия была обстреляна той же самой бандой, причем двое товарищей ранено»¹¹³.

112 НА КОКМ. Д. 38. Л. 144.

113 *Троцкий Л.Д.* Перед мятежом. Внеочередное заявление на V Съезде Советов раб., солд. и кр. деп. // Сочинения. Т. 17. Ч. 1. М-Л., 1926.

Положение на украинской границе. Между тем ситуация в зоне разграничения между Советской Россией и оккупированной немцами Украиной и без эсеровских усилий оставалась весьма напряжённой. То и дело происходили разного рода «пограничные инциденты», вооружённые столкновения, нарушения демаркационной линии. Например, 27 июля 1918 г. командир 2-го батальона 6-го Курского полка сообщал, что «гайдамацкая банда» в 150 человек при трёх пулемётах ворвалась в слободу Троицкую Новооскольского уезда, где «начала производить грабежи и насилие над мирными жителями». Для начала они убили сторожа Троицкой церкви, подавшего при их появлении ударом в колокол тревожный сигнал. Затем гайдамаки погрузили на подводы муку с мельницы Пихтеева, ограбили лавку, сняли в почтово-телеграфной конторе 6 телефонных аппаратов, а также изъяли там и в кредитном товариществе 2500 рублей. Двое местных жителей, «которые являлись самозащитниками троицкого общественного дела», были при этом убиты на месте. Когда к слободе приблизились бойцы 2-го батальона, гайдамаки встретили их пулёмётным огнём. В результате, как рапортовал командир, «озлобленный, вверенный мне батальон, видя, что гайдамацкие банды, врываясь за нашу демаркационную линию, бьют, грабят и насилюют граждан, решил пойти в наступление, что и было сделано нами. Отбили его [до] самой д. Белянки. Продолжали и дальше наступление, но не имели права перешагнуть через украинскую демаркационную линию — зону, откуда возвратились назад»¹¹⁴.

Жаловались на нарушения демаркационной линии и украинские власти. Начальник 4-го района Белгородской уездной державной варты с тревогой доносил начальству 31 июля 1918 г. о ситуации в районе и действиях партизан из отряда М.Е. Трунова:

«Общее настроение населения вверенного мне района у большинства выражается враждебным по отношению к существующей [власти], у остальной части — колеблющееся. [Сёла], через которые проходит демаркационная линия, и ближайšie к ним сёла почти в полном своём составе относятся сочувственно в сторону большевиков; чуть ли не в каждой хате имеются кто-либо, если не сын, то зять или в Красной гвардии, или в отряде партизан, свободно разгуливающих в окрестностях этих сёл, производя нападения на более состоятельных крестьян, сводя с ними личные счёты, разграбляя их имущество, чему сельские общества не противятся и никаких мер к предотвращению подобных случаев не принимают,

114 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 296–297.

будучи враждебно настроены против более зажиточных своих соседей и радуясь каждому случаю ограбления.

Все эти партизаны и разбойники хорошо осведомлены о всём, что происходит не только в нужном им районе, но и там, где находится команда стражи, причём всегда пользуются услугами кого-либо из общества, а в то время, когда чины державной варты нигде не встречают сочувствия и помощи. Виновники скрываются обществом, их кормят и одевают, вынося туда за демаркационную линию, которая никем не охраняется, продукты и одежду и сообщая им о всяком приближении стражи или воинской силы...

14 сего июля в 5 часов утра хорошо вооружённой бандой партизан в 35–40 чел. совершено нападение на экономию Чумичева Дача, нападение отбито находившейся там охраной, состоящей из офицеров, увезено 8 лошадей; того же дня той же бандой в с. Мясоедово убиты заштатный протоиерей Ничкевич и бывший сельский писарь Новиков и жестоко замучен один из крестьян — старик.

20 июля отряд украинских казаков в составе 80 чел. подвергся нападению этих же партизан в с. Нелидовке мелиховской волости, 21 числа тот же отряд казаков прибыл в с. Ушаково, Мелиховской волости, был окружён двумя ротами красногвардейцев с пулемётами (отрядом Кабанова), вышли казаки без потерь только благодаря распорядительности командира Алюхина, 23 числа тот же отряд казаков прибыл в с. Крюково–Рождественское Шопинской волости с целью освобождения управляющего помещика Юста–Краснопольского, был встречен сильным ружейным огнём со стороны красногвардейцев и благодаря своей малочисленности, ничего не сделав, вынужден был отступить.

26 сего июля в с. Мазикино Мелиховской волости партизанами–разбойниками сделано нападение на немецких солдат, прибывших туда в составе 15 человек с пулемётом в сопровождении 2 вартowych, причём тяжело ранен офицер и сброшен в воду самими немцами пулемёт, так как иного исхода не представлялось. Если бы не подоспевшая вовремя из соседнего с. Шеино вторая команда немцев и вартowych, то их или перебили бы всех, или уцелело бы очень мало. Пулемёт и раненый офицер спасены одним из конных вартowych»¹¹⁵.

И позднее в советских оперативных сводках то и дело появлялась информация, подобная следующей:

«14 августа 1918 г. На правом фланге Дмитриевского полка 5–го августа немцы обстреляли артиллерийским огнём дер. Янково и

115 Там же. С. 297–299.

Никольниково в демаркационной полосе в 15 вер. к северо-востоку от Рыльска. Между деревнями Кострово и Жилино, которые находятся на нашей территории против Рыльска, появился немецкий отряд в 30 сабель при пулемёте и обстрелял дер. Жилино. Седьмая рота Дмитриевского полка обстреляла противника пулемётным огнём и обратила в бегство. Парламентёром объявлен протест немецкому командованию»¹¹⁶.

«Второго сентября неприятелем под предводительством офицера Величко были заняты дд. Мигуловка и Нечаевка, по которым выпущено было 22 снаряда. Аэроплан бросал бомбы. Почти каждый день происходят набеги немцев и гайдамаков на наши деревни»¹¹⁷.

«Командир пятого Курского полка Трунов донёс, что 3 сентября в 13 ½ час. германский отряд состава сто человек пехоты, 50 всадников, 50 крестьянских повозок, одной трёхдюймовой пушки и 2 пулемётов пробрался между дд. Тетеревино и Мигуловка Лучки и произвели 12 орудийных выстрелов. Германское командование категорически отказалось объясняться по этому вопросу с высланным парламентёром»¹¹⁸.

«28 сентября. Прибывший в Суджу отряд гайдамаков под предводительством Шкодина терроризирует население нейтральной зоны в районе Суджа — Замостье... угрожал расстрелами и поджогами, производя грабежи и реквизиции натурой»¹¹⁹.

Понимая непрочность мира на украинской границе, командование Красной армии старалось как можно тщательнее собирать всю возможную информацию о германских войсках. В оперативные разведсводки включались практически любые сведения, которые удавалось добыть любыми способами:

«Немцами закончено укрепление по последнему слову техники так называемой Харьковской горки — высоты к югу от Белгорода. В настоящее время ведутся энергичные работы по укреплению местности севернее Белгорода, причём линии укреплений проходят через оба Белгородских фруктовых питомника... В гарнизонах (наиболее точные сведения получены из Белгорода) идут усиленные занятия. Ежедневно происходит на стрельбищах ружейная и особенно пулемётная стрельба. Стоящий в Белгороде авиационный отряд ежедневно совершает учебные полёты. Видимо также производятся с аэропланов фотографии участков местности, имеющих боевое значение... На днях немецкий офицер на честное слово со-

116 НА КОКМ. Д. 38. Л. 148.

117 НА КОКМ. Д. 38. Л. 214.

118 НА КОКМ. Д. 38. Л. 213.

119 НА КОКМ. Д. 38. Л. 253.

общил одной интеллигентной даме в Белгороде, что фельдмаршал Гинденбург в боях последнего месяца на западном фронте был ранен и скончался. Это будто бы тщательно скрывается и от войск и в самой Германии, но что уже последние неудачи на Западном фронте красноречиво указывают, сколь неценимую утрату в лице Гинденбурга понесла Германия... немецкое командование производит в частях подмен более годных к строевой службе менее годными. Первые отправляются по всей вероятности на Западный фронт. В частности, в Белгороде немецкие солдаты производят довольно жалкое впечатление — или старые, или всякого рода инвалиды. Вывоз в Германию всевозможных предметов и продуктов принял колоссальные размеры. Не говоря про деревню, откуда вывозятся хлеб и продукты скотоводства... из городов вывозятся все предметы, имеющие военное значение. В городах Украины почти вовсе отсутствуют мыло и керосин... В настоящее время Украинская армия имеется только на бумаге. Порядок же на Украине поддерживается, с одной стороны, немцами (ведущими себя совершенно как в покорённой стране)... с другой стороны так называемыми гайдамаками — отрядами добровольцев из зелёной молодёжи, гимназистов, реалистов, части студенчества. Здесь же принимают участие некоторые офицеры. Эти гайдамаки со странной жестокостью расправляются с крестьянами при малейшем к тому поводе»¹²⁰.

Обосновавшиеся в нейтральной зоне украинские повстанческие отряды не сидели сложа руки. Они усиленно готовились к решающим боям за Украину. Согласно приказу Всеукраинского Центрального военно-революционного комитета № 6 от 22 сентября 1918 г., эти отряды сводились в правильно организованные боевые единицы, которые объединялись в составе двух дивизий. Формирование 2-й дивизии под командованием В.Х. Ауссема происходило на линии Глухов — Рыльск — Колонтаевка — Суджа — Беленихино — Купянск¹²¹. В состав дивизии в конечном итоге вошли 5-й Глуховский, 6-й Корочанский, 7-й Суджанский и 8-й Обоянский полки, сформированные преимущественно из партизан-добровольцев.

Укреплялись и позиции российских советских войск. В октябре 1918 г. приказом № 140 Реввоенсовета Республики была создана Резервная армия, включившая в себя 9-ю дивизию и часть украин-

120 НА КОКМ. Д. 38. Л. 208–211.

121 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 344. Владимир Христианович Ауссем (1879–1938) — член ВКП(б) с 1901 г., нарком финансов первого советского правительства Украины, делегат I съезда КП(б)У. В 1919 г. — командующий группой войск Харьковского направления, член Реввоенсовета 8-й армии. Участник троцкистской оппозиции.

ских формирований. Командование армией, которая базировалась на территории Курской и Орловской губерний, было передано командиру 1-й Курской дивизии В.П. Глаголеву¹²². Между украинским командованием и властями Советской России очень скоро было достигнуто удобное для обеих сторон соглашение. В своём рапорте Реввоенсовету от 31 октября В.П. Глаголев писал:

«В нейтральной зоне, район Рыльск — Суджа — Короча, находится Вторая украинская повстанческая дивизия численностью около четырёх тысяч штыков. Сегодня достигнуто соглашение, в силу которого повстанцы получают оперативные задачи от Реввоенсовета [Резервной] армии и действуют только с его разрешения, за это они получают право эксплуатации нейтральной зоны, которую мы, в силу договора о перемирии, эксплуатировать не можем, а также район Зерново — Севск — Мазеповка, находящийся вне расположения наших войск и неудобный для нашей эксплуатации. Кроме того, они обязуются разоружить местное население, имеющее большой запас оружия. Излишек передать нам»¹²³.

«Эксплуатировать» нейтральную зону пытались и украинцы. Об этом свидетельствует «Приказ № 1 от 13 августа 1918 г.», направленный неким хорунжим из гарнизона в с. Пристен жителям нейтрального с. Ромахова Николаевской волости Валуйского уезда:

- «1. Завтра, 14 августа, к 10 час. утра доставить в с. Пристен: 10 штук овец, хлеба, сала, яиц, кто сколько может для украинской армии.
2. Чтобы в селе была милиция, которая дежурила бы по ночам.
3. Чтобы был сельский староста и десятские.
4. О всех переменах войск доносить коменданту в с. Пристен.
5. При появлении большевиков немедленно доносить в село Пристен коменданту.
6. Никаких самочинных захватов чего бы то ни было.
7. Самочинно захваченную землю вернуть...
8. За неисполнение сего приказа виновные будут подвергаться суду по всем строгостям закона военного времени»¹²⁴.

122 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 388–389. Василий Павлович Глаголев (1883–1938) — родился в Петербурге, кадровый военный, окончил Академию Генштаба в 1909 г. В период Гражданской войны командовал 1-й Курской пехотной дивизией, Резервной армией, был начальником штаба Украинского фронта, командиром 6-й армии Северного фронта и 16-й армии Западного фронта. С сентября 1919 г. — командир 11-й, 12-й кавдивизий, а затем 10-й армии.

123 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 392.

124 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 301–302.

Публикация этого приказа в «Воронежском красном листке» сопровождалась бурным возмущением относительно «нечестности» гайдамаков, которая «свирепствует не только на занятых ими местах, а даже распространяется и на нейтральную полосу».

Тем временем повстанческое движение на Украине ширилось. Однажды ночью, в первых числах июля 1918 г., из вагона прибывшего из Москвы поезда на курский перрон сошёл невысокий и неприметный длинноволосый человек. Не обнаружив в Курске тех, с кем он должен был встретиться, человек этот направился в сторону Белгорода и, сойдя на станции Беленихино, смешался с тысячной толпой мешочников, затерявшись в людском водовороте. Вынырнул он уже далеко по ту сторону украинской границы, в Гуляй-Поле. Имя его спустя недолгое время загремело по всей Украине и по всему югу России — Нестор Махно¹²⁵. Вторично он посетит пределы Курской губернии уже только в январе 1921 г. во главе всей своей «Повстанческой армии».

С Курском связано и другое событие, гораздо более значимое для истории анархизма и украинского повстанчества — 12–16 ноября 1918 г. здесь прошла учредительная конференция Конфедерации Анархистов Украины (КАУ) «Набат». В её работе участвовало 15 делегатов, представлявших группы из девяти городов (Харьков, Киев, Одесса, Елизаветград, Конотоп, Каменец-Подольск, Александровск, Николаев, Зернов), а также «Инициативную группу Набат» и «Летучую группу по организации террора и восстаний в Украине». Конференция приняла Декларацию КАУ, составленную В. Волиным, и ряд резолюций. Также был избран Секретариат Конфедерации (Я. Алий, А. Барон, И. Гутман, М. Мрачный; вскоре в состав Секретариата кооптированы также М. Уралов и Венгеро́в). Декларация, принятая в Курске, носила антибольшевистский характер и вызвала раскол среди анархистов. Но работа конференции способствовала активизации участия анархистов в повстанческом движении Украины¹²⁶.

Существование и бурная деятельность множества независимых ни от кого украинских повстанческих отрядов, боровшихся с немцами и друг с другом, серьёзно осложняло ситуацию на границе. Они нападали на немцев, переходили границу и всячески старались спровоцировать вооружённый конфликт между Советской Россией и германскими войсками. Положение усугублялось тем,

125 *Махно Н.И.* Воспоминания. — М., 1992. — С. 182.

126 *Боровик М. А.* Анархістський рух в Україні у 1917–1921 рр. // Український історичний журнал. 1999. № 1. С. 10–11; Анархисты. Документы и материалы. 1917–1935. М. РОССПЭН. 1999. Т. 2. С. 169, 175, 275.

что земельные угодья нередко оказывались разделены демаркационной линией, что создавало дополнительные трудности и при уборке урожая, и при соблюдении режима нейтральной зоны. Боец одного из красных партизанских отрядов Н.С. Исаев вспоминает:

«Оккупанты и гайдамаки выгоняли людей убирать хлеба на экономических землях, накладывали непосильные хлебные налоги на крестьян оккупированной территории. А крестьяне не то что давать хлеб врагам, сами захватывали помещичьи хлеба в копнах и увозили их себе. А такие населённые пункты, которые [находились] недалеко от нейтральной зоны, — Щёкино, Дугино, Коренское, Боброво и другие, — перевозили копны из экономических земель через нейтральную зону и обмолачивали их на советской территории... Появились вооружённые партизанские группы в тылу оккупантов. Не проходило дня, чтобы не было стычек с врагами. Появились беженцы из-за нейтральной зоны. Это были родные и близкие красных партизан и красноармейцев в Курских советских полках. Прибывшие наши родные и односельчане просили мстить врагам, карающим беспощадно наших людей. А потому участились случаи перехода наших вооружённых групп, которые нападали на врагов, уничтожая их. Этим самым нарушалось перемирие с Германией»¹²⁷.

В начале сентября 1918 г. Военный комиссариат в Москве был встревожен известием, что один такой отряд прорвался на ст. Желобовка, разоружил пограничную охрану, овладел военными складами и потребовал начала наступления Красной армии против немцев. При более внимательном расследовании дела выяснилось, что «повстанцы находятся не на нашей территории, а в нейтральной зоне, именно в селе Кремяное южнее жел. дор. Льгов–Коренево... разоружены только два пограничника, у которых нашлись крупные суммы денег». Эти повстанцы, как было установлено, «болтаются по нейтральной зоне уже более двух недель, присутствие их замечено германцами, поэтому дальнейшее их нахождение в районе Рыльска для них бесполезно, а для нас вредно, так как они сманивают красноармейцев к себе... они около месяца только говорят о наступлении, но не наступают, ядром служит рота дезертиров»¹²⁸.

Однако вскоре повстанцы всё же перешли от слов к делу, тем более что упомянутая «рота дезертиров» нашла себе поддержку в виде восстания, вспыхнувшего в районе Глушкова. Начдив В.П. Гла-

127 *Исаев Н.С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рыльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 36.

128 Телеграфный разговор по прямому проводу 13 сентября 1918 г. 21 час. Глаголев — штабсовет Раттель // НА КОКМ. Д. 38. Л. 223–224.

голев телеграфировал в Москву 13 сентября о том, что «мосты жел-дороги... взорваны. Повстанцами занято Коренево, Снагость, взято семь орудий... Принимаем меры сохранить в советских войсках полное спокойствие». Но ситуация уже начала выходить из-под контроля. Вслед за повстанцами в движение пришли германские войска. Львовский военком Коваленко срочно доносит Глаголеву, что 14 сентября «немцы перешли в наступление левее Желобовки на деревни Ветрино, Ольговку, Кремяное, которые ими заняты». Как удалось установить в ходе переговоров, немцы заняли нейтральную зону с целью положить конец деятельности там украинских повстанцев.

Советские власти потребовали от германцев немедленно очистить нейтральную зону. Германское командование отвечало, что «13-го сентября 1918 года Коренево было атаковано и сделано было нападение на батарею в Снагости на немецких солдат и они были убиты зверским образом, их тела обезоружены и ограблены. Таким нападением нет слов оправдания. И таким образом вступление в нейтральную зону явилось необходимостью, на которую нельзя претендовать. Дальнейшее вступление в нейтральную зону будет следовать тотчас же, как будут накапливаться в нейтральной зоне незаконные команды и когда найдёт нужным немецкое командование... само собой разумеется направляем мы свои действия не против великорусских войск, но против банды разбойников». Немцев также возмущало, что захваченная в Снагости батарея «целиком увезена через нейтральную зону в Шептуховку», а в нападении участвовали солдаты Курского Советского полка.

Сведения германского командования отличались точностью. Нападение на Коренево и Снагость было совершено 1-м батальоном 1-го Украинского Повстанческого Партизанского Советского полка, который в это время формировался из числа украинских повстанцев и красных партизан. Участник рейда, Н.С. Исаев, позднее вспоминал: «Наш полк перешёл в село Ольговка, расположенное в нейтральной зоне... Подготавливалось что-то серьёзное. На собраниях говорили, что пойдём в тыл оккупантам, на Украину, где будем соединяться с действующими там партизанами. И такой момент настал в последних числах августа... Наш батальон ночью выступил из села Ольговка и, соблюдая тишину, двинулись в сторону станции села Коренево. К рассвету мы залегли недалеко от села и ожидали условного сигнала, который вскоре появился: позади нас вспыхнуло зарево, осветив наши цепи, которые двинулись вперёд с громким криком «ура!». Партизанский налёт настолько был внезапным для оккупантов, размещавшихся по домам, сараям, амба-

рам и клуням, что они в одном исподнем белье метались по селу, огородам, прятались в подвалах и погребях. Но для них не было спасения нигде, даже местные жители помогали уничтожать топорами и вилами обезумевших от страха врагов... Нам достались большие трофеи: вражеская батарея с зарядными ящиками и конским тяглом, около двадцати станковых пулемётов, восемьсот винтовок, много патронов, много левореров [револьверов] и другого военного имущества. Казалось, что налёт удачный и полк может двигаться в тыл оккупантов, но обстоятельства сложились иначе... одно из подразделений противника засело в кирпичном вокзале, и одна из наших рот не смогла выбить их оттуда. Немцы строчили из чердаков, окон и кирпичной водокачки с пулемётов. Когда наши подползали поближе к засевающим врагам, они бросали гранаты... Пришлось ограничиться блокадой вокзала. Но часам к одиннадцати по линии железной дороги со стороны ст. Глушково показался вражеский эшелон, который остановился в полутора верстах от Коренево. Из него выгрузалась немецкая пехота, рассыпалась в цепи и двигалась на нас. Вскоре завязался упорный бой. Подошёл эшелон и по узкой линии железной дороги со стороны Рыльска с пехотой врага, которая угрожала окружением нас. Пришлось с боем под разрывами немецких снарядов отходить к полустанку Желобовка. Потеряв много товарищей убитыми... мы отошли в нейтральную зону»¹²⁹.

Помимо убитых, батальон понёс немалые потери и ранеными, среди которых находился и сам его командир Н.К. Толстых. Отстреливаясь из трофейных орудий, партизаны отошли к Ольговке, а затем к ст. Колонтаевка. Здесь их встретили представители Советской власти, приказавшие сдать все захваченные у немцев трофеи. Советское командование было вынуждено принять меры и разоружило около 600 украинских повстанцев, которых переслали в Москву. Там их включили в состав 43-го Московского полка для действий на Восточном фронте против чехословаков¹³⁰. Захваченная немецкая

129 *Исаев Н.С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рыльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 36–37.

130 «По указанию Правительства из нас начал формироваться 43-й Украинский Добровольческий Советский стрелковый полк. Командиром полка был назначен большевик фронтовик из младшего состава старой армии украинец товарищ Куценко... комиссаром полка — товарищ Вакуленко. Начальником штаба — товарищ из бывших офицеров, добровольно вступивший в ряды Красной Армии. Первый батальон трёхротного состава полностью состоял из наших бывших партизан, командиром которого стал товарищ Флусов... Второй батальон сформировался из товарищей украинцев, которые оказались в Москве. В нём были частично и белорусы. Третий батальон состоял из двух рот латышей и истонцев [так!], а одна рота этого батальона была с личным составом китайцев.

батарея (4 из 7 пропавших при набеге орудий) обнаружилась уже в Курске, но без упряжных лошадей. Впрочем, отдавать пушки никто не собирался. Немцев уверяли, «что орудия ещё нами не обнаружены, возможно, закопаны или находятся у них в тылу»¹³¹.

Обстановка осложнялась и за счёт столкновений между крестьянами и подразделениями Красной армии, которые подчас сами вели себя не лучше оккупантов. Так, вскоре после Кореневского инцидента 2-й пехотный полк 2-й Орловской бригады наложил на жителей д. Чуйковка «контрибуцию в 20 000 рублей и обязательство доставлять фураж за убитого красноармейца». Крестьяне не нашли иного выхода, кроме как обратиться за помощью к немцам. И германские войска 18 сентября, действуя в соответствии со своим заявлением о необходимости нарушения нейтральной зоны «при преследовании вооружённых банд» (к числу коих они отнесли и 2-й пехотный полк), окружили и заняли Чуйковку, арестовав там 15 человек, обвиняемых в партизанских нападениях¹³².

Наступление Красной армии. Курский губисполком и губком РКП(б) получили эту сенсационную телеграмму одновременно. Она была послана 9 ноября 1918 г., на ней стояла пометка «Секретно. Срочно вне всякой очереди» и подпись предсовнаркома В.И. Ленина. В телеграмме говорилось о пролетарской революции в Германии и отречении от престола кайзера Вильгельма¹³³. Ситуация в приграничной зоне резко переменялась. 13 ноября вышло постановление ВЦИК об аннулировании Брестского договора, а 14 ноября В.А. Антонов-Овсеенко подал в Реввоенсовет Республики докладную записку, в которой предлагал план развёртывания военных действий на территории Украины:

«Основные действия на юге:

А потому нашему полку к его названию добавилось и ещё одно гордое слово — Интернациональный (*Исаев Н.С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рьльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 38). Первым боевым заданием полка стало подавление крестьянского восстания в Рязанской губернии.

131 НА КОКМ. Д. 38. Л. 227–248.

132 НА КОКМ. Д. 38. Л. 249.

133 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 409; *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 50. — С. 203. Любопытно, что в этот момент В.И. Ленин видел германские войска в качестве своих потенциальных союзников в борьбе с контрреволюцией. В этой же телеграмме предписывалось «напрячь все усилия для того, чтобы как можно скорее сообщить это [известие] немецким солдатам на Украине и посоветовать им ударить на Красновские войска, ибо тогда мы вместе завоюем десятки миллионов пудов хлеба для немецких рабочих и отразим нашествие англичан, которые теперь подходят эскадрой к Новороссийску».

1. Прикрываясь от Брянска к Гомелю и имея в виду при малейшей возможности занять Гомель, надо развить серьёзную диверсию к Киеву от Курска, мобилизуя и формируя повстанцев...
2. Удар на Харьков: от Курска и Н. Оскола на Белгород — Харьков, дивизия Ауссема — на Готню — Богодухов, от Н. Оскола и Лисок на Валуйки — Купянск (Волчанск)...»¹³⁴

Тем временем, под воздействием поражения в I-й Мировой войне и Ноябрьской революции, германцы сами начали выводить свои воинские части с территории Курской губернии. Немецкие войска начали разлагаться, как некогда это происходило с Русской армией. Например, 11 декабря на общем собрании членов Курской городской организации РКП(б) присутствовала делегация от немецких солдат-интернационалистов. На собрании председатель немецкой делегации обратился к курским большевикам с предложением создания единого социалистического революционного фронта¹³⁵. Сыграла свою роль тут и революционная пропаганда, исходящая из Москвы.

Всё это вкупе вскоре принесло свои плоды. В пос. Коренево 17 ноября немецкие солдаты, убив несколько своих офицеров, самовольно начали эвакуацию. В начале декабря на общее собрание членов Курской городской организации РКП(б) прибыла делегация от немецких солдат из Харькова. Немецкие делегаты призвали к созданию единого социалистического фронта¹³⁶. Братание немецких и советских войск прошло по многим пограничным населённым пунктам Курской губернии. Прошла масса совместных митингов между солдатами Красной, немецкой и австрийской армий. Например, такой митинг был в Новом Осколе¹³⁷.

В связи с этим органы советской власти усилили деятельность, направленную на поддержку революционного движения на Украине. В сентябре 1918 г. в Курске обосновалось Бюро компартии Украины (КП(б)У), а 28 ноября на заседании Временного рабоче-крестьянского правительства Украины было принято решение о переезде его в Суджу. Военным отделом правительства руководил

134 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 424.

135 Страницы истории города Курска. — Курск, 1981. — С. 98.

136 Из протокола общего собрания членов Курской городской организации РКП(б) о встрече с немецкой делегацией // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 69–70.

137 Резолюция, принятая на митинге германских, австрийских и русских солдат в г. Новом Осколе, о поддержке Советской власти в России // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 71.

уроженец Фатежского уезда Ф.А. Сергеев (Артём)¹³⁸. Здесь начинается формирование украинских советских воинских частей, и тут же был опубликован «Манифест к трудящимся массам Украины», объявивший низложенной власть гетмана П.П. Скоропадского¹³⁹.

Одновременно Красная армия развернула наступление на германские позиции. Уже 17 ноября 1918 г. была создана группа войск Курского направления под командованием В.А. Антонова–Овсенко, который тотчас потребовал подчинить ему Резервную армию В.П. Глаголева. 19 ноября в Курск прибыли члены только что созданного Украинского реввоенсовета. В движение были приведены части 2-й Украинской советской дивизии В.Х. Ауссема, штаб которой обосновался в Льгове. В середине ноября практически вся пограничная полоса от Гостищево до Белгорода была оставлена немцами. 21 ноября в Рыльск вошёл 7-й Суджанский повстанческий полк, а 24 ноября советские войска заняли Суджу. Спустя несколько дней, 27 ноября, немцы и гайдамаки покинули Глушково. Нача-

138 Сергеев Фёдор Андреевич (Артём) родился 7 (19) марта 1883 г. в д. Проваторовой Фатежского уезда Курской губернии в семье крестьянина А.А. Сергеева. В конце 1880-х гг. семья переезжает в Екатеринослав, где в 1901 г. он оканчивает реальное училище и в сентябре того же года поступает в Московское высшее техническое училище. Здесь он становится членом РСДРП и в феврале 1902 г. исключается из училища за участие в студенческой демонстрации. После пребывания под стражей был отправлен в ссылку в Екатеринославскую губернию. В 1902–1903 гг. находится за границей, после возвращения ведёт активную революционную деятельность в Донбассе, Екатеринославе и Харькове. Один из организаторов вооружённого выступления в Харькове в ноябре–декабре 1905 г. Делегат IV съезда РСДРП. Арестован в марте 1907 г. и сослан в Иркутскую губернию. В августе 1910 г. совершает побег и через Харбин, Японию и Шанхай добирается до Австралии. Здесь работает чернорабочим и организует выпуск газеты на русском языке. В мае 1917 г. возвращается в Россию. Избирается секретарём бюро Донецко–Криворожского обкома РСДРП, участвует в работе VI съезда РСДРП и I Всеукраинского съезда Советов. В январе 1918 г. избирается членом ВЦИК РСФСР. С февраля 1918 г. становится председателем Совнаркома Донецко–Криворожской республики, делегат VII съезда РКП(б). В мае 1918 г. вместе с К.Е. Ворошиловым руководит переходом украинских красных войск из Луганска в Царицын, участвует в обороне Царицына. 22 ноября 1918 г. избирается в состав Временного рабоче–крестьянского правительства Украины. С января 1919 г. – заместитель председателя правительства. Делегат III съезда КП(б)У и VIII съезда РКП(б). В 1919–1920 гг. находится на руководящей партийной работе в Башкирии и на Украине, делегат II Конгресса Коминтерна. С ноября 1920 г. – секретарь Московского комитета РКП(б), с февраля 1921 г. – председатель ЦК профсоюза горнорабочих, делегат X съезда РКП(б) и III Конгресса Коминтерна. Погиб 24 июля 1921 г. при крушении аэрогагона с группой иностранных делегатов I Конгресса Профинтерна.

139 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. – Киев, 1967. – С. 459–460. Правительство работало в здании лавки, располагавшейся на углу современных улиц Ленина и Комсомольской (позднее продмаг № 19).

лась подготовка к решающему наступлению на Белгород. Германское командование видело в этом городе важный стратегический пункт, прикрывающий направление на Харьков, а потому держало тут крупные силы до 16 000 солдат. Однако эти части были в значительной степени распропагандированы. То и дело проходили совместные митинги, на которых советские делегаты вели переговоры непосредственно с германскими солдатами, призывая их не оказывать сопротивления и проявить солидарность с российским пролетариатом. Параллельно создавались революционные органы власти. С начала декабря в Беленихино развернул работу Белгородский ревком, тотчас приступивший к созданию воинских частей.

Наконец, 30 ноября декретом Временного рабоче-крестьянского правительства Украины в Курске был учреждён Реввоенсовет Советской армии Украины в составе командующего В.А. Антонова-Овсёнка, В.П. Затонского и Артёма (Ф.А. Сергеева). Начальником штаба был назначен В.Х. Ауссем¹⁴⁰.

14 декабря 1918 года отряды 9-го Украинского Повстанческого полка вошли в село Шебекино. Германские части сдали 2 орудия, 280 снарядов, 14 пулеметов, 70 винтовок, 500 тысяч патронов. Большая часть немцев ушла в Волчанск¹⁴¹. По свидетельству участника боёв, «ночью разразилась вьюга. К рассвету отряд подошел к Шебекино и, развернувшись для боя, залег в снегу. Когда разведка доложила о выявленных постах и заставах противника, командир отряда подал команду «начать движение, не открывая стрельбы». Первыми атаковали противника правофланговые подразделения. Немцы, не ожидавшие внезапного и решительного удара партизан, в беспорядке бежали из поселка. Захват Шебекино дал возможность пополнить отряд оружием, боеприпасами и людьми»¹⁴².

После занятия Шебекина отряд принял участие в наступлении на Белгород. Выслав вперед разведку и охранение, отряд двинулся на Белгород. «После трудного марша в темную, вьюжную ночь партизаны подошли к деревне Разумное. Здесь взяли проводника. И вот, наконец, в предрассветной мгле за небольшой рошей показался город. В это время послышались артиллерийские выстрелы, впереди колонны разорвался снаряд. Отряд развернулся для боя и перебежками продолжал движение. Прибывший связной сообщил, что части Красной Армии при поддержке бронепоезда ведут бой в городе, в районе парка. Эта весть быстро разнеслась по цепи.

140 Гражданская война на Украине. Т. I. Кн. 1. — Киев, 1967. — С. 470.

141 *Поздняков Э.Н.* История Шебекина. XX век. — Белгород, 2001. — С. 8.

142 *Добыкин Д., Кондаков А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 16.

Партизаны решительно атаковали позиции немцев и ворвались в город. Бой закипел на улицах. Враг не выдержал удара красных и отступил в направлении к Харькову»¹⁴³.

Согласно оперсводке штаба 2-й Украинской Советской дивизии, «20 декабря в 14 часов Белгород взят нашими. Немецко-белогвардейско-гайдамацкие банды бегут, бросая оружие. При бегстве последний их эшелон потерпел крушение. Наши войска преследуют бегущих. На участке Белополье-Ворожба нашими войсками заняты дер. Юнаковка и Большая Черклишена. Дер. Сигли, ст. Головашевка окружены нашими войсками»¹⁴⁴. Тотчас по вступлению в город командир 3-й бригады 2-й Украинской Советской дивизии А.Каверин, ставший начальником белгородского гарнизона, объявил о восстановлении на Украине власти рабоче-крестьянского правительства, а в Белгороде — власти военно-революционного комитета под председательством Меранвиля де Сент-Клера. Всем жителям уезда было приказано в трёхдневный срок под угрозой расстрела сдать оружие, а также были «строжайше запрещены самочинные конфискации, реквизиции, обыски и аресты»¹⁴⁵.

Следует отметить, что сдерживал наступление Красной армии на Белгород лишь небольшой по численности белгородский отряд добровольцев под командованием полковника Хвощинского — эскадрон конницы и батальон пехоты с пулеметной командой. В составе эскадрона было три взвода: 1-й белгородский поручика Йоста, 2-й шебекинский корнета С.В. Курмина и 3-й партизанский штаб-ротмистра Мелабенского. Но силы были неравны, и Белгородский добровольческий отряд был вынужден отойти на Харьков, надеясь пробиться на юг к генералу Деникину¹⁴⁶.

143 Там же. С. 16–17. Любопытно, что при этом в официальной советской прессе наступление на Белгород подавалось исключительно как революционная деятельность местных народных масс и украинских повстанцев. «Известия ВЦИК» последовательно сообщали о развитии событий следующим образом: «Повстанцами занят Белгород. Находящийся в Беломестной отряд немцев с артиллерией взят в плен, но будет отпущен. Немцы всюду уходят или сдаются без сопротивления» (№ 254, 1918 г.).

«Белгород занят повстанцами-большевиками. Немцы намеревались оказать сопротивление, но были обезоружены. Буржуазия в панике разбегается. Приступлено к организации советской власти» (№ 272, 1918 г.).

«Белгород окончательно занят Украинскими советскими войсками... Белгород был взят с бою, после того, как немцы первые открыли огонь по украинским советским властям» (№ 283, 1918 г.).

144 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 — март 1919. — Белгород, 1967. — С. 318.

145 Там же. С. 318–319.

146 *Поздняков Э.Н.* Указ. соч. С. 8.

Овладев Белгородом, Красная армия развила наступление на Грайворон. В результате 26 декабря силами 3-го батальона 8-го Обоянского полка под командованием Бредихина после четырёхчасового боя была занята Борисовка, где в отряд записалась сотня добровольцев. Испытывая недостаток вооружения, Бредихин просил штаб 2-й Украинской Советской дивизии срочно прислать ему «2 орудия, не менее 1000 винтовок, к ним патронов и снарядов»¹⁴⁷. Наконец, 1 января 1919 г. немцы покинули Грайворон, а незадолго до этого советские войска вступили в Корочу. Таким образом, к исходу 1918 г. пределы Курской губернии оказались полностью очищены от германских и украинских войск.

Укрепление Красной армии. На военное строительство в Курской губернии большое влияние оказывала разгорающаяся в стране Гражданская война. Так, военные и партийные большевистские власти губернии в период Гражданской войны занимались отправкой на фронты, мобилизованных, добровольцев, большевиков и комсомольцев мобилизованных по партийным мобилизациям и т.д. Так, летом–осенью 1918 г. из Курской губернии на советский Восточный фронт отправили 27 000 бойцов, из которых были сформированы еще на территории губернии стрелковые и кавалерийские полки, артиллерийская бригада, бронеотряд, инженерные части. Была сформирована 1-я Курская пехотная дивизия, затем переименованная в 9-ю стрелковую. На Восточный фронт была направлена пехотная бригада под командованием И.Х. Азарха, активно участвовавшая в боях, в ходе которых погиб и сам комбриг¹⁴⁸. Полки, сформированные в Курской губернии, в сентябре

147 Борьба за Советскую власть на Белгородщине. Март 1917 – март 1919. – Белгород, 1967. – С. 322.

148 Азарх Исаак Хаимович (1896 – 14.VIII.1918) родился в г. Юзовка, в 1916 поступил в Рижский политехникум и вскоре был призван в армию, в студенческий батальон. В 1917 г., будучи офицером 55 запасного полка в Москве, возглавлял объединенный отряд революционных солдат и красногвардейцев заводов Москворечья, выполнял задания Московского РКВ. В январе 1918 г. в должности начальника 3-го сводного отряда Москвы был направлен в Тамбов «для восстановления революционного порядка», а в начале мая того же года был откомандирован в Курск. В Курске сформировал из трёх полков (3-го Московского, 1-го и 3-го Курского) Курскую бригаду, которая 10 августа прибыла в г. Инзу Симбирской губернии. 12 августа Курская бригада получает задание: прибыть на ст. Охотничья в распоряжение начдива Симбирской дивизии Г.Д. Гая и форсированным маршем отправиться в д. Отрада, войти в связь с командиром батальона тов. Павловским и согласовать с ним дальнейшие действия. Во второй половине дня 13 августа И.Х. Азарх с сотней бойцов полка достиг д. Отрада, в которой, однако, не было ни батальона, ни тов. Павловского. Бойцы Азарха заняли брошенные позиции и утром 14 августа приняли бой, в ходе которого погиб сам Азарх и ещё до 50 бойцов–курян.



1. Красногвардейский отряд связи при штабе командующего Льговско-Рыльским-Суджанским участком. 1918 г.

2. Отправка бригады И.Х. Азарха на Восточный фронт. Курск. Июнь 1918 г.

1918 г. принимали участие в действиях по овладению Казанью и Симбирском. Около 400 курян сражалось в рядах 25-й стрелковой дивизии под командованием В.И. Чапаева¹⁴⁹.

На советский Южный фронт в июле 1918 г. только Обоянский, Фатежский и Дмитриевский уезды направили не менее 10 000 чел.¹⁵⁰ На Польский фронт в 1920 г. Курская губерния направила несколько сотен коммунистов и комсомольцев и 7 маршевых рот мобилизованных жителей, общей численностью 1490 чел.¹⁵¹

В наиболее трудные для советской власти периоды в Курской губернии, как и во всей Советской России, практиковались партийные мобилизации. Первая крупная партийная мобилизация была проведена для советского Восточного фронта. 17 апреля 1919 г. Курский губком РКП(б) принял решение о мобилизации 50 % коммунистов губернии, для отправки на борьбу с Колчаком. 9 мая была подготовлена 1 партия мобилизованных большевиков — 280 человек. 17 мая на фронт ушла вторая партия. В апреле была проведена мобилизация 25 % комсомольцев, а в середине мая 10 % членов профсоюзных организаций¹⁵².

В начале 1919 г. начали проводиться партийные мобилизации на советский Южный фронт против Вооруженных Сил на Юге России. Мобилизации начались среди коммунистов губернского города и в уездах. 19 июня на борьбу с А.И. Деникиным отправилась первая группа в составе 125 большевиков, в последующие дни на Юг было переправлено еще несколько отрядов. 20 июня из города отбыли мобилизованные комсомольцы. В Курске из мобилизованных был сформирован батальон и направлен под Белгород, где шли упорные бои с наступающими частями белых. Кроме того, под Белгород был направлен бронепоезд курских железнодорожников «Молния»¹⁵³.

После объявления Курска укрепрайоном был создан Военный Совет из представителей губкома, губисполкома и военкомата. Для создания укреплений и пополнения Красной армии 1 июля в Кур-

149 *Постников Н.* Куряне в составе Чапаевской дивизии // Армия в истории России. Материалы межвузовской научной конференции (г. Курск, 23 мая 1997 г.). — Курск, 1997. — С. 84–88.

150 *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. — Курск, 1995. — С. 123.

151 *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. — Курск, 1995. — С. 130.

152 См.: *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. — Курск, 1995. — С. 120–121.

153 *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. — Курск, 1995. — С. 122.

ске и прилегающих слободах власти объявили мобилизацию всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет. 21 июля 1919 года Губком РКП(б) утвердил план обороны Курска. 11 июля к строительству оборонительных сооружений стали привлекаться жители города и ближайших сел. 26 августа Курский укрепрайон был объявлен на осадном положении¹⁵⁴. Кроме Курского укрепрайона на территории губернии 14 августа приказом Реввоенсовета Республики было объявлено о создании Льговского укрепрайона.

Летом 1919 г. Добровольческая армия вступила в границы губернии. Прилегающие к фронту районы переводились на военное положение. В целях усиления власти ликвидировались местные уисполкомы. Вместо них создавались ревкомы. Так, 12 июня ревкомы были созданы в Корочанском и Белгородском уездах, 23 июня – в Грайворонском уезде, 11 июля – в Старо-Оскольском уезде¹⁵⁵ и т.д. Был объявлен очередной призыв добровольцев в ряды Красной армии. Каким образом это осуществлялось на практике, живо описывается А.Л. Ратиевым:

«Только что получено распоряжение по линии профсоюзов: в трёхдневный срок подготовить и провести собрание служащих для выявления и набора добровольцев в армию. Дана и контрольная цифра – не менее 10 % от общего числа служащих [организации]... У меня в кабинете сидит тов. Петров... картинно и подробно он рассказывает, как прошло собрание пищевиков... «На собрание нас, пищевиков, пришло не меньше чем человек 800, а может и больше. Никто не считал. Кому сейчас охота снова в армию идти? Волнуются. А тут как раз товарищи явились. Двое их было. Речь держат. Колчаком пугают. Компания у нас там друзей–товарищей подобралась, всё больше фронтовики бывшие. Есть у них и заводи своя. Горячая голова. Только нездешний, из Сибири. Как речь свою они кончили, он сразу на трибуну полез. Для начала родительницу ихнюю помянул.

– Добровольцев хотите? Не туда, товарищи, попали. Если самим охота пришла, задерживать не будем... Мы, – говорит, – своё отвоевали, ещё на фронте, не затем офицеров постреляли, чтобы теперь нами новое начальство командовало. Говорите, значит, до-

154 *Постников Н.* Курский край в годы интервенции и гражданской войны // Курский край: история и современность. – Курск, 1995. – С. 123.

155 Из протокола заседания Губкома РКП(б) в Корочанском и Белгородском уездах // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 131; Приказ № 1 Грайворонского уревкома о переходе всей власти в городе и уезде Ревкому и роспуске Уисполкомов // Там же. – С. 118.

бровольно и обязательно. Добровольно, это когда твой союз согласие даёт, ну а если ты в нём состоишь, то для тебя это так выходит, что и отказаться нельзя! Хитро задумано, да не про нас писано!

Тут-то и подошли к ним ребята, взяли под микитки, честь честью, да и вынесли по лестнице вниз на улицу — идите, значит, по добру-поздорову»¹⁵⁶.

Проводились и мобилизации в Красную армию, что также отнюдь не всегда проходило гладко. Так, попытка мобилизации унтер-офицеров всех возрастов, предпринятая в августе 1918 г. в Щиграх, едва не привела к свержению в городе Советской власти. Около трёх тысяч человек собрались на площади у городского сада, где перед ними выступил правый эсер Н.И. Пьяных. После подавления волнений многим участникам митинга пришлось скрыться из города и, по свидетельству председателя уездной ЧК Ф. Кретьова, «немало их потом оказалось в стане белогвардейцев»¹⁵⁷.

Одним из крупнейших выступлений против мобилизации стали волнения железнодорожников в самом Курске.

После того как была объявлена мобилизация железнодорожников, работы в депо и в Управлении МКВЖД остановились, а служащие и рабочие собрались 2 июля 1919 г. на общий митинг. К собравшимся присоединились другие горожане, и в целом число митингующих достигло 4 000 человек. По оценке чекистов, «митинг носил характер восстания против Советской власти с лозунгом «Долой гражданскую войну и дайте хлеба, а на фронт мы не пойдём»... Всех выступающих коммунистов освистывали и совершенно не давали им, даже тов. Бухарину, говорить». Однако далее возмущённых выкриков дело в тот день не пошло, что напроочь опровергает утверждения чекистов, будто за спиной железнодорожников стояла некая контрреволюционная организация. На другой день 300 мобилизованных рабочих устроили митинг у здания управления МКВЖД, который проходил уже более организованно. Председательствовал на нём «некий служащий из управления МКВ ж.д. Ильин». Вновь раздавались выкрики «Долой войну!» и «Давайте хлеба!», а советских сотрудников ораторы именовали «жандармами». Прибывших представителей губисполкома и политотдела железных дорог встретили свистом и криками «Долой!».

Затем рабочие направилась к депо. Возникла опасность, что там к ним присоединятся другие железнодорожники и получится

156 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 253–254, 259.

157 *Кретьов Ф.* Первые послереволюционные дни // Они были первыми. Очерки, воспоминания. — Воронеж, 1969. — С. 225.

«большое скопление народной массы, с которой трудно справиться». Чтобы избежать этого, в Ямскую срочно были направлены инструкторы ВЧК Чекмазов и Зейбольт вместе с представителем исполкома Емельяновым. Как вспоминали потом чекисты, они ехали туда «окольными путями, чтобы не попасть в руки озверевшей толпы, которая была настроена против нас». Прибыв на место, они мобилизовали всех коммунистов, а также находившихся на ж.д. станции курсантов и караульных красноармейцев. Эти силы и встретили возвращающихся с митинга рабочих. На предложение разойтись железнодорожники ответили отказом и «поджигаемые жокаками вели себя вызывающе к представителям Советской власти». Тогда чекисты перешли к решительным действиям: «мы рассыпались в цепь и двинулись к толпе, окружая её. Эта мера подействовала, и они стали расходиться. Часть главарей была на месте арестована. Рабочие же были отеснены от депо и разогнаны окончательно. Город был сразу объявлен на военном положении, а в ночь произведены аресты руководителей митинга... Арестовано около 45 человек, в том числе бывшие офицеры, а также председатель последнего митинга Ильин»¹⁵⁸.

Борьба с уклонением от мобилизации в Красную армию и дезертирством велась постоянно и далеко не всегда успешно. Крестьяне, особенно бывшие фронтовики, предпочитали скорее скрываться в лесах, нежели вновь становиться в строй. Прибывший из Москвы председатель комиссии по борьбе с дезертирством, проводя проверку городских служащих, продемонстрировал А.Л. Ратиеву специальные карточки трёх цветов — белые, зелёные и красные: «Вот

158 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 154–156; здание управления МКВЖД находится на современной ул. Добролюбова, и там долгое время размещался КГБ (ныне Управление ФСБ по Курской области).

Старая большевичка Е.И. Брянцева так писала об этом, несколько путаясь в датах: «В мае была объявлена мобилизация. Готовилась забастовка. Киево-Воронежские управления снялись с работы и шли в Ямскую, чтобы соединиться с рабочими. Комитеты РКП и Производственный Союз назначили собрание, на котором должен был выступить т. Бухарин. Инициаторы забастовки сагитировали рабочих и собрали их в мастерских КВЖД, где они чувствовали себя свободней вдаль от боевого отряда. После взаимных депутатий и продолжительных переговоров пришлось уступить и пойти туда, где к тому времени на заборах сидели бывшие реалисты, в толпе сновали землемеры, сыпались остроты и насмешки по адресу коммунистов, в женщин бросали камнями [вероятно, тут автор имеет в виду сама себя — А.З.]. Общее настроение было возбуждённое, боевое — ждали подкрепления от управленцев, но на пути к Киевскому двору их разогнали, некоторых арестовали. Волнение понемногу улеглось, мобилизацию закончили» (*Брянцева С.И.* Ямской район и железнодорожный узел // Летопись революционной борьбы в Курской губернии. — Курск, 1923. — С. 11).

эти, белые, подписывает тот, кто первый раз сбежал или совсем по призыву не явился, зелёные — это уже хуже. Кто второй раз попадает, тот даёт клятву и обязательство свою вину и бессознательность искупить верной и геройской службой. Красные, это уже для злостных. Тут он сам себе вперёд смертный приговор подписывает. Попадётся ещё, на, смотри, читай, нет тебе больше пощады! Ликвидируем их на месте!.. В городах... управляемся. А в сёлах — дело другое, оттуда в армию не больше как процентов 10–15 попадает. Это я про Курскую губернию говорю. Они у вас здесь как узнают, что наш отряд подходит, сразу же в другую волость переходят или в лесах, где есть, прячутся. Те, кто раньше в армии и на фронте был, оружие с собой черти таскают, а за ними и молодёжь идёт. Откуда только они о нас узнают, доискаться не можем. Вот недели две будет, как мы к Путивлю лошадей забирать поехали — так нас таким огнём встретили — на подмогу курсантов вызывали. Артиллерией то село побить пришлось. Особенно злы там, где эти самые раскольники живут, бородачи. Как такое село попадётся, и не приступись. Все они там до единого, отродье кулацкое»¹⁵⁹.

Учитывая подобную ситуацию, не следует удивляться тому, что даже все вышеперечисленные меры по укреплению Красной армии всё же не помешали Вооружённым Силам на Юге России к концу сентября 1919 г. взять всю территорию губернии под свой контроль.

2. Наступление ВСЮР летом 1919 г.

Хотя потомок старинного рода путивльских дворян Александр Николаевич Черепов был уроженцем Курской губернии, хотя закончил он Орловский кадетский корпус, большая часть его жизни оказалась связана с Ростовом-на-Дону. Здесь в мирное время стоял его 136-й Таганрогский пехотный полк, здесь жили жена Александра Николаевича и его пятнадцатилетний сын. Отсюда в июле 1914 г. ротный командир штабс-капитан Черепов отправился на Великую войну, сюда 3 сентября 1917 г. и вернулся, чтобы провести отпуск, генерал-майор Черепов, командир бригады 4-й пехотной дивизии. Здесь фронтового генерала ожидали большие перемены. Старый извозчик, на котором А.Н. Черепов ехал с вокзала, сразу же заметил ему: «В недобрый час вы едете к нам — не знаю, доедем ли». «Почему?» — удивился Александр Николаевич. «Да сами увидите», — уклончиво отвечал старик. Вскоре генералу стало всё ясно и без вопросов.

159 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 237.



1. Генерал-майор А.Н. Черепов, уроженец Курской губ., один из организаторов Добрармии.
2. Корнет А.Н. Ребиндер, член Щебекинского добровольческого отряда 1918 г.
3. Белый агитационный плакат «Сын мой! Иди и спасай Родину!»

«Радость свидания с семьёй была отравлена рассказами о происходящих в городе событиях — торжестве черни и крайнелевых элементов, — вспоминал позднее А.Н. Черепов. — Офицерам в форме было небезопасно выходить на улицу, так как бывали случаи, что их арестовывали, увозили в здание театра-варьете «Марс»... там след их исчезал»¹⁶⁰.

Генерал-майору удалось избежать грозившей ему опасности и дожидаться прихода в Ростов войск атамана Каледина. Вслед за этим, 3 ноября 1917 г. А.Н. Черепов встретился со своим старым знакомым, генерал-майором Д.Н. Чернояровым, который исполнял ныне обязанности начальника гарнизона. В беседе с ним Александр Николаевич предложил создать отряды самообороны из числа военнослужащих, «чтобы нас, как овец, не загоняли больше в «Марс». Никаких мыслей о широком образовании армии общегосударственного значения ещё не было», — вспоминал позднее об этой встрече А.Н. Черепов. Генерал Чернояров выразил своё согласие, и вскоре в большом зале здания одной торговой фирмы собралось множество офицеров. Основная часть собравшихся поддержала идею создания отряда. Некоторые, правда, задавали некорректный вопрос: «А сколько нам будут платить?» На это они слышали от А.Н. Черепова веские слова: «У нас вы получите винтовку и пять патронов, а у большевиков получите пулю в затылок»¹⁶¹.

Так было положено начало формированию одного из отрядов, послуживших затем основой для создания Добровольческой армии — ядра Вооружённых Сил на Юге России. Генерал-майор Черепов участвовал в 1-м Кубанском (Ледяном) походе, начальствуя над арьергардом добровольцев, затем командовал бригадой, дивизией, исполнял обязанности военного губернатора, сражался в рядах Русской Армии барона Врангеля, но вернуться на землю своих предков, путивльских служилых людей, оборонявших некогда русские рубежи от набегов крымцев и ногайцев, ему было не суждено¹⁶². Вместо него это сделали его боевые товарищи, служившие в рядах той армии, основу которой заложил в том числе и созданный им в те ноябрьские дни 1917 г. небольшой отряд.

160 *Черепов А.Н.* Зарождение антикоммунистической борьбы на Юге России // Зарождение Добровольческой армии. — М., 2001. — С. 433–434.

161 Там же. С. 435.

162 Александр Николаевич Черепов (17 августа 1877 — 15 марта 1964) после поражения Белого движения эмигрировал в Югославию, затем жил в Германии и скончался в Нью-Йорке, будучи председателем Союза первопоходников и вице-президентом Союза чинов Русского Корпуса в США.

Летом 1919 г. Вооружённые Силы на Юге России (ВСЮР) под командованием генерала А.И. Деникина развернули активные наступательные действия на огромной по протяженности территории от Днепра до Волги. Успешно развивалось их наступление на Харьковском направлении. Здесь были сосредоточены 1-й армейский корпус генерала А.П. Кутепова и Терская дивизия генерала С.М. Топоркова. Общее командование осуществлял командующий Добровольческой армией генерал В.З. Май-Маевский. Тесня части 13-й и 8-й армий Южного фронта, белые занимают Купянск, Харьков и Белгород, вступив тем самым на территорию Курской губернии.

Приближение белых войск вызвало серьёзную обеспокоенность коммунистических губернских властей, и 7 (20) июня 1919 г. Курский губком РКП(б) принимает постановление об обороне губернии. Было решено объявить губернию на чрезвычайном положении, организовать военно-революционный штаб и «сосредоточить всё внимание на Белгород и близ прилегающие местности, как наиболее важные пункты»¹⁶³. Следует отметить, что отнюдь не все коммунисты единодушно откликнулись на партийный призыв. Агент Щигровской ЧК О.А. Орлова позднее вспоминала, что «тяжело было смотреть, как больше ста человек сдали свои партийные билеты, отказавшись вступать в отряды, и лишь четыре человека: Федоринов, Тесленко, Борин и я, Орлова, ушли на защиту Курска, влившись в организованную при ЧК коммунистическую роту»¹⁶⁴.

Взятие Белгорода. На Белгород наступали части Корниловского и Марковского полков. Красные оказывали упорное сопротивление, перейдя в наступление и потеснив части Корниловского полка. Среди защитников города находились отличившиеся особой стойкостью части — коммунистическая бригада знаменитого курского партизана М.Е. Трунова, поклявшегося «умереть, но не сдать Белгород» (134-й Обоянский полк К. Солдатова, 135-й Белгородский полк Ф. Боровлева, 380-й полк Паньшина и кавалерийский эскадрон), и рота курских коммунистов (270 человек) под командованием Черняка. Решающий бой произошёл на подступах к городу у станции Разумная 9 (22) июня. Красные действовали тут при поддержке пяти бронепоездов. Среди них находились «Черноморец», «Ахтырский», а также волчанский бронепоезд «Гром» и курский

163 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 114–115.

164 Орлова О. А. Воспоминания члена КПСС с августа 1918 г. Орловой Ольги Андреевны, посвящённые 40-й годовщине Великой Октябрьской Социалистической революции (рукопись). — С. 4.



1. Генерал-лейтенант А.И. Деникин, командующий ВСЮР. 1919 г.
2. Генерал-лейтенант В.З. Май-Маевский, командующий Добровольческой армией в мае—ноябре 1919 г.
3. Жители освобождённого города встречают В.З. Май-Маевского. Лето 1919 г.

бронепоезд № 152 «Молния» под командованием слесаря Курского паровозного депо Р.С. Кукулдавы. «Маленького роста, весь перепопсанный ремнями, в бурке, с маузером на боку, он был похож на ходячую крепость», — так вспоминали о нём знавшие его люди¹⁶⁵. Знаменитая бронелетучка «Молния» была сооружена из подручного материала изобретательными курскими железнодорожниками ещё в 1918 г. В состав её, по воспоминаниям ветеранов, входило «три «арбеля» — специально оборудованных блиндированных вагона. С внутренней стороны вагонов устроили стенки из толстых досок. В стенах прорезали бойницы для пулемётов. Между стенками насыпали песку. Сверху такой вагон перекрыли шпалами. На перекрытии были устроены гнёзда для пулемётов. Кроме того, в составе бронелетучки было три пассажирских вагона — по одному на каждый из трёх взводов команды»¹⁶⁶.

Со стороны белых в сражении участвовал бронепоезд «Офицер». Он вышел навстречу атакующей красной пехоте, отбросив её карточным и пулемётным огнём с близкой дистанции. На самом бронепоезде в ходе боя артиллерийским снарядом был разбит пулемёт¹⁶⁷. Тем временем подразделения Марковского полка (1-й и 2-й батальоны) совершили удачный фланговый охват красных частей, что вызвало замешательство и бегство красноармейцев. Стойко сражалась Курская коммунистическая рота, особенно её 2-й щигровский взвод. Командир этого взвода, Тесленко, получил ранение в ногу, но остался в строю. Спустя неделю после боя были записаны воспоминания одного из бойцов коммунистической роты: «тов. Козловский... рассказывает, как рота приняла первое боевое крещение. 22 июня после ночёвки в Белгороде рота пешком отправилась до ст. Рузаевки в 20 верстах от Белгорода. Роте было дано боевое задание взять деревню, в которой было около 400 белогвардейцев. 270 человек рассыпались в цепь. Наступление

165 Курский край. Альманах № 1. Спологи Гражданской войны. Курск, 1998. — С. 54; Рожден Селиверстович Кукулдава (1886–1968) родился в грузинском с. Акети Озургетского уезда, окончил Бакинское ремесленное училище, работал слесарем на заводе Шибаяева, затем в железнодорожном депо. В период революции 1905 г. был членом боевой дружины. Участник 1-й Мировой войны. С 1917 г. направлен на работу в Москву, затем в Курское депо. Здесь, вступив в партию большевиков, был одним из организаторов и руководителей Красной гвардии. С 1918 г. командует бронелетучкой «Молния», участвует в подавлении антибольшевистских выступлений в Щиграх и Золотухино.

166 *Рошин В., Ефремова Л.* Они боролись за Советскую власть. Старые бойцы встречаются вновь // Курская правда. 1957. 17 августа.

167 *Власов А.А.* О бронепоездах Добровольческой армии // Вооружённые силы Юге России. — М., 2003. — С. 411.

велось с необыкновенным энтузиазмом, с криками «ура» и пением «Интернационала»... Сам т. Козловский был ранен в руку при прорыве первой цепи, но не покинул своих товарищей. Молодые коммунисты так рьяно шли в бой, что выскакивали за линию нашей наступающей цепи. В это время появился вражеский бронепоезд. Мы начали отступление под давлением превосходящих сил противника и сильным огнём бронепоезда. Отступление проходило в полном порядке, очередными перебежками и отстреливаясь. От огня бронепоезда мы и понесли наши потери. Прорыв же трёх цепей противника стоил нам всего 3 чел. убитыми и 2 ранеными»¹⁶⁸.

Участник боя, капитан Л.П. Большаков, вспоминал вскоре после его окончания: «Коммунисты оказались более стойкими. Появление на их фланге обходящих цепей смутило их, но не рассеяло. Но когда загремело «ура», когда в 400-х шагах от себя они увидели наши офицерские роты, не сгибаясь,двигающиеся неотвратно, как лавина, — «товарищи» дрогнули. Тщетны были призывы командного состава, тщетно стрелял по бегущим застрелившийся потом у нас на глазах матрос Шевченко¹⁶⁹ — один из сотрудников Трунова: всё смешалось, спуталось, и в беспорядке, тесня друг друга, бросая винтовки и иногда «для лёгкости» сапоги, коммунисты хлынули назад, на Белгород»¹⁷⁰.

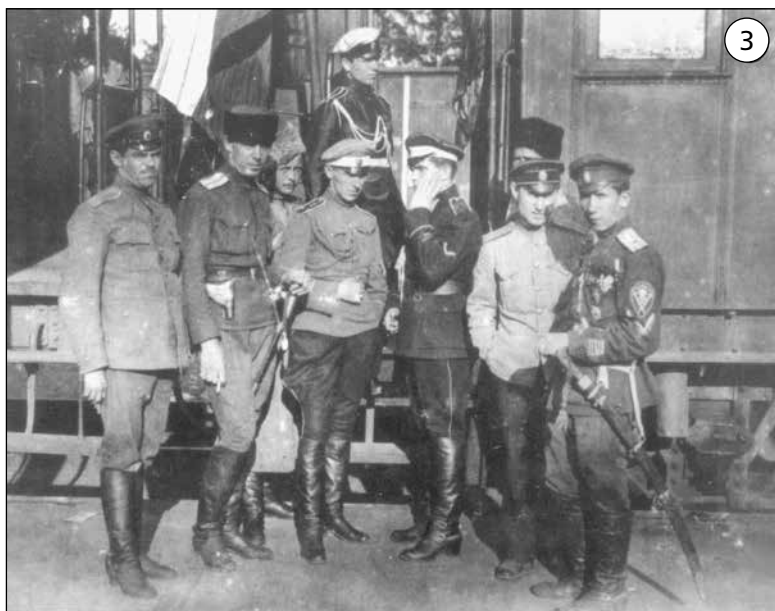
На следующий день, 10 (23) июня, Корниловский и Марковский полки атаковали непосредственно сам Белгород. Корниловцы (Корниловский ударный полк, 3-я батарея, взвод 2-й батареи и взвод 7-й гаубичной батареи) наступали вдоль линии железной дороги через густой сосновый лес. На подходе к городу их встретил огонь красных бронепоездов, которым начала отвечать артиллерия белых. В это же время марковцы (1-й офицерский генерала Маркова полк, 1-я генерала Маркова батарея, взвод 2-й Марковской батареи и 4-я батарея) атаковали город со стороны с. Игумново, выступив с места ночлега ещё затемно. Проводником их выступал «местный крестьянин, как и все они, ярый противник «коммунии»¹⁷¹. У с. Старый Город в полутора верстах севернее

168 *Волна*, 26 июня 1919 г. Далее т. Козловский обвиняет белогвардейцев в стрельбе разрывными пулями. Тела трёх погибших в бою коммунистов были доставлены в Курск и торжественно похоронены 26 июня 1919 г. на площади 1-го Мая.

169 Командир роты 1-го Волчанского отдельного революционного батальона Тимофей Андреевич Шевченко. По словам И.Н. Шевченко, этот «храбрый моряк» до своей гибели «трижды успешно отбивал конные атаки деникинцев». Вместе с ним был убит и командир пулемётного взвода роты ЧК Кириченко (Шевченко И.Н. В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 43).

170 *Большаков Л.П.* Взятие Белгорода // Марков и марковцы. — М., 2001. — С. 535.

171 Там же.



1. Генерал–лейтенант А.П. Кутепов, командир 1–го армейского корпуса Добровольческой армии. Фотография 1921 г.

2. Генерал–майор Н.С. Тимановский, начальник 1–й пехотной дивизии 1–го корпуса Добровольческой армии.

3. Офицеры Добровольческой армии. Белгород. Август 1919 г.

Белгорода марковцы перехватили ничего не подозревающего курьера красных. Захваченное у него донесение позволило установить, что в селе располагается резервная часть 135-го советского полка, которая должна утром отойти к Белгороду. Атаковав село, марковцы застали красных врасплох: «будто неожиданным громовым ударом грянули в ушах насмерть поражённых красноармейцев ружейные залпы и, точно швейная машинка, застучали, вышивая красные цветы смерти, пулемёты. Обезумевшие «товарищи», тыкаясь сослепу во все закоулки, бросая оружие, оставляя раненых и пленных, выскакивая из хат в одном белье, ринулись панической волной на Белгород. Не прошло и получаса, как в городе поднялась суматоха: поскакали в разные стороны обозы, спешно двинулись на Курск составы, а вылетевший к Старому Городу красный бронепоезд нещадно стал осыпать из пулемётов ни в чём не повинные хаты. Марковцев уже не было в деревне: заняв позицию на возвышенности между нею и Белгородом, они завязали бой со спешно высланным из города отрядом коммунистов»¹⁷².

Подрывники белых взорвали железнодорожные пути, отрезав эшелонам красных пути отхода на Курск, а удар корниловцев с юга, от ст. Разумная, довершил разгром. Корниловскому ударному полку предстояло захватить мост через Северский Донец, на противоположном берегу которого шла линия железной дороги и стоял красный бронепоезд. Атака производилась по совершенно ровной и открытой местности. Полковник М.Н. Левитов позднее вспоминал: «Красные открыли ружейный огонь, а бронепоезд — пулемётный. Всё благоприятствовало красным в их обороне своей позиции, но тем, что они не хотели уходить из своего предместного укрепления, они всё погубили. Корниловцы с криком «Ура!» уже ворвались в окопы, и через них лихо понеслась в атаку подоспевшая сотня генерала Шкуро. Общая свалка на мосту лишила, по-видимому, красный бронепоезд возможности стрелять, и он тихо двинулся влево по нашему фронту и скрылся. Корниловцы воспользовались нерешительностью бронепоезда и быстро проскочили на другой берег»¹⁷³.

Бронепоезд «Молния», отстреливаясь, стал отходить в направлении Гютни. Положение отступающих осложнилось дезертирством машиниста паровоза. Участник сражения, ветеран «Молнии» П.И. Бутов вспоминал, что «под огнём бронелетучки, с хода

172 Там же. С. 536.

173 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 249.

включившейся в бой, деникинские цепи залегли в районе Донца. Силы всё же были неравны. На этом участке фронта у противника был создан значительный перевес... Когда под прикрытием пулемётного огня бронелетучки красноармейские цепи отступили, медленно по путям стала отходить и летучка. «Будем отходить на Сумы, — раздалась команда Кукулдавы. — Всем занять свои боевые посты». По его распоряжению боец Водяницкий под огнём противника перевёл стрелки, а сам тов. Кукулдава занял место паровозного машиниста... Пулемётная очередь хлестнула по паровозу, я тогда был вместе с Кукулдавой. Мы упали, а затем, поднявшись, увидели, как из тендера хлещет вода. Пришлось быстро затыкать дыры тряпками, устранять причинённые повреждения. В это время команда бронелетучки почти в упор стреляла по наступающему противнику»¹⁷⁴. За этот бой Р.С. Кукулдава был награждён орденом Красного Знамени.

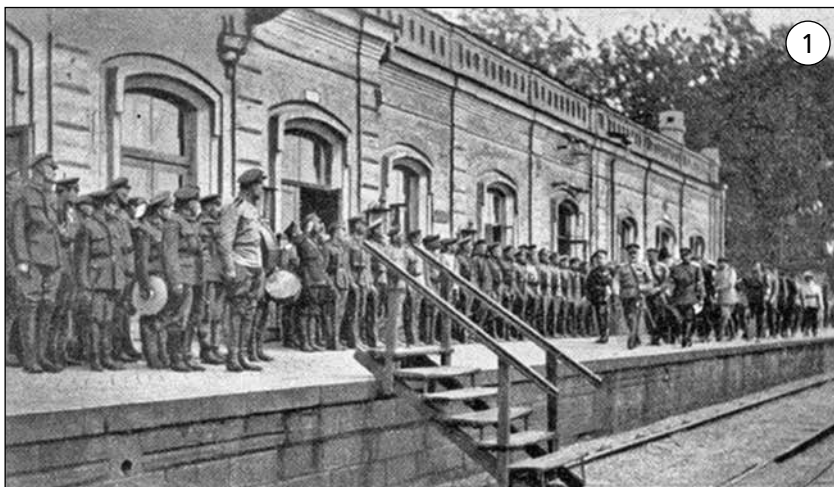
Накануне взятия Белгорода красные взяли в заложники и расстреляли в десяти верстах от города 60 его видных граждан. В отместку за это белыми тотчас по вступлении в город был публично расстрелян «начальник обороны красных, бывший унтер-офицер Императорской армии». Тела казнённых заложников были доставлены в Белгород на следующий день и похоронены «в обстановке действительно общего озлобления против диктатуры большевистского интернационала»¹⁷⁵. Тогда же, 11 (24) июня, начальником 1-й пехотной дивизии генерал-майором Н.М. Тимановским на городской площади был принят парад войск. 25 июня (8 июля) в Белгород прибывает сам главнокомандующий Вооружёнными Силами на Юге России, генерал-лейтенант А.И. Деникин, поздравивший войска с «выходом на большую Московскую дорогу». На центральной площади города состоялись торжественный парад и молебен. Как отмечали очевидцы, «ликование жителей носило самый искренний и даже трогательный характер»¹⁷⁶.

Между тем на следующий день после падения Белгорода белые заняли и Харьков. Остатки разбитых красных войск стали отступать, в том числе и в белгородском направлении. Для отражения этого движения из Белгорода были выдвинуты Марковские части, успешно справившиеся с порученной им задачей. Одновременно

174 *Рошин В., Ефремова Л.* Они боролись за Советскую власть. Старые бойцы встречаются вновь // Курская правда. 1957. 17 августа; Кукулдава Р.С. Бронепоезд «Молния» // Они были первыми. — Воронеж, 1969. — С. 241.

175 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 249.

176 Там же. С. 250.



1. Парад Марковского полка в честь прибытия генерала А.И. Деникина. Белгород. 1919 г.

2. Офицеры–марковцы в Белгороде. Лето 1919 г. Слева направо. Верхний ряд: Селецкий, Папков, Китов, Перебейнос, Фёдоров, Образцов, Шевченко, Пономарёв, Си..отский, Крыжановский, Гаманов, неизвестный. Нижний ряд: Наинский, Трусов, Докукин, Тимановский, священник Недельский, Слоновский, Лесевицкий.

была отражена попытка контрнаступления, предпринятая Красной армией с севера. В ходе семидневных боёв марковцы, «то наступая, то отступая... разбили пятитысячную группу и выдвинулись вёрст на десять к северу, захватив до 900 человек в плен... Дрались красные отчаянно. Оказалось, их части были сформированы ещё в начале 1919 г. из добровольцев и бились с немцами, когда те перешли в наступление на Северном и Западном фронтах. Ими командовали бывшие офицеры. Один из них, будучи раненым, отстреливался из револьвера до последнего патрона. Дерзко действовал красный бронепоезд «Черномор»¹⁷⁷. Особенно упорные бои развернулись в районе станций Сажное и Тетеревино.

Потерпев неудачу в наступлении с севера, красные нанесли удар с другой стороны, попытавшись перерезать линию Харьков – Белгород и выйти в тыл частям 1-й дивизии. С этой целью перешли в наступление войска, сосредоточенные у слободы Борисовка – 3-й батальон 35-го Печенежского полка и 1-й батальон 1-го Грайворонского революционного полка. Брошенный им навстречу 1-й батальон Марковского полка выдержал 30 июня (13 июля) жестокий бой у ст. Наумовка. Численно превосходящие белых красные части, умело совершив фланговые охваты, угрожали окружить и уничтожить своего противника. Положение спасла неожиданная сдача в плен целого батальона красноармейцев в 400 штыков под командованием бывшего штабс-капитана Дубинина. Это переломило ход боевых действий, и на следующий день марковцы заняли Борисовку.

Слобода оказалась в руках белых, «однако доминирующие над ней высоты за речкой [Ворсклой] с древним женским монастырём взять не удалось. 3-я рота готовилась атаковать её ночью; 1-я батарея вела пристрелку. Батарея красных мешала ей – её стрельбу корректировал наблюдатель с колокольни монастыря. Обстрелять колокольню? Несколько шрапнелей и, как стон раненого, отозвался один из колоколов, в который попал осколок. Стон, болезненно отозвавшийся в сердцах марковцев. Ночью высоты с монастырём были взяты»¹⁷⁸. В период 2 (15) – 21 июля (3 августа) линия фронта у Борисовки оставалась стабильной, и противостояние выражалось лишь в отдельных стычках и перестрелках.

В то же время тревогу у командования белых стала вызывать ситуация у ст. Готня – важного железнодорожного узла, где было сосредоточено до четырёх полков красных. Сюда отступали на пере-

177 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. – Т. II. – Париж, 1964. – С. 48.

178 Там же. С. 51.

формирование разбитые подразделения, сюда поступали свежие пополнения: Волчанский батальон Г.М. Кобленца, Грайворонский отряд А.Н. Борисенко, Суджанский отряд В.С. Сомова, отряд из Борисовки под командованием Ф. Гордого, караульные роты из Орла и Белгорода. В самой Гютне был также сформирован отряд под началом бывшего прапорщика С.Е. Кутузова¹⁷⁹.

Наращивание сил этой группировки было тем более опасно, что одновременно происходило сосредоточение красных на противоположном фланге 1-го Армейского корпуса, в районе стыка его с левым флангом Донской армии. Ожидалось, что командование Красной армии предпримет одновременный удар с двух сторон, намереваясь взять противника в огромные клещи. Две роты марковцев при поддержке двух бронепоездов произвели попытку вылазки в сторону Гютни, надеясь прощупать оборону противника. Однако состав попал под меткий артиллерийский огонь и подвергся атаке красной пехоты. Несколько вагонов сошло с рельс. Разгорелся упорный бой, затянувшийся на целый день. Потери белых составили в общей сложности 180 человек. После этого для захвата Гютни 22 июля (4 августа) в Белгороде был сформирован отряд под командованием генерала А.Н. Третьякова в составе 1-го и 4-го батальонов 1-го Марковского полка, Марковской инженерной роты, 10-го Ингерманландского гусарского и 2-го Корниловского ударного полков при поддержке 10 орудий и трёх бронепоездов.

На рассвете следующего дня, миновав станцию Томаровка, части отряда Третьякова заняли исходные позиции для атаки Гютни. Первым в бой вступил бронепоезд «Офицер». Следом за ним в атаку двинулись пехотные части. Красный бронепоезд «Черноморец» выдвинулся навстречу атакующему противнику и с первых же выстрелов сбил несколько вагонов вспомогательного поезда «Офицера», отрезав ему путь к отходу. Для поддержки его генерал Третьяков выдвинул вперёд бронепоезда «Иоанн Калита» и «Дмитрий Донской». Со стороны красных в бой также вступило ещё два бронепоезда. Защитники станции упорно оборонялись, время от времени нанося сильные контрудары. Особенно ожесточённо сопротивлялся 1-й революционный Грайворонский полк под командованием А.Н. Борисенко¹⁸⁰.

179 Шевченко И.Н. В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 44.

180 «1 революционный Грайворонский полк... создан революционным порядком на ст. Гютня Северо-Донецкой ж.д. Основой полка были караульная рота грайворонского увоенкома, части грайворонской уездной милиции и отряда особого назначения, соединённые в грайворонский батальон под командой тов. А. Борисенко. После падения Белгорода через ст. Гютня стали проходить остат-

«Во время наступления 7-я [Марковская] батарея неожиданно из-за леса была атакована с дистанции 500 шагов Грайворонским коммунистическим полком, бросившимся на батарею с криками «пушки наши!» — пишет А.М. Леонтьев. — Всё перед батареей было окутано дымом от бомб с замедлителем и пылью своих пулемётов, а перед фронтом после двух-трёх минут беглого огня остались лишь трупы коммунистов»¹⁸¹.

Решающие бои за обладание станцией приходится на 24 июля (6 августа)¹⁸². Согласно М.Н. Левитову, «фронтальной атакой станцию нельзя было взять, так как бронепоезда противника работали отлично. Справа в обход были пущены по лесу 9-я и 11-я роты и команда пеших разведчиков [2-го Корниловского полка]... Станция была атакована ими справа и в тыл, бронепоезда красных били на картечь по цепям, но испуганные работой разведчиков в тылу у себя и наступлением наших бронепоездов они отступили и ушли на ст. Юсупово»¹⁸³. Вслед за взятием Готни белые, продвигаясь на север, занимают Красную Яругу, Ракитное и ст. Юсупово.

В эти же дни было сломлено и сопротивление красных у Грайворона, что также имело большое значение для успешной организации наступления белых. Дело в том, что после занятия Томаровки, Стригунов, Александровки, Герцевки и Борисовки, Грайворон и его округа, контролировавшиеся красными, вклинивались в линию фронта, являясь для белых настоящей занозой. А 16 (29) июня в Грайворон вошла бригада Ю.В. Саблина — до 1500 человек при 48 орудиях и 30 пулемётах. Ядром её являлся Печенежский стрелковый полк, в котором было «много добровольцев из слободы Печенеги, шахтёров из Донбасса. Были и китайцы. Они работали на

ки частей, оперировавших под Белгородом, здесь они приводились в порядок и вливались в состав грайворонского батальона. С вторжением противника в пределы Грайворонского у. в батальон стали вливаться добровольцы из дезертиров Грайворонского у., часть которых после тщательной фильтрации вливалась в батальон... По прибытии Суджанской караульной роты и двух рот орловских грайворонский батальон развернулся в 1 революционный Грайворонский полк численностью до 1200 штыков...» — так сообщает о формировании полка его комиссар А.А. Сагайдак (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 136).

181 Леонтьев А.М. На Московском направлении // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 216.

182 Согласно официальным советским данным, Готня была оставлена красными 8 августа н. ст. (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 328).

183 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 261–262.

донецких шахтах и в Красную армию вступили добровольно»¹⁸⁴. Бригада отступала после тяжёлых и неудачных боёв с белыми на Украине. «Обмундирование у бойцов изнашивалось, у многих на ногах была полуразвалившаяся обувь. Да и сам комбриг был почти босой. Саблин, усталый, пропылённый, явился в ревком и попросил расквартировать части бригады на короткий отдых»¹⁸⁵. Тем не менее, бригада оказалась способна оказать упорное сопротивление наступающим белым.

В этот же день начались бои за город. Белые атаковали как сам Грайворон, так и соседнее село Головчино, где оборону держал отряд рабочих местного сахзавода и члены волостного ревкома под командованием Петра Заднепрянского и Антона Воейко.

«Всей группой красных войск командовал какой-то матрос, — пишет об этих боях командир Белозерского полка Б.А. Штейфон. — ...Позиция большевиков была усилена окопами, имевшими у Грайворона двухъярусную оборону и проволочные заграждения. Место предстоящего боя являло картину, какую можно было наблюдать только в период Гражданской войны. Между фронтами нашим и красных весь день работали крестьяне, убирая хлеб. Во время перестрелок охранения они ложились на землю, а когда огонь прекращался, снова принимались за работу»¹⁸⁶. Иногда бывали среди них раненые. Я приказал своему охранению без крайней нужды огня

184 *Шевченко И.Н.* Грайворонский революционный... — Белгород, 1962. — С. 28–29.

185 Там же. С. 28.

186 «Стояли жаркие летние дни. На полях созревал урожай. Крестьяне использовали каждый час затишья для уборки хлеба. Им помогали бойцы Печенежского и Грайворонского полков, продовольственные отряды, прибывшие из Москвы, Иваново, Курска. Работали в основном ночью. Зерно... сразу же отправляли в глубинные районы страны, чтобы врагу не досталось ни одного пуда хлеба» (*Шевченко И.Н.* В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 48–49).

Можно себе представить ту «помощь», что оказывали крестьянам продотряды, немедленно изымавшие собранное зерно и отсылавшие его «в глубинные районы страны»! Неудивительно, что симпатии крестьян склонялись в пользу белых, как о том сообщает далее Б.А. Штейфон.

Проблема с уборкой грайворонского хлеба была предметом специального обсуждения Курского губернского руководства при участии эмиссара из Москвы тов. Розова, которое состоялось 19 июля 1919 г. Решался вопрос о том, где взять рабочие руки для жатвы и вывоза зерна. Поступали самые разнообразные предложения, вплоть до проведения облавы на улицах или заманивания людей на гулянье с последующим их арестом. Предлагалось привлечь к этому и воинские части. В итоге было решено послать под Грайворон добровольцев, посулив им оплату в виде 3 пудов муки за неделю работы, а также «бездельников», выявить которых должна была городская милиция. Однако, судя по всему, набрать нужное количество людей так и не удалось, и потому пришлось проводить уборочную силами красноармейцев (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 292–297).

не открывать, и крестьяне скоро заметили, что инициаторами стрельбы являлись обычно красные. Это обстоятельство вызвало большую неприязнь к красным, чем мы и пользовались. Мужики и бабы, желая насолить красным, охотно передавали нашим разведчикам сведения о противнике. Поля «наших» крестьян находились позади расположения полка, и пропуск через линию Белозерского охранения был воспрещён. Когда утром крестьяне не выходили на работы, это всегда являлось признаком того, что большевики что-то готовят... Красные войска обладали одной особенностью: они, как всякие слабые духом части, не любили ночных боёв... Располагая слабыми силами, я решил использовать эту особенность красных и назначил атаку Грайворона под вечер. Накануне ночью была произведена соответствующая перегруппировка, и в течение дня выдвинутые роты лежали, прикрываясь наскоро вырытыми замаскированными окопами. Большевики не заметили всех этих приготовлений... Стремительно поведённая во фланг атака, чего, по-видимому, мой партнёр-матрос никак не ожидал, произвела на противника сильное впечатление. Матрос двинул все свои резервы на атакованный участок и, как потом выяснилось, выехал туда и сам. С нашей стороны это была, однако, только демонстрация, и главный удар был нанесён в центре. Всё было закончено менее чем в три часа. Мы захватили более 200 пленных, несколько пулемётов, одно орудие и почти весь обоз красных. Среди взятой большой добычи оказался обширный склад английской парфюмерии. Зачем большевики привезли его в Грайворон, я так и не дознался»¹⁸⁷.

Грайворон пал 25 июля (7 августа)¹⁸⁸. Остатки частей оборонявшего его Печенежского полка отступили к с. Вишнево. К соседним сёлам Бобрава и Пены отошли разгромленные части 1-го революционного Грайворонского полка. Спустя три дня они были включены в состав 2-й бригады 9-й стрелковой дивизии, превратившись в её 78-й полк.

Падение Белгорода, которому красное командование придавало особое значение, вызвало тревогу за прочность обороны перед лицом упорно продвигающихся войск ВСЮР. Вскоре после завершения боёв, 12 (25) июня, Курский губком обсудил доклад пред-

187 *Штейфон Б.А.* Командование Белозерским полком // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. — М., 2002. — С. 398–399.

188 Отдельные эпизоды Грайворонской обороны красочно излагает И.Н. Шевченко (*Шевченко И.Н.* В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 48–53; *Шевченко И.Н.* Грайворонский революционный... — Белгород, 1962. — С. 28–30). Правда, при этом мемуарист убеждённо утверждает, что Грайворон осаждал давно погибший к этому времени «деникинский генерал Дроздовский».

седателя исполкома Курского губернского совета И.С. Шелехеса, вернувшегося после поездки на Белгородский фронт¹⁸⁹. По его словам, «эвакуация прошла неорганизованно. Некоторые коммунисты вместо того, чтобы драться с воинскими частями до последнего, уезжали, т.е. дезертировали. Командир и помощник Волчанского батальона бежали со своим батальоном при первой же встрече с врагом у Белгорода. Они арестованы. Шелехес... потребовал от губвоенкома подкреплений к определённое время. Но подкрепление не поступило, и вследствие этого был оставлен Белгород. Однако выяснилось, что назначенное к отправке в Белгород подразделение почему-то задерживалось на ст. Курск долгое время»¹⁹⁰.

Вслед за этим 17 (30) июня Курск и его окрестности объявляются крепостным районом, и для руководства его обороной создаётся Совет Курского крепостного района (Шелехес, Емельянов, Шумов), которому и передаётся вся полнота власти в пределах района¹⁹¹. А 1 (14) июля Совет объявил мобилизацию всего мужского населения в возрасте от 18 до 50 лет в пределах Курска и прилегающих слобод – Пушкарной, Стрелецкой, Ямской и Казацкой¹⁹².

Последовал и всплеск карательной активности в рядах самой Красной армии. На фронт прибыл лично председатель Реввоенсовета республики Л.Д. Троцкий, организовавший серию показательных расстрелов командиров, руководивших обороной Белгорода. В числе первых и наиболее видных жертв оказался сам комбриг М.Е. Трунов. Он был арестован вместе со своим политкомом Мясниковым по обвинению в «партизанщине». Главную роль в этом аресте сыграл комиссар 9-й дивизии Петрашин. Боевые товари-

189 Шелехес Илья Савельевич (10 марта 1891 – 3 сентября 1937) родился в Подольске, окончил реальное училище, вступил в РСДРП в 1908 г. В 1917 г. являлся членом Хамовнического ревкома и председателем полкового революционного комитета. В 1918 г. – секретарь Нижегородского РВК и заместитель председателя исполкома Нижегородского губсовета. В феврале–сентябре 1919 г. – председатель исполкома Курского губсовета, после падения города в период с 14 октября 1919 г. по 15 марта 1920 г. – военком 13-й стрелковой дивизии. После окончания Гражданской войны – на руководящей работе в Николаеве, Ярославле, Брянске, Харькове. В 1925–1926 гг. – уполномоченный СТО СССР по Средней Азии. С июля 1930 г. является членом Центральной Ревизионной Комиссии ВКП(б), а с 22 апреля 1933 г. – членом ЦК КП(б) Украины. С 1934 г. первый заместитель председателя СНК Украинской ССР, с 23 мая 1936 г. – член Политбюро ЦК КП(б)У. Арестован 23 июня 1937 г., выведен из состава членов Политбюро ЦК 4 июля 1937 г., а 3 сентября расстрелян.

190 КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26. Л. 82–84 (в составе подборки архивных материалов И.Ш. Френкеля).

191 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 122–123.

192 Там же. С. 123–124.

щи комбрига позднее даже утверждали, что Петрашин был «деникинским контрразведчиком», хитростью пробравшимся на столь ответственный пост. Основанием для таких утверждений служил факт перехода Петрашина к белым во время боёв под Орлом. Однако, скорее всего, происки белой контрразведки тут были ни при чём. Просто командованию Красной армии после сдачи Белгорода понадобился козёл отпущения. Именно поэтому остались без внимания обращения Белгородского ревкома в Курский губком РКП(б) и Реввоенсовет Республики. В итоге М.Е. Трунов был расстрелян 6 (19) августа 1919 г. в балке близ с. Пахонок Тимского уезда¹⁹³.

Но этим репрессии не ограничились. Комиссар Грайворонского полка А. А. Сагайдак сообщает в своих воспоминаниях колоритные подробности о работе действовавшего тогда на этом участке фронта военно-революционного трибунала под руководством товарища Кисилиса:

«Начались расстрелы... Почти из всех частей в штаб стали поступать сведения о совершенных казнях. Однажды в Ракитянский волостной Совет, где заседал трибунал, вызвали и меня. Я увидел нечто необычайное, что заставило меня содрогнуться. Возле дома,

193 «Пахоновские старожилы рассказывают разное. Кое-кто припоминает, будто незадолго перед казнью в село была срочно доставлена депеша с приказом немедленно освободить приговоренного к расстрелу. Но, очевидно, начальник конвоя заранее получил особые указания. Человека в командирской форме повели в балку. Кое-кто распустил слух, будто расстреливают белого офицера» (*Зайцев В.* Комбриг Трунов // *Знамя* (Белгород). 3, 5, 7, 10 августа. 1966). Благодаря стараниям боевых товарищей, в первую очередь Н.Д. Токмакова, расстрелянный комбриг был реабилитирован уже в 1927–1929 гг. Этому немало помогло то, что обстоятельства гибели Трунова удалось умело связать с якобы «предательской» деятельностью Л.Д. Троцкого, только что потерпевшего поражение во внутривластной борьбе, а также с «происками деникинских шпионов». Следует отметить, что официальные воспоминания ветеранов 9-й дивизии вообще не упоминают фамилии комиссара Петрашина, который занимал пост комиссара 9-й дивизии в период 1 июля – 6 сентября 1919 г.

Арестован М.Е. Трунов был в Курске, куда выехал с целью добиться присылки пополнений в его поредевший полк. В делах губвоенкомата за 1919 г. сохранилась телеграмма, посланная 13 июля белгородским военкомом Филипповым губвоенкому Алистартову: «Приехал с фронта командир пятого Курского полка товарищ Трунов и на основании имеющихся у него документов просит мобилизованных 95 и 96 и 94 годов а также и добровольцев взять на фронт людей для пополнения полка и бригады точка Мобилизованные с желанием хотят получить назначение к нему точка Прошу указания как поступить точка. РЕЗОЛЮЦИЯ: Без разрешения Окровенкома дать не можем. Трунов едет Курск» (НА КОКМ. Д.85. Л. 3). Исходя из текста телеграммы, можно предположить, что Трунову уже не доверяли, а желание мобилизованных служить именно у него вызывало какие-то смутные подозрения, что, в конечном итоге, и повлекло арест, а затем и расстрел комбрига 19 августа 1919 г.

у стены, лежал труп расстрелянного моряка Сергеева, охранявшего местные сахарные заводы. На крыльце стояли три станковых пулемета. Комната, где заседал трибунал, была заполнена вооруженными до зубов латышскими стрелками, которые окружали Кисилиса. Я представился:

– Комиссар первого Грайворонского полка.

Кисилис набросился на меня, с пеной у рта начал кричать, почему я не демонтирую Ракитянский и Краснояружский сахарные заводы, к которым на самом деле я не имел никакого отношения.

Кисилис не слушал моих объяснений, кричал и, распаяясь всё больше, выхватил из кабуры маузер. Так мы и стояли друг против друга с оружием в руках. Прибывший вместе со мной начальник связи Янгельд, увидев это, быстро выбежал из волостного Совета и бросился к командиру полка Борисенко. Немедленно была поднята тревога, трибунал окружили наши бойцы. Кисилис, увидев в окно части, выстроившиеся в боевом порядке, вложил в кобуру маузер и стал перед нами извиняться.

В этот же день Кисилис со своими латышскими стрелками уехал»¹⁹⁴.

Массовые расстрелы, практиковавшиеся в Красной армии, привели не столько к укреплению дисциплины в её рядах, сколько вызвали волнения среди бойцов. Как сообщает А.А. Сагайдак, «красноармейцы протестовали против расправы [и]... в результате начавшегося беспорядка многие роты нашего полка стали небоеспособными»¹⁹⁵. Это только облегчало продвижение белых.

Успешному наступлению белых содействовала и та неразбериха, которая царилa среди красного командования. Тот же А.А. Сагайдак вспоминает: «С одной стороны мы подчинялись начальнику боевого участка обороны Курской губернии т. Гроза, а с другой – нами командовал вновь назначенный начальник 2-й бригады со штабом в Обояни... У нас таким образом оказалось двоевластие. Тов. Гроза непосредственно подчинялся курскому укрепрайону. Мы подчинялись ему и в то же время т. Шишковскому [командиру 2-й бригады]. Кроме того, Курский укрепрайон создал целую дивизию из Курских частей. Таким образом, в процессе боя, обороняя Курск, мы не знали конкретных задач наших вышестоящих руководителей и кому же мы должны подчиняться и чьи приказы выполнять»¹⁹⁶.

194 Сагайдак А.А. Долой войну! // 1917–1957. Статья, воспоминания, очерки. – Курск, 1957. – С. 171.

195 Там же.

196 Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. Курск, 1967 (рукопись). – Л. 58.

После взятия Белгорода Добровольческая армия продолжает развивать успешное наступление, и 17 (30) июня части 1-го конного генерала Алексеева полка занимают Корочу. Вскоре вокруг неё разворачиваются упорные бои, и на подкрепление алексеевцам были переброшены 3-й батальон Корниловского ударного полка и приданная ему 2-я Марковская батарея. С их помощью в ходе упорных боёв 20–27 июня (3–10 июля) были отражены все попытки красных частей вновь овладеть Корочей. Корочанским отрядом в составе батальона Корниловского полка и 17-го Черниговского гусарского полка командовал полковник А.А. Морозов.

Активизация красных на этом участке была связана с приказом Реввоенсовета 13-й армии № 52 от 12 (25) июня. В нём было указано, что противник, заняв Белгород, ослабил свои действия на участке Короча – Новый Оскол, что создаёт возможности для более активных действий на этом направлении. В итоге части Корочанского боеучастка были подчинены тогдашнему командующему 9-й дивизией Орлову, перед которым была поставлена задача перейти в наступление в районе Корочи и отбить этот город¹⁹⁷. Однако прибытие свежих Корниловских и Марковских частей сорвали все усилия 9-й дивизии.

Обороняясь, белые время от времени наносили короткие контрудары в направлении сёл Поповка, Погореловка, Катеево и Платовец. Особенно упорной оказалась борьба за с. Платовец, где советские части были поддержаны бронеавтомобилями. «Один из них прорвался к месту расположения передков батареи. Открыть по нему огонь было невозможно, так как там же находился резерв отряда. Корниловцы сначала опешили, но затем открыли пулемётный огонь и бросились в атаку. Броневик стал быстро отходить по дороге, которая проходила недалеко от батареи. Батарея открыла огонь и окончательно отогнала его. Попытки других броневиков приблизиться и прорваться сквозь цепи корниловцев были отбиты огнём батареи»¹⁹⁸.

В итоге части 9-й дивизии были вынуждены отойти и до начала июля прикрывали Корочанско–Тимское направление, после чего на смену им прибыла 42-я стрелковая дивизия. Саму же 9-ю дивизию командование перебросило на рубеж Пселец – Ржава – Кривец.

В тот же период белые занимают 20 июня (3 июля) Хотмыжск, а 22 июня (5 июля) – Новый Оскол. Оправившись от первого замешательства, красные наносят контрудар и 26 июня (9 июля) от-

197 *Добькин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. – Курск, 1961. – С. 41–42.

198 *Материалы для истории Корниловского ударного полка.* – Париж, 1974. – С. 254.

бывают Новый Оскол. Его они удержали, правда, лишь пару дней до 28 июня (11 июля), зато Хотмыжск находился в их руках вплоть до 24 июля (6 августа).

Крестьянка из с. Велико-Михайловка Н.Д. Лубинец вспоминала позднее о непрерывных боях этих летних дней: «Жили мы в селе Старые Безгинки за Новым Осколом, там целое лето был бой. Казаки стояли в лесу, а наши красные на горке... Мы жили в слободке, нам даже хлеба не давали убрать. Пошла наша разведка сюда, в моём доме стояли разведчики. И вот они, как приехали с разведки, так сказали: «сейчас казаки начнут наступать». Заиграла музыка, пошли с флагами, только прошли саженой пять, выступили казаки и начали биться. Я с детьми сидела в погребе. Наутро вышел приказ женщинам вылезти с детьми из погребов и варить обед. После обеда опять прятались в погреб»¹⁹⁹.

Линия фронта колеблется в неустойчивом равновесии, но положение в Курске остаётся тревожным. Курский губком принимает серию постановлений по укреплению обороноспособности: 14 (27) июня обсуждается вопрос о мобилизации буржуазии для тыловых работ, после чего было решено «силами коммунистов провести в одну ночь облавы с целью переписи взрослого буржуазного населения (чтобы не разбежались)²⁰⁰, 17 (30) июля принято постановление: «предложить главначштабу обратить внимание на оборону г. Курска, для чего войти в тесную связь со штабом Внутренней обороны; приступить к военному обучению коммунистов применительно к уличным боям»²⁰¹; 29 июня (11 июля) губкомом предлагается Совету крепостного района «привлечь к оборонительным работам безработных, мобилизовать крестьян и т.д.»²⁰²; 27 июля (9 августа) губком заслушал доклад И.С. Шелехеса «о критическом положении обороны в уездных городах. Постановили: создать во всех уездных городах губернии боевые единицы из караульных рот, милиции, комм[унистических] и прод[овольственных] отрядов и немедленно привести их в боевую готовность»²⁰³.

199 ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 29. Л. 26–27.

200 КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26. Л. 85 (из подборки архивных материалов И.Ш. Френкеля).

201 КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26. Л. 127 (из подборки архивных материалов И.Ш. Френкеля).

202 КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26. Л. 99 (из подборки архивных материалов И.Ш. Френкеля).

203 КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 26. Л. 135 (из подборки архивных материалов И.Ш. Френкеля).

«Московская директива» и планы красного командования. Подводя итоги действиям ВСЮР на данном этапе, А.И. Егоров с полным правом констатировал: «Теперь Деникин мог считать по внешним стратегическим признакам своё положение блестящим. Вся Донская область была очищена от красных войск, Царицын, этот стратегический камень преткновения многочисленных попыток белых, наконец, был взят. В центре Деникин стоял на подступах к Воронежу, причём перед собой он имел слабые, мало боеспособные, измученные тяжёлым отступательным маршем части красных. Харьков и вся Слободская Украина — в руках белых; Левобережная Украина также становится составной частью вновь объявленного государства — Добровольии. И вот, упоённый блестящими успехами, а главное широчайшими перспективами ближайшего будущего, Деникин, сидя в Царицыне, отдаёт свою пресловутую «Московскую директиву»²⁰⁴.

«Московская директива» была отдана А.И. Деникиным 20 июня (3 июля) 1919 г. Она гласила: «Имея конечной целью захват сердца России — Москвы, приказываю:

1. Ген. Врангелю выйти на фронт Саратов — Ртищево — Балашов, сменить на этих направлениях донские части и продолжать наступление на Пензу, Рузаевку, Арзамас и далее — Нижний Новгород, Владимир, Москву...
2. Ген. Сидорину правым крылом, до выхода войск ген. Врангеля, продолжать выполнение прежней задачи по выходу на фронт Камышин — Балашов. Остальным частям развивать удар на Москву в направлениях: а) Воронеж, Козлов, Рязань и б) Новый Оскол, Елец, Кашира.
3. Ген. Май-Маевскому наступать на Москву в направлении Курск, Орёл, Тула. Для обеспечения с Запада выдвинуться на линию Днепра и Десны, заняв Киев и прочие переправы на участке Екатеринослав — Брянск...»²⁰⁵

Директива предусматривала нанесение главного удара на кратчайших из ведущих к Москве направлениях — на Курск и Воронеж. Ощущая реальную угрозу, Советское правительство и ЦК РКП(б) приняли решение срочно организовать контрнаступление войск Южного фронта с целью нанесения упреждающего удара и предотвращения наступления армий ВСЮР на Москву. Из двух предложенных на рассмотрение планов, авторами которых были, со-

204 Егоров А.И. Разгром Деникина. — М.—СПб., 2003. — С.166.

205 Деникин А.И. Очерки русской смуты. Т. V // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 90–91.



1. Эшелон с ударниками отправляется на фронт. 1919 г.

2. Коммунистический батальон перед отправкой на Южный фронт. 1919 г.

ответственно, И.И. Вацетис и сменивший его на посту главкома С.С. Каменев, одобрение получил второй²⁰⁶.

Согласно замыслу нового главкома С.С. Каменева, главный удар по деникинским войскам наносился левым крылом Южного фронта через Донскую область. Чтобы облегчить наступление, на Харьковском направлении планировалось нанести вспомогательный удар. Директива о подготовке контрнаступления была дана 23 июля 1919 г.

По распоряжению С.С. Каменева создавались две ударные группы. На левом крыле Южного фронта была сформирована Особая группа под командованием В.И. Шорина. В её состав входили 9-я и 10-я армии, а также Конный корпус С.М. Будённого. К моменту начала наступления численность этих сил составляла 45 000 штыков и 12 000 сабель при 1080 пулемётах и 240 орудиях, что значительно превосходило противостоявшие им войска белых. Вторая, вспомогательная группа, под началом помощника командующего Южным фронтом В.И. Селивачёва, включала в себя 8-ю и 13-ю армии. Она должна была нанести удар из района Лиски – Новый Оскол – Короча – Обоянь в направлении на Харьков, Купянск и Валуйки. Силы группы Селивачёва насчитывали 43 000 штыков и 4660 сабель при 1600 пулемётах и 310 орудиях. Противостоявшие им силы белых красные войска превосходили здесь в полтора раза по числу штыков, в шесть раз по пулемётам и в четыре раза по числу орудий²⁰⁷.

Одновременно произошли перемены среди высшего командного состава Красной армии – вместо В.М. Гиттиса, бывшего полковника царской армии, командующим войсками Южного фронта был назначен бывший генерал-лейтенант В.Н. Егорьев, до этого исполнявший обязанности инспектора пехоты Полевого штаба Реввоенсовета республики.

Начало наступления было запланировано на 1–3 (14–17) августа, о чём командованию ВСЮР, благодаря его агентуре, стало известно заблаговременно. В итоге, за четыре дня до прихода в движение войск Южного фронта в рейд по тылам Красной армии был брошен конный корпус генерала К.К. Мамантова.

206 Связано это было в первую очередь с тем, что 8 июля главком И.И. Вацетис (бывший полковник генштаба старой армии) был арестован. Его обвиняли в организации антисоветского заговора, но освободили за отсутствием состава преступления. Однако на прежний пост его уже не вернули, объясняя это тем, что «бывший главком человек неуравновешенный и неразборчивый в знакомствах и связях» (*Веркеенко Г.П., Минаков С.Т.* Московский поход и крушение «добровольческой политики» генерала А. Деникина. – М., 1993. – С. 203).

207 История Гражданской войны в СССР. – Т. 4. – М., 1959. – С. 220–222.

Рейд Мамантова. Перед генералом К.К. Мамантовым была поставлена задача: «прорвать фронт противника между Борисоглебском и Бобровым и, разрушив тылы красных, способствовать быстрейшему продвижению Донской армии в её полосе, имея конечной целью овладение Москвою». Численность сил, которыми располагал Мамантов, достигала 9 000 штыков и шашек при 12 орудиях и 3 броневедомолах²⁰⁸. На рассвете 22 июля (4 августа) Мамантов нанёс удар в стык 8-й и 9-й советских армий, прорвав фронт и углубившись в тыл войск Южного фронта²⁰⁹.

«По всему пути генерал Мамантов уничтожал склады и громаднейшие запасы противника, разрушал железнодорожные мосты, распустил несколько десятков тысяч мобилизованных, вывел целую бригаду крестьян-добровольцев, нарушил связь, снабжение и вызвал среди большевиков сильнейшую панику», — так оценивал результаты рейда А.И. Деникин²¹⁰. Казаки прошли через Борисоглебск, Тамбов, Козлов и Елец, гарнизон которого не только не оказал никакого сопротивления, но ещё и встретил казаков с музыкой.

Для борьбы с неуловимой и вездесущей казачьей конницей красное командование вынуждено было привлечь даже авиацию. Главком С.С. Каменев издал 23 августа приказ: «Из безвыходного положения найти выход: создать в 24-часовой срок авиационный кулак с тем, чтобы через 48 ч. он был в Кшени... с целью вести оттуда разведку и атаками с воздуха задержать наступление конницы, пока на её пути не будут сосредоточены достаточные силы пехоты»²¹¹. В итоге была спешно создана Авиагруппа особого назначения (АГОН) под командованием К.В. Акашева. Перед красными военлётками была поставлена задача «уничтожить прорвавшиеся части Мамантова пулемётным огнём сверху и бомбами». К середине сентября в Кшени было сконцентрировано шесть авиаотрядов, в составе которых находилось не менее 40 опытных лётчиков.

Между тем, простояв в Ельце до 22 августа (4 сентября), донцы тремя колоннами выступили на юг в общем направлении на Воронеж. Правая колонна (6 конных сотен, две роты пехоты и 8 орудий) двинулась на Касторное. Совершив переход в 80 вёрст, она в тот

208 Там же. С. 223; *Цветков В.Ж.* Генерал-лейтенант К.К. Мамантов // Исторические портреты: Корнилов, Деникин, Врангель... — М., 2003. — С. 369.

209 *Цветков В.Ж.* Указ. соч. С.370; А.И. Егоров и «История Гражданской войны в СССР» дают иную дату начала рейда — 10 августа нового стиля (История Гражданской войны в СССР. — Т. 4. — М., 1959. — С. 223; Егоров А.И. Указ. соч. С. 193).

210 *Деникин А.И.* Очерки русской смуты. Т. V. // Вопросы истории. — 1994. — № 9. — С. 99.

211 *Хайруллин М.А., Кондратьев В.И.* Военлётки погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. — М., 2008. — С. 255.



1. Генерал–лейтенант К.К. Мамантов, командир 4–го Донского конного корпуса Добровольческой армии.

2. Генерал–лейтенант А.Г. Шкуро, командир 3–го Кубанского конного корпуса Добровольческой армии.

3. Казачи «волчьей сотни» Шкуро со знаменем.

же день после артиллерийской перестрелки овладела станцией Набережная в 16 верстах севернее Касторной. В полдень 24 августа (6 сентября) казаки заняли станцию Касторная. За овладение ею произошёл один из немногих серьёзных боёв, которые пришлось выдержать Мамантову за всё время его рейда. Он длился почти сутки. Против мамантовцев красные выставили сводный отряд А.Д. Козицкого в составе трёх полков коммунаров и полка 3-й стрелковой дивизии. Кроме того, для защиты станции была создана боевая железнодорожная дружина и оборудован бронепоезд, броню которого заменяли ряды шпал. Чтобы задержать продвижение белого бронепоезда, навстречу ему был пущен своеобразный брандер — «паровоз без вагонов и без бригады»²¹². Тем не менее Касторная была занята. Козицкий отступил на Суковкино и Лачиново. Красный «бронепоезд», выступивший навстречу казакам, потерпел крушение, поскольку машинисты покинули его после первых же выстрелов со стороны противника. На станции Касторное-Восточное мамантовцы захватили санитарную лётчатку красных, изрубив пашками находившихся там раненых красноармейцев. Затем казаки взорвали железнодорожные мосты и стрелки, разграбили склады Олымского сахарозавода. С подходом со стороны ст. Суковкино красного бронепоезда, давшего три залпа по станции, мамантовцы покинули Касторное, повернув на Воронеж²¹³. Чтобы затруднить преследование, они взорвали за собой мост через речку Ушивку и затем пустили на него паровоз с несколькими пустыми товарными вагонами²¹⁴.

Сосредоточив свои силы к северу, востоку и западу от Воронежа, Мамантов повёл атаку на город и после трёхдневных жестоких боёв ворвался в него. Здесь он продержался в течение суток, после чего двинулся на прорыв линии фронта в район Старого Оскола. Красные военлёты из АГОН рапортовали: «от села Солдатское к Ст. Осколу двигалась колонна кавалерии около 150 коней и 50 по-

212 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 27 (воспоминания старшего стрелочника ст. Касторное Е.Н. Черткова).

213 *Глубинцев А.В.* Русская Вандея // *Донская армия в борьбе с большевиками.* — М., 2004. — С. 328; *Кузнецова Е.И.* Касторное и Касторенский район. Исторический очерк. — Касторное, 1990. — С. 18. Боевой дружиной касторенских железнодорожников командовал ветеран восстания на крейсере «Очаков» Александр Тихонович Мещанинов. Одним из немногих уцелевших при расправе над ранеными красноармейцами был Николай Сергеевич Мешков — сын богатого старооскольского купца, позднее работавший директором краеведческого музея в Старом Осколе (личное сообщение *Е.И. Кузнецовой*).

214 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 27 (воспоминания старшего стрелочника ст. Касторное Е.Н. Черткова).

возок. От Петровское к Ст. Осколу шёл обоз в 30–40 повозок. От Ст. Оскола на N и NW по просёлкам много войск и обозов... В кавалерию, что по реке Бобровая Потудань, выброшено 18 бомб весом 9 п., выпущено по ним 7 обойм и сброшена литература $1\frac{1}{2}$ пуда»²¹⁵. Навстречу мамантовцам ударил 3-й конный корпус генерала А.Г. Шкуро. В итоге совместных действий фронт был прорван на ширину в 25 км и 6 (19) сентября войска Мамантова благополучно соединились с частями Шкуро, завершив свой знаменитый рейд.

«Оценивая результаты рейда, — писал позднее генерал А.В. Голубинцев, — нельзя не прийти к заключению, что возложенная главным командованием на генерала Мамантова задача была им выполнена блестяще. Разрушением железных дорог во всём районе Южного фронта противника... разрушением связи телеграфной и телефонной, уничтожением военного имущества и складов, разгромом и роспуском по домам красных отрядов, с раздачей оружия противобольшевистски настроенному населению, мобилизацией добровольцев и быстрыми и неожиданными передвижениями — была внесена полная деморализация и паника во всём районе тыла Южного фронта красных. Красное командование и администрация потеряли голову... Вся жизнь замерла. Все комитеты и революционные Советы разбежались ещё до появления казачьих разъездов. Красные части были настолько деморализованы, что при соприкосновении с казаками по большей части почти не оказывали достаточно упорного сопротивления и отходили, иногда даже разбежались или сдавались в плен, или переходили на сторону мамантовских всадников, выдавая комиссаров и коммунистов. Выяснено было резкое противосоветское настроение населения. Красный фронт хотя и не был сдвинут, но сильно поколеблен и деморализован»²¹⁶.

«*Купянский прорыв*». Но сорвать запланированное наступление Южного фронта белым не удалось: 1 (14) августа начала наступление Особая группа Шорина, а на следующий день перешла в наступление группа Селивачёва²¹⁷. Рейд Мамантова лишил её необходимых резервов, брошенных в погоню за прорвавшимися казаками,

215 Хайфуллин М.А., Кондратьев В.И. Военлётцы погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. — М., 2008. — С. 261.

216 Голубинцев А.В. Русская Вандея // Донская армия в борьбе с большевиками. — М., 2004. — С. 330–331.

217 История Гражданской войны в СССР. — Т. 4. — М., 1959. — С. 223; В.Е. Павлов называет иную дату начала наступления Селивачёва — 6 августа старого стиля (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 60).

однако на темпах продвижения войск это практически не сказалось. За первые пять дней боёв войска Селивачёва продвинулись в центре на 35–40 км, а на флангах – на 15–20 км. Однако, по мере развития наступления, направление удара группы стало всё более отклоняться на юго–запад, вправо от группы Шорина. Это ослабляло взаимодействие обеих группировок и создавало возможность для нанесения белыми фланговых ударов.

Одновременно с В.И. Селивачёвым 1(14) августа перешёл в наступление, ударив в стык 13–й и 14–й красных армий, и 1–й армейский корпус А.П. Кутепова. Это замедлило, а потом и вовсе остановило продвижение правого фланга красных. Но в центре советские войска продвинулись на 150 км, выдвинувшись клином к Купянску, Харькову и Валуйкам, Волчанску. Наступление на Харьков, однако, было остановлено конным корпусом генерала А.Г. Шкуро и Самурским полком юго–западнее Волчанска, а также Марковцами в районе Салтова и Хотомли. У ст. Разумная Корниловские и Марковские части остановили наступление красных в сторону Белгорода²¹⁸. Для удержания позиций у Разумной 13 (26) августа был специально привлечён бронепоезд «Офицер». Удары белых по обнажённым флангам группы в районах Белгорода и Бирюча по сходящимся направлениям на Новый Оскол поставили Селивачёва перед угрозой разгрома и окружения. В итоге 21 августа (3 сентября) ему пришлось отдать приказ об отступлении на линию Бирюч – Новый Оскол – Белгород. По оценке А.И. Егорова, «предварительная боевая подготовка, энтузиазм наступления, а главное – живая сила – оказались принесёнными в жертву предвзятой идее операции, а отсюда и плохой стратегии»²¹⁹.

Как наступление, так и отход группы Селивачёва сопровождались ожесточёнными боями. Белые на какое–то время вторгаются вглубь Курской губернии, занимая Обоянь (с 4 (17) по 17 (30) августа), Коренево (с 6 (19) по 15 (28) августа), Рыльск. Однако напор наступающей Красной армии был слишком силен, чтобы добровольцы на этом этапе смогли удержать завоёванные позиции. Примером тому служит переход из рук в руки Рыльска.

По словам уездного военкома, «до 15 августа в уезде было спокойно, определённых сведений о продвижении противника не поступало». Но ночью 14 (27) августа через город началось движение беспорядочно отступающих подразделений Красной армии. Пер-

218 Вопреки утверждениям советских историков о взятии Белгорода в ходе наступления группы Селивачёва (История Гражданской войны в СССР. – Т. 4. – М., 1959. – С. 224).

219 *Егоров А.И.* Разгром Деникина. – М. – СПб., 2003. – С. 199.

вой ласточкой оказался Харьковский инженерный особый полк, оставивший в Рыльске роту в 230 штыков. Затем 15 (28) августа через город проследовал 6-й кавалерийский полк, а вечером подтянулся батальон Белопольского полка в 150 штыков при двух пулемётах. Все они, не задерживаясь в Рыльске, двигались в сторону Дмитриева. Местный гарнизон в 300 штыков, большинство которых были высланы на ст. Коренево в качестве заградотряда, был не в состоянии помешать бегству. «Остановить катившуюся волну частей и разоружить их не представлялось возможным», — сокрушался уездный военком. Известия с фронта становились всё тревожнее, и, наконец, после сообщения о падении Глушково, 18 (31) августа началась эвакуация. По решению ревкома все оставшиеся в городе воинские части, вместе с ротой 4-го Сумского полка, покинули Рыльск вечером 19 августа (1 сентября) и заняли позиции в 5 верстах к северу. После этого 21 августа (3 сентября) город был без боя занят передовыми разъездами белых. Однако ночью 22 августа Рыльск был вновь занят силами 4-й особой стрелковой бригады красных. На следующий день, под натиском противника, красноармейцы вновь оставили город, и к вечеру власть в нём опять поменялась. «Расшатанные пехотные части бригады» удалось остановить только в 35 верстах от Рыльска. Однако успех белых снова оказался кратковременным: приближение свежих сил противника (бригада Ю.В. Саблина) вынудило их покинуть Рыльск, и в ночь на 28 августа (10 сентября) в него опять вошли части красной 4-й бригады²²⁰.

Основная тяжесть боёв против перешедших в наступление частей генерала Кутепова легла на противостоящую им 9-ю стрелковую дивизию. В период 2–3 (15–16) августа она занимала участок фронта на линии Нагольное — Марьино. На Суджанском направлении действовала её 2-я бригада под командованием В.М. Шишковского. Левее, вдоль линии железной дороги Белгород — Курск держала оборону 3-я бригада И.А. Милонаса при поддержке частей 1-й бригады и приданного дивизии кавалерийского полка.

Правее действовали части 7-й дивизии, а на левом фланге направление Короча — Тим — Щигры прикрывала 3-я дивизия. В районе Нового Оскола и Волчанска находились подразделения 42-й дивизии.

Отступление 13-й советской армии привело к расширению зоны военных действий на территории Курской губернии. Новый Оскол, занятый в один день с Корочей, 5 (18) августа, был оставлен

220 Гражданская война в ЦЧО в документах и материалах. — Воронеж, 1931. — С. 157–158.

частями 42-й дивизии 18 (31) августа. Попытка контрудара вернула красным этот город лишь на пару дней, с 23 августа (5 сентября) по 25 августа (7 сентября). Отошла на север Сумская группа войск. Это вынудило начать отход и 9-ю дивизию, фланги которой оказывались под угрозой.

В результате жестоких боёв ряд подразделений 9-й дивизии, в частности 76-й и 77-й полки, были отведены в тыл для отдыха и пополнения, а 78-му полку пришлось некоторое время осуществлять оборону участка всей 2-й бригады на рубеже Любостань — Нижнее Бабино — Долженково, находясь в оперативном подчинении начдива-7. Пытаясь перехватить инициативу у наступающего противника, красное командование сформировало 6 (19) августа ударную группу под командованием комбрига-2 В.М. Шишковского в составе 76-го и 78-го полков 9-й дивизии, маневренного батальона 7-й дивизии и Мценского артвзвода. Целью этой группы было наступление на Суджу.

Суджанское направление. Начало боёв на Суджанском направлении было удачно для красных. Внезапным ударом 10 (23) августа 78-й полк овладел д. Малый Колодезь, а 76-й полк — сёлами Кукуй и Большое Солдатское. Однако уже к вечеру того же дня белые вернули себе утраченные были позиции. Утром следующего дня части 78-го полка вновь заняли Кукуй, а ночью совершили успешный рейд на с. Кривицкие Буды против частей Белозерского полка. Но вскоре на поддержку белозерцев прибыли две роты и артиллерийская батарея Дроздовского полка, батальон Олонецкого полка и сводный батальон 31-й пехотной дивизии, что позволило белым перейти в контрнаступление²²¹. Ветеран 78-го полка И.Н. Шевченко вспоминает, что 11 (24) августа «ожесточённый бой длился до 3–4 часов ночи, но успеха денкиинцы не добились — полк не дал врагу ни пяди земли. Потери с обеих сторон были значительные. Рассвет 25 августа застал наш полк в цепи. Противник ввёл в бой свежий Славянский запасной батальон и снова перешёл в наступление. Командир полка А.Н. Борисенко, находившийся в цепи на левом фланге, приказал приготовиться к контратаке по его сигналу. Когда противник подошёл на расстояние примерно 300 шагов, Борисенко скомандовал: «Вперёд!» — и бросился на денкиинцев, увлекая за собой весь полк. Эта внезапная контратака обратила противника в паническое бегство»²²².

221 Шевченко И.Н. В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 57–58; Кравченко В.М. Дроздовцы в осенне-летних боях 1919 года // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 294.

222 Шевченко И.Н. Указ. соч. С. 58.



1. А.Н. Борисенко, организатор и командир Грайворонского революционного полка, позже 78-го стрелкового полка 9-й дивизии. Фотография 1920 г.

2. А.Г. Шевченко, начальник команды конных разведчиков Грайворонского полка.

3. А.А. Сагайдак, комиссар 78-го стрелкового полка 9-й дивизии. Фотография 1920 г.

4. И.Н. Шевченко, начштаба 78-го стрелкового полка 9-й дивизии. Фотография 1919 г.

Этот удачный бой позволил 78-му полку развивать дальнейшее наступление в направлении Русское Поречное — Черкасское Поречное — Мартыновка — Пушкарное, однако оборона белых не была сломлена. Уже 13 (26) августа, нанеся контрудар, они захватили на время с. Малый Каменец и для отражения этого наступления пришлось привлечь батальон 62-го полка. Несколько часов спустя белые были выбиты из села²²³.

223 Именно с этим боем связан известный рассказ о подвиге командира пулемётной команды 78-го полка Г.И. Гаркуши, описание которого имеется в нескольких вариантах. Согласно И.Н. Шевченко, в бою за Малый Каменец Гаркуша в одиночку захватил вражеский броневик, перебив и пленив весь его экипаж. По словам мемуариста, Гаркуша «ползком пробрался к одному из броневиков, вскочил на него, открыл люк, расстрелял экипаж и начал стрелять из пулемёта по белым» (*Шевченко И.Н. Рождённые в пламени // Против Деникина. — М., 1969. — С. 192*). В более пространной редакции своих воспоминаний Шевченко излагает эту же историю от лица самого героя, внося в текст некоторые важные коррективы: «Он, броневик, ползёт на меня, а я на него ползу... А как порванялись, я на броню и — к люку... Попробовал — открывается, незадраенный, значит. Весь барабан своего нагана разрядил я в середину, по деникинцам. А тут хлопцы мои подбежали. Выбросили мы бандитов из машины, повернули башню и застрочили из пулемётов броневика по врагу» (*Шевченко И.Н. В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 58*). Неутомимый ветеран-мемуарист оставил и третью версию описания подвига товарища Гаркуши: «В боях за Суджу-Мирополье... командир пулемётного взвода Григорий Гаркуша... вскочил в броневомобиль, *подбитый командиром Муенского артезавода тов. Коваленко*, и начал пулемётным огнём расстреливать противника» (*Шевченко И.Н. Доклад на встрече ветеранов 9-й стрелковой (бывшей 1-й курской пехотной советской) дивизии в июле 1963 г. (рукопись). — Л. 9*). Это единственное упоминание о товарище Коваленко и его метком выстреле.

Однако Д.М. Добыкин и А. А. Кондаков утверждают, будто этот случай произошёл в бою 26 августа (н.ст.) в 12 километрах восточнее Обояни у с. Троицкое, а обстоятельства захвата броневика значительно отличались от описанных выше: «бронемашина противника обстреляла из пулемёта цепь 1-го батальона 78-го полка, а затем экипаж броневомобиля вышел из машины и начал осматривать местность. Увидев это, Горкуша открыл сильный огонь из пулемёта и заставил экипаж залечь недалеко от бронемашин. Воспользовавшись замешательством белых, он с тремя красноармейцами под прикрытием пулемётного огня подполз к бронемашине, захватив её экипаж в плен, а потом из пулемёта бронемашин открыл огонь по вражеской цепи» (*Добыкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 49-51*).

Нетрудно заметить, что версия Д.М. Добыкина выглядит более реалистичной и правдоподобной. Однако следует учитывать, что в отличие от И.М. Шевченко, мемуарист не служил ни в 78-м полку, ни даже во 2-й бригаде, занимая должность начальника связи 3-й бригады 9-й дивизии. При этом любопытные результаты даёт сравнение этих рассказов с описанием гибели броневика «Верный», который приводит в своей книге историк Дроздовского полка В.М. Кравченко. Он сообщает, что «приблизительно 12 августа броневики «Верный» и «Артиллерист» поддерживали наступление нашей пехоты на село Пушкарное. В это время шёл проливной дождь. И так уже отвратительные курские дороги теперь стали

Отразив контратаки белых, части 2-й бригады 17 (30) августа стремительным броском заняли Суджу. После упорных 12-дневных боёв белые, в конце концов, были вынуждены отойти к Мирополью. За овладение этим небольшим городком начались упорные тяжёлые бои. «Нелегко давались нам эти почти непрерывные бои, — пишет И.Н. Шевченко, сражавшийся в рядах 78-го полка. — Полк форсировал реку Псёл, но дальше продвинуться не мог. Миропо-

едва проходимы для автомобилей. Командующий пехотой и всем отрядом, действующим в этом районе, командир сводного батальона 31-й пехотной дивизии приказал броневик «Верный», командиром которого в то время был поручик Бочковский, занять село Пушкарное, расположенное в глубокой балке с крутыми подъёмами... пушечный броневик «Артиллерист» открыл огонь по селу Пушкарному, а броневик «Верный» спустился в село, вернее, сполз в него. Вначале пошла и пехота, но потом почти сразу же повернула обратно и начала отступать на Суджу. Оставшись один, «Артиллерист» часа полтора отбивал пушечным огнём наступление красных, поджидая «Верного», который пытался выбраться из села, но «Верный» не смог и погиб» (*Кравченко В.М. Дроздовцы в осенне-летних боях 1919 года // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 295.*)

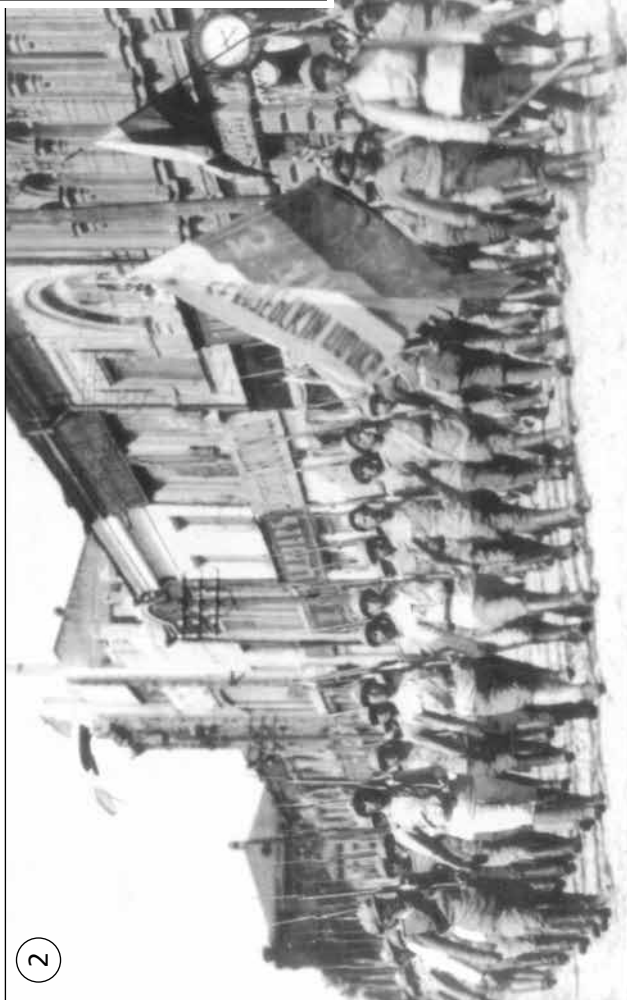
Таким образом, мы имеем три версии описания явно одного и того же события, привязанного к трём различным точкам: суджанским сёлам Пушкарное и Малый Каменец и к обоянскому селу Троицкое. Учитывая степень надёжности всех трёх сообщений, следует предположить, что Г.И. Гаркуша совершил свой подвиг всё же под Суджей и, скорее всего, в с. Пушкарном, а обстоятельства этого события были близки к тем, что приводят в своей книге Д.М. Добыкин и А.А. Кондаков. Вероятно, броневик «Верный», спустившись в село и оставшись без поддержки пехоты, не смог самостоятельно выбраться из балки, после чего и был захвачен Г.И. Гаркушей и тремя его товарищами, которые всё более и более приукрашивали свой подвиг в позднейших рассказах и воспоминаниях, пока он не превратился в настоящий эпизод из американского вестерна.

Существует ещё одна версия, сохранившаяся в мемуарах комиссара 78-го полка А. А. Сагайдака. Она отчасти подтверждает данную локализацию: «Ожесточённые бои шли под селом Моховой Колодец [вероятно, опечатка] с *дроздовской дивизией*, состоящей сплошь из офицеров. *Само село как бы спряталось в глубоком овраге* и считалось ничейным — впереди в лесу деникинцы, против них 78-й полк. Неоднократные атаки не увенчались успехом. [Командир полка] Борисенко и [комиссар] Сагайдак вместе с десятью кавалеристами неожиданно, на виду у всех стремительно помчались в село. Белые были настолько ошеломлены, что не открыли сразу огонь. Пример командира и комиссара увлёк всех красноармейцев, и с криками «ура» полк перешёл в атаку. Его поддержала батарея. Борисенко и Сагайдак первыми достигли вражеских позиций. Деникинцы поспешно бежали, оставив много вооружения и убитых. Впервые тогда красноармейцам достался броневик, вооружённый пушкой и двумя пулемётами. Этот бой решил судьбу Суджи, она была освобождена от белых» (*Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — Л. 6083–84.*). Несомненно, тут имеется в виду именно бой под Пушкарным — расположенным в низине как раз на ближних подступах к Судже. Описание боя здесь отличается реалистичностью и, вероятно, близко к действительным событиям. Показательно, что тут упоминаются и действия артиллерийской батареи (тов. Коваленко?).



1. Полковник Б.А. Штейфон, начальник Полтавского отряда, командир 13-го пехотного Белозерского полка. Рисунок.

2. 13-й пехотный Белозерский полк на параде в освобождённом городе. Впереди — полковник Б.А. Штейфон. Лето 1919 г.



лье было совсем рядом. Двое суток продолжались бои у самых его окраин. Деникинцы бросались в контратаки. Усталые, измождённые наши бойцы выстояли, отбросили противника. В этом бою погибло 15 бойцов, 20 ранено, 37 пропало без вести. В бою за Мирополье на стороне белых участвовали и дезертиры, скрывавшиеся от призыва в Красную Армию и мобилизованные потом деникинцами. Там были и сынки грайворонских богатеев, вступившие в белогвардейские части добровольно. Иной раз они кричали из цепи: «Грайворонцы, сдавайтесь!» Но бойцы в ответ только смеялись»²²⁴.

Командир Белозерского полка полковник Б.А Штейфон вспоминает: «Трёхнедельная оборона Мирополя является самым тяжёлым по напряжению периодом в течение всей боевой работы полка в Добровольческой армии. Главная борьба происходила у самого Мирополя. Каждый день, к вечеру, один из участков был сбиваем, и ночной атакой или наутро положение восстанавливалось. Восстанавливалось для того, чтобы к вечеру опять измениться. Несколько раз наше положение становилось безнадежным, и войска удерживались только сверхчеловеческими усилиями... Днём шёл ожесточённый бой, а ночью войска насильно кормили, совершались необходимые передвижения и совершались ночные атаки. Положение восстанавливалось почти исключительно ночными атаками. Я держал в резерве свой лучший и наиболее сильный батальон и только в редких случаях двигал его днём... В Мирополе наш военный телеграф случайно соединился с каким-то большевистским комиссаром. Разговор, начавшийся с обычной в таких случаях перебранки, скоро принял серьёзный характер... комиссар, назвавший себя «убеждённым коммунистом», с видимою искренностью сообщил о тяжёлом положении большевиков... рассказал о развале их тыла, о недовольстве крестьян, которые, по его мнению, относятся к белым лучше, чем к красным... В конце концов офицеры, беседовавшие с комиссаром, предложили своему собеседнику привести к нам его часть. Не помню точно, какой силы была часть, но, во всяком случае, не менее полка. Предложили так, на ура, не придавая значения своим словам. К удивлению, комиссар принял это предложение серьёзно, и хотя в очень осторожных выражениях, но стал обсуждать полученное предложение. Он ставил одно условие: гарантировать жизнь ему и вообще всем перешедшим... Были выработаны подробности сдачи, и намечен день. Решено было, что большевики перейдут якобы в наступление против нас, и когда приблизятся, то бросят винтовки и перебегут.

224 Шевиченко И.Н. Грайворонский революционный... – Белгород, 1962. – С. 38.

Со своей стороны мы обещали не стрелять или стрелять поверх голов... В назначенный день несколько рот красных действительно перешли в наступление. Подойдя к нашим цепям на 300–400 шагов, они бросили винтовки и перебежали. Большевики немедленно открыли огонь по сдающимся, и это обстоятельство, видимо, и задержало сдачу других... Став в наши ряды, бывшие красные офицеры и солдаты добросовестно воевали и оставались до конца в рядах Белозерского полка»²²⁵.

В то же время Самурский полк и части Дроздовского полка удерживали позиции у станции Псёл. Поддержку им оказывали лёгкий бронепоезд «Генерал Дроздовский» и тяжёлый бронепоезд «Грозный», которые время от времени вступали в бой с красными бронепоездами. Отсюда в начале сентября они перешли в наступление в направлении сёл Щеголёк и Саморядово. Когда самурцы 3 (16) сентября атаковали Саморядово, то красные первоначально приняли их за части собственного 59-го полка, что дало возможность накрыть их позиции внезапным артиллерийским огнём. В ходе поспешного отступления из села красные оставили белым в качестве трофея одно орудие, две подводы со снарядами, кухню с готовым обедом и пулемёт²²⁶.

В начале сентября завершились, наконец, упорные бои под Миропольем. Удачной ночной атакой позиции красных были сбиты. На рассвете 3 (16) сентября был открыт гаубичный огонь по селу Юнаковка, которое потом атаковали две роты пехоты при поддержке двух бронепоездов. Не выдержав удара, 368-й советский полк покинул Юнаковку практически без сопротивления. Заняв село, белые отмечали, что «было видно, что красные оставили её [Юнаковку] в беспорядке: были видны брошенные повозки, валялось имущество. Эта паника красных была вызвана ночным обстрелом села артиллерией»²²⁷. После этого части Белозерского полка, при поддержке прибывшего ему на подкрепление Самурского полка, перейдя в наступление, 5 (18) сентября на плечах неприятеля вновь ворвались в Суджу. По пути было опрокинуто несколько отрядов красных и дважды пришлось отбивать вылазки броневиков. К вечеру город был занят частями Самурского и Белозерского полков. За ходом боя наблюдал начальник 3-й пехотной

225 Штейфон Б.А. Командование Белозерским полком // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М., 2002. – С. 406–409.

226 Кравченко В.М. Дроздовцы в осенне-летних боях 1919 года // Поход на Москву. – М., 2004. – С. 296.

227 Ребиков Н.Н. На Московском направлении // Поход на Москву. – М., 2004. – С. 362.

дивизии генерал Витковский. В Судже было захвачено 500 пленных красноармейцев. Участник боёв Н.Н. Ребиков вспоминает, что «город был сильно разграблен красными при вторичном занятии его. Население встретило добровольческие части очень хорошо. В Белозерском полку служило много добровольцев из Суджи, и их встречали сёстры и матери. Некоторые рыдали, узнав, что их близкие убиты»²²⁸.

Большую роль в овладении городом сыграли бронепоезда «Грозный» и «Генерал Дроздовский», отражавшие вылазки советских бронепоездов и поддерживавшие своим огнём наступление пехоты. Заняв железнодорожную станцию Суджа, бронепоезда открыли огонь по отходящим красным обозам, а 6 (19) сентября оба бронепоезда совершили удачный налёт на станцию Локня в 15 верстах от Суджи. Были обстреляны сама станция и стоявшие там два красных бронепоезда. К исходу дня Локня также была занята белыми²²⁹.

Следует также отметить, что в ходе военных действий и красным, и белым в равной степени приходилось считаться с действующими в их тылу «зелёными» бандами. Одним из крупнейших подобных формирований была группа атамана Шубы, действовавшая в районе Бахмача, Миргорода, Конотопа, Батурина, Путивля и Коренево. Сам атаман, уроженец Полтавской губернии рабочий Василий Приходько, как и его брат Фёдор, причислял себя к анархо-террористам «безмотивникам». Ещё в апреле 1919 г. он во главе отряда в 300 человек присоединился к силам Н.И. Махно в Гуляй-Поле, но в июне из-за разногласий с Советским командованием оставил фронт и вместе с другим атаманом, Чередняком, ушёл в тылы 14-й советской армии. К осени имел под своим началом до 500 штыков, 70 сабель при 5 пулемётах²³⁰. О его деятельности, относящейся к октябрю 1919 г., красочно сообщает в письме к В.И. Ленину Г.К. Орджоникидзе: «В 14-й армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения»²³¹.

Как вспоминает боец 410-го полка 46-й дивизии П. Усов, когда его полк с боями отходил в сторону Новгорода-Северского и Севска, атаман Шуба «прислал ультиматум — сдать ему пулемёты

228 Там же. С. 363.

229 Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 479–480.

230 Белаи А.В., Белаи В.Ф. Дороги Нестора Махно. — Киев, 1993. — С. 312.

231 Козловский М. Разгром армии Деникина // Прошлое Курской области. — Курск, 1940. — С. 134.

и артиллерию, иначе он не пропустит без боя через «свою территорию». Ночью полк был поднят, командование перед строем объявило обстановку, на что личный состав заявил: «Полезет Шуба, будем бить так же, как били и других атаманов». Доморощенный атаман не решился вступить в бой с полком, ушёл из занимаемого района»²³². Однако скорее из этого района ушёл поднятый ночью по тревоге 410-й полк.

О неудачной борьбе с Шубой белых вспоминает Н.Н. Главацкий: «эскадрон поручика Озерова, брошенный... на поимку Шубы, оказался совершенно отрезанным от общей группы и поступил в распоряжение пехоты генерала Кальницкого. В это время трагически погиб действовавший с кирасирами поручик Деконский. Он ночью был окружён в лесу около Миргорода значительной группой из банды Шубы и убит наповал из-за угла. Его люди почти все тоже погибли. Поручик Озеров, продвигаясь к юго-востоку в чрезвычайно тяжёлых условиях, в постоянных стычках с бандитами лишился больше половины из своих людей»²³³.

В начале декабря 1919 г. отряд Шубы вошёл в состав 12-й советской армии²³⁴, однако вплоть до 1921 г. «шубинцы» продолжали действовать в тылах красных под Путивлем.

Бои у Ржавы и Нагольного. Не менее ожесточённые бои развернулись в это время и в районе железной дороги Белгород — Курск, где развивали наступление Корниловский и Марковский полки. Здесь им также пришлось столкнуться с частями 9-й дивизии, которая 6 (19) августа также перешла в наступление с рубежа Обоянь — Нагольное — Пристенное — Большие Сети в общем направлении на Белгород. Упорные бои с применением бронепоездов развернулись в районе станции Ржава.

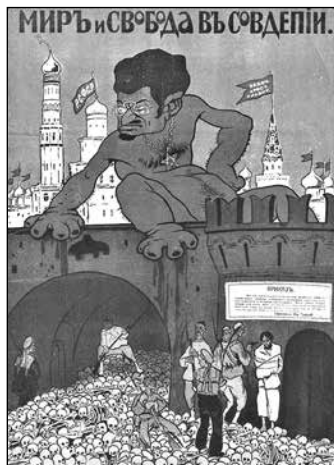
К этому времени 1-й Корниловский ударный полк занял 1 (13) августа село и станцию Прохоровка, причём в плен попало большое число красноармейцев, спавших по хатам. В коротком бою была отражена попытка красных отбить село. Важную роль в этом сыграла поддержка бронепоездов «Иоанн Калита» и «Офицер», совершивший глубокий рейд в расположение красных:

«На рассвете 1 августа бронепоезд «Офицер» незаметно подошёл на расстояние 2 вёрст к двум бронепоездам красных, которые стояли севернее станции Беленихино, и открыл по ним огонь из своих трёх орудий. Неприятельские бронепоезда стали поспеш-

232 Усов П. Воспоминания. — Курск, 1967 (рукопись). Л. 5.

233 Главацкий Н.Н. От Азовского моря до Курской губернии — туда и обратно // Офицеры Российской гвардии в Белой борьбе. — М., 2002. — С. 445.

234 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 523–525.



Белая агитация времен Гражданской войны.

1. Листовка «Такъ большевистские карательные отряды изъ латышей и китайцевъ насильственно отбираютъ хлѣбъ, разоряютъ деревни и расстреливаютъ крестьянъ».
2. Плакат «Христосъ воскресе!...». На щите воина надпись: «Съ нами Богъ — да воскреснетъ Россія».
3. Плакат «Миръ и свобода въ Совдепии».

но отходить не стреляя. Бронепоезд «Офицер» преследовал их, развив полный ход... Уходившие бронепоезда красных миновали станцию Прохоровка, не останавливаясь. Преследуя неприятеля, бронепоезд «Офицер» ворвался на станцию, где находились поездные составы с пехотой красных. Они были расстреляны в упор пулёмётным огнём с бронепоезда. Многие красноармейцы не успели даже одеться и спасались бегством в одном белье. На станции Прохоровка были захвачены пленные, жилые составы, поезд-баня, аптека, полковая канцелярия, цейхгауз и составы с боевыми припасами... Между тем бронепоезда красных остановились на закрытой позиции и начали обстреливать станцию Прохоровка из 105-миллиметровых орудий. С окраины селения и из-за кустов советская пехота открыла по бронепоезду «Офицер» ружейный и пулёмётный огонь, а затем повела наступление в сторону входных стрелок станции... бронепоезд «Офицер» вынужден был временно отойти со станции Прохоровка к её въездному семафору. Через час подошла наша пехота. Бронепоезд «Иоанн Калита» открыл огонь по бронепоездам красных. Наше наступление возобновилось... При дальнейшем продвижении бронепоезд «Офицер» подошёл к узловой станции Ржава... Бронепоезд застиг врасплох и обстрелял ещё неразвернувшуюся пехоту красных. Красноармейцы залегли и не решались даже стрелять... Бронепоезд «Офицер» ворвался на станцию Ржава в сопровождении своего вспомогательного поезда и тяжёлого бронепоезда «Иоанн Калита»... В это время происходила эвакуация станции... Нами были захвачены вагоны со снарядами, патронами и винтовками, канцелярии двух советских полков и часть эшелона артиллерийского снаряжения... Под сильным огнём противника колонна наших поездов прорвалась обратно к станции Ельниково... С наступлением темноты бронепоезда пришли на станцию Прохоровка... За день 1 августа бронепоезд «Офицер» прошёл с боем 45 вёрст и захватил три станции с находившимися там воинскими составами»²³⁵.

Удар оказался столь внезапным и чувствительным, что курские чекисты даже заподозрили, будто «оставление Прохоровки, которая была взята совершенно неожиданно, есть следствие предательства со стороны командного состава»²³⁶.

В то же время 2 (15) августа 1-й батальон полка под командованием полковника К.П. Гордиенко развивал наступление по сильно

235 Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. – М., 2004. – С. 439–441.

236 Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 174.



Красная агитация времен Гражданской войны.

1. Плакат «Ты записался добровольцем?».
2. Плакат «Деникинская банда». На знамени надпись: «Бей рабочих и крестьян».
3. Плакат «Отступая перед Красной армией белогвардейцы жгут хлеб».

пересечённой балками и оврагами местности в направлении сёл Сагайдачное, Камышное, Журавка и Радьковка. В Радьковке, расположенной на дне глубокой балки, корниловцы столкнулись с упорным сопротивлением частей 79-го полка 9-й дивизии. Красноармейцы открыли сильный ружейно-пулемётный огонь по входящему в село противнику. «За отсутствием места только один взвод батареи мог стать на позицию. Тем временем батарейные разведчики, открыв ворота соседнего двора в надежде устроить на крыше дома наблюдательный пункт, стали вдруг быстро снимать винтовки — весь двор и хата были переполнены вооружёнными красноармейцами. Заметив переполох, один из разведчиков-артиллеристов бросил во двор гранату. Раздался взрыв, и ошеломлённые красноармейцы побросали винтовки, которые и были подобраны артиллеристами... бой стал затихать, красные частью сдались, частью поспешно отступили к с. Журавка»²³⁷. До конца дня сопротивление 79-го полка в Журавке также было сломлено.

Затем, 3 (16) августа, 1-й Корниловский ударный полк перешёл в наступление в направлении Ржавы, поддерживая части Алексеевского полка, наступавшие на сёла Троицкое и Плоское. В ходе этого движения корниловцы атаковали с. Пристенное, захватив обоз отступающих красных частей, а затем, после небольшой перестрелки, заняли Колбасовку. Обходя Ржаву, корниловская артиллерийская батарея обстреляла уходящий со станции красный бронепоезд, сбив трубу на паровозе и убив командира. После этого 3-й батальон 1-го Корниловского полка с приданной ему 2-й Марковской батареей с боем занял сёла Нижняя Ольшанка и Нагольное. Однако части 9-й дивизии тотчас нанесли мощный ответный удар. Батальон, насчитывавший не более 150 штыков, был разрезан на две группы, которым пришлось отступать из Нагольного напрямик через огороды, даже бросив одно орудие. На следующий день село временно захватил, пользуясь поддержкой танков, 80-й Кабардинский полк, однако и ему пришлось отступить. В итоге за овладение Нагольным развернулись затяжные бои²³⁸. Здесь, как и на участке между Ржавой и Солнцево, наступление белых затормозилось.

Продвижению ослабленного 1-го Корниловского ударного полка, поддерживаемого бронепоездами «Слава Офицеру», «Иоанн Калита» и «Грозный», противостояли пятикратно превосходящие силы 9-й стрелковой дивизии, а также бронепоезда № 59 «Имени

237 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 271.

238 Там же. С. 272–273.

Свердлова», № 98 «Советская Россия», № 152 «Молния» и наиболее мощный из них № 38 «1-й Черноморский» под командованием опытного флотского артиллериста В.Н. Жукова²³⁹. Полоса боёв вдоль железной дороги на участке Ржава — Солнцево, изначально имевшая ширину 15–20 км, вскоре под нажимом красных сократилась до 3–4 км. Обычным видом боёв на этом направлении стали дуэли бронепоездов.

Упорный бой между тремя советскими и тремя белыми бронепоездами произошёл 10–12 (23–25) августа у станции Солнцево. Белые бронепоезда были вынуждены отойти к ст. Ржава²⁴⁰. А 17 (30) августа уже красные бронепоезда под общим командованием начальника артиллерии 9-й дивизии А.Д. Давыдова совершили вылазку против захваченной белыми Ржавы, удачно обстреляв и повредив тяжёлый бронепоезд «Иоанн Калита». В результате обстрела станции произошёл взрыв вагонов со снарядами и были разрушены железнодорожные пути. Однако удачный выстрел с «Офицера» нанёс серьёзные повреждения головному красному бронепоезду, после чего атака была прекращена и нападающие отошли к разъезду Сараевка²⁴¹.

239 Манжосов А.Н. Боевой девятнадцатый год // Курский край. Сполохи Гражданской войны. Альманах № 1. — Курск, 1998. — С. 15.

240 Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 455.

241 Согласно А.А. Власову и В.А. Ларионову подбитым красным бронепоездом был «III-й Интернационал»:

«В то время как лёгкий бронепоезд [«Офицер»] отошёл на станцию для снабжения, тяжёлый бронепоезд «Иоанн Калита» выехал вперёд в сторону противника. В обычных условиях это не представляло особой опасности, так как железнодорожный путь был разобран на этом участке в 5 верстах к северу от станции Ржава... Оказалось, что красные незаметно починили ночью железнодорожный путь к северу от станции Ржава. Советский лёгкий бронепоезд продвинулся в темноте к нашему расположению и скрылся в посадке, то есть на участке, по бокам которого росли густые кусты. Так было подготовлено внезапное нападение противника на станцию Ржава. Советский лёгкий бронепоезд выехал из посадки и открыл огонь по бронепоезду «Иоанн Калита». Неприятельский снаряд попал в бронепаровоз... Советский бронепоезд преследовал отходящий бронепоезд «Иоанн Калита», продолжая обстреливать его частым огнём... Между тем три неприятельских бронепоезда... подошли ко входу на семафорную станцию Ржава и стали её обстреливать. На станции произошёл взрыв вагонов с боеприпасами и были перебиты некоторые железнодорожные пути. Командовавший в этот день боевой частью бронепоезда «Офицер» капитан Лабович двинул свой бронепоезд навстречу противнику. После короткого боя два снаряда бронепоезда «Офицер» попали в головной бронепоезд красных: в его переднее орудие и в командирскую вышку. Преследуемый бронепоездом «Офицер» противник отошёл на разъезд Сараевка... Позднее были получены сведения, что подбитый неприятельский бронепоезд носил название «III-й Интернацио-

нал». На нём были тяжело ранены семь человек команды и уничтожен дальномер, единственный бывший в то время в распоряжении советских бронепоездов на Курском направлении» (*Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 457–458*).

Согласно воспоминаниям В.А. Ларионова, удачный выстрел произвели на самом деле марковцы-артиллеристы капитана Михно: «Однажды мы в Колбасовке проснулись на рассвете от близкого пушечного грохота и разрывов. Выскочили на двор и увидели: над станцией Ржава поднимается густой и чёрный бурый дым... оказалось, что колонна красных бронепоездов прорвалась в предрассветных сумерках к станции Ржава и долбит её из орудий... Бронепоезд «Слава Офицеру», отходивший на ночь в свою базу, не появился к рассвету, вероятно, его команда проспала. Настал час капитана Михно. Через пять минут артиллерийский взвод нёсся карьером по ровному полю прямо во фланг советским бронепоездам... Красные командиры и наводчики, увлечённые стрельбой по станции Ржава, не заметили лихого выезда артиллерийского взвода... Первые наши гранаты сразу же разорвались у блиндированных вагонов... Пушки бронепоезда начали нас громить беглым огнём, но нам повезло, впереди нас был небольшой, едва заметный гребень, а морские скорострелки с их большой начальной скоростью и настильностью, не могли поразить нас на близкой дистанции... Мы оказались, благодаря невероятному счастью, под самым носом броневиков в мёртвом пространстве и методично всаживали гранаты в блиндированные вагоны. После удачного попадания гранатой в командную платформу противником овладела паника. Паровозы задымили, пушки смолкли, и бронепоезда, один за другим, ушли на Солнцево. Мы спасли Ржаву от полного разгрома... оказывается, наша граната попала в командирскую рубку «III Интернационала» и уничтожила там весь штаб группы бронепоездов» (*Ларионов В.А. Последние юнкера. — М., 1997. — С. 144–145, 146*).

Несколько иначе выглядит этот эпизод в беллетризованных воспоминаниях Г.Ф. Пронина, одного из членов экипажа бронепоезда «Офицер». Сам автор в бою не участвовал и приводит описание со слов очевидца-артиллериста.

«Мы держали Ржаву [так в тексте — А.З.] уже около двух недель... Нас прикрывали наши бронепоезда «Офицер», «Генерал Корнилов» и «Иоанн Калита»... Со стороны красных были бронепоезда «Удав», «Большевик», «III-й Интернационал», «Роза Люксембург» и «Черномор»... «Черномор» был крайне назойливый и, надо отдать справедливость, храбрый бронепоезд. Его команда состояла из матросов Черноморского флота. В это утро я находился на своём наблюдательном посту. Передо мной открывалась долина, где находились наши части, а далеко за ними можно было рассмотреть расположение противника. Я всё время внимательно разглядывал его позиции. Немного правее от выемки, прикрытый кустарником, в нашем расположении стоял какой-то бронепоезд. Предрассветный туман лиловой завесой опустился у кустов и мешал рассмотреть очертания «броневика». Наш тяжёлый бронепоезд «Иоанн Калита» мирно дремал в выемке перед станцией... Когда [неизвестный] бронепоезд тронулся со своего места и вышел из кустарника, я глянул на него в бинокль. Отчётливо и ясно на оливковой броне видны были на его борту красные звёзды и надпись — «Черномор». У меня чуть бинокль не вывалился из рук... Вырвав у телефониста трубку, я прямо заорал на батарею прицел, данный командиром. Грянул выстрел. Наш снаряд дал огромный перелёт. В то же время сверкнул огонь на головном орудии «Черномора», и сейчас же сильный взрыв гранаты последовал на бронепоезд «Иоанн Калита», который получил тяжёлое попадание. Наша батарея билась неудачно... «Черномор» полным ходом приближался к нам. Несколько пулемётов у него сразу же открыли огонь. ...«Черномор» вышел у маленького железнодорожного домика на прямой путь к станции и открыл по ней огонь... На станции

онных путях поднимались клубы дыма от взрывов гранат: «Черномор» бил по стоявшему на станции эшелону. Этот состав только накануне вечером прибыл на Р[у]жаву и был полон артиллерийскими снарядами и патронами. К эшелону спешно был подан паровоз, и его уже начали вытягивать со станции. Когда эшелон был на выходных стрелках, некоторые вагоны начали гореть. Едва эшелон отцепить паровоз и отвести его шагов на двести, как над составом взметнулся огненный столб и грянул потрясающий взрыв... Высоко к небу поднялся чёрным столбом дым, разошедшийся наверху кудрявым грибом. Внизу у его основания горела бесформенная груда обломков, оставшихся от эшелона... Бронепоезд «Офицер» стоял при начале обстрела станции у водокачки. Он прервал набирание воды и двинулся навстречу «Черномору». «Иоанн Калита» после тяжёлого попадания, полученного от «Черномора», отошёл далеко за станцию... За «Черномором» следовало ещё три бронепоезда красных: «Большевик», «III-й Интернационал» и «Роза Люксембург». Нам было хорошо видно. Расстояние между бронепоездами «Офицер» и «Черномор» было не более четырёхсот метров, и оно по мере сближения противников становилось всё меньше. Почти одновременно блеснули огни на головных орудиях обоих бронепоездов. Тотчас головная площадка «Черномора» окуталась дымом от попадания снаряда, выпущенного «Офицером». Одновременным выстрелом «Черномор» промахнулся. Выстрелы бронепоезда «Офицер», следовавшие беглым огнём, били по «Черномору» полными попаданиями. «Черномор» молчал. Головное орудие его было сбито, и он начал поспешно отходить. «Офицер» гнался за ним и добивал его... Видя бегство «Черномора», бронепоезда противника начали тоже поспешно отходить. Со всех сторон завязалась артиллерийская перестрелка. В это время к самому полотну железной дороги галопом подлетела лёгкая батарея марковцев и в упор открыла огонь по удиравшему «Черномору». Работа батареи была исключительной. Что ни выстрел — полное попадание по «Черномору», и «Черномор» был добит!.. Из штаба сейчас же было назначено дознание — как и кто пропустил «Черномор» в наше расположение и почему своевременно не сообщили о его прорыве? Оказалось, что наша передовая застава должна была разбираться с вечера железнодорожный путь, чтобы бронепоезда противника не могли неожиданно проникнуть в наше расположение. Накануне это почему-то не было сделано. А когда «Черномор» уже попал в наше расположение, то передовые посты, боясь нахлобучки за упущение, не донесли об этом. Они рассчитывали, что «Черномор» сам уйдёт на рассвете... Перебежчики с той стороны рассказывали потом, что на «Черноморе» в этом бою была перебита большая половина его команды... с его храбрым командиром» (*Пронин Г.Ф.* Бронепоезд «Офицер». — СПб., 2006. — С. 33–37).

Историки 9-й дивизии утверждают, что при этом налёте красные бронепоезда «подбили два бронепоезда противника и взорвали артсклад» (*Добыкин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 49).

30 августа (12 сентября) 1919 г. командование 9-й дивизии в приказе № 75 дало высокую оценку действиям бронепоезда «1-й Черноморский» (он же «Черноморец» или «Черномор»):

«За период боёв с 14 августа по 12 сентября бронепоезд «1 Черноморский» во главе с командиром тов. Жуковым и командой проявил революционную доблесть... равновременно подбил бронепоезда противника «Иван Калита», «Корнилов», «Слава офицеру» и «Офицер», которые получили повреждения вплоть до серьёзных; так, например, у «Офицера» был подбит паровоз; кроме того, были произведены взрывы снарядов на ст. Ржава удачными попаданиями в склады. За лихую работу бронепоезда и умелое командование «Черноморцем» командиру тов. Жукову и команде «Черноморца» от имени 9 стрелковой дивизии объявляется товарищеское спасибо. Отличившихся представить к награ-

Пехотные части 1-го Корниловского полка продолжали пытаться сломить сопротивление 9-й дивизии у с. Нагольное, и 4 (17) августа 2-й батальон полка пытался овладеть селом. Однако красноармейцы нанесли мощный контрудар и вынудили корниловцев отступить. После этого боя на участке наступило некоторое затишье. Только 9 (22) августа 2-й и 3-й батальоны полка при содействии 2-й Марковской батареи, трёх танков и бронепоезда «Офицер» под общим командованием полковника М.А. Пешни нанесли удар по позициям красных, выбив их из Нагольного. Преследуя отступающего противника, корниловцы заняли с налёта с. Песлецкое. В ходе боя было взято в плен около 700 красноармейцев²⁴². Стремясь развить успех, утром следующего дня 3-й батальон полка после короткого боя занял с. Старо-Черемошное, однако уже 11 (24) августа был вынужден оставить его «ввиду чрезвычайно выдвинутого положения и возможности ночного нападения».

Встревоженное успехами белых, командование 9-й дивизии организовало ряд контрударов в направлении Ржавы и Нагольного. Сконцентрировав крупные силы, 23 августа (5 сентября) красные даже попытались полностью окружить 1-й Корниловский полк. Ночью на участке 80-го Кабардинского полка (в промежутке между 1-м и 2-м Корниловскими полками) совершили прорыв крупные, численностью до бригады, силы красных. Устремившись на юг, они захватили станцию Ельниково, оказавшись в тылу корниловцев. Перед рассветом один из красных бронепоездов внезапно ворвался на ст. Ржава, открыв огонь из орудий и пулемётов. Одновремен-

де» (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 144).

Сравнив свидетельства очевидцев и участников боя 17 августа, можно сделать следующие выводы:

Рейд на Ржаву был тщательно продуман и хорошо подготовлен, хотя вряд ли красные действительно сумели незаметно для противника починить разобранные пути. Скорее всего, этот участок действительно так и остался неразобраным, как о том сообщает Г.Ф. Пронин. Главную роль в атаке на Ржаву сыграл бронепоезд № 38 «1-й Черноморский», о чём свидетельствует приказ командования 9-й дивизии. В результате боя получил тяжёлые повреждения бронепоезд «Иоанн Калита» (подбит паровоз), взорван эшелон с боеприпасами. Атака была отражена усилиями главным образом бронепоезда «Офицер» под командованием капитана Лабовича и своевременно прибывшей на место боя марковской артиллерийской батареи капитана Михно. Утверждения о гибели «половины команды» красного бронепоезда вместе с его командиром, а тем более целого «штаба группы бронепоездов» явно преувеличены. Более достоверными следует считать сведения А.А. Власова о семи погибших и разбитом дальномере.

242 Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974. – С. 278–279.

но пехотные части двинулись в наступление в районе Нагольного. С большим трудом атаку удалось отразить.

После этого 1-му Корниловскому полку было приказано, оставив заслон против занятого красными Нагольного, покинуть Ржаву и спешно двигаться в сторону Ельниково. По пути на юг, западнее с. Ольшанка, корниловцы натолкнулись на колонну красноармейцев, движущихся на подводах в направлении с юга на север. Артиллеристы 1-й генерала Маркова батареи прямой наводкой открыли огонь по колонне. «Неожиданное появление корниловцев произвело на противника ошеломляющее впечатление. Повозки в беспорядке свернули на запад. Всё поле покрылось соскочившими с повозок пехотинцами, и скоро к ним толпами стали присоединяться бегущие с юга большевики»²⁴³. Отступление красноармейцев со ст. Ельниково было обусловлено подходом от Прохоровки бронепоездов «Офицер» и «Слава Офицеру» и ударом, который нанесли во фланг и тыл прорвавшимся красным 1-й батальон 3-го Корниловского полка. Таким образом, в итоге тяжёлого боя, длившегося весь день, попытка окружения и разгрома корниловцев была сорвана, а 1-й Корниловский полк вновь занял свои позиции на ст. Ржава и д. Колбасовка²⁴⁴. Части 9-й дивизии понесли тяжёлые потери, в том числе около 800 пленных «с пулемётами и другим имуществом». Однако они продолжали стойко удерживать линию обороны у с. Нагольного.

Лишь 30 августа – 1 сентября (12–14 сентября) ситуация в боях под Нагольным переломилась, наконец, в пользу белых. Не выдержав натиска, стал отходить 79-й полк. Одновременно оставил свои позиции 81-й полк. Создалась угроза окружения обоих полков, поскольку 2-й батальон 1-го Корниловского полка при поддержке взвода 1-й генерала Маркова батареи вошли в с. Старо-Черемошное, оказавшись в тылу позиций красных у Нагольного и Пселецкого.

От полного разгрома они были спасены решительными действиями 2-й батареи 1-го артдивизиона под командованием Модеста Орлова. Заняв открытую огневую позицию севернее Нагольного,

243 Там же. С. 282.

244 Вероятно, именно с этим боем связан эпизод, содержащийся в записках Г.Ф. Пронина, который приводит его со слов артиллериста-марковца: «бой кипел по всей линии. Батарея наша отошла за станцию. Наконец, настал момент, когда положение стало безнадежным. В эти мгновения я предполагал, что вот-вот наступит катастрофа. Внезапно на станцию полным ходом влетел эшелон с подкреплением: свежий батальон 2-го Марковского полка. Прямо из вагонов бросились марковцы в штucky. У нас снова восстановилось положение, бывшее две недели назад» (*Пронин Г.Ф.* Бронепоезд «Офицер». – СПб., 2006. – С. 37).

батарея открыла огонь картечью по наступающему противнику, на время сдержав его натиск и дав отступающим частям возможность отойти. Белые мемуаристы сообщают об этом эпизоде несколько иначе. Согласно их сведениям, наступая на Нагольное, батальон Корниловского полка и 1-я Марковская артиллерийская батарея штабс-капитана А.А. Шперлинга попали под огонь внезапно появившейся западнее дороги батареи красных. Тогда Шперлинг «рассыпал в лаву всех разведчиков Марковской батареи и управления дивизиона и рысью двинулся к позиции красной батареи. С близкой дистанции перешёл в галоп. Прикрытие пыталось стрелять, но скоро побросали винтовки. В это время из ложины подскакали передки, но после удачного выстрела взвода, который выбил целую запрежжку, оставив орудия, номера и ездовые бросились в ближайшую ложину. Из захваченных орудий был немедленно открыт огонь по отступавшим из Нагольного красным. Ближайший танк согласился доставить всю захваченную материальную часть... на станцию Ржава. Результат атаки: четыре орудия образца 1900 года, четыре зарядных ящика и два пулемёта»²⁴⁵. Попытка контратаки со

245 *Леонтьев А.М.* На Московском направлении // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 226; об этом же эпизоде говорится в записках В. А. Ларионова: «полковник Шперлинг, с конными разведчиками батареи и дивизиона, пошёл в конную атаку на советскую батарею и её ротное прикрытие. Рота прикрытия сразу же сдалась, а батарея в четыре орудия была взята с фланга. Только красные ездовые успели ускакать на обрубленных уносах, через овраг. Через полчаса со стороны Ржавы подошли четыре танка и выскочившие из них хорошо одетые офицеры из Екатеринодара начали приписывать захват красной батареи себе. Это был первый и последний раз, когда, при наступлении на Москву, и при отступлении, мы видели наши танки. В оперативной сводке верховного командования было сообщено, что советская четырёхорудийная батарея была захвачена частями Корниловской дивизии. Когда герой этой лихой конной атаки артиллеристов, полковник Шперлинг, узнал об этой оперативной сводке, он только спокойно сказал: «Ну и чёрт с ними!» (*Ларионов В.А.* Последние юнкера. — М., 1997. — С. 146–147). Согласно А.М. Леонтьеву, подвиг Шперлинга вовсе не остался незамеченным: на следующий же день «на станцию Ржава прибыл генерал Кутепов и благодурил штабс-капитана Шперлинга и разведчиков за блестящее дело». Любопытно, что историки 9-й дивизии утверждают, будто батарея Модеста Орлова сражалась против «превосходящих сил конницы Шкуро», которые «со всей силой обрушились на батарею с флангов и тыла» (*Добыкин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 50–51). В том, что именно части Шкуро окружили под Нагольным 79-й полк, уверен также и А.Н. Манжосов (*Манжосов А.Н.* Боевой девятнадцатый год // Курский край. Спологи Гражданской войны. Альманах № 1. — Курск, 1998. — С. 15). И это при том, что 3-й Кубанский корпус Шкуро оперировал в это время в районе Корочи и Нового Оскола! Вероятно, конная атака артиллеристов Шперлинга произвела неизгладимое впечатление как на очевидцев, так и на позднейших историков. Первоисточник заблуждения лежит в самом тексте приказа по войскам 9-й дивизии от 13 сентября 1919 г., где говорится о гибели батареи Орлова: «В ночь

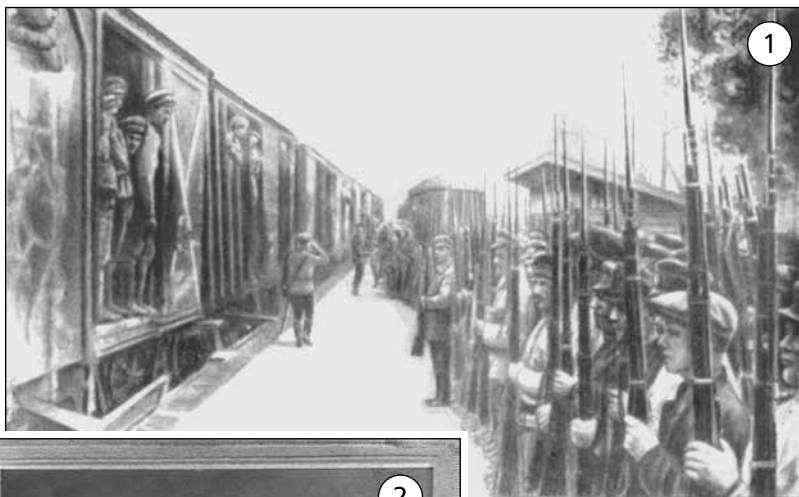
стороны красноармейцев была отражена огнём захваченной батареи и силами подоспевшей роты корниловцев.

Борьба за Обоянь. Задача наступления на Обоянь была поставлена 2-му Корниловскому ударному полку, перешедшему в наступление 1 (14) августа. Подавив сопротивление частей 9-й дивизии в сёлах Верхопенье, Сухая Солотина, Меловое и Новосёловка, 1-й батальон полка занял местечко Богатое и, двинувшись через Новенькое, с боем взял Ивню. Затем удар корниловцев был нацелен непосредственно на Обоянь, куда его части двинулись с нескольких направлений: 2-й батальон наступал с северо-востока через д. Шипы на станцию Кривцово и с. Бобрышево, офицерская рота — по шоссе на дороге, а остальные подразделения полка — с северо-запада через сёла Павловка, Усланка, Трубеж. Однако с ходу захватить город не удалось — 2-й батальон не продвинулся далее Бобрышево, а офицерская рота остановилась перед разрушенным мостом через речку Илёк. В с. Павловка у моста через Псёл было оказано сопротивление 1-му и 3-му батальонам. Подавив это сопротивление артиллерийским и пулемётным огнём, корниловцы заняли Павловку, двинувшись далее в сторону Усланки. Здесь они натолкнулись на линию обороны, которую держали части 7-й «железной» имени Троцкого дивизии, недавно переброшенной сюда с Колчаковского фронта.

«Эту деревушку противник занял полком сибирских стрелков и, по-видимому, не думал её отдавать, так как по буграм повсюду бегали телефонисты и проводили линии для артиллерийских наблюдательных пунктов, — вспоминает М.Н. Левитов. — При поддержке нашей артиллерии, выехавшей прямо на открытые позиции, ба-

на 12 сентября противник к ст. Ржава подвёз подкрепления пехоты и свыше 2 сотен шкуровцев, которые атаковали 79 стрелковый полк, занимавший южную окраину дер. Нагольное. Атака была настолько стремительна, что 79 полк, почти окружённый со всех сторон, не мог даже сообщить ни своим соседям, ни на батарею об атаке противника и, отбиваясь от пехоты и конницы, стал отходить в северном направлении. В то же время 81 стрелковый полк, охватываемый конницей Шкуро, также начал отходить в северном направлении. Видя тяжёлое положение своей доблестной пехоты, 2 батарея 1 дивизиона, занимавшая позиции севернее дер. Нагольное, вела огонь до последнего снаряда по наступающему противнику, чем облегчила и спасла положение 79 и 81 стрелковых полков, и окружённая со всех сторон противником, не покидая своего поста у Красного революционного знамени, под командой лихого командира тов. Орлова, приняла даже рукопашный бой с превосходящими силами врага и погибла, выполнив свой святой революционный долг...» (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 145).

Погибший командир батареи М. Орлов был посмертно награждён орденом Красного Знамени.



1. Отправка пополнений на Южный фронт. Курск. 1919 г.
2. Красноармеец-курянин. 1919—1920 гг. Предположительно уроженец д. Паники, Обоянского у. Архив А.Г. Шпилева.
3. Красноармейская звезда.

тальян легко сбил противника с окраин села, но в самом селении и по огородам завязался жестокий рукопашный бой. Противник приспособил для обороны церковь, большие кирпичные дома и большие огороды с каменными заборами. Ручных гранат в полку не было, и потому каждое такое укрепление приходилось брать атакой в штыки. Бой был настолько жестоким и лихим, что в одном только дворе только что взятого укрепления мной... было насчитано 39 убитых красных и четверо наших»²⁴⁶. Особенно отличились в этом бою пулемётчики из числа пленных и включённых в состав полка махновцев, которые покрыли «всю штыковую свалку огнём своих пулемётов прямо с тачанок».

Сломив оборону красных в Усланке, корниловцы преодолели слабое сопротивление в Трубеже и вошли в пригородную Казацкую слободу. Однако в самом городе сопротивление оказалось более упорным, и уличные бои среди глубоких оврагов, пересекающих Обоянь, остановили продвижение белых. Между тем сильному давлению красных подверглась 2-я рота 1-го батальона, оставленная в качестве заслона у моста в с. Павловка. Крупные силы красных подступали к Обояни и по Курскому шоссе. Корниловцы оказались фактически прижаты к берегам Псла. В конечном итоге командир полка капитан Я.А. Пашкевич принял решение отступить. Потери полка составили в этот день 40 человек убитыми и 250 ранеными. В плен было взято 300 красноармейцев, захвачено 11 пулемётов, телефонные аппараты, санитарный обоз и много винтовок.

Воодушевленные провалом корниловской атаки на Обоянь, красные совершили ночное нападение на стоявший в Бобрышеве 2-й батальон 2-го Корниловского полка. Однако вылазка эта была отбита с большими потерями для нападающих. Потеряв 13 человек ранеными, корниловцы захватили четыре пулемёта и 180 пленных. Столь же неудачна была попытка отбить у белых мост через Псел у с. Павловка²⁴⁷. Однако вскоре под напором 76-го и 77-го полков 9-й дивизии 2-й батальон вынужден был отойти к ст. Кривцово.

Новое продвижение в сторону Обояни было предпринято 8 (21) августа. Части 2-го Корниловского полка вновь взяли с боем сёла

246 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 274; при осмотре захваченных в этом бою пленных «обращали на себя внимание лучше других одетые солдаты сибирской дивизии, только что прибывшие с фронта против адмирала Колчака. Все они были с красными звёздами на фуражках, у многих были жетоны с портретами Маркса. Некоторые из них держали себя победоносно и вообще не были похожи на встречавшихся раньше обтрёпанных красноармейцев» (Там же. С. 276).

247 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 277.

Бобрышево, Красниково, Знобиловка, Спасское и Горайново. В последнем из сёл сопротивление красных вынудило их остановиться. Обходной манёвр вынудил защитников города отойти и, преследуя их, корниловцы заняли мост через Псёл. Отступление красноармейцев быстро перешло в паническое бегство, и после недолгого обстрела города орудиями 7-й гаубичной батареи белые вошли в Обоянь. Пройдя город насквозь, они остановились на ночь в Казацкой слободе. Ночью был совершён набег на с. Трубеж, где удалось захватить пленных и артиллерийскую батарею²⁴⁸.

Утром следующего дня на центральной площади Обояни был отслужен благодарственный молебен в присутствии множества собравшихся горожан, а 10 (23) августа наступление было возобновлено. Корниловцы заняли Быканово, Дрозды, Трубеж, Усланку, Шевелево и Башкатово. При захвате Быканово и Башкатово красными было оказано упорное сопротивление. В ответ на это 13 (26) августа красные организовали контрудар в районе сёл Башкатово и Рыбинские Буды. Огнём гаубичной батареи натиск красноармейцев был приостановлен, а фланговый обход роты корниловцев вынудил их отступить. Однако этим дело не ограничилось, и 15 (28) августа значительные силы красных потеснили части 80-го Кабардинского полка, занимавшего позиции на правом фланге 2-го Корниловского полка. В итоге, опасаясь прорыва неприятеля, корниловцы вынуждены были вновь оставить Обоянь, отойдя обратно за Псёл. Попытки наступающих красноармейцев овладеть мостом у с. Павловка вновь провалились.

Бои вдоль линии Псла, стычки на переправах затянулись вплоть до 30 августа (12 сентября). К этому дню в с. Шипы были сконцентрированы значительные силы для решающего наступления на Обоянь: 2-й Корниловский ударный полк, 80-й Кабардинский полк, взвод 7-й гаубичной батареи, взвод 8-й гаубичной батареи, 5-я лёгкая батарея и взвод 6-й гаубичной батареи²⁴⁹. Ранним утром отряд двинулся на Обоянь.

В шесть часов утра артиллерия сводного отряда открыла огонь по с. Красниково. «Получилось эффектное зрелище массированного огня десяти орудий, — зрелище, почти невиданное до сего времени в гражданской войне, — вспоминает М.Н. Левитов. — Красные не выдержали артиллерийского огня и обратились в паническое бегство. Корниловцы продвигались настолько быстро, что скоро была утрачена связь пехоты не только с артиллерией, но и с началь-

248 Там же. С. 278.

249 Там же. С. 285.

ником отряда, командиром 2-го Корниловского полка капитаном Пашкевичем. Результатом этого было то, что когда на подступах уже к городу были замечены цепи, то начальник отряда приказал открыть по ним огонь. К счастью, скоро выяснилось, что это свои и огонь был прекращён»²⁵⁰.

Заняв вторично Обоянь, корниловцы вновь продвинулись к с. Трубеж, где уже в сумерках столкнулись с неожиданным сопротивлением. «До 2 часов 31-го августа корниловцы очищали деревню от красных. Латышская рота, оказавшая упорное сопротивление, была вся переколота... Трофеями этого ночного столкновения были: два лёгких орудия, девять пулемётов и 300 человек пленных»²⁵¹.

Бои за Корочу. С переходом в наступление группы Селивачёва ситуация в окрестностях Корочи и Белгорода резко изменяется в худшую для белых сторону. Выдвинувшийся на 50 вёрст к северу от Корочи Алексеевский полк подставил под удар красных войск свой правый фланг. Прикрывавшие его Черноморский конный и формирующиеся Черноморский и Изюмский гусарские полки не смогли противостоять мощным силам противника. В ходе успешных боёв части 13-й армии выходят в глубокий тыл 1-го армейского корпуса и 5 (18) августа занимают Корочу. Заняв Волчанск, они нацеливаются на Харьков и одновременно наносят удар в сторону Белгорода. Их продвижение было остановлено лишь в 12 верстах от города у станции Разумная. Сдержав натиск красных, белые в свой черед нанесли ответный удар и 18 (31) августа отбили Волчанск, развернув затем общее контрнаступление.

Между тем частям 1-го Марковского полка была поставлена задача вновь овладеть Корочей. С этой целью была предпринята ночная атака 6 (19) августа. Приблизившись на подводах к окрестностям городка, марковцы перешли в наступление на пригородную деревню Погореловка. В Короче располагалась переброшенная с Восточного фронта Симбирская стрелковая бригада трёхполкового состава. По пути на Деникинский фронт бойцам бригады был отдан приказ, «по которому строго воспрещалось не только расстреливать или совершать насилия над белыми, но и отбирать у них что-либо кроме оружия. Раненым белым приказывалось оказывать такую же помощь, как и своим»²⁵². Заняв Корочу,

250 Там же. С. 286.

251 Там же.

252 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 65; когда один из красноармейцев сорвал с груди раненого капитана Верещагина, командира 8-й роты 1-го Марковского полка, Георгиевский крест, то красный

бригада планировала в дальнейшем развивать столь же успешное наступление.

Ночной бой оказался успешен — противник был выбит и из Погореловки, и из самой Корочи. «Ужасную картину представляла утром церковная площадь Погореловки, — вспоминает В.Е. Павлов. — Свыше ста убитых и раненых марковцев и красных лежало на ней; около 30 убитых и раненых лошадей... без преувеличения, площадь вся была залита кровью. И не только площадь, но и соседние дворы наполнены ранеными и убитыми»²⁵³. Марковцы понесли тяжёлые потери в этом бою — до 60 человек убитыми и около 200 ранеными. Не меньшими были и потери Симбирской бригады, около сотни бойцов которой попали в плен. Кроме того, красные потеряли три орудия, несколько пулемётов и немало лошадей.

После возвращения Корочи полк занял участок протяжённостью до 35 вёрст и в течение шести дней отражал усиленные атаки красных. «В тяжёлом положении оказались жители города, принужденные безвыходно оставаться в своих домах. Орудийный обстрел заставил их искать убежища в кирпичных зданиях и подвалах. Город замер. Положение горожан утяжелялось ещё и отсутствием продуктов, так как в продолжение нескольких дней в город не было подвоза. Непрерывно марковские кухни готовили пищу и раздавали жителям»²⁵⁴.

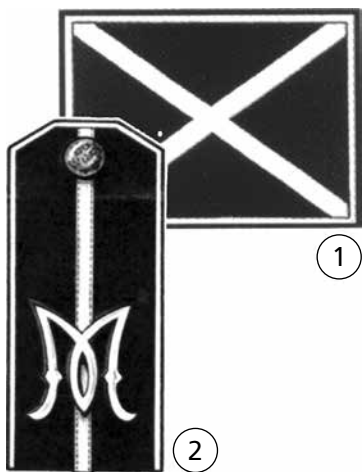
Красные занимали правый берег реки Короча и предместье городка — Бехтеевку, ведя почти непрерывный ружейный и артиллерийский обстрел как самой Корочи, так и примыкающих к ней деревень Погореловка и Проходное. Неоднократные попытки переправиться через реку отражались марковцами.

Наиболее серьёзную попытку захватить Корочу красные предприняли 12 (25) августа. На рассвете под прикрытием густого тумана их части сбили заставы Изюмского полка и атаковали город, одновременно обходя его с юга. Под их натиском 3-й батальон 1-го Марковского полка был вынужден отойти из города, его обоз был захвачен, а контратака захлебнулась. Новую попытку контрудара красные пресекли, сами перейдя в наступление. «Их атака была

командир «набросился на сорвавшего, напомнил ему о приказе и сам приколол обратно орден» (Там же). Однако всё это не помешало командиру потерпевшей поражение бригады приказать после неудачного боя расстрелять около 20 захваченных в плен белых: «красноармейцы и их командиры не проявляли никакого озлобления против них, но подъехавший командир бригады приказал: «чернопогонников расстрелять!» (Там же). Спасти удалось лишь одному из марковцев, сумевшему в последний момент бежать под прикрытием темноты.

253 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 65.

254 Там же. С. 67.



1. Значок сформированного в Курске 3-го Офицерского генерала Маркова полка.
2. Погон капитана пехотного Маркова полка.
3. Офицеры-марковцы. Фотография 1920 г.
4. Короча. Начало XX в.

грозной для большинства марковцев, не бывавших в боях в степях Кубани. Загремели шесть орудий красных, поднялись густые цепи, и, обгоняя их, вылетели десятки пулемётных тачанок, запряжённых парой лошадей. «Кавалерия!» — вырвались крики. Часть поддалась панике, часть, отстреливаясь, стала быстро отходить. Красных сдерживали пулемёты и взвод орудий... Наступила ночь. Ужасный бой. Раненые шли, бежали в тыл... Положение на участке полка крайне тяжёлое: фронт прорван, два батальона в Пловатце почти окружены; в Проходном только одна рота... Ночью приказ: с рассветом полку перейти в наступление и восстановить положение у Корочи»²⁵⁵. На помощь марковцам были присланы части генерала Шкуро — 2-я бригада Кубанской казачьей дивизии 3-го Конного корпуса. С утра 13 (26) августа завязался жестокий бой. Красные стойко оборонялись, переходя в контратаки, но были отеснены на окраины Корочи. Конница Шкуро обошла город с востока, и только тогда, опасаясь окружения, красные прекратили сопротивление и оставили Корочу. Завершение боёв за Корочу совпало с общим отступлением войск группы Селивачёва из превращающегося в огромную ловушку «Купянского мешка».

После короткой передышки марковцы, как и все части 1-го армейского корпуса, переходят в наступление, выбив 31 августа (13 сентября) внезапным ударом красных из сёл Толстого, Холодного и Холани. После этого они выступили в сторону Нового Оскола, который 25 августа (7 сентября) был уже взят после небольшого боя сводным отрядом в составе батальона 1-го Корниловского полка, батальона 2-го Марковского полка, Сводно-стрелкового полка и кубанских сотен Шкуро при поддержке 11 орудий. Вслед за тем в течение пяти дней красные упорно пытались отбить Новый Оскол обратно, однако попытки их оказались безрезультатны. Бронепоезд, поддерживавший эти удары, был, в конечном счёте, подбит, а прибытие подкреплений из Корочи окончательно решило исход дела в пользу белых.

Характерный эпизод, живо рисующий обстановку этого периода войны, содержится в воспоминаниях красноармейца С.Ф. Черкашина. Отступив из Нового Оскола, он вместе с тремя товарищами вечером того же дня влился гарнизон Старого Оскола. Однако, почти сразу же после этого, ему пришлось продолжить отход уже в составе нового отряда, находившегося «под командованием бывших офицеров». На второй день отступления «командир старооскольского гарнизона повёл наш отряд глухими по-

255 Там же. С. 70–71.

левыми дорогами, и было видно всем, что этот командир ведёт отряд в плен к белым. Я, как старый пулемётчик старой армии и пулемётчик гражданской войны, понял неправильное командование этого командира. Возразил против его, который через два часа арестовал меня... По приводом меня под конвоем к станции Горшечная я из-под конвоя сбежал на станцию Касторное. По приходу на третий день всего отряда на станцию Касторное в 10 часов утра мне предупредили... товарищи остерегаться и не показываться на глаза командиру. В 12 часов дня телеграф станции Касторное сообщил о том, что в час дня будет белый броневик на станции. В точное время со станции Касторное из направления Курска [белый бронепоезд] начал производить обстрел из орудий и пулемётов по станции Касторной Ю.В.Ж.Д. Командир, не желая вести по правильному пути, сдался белым на перроне станции Касторное в числе 11 человек, которые представили командиру белого броневика о том, что мы бывшие офицеры, сдаёмся в плен и бросили отряд без командования. Командир броневика белых им ответил, что раз вы офицеры, то должны быть давно у белых, а вы путаетесь до сих пор у красных. И в то же время на перроне по распоряжению командира бронепоезда белых были все [они] порублены»²⁵⁶.

Генерал А.Г. Шкуро позднее сообщал в своих воспоминаниях, что его войска продвигались в данной местности довольно легко: «особенно крупных боёв, кроме боя у Старого Оскола, не было. Однако в течение трёх недель я взял 75 орудий, свыше 300 пулемётов и около 35 000 пленных»²⁵⁷. Старый Оскол был занят белыми 9 (22) сентября.

256 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 26. Л. 42-42об.; предположительно, здесь говорится о лёгком бронепоезде «Генерал Шкуро», находившемся под командованием флотского лейтенанта А.П. Чижова, который содействовал продвижению белых войск в направлении Нового Оскола и Касторного (*Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 494*).

Отношение белых к «военспецам» Красной армии из числа бывших офицеров в этот период колебалось от настороженного до резко враждебного. Полковник В.В. Манштейн, командир 3-го Дроздовского полка, известный под прозвищем «Безрукий Чёрт», во время боёв под станцией Ворожба проник с отрядом из нескольких человек в тыл противника, «сам, своей же единственной рукой, отвинтил рельсы, остановив таким образом несколько отступающих красных эшелонов. Среди взятого в плен красного комсостава был и полковник старой службы. «Ах, ты, твою мать!.. Дослужился, твою мать!.. — повторял полковник Манштейн, ввинчивая ствол нагана в плотно сжатые зубы пленного. — Военспецом называешься? А ну, глотай!» (*Венус Г.Д. Война и люди // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 203*).

257 *Шкуро А.Г. Записки белого партизана // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 413.*

Наступление на Курск. В ходе упорных боёв второй половины августа — начала сентября 1919 г. части Добровольческой армии, действовавшие на Курском направлении, перешли в решительное наступление, тесня войска красной 13-й Армии. Особого успеха белые добились на участках вдоль Обоянского шоссе, железной дороги Курск — Белгород и на Тимско-Щигровском направлении. Ими были заняты города Суджа, Обоянь, Короча, Новый Оскол, развёрнуто наступление на Льгов, Рыльск, Тим и непосредственно на сам Курск.

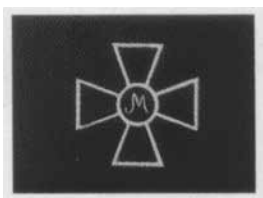
Силы Красной армии несли ощутимые потери, как в результате ожесточённых боёв, так и от последствий массового дезертирства. Так, к началу сентября в 79-м стрелковом полку сформированной в Курске 9-й дивизии насчитывалось всего 15 штыков, 15 сабель и 2 пулемёта, а в кавдивизионе 3-й бригады в строю оставалось лишь 22 человека²⁵⁸. Развернув 31 августа — 1 сентября (13–14 сентября) наступление, белое командование планировало провести его в три этапа: вначале отбросить красных на линию укреплений Курска, затем захватить эту оборонительную полосу и, наконец, закрепиться на противоположных им берегах рек Сейм, Рать и Щигор²⁵⁹. Однако, чтобы добиться осуществления первого этапа этого плана, частям Добровольческой армии потребовались четыре дня упорных боёв, в ходе которых применялись даже танки. На участке фронта от Обояни до Корочи разворачивала наступление 1-я дивизия Добровольческой армии в составе 1-го Марковского, Черноморского конного, 1-го и 2-го Корниловского, Кабардинского полков и Мар-

258 Следует отметить, что силы белых при этом напротив, возростали. Это вынужден признавать, хотя и с оговорками, даже маршал А.И. Егоров. Он приводит следующие цифры: «15 августа добровольцы против группы Селивачёва имели около 14 500 бойцов пехоты и 8000 сабель при 200 пулемётах и 77 орудиях... к 1 сентября, т. е. через две недели армии белых имели свыше 20 000 штыков, около 12 000 сабель, 412 пулемётов и около 100 орудий... А ещё через две недели на фронте Старый Оскол — Ржава — Обоянь — Суджа — Сумы Деникин сумел развернуть силы (ударная группа) в 25 900 штыков, 5 600 сабель, 421 пулемёт и 90 орудий». При этом советский маршал признаёт также, что «увеличение [сил белых] шло почти исключительно за счёт местного населения и Красной армии (!)» (Егоров А.И. Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 206). Впрочем, следует отметить, что А.И. Егоров в целом был склонен преувеличивать силы белых, постоянно твердя о слабости Красной Армии в период наступления Деникина. В частности, он даже не упоминает о самом существовании Курского укрепрайона.

259 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 90–91; подполковник В.Е. Павлов, говоря об этих планах, а также об их осуществлении, допускает ряд ошибок, порождённых слабым знанием курской топографии и топонимики. Так, он полагает, будто Рать и Щигор — одна и та же река, что сёла Нижнее и Верхнее Гуторово находятся друг подле друга, называет д. Троицу на р. Рать «Троицкое», с. Верхосеймье — «Верхоселье», с. Кузькино — «Кузькино» и т.п.



1



2



3

Général du Régiment Drosdowsky - 1919
Capitaine du Régiment Markoff



4

1. Николаевское знамя полков Дроздовской стрелковой дивизии.
2. Значок 2-го Офицерского генерала Маркова полка.
3. Робике П.-В. Генерал Дроздовского полка и капитан Марковского полка. Открытка.
4. Подразделение Добровольческой армии на боевой позиции. Сентябрь 1919 г.

ковской инженерной роты. Резервные силы включали в себя 2-й Марковский полк.

В первых числах сентября 3-й Корниловский ударный полк развигает наступление вдоль линии железной дороги со ст. Ворожба на Глушково и Тёткино, а 5 (18) сентября «после горячего боя с появившейся пехотой противника» занимает Коренево. Разворачивается наступление на Рьльск. Оборону по Сейму на данном направлении держал 2-й Сумской Советский стрелковый полк при поддержке Отдельного кавдивизиона 43-й дивизии. Отступая под натиском неприятеля, силы красных потерпели тяжёлое поражение у с. Больше-Низовцево на подступах к Рьльску.

«Первые числа сентября. Сумской стрелковый полк малочислен, в ротах по несколько десятков штыков, а участок обороны понад рекой Сейм растянулся на десятки километров, — вспоминает о боях под Рьльском ветеран-красноармеец Н.С. Исаев. — Наш взвод всё время в разведках. Нам пришлось внезапно столкнуться с переправившимися через реку конниками врага в ночное время. Рубка произошла жестокая, но обратно для нас без потерь. Беляки оказались нацменами, но трусливы, мы их загнали в реку, трёх угробив и одного чечена захватили живым, которого доставили в штаб полка... Яркий от сентябрьского солнца день. Наши лошади кушают сено вики, разложенное у изб села Б.-Низовцево. От этих изб, через выгон, проходит ручей, а потому через него перекинут мостик, а дальше на небольшой возвышенности красуется церковь. Там в доме попа находится штаб полка. Там наш командир тов. Аргунов получает новую задачу. По дороге от города Рьльска слышались приглушённые звуки моторов. В село въехали впереди мотоцикл, за ним грузовой автомобиль и за ним бронемашина. Вся эта редкая в то время техника, переехав мостик, остановилась около штаба полка... Вдруг просвистел рассекая воздух снаряд и разорвался на выгоне... Второй снаряд, а следом и третий разорвались вблизи автомашин, откуда бежали наши товарищи, которые ушли рассмотреть их, бежал и наш командир взвода, подавая команду «По коням». Снаряды больше не рвались. Я с отделением был послан по одной улице с задачей выскочить за село и разведать ту сторону, откуда летели снаряды. «Галопом! — приказывал командир. — Это наши. Они приняли нас за беляков. Так сказал командир полка. Ведь снаряды летели почти с нашего тыла»... Но как только выскочили мы в конец села, то увидели густые цепи врагов с погонами. Белогвардейцы окружили село, уже были в огородах и садах. С их стороны раздавался залп из нескольких винтовок. Мы повернули в село... и в это время слышалось громкое вражеское ура с трёх сторон села. Мы прискочили к тому месту, откуда были посланы. В селе царил паника.

Белые показались на выгоне со штыками наперевес. По ним открыли пулемётный огонь из нашей бронемашины. Враги растягивались по выгону. От штаба полка бежал командир полка и махал белым флагом. К нему подбежал комиссар полка с маузером, выстрелил в предателя из старых царских офицеров. Мы не спешиваясь стреляли в приближающихся врагов. Комиссар бежал к нам. Ему подали кто-то из наших лошадь и он прискакал к нам. Бронеавтомашина, ведя огонь из пулемёта, двигалась [на мостик] и взошёл на него, обвалилась одной стороной. С правой стороны церкви, с невысокого ската, на поле показались ещё густые цепи золотопогонников с криком ура. «Прорываемся! — крикнул комиссар. — По дороге на Рыльск!» И наш взвод, уже намного поредевший, бросился во весь лошадиный дух вверх по дороге, ведущей на город Рыльск. По-над дорогой с колена стреляли по нас белые гады. Падали наши лошади, падали с сёдел и наши товарищи. Примерно в трёх километрах от села мы остановились. Нас было 12 человек из 25. Не оказалось и комиссара 2-го Сумского Стрелкового Советского полка. Настречу нам двигалась развёрнутым строем кавалерия. Обрадовавшись, мы замахали им фуражками, думая, что это наши. Но оказалось не то. Враги погнали нас обратно к Б.-Низовцеву». От окончательной гибели красных кавалеристов спасло лишь появление выбравшегося из ручья броневика. Прибыв, наконец, в Рыльск, уцелевшие красноармейцы застали город в смятении: «из него спешили эвакуироваться советские служащие, а военных не было за исключением нас. Только утром появились усталые красноармейцы, отходившие по узкоколейной железной дороге от ст. Коренево, но их было так мало, что о защите города нечего было и думать»²⁶⁰.

260 *Исаев Н.С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рыльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 60–61 [орфография подлинника сохранена]).

Не полагаясь на регулярные части Красной армии, власти стали готовиться к партизанской борьбе. Председатель парторганизации с. Макеево С.А. Федюшин вспоминает: «В августе при приближении к Рыльску денкинцев парторганизация поручила мне связаться со штабом 1-й особой бригады и приступить к созданию партизанского отряда, но я не успел выехать, когда узнал, что Рыльск уже занят денкинцами, а 1-я особая бригада, занимавшая фронт южнее Рыльска, отступила в Кострово. Передав бывшим своим партизанам и другим гражданам, не хотевшим оставаться на территории врага, чтобы они направились в с. Надейку, мы с председателем сельсовета т. Гавриловым Н.П. поехали в штаб 1-й особой бригады, чтобы оформить создание Рыльского партизанского отряда и получить оружие. Мы получили 150 винтовок с патронами и пулемёт. Утром мы приехали в Надейку, где нас ждали более 100 человек. Назначив т. Никитенко из с. Глушково ком. взвода и раздав оружие, мы двинулись на Ольховку, Хомутовку, Дубровицы, Погребы и Доброводье. Там мы догнали 1-ю особую бригаду, где получили указания идти на Севск» (КОПА. Ф. 16. Оп. 1. Л. 262. Л. 6).

Наиболее сильное сопротивление белым было оказано в этот период в зоне Льговского укрепрайона на линии Коренево–Льгов. На подступах к Коренево с упорным сопротивлением матросских частей, укрепившихся на берегу реки Снагость, столкнулся 1-й Дроздовский полк. «В первый раз за время моей службы в полку дроздовцам пришлось окопаться», — вспоминает о тех боях Г.Д. Венус, получивший тогда ранение в ногу²⁶¹.

Упорное сопротивление, оказанное белым на подступах к Льгову, было не случайно: ещё 1 (14) августа Реввоенсовет Южфронта распорядился о создании в окрестностях города укрепрайона, защитники которого теперь и пытались сдержать натиск Добармии²⁶².

«Льгов — узловая станция на реке, и большевики решили его оборонять, — вспоминает дроздовец–артиллерист Д.Ф. Пронин. — Бронепоезда красных поддерживали огнём свою пехоту. Особенно бесстрашно действовал красный бронепоезд «Товарищ Свердлов», команда которого состояла из матросов Балтийского флота. Пехота 3-го Корниловского полка, как части новосформированной, хотя выглядела очень хорошо (даже была снабжена стальными шлемами) и имела хороший офицерский командный состав, значительно уступала нашей Дроздовской похоте, особенно в смысле быстроты удара. В атаку шла медленнее и под огнём залегала. Потери также несла поэтому большие.

Перед Льговом бронепоезда красных заставили пехотные части залечь. Терять времени было нельзя. Наши орудия, выехав на открытую позицию, начали поединок с бронепоездом. Запряжки были отведены в лощину назад. Пристрелялись обе стороны почти одновременно. Наши снаряды ложились на нулевой вилке (на том же прицеле) под самое полотно железной дороги или, перелетая через площадки, осыпали их градом осколков. Позже, уже во Льгове, мы узнали, что на одной площадке было повреждено орудие, на другой перебита вся оружейная прислуга.

Однако у «Товарища Свердлова» было перед нами преимущество — подвижность, количество и скорострельность орудий на постоянной установке и он буквально засыпал нас дождём шрапнели и трёхдюймовых гранат... Как серый огнедышащий змей, окутываясь дымом и вспышками выстрелов, метался по рельсам в одну и другую сторону «Товарищ Свердлов», стараясь избежать попада-

261 Венус Г.Д. Война и люди // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 203.

262 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 140.

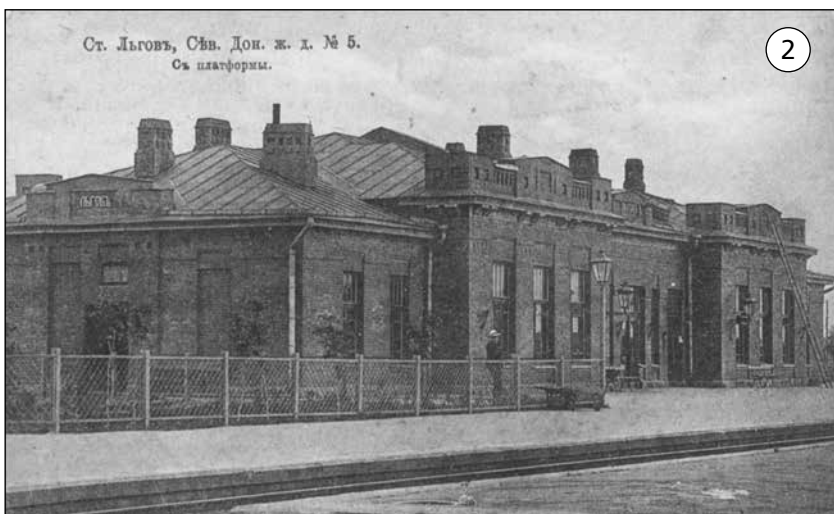
ний батареи... Однако «Товарищу Свердлову» не удалось привести к молчанию Дроздовскую батарею, и, когда один из гаубичных снарядов лёг около паровоза, ранив машиниста, бронепоезд дал полный ход назад.

Потрёпанная батарея не могла в полном составе даже сопроводить пехоту дальше, а во Льгов, занятый несколькими часами позже, орудие въезжало на каких-то клячах, забранных во Льгове из пожарной команды»²⁶³.

Льгов был занят в один день с Курском 7 (20) сентября в основном силами корниловцев, атакой которых руководил лично генерал-майор В.К. Витковский. Поддержав дрогнувшие было части Олонечского полка, корниловцы заняли станции Артаково и Льгов, а затем, форсировав Сейм, овладели и самим городом. При форсировании реки погиб командир 3-го батальона полка штабс-капитан В.А. Скударев. Со стороны Брянска движение на Льгов прикрывали части Белозерского полка. На станции Льгов обосновался штаб 1-го армейского корпуса во главе с генералом А.П. Кутеповым.

О действиях 3-го Корниловского полка в эти дни вспоминает Г.А. Головань: «Идём на станцию Коренево, для овладения которой были направлены две роты, 10-я и 12-я. Разведка выяснила, что станция занята небольшим отрядом красных, а на входных путях с южной стороны стоит под парами их бронепоезд... Из штаба полка догнал нас ординарец, привезший приказание, в котором указывалось: «Шт. капитану Реке, командиру 12-й роты, выйти в тыл станции Коренево и, взорвав железнодорожный путь, приостановить наступление. Командиру 10-й роты поручику Головань, наступая вдоль линии жел. дороги за посадками, атаковать станцию с фронта». Операция была блестяще выполнена, но дорого обошлась корниловцам: уже после того, как был 12-й ротой подорван путь, пал смертью храбрых командир их, капитан Реке. Броневи́к остался в наших руках. Дальнейшее движение на Льгов. Большевики занимают укрепленную позицию у станции Артаково, что в 4 верстах от станции Льгов 2-й... после короткого боя станция Артаково занята. Двигаемся дальше. И в это время, тяжело пыхтя, влево от станции ползёт красный бронепоезд и, выбрав позицию, открывает по роте частый огонь; к счастью, снаряды давали перелёт. Наша артиллерия, то есть захваченные у красных шестидюймовки, с которыми должен быть и командир полка, идущий с западной стороны на город, почему-то молчит. Но вот блеснули орудия, полетели

263 *Пронин Д.Ф.* Записки дроздовца-артиллериста // Седьмая гаубичная. — Нью-Йорк, 1960. — С. 46–48.



1. Бронепоезд «Офицер». 1919 г.

2. Железнодорожная станция Львов. Начало XX в.

наши снаряды и стали рваться на линии, по которой маневрировал бронепоезд, пытаясь уйти от обстрела. Но скоро судьба его была решена — корниловцы были уже со всех сторон... рота бросилась на вокзал, на запасных путях которого было захвачено до 50 гружёных эшелонов... К вечеру был занят и железнодорожный мост через Сейм, взят и город Льгов, при штурме которого был убит командир нашего 3-го батальона. На другой день, отдохнув, подтянувшись и почистившись, свободные от служебных нарядов добровольцы ходили по городу, ласково приветствуемые освобождёнными жителями»²⁶⁴.

В то же время, развивая успех, достигнутый под Нагольным, 1-й батальон 1-го Корниловского полка двинулся вдоль железной дороги на Солнцево. Он занимает Кочегуровку и около Зуевки сталкивается с упорным сопротивлением отступающих красных частей. Несмотря на присутствие со стороны белых трёх танков и двух бронепоездов, красноармейцы не только ожесточённо оборонялись, но и несколько раз переходили в контратаки. Лишь поздним вечером белым удалось закрепиться на окраине села²⁶⁵. На следующий день с новым ожесточением возобновляются бои у Кочегуровки, а 2-й Корниловский полк занимает сёла Башкатово, Рыбинские Буды, Любач и Паники, наступая в сторону Медвенки. Части Красной армии, оказывая всё более беспорядочное сопротивление, откатываются в сторону Курска. К вечеру 5 (18) сентября 1-й и 3-й батальоны 1-го Корниловского полка занимают станцию Полевая, овладев на другой день и самим селом. В Медвенке 5 (18) сентября состоялось совещание, на которое были созваны «все начальники, начиная с командиров батальонов и батарей, для рекогносцировки укреплённых позиций красных у г. Курска»²⁶⁶. Вопрос о штурме «красной крепости Курск» был решён.

264 Головань Г.А. Прошлое обяывает // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 126–127.

265 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 290.

266 Там же. С. 293.

3. Падение «красной крепости»

Взятие Курска. Стремительное продвижение белых вызвало в Курске всё большую тревогу, а время от времени происходили вспышки настоящей паники. Обычно это выражалось в массовых арестах «подозрительных элементов», причём даже председатель губисполкома И.С. Шелехес признавал, что «аресты происходили как-то бессистемно, арестовывали военспецов без предъявления каких-либо конкретных обвинений и без ведома Военсовета... так, например, был произведён арест комсостава бомбомётно-пулемётной школы без ведома Особого отдела и председателя Губчека» (председатель ГубЧК позднее простоудушно оправдывался: «но я не мог за всеми сотрудниками уследить»)²⁶⁷.

Особенно острой вспышку страха вызвало взятие белыми Обояни. В ночь на 13 (26) августа, когда об этом стало известно, председателю ГубЧК В.М. Мовчану сообщили, что белые уже в 15 верстах от города. Глава курских чекистов и его товарищи в это время «пьянствовали в помещении с женщинами», однако это не мешало им развернуть лихорадочную деятельность по организации спешной эвакуации, причём здание ГубЧК решено было взорвать (этому помешало лишь то, что «отряд Губчека не был приведён в боевой порядок»)²⁶⁸.

Происходили в городе и другие, тревожащие чекистов, события. Все последние ночи накануне падения Курска оказались заполнены пожарными тревогами, которых за три дня было больше, чем за минувшие полгода. Причём все вызовы пожарных команд неизбежно оказывались ложными. Следователи ЧК жаловались: «Провокация всё это. Только вызывают их [пожар-

267 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 181.

268 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 180–186. Позднее пьяные загулы Мовчана и «полное разложение» ГубЧК в целом стало предметом специального разбирательства в Курском губкоме РКП(б). Мовчан, скрепя сердце, признавал, что в ночь с 25 на 26 августа он «был выпивши», на что ему тут же возразили: «т. Мовчан был в полном смысле пьян и когда заявился сотрудник по делу к т. Мовчану, то т. Мовчан выгнал его из своей комнаты». Признав же факт взяток, что брал его сотрудник и собутельник Орлов, Мовчан заявил: «взятки были предложены т. Орлову в 5, 30 и 79 тысяч рублей за освобождение заложников и были взяты для того, чтобы открыть всю организацию». Именно Орлов, кстати, и поднял первым панику, сообщив о приближении денкинцев и призвав взорвать здание ГубЧК (Там же. С. 183, 185, 186).

ных] по телефону всё из таких мест, что поймать этих бандитов нет возможности!»²⁶⁹

Пережитый страх и раздражение вымещались на мирном населении. «Снова по городу идёт волна арестов, — вспоминает о тех днях А.Л. Ратиев. — Задержанным заявляют, что их берут в качестве заложников... Что будет с обременительными и ненужными для властей толпами арестованных, если к городу действительно подойдут силы деникинцев?»²⁷⁰

Начиная с 2 (15) сентября Курск стал подвергаться атакам боев-логвардейских аэропланов, который сбрасывали на город бомбы и прокламации²⁷¹. Основной удар наносился по железнодорожной станции Курск–Ямская. «Серьёзных разрушений бомбами не причинено ввиду их незначительной силы, некоторые упали за

269 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 319. При этом у А.Л. Ратиева сложилось стойкое впечатление, «что событиями последних дней управляет чья-то невидимая режиссура». Возможно, в городе и в самом деле действовала деникинская агентура. Косвенно в пользу этого может свидетельствовать случай, произошедший с тем же А.Л. Ратиевым ещё весной 1919 г. По пути со службы домой он столкнулся на ул. Флоровской с нищим в потёртой солдатской шинели и с костылём. Получив «керенку» в подаяние, нищий бросил ему вслед: «Смотрю я на вас, такой молодой, здоровый, а сидит здесь, когда на Дону, на Кубани, добровольцы сражаются за свободу, за Россию», — после чего проворно скрылся за углом. «Что это? Провокация? — задаётся вопросом А.Л. Ратиев. — Или же действительно подосланный с Юга агитатор? Если так, то нельзя отказать ему в смелости и в известной актёрской сноровке. Правда и то, что в момент нашей встречи, как никогда, улица была пустынной» (Там же. С. 255).

270 Там же. С. 318.

271 Вероятно, это был результат действий 1-го добровольческого авиадивизиона под командованием полковника Коновалова. Дивизион, включивший в себя 1-й имени генерала Алексеева и 6-й авиаотряды, был направлен на фронт 22 июля 1919 г. и насчитывал 6 аэропланов «де хэвиленд» и 8 аэропланов «кэмел». «Чтобы хоть как-то компенсировать свою малочисленность, белые лётчики старались изо всех сил. За последние восемь дней июля только «де хэвиленды» 1-го отряда (данных по 6-му не сохранилось) совершили 36 боевых вылетов на разведку и бомбардировку, сбросив более 180 кг бомб. В следующем месяце пилоты авиадивизиона выполнили уже 129 боевых полётов общей продолжительностью 349 часов и сбросили на противника 720 кг бомб... В непрерывных полётах самолёты изнашивались и требовали ремонта, который невозможно было обеспечить в полевых условиях. К 3 октября в Алексеевском отряде осталось всего два исправных «де хэвиленда». «Кэмелы» 6-го отряда оказались более выносливыми. С середины сентября на них легла основная боевая нагрузка... Численность дивизиона неуклонно снижалась. К началу октября в его составе осталось менее десятка боеспособных машин. Единственным пополнением за два месяца боёв стал «Ньюпор-23», на котором 7 сентября перелетел от красных командир 9-го авиаотряда РККВФ Фомагин» (*Хайруллин М.А., Кондратьев В.И.* Военлётцы погибшей империи. Авиация в Гражданской войне. — М., 2008. — С. 252, 265)

полосой отчуждения. Повреждено несколько вагонов, несколько человек убито и ранено. Одна бомба взорвалась в саду, напротив здания Губчека», — сообщает председатель Курской транспортной ЧК Л. Руднев.²⁷²

Тревога за судьбу Курска повлекла издание Главным командованием Красной армии директивы № 4347/оп. Она гласила: «Необходимо принять все меры для удержания Курска и, так как ударный манёвр задерживается, спешно направить для его непосредственной обороны те части, которые имеются под рукой у Лашевича в Орле и Туле (в частности 21 полк) и вообще в районах, удалённых от Мамонтова»²⁷³. Тотчас после выхода этой директивы, в тот же день 3 (16) сентября, Курский укрепрайон (УР) был объявлен на осадном положении²⁷⁴. Однако и эта запоздалая мера не мешала начальнику политотдела УРа по-прежнему слать в политотдел 13-й Армии бодрые сводки, как ни в чём не бывало сообщая лишь об избрании в той или иной части «культурно-просветительной комиссии», о проведении митингов и о вполне «удовлетворительном» настроении бойцов²⁷⁵.

Издававшаяся в городе газета «Волна» в последние дни выходила всего на двух полосах «совсем небольшого формата». Она и её фронтовое приложение «Красноармеец» скупо сообщали о событиях на фронте, ограничиваясь краткими фразами о «боях с переменным успехом» вдоль железной дороги в Обоянском уезде, упорных боях в 10–15 верстах западнее Суджи и призывали дезертиров проявлять сознательность и не покидать позиций. Зато там же, в номере «Волны» от 7 сентября, ниже фронтовых сводок красовался огромный заголовок: «Накануне мировой революции». Здесь радостно сообщалось о «борьбе в Албании», о «советах в Австрии» и, наконец, о том, что «восстание в Индии разгорается». Эти новости должны были, видимо, подвигнуть горожан и красноармейцев на

272 Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 176.

273 Директивы Главного командования Красной Армии (1917–1920). — М., 1969. — С. 471.

274 Территория укрепрайона находилась в пределах линии: Воробьёвка — Шумская — Ушаково — Бол. Жировка — Воскресенское — Бол. Огарково — Гореловка — Филипова — Ниж. Мазнева — Сорокина — Малыхина — Павловский — Петровская — Спокоевка — Ворожба — Медведский Колодезь — Рождественское — Знаменское — Зорино — Новосёлка — Букреева — Верхне-Ерёмина — Богоявленское — Лисова — Мещерский — Басова — Ясенки — Поляна — Мелехино, Охочевка — Гремячий Колодезь — Сухоробрин (ГАКО, ф. Р-328, оп. 1, д. 81, л. 26).

275 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 гг. — Воронеж, 1967. — С. 16.

стойкую оборону идеалов коммунизма и родного города²⁷⁶. В целом же Военсовет укрепрайона оказался не в состоянии совладать с ситуацией, когда под неожиданно мощными ударами белых вся система обороны УРа начала трещать по швам.

Командантом укрепрайона, штаб которого размещался в здании Мариинской женской гимназии, с 19 июля 1919 г. был Михаил Степанович Свечников — бывший полковник Императорской армии, выпускник Академии Генерального штаба, сменивший на этом посту И.Н. Полковникова²⁷⁷. Начальником штаба укрепрайона тогда же стал Е.А. Николич — также полковник старой армии, сослуживец Свечникова по Финляндии и Каспийско-Кавказскому фронту. Со стороны местной власти членом Военсовета УРа являлся председатель губисполкома И.С. Шелехес, а начальником политотдела была его жена, секретарь Курского губкома РКП(б) О.А. Миткевич²⁷⁸.

В распоряжении Военсовета находились довольно значительные силы. В д. Рышково размещались части 2-й отдельной стрелковой бригады и лёгкий артдивизион; в д. Букреево — 60-й крепостной стрелковый полк; в д. Токарево — 605-й стрелковый полк, в д. Хаваринково — 606-й стрелковый полк. Тяжёлая артиллерия стояла у д. Букреево, Цветово 2-е и у казарм на Херсонской улице, контро-

276 Страницы и лица. «Курская правда» 1917–2002. — Курск, 2002. — С. 40–41.

277 Свечников Михаил Степанович (1882–1938) — выходец из семьи казачьего офицера, полковник Императорской армии, выпускник Академии Генерального штаба. В период 1-й Мировой войны начальник штаба крепости Осовец и командир 106 пехотной дивизии, размещённой в Финляндии. Вскоре М.С. Свечников становится членом РКП(б) и фактически руководит силами Финской Красной Гвардии, упорно, хотя и безуспешно противостоявшей шюцкору барона Густава Маннергейма. Когда финская революция потерпела поражение, Свечников активно участвует в Гражданской войне на территории России. С декабря 1918 г. по март 1919 г. он командует Каспийско-Кавказским фронтом, а с 19 июля 1919 г. назначается комендантом Курского укрепрайона. Позднее командир Сводной стрелковой бригады в составе 13-й Армии. Репрессирован в 1938 г.

Иван Николаевич Полковников находился в должности коменданта Курского укрепрайона с 7 июля 1919 г. и с этого поста был переведён на должность начальника штаба Орловского военного округа. Также 19 июля 1919 г., согласно приказу Предреввоенсовета Л.Д. Троцкого, Совет Курского укрепрайона был переименован в Военный Совет (ТАКО. Ф. Р-328. Оп. 1. Д. 81. Л. 19; Д. 82. Л. 17, 24).

278 Миткевич Ольга Александровна (1889–1943) — родилась в Подольске, член РСДРП с 1905 г. С марта 1919 г. — секретарь Курского губкома РКП(б). В октябре 1919–1920 гг. — начальник политотдела 13-й дивизии 8-й Армии Южного фронта. После окончания Гражданской войны на партийной и хозяйственной работе в Донбассе, Николаеве, Ярославле, Москве. Делегат IX, XIII, XVI, XVII съездов, член МКК ВКП(б), награждена орденом Ленина (*Ланно Д.Д.* Герои Гражданской войны. — Воронеж, 1987. — С. 152).



1. М.С. Свечников, комендант Курского укрепрайона.
2. И.С. Шелехес, председатель Исполкома Курского губернского Совета.
3. Н.Д. Токмаков, организатор и комиссар 1-го Курского революционного полка, комиссар 9-й дивизии. Фотография 1921 г.
4. Л.П. Чубунов, один из организаторов Советской власти в Дмитриевском уезде.

лируя мост через Сейм. Помимо этого в городе находились 2-я и 28-я отдельные бригады внутренней охраны, три роты 7-го и 55-го железнодорожных полков, батальон ГубЧК, караульный батальон губвоенкомата, караульная рота, пехотные курсы комсостава, военно-хозяйственные курсы, рота по ловле дезертиров, а также части гормилиции и три батальона рабочих дружин²⁷⁹. Кроме того, Военсовет мог рассчитывать на поддержку артиллерии бронепоездов и силы партизанского отряда знаменитого Камо (С.А. Тер-Петросяна), созданного специально для организации борьбы в тылу деникинцев.

Помимо значительных боевых сил Курск защищали мощные укрепления. Сохранились воспоминания начальника пулемётной команды 1-го Офицерского генерала Маркова полка поручика Стаценко, в изумлении описывавшего укрепления «красной крепости Курск». По его словам, они были подготовлены по всем правилам позиционной войны: «окопы были полной профили, с проволочными заграждениями в три кола, с ходами сообщения, с артиллерийскими щелями, со скрытой под землёй телефонной связью по фронту и в глубину с землянками и убежищами. Почти каждый стрелок в окопах имел стальной щит, неимоверное количество гранат валялось повсюду. Взяв такие окопы, мы ахнули. Просто не верилось, что с нашими силами и к тому же почти без потерь мы взяли так хорошо оборудованную позицию. Посади нас в такие окопы, нас пришлось бы дымом выкуривать, да и то — вряд ли это удалось бы». Позиция двухорудийной батареи «Канэ» особенно впечатлила поручика: «всё было оборудовано на позиционный лад: хорошие землянки, убежища, погреба, полные снаряды, беседки, клумбы цветов. Уют, да и только! По найденным тут же документам установили, что это была латышская батарея»²⁸⁰. Аналогичная картина осталась и в памяти офицеров-корниловцев: «Оборудование позиций впереди Курска носило по масштабам гражданской войны довольно серьёзный характер: первая укрепленная полоса, сооружённая верстах в 10–15 от города впереди его, состояла из непрерывного ряда стрелковых окопов полной

279 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. Курск, 1935.— С. 14–17; А.И. Егоров, стремясь преуменьшить результаты поражения под Курском, а заодно лишний раз обличить белогвардейцев, утверждает: «В своих «Очерках» (т. V, стр. 123) Деникин горделиво отмечает: «7 сентября (ст. ст.) 1-й арм. корпус генерала Кутепова, разбив наголову 12 совполков, взял Курск». В действительности здесь было разбито всего два полка: 20-й и 605-й тульские полки» (*Егоров А.И.* Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 207). Видимо, автор полагает, что остальные подразделения Красной армии, оборонявшие город и подступы к нему, просто в полном порядке отступили на заранее подготовленные позиции.

280 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию — Т. П. — Париж, 1964. — С. 91.

профили, усиленных проволочными заграждениями в 5 колеб. К окопам вели ходы сообщения, а позади окопов были оборудованы артиллерийские позиции с наблюдательными пунктами. Артиллерии было собрано значительное количество, до 8-дюймовых орудий включительно»²⁸¹. В итоге «сведения о сооружениях красной крепости Курск вызывали, по выражению ударников, неприятное чувство наподобие того, как будто по спине ползают мурашки»²⁸².

Однако, как писал позднее очевидец, «по видимости к обороне было всё налицо, но в действительности твёрдой защиты не было». Поясняя свою мысль, он сообщает, что «Шелехесу, как предгубисполкома, так и штаб[у] укрепрайона мало кто доверял, а... его жена Мицкевич была председателем губкома тоже без авторитета»²⁸³. В городе постоянно шла глухая борьба между различными советскими органами. Председатель ГубЧК В.М. Мовчан являлся по вызову председателя губисполкома не иначе, как с телохранителями, что в свою очередь вызывало опасения у Шелехеса. Более того, согласно сведениям самого И.С. Шелехеса, «недоверие друг к другу было столь сильно, что Губчека хотела арестовать Губком и Реввоенсовет, и после ареста организовать побег и расстрел т. Миткевич». В свой черёд чекисты утверждали, что «Губчека пропитана шпионами от Губкома и работа... в таких условиях немыслима», жаловались, что «Губком накладывал свою лапу на работу Губчека, не разрешал без его ведома расстреливать», а также обвиняли Военсовет укрепрайона в том, что он тоже «всё-таки накладывал свою лапу на работу Губчека, не шёл навстречу, не давал помещения для лагеря принудительных работ, для секретных квартир, освобождал крупных заложников»²⁸⁴.

Даже среди костяка курского пролетариата, железнодорожников, отмечались вспышки недовольства Советской властью. Ещё 2 (15) июля объявление мобилизации среди железнодорожников вызвало многолюдный митинг под характерным лозунгом: «Долой гражданскую войну, и дайте хлеба, а на фронт не пойдём!» Итогом стал арест 45 зачинщиков волнений²⁸⁵. Неудивительно, что после

281 Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974. – С. 287.

282 Там же. С. 288.

283 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 53–5об.

284 *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 182–183.

285 *Раков В.В.* Боевые действия на территории Курской губернии в 1919 году // Учёные записки РОСИ. Вып. 10. Проблемы социально-гуманитарных дисциплин. – Курск, 2002. – С. 141–142; см. также: Рапорт инструкторов ВЧК Чекмазова и Зейбольга // *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 154–156.

этих репрессий железнодорожники довольно пассивно проявили себя в момент, когда Курск оказался под ударом белых. Моральный дух самих красноармейцев, несмотря на оптимизм политотдела УРа, также был невысок. Это показывали, в частности, высокий процент дезертирства и волнения, вспыхнувшие в Белгороде в марте, а в начале августа 1919 г. и в самом Курске. Здесь беспорядки произошли среди уже пойманных дезертиров, размещённых в казармах в Горелом лесу (где формировались часть 2-й Курской крепостной бригады — 604-й и 605-й крепостные полки). Как сообщает председатель Рыльского укома РКП(б), находившийся тогда в Курске, «политической работы с ними не было, обмундирования не было, кормили неудовлетворительно... выдавали сельди, а воды не было»²⁸⁶. Когда же в бараках «устроили шум», и представители губисполкома, посетив дезертиров, вынесли вопрос об их положении на рассмотрение властей, их просто не стали слушать. Более того, «их хотели обвинить в разложении» и пригрозили «революционной карой»²⁸⁷. В итоге не прошло и месяца, как именно Горелый лес оказался наиболее слабым местом в обороне города. В самом Курске многие с явным нетерпением ожидали падения Советской власти. Торговки на базаре распространяли слухи о том, будто «где-то под Обоянью деникинцы сбросили с аэроплана мешок с булками и листовками. В листовках писали, что генерал Деникин несёт с собой пшеничную муку и всякое довольствие»²⁸⁸. На фоне реалей «военного коммунизма» подобные слухи были для красных страшнее любых неприятельских танков и аэропланов, тем более что недовольство выражали не только представители «эксплуататорских классов», но вполне, казалось бы, благонадёжные «трудовые элементы».

Двенадцатилетний Исай Казацкий, младший брат С.Б. Казацкого, курского комиссара финансов, позднее вспоминал, как по просьбе неграмотного чистильщика обуви прочитал ему последние новости из свежей газеты. Он «прочёл яркую передовицу, на-

286 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 53об-54.

287 «В Горелом лесу были дезертиры, [из них] организовывалась целая дивизия, в неё входило до 5 тыс. человек раненых... мы залегли цепью перед дивизией, поставили два пулемёта. У них было орудие, но против нас они не выступили, потому что перед этим за несколько дней наша большевистская власть послала туда людей, которые вели там разлагающую работу. В момент сигнала с нашей стороны они сняли людей с орудия», — вспоминает старая большевичка Правдивцева (Стенограмма совещания старых большевиков г. Курска. 18 октября 1956 г. — Л. 32).

288 *Подцугев П.И.* «Гостинцы» генерала Деникина // Разгром армии Деникина. — Курск, 1939.— С. 68.

сыщенную искромётными лозунгами, за нею сухую и лаконичную оперативную сводку о положении на южном и восточном фронтах, закончив чтение официальным извещением Губпродкома об очередном обмене хлебных карточек». Чистильщик и его семья начали живо обсуждать услышанное. Судя по всему, «искромётные лозунги» оставили их вполне равнодушными, чего нельзя было сказать об извещении Губпродкома: «Чистильщик сердито нахмурил мохнатые брови и раздражённо выпалил: «Белый, красный, один чёрт! Нам всё равно плохо. Кушать надо, понимаешь, кушать!» Заметив мой испуг, вызванный его резкостью, он продолжал уже мягче, тише, доверительно: «Да, мы ждём Деникина. Он везёт хлеб, белый хлеб, понимаешь?» Брат комиссара финансов не разделял чувств чистильщика. Для него это был всего лишь «крик человека, озлобленного постоянным ощущением голода, одурманенного вражеской агитацией»²⁸⁹.

Между тем, как вспоминал старый большевик А.Т. Кононов, «тревожное состояние в Курске с каждым днём усиливалось, участились случаи дезертирства с фронта... всё чаще приходилось с оружием в руках принимать участие в разоружении дезертиров, бегущих с фронта ... и преодолевать вооружённое сопротивление не только с одиночками, но и с целыми большими отрядами дезертиров»²⁹⁰.

289 *Казанский И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 8–9.

290 *Кононов А.Т.* Воспоминания о боевых днях за упрочение Советской власти в первые годы Великой Октябрьской Социалистической революции 1918–1919 гг. (рукопись). Л. 4; Здесь же автор приводит и конкретный пример такой деятельности: «нами было получено с линии по телеграфу тревожное сообщение о том, что с юга на ст. Курск продвигается целый эшелон дезорганизованный воинский отряд, по пути следования учиняет дебош с грабежами, на ст. Ржава разгромлен ими буфет, избит и разогнан весь обслуживающий персонал, такая же участь постигла [персонал] и на ст. Прохоровка. Получив такое сообщение были приняты меры [по] мобилизации своих сил, в то же время довели до сведения Курского укрепрайона и просили срочно выслать в помощь вооружённый отряд... Одну часть отряда [было] решено отвечать в буфет на обед, для чего зав. буфетом Хонбеку было дано распоряжение немедленно очистить помещение ж. д. буфета от посторонней публики, накрыть столы с обеденными приборами и ждать гостей, а оставшихся людей в эшелоне передвинуть на запасной путь, окружить и разоружить. Вскоре на помощь нам Курский военный гарнизон выслал вооружённый отряд курсантов школы командного состава... Через несколько минут прибыл поезд с военным отрядом, в некоторых вагонах слышались выкрики и пьяные песни разгулявшихся вояк. Встретили их военный комендант станции т. Фурсов и чл. ревкома т. Белогуров, которыми любезно был предложен командованию эшелона приготовленный для них обед в ж. д. буфете на 100 человек и просили выделить часть отряда на приготовленный обед. Командование приглашение приняло, выделило чел. 80 бойцов, которые в строевом порядке прибыли в ж. д. буфет, спокойно заняли места за столами и стали ждать подачи обещанного им обеда. Но пообедать гостям не

Тем временем, заняв Суджу, Обоянь и Коренево, белые развернули наступление непосредственно на Курск. Начались бои за Тим. Прикрывавший Медвенку 56-й полк был полностью разгромлен, и остатки его разбежались, бросив обоз и пулемёты. Фронт оказался оголён, и белые, используя этот прорыв, стремительно двинулись на Курск. Чтобы пресечь возможную панику, на заседании Курского губкома РКП(б) 17 сентября всем собравшимся было твёрдо заявлено, «что Деникину Курска никогда не сдадут»²⁹¹. А 19 сентября из РВС Южфронта в Курск поступило распоряжение командюжа В.Н. Егорьева: «Приказываю дать противнику решительный отпор, не останавливаясь перед боем в Ямской слободе и в самом городе. За сдачу Военсовет отвечает лично. Драться до последнего и во всяком случае не менее десяти дней. Помощь организуется»²⁹². Однако спасти положение уже не могли никакие приказы.

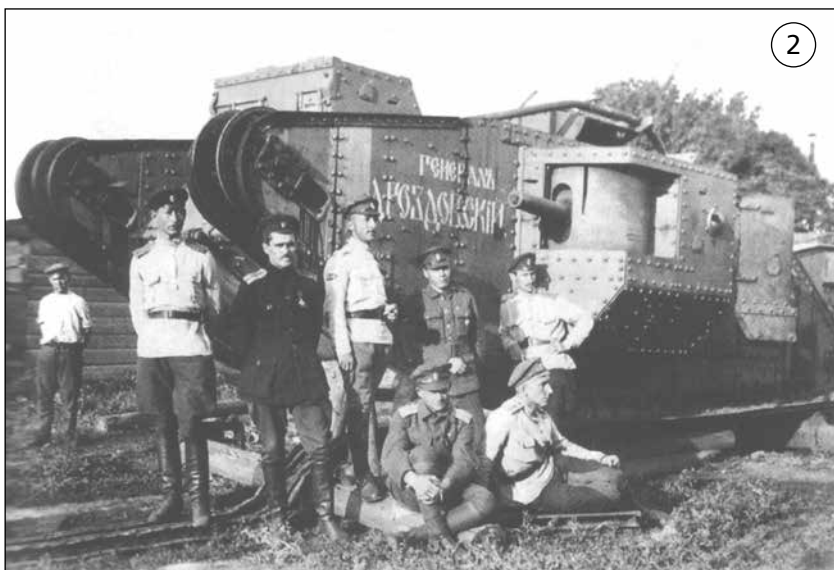
Первоначально белое командование не планировало решительного удара по казавшейся неприступной «красной крепости». Начальник штаба 1-й пехотной дивизии полковник А.Г. Биттенбиндер вспоминал: «когда мы разрабатывали план атаки укрепленной позиции у Курска, приехал генерал Кутепов, схватился за голову и категорически запретил атаку. Мы должны ждать, пока прибудет тяжёлая артиллерия, ибо без неё нельзя и думать об атаке укреплений Курска»²⁹³. Однако генерал-майор Н.С. Тимановский, командующий 1-й пехотной дивизией Добрармии, решил захватить Курск внезапной атакой — он «не был высокого мнения о духе защитников Курска и надеялся на своих корниловцев и марковцев». Более того, он даже выразил удовлетворение тем, что придётся действовать без

пришлось, да и угощать—то их было нечем, так как в то время всё меню буфета состояло из овощей с различной приправой. Помещение буфета [было] быстро оцеплено военными курсантами, гостям было сообщено, что их эшелон дальше не пойдёт и предложено им сдать оружие и явиться в распоряжение военного гарнизона г. Курска. Никто из гостей такого сюрприза не ожидал. После минутной растерянности вдруг весь зал задрожал от яростных криков и проклятий, некоторые с гранатами в руках бросились к выходу, но, распахнув двери, встретили плотные ряды курсантов с направленными на них дулами винтовок и пулемётов. Стало ясно, [что] деваться некуда, пришлось им сдать оружие и отправиться под конвоем в г. Курск. В то же время стоявший на путях их эшелон был отодвинут в тупик под предлогом освобождения пути для проезда прибывшего поезда. В тупике их эшелон также был окружён жд. отрядом ЧОН и разоружён. Так быстро без единого выстрела и пролития крови [был] укрощён один из грозных отрядов бандитски настроенных дезертиров» (Там же. Л. 5–6).

291 ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 6. Л. 139об.

292 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 гг. — Воронеж, 1967. — С. 146.

293 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. П. — Париж, 1964. — С. 89.



1. Встреча добровольцев в с. Гурово Курской губернии. Лето 1919 г.

2. Команда танка «Генерал Дроздовский». Сентябрь 1919 г.

согласия на то Кутепова: «По крайней мере, Доставалов (начальник штаба корпуса) не будет знать времени начала атаки».

Уже 5 (18) сентября развернулся упорный бой частей 2-й бригады с наступающей Марковской дивизией под командованием генерала Н.С. Тимановского на рубеже Селиховых Дворов. Ни тяжёлая артиллерия, ни проволочные заграждения марковцев сдержать не смогли. Бросив орудия, красноармейцы стали отходить на Курск. Победа обошлась белым недёшево. В ходе этих боёв 1-й батальон 2-го Марковского полка, находясь в оперативном подчинении командования 2-го Корниловского полка, «под сильным огнём берёт село Никольское и хутора Селиховские, захватив два шестидюймовых орудия, потеряв при этом до ста человек из шестисот»²⁹⁴. Командир офицерской роты 2-го Корниловского полка, полковник К.В. Иванов, вспоминал позднее, как в одном месте не удалось прорвать проволочных заграждений, и ему пришлось «под ружейным и пулемётным огнём» выручать залёгшее подразделение «своей лихой офицерской атаккой»²⁹⁵. Поручик А.Е. Бондарь вспоминал, как под Курском в ряды корниловцев перебежали от красных два капитана — «оба кадровые офицеры, высокие и красивые. Один был назначен в офицерскую роту, а другой получил солдатскую, и при штурме укреплений Курска оба они погибли на проволоке»²⁹⁶. Вероятно, именно к боям за Селиховы Дворы относится эпизод, оставшийся в памяти одного из ветеранов Марковской дивизии — «лихое дело штабс-капитана Смирнова». Его подразделение наткнулось на колючую проволоку и под огнём красных потеряло треть личного состава. Тогда Смирнов, размахивая белым платком, закричал: «Сдаёмся. Проводите, товарищи, к себе за проволоку!» Красноармейцы пропустили марковцев в проход. Оказавшись в красных окопах, солдаты Смирнова ударили на «товарищей», посеяли панику и обеспечили прорыв укреплённых позиций²⁹⁷.

Красноармейцы начали довольно беспорядочное отступление в сторону города. Отдельные командиры при помощи заградотрядов и милиции безуспешно пытались остановить отступающих и сохранить части от полного развала. Отряды отводили на переформирование подальше от линии обороны. Так, строительный батальон 13-й Армии был из-под Рышкова перемещён в Ямскую слободу и расположился там в обширном дворе местного исполкома.

294 Там же. С. 263.

295 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 301.

296 Там же.

297 Андриянов В., Москаленко А. Польнь чужбины. — М., 1987. — С. 86.

Штурм укрепленных позиций продолжался белыми и 6 (19) сентября. Идущие в атаку марковцы получили ножницы для резки колючей проволоки. «Под сильным огнём батальон шёл на сближение и залёг, не доходя до проволоки нескольких сот шагов. В это время по окопам красных открыли беглый огонь батареи. Пять, десять минут, может быть, больше бьют они. Красные разбегаются. Атака батальона была встречена слабым огнём и стоила ему трёх убитых и нескольких раненых. Артиллерия красных продолжала стрелять, когда батальон быстро шёл вперёд, преследуя в беспорядке бегущие толпы противника, оставляющие позади себя своих убитых и раненых. Нагонять противника поспекали командир батальона, капитан Перебейнос, начальник пулемётной команды, поручик Стаценко, с верховыми. Свернув на оружейные выстрелы в рощу, они взяли два тяжёлых французских орудия Канэ», — так описывает бой 1-го батальона 2-го Марковского полка подполковник В.Е. Павлов²⁹⁸.

Ведущая роль в боях за город была возложена на корниловцев. Командир 1-го Корниловского ударного полка полковник М.А. Пешня должен был вести наступление во главе двух батальонов вдоль линии железной дороги Харьков — Курск. Капитану Я.А. Пашкевичу во главе 2-го Корниловского полка и приданных ему 1-м батальоном 1-го полка и сводным батальоном 80-го пехотного Кабардинского полка следовало в это время нанести главный удар с юго-запада. Его действия прикрывали бронепоезда под общим командованием полковника А.А. Зеленецкого. Наступление 2-го полка поддерживали два дивизиона тяжёлых и два дивизиона лёгких орудий под общим командованием полковника Ю.Н. Роппонета.

На рассвете 6 (19) сентября 2-й батальон 1-го Корниловского ударного полка при поддержке 1-й Марковской артиллерийской батареи штабс-капитана А.А. Шперлинга атаковал с. Лебяжье, где находились сильные позиции красных — две линии проволочных заграждений позади «довольно широкой, болотистой реки». После короткого артиллерийского обстрела корниловцы в полный рост атаковали противника. Красноармейцы отступили почти без сопротивления. Одновременно с вступлением в село передовой роты корниловского батальона местные крестьяне ударили красноармейцам в тыл и «с большой жестокостью расправились с захваченными ими коммунистами и комиссарами». Не задерживаясь в Лебяжье, батальон продолжил наступление и «после пятиминутной перестрелки с красным инженерным батальоном» занял с. Тол-

298 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 91.

мачёво — назначенную ему исходную точку для последующей атаки на сам Курск. Тем временем 1-й и 3-й батальоны полка, овладевшие накануне вечером станцией Полевая, атаковали и заняли само село Полевая в девяти верстах северо-западнее станции²⁹⁹.

Активно действовали и бронепоезда белых. Красноармейцы занимали позиции на южном берегу Сейма под прикрытием своих бронепоездов, выдвинувшихся вперёд примерно на три версты. Против них выступили белые бронепоезда — «Иоанн Калита» и «Генерал Корнилов». Меткий огонь 5-дюймового орудия «Иоанна Калиты», которым с командного пункта руководил штабс-капитан Л.Я. Амасийский, привёл к сильному взрыву вагона с пироксилином, после чего оба красных бронепоезда поспешно отступили за Сейм, не успев даже уничтожить мост через реку. «Генерал Корнилов», продвинувшись вперёд, занял позицию на уровне окопов красных, открыв по ним продольный огонь картечью и из пулемётов. В итоге оборона города на этом участке рухнула. Более 600 красноармейцев сдались в плен. Подоспевшая пехота Корниловской бригады заняла покинутые противником позиции³⁰⁰. Имеется и советская версия боя за мост через Сейм, который оборонял 3-й батальон 1-го Курского стрелкового полка: «Противник усиленно вёл наступление по линии жел. дороги бронепоездами, пехотными и кавалерийскими частями на дер. Халину и Клюкву; части Красной армии (20 полк и др.), разбитые в боях, отступили, полку приходилось сдерживать натиск противника и выполнять боевую задачу. Попытки противника прорваться на дер. Халино и Клюкву через реку Сейм были отбиты пулемётным огнём взвода тов. Крюкова Георгия Антоновича, который своим примером и настойчивостью удерживал красноармейцев и тем самым сдерживал напор противника. Не получая никаких распоряжений от Курского укрепрайона, командир полка с рассветом 20 сентября 1919 года отдал приказание полку отступить по направлению на село Каменево»³⁰¹. Однако, учитывая дальнейшие события 19–20 сентября, следует признать, что скорее всего красноармейцы начали своё отступление на Каменево гораздо раньше. Об этом свидетельствует и сам

299 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 293–294.

300 Там же. С. 298.

301 Красноармеец Г.А. Крюков // Курская правда. № 270. 19 ноября 1930 г.; 1-й Курский стрелковый полк был развёрнут из 1-го Курского стрелкового батальона приказом Военсовета укрепрайона незадолго до наступления белых. К 10 сентября полк имел в своём составе 1200 штыков, батарею шестидюймовых орудий и пулемётную команду при 6 пулемётах.

комполка Шаталов, писавший лишь о том, что 3-й батальон его полка «вошёл в соприкосновение с противником в ночь с 16 на 17 ноября и... сдерживал их несколько дней», а 20 сентября осуществлял отход на с. Каменево³⁰².

Батарея Марковской артиллерийской бригады, приданные корниловцам, утром 6 (19) сентября произвели трёхчасовой артобстрел позиций красных, после чего, в 6.30 утра в атаку поднялся 2-й Корниловский полк. «Огонь артиллерии расстроил красных, и они начали бросать окопы... Большевики бежали к городу, бросив артиллерию, оставляя раненых, повозки, автомобили и т.д. Взвод батареи, назначенный для сопровождения пехоты, следуя непосредственно за целями и расстреливая бегущих в беспорядке красных, миновал укрепленную полосу и по шоссе приближался к переезду на железной дороге Курск — Ворожба. К тому же шоссе начали сходитьсь роты и батальоны, сворачивающиеся для вступления в город. Тем временем большевикам удалось привести в порядок свои бегущие части и подвести резервы, которые и заняли позиции на возвышенном правом берегу реки Сейм, параллельно ей. Взвод снялся с передков у самого переезда, среди железнодорожных построек, и открыл огонь по колоннам, движущимся по шоссе, на прицеле 100. В это время с востока показался бронепоезд красных, также открывший огонь по колоннам, движущимся по шоссе³⁰³. Пришлось огонь одного орудия направить по бронепоезду. Дело принимало серьёзный оборот. Шоссе со всеми скопившимися на нём войсками, артиллерией, повозками, попало под перекрестный огонь. По сторонам шоссе было болото и свернуть было некуда. Вскоре одно орудие, стрелявшее по бронепоезду, заставило его отступить, и он скрылся. К этому времени другие батареи кое-как заняли позиции и открыли огонь. Бой стал принимать затяжной характер. Все были заняты происходившим впереди, как вдруг совершенно неожиданно у самого переезда оказался красный бронепоезд, подошедший незаметно со стороны Льгова. Переполох на шоссе произошел невероятный, люди пытались укрыться в зданиях, за заборами, в канавах... У орудия, стоявшего у переезда, остались лишь поручик Гавриленко и два номера. Бронепоезд, бывший от орудия шагах в 10–30, открыл огонь из всех пулемётов по орудью и по шоссе. Ужасный вой пуль пронёсся над орудием, которое в свою очередь, выпустило гранату, но по ошибке — впустую. Сле-

302 Шаталов Н. 1-й Курский стрелковый... // Курская правда. № 263 (4990). 17 ноября 1939 г.

303 Бронепоезд № 38 «1-й Черноморский».

дующая граната попала в котел паровоза, и он взорвался. Команда бронепоезда растерялась и стала выпрыгивать на полотно и спасаться бегством. Третья граната попала в пулеметную платформу и расщепила её пополам. Воодушевленные эффектом попадания, орудийные номера выползли из прикритий и бросились с криком «ура» на бронепоезд. На нем были захвачены его командир, часть команды, 8 пулеметов, 5 панорам, другие трофеи. Это было ровно в 19 часов. Батарея постепенно вооружалась и снаряжалась. Бой затих. На ночь отошли в ближайшие деревни Цветово 1-ое и 2-ое»³⁰⁴.

Достигнув Сейма, батальон марковцев занял д. Нижнее Гуторово вместе с батареей из трёх тяжёлых орудий³⁰⁵. Командир батареи со своим помощником (оба бывшие офицеры и члены РКП(б)) пытались бежать, но были выданы местным крестьянином³⁰⁶. В то же время 1-й и 3-й батальоны 2-го Корниловского полка, наступавшие от Селиховых Дворов, заняли ст. Рышково, овладели переправами через Сейм.

Воспоминания корниловских офицеров живо рисуют картину поля боя вечером 6 (19) сентября: «Как всегда после боя, хлопотанья и грохота, поражала внезапная тишина. По всему полю поблёскивали ружейные гильзы, пулемётные ленты. В развороченных окопах и между прорванной проволокой припали к земле убитые. Доносились глухие стоны раненых. За окопами в кустарнике и овражках хоронились лёгкие пушки, а тяжёлые орудия, как бы удивляясь тишине, стояли задрав дула. Сбившись в кучу, лежали медные патроны. Серыми громадами застыли тракторы. Капитан Пашкевич доложил командиру бригады, что по его мнению, из-за темноты сейчас врываться в город не следует. Полковник Скоблин согласился, тем более что и от полковника Пешня было получено донесение, что его полк тоже остановился перед городом»³⁰⁷.

Полковник М.Н. Левитов, раненый под Обоянью и вернувшийся в строй уже в Фатеже, узнал там от поручика Песчаника-Клено-

304 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 295.

305 Там же; В.Е. Павлов утверждает, будто марковцы захватили разом сёла Верхнее и Нижнее Гуторово, что физически невозможно — Верхнее Гуторово находится значительно восточнее Нижнего и выше по течению Сейма. Исходя из упоминания батареи тяжёлой артиллерии, следует, что имеется в виду именно Нижнее Гуторово — батарея стояла в находившейся поблизости д. Цветово.

306 Там же; В.Е. Павлов называет красный бронепоезд именем «Черномор», но, скорее всего, то был действовавший под Курском бронепоезд № 38 «1-й Черноморский».

307 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 296–297.

вого³⁰⁸, что «при прорыве укрепленной полосы г. Курска им были заняты землянки красных вместе с начальником управления связи артиллерии капитаном Левицким. Из той же землянки вышла артистка Плевичкая, которая представилась ему сама и представила своего мужа, капитана Левицкого. Поручик Песчанник–Кленовой, бывший сам артистом, хорошо знал Плевичкую и тут же отправил её на коляске в штаб полка»³⁰⁹. С тех пор судьба Н.В. Плевичкой, известной исполнительницы русских песен, оказалась связана с корниловцами и с Белым движением.

Пока шли бои у Селиховых Дворов, аэропланы белых сбросили бомбы в районе Ямской ж/д станции, что ещё больше деморализовало противника. Неизбежность потери Курска становилась для красного командования всё более очевидной. К 12 часам дня эвакугуб сумел, наконец, добиться от Военсовета того, чего не удавалось достичь с 21 августа — отдачи «категорического распоряжения» о подготовке эвакуации семей «спецов» и политработников. Начать их вывозить было решено с 10 часов утра 20 сентября³¹⁰. Однако к вечеру Военсовет и эвакугуб ожидал ещё один неприятный сюрприз — внезапный налёт на железнодорожную станцию белых бронепоездов³¹¹.

308 Трофим Васильевич Кленовой–Песчанкин в сентябре 1919 г. являлся заместителем командира 1-го батальона 2-го Корниловского полка (Поход на Москву. — М., 2004. — С. 677).

309 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 292; М.Н. Левитов приводит тут же и другую версию освобождения Н.В. Плевичкой, согласно которой она присоединилась к белым в с. Сафронька под Медвенкой, занятой после скоротечного боя конной атакой команды батарейных разведчиков 2-й запасной батареи 2-го батальона 2-го Корниловского полка. Согласно воспоминаниям А.Л. Ратиева, побег Левицкого и Плевичкой состоялся 6 (19) сентября 1919 г.: «Только сегодня утром Левицкий сам напросился поехать в разведку. Захватил он с собой и неразлучную с ним Надежду Васильевну. Ни он, ни она назад не вернулись» (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 320).

310 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны 1918–1920 гг. — Воронеж, 1967. — С. 152.

311 Согласно В.Е. Павлову, это были бронепоезд «Офицер» под командованием полковника М.И. Лебедева и его вспомогатель под командованием поручика В.М. Залевского, за которыми шёл бронепоезд «Единая Россия». Однако непосредственные участники рейда говорят об участии в нём лёгких бронепоездов «Офицер», «Генерал Корнилов» и тяжёлого «Иоанн Калита», которыми командовали соответственно шт.-кап. Симмот, шт.кап. Заздравный и полк. Зеленецкий. Вероятно, в работе В.Е. Павлова была допущена ошибка, связанная с тем, что полковник А.А. Зеленецкий действительно командовал бронепоездом «Единая Россия», но не в сентябре 1919 г., а в августе — октябре 1920 г. Этот факт и был автоматически перенесён автором на более ранний период. Бронепоездом «Офицер» в мае 1919 — октябре 1920 гг. действительно командовал полковник М.И. Лебедев. Однако в момент описанных событий непосредствен-

Под Курском со стороны Добрармии действовал дивизион бронепоездов под общим командованием полковника А.А. Зеленецкого в составе двух лёгких («Офицер», «Генерал Корнилов») и одного тяжёлого («Иоанн Калита»). Воодушевлённый успехом боёв минувшего дня, А.А. Зеленецкий решил произвести ночной рейд в сторону Курска. План его был составлен на общем совещании командиров дивизиона, завершившимся вечером около 23.00.

Отступая, красные успели повредить лишь один стык рельсов на мосту через Сейм. Его удалось быстро исправить. В результате все три белых бронепоезда успешно перешли на северный берег реки. Командование «Офицером» в ту ночь находилось в руках штабс-капитана Г.Э. Симмота, «Генерала Корнилова» — штабс-капитана Заздравного. Командир «Иоанна Калиты», полковник А.А. Зеленецкий, лично возглавил пешую разведку, двигавшуюся впереди составов. У входного семафора станции разведка сумела подобраться к двум красным бронепоездам и даже подслушать происходивший там спор относительно дальнейших действий. Приблизившись с потушенными огнями почти вплотную к противнику, «Генерал Корнилов» и «Офицер» открыли огонь с расстояния в 20 сажен. Красные бронепоезда дали задний ход и укрылись среди товарных составов.

Свет на железнодорожной станции погас при первых же выстрелах. «Офицер» преследовал противника, для осмотра путей высылая вперёд разведку, и, настигнув, дал три залпа в упор, поразив паровоз бронепоезда «Кронштадт». Паром обварило двух механиков, команда бронепоезда бежала. Штабс-капитан Н.Е. Шахаратов, исполнявший обязанности старшего офицера, вскочил на боевую площадку «Кронштадта», требуя сдачи его командира. «Советский помощник командира вышел ему навстречу, как будто с целью сдать в плен, но внезапно проговорил: «Ну, пока суть да дело...», выхватил револьвер и в упор выстрелил в штабс-капитана Шахаратова, к счастью промахнувшись. Он был тотчас убит подоспевшими чинами бронепоезда «Офицер»³¹².

ное командование действиями бронепоезда осуществлял временно исполняющий обязанности командира старший офицер шт.-кап. Г.Э. Симмот (соответственно его должность временно замещал шт.-кап. Н.Е. Шахаратов).

В советской историографии содержится ошибочное утверждение, будто этот рейд был осуществлён белогвардейским бронепоездом «Три Святителя», который «ворвался на южную горловину Курского узла, обстрелял эшелоны, подготовленные к эвакуации». При этом утверждается также, что рейд был успешно отражён отрядом железнодорожников под командованием В.В. Фурсова и Ф.С. Клапоушенко (*Манжосов А.Н., Фёдоров Н.П.* Этапы большого пути. Ч. 1 (1868–1941). — Курск, 1991. — С. 100).

312 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 298–299.



1. Первые занявшие Курск. Офицеры и командир бронепоезда «Иоанн Калита» полковник А.А. Зеленецкий (справа). Курск. Август 1919 г.

2. Ямской вокзал г. Курска. Начало XX в.

Был высажен небольшой десант, посеявший панику среди собравшихся уже тут семей политработников и железнодорожников. В бой вступил отряд транспортной ЧК под командованием Ф.С. Клапоушенко, который понёс при этом тяжёлые потери. Погиб секретарь транспортной ЧК коммунист С.С. Клапоушенко, а у поворотного круга паровозного депо был застрелен член ревкома станции А.Г. Козлов, пытавшийся вывести из-под обстрела эшелон с боеприпасами. Утром следующего дня дочь железнодорожника Мария Стрелкова (Бараницева) видела, как «на высокой Московской платформе в неестественных позах лежало много убитых красных бойцов»³¹³.

313 *Курский край*. Альманах № 1. Спалохи Гражданской войны. Курск, 1998. — С. 15, 54.

Козлов Александр Григорьевич родился 26 августа 1896 г. в семье курского железнодорожника, члена РСДРП с 1905 г., Г.П. Козлова. В семье из 6 детей Александр был старшим. После окончания городского училища работал слесарем паровозного депо, затем помощником машиниста. Один из организаторов Ямского союза молодёжи «III Интернационал». В 1918 г. вступил в РКП(б), состоял членом Красной Гвардии.

Существует несколько версий гибели А.Г. Козлова. В 1935 г. кратко сообщалось, что он «погиб при вступлении белых в Курск, выводя... бронепоезд на главный путь» (*Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 47). Более подробная версия гласит, что «утром 20 сентября стало известно, что в одном из тупиков остался состав с артиллерийским вооружением. Его и взялся вывести Александр Козлов. Один, без машиниста, на маневровом паровозе он развернулся на поворотном кругу, подъехал к эшелону и быстро выскочил, чтобы накинуть сценку. Но в это время показался белогвардейский разъезд. Александр попытался отстреливаться, однако белогвардейцам удалось схватить юношу. Здесь же его и расстреляли» (Их именами названы улицы города. Сост. А.С. Травина. — Курск, 1987). По мнению А.Н. Манжосова, Козлов был схвачен и расстрелян 19 сентября во время рейда «Офицера», когда «пытался вывести со станции состав с артиллерийским вооружением» (*Курский край*. Альманах № 1. Спалохи Гражданской войны. — Курск, 1998. — С. 16). По другой версии того же автора события разворачивались «туманным утром 20 сентября, когда на улицах Курска уже шла перестрелка». Тогда, якобы, «в дальнем тупике был обнаружен состав с артиллерийским вооружением. Помощнику машиниста, члену РКП(б) с октября 1918 г. Александру Козлову было дано задание ревкома — обеспечить вывод боеприпасов со станции. Как вспоминал почётный железнодорожник Анатолий Ефимович Бобовников, нёсший в тот день охранную службу у выходного моста, Александру Козлову одному пришлось переводить стрелки, развернуть паровоз на кругу... Козлов подвёл паровоз к составу. И вдруг он увидел неподалёку конный разъезд — трёх казаков и офицера. Вскочив на паровоз, Александр стал отстреливаться. Но белогвардейцы схватили и расстреляли отважного юношу» (*Манжосов А.Н., Фёдоров Н.П.* Этапы большого пути. Ч. 1 (1868–1941). — Курск, 1991. — С. 100–102).

Более достоверно и подробно о гибели Козлова рассказывается в воспоминаниях М. Приваленко: «На улицах Курска шла стрельба, вралась шрапнель, когда со станции уходили последние красные эшелоны. Их эвакуировать помогал молодой слесарь депо, член Ямской организации РКСМ Александр Козлов.

Вдруг обнаружилось, что в суматохе в тупике оставлен состав с артиллерийским снаряжением. Вывести этот эшелон из тупика было поручено Александру. На маневровом паровозе Александр стал пробираться к тупику, сам передвигал стрелки. Деникинцы... открыли по маневрирующему паровозу огонь. Но паровоз двинулся к цели. Вражеская пуля оборвала жизнь Александра, когда он соскочил с паровоза, чтобы накинуть сцепку» (*Приваленко М. Беспокойные сердца // 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки. – Курск, 1957. – С. 302*). М.В. Стрелкова (Баранищева) видела труп Козлова «у поворотного круга, неподалёку от паровозного депо» утром 20 сентября. По её словам, «он пытался вывести эшелон со снарядами со станции Курск, но был застрелен белоказаками. Он был босиком и в одном белье. Кожаную куртку, фуражку, гимнастёрку и сапоги уже кто-то снял с погибшего» (*Курский край. Альманах № 1. Спохохи Гражданской войны. Курск, 1998. – С. 54*).

Старый большевик–железнодорожник А.Т. Кононов, хорошо знавший семью Козловых, описывал события следующим образом: «Я со старшим Козловым... вдвоём вывели эшелон воинского имущества и передали его советской власти в Щиграх... Мы со стариком Козловым уехали в Щигры, а сын его оставался, он готовил паровоз. Был задержан паровоз, он спешил вместе с бригадой вывезти его из Курска, но сделать это им не удалось, кто-то из предателей указал на сына Козлова» (*Стенограмма совещания старых большевиков города Курска, состоявшегося при областном краеведческом музее 16 октября 1956 года (машинопись). Л. 27*).

В своих воспоминаниях А.Т. Кононов излагает это несколько иначе: «наш эшелон с военным грузом был отправлен со ст. Курск на заре 20 сентября, а ранним утром того же дня сын Козлова комсомолец Александр выводел из паровозного депо очередной готовый к отправке горячий паровоз к поезду для отправки в тыл, был перехвачен белогвардейцами и расстрелян у паровоза» (*Кононов А.Т. Воспоминания о боевых днях за упрочение Советской власти в первые годы Великой Октябрьской Социалистической революции 1918–1919 гг. (рукопись). Л. 6*).

Сестра погибшего, Е.Г. Козлова (Дрёмина), вспоминала о гибели брата так: «Утром 20 сентября 1919 года, когда уже не осталось паровозных бригад, он сам решил вывезти бронепоезд. В спешке он не заметил, что стрелка не была переведена, в результате паровоз сошёл с рельс. Пока его подняли, было потеряно время, белогвардейцы вступили на станцию и в депо и когда увидели его вооружённого, предложили ему сдаться, но он заявил: «Коммунисты не сдаются». Расстреляли его у поворотного круга, сняв с него патронташ, револьвер, сапоги и пиджак» (*Дрёмина Е. Г. Биография Козлова А.Г. и Козлова Д.Г. (рукопись). – С. 3*).

Наиболее ранней и наименее героической версией гибели А.Г. Козлова является рассказ его жены, Анны Павловны Козловой, изложенный в заявлении об оказании её семье материальной помощи 26 января 1920 г.:

«Муж мой Александр [р] Григорьевич Козлов член РКП(б) Ямского района 20–го сентября утром готовил паровоз в депо Курск. М.–К. ж.д. чтоб эвакуировать [ся] на север и не заметил как к паровозу подошла неприятельская разведка и видя, что муж мой Козлов хочет угнать паровоз, застрелила его у паровоза. Оставшись без кормильца семьи с ребёнком и с совершенно расстроенным здоровьем, не могу личным трудом добывать средств к существованию. А посему прошу Курский отдел социального обеспечения о назначении мне с ребёнком пособия» (ГАКО. Ф. Р–2503. Оп. 1. Д. 30. Л. 77).

Отсюда видно, что упоминания об А.Г. Козлове, как о «герое–комсомальце» не имеют под собой никаких оснований – в 1919 г. он уже был коммунистом. Важным является указание А.Т. Кононова на то, что А.Г. Козлов работал на паровозе не один, а в составе бригады. Вероятно, со слов её членов и стали известны

Красные пытались вывести из-под огня свои составы. Некоторые из них уже стояли под парами. Однако выстрелы белых повредили выходные стрелки, что привело к крушению. Сошёл с рельс второй красный бронепоезд, «Истребитель». В отвесах вспыхнувшего пожара его заметили с «Офицера» и тотчас обстреляли. Огонь вёлся с расстояния в 80 сажен, и первыми тремя выстрелами было подбито головное орудие бронепоезда. На станции царила полная неразбериха, и к «Офицеру» явился посланец коменданта, требовавшего «прекратить стрельбу по своим». Незадачливый голец был застрелен на месте.

Стрелецкая партиячка при звуках канонады со стороны вокзала выслала к своим товарищам в Ямскую слободу молодого слесаря, комсомольца Александра Барбышева. Он должен был выяснить, что там происходит и что намерены предпринять товарищи железнодорожники. Добравшись до вокзала, Барбышев «увидел силуэты бронепоездов и спящих по путям солдат». Проскользнуть незамеченным комсомольцу не удалось — по нему открыли огонь и он погиб. Стрелецкая партиячка так и осталась в неведении относительно положения дел в Ямской³¹⁴.

«Офицер» и «Генерал Корнилов» вели артиллерийский и пулемётный огонь по станции, а «Иоанн Калита» произвёл несколько выстрелов по городу. Лишь в два часа ночи бронепоезда отошли. Вода в паровозах была на исходе, а удержать станцию своими силами они были явно не в состоянии. Однако последствия рейда оказались непоправимы. Пути были повреждены, и эвакуация по желез-

обстоятельства его гибели. Таким образом, подвиг приобретает тут характер рядового несчастного случая — занимаясь своим обычным делом, помощник машиниста просто не заметил вовремя приближения «неприятельской разведки». Интересно, что здесь также говорится о гибели А.Г. Козлова утром 20 сентября, а не во время ночного рейда белых бронепоездов. Надо полагать, что именно данная версия и данная дата являются наиболее достоверными — прошло менее одного года и жена погибшего должна была ещё отчётливо помнить обстоятельства гибели мужа, а кроме того, в её интересах было подать их с наиболее выигрышной стороны, чтобы добиться желаемого пособия. Однако в заявлении нет ни слова о попытке спасения бронепоезда или эшелона с боеприпасами, как нет и перестрелки или героических восклицаний перед смертью (на заявлении А.П. Козловой имеется резолюция от 31 января 1920 г.: «Выдать на февраль месяц продовольствие»). Возможно, что убийство А.Г. Козлова, как предполагает А.Т. Кононов, было не случайным и белым на него, как на коммуниста и сына коммуниста, действительно указал кто-то из железнодорожников. В таком случае становится понятно, почему из всех членов работавшей с паровозом бригады погиб только он один. Но в таком случае странно, что личность человека, выдавшего партийность А.Г. Козлова, осталась неизвестной.

314 *Приваленко М. Беспоконные сердца // 1917–1957. Статьи, воспоминания, очерки.* — Курск, 1957. — С. 302.

ной дороге стала невозможной. С большим трудом членам ревкома станции удалось поднять сошедший с рельс бронепоезд № 38 «1-й Черноморский», покинувший город вслед за бронепоездом № 152 «Молния». Бронепоезд «Кронштадт» был уведён белыми с собой в качестве трофея³¹⁵.

Между тем стрельба, доносившаяся со стороны вокзала, немало встревожила заведующего отделом финансов и соцобеспечения исполкома Ямской слободы И.С. Соколова. С шести часов вечера он, выполняя поручение председателя Ямского исполкома и главы местной парторганизации М.Г. Каширцева³¹⁶, готовил к эвакуации комитетское имущество. Работы был непочатый край — предстояло извлечь из шкафов и упаковать в ящики массу документов («книг делопроизводства [было] очень много, т. к. сл. Ямская имеет до 24 тысяч жителей», — сокрушался позднее И.С. Соколов). В этом ему, как мог, помогал секретарь исполкома П.В. Руцкой. В семь вечера сборы были прерваны появлением заведующего земельным отделом Курского горисполкома Сараны. Он, по словам Соколова, «выразил удивление нашей горячей работе, уверив нас, что в г. Курске никакой паники и приготовления к эвакуации нет, в городе всё спокойно, и если бегут несколько дезертиров с фронта, то у них поставлены везде заградительные отряды, [которые] задерживают бегущих и направляют в штаб Укрепрайона». Вещал товарищ Сарана «спокойным и уверенным тоном», однако его заверения не успокоили ямских коммунистов, которые продолжили упаковку документов. К восьми вечера в исполком явился сам М.Г. Кашир-

315 Бронепоезд состоял из «двух двухорудийных бронеплощадок и одного паровоза. Вооружение его состояло из четырёх трёхдюймовых орудий образца 1914 года с запасом около 1500 снарядов и восьми пулемётов. Орудия были установлены в закрытых башнях, имеющих круговое вращение посредством зубчатой передачи, работой одного человека. Весь боевой состав этого советского бронепоезда был сделан тщательно и, по-видимому, был недавно выпущен с завода. Команда бронепоезда состояла из матросов Балтийского флота... За ночное дело на станции Курск последовало награждение чинов команд Георгиевскими крестами и медалями (чего в Корниловских ударных полках не было до перехода их в Русскую армию генерала Врангеля)» (Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 299–300).

316 Каширцев Михаил Георгиевич (1882–1957) — участник революционного движения, член РСДРП с 1905 г., литейщик паровозной мастерской депо Курск–Северное. В марте 1917 г. — председатель парткома Курского железнодорожного узла, затем председатель президиума Ямского волисполкома, член губкома РКП(б). Делегат VIII съезда РКП(б), член ВЦИК РСФСР (1921 г.), ЦИК СССР (1925 г.). С августа 1925 г. работает в Москве в Управлении МКЖД. В 1952–1955 гг. — слесарь Центральной поликлиники № 1 МПС СССР. Награждён орденом Трудового Красного Знамени, двумя медалями, знаком «Почётный железнодорожник» (Курск. Краеведческий словарь-справочник. — Курск, 1997. С. 164).

цев. Он подтвердил, что об эвакуации никаких официальных объявлений не поступало, однако он поедет в партийный клуб, будет ожидать там распоряжений и в случае необходимости прийдёт к исполкому подводу для погрузки вещей. Вслед за этим он вскочил в седло и ускакал в неизвестном направлении. Вместе с Соколовым и Руцким в исполкоме остался заведующий отделом народного хозяйства Ларин.

И вот в девять вечера «стала слышна трескотня пулемётов в стороне станции и раздался взрыв снаряда». Ларин явно обеспокоился, переговорил с кем-то по телефону и, заявив Соколову, что отправляется в партклуб и скоро вернётся, поспешно выбежал из исполкома. Тем временем «трескотня пулемётов начала учащаться и уже послышался 2-й и 3-й взрыв снарядов в стороне к станции». К десяти часам иссякло терпение и у Руцкого. Он заявил, что уходит домой, и Соколов остался в здании наедине с книгами делопроизводства и пишущими машинками, ожидая обещанных ему председателем распоряжений³¹⁷.

Между тем в пятом часу вечера 19 сентября в город стали втягиваться бойцы разбитых под Рышково красноармейских частей. Артиллерия красных, переместившись к Всехсвятскому кладбищу, «ежеминутно «ахала» снарядами вдоль шоссе через Сеймский мост... Всю ночь на 20 сентября со стороны Ямской тархтели пулемёты и винтовки»³¹⁸. Стрельба, доносившаяся со стороны Херсонских ворот, стихла часам к десяти вечера. М.В. Стрелкова (Бараницева) видела, как шли по улицам Ямской слободы красноармейцы — «усталые, грязные, в вылинявших гимнастёрках, сбитых сапогах». Управление войсками было потеряно. Мобилизованный коммунист Ф.И. Карелый в восемь часов вечера заступил на пост у дверей штаба. Мимо сплошным потоком шли и шли измотанные красноармейцы. На вопросы часового, почему они отступают, «некоторые товарищи ничего не отвечали, некоторые отвечали «мы не знаем» и некоторые отвечали: «есть распоряжение отступить из Курска дальше». В два часа ночи Карелый сменился и спросил у дежурного телефониста: «Что слышно в штабе укрепрайона?» Тот отвечал, что никаких известий оттуда не поступало. Карелый лёг спать, чтобы проснуться наутро уже при новой власти³¹⁹.

Александр Ратиев, мобилизованный в качестве инструктора в «отряд противохимической обороны крепости Курск», наблюдал

317 ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 6. Л. 139–139об.

318 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 17.

319 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 4–4об.

это неудержимое бегство одним из первых, стоя у ворот казармы: «...вдали показывается повозка, за ней другая, растёт облако пыли, а через несколько минут всё пространство перед казармами заливают поток отступающих обозов. Военные фургоны, двуколки, обыкновенные деревенские телеги, скот, кони, снова какие-то повозки. Всё это шумит, тарахтит, понукает друг друга. Когда эта неудержимая лавина заворачивает вправо, на мостовую, и начинает спускаться вниз по улице Троцкого, то сразу же возникает и прочно устанавливается неимоверно оглушительный грохот. Это сотни и тысячи колёс, высекая искры и подскакивая, бьются о крупные булыжники мостовой... Обозный поток идёт и идёт. Конца ему не видно»³²⁰.

Иван Соколов просидел в пустом здании исполкома ещё около сорока минут, после чего решил зайти домой, «чтобы приготовить себе на случай эвакуации хотя бы белья и пищи и после уйти в исполком и при возможной эвакуации имущества и отправки его на станцию мимоходом уже захватить и свои вещи». За этими приготовлениями его и застал в 12 часов ночи казначей партячейки Бутов с «товарищем мне неизвестным». Бутов поинтересовался, где секретарь парткома Е.И. Брянцева³²¹. Узнав от Соколова, что «Брянцевой уже нет дома часов с 5-ти дня», он мрачно заявил, «что комитет партии, значит, уехал и они оказались покинутыми». Вслед за этим неутешительным выводом Бутов предложил Соколову «организоваться и бежать втроём». Но добросовестный Соколов, в котором ещё сохранялась вера в своих руководителей, отвечал: «Ухожу в Исполком... там наверное приехал т. Каширцев и наверное начнём погружать и отправлять вещи на станцию». Вскоре, однако, ему пришлось расстаться со своими последними иллюзиями.

«Подходя к зданию исполкома, — вспоминает И.С. Соколов, — я встретил страшную панику среди выезжавших подвод и бегущих людей строительного батальона 13 армии, эвакуированных со ст. Рышкова... и слышались крики, что уже со стороны луга приближаются казаки... Панику ещё увеличил попавший снаряд в дом около исполкома и зажегший его. Я был остановлен этой массой беспорядочно бегущих подвод с людьми и также подвергся пани-

320 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 321–322.

321 Брянцева Екатерина Иосифовна (1879–1936) — участница революционного движения, член РСДРП с 1905 г. Учительница начальных классов. Секретарь Ямского райкома РКП(б), с 1925 г. — член Курского губкома РКП(б), заведующая Губистпартом (Курск. Краеведческий словарь-справочник. — Курск, 1997. — С. 51–52).

ке и был увлечён ею по дороге. По пути забежав домой, я только взял фунтов 6 хлеба и вышел на улицу и тут же увидел человек 8 из союза молодёжи Ямской организации, которые проходили мимо моей квартиры и, узнав меня, предложили мне уходить с ними, так как, по их словам, поезда все ушли, а они остались покинутыми и положение очень серьёзное; и я ушёл из сл. Ямской с означенными товарищами...»³²²

По оценке Военсовета, ситуация в ночь с 19 на 20 сентября выглядела угрожающе: «Положение укрепрайона критическое. Наши цепи лежат на южной окраине Курска. На западной окраине Курска в районе Цыганского бугра противник сильным артиллерийским огнём всё время обстреливает ст. Ямскую. По нашим сведениям, противник наступает лучшими своими частями в количестве 8 полков при двух танках, невыясненным количеством бронемашин и бронепоездов. Наши части, как пехотные, так и артиллерия в начале боя держали себя хорошо, но под давлением сил противника принуждены были с боем отходить. В результате нами оставлена вся тяжёлая артиллерия, пехотные части частью попали в плен, частью разбежались, команды бронепоездов и отряд Камо разбежались, оставив на ст. Ямской бронепоезда. На восточном и западном секторах спокойно»³²³. На утро 20 сентября были запланированы меры, которые, как считал Военсовет, могли бы спасти положение: «частям Орловского полка и отдельным командам, около 1000 человек, приказано отставать во что бы то ни стало южную окраину города; внутренней охране в количестве около 1000 штыков, которая заняла важные подступы к Курску, [сражаться] до уличных боёв включительно. Восточным и западным секторам приказано оказать содействие флангам»³²⁴.

Но все меры уже запоздали, и это прекрасно сознавали сами члены Военсовета. Ещё не рассвело, когда по прямому проводу состоялся примечательный разговор между И.С. Шелехесом и членом РВС Южфронта М.М. Лашевичем. Шелехес, описав сложившуюся обстановку, подвёл неутешительный итог: «Ввиду полного отсутствия транспорта, связи и технических средств и неустойчивости частей, полагаю: с рассветом противник, идя в наступление, принудит наши части оставить укрепрайон. Военсовет остаётся до последнего момента. Предполагали взорвать мост через р. Сейм, но не оказалось подрывных средств. Возможно, вы сумеете выслать

322 ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 6. Л.140-140об.

323 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны 1918-1920 гг. - Воронеж, 1967. - С. 147.

324 Там же.

нам на поддержку бронепоезд, подрывные команды и отряды для преграждения отступающих эшелонов по Орловской ж. д. и для резерва. Всё».

Собеседника это видение ситуации явно не удовлетворяло: «Каким образом не позаботились своевременно подготовить подрывные средства? Курску держаться нужно во что бы то ни стало. Воронеж держался 4 дня и в результате выбил противника из города. Всё, что можно, будет сделано. Скажите, бронепоезда на Ямской для нас погибли?»

Шелехес взволнованно отвечал: «Подрывные средства нами своевременно требовались. Бронепоезда стараемся вывести нашими средствами. Но должен вам сказать, что железнодорожные служащие сбежали. Сейчас я посылаю артиллеристов, оставшихся от тяжёлых орудий, на бронепоезда; принимаем все зависящие меры от нас; но считаю, что положение безнадежно. Всё».

«Бронепоезда должны быть вывезены, — настаивал Лашевич. — Посадите машиниста и приставьте караул. Я не считаю ваше положение безнадежным... Дело укрепрайона — возможно дольше задерживать противника и дать нам возможность принять меры, а также произвести манёвр полевым армиям. Не надо падать духом, а продолжать энергично отбиваться... Надо выиграть два-три дня, ... употребите героические меры для приведения в порядок частей и продолжения обороны. Мы примем все меры, чтобы вам помочь. Желаю успехов».

«Духом не падаем, — обречённо отвечал Шелехес. — Машинистов абсолютно нет. Шлите отдельным паровозом. Патронов очень мало. Повторяю: сделаем всё возможное. Всё».

«Машинистов надо найти, — отмахнулся от столь несерьёзных возражений Лашевич. — Со своей стороны и мы постараемся при-
слать. Патроны высланы сегодня. Всего хорошего»³²⁵.

Заверения Лашевича не прибавили Шелехесу решимости. Не прошло и нескольких часов, как Военсовет в полном составе покинул вверенный ему укрепрайон, никого особо об этом не оповещая. Позднее отмечалось, что «прорыв укрепрайона в двух местах [у Рышково и в Горелом лесу] при первом же соприкосновении с ним белых был неожидан не только для комиссии [по эвакуации], но и для самого Военсовета»³²⁶.

325 Там же. С. 147–148.

326 Там же. С. 153; Продолжая выдавать желаемое за действительность, А.И. Егоров описывал всю эту ситуацию и само оставление Курска в спокойной-эпических тонах, так, словно всё происходящее было задумано командованием красных с самого начала: «Командарм 13, сознавая грозящую Курску опасность и полную

Линия обороны укрепрайона разваливалась на глазах. Председатель транспортной ЧК по борьбе с контрреволюцией, спекуляцией и преступлениями по должности Руднев так описывал общую панику и неразбериху, царившие в Курске перед его падением: «По улицам города тянется пехота. Некоторые переулки буквально запружены, повозки опрокинуты. Военное имущество раскидано. Начались разгромы складов... В первую очередь эвакуировались семьи коммунистов. Машинисты паровозов попрятались»³²⁷.

Ситуация оказалась столь напряжённой, что, по воспоминаниям старого большевика Кононова, «в этот момент нам приходилось под угрозой штыков выводить машинистов к поездом»³²⁸.

Многолетняя семья курского комиссара финансов С.Б. Казацкого в тот вечер готовилась покинуть свою квартиру на Флоровской улице. Глава семьи, известный в городе закройщик Борис Маркович, отказался эвакуироваться вместе со своим старшим сыном Самуилом. Вместо этого он договорился с Авилковым, сторожем стоявшей неподалёку Николаевской церкви, который обещал укрыть семью красного комиссара в церковных подвалах. Младший сын закройщика, Исай, вспоминал, что «вечером услышали близкую орудийную стрельбу. Звенели оконные стёкла, и вместо нормальной речи все перешли на крик, как это делают, обращаясь к глухим. По улицам шли нескончаемые колонны отступающих воинских частей... Тем временем за нами пришёл Самуил. На его длинной и сутулой фигуре висело короткое пальтишко,

нецелесообразность наличия кордонной растяжки армии, пыгается создать к западу от Старого Оскола нечто вроде ударной группы... с задачей противодействовать противнику на Курском направлении, но слишком слабые силы этой армии не могли противостоять напору артиллерии белых, и утром 20 сентября после артиллерийской подготовки белые повели наступление с юго-восточной стороны и после уличного боя заняли город» (*Егофов А.И.* Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 207). При этом, правда, упоминается и то, что «расстроенные, понёсшие большие потери красные части, отошли по Фатежскому шоссе». Говоря об «уличных боях», маршал явно выдаёт желаемое за действительность. Несмотря на строгое предписание В.Н. Егорьева организовать подобные бои, ни Военсовет, ни собственно красноармейские части не выказали ни малейшей готовности сражаться на улицах города.

327 *Раков В.В.* Боевые действия на территории Курской губернии в 1919 году // Учёные записки РОСИ. Вып. 10. Проблемы социально-гуманитарных дисциплин. — Курск, 2002. — С. 138.

328 Стенограмма совещания старых большевиков г. Курска, состоявшегося при областном краеведческом музее 16 октября 1956 г. (машинопись). — С. 25; там же приводится и конкретный пример: «на Мурыновке жил один машинист, ему раз сообщили о наряде, второй раз сообщили, он говорит: «Я больной, не пойду», а был здоров. Мы его подняли, заставили одеться и под конвоем заставили прийти и вывезти эшелон».

едва достигавшее высоких, до колен сапог. На его давно не стриженной голове была нахлобучена выдавшая виды кепка с большим козырьком, из-под которого поблёскивали толстые стёкла пенсне. За плечом на ремне неуклюже болталась новенькая хорошо смазанная винтовка. Также был вооружён и сопровождавший его товарищ Миша П. Увидев опустевшую квартиру и узнав о решении родителей остаться в городе, Самуил не стал спорить. Быстро простился со всеми, а меня позвал проводить себя к зданию штаба укрепрайона, где был назначен сборный пункт для коммунистов и членов их семей, уходивших из города вместе с отступающими частями красной армии. Мы вышли на пустынную улицу. Мрачную тишину часто обрывали гулкие взрывы и ослепительные вспышки на горизонте. Тогда с горы нам открылась широкая панорама родного города с золочёными скорлупками церковных куполов, утопавших в зелёном море садов... У мрачного кирпичного здания штаба грузились на подводы и грузовики вооружённые люди в гражданской одежде. Среди них были женщины с детьми. Перед широким подъездом на ступеньках стояли станковые пулемёты»³²⁹.

Между тем один из пяти человек, составлявших редакцию большевистской газеты «Волна», столь бодро вещавшей о приближении скорой мировой революции, М.В. Митяшев, вполне отчётливо понимал неизбежность падения Курска. «Уже над городом с утра грохочут снаряды, — вспоминал он позже тот памятный день. — Отступающие ряды красных бойцов нестройными массами спешно проходят по улице Ленина, отступая на Фатеж. В редакционном помещении слышен глухой непрерывный гул колёс отступающих обозов... Мне уже было совершенно ясно: красные отступают, Курск вот-вот будет взят». С этим настроением он и заходит в кабинет главного редактора Г.И. Альперовича, который преспокойно что-то пишет за своим столом. Между ними происходит характерный диалог: «Да что вы пишете, посмотрите, что делается на улице», — восклицает Митяшев. «А что?» «Да ведь Курск вот-вот станет белогвардейским». «Не сейте панику», — не прекращая писать, отвечает нахмурившийся Альперович.

Обескураженный Митяшев ушёл к себе и какое-то время нервно расхаживал там из угла в угол. Вдруг дверь распахнулась, и появился Альперович: «Он был уже одет. В руках у него был какой-то маленький узелочек. Он взглянул на меня и, как бы сразу поняв моё душевное состояние, сказал: «Митяшев, едемте с нами в штаб

329 *Казакский И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 10–12.

обороны». Ни минуты не раздумывая, я накинул пальто, фуражку, и мы вышли вместе». Вскоре оба уже были в дороге на Фатеж³³⁰.

Вечером 19 сентября проходило тревожное заседание коллегии транспортной ЧК. Присутствовавшие там её сотрудники рассказывали друг другу о том, что творится на улицах: им «пришлось наблюдать отступающих, даже бегущих красноармейцев беспорядочными толпами, на ходу разувающихся, бросающих винтовки». Первые достоверные сведения об отходе и оставлении города принёс инструктор Никитин. «Попросив товарищей не волноваться», он выслал на линию обороны разведчика-велосипедиста и предложил продолжить работу коллегии. Однако вернувшийся разведчик развеял последние надежды: «враг наседал, со стороны нашей пехоты не было достаточной устойчивости, артиллеристами было оставлено два орудия». Обеспокоенный развитием ситуации председатель КРТЧК Руднев отправился в Совет укрепрайона узнать насчёт эвакуации и мерах по сдерживанию противника. Встретившая его там председатель губкома РКП(б) Миткевич поинтересовалась, что товарищ тут ищет. «Ответив, я в свою очередь задал вопрос: «Что теперь — разгрузка или эвакуация?» Ответ: «Эвакуация». Снова был задан вопрос: «Как же эвакуироваться? Имеются ли перевозочные средства?» на это т. Миткевич ответила: «Перевозочных средств нет; захватите секретные документы, а остальные сожгите». Побродив ещё несколько минут по опустевшим комнатам и видя, что существенного ничего не добьёшься, вынеся лишь впечатление, что дело дрянь, мы покинули здание Совета укрепрайона, решив действовать по своему усмотрению», — завершает своё повествование Л. Руднев³³¹.

Для защитников города и действительно «дело было дрянь». В то время как марковцы остановились у Рышково, ведя артиллерийскую дуэль с красной батареей у Всехсвятского кладбища, отряд генерала А.Н. Третьякова (4 батальона Алексеевского полка, 3-й батальон 1-го Марковского полка и Черноморский конный полк) при поддержке занявших ст. Солнцево корниловцев форсировал болотистые верховья Сейма, прорвал укреплённую позицию красных и развернул наступление тремя колоннами: на Щигры,

330 Страницы и лица. «Курская правда» 1917–2002. — Курск, 2002. — С. 42; редакция газеты располагалась во флигеле дома № 29 по ул. Ленина (Московской). Михаил Васильевич Митяшев позднее многие годы работал в редакции «Курской правды», Герман Илларионович Альперович в 1920–х гг. являлся её главным редактором.

331 Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 176–177.

через реку Рать у с. Троицкое на ст. Охочевка и через переправу у д. Грачёвка на ст. Отрешково и сам Курск, «всюду встречая слабое сопротивление»³³².

В ночь на 20 сентября Руднев со своими помощниками Саратовым и Долгополовым при поддержке комиссара службы движения Г.М. Бутко пытались организовать эвакуацию. На Киевской ветке, где только и «была заметна кое-какая жизнь», начали формировать составы для вывоза имущества и семей коммунистов. На путях Московско-Киевской и Южной железных дорог после рейда белых бронепоездов «царила зловещая тишина: лишь кое-где слышались стоны раненых и шипение паровозов. Паровозы под парами, бригад нет. В депо также затишье: пробовали посылать за машинистами по квартирам, но, конечно, дома их не оказывалось — попрятались»³³³.

Наконец три эшелона тронулись в путь. Напоследок, по приказу Руднева, «на мосту через реку Сейм... был брошен состав горящих товарных вагонов. Таким образом, путь со стороны ст. Рышково мы загроздили»³³⁴. Первые два эшелона, один из которых вывозил кассу железных дорог (свыше 15 млн. рублей), сумели прорваться почти благополучно. Лишь под Отрешково состав Руднева попал под пулёмётный огонь, а на горизонте были замечены разъезды противника. Третий эшелон был менее удачлив.

Телеграфист станции Отрешково И.Ф. Шевелев позднее вспоминал, как в тот погожий осенний день у железной дороги внезапно появилась группа всадников: «белогвардейцы гарцовали на лошадях, были тепло одеты. Нас, горстку железнодорожников, изолировали, держали под наблюдением». Затем казаки разобрали участок пути. В это время со стороны Ноздрачёво показался товарный состав. Засевшие в посадках черноморцы открыли по паровозу плотный огонь. Эшелон замедлил ход, а потом и вовсе остановился. Паровоз свалился, из вагона стали выпрыгивать люди, но спастись от всадников им не удалось. Двоих схватили и доставили на станцию. Имя одного из них, «молодого военного», так и осталось неизвестным. Второго телеграфист рассмотрел лучше: «роста выше среднего, брюнет, полный, но чувствовалось — силёнка есть... Шёл он спокойно и ровно. На нём был сероватого цвета костюм, в руке держал кепку. Рубашка была широко расстёгнута, и все увидели на теле кроваво-синие рубцы». Это был не кто иной, как комиссар службы движения Управления Московско-Киевско-

332 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 92.

333 Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 177–178.

334 Там же. С. 180.

Воронежской железной дороги Григорий Мефодьевич Бутко, руководивший вывозом из Курска «государственного имущества». Пленников представили самому генералу Третьякову, который, не тратя время на допросы, распорядился «прибрать» обоих. Пятеро солдат повели их на окраину Отрешково. Проходя мимо сада, Бутко вдруг метнулся в сторону, надеясь укрыться среди деревьев. Но конвоиры тотчас открыли огонь, и пуля пробила комиссару голову. Он и его спутник были убиты наповал³³⁵. Помимо пленников, отряд Третьякова захватил в Отрешково несколько составов с продовольствием. К вечеру сюда выдвинулись части корниловцев и бронепоезд «Офицер» со вспомогателем. Сопровождавший Бутко работник МКВЖД Саратов сумел спастись: «он вскочил в тендер, где и просидел в воде до ночи, когда ему удалось бежать».

Приближение к городу с востока дивизиона Черноморского конного полка усилило замешательство среди гарнизона. Тогда же части ударной Корниловской бригады предприняли фланговый обход укрепленных позиций противника, ударив в слабое место линии обороны города. Местом этим был Горелый лес. Здесь они не встретили фактически никакого сопротивления, но не спешили входить в город затемно, опасаясь неразберихи в стычках с покидающими его красноармейцами. Но «часам к девяти утра артиллерийская стрельба участилась. Снаряды летели через город и ложились в южной части, где-то за Цыганским бугром»³³⁶. Со стороны Горелого леса артиллерия корниловцев била по Ямской ж/д станции. В полной неразберихе красноармейцы, советские и партийные работники со своими семьями пытались успеть выбраться из города до вступления туда белых. Им оставался один путь бегства — дорога на Фатеж. Члены Военсовета укрепрайона были уже там и, не задерживаясь, проследовали дальше на Поныри, к железной дороге, «приказав следовать за собой броневикам». Их отъезд из Фатежа стал сигналом для прочих успевших добраться сюда беженцев.

В самом Курске дело стремительно близилось к финалу. Милиционер К.П. Мациевский по приказу начальника милиции

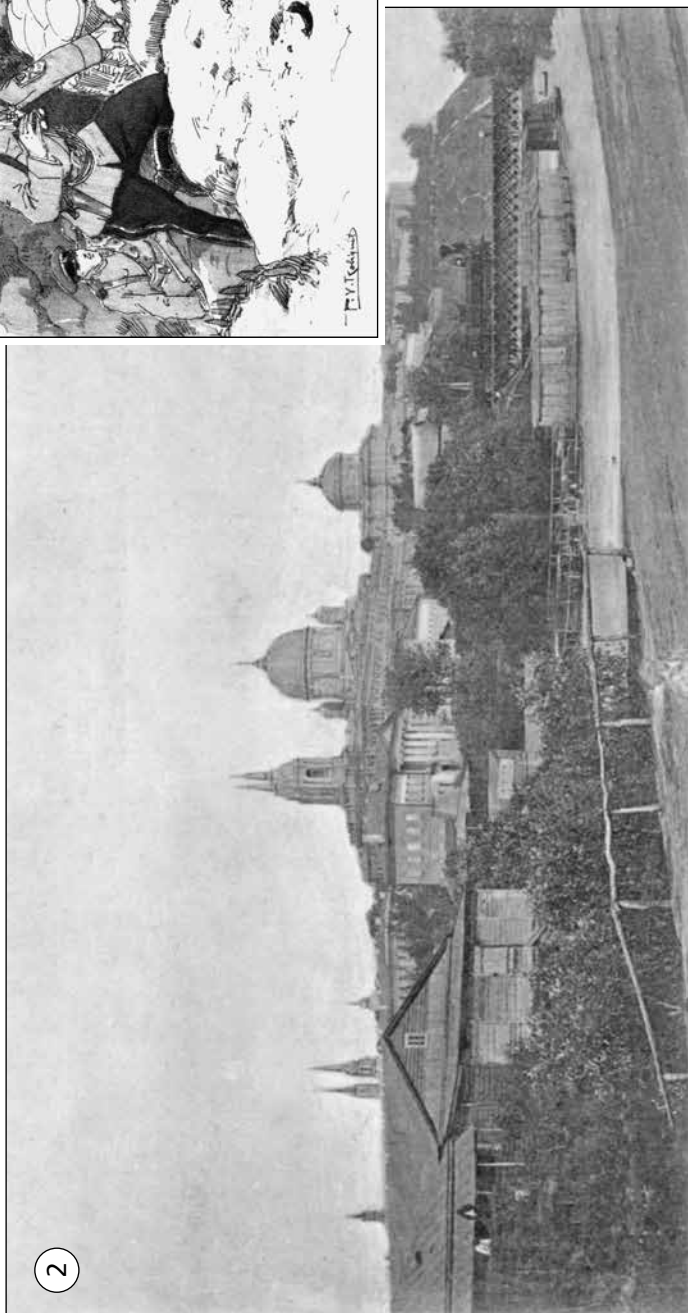
335 *Флягин А.* Подвиг комиссара // Сельская новь. 18 апреля. 1967; *Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А.* Курская губчека 1918–1922 гг. — Курск, 2005. — С. 177–178.

Г.М. Бутко в 1915–1917 гг. работал запасным дежурным ст. Батогово под Брянском. Во время Февральской революции участвовал в разоружении местных жандармов. В 1924 г. его останки были торжественно перезахоронены в сквере на ст. Отрешково, где был установлен мраморный памятник с надписью: «Григорий Мефодьевич Бутко. Комиссар службы движения М.–К.–В.–Ж.–Д. Погиб от рук белогвардейцев на славном революционном посту при эвакуации г. Курска. 20/IX–1919».

336 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 17.

1. Робике П.–В. Корниловцы. Открытка.

2. Вид Курска со стороны Стрелецкой слободы. Начало XX в. Таким увидели Курск части Корниловской бригады, прорвавшие оборону красных у Горелого леса.



Яблонского стоял на посту около посудного магазина «для поддержания порядка во время раздачи населению посуды и ввиду большого скопления граждан за посудой... не мог оставить пост без разрешения своего начальника». Однако вскоре неподалёку с грохотом стали рваться снаряды и «в городе сделалась большая паника», а вскоре появились незнакомые всадники, которых милиционер сразу определил для себя, как «казаков». Они и взяли его в плен³³⁷.

Александр Ратиев, проведя ночь в доме своего знакомого Н.С. Медведева на улице Гоголевской, проснулся около пяти утра от грохота артиллерийской стрельбы. Разрывы снарядов смешивались с треском пулемётов. Когда начало светать, он увидел, как по направлению к Московскому шоссе движутся тяжело гружённые фургоны. «Ржание лошадей и топот многочисленных копыт доносится с противоположной стороны, с Кондырёвской. Их гонят оттуда, где раньше помещались конюшни Государственного коннозаводства. Ясно — эвакуируют «Конский запас». Тишину белёсового рассвета разрывает пулемётная очередь — одна, другая. Несколько ружейных выстрелов. Мимо быстро проезжают два броневых автомобиля. Завидя их, мы успеваем быстро скрыться за забором. После того, как они исчезают, мы снова выходим на улицу и убеждаемся, что наша осторожность оправданна. Среди улицы с корзиной в руках лежит труп пожилой женщины... Стрельба снова усиливается. Несколько выстрелов тяжёлых орудий... Чаше вспыхивают короткие пулемётные очереди... и различимы редкие хлопки винтовочных выстрелов. У каждых ворот и калиток теперь стоят плотные группы обитателей этой окраинной улицы, боящихся отойти от своих убежищ... Со стороны Кондырёвской показывается бегущая группа красноармейцев. Нам ясно видно, как поравнявшись с длинной оградой какого-то сада, некоторые из них задерживаются около неё и бросают за неё винтовки и сорванные с поясов гранаты. Упёршись в заборы Гоголевской, они один за другим бросаются влево, в сторону Казацкой слободы.

— Товарищи, объясните, как на Московскую дорогу попасть, из города выехать?

Перед нами пролётка-шарабан, запряжённая породистым рысаком. Вожжи от него в руках человека в новых кожаных штанах и куртке и блестяще начищенных сапогах. На голове у него такая же кожаная фуражка. Полная форма военного или весьма ответствен-

337 ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 315. Л. 25.

ного работника. Когда он отъезжает на известное расстояние, из толпы слышатся неодобрительные возгласы:

— И чего такому путь указали! Сами вы из этих будете, что ли? Нашли кому помогать. Жалели они нашего брата?

Когда смолкла стрельба? Когда нахлынула эта непривычная тишина, насыщенная неизвестностью?.. С противоположной стороны по Гоголевской спускается к нам фигура, согнувшаяся под тяжестью мешка, который она с трудом старается удержать у себя на спине. Поравнявшись с нами, весёлым фальцетом обращается она ко всем собравшимся:

— Что же это вы, граждане милые, зеваете? Счастье своё пропускаете? Народ давно уже добро разбирает.

— Какое добро? — слышатся заинтересованные вопросы.

— Та то ж, от которого советские боги поотказались. Та шинеля, та сапоги, та бельишко разное, всё, что народу сегодня задаром пришло. Поспешайте, граждане, а то без вас там управятся. С ширшом останетесь!

С интересом смотрю на новоявленного старателя, поражаясь его быстроте и натиску. Кто он, откуда?»³³⁸

Старший милиционер П.В. Брок видел, как разорвался снаряд около гостиницы, а другой рванул подле лютеранской кирхи на Московской улице (совр. ул. Ленина). Добравшись со своими людьми до управления милиции на Фроловской улице (часть совр. ул. Радищева от ул. Золотая до ул. Дзержинского), он обнаружил, что тут уже никого нет. Появился лишь помощник начальника 3-го райотдела милиции А.Г. Быков, которого прошлым вечером посылали в Рышково принимать разрозненные остатки отступающих красноармейских частей. Доехав до Рышково, Быков понял, что тут уже «безусловно принимать было некого», а потому поспешил вернуться обратно в город. Тут Брок велел ему пройти по отделам милиции, перерезать провода, снять телефоны, забрать денежные ящики и ценности. Этим же занялся и он сам. Два человека были посланы в разведку к Раздельной улице — оба не вернулись. Более того, вскоре встревоженный Брок увидел, как к берегу Кура и к Херсонской улице (совр. ул. Дзержинского) приближается группа всадников. Это могли быть только белые, и Брок поспешил к своему небольшому отряду, который дожидался его в доме № 6 по Троицкому переулку (совр. ул. Бебеля). Скача по Московской, он увидел, что на углу Почтовой, около здания

338 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 326–327.

телеграфа лежит труп комиссара почты Евстафьева. Его убили либо сочувствующие белым горожане, либо просто мародеры и дезертиры³³⁹. В любом случае, это зрелище заставило Брокa пришпорить коня, тем более что во дворе дома, где квартировал отряд, к нему подбежал знакомый мальчишка с криком: «Дядя Брок, белые уже на площади!» Отряд поскакал к Московским воротам (до 1930-х гг. стояли на месте пересечения совр. ул. Ленина и пл. Перекальского)³⁴⁰.

Всадники, которых заметил Брок и которых видел мальчик, были командой конных разведчиков под началом молодого офицера-куря-

339 В своих мемуарах И.Б. Казацкий утверждает, что видел тело Евстафьева утром 21 сентября: «Через дорогу, на углу Почтовой, на тротуаре лежал, раскинув руки, труп обнажённого мужчины лет тридцати. Чуть в стороне загораживала дорогу убитая лошадь, поваленная на мостовую метким выстрелом в голову. Неподвижное тело раздетого человека и туша рассёдланной лошади, вытянувшей стройные тонкие ноги, резко выделялись белыми пятнами на фоне грязной запёкшейся крови... Комиссар почты и телеграфа сделал всё, чтобы затруднить врагу возможность восстановления связи и ушёл с поста последним. Вскочив на коня, он хотел догнать эвакуированный эшелон, но был убит преследовавшими его белоказаками, которые «по праву военной добычи» воспользовались не только традиционной комиссарской кожанкой убитого, но также аккуратно, «по-хозяйски», сняли сбрую с подстреленного коня (*Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 26).

Однако не вполне ясно, был ли там действительно убитый конь и что за казаки успели войти в город и застрелить комиссара. Брок видел его труп ещё до появления первых белых (и не казаков, а корниловцев) в городе. Тем более что, судя по логике рассказа, Исая Казацкий шёл по улице утром 21 сентября, спустя сутки после вступления белых (в день проведения торжественного парада!). Труп к тому времени уже должны были убрать с улицы. Вероятно, мемуарист сам тела не видел, а лишь слышал рассказы о бегстве комиссара. Кроме того, как сам он и пишет: «ярко приукрашенные рассказы о «комиссаре на белом коне», передавались... в различных вариантах» (Там же. Л. 26).

Один из вариантов истории про всадника на белом коне сохранился в записках А.Л. Ратиева, который, описывая свои впечатления 20 сентября, сообщает: «На углу Флоровской и Золотой посреди улицы валяется *труп белой лошади, перемазанный кровью*. Под ней натекла большая лужа красно-бурой крови... Ещё в разгар перестрелки верхом на белой лошади выскочил на Золотую никто иной, а только несколько дней тому назад исчезнувший и избежавший ареста Васька Птицын, уже в офицерской форме... Как раз под ним последней пулёмётной очередью и была убита белая лошадь» (Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 328).

Таким образом, тело комиссара лежало на Почтовой, а труп лошади — на Золотой, через квартал от него. И убитая лошадь была не под красным комиссаром, а под белым курянином-перебежчиком. Народная молва же совместила оба эпизода, создав легендарную историю о бегстве комиссара на белом коне, которую и передал И.Б. Казацкий.

340 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 1-1об, 33.

нина Леонида Иванова, артиллериста–марковца³⁴¹. Он вспоминал, что провёл свой отряд в Курск, «пройдя известными мне закоулками в тыл большевиков»³⁴². В составе его отряда, вероятно, находились и корниловцы. Возможно, с кем–то из этой команды столкнулся на углу Гоголевской и Московской улиц Александр Ратиев. Первое, что бросилось ему в глаза, были погоны: «Широкие офицерские погоны. То самое, ненавистное, что служило причиной смерти многих, кто их носил. Невольно отвожу от них глаза и вижу перед собой череп и

341 Иванов Леонид Григорьевич (1 августа 1897 – 12 (25) июля 1987) – уроженец Курска. После окончания гимназии поступил на филологический факультет Московского университета, но в 1916 г. добровольцем ушёл на фронт. Окончил Сергиевскую артиллерийскую школу в Одессе 15 августа 1917 г. В Добровольческой армии с осени 1918 г. Был ранен в ногу на второй день после взятия Курска и потому оставался в городе до начала октября. В эмиграции с 1920 г. Окончил богословский факультет Белградского университета. В 1926 г. принял постриг на Афоне и рукоположен в иеромонахи в Скопле (Югославия), где затем служит преподавателем закона божия. В 1928–1946 гг. иеромонах Ново–Почаевского монастыря в Ладомирове («Карпатороссия» в составе Чехословакии). С 1935 г. – архимандрит и настоятель этого монастыря. В 1944 г. братия бежит из Чехословакии в Германию, а затем в Швейцарию. В феврале 1946 г. возведён в епископы Сантьяго и Чили. После участия в Архиерейском Соборе в Мюнхене в мае 1946 г., ввиду невозможности отправиться на кафедру в Чили, вместе с братией эмигрировал в США, где они поселились в Свято–Троицком монастыре в Джорданвилле (Нью–Йорк). По его инициативе в Махопаке (Нью–Йорк) в 1948 г. была основана Ново–Коренная пустынь. В октябре 1957 г. становится архиепископом Чикагским и Детройтским. С 1976 носит титул архиепископа Чикагско–Детройтского и Среднеамериканского и является почетным членом Св. Синода и первым заместителем митрополита Филарета. Основал детскую Организацию Русских Православных Разведчиков (ОРПР). Являлся автором многих статей и ряда книг.

342 *Серафим, архиепископ. Одиитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные ведомости*. – 1995. – № 7–8 (55–56). – С. 5. На подступах к Курску в Марковской артиллерийской бригаде были «по собственной инициативе временно командующего 1–м дивизионом штабс–капитана Шперлинга и 2–го полковника Михайлова созданы конные отряды из разведчиков своих батарей и управлений дивизионов» (*Леонтьев А.* На Московском направлении // *Поход на Москву*. – М., 2004. – С. 227). Вероятно, именно о таком отряде говорится в воспоминаниях архиепископа Серафима. Поскольку артиллеристы–марковцы действовали совместно с частями Корниловского полка, то неудивительно, что очевидцы, плохо знакомые с особенностями обмундирования «цветных» частей, нередко путали их между собой или вообще именовали «казаками». Так, А.Л. Ратиев в своих воспоминаниях сообщает: «Рассказывают «очевидцы» и о том, как небольшой казачий отряд, всего человек 10–15, ворвался в город по улице Раздельной (у которой сходятся в нижних своих частях оба склона улицы Херсонской). Там и были казаками убиты комиссар Киево–Воронежской железной дороги и сын известного курского врача Д.В. Шеболдаева [Вячеслав Данилович Шеболдаев], тоже доктор, который в момент убийства ехал домой после дежурства в военном лазарете» (*Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко*. – Курск, 2007. – С. 331).



1



2



3



4 г. Курск.

1. Погон рядового пехотного полка Корниловской ударной дивизии.
2. Нарукавный знак Артиллерийской генерала Корнилова бригады.
3. Полковник Н.В. Скоблин, командир 1-го Корниловского ударного полка.
4. Курск. Начало XX в.

ещё какие-то знаки, в изобилии нашитые на рукавах встречного. Поравнявшись со мной, незнакомец обращается ко мне обыкновенным человеческим голосом, который так не вяжется с непривычки с его театральным нарядом (впрочем, через несколько минут вспоминаю, что видел нечто подобное в 17-ом году). Спрашивает меня, не знаю ли Павловых, которые живут на этой улице. Извиняется и вежливо благодарит»³⁴³. Всадников, нарукавные шевроны которых украшали череп и кости, запомнил и гимназист-третьеклассник С.А. Шафранов (позднее геолог и лауреат Государственной премии)³⁴⁴. Их облик явно глубоко врезался в его детскую память, хотя в своих воспоминаниях он и называет их ошибочно «марковцами». У моста на железнодорожной ветке стоял в это время на своём посту милиционер В.А. Евдокимов. Он несколько раз уже спрашивал начальника поста «по поводу отступления», на что тот флегматично отвечал: «когда прикажут, тогда и отступим». В итоге спустя некоторое время перед постовыми возникли «казаки», немедленно взявшие их обоих в плен³⁴⁵.

Как позднее уверяли немногочисленные очевидцы, первыми словами, с которыми обратились корниловские разведчики к прохожим, выехав с Раздельной на Херсонскую, был вопрос: «Где тут живут комиссары и жиды?»³⁴⁶ Поднявшись к Красной площади, всадники заметили около Знаменского монастыря человека, тащившего пулемёт. Его схватили. Это оказался 20-летний бывший воентехник-телефонист Красной армии коммунист Н.М. Спесивцев. Пленника избили и связали. Два месяца проведёт он за решеткой и будет расстрелян только 16 ноября, накануне ухода белых из города³⁴⁷. На углу Золотой всадники попадают на глаза Александру Ратиеву: «Со стороны монастыря приближаются человек шесть конных... Это казачий разъезд. Но вид их опять-таки не соответствует моим представлениям о воинственности и только что совершённом ими подвиге «освободителей». У каждого в руках какие-то пакеты, узлы. А вот у этого, переднего, под мышкой упруго скатанный кусок плотной подошвенной кожи»³⁴⁸.

343 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 328.

344 ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 19. Л. 20.

345 ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 315. Л. 25об.

346 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 17.

347 В некоторых позднейших краеведческих публикациях иногда утверждается, будто Спесивцев два часа (!) сдерживал белых, наступающих со стороны ул. Горького (?) и был тяжело ранен (*Мигущенко О.* Правда о том, как был захвачен Курск // *Летопись.* — 1989. — № 5. — С. 2). Однако это маловероятно — очевидцы не упоминают о двухчасовом бое около Знаменского собора, а если бы он действительно имел место, то вряд ли белые ограничились бы боями и арестом пулемётчика. Скорее всего, его просто убили бы на месте.

348 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 328.

Посреди Московской, с разницей в два квартала, Ратиеву встретились два танка, вокруг которых суетились немногочисленные военные. Они входили во второй передовой отряд белых, который продвигался в город со стороны Ямской слободы из-за Тускари. Впереди скакала полусотня всадников, позади ползли два танка и броневики — их, судя по всему, доставили на Ямскую станцию поездом.

Когда полусотня белых кавалеристов поднялась от моста к Московским воротам, здесь стояли только что объединившиеся рота особого назначения П.И. Подцуева (125 штыков) и курсанты Курских пехотных курсов комсостава. Белый винтовочный огонь заставил белых отойти. Но от моста уже поднимались броневики, и группа Подцуева поспешила покинуть город. Вскоре к Московским воротам подскочил отряд Брока. Первое, что бросилось в глаза милиционерам, были распахнутые ворота тюрьмы и разбегающиеся заключённые. Брок подсадовал, что не располагает временем загнать их обратно: от Тускари вновь поднимались белые. В отличие от группы Подцуева, милицейский отряд был слишком слаб, чтобы вступать в бой, и Брок поспешно повёл своих людей в сторону Знаменской рощи. Едва оторвавшись от погони, Брок соединился на Курице с основной частью милиции, ушедшей на Фатеж несколько раньше³⁴⁹.

Сорок человек под началом П.В. Брока добрались до Фатежа практически без помех. Мелкие казацки разъезды не решались атаковать сплочённый отряд милиции, но, не доходя двух километров до Фатежа, его всё же настигли более крупные силы противника. Милиционеры как раз переходили по мосту Усожу. Видя приближение казаков, Брок выкатил на середину моста бочку керосина и крикнул своим людям: «Перебирайтесь быстрее, ибо сейчас зажгём мост, или иначе попадём в руки белых!» Однако трое бойцов всё же не успели перебежать мост до того, как он запылал. Они открыли стрельбу по скачущим на них всадникам. С противоположного берега их поддержал огнём остальной отряд. Когда перестрелка стихла, а ветер отнёс в сторону дым горящего моста, то милиционеры увидели удаляющихся казаков и повешенного на раките одного из своих отставших товарищей, Ежова³⁵⁰.

В Фатеже царили всё те же суматоха и безначалие. Здесь Брок нашёл пеший партизанский отряд Кравченко, толпу беженцев³⁵¹ и

349 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 1об, 41-41об.

350 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 10, 33.

351 Курский эвакугуб оказал помощь 1 301 человеку беженцев (778 одиноких и 523 семейных) и ещё 47 семьям, успевшим бежать из Курска по железной дороге (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны 1918-1920 гг. — Воронеж, 1967. — С. 155).

никакой власти. Он попытался отыскать штаб укрепрайона, чтобы доложить о прибытии непосредственному начальнику, т. Емельянову. Но помещение штаба было пусто. Наконец откуда-то появился запыхавшийся Емельянов. Оказалось, что он пытался бежать из Фатежа на автомобиле, но не сумел, так как «шоферы забрали главные части машины и скрылись». Теперь Емельянов требовал от Брока лошадь. Старший милиционер обеспечил начальника конём и тотчас получил от него приказ доставить автомобиль в Орёл. «Я вправил в машину дышло и запряг лошадей, — вспоминает Брок, — ...в Фатеже я держался до последнего момента. Но я не мог удержаться и отступил со своим отрядом до Кромов». Но нагнать курское начальство он сумел только в Орле — здесь стоял эшелон, в котором прибыли из Поньрей члены горсовета и Военсовета. От них Брок сумел получить 160 рублей на довольствие отряда. Начальство укатило в Москву, а милиционеры влились в поток войск, отступавших к Мценску³⁵².

Иван Соколов между тем добрался вместе с ямскими комсомольцами до ст. Букреевка. Здесь он попался на глаза сотрудникам железнодорожной ЧК, которые «попросили (вернее, приказали)» ему принять поезд с ранеными и вести его в Орёл. В поезде Соколов, к своему изумлению, обнаружил председателя Ямского исполкома М.Г. Каширцева, «который прибыл, как оказывается, ранее меня на ст. Букреевка на подводе, запряжённой парой исполкомовских лошадей, нагруженной домашними его вещами и с семьёй». А по прибытии на ст. Золотухино, обходя состав, повстречал Соколов и товарища Ларина, который занимал целый вагон со своей «семьёй, с домашними вещами, повозкой, лошадью в упряжи со сбруей, принадлежащей ямскому исполкому». Причём Соколову так и осталось неизвестным, где и когда успел погрузиться в его состав тов. Ларин со своим семейством. Позднее, описывая эти события, И.С. Соколов горестно восклицал, «что повозки и лошади Исполкома были употреблены председателем и завед. отд. нар. х-ва для своих личных нужд и, очевидно, [они] уехали на них из Ямской со своими домашними вещами и семьями ранее самого разгара обстрела ст. Курск-Ямская. И я был оставлен ими в напрасном ожидании обещанных председателем подвод и безусловно не мог спасти один без всякой помощи исполкомовского хозяйства»³⁵³. Позднее Ларин и Каширцев дали Соколову ещё один повод для сетований: по прибытии в Орёл оба они добыли себе пропуска на свободный

352 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 8об.

353 ГАКО. Ф. Р-2529. Оп. 1. Д. 6. Л. 140об.

выезд из города, заявили ему, что «отправляются в центр», и с тех пор он их больше не видел.

Предусмотрительность проявили и курские чекисты. Двое из них, В.И. Середин и секретарь ГубЧК Болдырев, успели выполнить особо важное задание — вывезти из города «запас золота и драгоценностей», конфискованный у местной буржуазии. Ценности были успешно доставлены в Орёл³⁵⁴.

Некоторые части Красной армии, сохранив какое-то подобие порядка, оказывали сопротивление преследующим их белым. Части 1-го Курского стрелкового полка, оборонявшие накануне мост через Сейм, отступали через Клюкву и Халино на Каменево: «В левую боковую заставу для охраны были назначены пулемёты с командиром взвода тов. Крюковым Георгием, который обнаружил противника — конный разъезд в 20 всадников от ст. Курск — и сильным пулемётным огнём заставил разъезд скрыться, а частью побил, чем дал полку возможность выбраться из-под флангового обстрела кавалерии. По пути отступления у станции Букреевка М. — Курск. ж.д. полк нагнали бронепоезда Деникина «Иван Калига» и «Слава офицера», которые открыли артиллерийский огонь по полку. Неожиданное явление бронепоезда привело в сильное замешательство полк. Командир взвода тов. Крюков сейчас же привел в боевую готовность пулемётную команду и ураганным огнём пулемётов заставил бронепоезда отступить, чем дал возможность полку выбраться из-под огня и продолжать отступление в порядке»³⁵⁵.

Тем временем в Курск вступали основные части белых. Утром 7 (20) сентября, легко смятая слабое сопротивление последних крас-

354 *Середин В.И.* Из воспоминаний (рукопись). — Л. 2.

355 Красноармеец Г.А. Крюков // Курская правда. № 270. 19 ноября 1930 г. Позднее Г. А. Крюков отличился на ст. Змиевка при подъёме под огнём противника сошедшего с рельс бронепоезда «Смерть директории» и в конечном итоге, «за последний и предыдущие боевые заслуги», был награждён орденом Красного Знамени.

Командир полка Н. Шаталов несколько иначе излагает историю с отражением кавалерийской атаки: «20 сентября 1919 г., отходя с третьим батальоном на село Каменево, я решил проверить, занята ли станция Курск белыми. Весь батальон я рассыпал цепью от Ямской рощи по логу до линии железной дороги, а сам с пулемётом и десятью бойцами из лесу через бывшее холерное кладбище направился на станцию. Недалеко от кладбища мы увидели кавалерию, которая на рыси ехала навстречу. Я распознал по погонам, что это неприятель и скомандовал пулемёту — огонь! Начальник пулемётной команды Кочупалов двумя лентами уничтожил почти всех всадников. Подобрали мы сёдла с убитых лошадей, и, присоединившись к третьему батальону, отошли без потерь до места сбора» (*Шаталов Н.* 1-й Курский стрелковый... // Курская правда. № 263 (4990)) 17 ноября 1939 г.). Не исключено, впрочем, что речь идёт о двух разных стычках.

ных застав, в город вошёл 1-й батальон Корниловского полка и 2-й взвод 1-й генерала Маркова батареи. Со стороны Ямской вступали подразделения 2-го батальона того же полка и 1-й взвод марковской батареи. Во 2-м Корниловском полку, занявшем с. Дьяконово, о вступлении белых в Курск стало известно около полудня: «Красный Курск стал БЕЛЫМ. Это известие произвело большое впечатление среди корниловцев и населения. Был освобождён первый губернский город...»³⁵⁶

«Трудно передать словами, что представляло собой в этот день шоссе, — пишет В.Е. Павлов. — Оно сплошь на всём протяжении до самого Курска было забито идущими нам навстречу красноармейцами. Это была целая армия здоровых людей, уроженцев юга России, с нескрываемой радостью возвращавшихся «к себе по домам». Они шли к нам в тыл, никем не сопровождаемые. Их была армия, нас горсточка...»³⁵⁷

«Под пение труб и треск барабанов корниловцы входили в освобождённый город, — в свою очередь сообщает М.А. Критский. — Улицы были забиты народом. Для корниловцев наступали те волнующие минуты, которые сразу искупали все лишения и ужасы братоубийственной войны. Женщины забрасывали войска цветами, становились на колени, плакали. Одна молодая женщина обеими руками схватила стремя ехавшего верхом офицера и припала головой к пыльному грязному сапогу»³⁵⁸.

Описывая вступление белых в Курск, очевидцы вторят друг другу, вне зависимости от своих политических пристрастий. «Что было на улицах час спустя после отступления большевиков! Притаившиеся обыватели затопили улицы и восторженно встречали своих освободителей, во главе которых был ударный Корниловский полк. Женщины радостно плакали, забрасывали запылённых воинов цветами, бросались им на шею...» — вспоминал Л.Г. Иванов³⁵⁹. «После обеда мы пошли на Курск. Буквально все улицы, по которым мы проходили, были запружены народом, шумно и радостно нас встречавшим. То и дело раздавались возгласы: «Христос Воскресе!», и на это в толпе же отвечали: «Воистину Воскресе!» У большинства, как у жителей, так и у нас, были на глазах слёзы — у них от радости и сознания спасения, а у нас — от сознания выполняемой

356 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 301.

357 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 92.

358 Критский М.А. Корниловский ударный полк. — Париж, 1936. — С. 131.

359 Серафим, архиепископ. Одигитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные ведомости. — 1995. — № 7-8 (55-56). — С. 5.



1. Артиллерийская бригада Добрармии на параде. Лето 1919 г.
2. Полковник Е.В. Шмидт, командир артиллерийской батареи в боях под Курском. Август 1919 г.
3. Знак «За ледяной поход» 1-й степени.

святой миссии — освобождения Родины и народа», — вторит ему офицер-марковец³⁶⁰. «Буржуазия преобразилась. Ещё вчера она носила «защитную» одежду, обмотки на ногах и картузы с полуотрванными козырьками. Теперь со дна сундуков появились сюртуки, шляпы и белые накрахмаленные воротнички... На улицу вышли в праздничных пиджаках прасолы, мясники, купцы, домовладельцы, ветхие барыньки», — пишут советские архивисты³⁶¹. «Словно из преисподней появились на улицах фигуры в крахмальных манишках и в форменных фуражках: судейских, путейских и, увы... ведомства народного просвещения. Это спешили приветствовать победителей далеко не лучшие представители курской интеллигенции. Таких было не много, но трудно забыть, как... регент Богословского хора, бывший учитель бывшей гимназии, сразу перестал быть бывшим и ходил с плёткой, торжествуя: «Вернулось наше время!» А чего стоила фигура действительного статского советника «генерала» — директора Курской классической, в полной парадной форме», — с понятной неприязнью вспоминает о том дне С.А. Шафранов, который в 1919 г. должен был как раз посещать третий класс этой самой «бывшей гимназии»³⁶².

В это же время, воспользовавшись временным безвластием, толпа горожан разгромила и разграбила красноармейский вещевой склад в пакгаузах на Херсонской улице (именно оттуда, судя по всему, тащил свой мешок напористый «старатель», запомнившийся А.Л. Ратиеву). В ночь падения города загорелось здание бывшей гостиницы «Петроградская», где размещался губпрофсовет. Как после стало известно, пожар возник от сжигания при отступлении списков профсоюзного актива и не выданных профсоюзных билетов. Вместе с бумагами сгорел один из лучших в то время домов в центре города³⁶³.

Облик города, однако, произвёл на победителей довольно удручающее впечатление. «Мертвящее дыхание большевиков опалило Курск сильнее, чем Харьков. Курск был точно пришибленный. На пустынных улицах стояли, как нищие на паперти, облупленные дома в царапинах и серых подтеках от содранных вывесок. Разбитые окна заложены грязным тряпьем. В одном квартале торчали одни обгорелые стены.

— Здесь была «Чека», — говорили жители. — Чекисты перед своим уходом облили здание керосином и подожгли. Весь квартал сгорел...

360 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 92.

361 Климачев С., Чарский Н. Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 18.

362 ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 19. Л. 20.

363 Казацкий И.Б. Два месяца (рукопись). Л. 19–20.



1. Пленные красноармейцы. 1919 г.

2. Допрос пленного офицером контрразведки.

3. Тюремный замок за Московскими воротами. Курск. Середина 1920-х гг.

В развалинах находили обуглившиеся кости.

Оживление в городе было только на базаре. Тут продавалась жалкая снедь и всякая рухлядь. Среди снующего народа женщины с усталыми лицами нерешительно предлагали кружева, белье из тонкого полотна и кое-какие драгоценности...»³⁶⁴

Взятие города было отмечено торжественным парадом, который состоялся 8 (21) сентября. Парад, в котором участвовали батальон корниловцев и две марковские батареи, принимал генерал А.П. Кутепов. Участников парада «особенно поразила искренняя радость жителей Курска, заполнивших все прилегающие улицы». Встретившись с Н.С. Тимановским, А.П. Кутепов «сделал ему выговор за ослушивание... Но так как оба генерала были друзья, то недоразумение было быстро улажено»³⁶⁵. Более того, два марковских батальона, отличившиеся в боях, даже получили «особую благодарность командира корпуса». Участвовавшие во взятии города подразделения восстановленного Кабардинского пехотного полка, алексеевцы и черноморцы почти сразу же были направлены на другие участки фронта. Корниловцы уже к вечеру 20 сентября продвинулись на 10 вёрст севернее Курска, заняли Отрешково и Охочевку, направив оттуда назад поезда с продовольствием и пленными. На следующий день отряд Третьякова продолжил наступление на Шигры.

Между тем проснувшийся около 10 часов утра 20 сентября Ф.И. Карелый не обнаружил вокруг никого из своих товарищей и побрёл домой. «Смотрю, — вспоминал он позднее, — некоторые люди бигуть и гаворять — белаи банды у Курске... Вот что могу сказать»³⁶⁶. Этот флегматичный часовой был не единственным красноармейцем, «застрявшим» в занятом белыми городе. В суматохе Военсовет не вспомнил о трёх только что сформированных ротах, ожидавших приказов на Верхне-Луговой, 10. Впрочем, эти бойцы, а по крайней мере, их командиры, ничуть не огорчились подобным поворотом дел. Комсостав этих рот составляли «Адров Николай бывший поручик, Жданович поручик и другие чуждые элементы», тотчас перешедшие в ряды Добрармии. Присоединился к белым и полковник Генерального штаба М.М. Дмитриев, исполнявший при Военсовете обязанности заведующего строевой частью³⁶⁷. Вместе с офицерами в ряды Добровольческой армии

364 Критский М.А. Александр Павлович Кутепов. Биографический очерк // Генерал А.П. Кутепов. Воспоминания. Мемуары. — Минск, 2004. — С. 90.

365 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 93.

366 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 4об.

367 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 41. Кроме того, в Курске остались и некоторые милиционеры, которым позднее пришлось давать объяснения причинам тако-

влились, скорее всего, и многие рядовые красноармейцы. По крайней мере, именно это произошло с военнопленными из состава знаменитой 9-й стрелковой дивизии, сформированной в Курской губернии, — их направили в запасные части Добармии³⁶⁸.

Вскоре большая часть войск выступила из города, двинувшись на Орёл. «Был ясный полдень. Я поднимался по улице Курска, — вспоминает марковец В.А. Ларионов. — ...Первая генерала Маркова батарея уже двигалась в походной колонне. Впереди реял чёрный значок с золотой буквой «М» и золотыми скрещёнными пушками... Отдохнувшие кони рвали поводья. Гремел марш провожающего бригадного оркестра. Это была бравурная мазурка, под звуки которой кони перешли в рысь. Пушки загрохотали по булыжной мостовой... молодые горожанки стояли на тротуаре и махали белыми платочками, провожая батарею. Поднялась пыль, последнее орудие исчезло за поворотом, и лишь мазурка бригадного оркестра продолжала греметь»³⁶⁹.

Дальнейшее наступление ВСЮР. Падение «красной крепости» произвело огромное впечатление на всех, включая руководителей Советской России. «Серьёзная опасность, созданная падением Курска, — писал В.И. Ленин 3 октября 1919 г. — Никогда ещё не был враг так близко от Москвы»³⁷⁰.

Между тем взятие Курска и Льгова не замедлило продвижения частей Добровольческой армии. Уже на другой день после этого, 8 (21) сентября, отряд генерала А.Н. Третьякова подошёл к Щиграм. На город наступали с юго-востока Черноморский конный дивизион, с запада 3-й батальон 1-го Марковского полка, батальон Алексеевского полка обходил его с севера, а батальон 1-го Марковского полка двигался со стороны Курска. Промежуток между двумя последними батальонами прикрывал Марковский взвод в 19 штыков

го своего поступка. Причины оказывались самые разнообразные. В основном отговаривались болезнью, своей или родственников (11 человек) или «неполучением распоряжения» (7 человек). Другие были захвачены в плен прямо на своём посту или во время исполнения обязанностей (5 человек), прочие «отступали, но были перехвачены» или просто «не успели» отступить. Среди них блистает своей откровенностью некий Антон Фёдорович Воронин, помощник начальника милиции 1-го района — он не отступил «по своим убеждениям». Всего из Курска отступило 40 милиционеров, а осталось в городе 33. Из них четверо служили у белых (А.Е. Алябьев, И.И. Тугов, П.И. Артюхов, Н. А. Гнучев), а пятеро оказались при них в тюрьме (П.И. Трубаров, И.Д. Верюгин, Д.И. Грищенко, Н. Ф. Курмас, С.Т. Васильев) (ГАКО. Ф. 323. Оп. 1. Д. 315. Л. 20–22).

368 *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия в Центрально-Чернозёмном районе (сентябрь–октябрь 1919 г.) // Армия в истории России. — Курск, 1997. — С. 84.

369 Там же. С. 148.

370 *Ленин В.И.* Полн. собр. соч., т. 39. — С. 207.

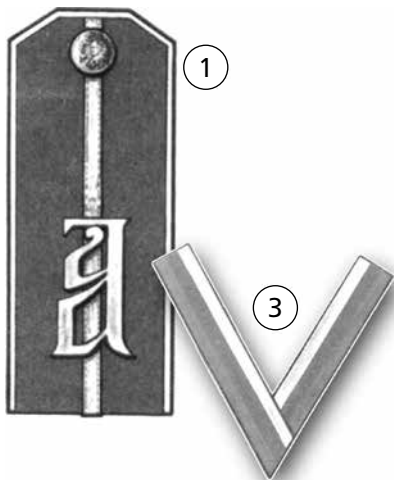
при пулемёте «Льюис» под командованием поручика П.И. Чеботкевича. Ему была поставлена задача «энергичным наступлением привлечь к себе внимание и возможно большие силы противника». В трёх верстах от города «энергичное наступление» 19 марковцев привело к сдаче им в плен роты красноармейцев в 77 штыков во главе с командиром, бывшим прапорщиком. Однако свежие силы красных перешли в мощное контрнаступление на взвод Чеботкевича и от гибели его спас только нанесённый по тылам противника удар алексеевцев³⁷¹.

Частями Алексеевского полка командовал полковник князь А.А. Гагарин. Накануне наступления на город среди алексеевцев был собран отряд в 100 конных добровольцев для ночной разведывательной вылазки. Ночью всадники, обойдя город с севера, ворвались в него и дошли до центральной площади, наполненной повозками со спящими на них людьми. После короткой перестрелки, потеряв одного человека убитым, разведчики возвратились³⁷². На рассвете отряд Гагарина атаковал Щигры с севера, внося замешательство в ряды его защитников. В ходе атаки на город конный отряд разведчиков 2-го Марковского артиллерийского дивизиона под командованием полковника А.А. Михайлова ворвался в ещё занятый красными город, захватив обоз с боеприпасами и несколько пулемётов³⁷³.

371 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 94–95.

372 Пруц Н.А. По дороге на Москву // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 280.

373 Яркие воспоминания об этом оставил участник вылазки штабс-капитан Э.Н. Гиацинтов: «мы с моим командиром полковником Михайловым решили, что войдём в Щигры первыми... В передовом отряде, которым командовал я, находилось человек восемь разведчиков. А сзади двигались ещё пятнадцать конных во главе с полковником Михайловым. Наш передовой отряд, приближаясь к Щиграм, снимал дозоры красных. Мы их не убивали, а просто переламывали им винтовки, а самих отпускали на все четыре стороны, так как никаких пленных мы взять не могли. И так вот мы ехали, проезжая деревню за деревней, и потом (мне никак не думалось, что это уже Щигры!) попали в какое-то предместье, окружённое домами. Мы перешли в полевой галоп, вынули шашки и помчались дальше. Улица, по которой мы скакали, оказалась тупиком. И вдруг влево от этого тупика я увидел много повозок и красноармейцев. Ни о чём не думая, мы крикнули «Ура!» и помчались на обоз. Никак я не мог подумать, что это уже Щигры, иначе не решился бы на такую безумную атаку. Мы атаковали обоз, закричали красным солдатам, чтобы они бросили оружие на землю, и врезались в самую гущу. В этом обозе оказалось семь пулемётов системы «максим»... Тут подъехали наши главные силы, то есть полковник Михайлов со своими всадниками. Выехал дальше я по какой-то улице к мосту и там увидел лес штыков, это был целый батальон Красной армии. Подъехал к мосту и не переезжая его, я закричал красным: «Сдавайтесь! Переходите на нашу сторону!» Но никто не двинулся с места и никакого выстрела не последовало. Один из моих



1. Погон капитана пехотного Алексеевского полка.
2. Генерал-лейтенант П.К. Писарев в форме Алексеевского полка.
3. Шигры. Начало XX в.

Дроздовский, Самурский, Белозерский и Олонецкий полки при поддержке тяжёлого бронепоезда «Грозный» и лёгкого «Генерал Дроздовский» в те же дни ведут бои севернее Льгова в районе Шеркино и Марицы, а 10 (23) сентября занимают Рыльск. В ходе упорных боёв 10–12 (23–25) сентября белым удалось сломить сопротивление противника, стойко оборонявшегося на линии реки Прутище. Отступая, красные взорвали за собой железнодорожный мост, что значительно затруднило действия неприятеля. Успех белым принесли действия батальона Самурского полка под командованием капитана Д.В. Шиткевича, который вышел в тыл красных у ст. Коньшёвка. Серьёзные потери наступающему 2-му Дроздовскому и Самурскому полкам нанесли под Дмитриевом части бригады Червонных казаков В.М. Примакова. В это время отряд полковника А.В. Туркула (1-й Дроздовский полк, лёгкая и гаубичная батареи), после артиллерийского обстрела захвативший переправу через Сейм у Тёткино, развернул наступление на Севск, заняв его 17 (30) сентября³⁷⁴. Тут им стало известно о тяжёлом положении под

разведчиков подъехал ко мне и сказал: «Господин капитан, нас обходят! Они отрезают нас, и мы не сможем вернуться назад». Убедившись в правильности этого донесения и предварительно удостоверившись, что обоз полным ходом идёт в направлении наших наступающих частей, мы карьером двинулись обратно. И благополучно, потеряв, правда, одного разведчика убитым, мы после некоторого времени столкнулись с нашими передовыми частями» (*Гиацинтов Э.Н. Записки белого офицера // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 286*).

- 374 «За конницей мы погнались на Севск. Приходили в деревни, ночевали — и дальше. Красные всюду перед нами снимались. Для них пробил час отступления. Только под самым Севском — упорство. 1-й батальон выдержал там атаки в лоб, слева, справа и ворвался в темноте в город. На улице конной атакой мы захватили вереницу подвод, всё местное большевистское казначейство» (*Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 79*).
- Оборону Севска глазами рядового красноармейца описал в своих мемуарах Н.С. Исаев: «Дивизион держал передовую на Севско-Глуховском шляхе в двух верстах от города Севска. На шляху стояла и замаскированная наша пушка, которая должна была стрелять только прямой наводкой... Правее нас были в обороне местные товарищи севчане. Их было около сорока человек советского актива. «Подпущать врагов поближе, — передавали по цепи. — Без команды огня не открывать». Вражеская конная колонна остановилась впереди нас в полкилометре и вскоре показались густые пехотные цепи, которые шли вперёд как на параде. За ними двинулась и кавалерия. Враг близко. Мы ждём сигнала — команды, и вот выстрел нашей пушки, её снаряд прошил над шляхом и разорвался в колонне врагов. Мы открыли огонь по пехоте. Ещё три разрыва снарядов из нашего орудия... и завязался неравный бой. Вражеские цепи стали обходить нас с обоих флангов. Истощились патроны, появились у нас раненые и убитые товарищи. Мы стали отходить, а позади нас река, по мосту которой уже рвались вражеские снаряды... Мост через реку загорелся большим пламенем. Его подожгли наши. Мы отходили, отстреливаясь по наседающим врагам через реку, вода достигала груди и выше, переносили раненых, не оставили и убитых. Наступило потемне-

Дмитриевом. 19 сентября (2 октября) отряд выступил из Севска по красным тылам в сторону Дмитриева. У села Доброводье дроздовцы столкнулись с крупными силами Червонных казаков³⁷⁵.

ние, бой прекратился. Ночью мы оставили город» (*Исаев Н.С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рьльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 63 [орфография подлинника сохранена]).

В боях за Севск участвовал и Рьльский партизанский отряд С.А. Федюшина: «От военного комиссариата отряд получил винтовки с патронами, продовольствие и несколько лошадей. В отряде уже было около 500 человек. Отряд был разбит на взводы. Партизанский отряд занял позицию на восточной окраине Севска и взорвал мосты на подступе к городу, приняв меры к задержанию неприятеля... отряд задерживал превосходящие силы дроздовской дивизии в течение двух дней, после чего отступил на ст. Комаричи. 1-я особая бригада отступила на ст. Брасово. Здесь отряд получил от штаба бригады направление на ст. Навли. По пути следования отряд попал в район, где 1-я бригада вела бои с дроздовцами. Отряд вступил в тыл белым и вступил в бой, нанеся противнику потери. В Навлях отряду было дано задание занять позицию в Брянских лесах ст. Алтухово и с.Крапивное. Эту позицию отряд занимал до октября 1919 г.» (КОПА. Ф. 16. Оп. 1. Л. 262. Л. 6–8).

375 «Мы ненавидели Червонную дивизию смертельно, — пишет А.В. Туркул. — Мы её ненавидели не за то, что она ходила по нашим тылам, что разметала недавно наш второй полк, но за то, что червонные обманывали мирное население; чтобы обнаружить противников советчины, червонные, каторжная сволочь, надевали наши погоны. Только на днях конный отряд в золотых погонах занял местечко под Ворожкой. Жители встретили их гостеприимно. Вечером отряд устроил на площади поверку с пением «Отче наш». Уже тогда многим показалось странным и отврагательным, что всадники после «Отче наш» запели с присвистом какую-то непристойную мерзость, точно опричники. Это были червонные. Третий батальон Манштейна атаковал местечко. Едва завязался бой, червонные спорили погоны и начали расправу с мирным населением; в два-три часа они расстреляли более двухсот человек. Мы ненавидели червонных. Им от нас, как и нам от них, не было пощады» (*Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 79).

О подобных случаях сообщает и В. А. Кривошеин, примкнувший к дроздовцам на территории Курской губернии. Он подобные рассказы слышал от красноармейцев: «Слышу от красноармейского конвоя рассказ о «подвигах» Красной армии. Мне уже приходилось слышать эти рассказы в разных вариантах. Рассказы о действительных провокационных и жестоких: «На днях наши решили испытать, кто за Красных, а кто за Белых. Надели погоны, кокарды. Целым отрядом пришли в Путивль. Заявляют: «Мы белые, пришли вас освободить». Жители сначала отнеслись недоверчиво, потом поверили. Стал собираться народ. Приветствуют, благодарят, подносят цветы. А мы предлагаем записываться в Добровольческую армию. Записывается 150 человек. Приходит поп и начинает служить молебен на площади. Собралось множество народа. Посредине молебна наши по сигналу открывают огонь. Много убитых. А всех добровольцев расстреляли». Этот рассказ (с вариантами) всегда вызывал у большевиков фурор, одобрение и громкий смех. Он рассматривался как доблесть и образец воинской находчивости и искусства. Но я и сегодня задаю себе вопрос: что это — правда или красноармейский фольклор? Думаю, что правда, но только приукрашенная в подробностях» (*Кривошеин В.А.* Воспоминания. — Н.-Новгород, 1998).

Красочное описание боя оставил сам полковник Туркул: «Густые конные лавы уже маячили вдалеке. Вся степь закурилась пылью. Батальон неспешно развернулся в две шеренги. Я отдал приказ не открывать огня без моей команды. У всех сжаты зубы. Едва колеблет дыханием ряды малиновых фуражек, блещет солнце на пушечных дулах. Батальон стоит в молчании, в том дроздовском молчании, которое хорошо было знакомо красным. Слышно только дыхание людей и тревожное конское пофыркивание. Накатывает топот, вой. В косых столбах пыли на нас несутся лавы. На большаке в лавках поблёскивает броневая машина. Мы стоим без звука, без выстрела. Молчание. Грохот копыт по сухой земле отдаётся в груди каменными ударами. В пыли высверкивают шашки. Конница перешла на галоп, мчится в карьер. В громадных столбах мглы колышутся огромные тени всадников. Я до того стиснул зубы, что перекусил свой янтарный мундштук.

Воспоминания ветеранов-«червонцев» также подтверждают факт подобной маскировки, хотя, разумеется, упоминания о провокациях и расправах там отсутствуют. О подобных действиях осенью 1919 г. на юге Курской губернии вспоминает один из ветеранов Червоного казачества Н.С. Исаев: «в селе Белом проходила подготовка нашего полка к дальнейшему движению по тылам врагов. Весь личный состав изготовлял старорежимные погоны от рядового солдата до подполковников и полковников, а нашему командиру полка тов. Новикову готовили погоны «генерала от кавалерии»... Были израсходованы обложки книг для погон и вырезке кокард на головные уборы, а для офицерских различий даже были израсходованы ризы местного попа и дьякона... Полк выступил с вечера и ехали всю долгую зимнюю ночь. Утром остановились в населённом пункте восточнее города Сумы. Здесь местное население подозрительно смотрело на нас. Но у нас получались ошибки: многие забывали свои роли и называли друг друга товарищами, а потому военная тайна раскрывалась. Пришлось до выступления из села не выпускать жителей. После двухчасового отдыха наши сотни справа рядами выехали на шлях, который проходил в двух верстах от этого села в сторону города Сумы: Сумско-Богодуховский шлях. Вскоре по нём впереди нас показалась большая колонна белой пехоты, в её голове ехали несколько всадников, там же поблёскивали перед солнцем трубы духового оркестра. Мы увидели, как навстречу белякам поскакали двое наших «офицеров», один из них быстро возвратился. Полк, свернув со шляха, выстроился шеренгой по два вдоль по-над шляхом... Заиграли встречный марш музыканты врага, которые выбивали неплохо строевой шаг, а позади колыхались стройные ряды белогвардейцев. Колонна пополнение Дроздовской дивизии строем по четыре, выпятивши груди, повернувши головы на нас, проходили чётким шагом, среди их много в офицерских погонах, усатые и с шашками, висевшими на боках. А у нас сами руки тянулись к клинкам. Долго нет команды рубать гадов. И вдруг она разнеслась: «Шашки вон! Товарищи! Рубай гадов...» Клинки блеснули. Лапады метнулись вперёд. Громкое ура. Треск клинков по вражеским головам. Редкие выстрелы. Ржанье лошадей. Смяв врага по шляху, но многие из них удирали по снежному полю, их нагоняли, рубали лежавших в снегу, но ещё живых пристреливали» (*Исаев Н.С. Мои воспоминания о Гражданской войне* (рукопись из фондов Рильского краеведческого музея). 1966 г. – Л. 67–68 [орфография подлинника сохранена]).

«До нас не больше тысячи шагов», — говорит за мной адъютант.
Голос тусклый, чужой.

Я обернулся, махнул фуражкой.

«Огонь!»

Отряд содрогнулся от залпа, выблеснув огнём, закинулся дымом. От беглой артиллерийской стрельбы как будто обваливается кругом воздух. Залп за залпом. В пыли, в дыму, тени коней бьют ногами, корчатся тени людей. Всадники носятся туда и сюда. Задние лавы давят передние. Коня сшибают, падают грудями. Залп за залпом. Под ураганным огнём лавы отхлынули назад табунами. Степь курится быстрой пылью. На подводах рысью мы погнались за разгромленной конницей. Во все стороны поскакали разъезды. Разведчики 1-й батареи под командованием поручика Храмцова за скакали в село Доброводье. На них налетели красные кавалеристы. В быстрой сшибке поручик Храмцов убит. Разведчики с пулёмётчиками моего батальона отбиваются. На подводах к ним прискакала в карьер 1-я рота батальона, рассыпалась в цепь. 1-я батарея залпами в упор разбила красную броневую машину. Мы взяли Доброводье... Деревенская улица и высохшие канавы с выжженной травой завалены убитыми. Под ржавым лопухом их и наши лежали так тесно, будто обнялись»³⁷⁶.

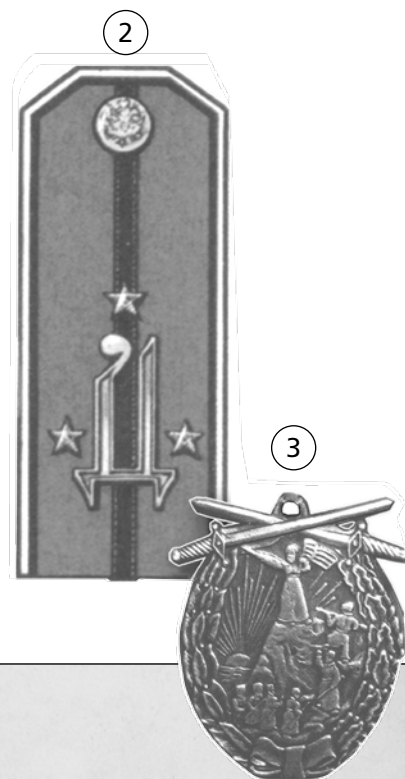
После боя у Доброводья отряд А.В. Туркула прошёл по тылам красных и внезапно для них оказался под Дмитриевом: «Мы пёрли тараном. С двух сторон пёрли рядом с нами красные. Бои на ходу не утихали всю дорогу. Последние пятнадцать вёрст мои головные роты шли всё время цепями. С холмов, до которых мы дошли, уже был виден Дмитриев с его колокольнями и оконницами, блистающими на солнце. Командир 1-й батареи, осипший, пыльный, подскакал ко мне... он доложил, что артиллерийские кони больше идти не могут.

«Если так, то вы можете остаться на ночлег здесь, — сказал я. — Но без пехоты. Пехота ночует сегодня в Дмитриеве».

Я ещё верил, что нам хватит дыхания. Мы были от Дмитриева верстах в пяти. Вёрст шестьдесят мы прошли маршем от Севска. Под самым городом красные поднялись на нас атакой... Мы сшиблись жестоко... Красные не выдержали контратаки. Мы ворвались в город. Там мы так и полегли на улицах под тачанками, у канав. Теперь мы могли отдышаться, напиться, окатить себя холодной водой. Дмитриев был наш»³⁷⁷.

376 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 78.

377 Там же. С. 79–80.



1. Полковник А.В. Туркул, командир 1-го Офицерского стрелкового генерала Дроздовского полка. Фотография 1920 г.

2. Погон поручика Дроздовского полка.

3. Медаль участника похода дроздовцев Яссы — Дон 1918 г.

4. Львов. Начало XX в.

В городе были захвачены крупные трофеи, в том числе шесть орудий и много пленных. Два полка красной конницы оказались при этом отрезаны в тылу у прорвавшихся белых. Всю ночь сторожевое охранение брало в плен отступавшие через Дмитриев группы красноармейцев, телеги с ранеными³⁷⁸. На следующий день, не зная о вступлении в Дмитриев отряда Туркула, Самурский полк вновь повёл наступление на город, причём «с таким жестоким упрямством», что Туркул был вынужден «с почётом сдать им сам и сдать им Дмитриев», подняв белый флаг. После этого его отряд вернулся в Севск, а 21 сентября (4 октября) город вновь подвергся атаке со стороны красных, которые на время заняли его. Новая контратака самурцев к 17 часам дня выбила их оттуда, после чего полк развернул дальнейшее наступление, преследуя отступающего противника за пределами территории Курской губернии³⁷⁹.

В тот же период 2-й Корниловский ударный полк, продолжая наступление, занимает 12 (25) сентября Фатеж, а 1-й Корниловский полк 20 сентября (3 октября) после упорных боёв захватывает станцию Поньры.

Двигавшийся восточнее 1-й Марковский полк занимает 7 (20) сентября село Куськино, а на следующий день по следам корниловцев и черноморцев вступает в Тим.

378 «На рассвете в рессорной бричке вкатил на мост какой-то красный командир. Он заметил наши погоны, выпрыгнул из экипажа. Выстрел уложил его на бегу. Пуля как раз над сердцем пробил его бумажник, полный царских денег. Я помню, как стрелок жалел, что деньги порваны, обгорели от пули, в крови и не пойду. А царские деньги ходили у нас и у них лучше всего» (*Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 80). Судя по всему, именно с этим командиром повстречался накануне пробиравшийся к белым В.А. Кривошеин. Встреча состоялась между Кузнецовкой и Фатеевкой, в 15 верстах от Дмитриева, где Кривошеина задержал разъезд «червонцев», отступавших после боя у Доброводья: «В это время слышу, как «красные кубанцы» загалдели между собой: «Командир полка едет! Вот он!» Оказывается, командир первого кубанского полка проезжал мимо и, узнав о случившемся, приказывает привести меня к себе. Меня под конвоем подводят к нему, а «кубанцы» мгновенно исчезают. Командир справа, а полковой комиссар слева, едут в экипаже. Комиссар, человек средних лет, темноволосый, в черном кителе. Командир, в штатском, лет пятидесяти, толстое, оплывшее «дворянское» лицо, сам полный. Ему протягивают мои документы. Не взглянув на них, он молча протягивает их комиссару. Тот просматривает и ведит сквозь зубы: «Документы в порядке». Командир, смотря перед собой, приказывает: «Отведите в штаб бригады! Он размещен там, впереди, в лесочке». Я взволнован: «Да меня «кубанцы» убьют по дороге». «Нет, — говорит, — не убьют. Я им приказал уехать. Вас будет конвоировать красноармеец» (*Кривошеин В.А.* Воспоминания. — Н.-Новгород, 1998).

379 *Кравченко В.М.* Дроздовцы в осенне-летних боях 1919 года // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 296.

Для обороны городка силами местного уездного военного комиссариата была сформирована 1-я Тимская коммунистическая рота. В её состав вошло около 400 человек «Рота состояла из различных возрастов от восемнадцатилетних юношей до стариков... В роте были женщины—врачи и младший медицинский персонал, — вспоминает один из её ветеранов С. И. Масалов. — Командиром роты был назначен бывший офицер царской армии коммунист Мартынов, а меня назначили командиром взвода. Военному делу мы обучались недолго. Ознакомились с материальной частью винтовки и станкового пулемёта и всем некогда было обучаться военному делу, так как враг приближался к городу Курску»³⁸⁰. Когда Тим был занят корниловцами и черноморцами, коммунистическая рота отступила в с. Успенка, откуда 17 (29) сентября было выслано три группы разведчиков — в сам Тим, а также к сёлам Погожее и Становое. В Погожем отряд С.И. Масалова столкнулся с группой казаков—черноморцев, а в отряд Е.В. Заблочкого едва сумел выбраться из Тима, потеряв убитыми трёх человек, включая командира³⁸¹. После этого рота начала отходить вниз по течению Тима в сторону Ливен, удачно перейдя линию железной дороги близ Черемисиново.

Между тем 1-й Марковский полк двинулся из Тима на Кшень и вступил в тяжёлые бои за станцию Мармыжи. Значительные силы красных при двух артиллерийских батареях и бронепоезде оказали упорное сопротивление наступающим белым, но обходное дви-

380 *Масалов С.И.* Мы защищали завоевания Октября (рукопись). Л. 11.

381 Мемуарист уверяет, что его отряд в 15 бойцов разгромил и обратил в бегство 100 казаков (Там же. Л. 12). О гибели разведчиков отряда Заблочкого автор сообщает особенно подробно, хотя и не особенно достоверно: «деникинцев в городе не было, они находились в селе Выгортное. Белые, как видно, боялись появляться в город. Хотя большая группа тимских торговцев с видными воротилами Жидких, Черниковым, Дядиным, Шашковым, Ворониным, Курбакиным и другими... с нетерпением ожидали «своих спасителей»... Купцы по-праздничному были одеты, а бывший городской голова Дядин держал специально испеченный хлеб и в красивой солонке соль... И тогда послышалось 15 ударов церковного колокола, которые отбили шпионы. Этими ударами они извещали, что красных в городе 15 человек. Тогда город со всех сторон был заполнен деникинцами. Деникинцы пытались захватить всех разведчиков живыми. Но разведчикам помог выбраться из города возчик одного купца Иван Шабанов. Он ехал на своих лошадях и большим железном ходу [повозке] по делам службы. Шабанов... посадил к себе на ход 12 человек и под градом пуль вывез их далеко за город. Но начальник команды Ермил Васильевич Заблочкий с двумя комсомольцами Иваном Ивановичем Гринёвым и Зайцевым не успели добраться к Шабанову и укрылись в одном доме, где рассчитывали пробыть до ночи... Но нашёлся предатель, который выдал их деникинцам. Их долго пытали, мучили, а затем по приказу коменданта города черносотенца помещика Гололобова расстреляли» (Там же. Л. 12).

жение 3-го батальона 1-го Марковского полка и двух эскадронов Черноморского полка вынудило их отступить. При этом конные подрывники белых успели взорвать железнодорожное полотно, а орудийным огнём был подбит и сошёл с рельс бронепоезд «III-й Интернационал». В течение 11–12 (24–25) сентября красные упорно пытались отбить Мармыжи. В ходе этих боёв марковцы совершили внезапный налёт на станцию Долгая, захватив штаб одного из полков 42-й дивизии вместе с его командиром. Одновременно с этими боями 1-й батальон полка при поддержке бронепоезда «Слава Офицеру», которым командовал капитан Харьковцев, развивает наступление на Касторное, через Кшень и ст. Лачиново. При приближении белых находившийся в Кшени отряд под командованием П.И. Мельникова «быстро собрал летучку и двинулся к отступлению на станцию Касторная».

Оставив в Кшени офицерскую роту, Марковский батальон продолжал успешное наступление. Как вспоминает командир касторенских красногвардейцев И.И. Харченко, отступавший вместе с отрядом Мельникова из Кшени, «броневик [белых] мчался следом и преследовал нас до моста большого через реку Олым в сторону Ельца. Броневик бросал снаряды по сторонам, в Касторном была паника среди находившихся здесь тыловых частей. Не доезжая моста, броневик вернулся на станцию Касторная, очевидно, почувствовав, что далеко врезался в части противника»³⁸². Экипажу белого бронепоезда этот рейд не показался столь стремительным — по пути им были захвачены два исправных трёхдюймовых орудия вместе с красными артиллеристами. Погрузить трофеи на поезд было невозможно, и потому орудия следовали своим ходом параллельно движению бронепоезда, пока, наконец, их не передали в руки повстречавшимся всадникам из состава 3-го Конного корпуса Шкуро³⁸³.

Марковцы между тем отрядили две роты (100 штыков) в налёт на станцию Касторная–Старая. «Сопровождавшее броневик офицерство, — вспоминает И.И. Харченко, — на станции вышло и по указанию одного офицера, работника Ст. Оскольского райисполкома, принялось расстреливать... эвакуированных коммунистов, живших тогда на селе. Расстреливали они их кого где поймали»³⁸⁴. Сил для полного овладения Касторным у марковцев, однако, было мало, и они вскоре отступили обратно в Лачиново. Между тем касторенским железнодорожникам удалось испортить пути, в результате чего

382 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 34.

383 Власов А. О бронепоездах Добровольческой армии // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 484–485.

384 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 34.

паровоз бронепоезда сошёл с рельс. На следующий день команде «Славы Офицера» вместе с бойцами корпуса Шкуро пришлось отбивать упорные атаки красной кавалерии, сдержат которую мог лишь «сосредоточенный пулемётный огонь» бронепоезда. В конечном итоге, при поддержке присланного из Курска бронепоезда «Офицер», осаждённых удалось вывести из опасного положения³⁸⁵.

Тем временем марковцы успешно отражали мощные атаки красных на Кшень, Лачиново и Мармыжи. В ходе боя 13 сентября красноармейцы дважды врвались на ст. Мармыжи, но оба раза их натиск сталкивался с упорной обороной белых. В ходе четырёхдневных боёв у Мармыжей 1-й Марковский полк потерял свыше 400 человек убитыми и ранеными. Понесённые потери восполнялись тут же за счёт пленных красноармейцев³⁸⁶. В ночь на 14 сентября Сводно-Стрелковый полк занимает Касторное. Марковские батальоны начинают движение в сторону Ливен, корниловцы развивают наступление в направлении Орла. Части Красной армии

385 События, связанные с рейдом «Славы офицера» и взятием Касторного, подробно излагает в своих воспоминаниях П.С. Тимошенко, боец отряда УТЧК: «27 сентября 1919 г. части Красной Армии вынуждены были отступить от ст. Мармыжи по направлению к ст. Кшень. Когда ст. Кшень стал обстреливать Деникин, а на ст[анции] не было достаточно красных войск и броневика, нам пришлось в 10 час. вечера покинуть Кшень и выехать на ст. Касторная. Утром на другой день в 4 часа утра наш отряд поехал на ст. Лачиново на разведку с агентами УТЧК. Вперёд выслали паровоз во главе с т. О कोरोковым. Разведка не вернулась. Мы взяли второй паровоз с Касторной. В 11 часов утра 28 сентября 1919 г. видим со стороны Кшени показывается бронепоезд под названием «Слава офицеров». Начальник УТЧК послал уничтожить железнодорожный мост между ст. Лачиново и селом. Направили четырёх человек таскать щиты, которые должны были зажечь, а весь отряд грузил дрова и старые шпалы из водокачки ст. Лачиново для топки паровоза. Бронепоезд, видя наши классные вагоны, думал, что это советский бронепоезд, и стал стрелять. Когда загорелся мост, мы направились на ст. Касторная, а бронепоезд по горящему мосту пустился за нами вдогонку. На паровозе во время стрельбы был один машинист без бригады. В помощь этому машинисту начальник УТЧК послал меня, Клементьева и Мельникова. Видя, что мы не отстреливаемся, он [бронепоезд] усиленно нас преследовал. Когда прибыли [на станцию] Касторная-Курская, стрелочник дал нам ход на Восточную. Бронепоезд белых преследовал нас до моста на реке Олым в сторону Ельца, а потом вернулся обратно. Мы прибыли на раз'езд Прокуратово. Белые, когда ворвались в Касторную на бронепоезде, и на обратном пути налетели на эвакуированных и расстреляли коммунистов. А сам бронепаровоз на стрелке около старого депо стоял сошедший с рельс. Сам же бронепоезд был увезён простым паровозом. Часа через четыре красные войска отбили Касторную. Наша УТЧК подняла бронепаровоз, оставленный белыми, прицепила его к своему составу и увезла его в Елец. На другой день 29 сентября Касторная снова была взята белыми» (ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 45-47).

386 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 95.

отходят на север, покидая пределы Курской губернии. Одновременно с этим боевые действия на какое-то время выходят за пределы Курской губернии.

Сокрушительные удары, нанесённые частями ВСЮР силам Красной армии, не прошли даром. Г.К. Орджоникидзе писал 2 (15) октября В.И. Ленину: «Я теперь назначен в Реввоенсовет 14-й армии... Я решил поделиться с Вами теми в высшей степени важными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня. В штабах здешних армий что-то невероятное, граничащее с предательством... В штабах никакого намёка на порядок, штаб фронта — это балаган... Среди частей создали настроение, что дело Советской власти проиграно, всё равно ничего не сделаешь... Вообще то, что здесь слышишь и видишь — нечто анекдотическое»³⁸⁷. Пулемётчик 81-го полка 9-й дивизии Г.Г. Шульженко вспоминал отступление до Орла, как «путь горечи и бессилия оказать должное сопротивление обнаглевшему врагу. По дорогам брели разрозненные группы и отдельные бойцы, представлявшие в прошлом свои части, шли отдельно, самостоятельно. Днём к остаткам нашего батальона присоединялись отдельные бойцы и даже целые группы. Но ночью они бесследно куда-то исчезали. И так изо дня в день на протяжении всего пути»³⁸⁸.

Командирам и комиссарам пришлось приложить немало усилий, чтобы переломить сложившееся в войсках настроение и, в конечном итоге, перехватить инициативу у стремительно продвигающегося к Москве противника.

4. Губерния под властью белой администрации

Белый режим в Курске. Как свидетельствуют мемуаристы, внешнее течение жизни в городах, занятых Добровольческой армией, сразу и резко менялось. «Белгород был первым городом на пути Добрармии уже вне пределов бывшей Украины, где с первых дней Советской власти царствовал её произвол и «строительство новой жизни», — вспоминает В.Е. Павлов. — Поэтому понятна радость, с которой встретили армию. Конечно, у части населения было сомнение в полноте благ, которые принесли с собой освободители; тут сказывалось и влияние пропаганды большевиков. Но всякие

387 Козловский М. Разгром армии Деникина // Прошлое Курской области. — Курск, 1940. — С. 134.

388 Шульженко Г. Г. Воспоминания. — Курск, 1965 (рукопись). Л. 2.

сомнения быстро исчезли под влиянием самой жизни. Большевики трубили о дарованных ими свободе, равенстве и пр., которые якобы хотят отнять белые, а жизнь при них замирала. Пришли белые, принесли освобождение от большевиков, от их «свободы», и жизнь воскресла. На 2–3 день это стало всем совершенно очевидно. Базары, лавки полны продуктами первой необходимости. Скверный хлеб, который при красных стоил 27 руб. фунт, исчез и появился белый по цене 3 рубля... Вопросы о продовольствии больше не было: крестьяне спокойно и свободно везли в город продавать свои продукты. Жители занялись своими делами без всякого с чьей бы то ни было стороны вмешательства. Свобода и безопасность передвижения — полная. В город стали возвращаться жители, которые его покинули по причинам недостатка продуктов, страха за жизнь и здоровье детей, боязни репрессий и насилий со стороны большевиков»³⁸⁹. Марковцу В.Е. Павлову вторит и корниловец М.Н. Левитов: «Маленький, пыльный уездный Белгород зажил шумной жизнью. Весёлая, оживлённая толпа на улицах, открывающиеся магазины и кафе, всеобщее приподнятое настроение»³⁹⁰. Анало-

389 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 43–44.

390 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 250.

Об этом же свидетельствует и Г.Ф. Пронин, в мемуарах которого содержится описание выпускного вечера, устроенного в белгородской женской гимназии вскоре после освобождения города:

«Белгород, занятый белыми, с продвижением линии фронта к северу быстро оправлялся от придавившего его тяжёлого большевистского гнёта. Жизнь отходила и спокойно налаживалась. В женской гимназии было решено устроить выпускной вечер старшего класса. Учащаяся молодёжь, входившая в состав команды бронепоезда «Офицер» — а её было немало, — получила с согласия командира приглашение на этот вечер... Гимназистки — хозяйки вечера — радостно приветствовали военную молодёжь, уже успевших окрепнуть, загореть и возмужать в последние месяцы войны... Свет, лившийся сверху, особенно оттенял чёрные траурные погоны марковцев, угольно-чёрные с белыми звёздочками и просветами, отчётливо выделяли корниловские нарукавные нашивки и у всех на левой руке, чуть выше локтя, маленький трёхцветный угол — символ России, её национальных цветов... Играл военный оркестр — марковские траурные трубачи в белых рубашках с чёрными погонами и под трубами с чёрными же подвесными штандартами, обшитыми серебряным галуном, — неизбывное впечатление строгости, стройности, силы... и обречённости... Вечер в белгородской женской гимназии, с которого молодёжь направлялась прямо на позиции в свои части, расположенные на подступах к Белгороду, был внешне обыкновенным гимназическим балом, но он таил в себе вспышки долга и совести перед лицом ежeminутной смерти, зарницами метавшиеся в душах его участников» (Пронин Г.Ф. Бронепоезд «Офицер». — СПб., 2006. — С. 10–12).

гичные замечания относятся не только к уездному Белгороду, но и к губернскому Курску³⁹¹.

С приходом белых повсюду восстанавливались старые органы власти и самоуправления. 18 сентября (1 октября) состоялось открытие Курской уездной земской управы, созданной на правах земского собрания. Возобновила свою деятельность и городская земская управа. В честь этого в здании городской управы при большом стечении народа был даже отслужен благодарственный молебен, на котором присутствовали командир 1-го Армейского корпуса генерал А.П. Кутепов, губернатор А.А. Римский-Корсаков и начальник государственной стражи полковник Осетров. Как отмечали очевидцы, «молебен носил весьма торжественный характер». Тогда же выяснилось, что из 39 гласных уездной управы двое взяты красными в заложники (дворяне В.Н. Жердев и Н.Н. Шпанов), а трое — «замучены большевиками» (дворяне Н.А. Офросимов, П.А. Кругликов и крестьянин Н.М. Переверзев). Из 29 городских гласных жертвами красного террора стали двое — И.П. Сапунов и В.С. Коротков³⁹².

Несмотря на обстановку военного времени, земство вернулось к исполнению своих привычных обязанностей. На заседании уездной управы 28 сентября (11 октября) было рассмотрено положение дел в области народного образования. Гласные пришли к выводу, что «число школьных комплектов, действовавших во время советской власти, значительно превосходит число комплектов, во-

391 Воспоминания о жизни и быте того периода в мемуарной литературе довольно скудны. Специально пребыванию Курска под властью денкинской администрации посвящены неопубликованные беллетризованные мемуары Исаия Борисовича Казацкого «Два месяца» (КОКМ 32685). Автор является младшим братом курского комиссара финансов Самуила Борисовича Казацкого, памяти которого и посвятил свою работу. Основу рукописи составили заметки, сделанные И.Б. Казацким в 1926 г. — «маленькие кусочки событий конца 1919 года, увиденные глазами двенадцатилетнего мальчика». К сожалению, эти записки оказались дважды переработаны — в 1956 г., а затем в 1962 г. Первоначальное изложение показалось автору «протокольно-сухим и скучным», а потому он «выправил кое-где, выбросил кое-что и дополнил фактическим материалом, не осмысленным в двенадцать лет». В результате фактическая сторона событий оказалась погребена среди трескучих беллетризованных описаний «разгула белогвардейщины». Целью автора, к сожалению, являлось не столько стремление передать свои детские воспоминания, сколько «отразить свирепую физиономию умирающего класса, злобную морду издыхающего хищника в одной из его очередных и безнадежных попыток реставрировать буржуазно-помещичий строй в нашей стране» (л. 2). Тем не менее текст воспоминаний содержит ряд интересных наблюдений и бытовых зарисовок.

392 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 2. Д. 1. Л. 15-15об, 18-18об. Владимир Сергеевич Коротков был расстрелян в Орле.

шедших в утверждённую Министерством Народного Просвещения школьную сеть по Курскому уезду и что на содержание их, а также открытых большевиками дошкольных и внешкольных учреждений потребуются огромные средства». В связи с этим было решено закрыть школьные, внешкольные и дошкольные учреждения, открытые Советской властью сверх утверждённой министерством школьной сети. Однако тогда же было решено «открыть шесть новых школьных комплектов, вызываемых необходимостью — увеличением количества детей школьного возраста», а также создать 30 школ для взрослых (по две на каждую из 15 волостей уезда) и преобразовать Красниково–Котовецкую двухклассную школу в четырёхклассную гимназию³⁹³.

Вновь открылись старые учебные заведения. С.А. Шафранов с неудовольствием вспоминал: «Всё» было быстро восстановлено. Большинство моих товарищей поступили в третий класс гимназии и зубрили латынь, которую преподавал сам директор–генерал. В силу ряда причин я отстал и пытался преодолеть за пару ночей спряжения латинских глаголов, пройденные ими в течение немногих недель существования гимназии»³⁹⁴. Вновь открылись две женские гимназии, причём плата за обучение в них составляла 400 рублей в год, что сопоставимо со стоимостью пуда пшеничной муки — от 300 до 600 рублей. Было восстановлено и городское реальное училище³⁹⁵. Курское отделение Русского музыкального общества открыло в городе приём учащихся по классу фортепьяно, пения, теории и сольфеджио³⁹⁶.

При вступлении в город войск Вооружённых сил на Юге России церковнослужители встретили их крестным ходом в Ямской слободе³⁹⁷, а затем от имени духовенства А.И. Деникину была направлена приветственная телеграмма. Гражданская администрация ВСЮР, в свою очередь, возвращала церкви некоторые административные функции, ранее изъятые из ее ведения, и конфискованное имущество. Церквям возвращались метрические книги³⁹⁸, содержащие акты записей гражданского состояния.

Но поддержка белых со стороны большей части церковнослужителей была скорее пассивной. Духовенство не стало активно

393 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 2. Д. 1. Л. 9-9об.

394 ГАКО. Ф. Р-970. Оп. 2. Д. 19. Л. 22.

395 Курские вести. 1919. 3 октября.

396 Курские вести. 1919. 12 октября.

397 *Солнышко Ю.* Курское духовенство на службе помещиков капиталистов // Антирелигиозный сборник. — Курск, 1940. — С. 41.

398 ГАКО. Ф. 750. Оп. 1. Д. 24. Л. 17.

включаться в политическую борьбу. Так, глава новой гражданской администрации Курской губернии губернатор А.А. Римский-Корсаков, проведя обследование политического настроения священнослужителей, в обращении к протопресвитеру Армии и Флота Г. Шавельскому 16/29 сентября 1919 г. отмечал, что необходимо поднять религиозное настроение в Курске, для чего считал желательным прислать в город талантливых проповедников. Местное же духовенство, по мнению Римского-Корсакова, было не в состоянии этого сделать, ибо «не оправилось после двухлетнего гнета большевиков»³⁹⁹.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые представители духовенства помогали властям вести вербовку населения в Вооруженные силы на Юге России и организовывали сборы средств для Добармии⁴⁰⁰.

Но в целом сбор средств на нужды армии был развёрнут в Курске не только и не столько силами церкви. Через газету «Вечернее время», издаваемую Борисом Сувориным, «группа рядовых граждан Курска» обратилась к землякам с воззванием: «Граждане! Ведь и теперь мы видим у кинематографов «хвосты» людей, торопящихся ведь не получить, а внести в их кассы свои деньги, и не за хлеб насущный, а за коротенькое развлечение. Так неужели же для великой цели спасения Родины, и вместе с тем, самих себя, мы, куряне, не вырастем в сознании долга нашего настолько, чтобы образовались из нас в эти дни красивейшие в моральном смысле «хвосты» у мест, принимающих тёплые одежду и бельё и денежные жертвы для нужд творящей великое дело возрождения России Добармии?»⁴⁰¹ К 6 ноября (24 октября) на нужды армии было уже собрано 9 030 рублей, а на постройку бронепоезда «Курянин» — 5303 рублей. Особенно отличились в деле пожертвования средств Поляков, Ковалёв, Трусов и Ланин. Сдав по тысяче рублей на нужды армии и по тысяче на бронепоезд, они внесли ещё по столько же на нужды раненых⁴⁰².

Участвовали в сборе пожертвований и органы местного самоуправления. В семь часов вечера 11 (24) октября председатель уездной земской управы П.П. Шевелев был приглашён в канцелярию военного коменданта Курска, полковника Святополк-Мирского.

399 *Кандидов Б.П.* Церковь и гражданская война на юге (Материалы к истории религиозной контрреволюции в годы гражданской войны). — М., 1931. — С. 214.

400 *Солнышко Ю.* Курское духовенство на службе помещиков капиталистов // *Антирелигиозный сборник*. — Курск, 1940. — С. 41.

401 *Вечернее время*. 1919. № 21, 24 октября (6 ноября).

402 Там же.

В ходе состоявшейся беседы было обсуждено тяжёлое положение лазаретов для раненых. На следующий день, собрав заседание управы, П.П. Шевелев передал им слова коменданта: «Тяжело раненые в последних боях под Орлом воины доставляются в г. Курск, и число их с каждым днём увеличивается, а между тем помещение лазарета, за отсутствием дров, не отапливается, в окна стёкла не вставлены, нет продовольствия для больных, нет вообще многого необходимого. Служащие, не получающие жалованья, на свои средства поддерживают полуголодное существование раненых. Г. Комендант считает, что такое положение является недопустимым, просит присутствующих немедленно обсудить этот вопрос и помнить, что г. Курск и его население обязаны своим спасением тем героям, которые в настоящее время голодают». Гласные уездной управы единогласно решили сделать подписку и собрать деньги для госпиталя не позднее 12 часов 12 октября, а представители курских банков обещали предоставить для этой цели уездному и губернскому земствам заём в сто тысяч рублей. Из земских средств на нужды госпиталя было выделено 25 000 рублей⁴⁰³.

Но всего этого для обеспечения войск было недостаточно. Поскольку собственные тыловые службы Добрармии работали явно неудовлетворительно, то во многих случаях приходилось прибегать к «самоснабжению», разлагающе действующему на дисциплину и моральный дух войск. Направленный по линии ЦК КП(б)У для подпольной работы в тылу белых т. Кернер так оценивает состояние системы снабжения Добровольческой армии:

«Снабжение армии в высшей степени хромает. Несомненно, у них нет организационных способностей. И потому при том, сравнительно с нами, обилии продуктов, какое у них имеется, они снабжают армии не особенно лучше, чем мы, а подчас и хуже. Так, табак, спички и бумага у них выдается очень редко, всегда случайно, особенно бумага и спички, офицеры же, наоборот, снабжаются папиросами хорошего сорта. Сахар тоже выдается нерегулярно, порция 6 золотников в день. Но даже хлебом они не особенно снабжают. В течение 22 дней, что я сидел при гауптвахте, только 3 дня выдавали по 3 фунта, и это потому, что в те дни совсем не было горячей пищи. Остальные дни по 1 фунту или по 1,5 фунта. Горячая пища выдается там не лучше, чем у нас, и всегда без крупы, очень часто без соли. Вот один из денкинских абсурдов. Штаб 2-го Дроздовского полка стоял на линии Льгов – Комаричи, а отдел снабжения 2-го Дроздовского полка в Смородню. Уж не знаю,

403 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 2. Д. 1. Л. 21-21об.

чем это они объясняют. Я это объясняю тем, что их чиновники, и военные и гражданские, работают, не заботясь о деле. Собственная нажива, покой — вот о чем они заботятся. Причем взятка — одна из главных двигателей чиновников к повышению.

В этом... положение много хуже, чем при царском режиме. Во время нашего отступления из-под Комаричей в штаб 2-го Дроздовского полка ежедневно приводились пленные и перебежчики по нескольку человек, а то и несколько десятков. Их приводили всегда ободранными, почти голыми и босыми. Это уже как будто законенный обычай деникинской армии: раздевать и обирать всех попавшихся на фронте. Тут играет значение то, что деникинские солдаты вообще скверно одеты, гораздо хуже наших, но, конечно, и то, что мародерство впитывается в деникинскую армию, начиная от солдат и кончая офицерами»⁴⁰⁴.

Ему вторит и корниловец М.А. Критский:

«Солдатами 1-й корпус пополнялся главным образом из пленных красноармейцев, присылал пополнение и тыл. Но команды из тыла приходили почти раздетыми, и во многих запасных частях невозможно было выводить людей на занятия, так как они были босы и без шинелей.

В Курске один командир батареи умолял интенданта, приехавшего из штаба армии, выдать сапоги его солдатам.

— Ведь выпал снег, — говорил командир. — Как же мои люди на босу ногу могут работать при орудиях?

Командиру сапог не выдали, а через несколько дней, когда штаб его корпуса покидал Курск, тот же интендант просил штаб дать ему вагоны для погрузки нескольких тысяч пар обуви. [...] Общая уверенность, что от интенданта ничего не получишь, влекла за собой то, что полки старались обуться и одеться собственными силами. Захватывая у большевиков обозы и склады со всяким имуществом, полки не сдавали свою добычу, а возили ее с собой в обозах или загромождали ею железные дороги. Часть добычи «загонялась» в тылу. У офицеров появлялись большие деньги, начинались кутежи. Слишком соблазнительно было после непрерывных боев и походной жизни в грязи и холоде очутиться в светлых ресторанах, с музыкой, вином и женщинами. Скоро опять ехать на фронт, а тут — хоть день, да мой...»⁴⁰⁵

Несколько характерных случаев в связи с этим приводит в своих воспоминаниях начальник штаба 1-го армейского корпуса ге-

404 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 512–513.

405 *Критский М.А.* Указ. соч. С. 93–94.

нерального штаба генерал-майор Е.И. Доставалов, перешедший позднее на службу Советской власти: «Капитан Ходатский, офицер офицерской роты 3-го Марковского полка, рассказывал мне следующее: «Когда мы вошли в Курск, нам повезло, мы нашли большие склады кожи. Командир офицерской роты немедленно выставил вокруг складов наши караулы. Затем, оставив целыми замки и печати, мы проделали отверстие в стене и всю ночь возили на подводах товар из складов в помещение роты, и к утру три четверти помещения было забито кожами. Затем перед рассветом отверстие в стене было заделано, и склады с целыми замками и печатями были переданы прибывшим из штаба армии комиссиям. Четыре дня подряд в помещении роты шла торговля — продавали спекулянтам товар. Деньги делили на всех. После этого у офицеров появилась масса денег. Шла сильная игра и попойки, во время одной из них сильно избили за что-то ротного командира» ... Поручик Тилинин рассказывал мне другой трагикомический случай. В этом же Курске было захвачено три вагона сахару. Но часть, захватившая сахар, не успела выгрузить его из вагонов до прибытия комиссии, и комиссия, опечатав вагоны, приставила часовых и сама поместилась рядом. Все было страшно огорчены, но выручил один смелый и находчивый офицер. Между ним и начальником караула произошёл короткий разговор: «Дело плохо, надо устранить комиссию. Надёжны ли ваши люди?» «Совершенно, они моей роты». «Тогда необходимо, чтобы после первых же выстрелов, которые раздадутся ночью вблизи, они бежали. После этого я обстреляю вагон с комиссией. Если там кого-нибудь убьём, не беда». «Понял, будет сделано». С наступлением темноты затрещал пулемёт и стражи немедленно бежали. Затем, побросав чемоданы, бежали в полном составе члены комиссии, а к утру сахар исчез из вагонов, перейдя в собственность доблестной части. Председатель комиссии донёс, что ночью большевики сделали на станцию набег»⁴⁰⁶.

Новые власти предпринимали энергичные усилия по упрочению своего положения и обеспечению тыла наступающей армии. Осуществляемые военными жёсткие меры приходились по нраву далеко не всем, даже из числа «буржуев». Подрядчик земельных балластных работ Курской железной дороги Макинс бежал из Курска

406 *Доставалов Е.И.* О белых и белом терроре // Российский архив. — Т. 6. — М., 1995. — С. 683–685; оценивая сообщения Доставалова, следует помнить о том, что отношения между ним и Тимановским всегда оставались довольно напряжёнными. К тому же, вернувшись позднее в Советскую Россию, Доставалов, должен был освещать деятельность бывших соратников соответствующим образом, отбирая для своих мемуаров преимущественно негативный материал.

уже на третий день по занятии его белыми. «20 сентября прибыли с юга два броневика с четырьмя платформами, заполненными солдатами, — вспоминал подрядчик, оказавшись у красных. — Прежде всего они собрали всех рабочих, заявив им, что работа должна производиться с восхода солнца и до его захода, т.е. тогда, когда уже нельзя будет производить путевых работ. В мастерской рабочий день объявлен с 6 часов утра до 6 вечера. Я участвовал в работе по расчистке путей. Режим установлен суровый, за работой никаких разговоров. На каждые 4 человека — по одному казаку с нагайкой. Малейшая оплошность и сразу же раздаётся свист нагайки. Били и за обращение «товарищ». В одном дворе со мной жили две бедные еврейские семьи. В одной шесть человек, в другой три. Все они были убиты, не пощадили даже детей. 22 сентября ко мне явился офицер и приказал поднять руки вверх. Он обыскал меня, нашёл удостоверение с советской печатью, взял из кошелька четыре тысячи керенок себе в карман, разорвал две тысячи советских денег и после этого ударил меня шашкой по голове. После этого я бежал»⁴⁰⁷. Сохранились и другие свидетельства о проводимых военными властями обысках и арестах, сопровождавшихся насилиями⁴⁰⁸.

407 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. — 1919 год. Курск, 1935. — С. 20. Можно предположить, что у подрядчика могли возникнуть и более серьёзные разногласия с новыми властями, наводившими строгий военный порядок, чем просто наличие в кармане советских ассигнаций. Не исключено, что перебравшись к красным, Макинс постарался сгустить краски при описании ужасов белого режима, чтобы выставить себя в более выгодном свете — не как неудачливого «буржуя», а как жертву политических и национальных гонений.

408 Следует отметить, что подобные явления вообще характерны для города, занятого воинскими частями, и красноармейцы, вернувшись в Курск, вели себя не менее грубо. Примером тому может служить жалоба старого партийца, большевика с подпольным стажем П.С. Козликова на имя председателя Губревкома П. Залуцкого. Он писал (орфография оригинала сохраняется): «В слободе Стрелецкой расставлены по квартирам части войск 7-й дивизии и хозяину дома, у которого я квартирую, поставили 4 сестры милосердия и 2 санитары. С первого дня они вели себя не весьма приятно по отношению к хозяйке квартиры, я же ни одного раза не смел вмешиваться в их дела, но вот вышел инцидент такого рода: 14 декабря 1919 г. я, как Вам и местной партии известно, был всегда честным рабочим и тружеником в партии с 1905 г. и по настоящее время остался тем же чем был. Я перенёс на своём жизненном пути во времена Романовщины разные гонения, как тюрьмы, ссылку и т. д. 14 декабря с. г. я был на заседании Губсовнархоза и после окончания заседания возвратился домой, где в это время произошла потрясающая картина над моей семьёй; один из санитаров 7-й дивизии, ворвавшись в мою комнату к моей семье начал забирать стулья и табуретку, моя жена только сказала этому типу: «товарищ, нельзя так делать нахально», он в ответ стал произносить ругательные слова, в роде сволочь, стерва и т.п., но когда моя жена была озлоблена и стала сопротивляться, не давая ему стул и табуретку, т.к. это всё, что составляет мою мебель, этот тип

Как правило, поводом к проведению таких обысков были доносы, получаемые контрразведкой. Характерная история произошла с И.А. Ворониным, бывшим помощником начальника караульной команды при вещевом складе на ст. Полевой. Отступая вместе с другими красноармейцами, он был перехвачен у ст. Букреевка разездом белых, которые всех пленных «разули, раздели наголо», но отпустили по домам. Вернувшись в Курск, И.А. Воронин уже «на другой день пошел работать на станцию». Однако вскоре ему всё же припомнили службу в Красной армии: «мне пришлось идти на работу на ноч[ь] и на этот день пришли ко мне на квартиру отбирать вещи по доказу на меня, что я есть коммунист и... решительно всё позабрали. Шинель, пальто и костюм, солдатские ботинки, 2 пары сапог, бельё, одеяло, простыни что есть всё решительно и моей супруги позабрали всё, даже и чужое, которое отдавали ей шить платье и одежду и всё забрали и я сейчас остался даже не перемену нет белья, а доказал на меня наш квартирант»⁴⁰⁹.

Любопытно, что при проведении подобных обысков дело оканчивалось, как правило, лишь изъятием имущества, изредка арестом подозреваемого, хотя в целом ряде случаев контрразведчики действительно имели дело с настоящими коммунистами. Член РКП(б) В.А. Бочаров, проживавший в сл. Ямской, жаловался позднее органам советской власти на то, как он жестоко пострадал «от белых бандитов проклятых, гулявших во время нашего злонецкого неблагополучного отступления». Во время обыска у него отобрали «что называется до основания всю одежду и обув[ь] и всё женино золото, денжонки несчастные и те забрали, но самое главное швейную машинку принесённую женой в приданное ножная № 1378914 фир. Зингер, за которую нет покою от жены»⁴¹⁰.

привёл немедленно двух вооружённых солдат, из которых один, под командой этого делопроизводителя канцелярии, скомандовал и один солдат ударил мою жену прикладом винтовки в грудь и такой же удар табуреткой по голове, а кроме этого угрожал ей: «застрелю сейчас же и вышвырну из квартиры всё достояние за дверь». Тогда хозяин дома стал говорить им, что мол «товарищи, вам плохо будет», то делопроизводитель также сказал: «Я таких Комиссаров и Коммунистов видел, вот товарищи белая банда, вот у нас на лицо где контрреволюция»... Моя жена много претерпела от белогвардейских банд. Сидела в подвалах 5 дней в одной кофточке [как] искали меня. А теперь от разных прикрьш. У нас тоже есть банды, как показали себя наши тыловые отдельные твари... Я не знаю, как дальше с моей семьёй будет, т.е. с женой, но пока этот случай сильно подействовал на её нервную систему, особенно от удара винтовкой» (ГАКО. Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 26. Л. 66-66об).

409 ГАКО. Ф. Р-2503. Оп.1. Д. 30. Л. 22.

410 ГАКО. Ф. Р-2503. Оп.1. Д. 30. Л. 92. Интересно отметить наличие у коммуниста не только швейной машинки и «денжонок», но и золота.

Хуже пришлось жителю слободы Пушкарной Г.А. Разинькову. В своём заявлении о возмещении понесённого при белых ущерба он пишет: «Вскоре после занятия г. Курска белыми, контрразведкой их начались розыски коммунистов и ограбление их квартир, какая-то часть постигла и мой дом... в который заходил мой брат, видный коммунист, ввиду чего мой дом подвергся тщательному обыску и так как при этом была найдена типографская машинка, то белые без зазрения совести брали положительно всё, что было не только в доме, но и вне его, а именно: почти всю обстановку, деньги 5 000 руб., одежду мою и женину, лошадь с поводком и жеребёнком, 3 воза сена, 5 копен хлеба, столько же гречихи, 2 копны овса, 3 воза вики, после чего я с женой был арестован и посажен в тюрьму, где просидел около 2-х месяцев»⁴¹¹.

Тяжело пришлось семейству бежавшего комиссара С.Б. Казацкого. Спрятанный его поначалу в церковном подвале сторож Авиллов уже на другой день попросил их покинуть убежище. После этого семья на время укрылась на сеновале соседа железнодорожного служащего Терентия Храмцова, а затем разошлась в разные концы города по знакомым. Исая Казацкий, его мать и сестра Аня направились к Аниной учительнице Юлии Александровне Чекановой, жившей на ул. Чикинской напротив летнего сада «Ливадия».

«В то тревожное время не всякий осмеливался скрывать у себя членов семьи коммуниста. Тем более приятной неожиданностью был для нас тёплый приём, оказанный хозяйкой... Юлия Александровна не скрывала, однако, своих опасений относительно подозрительных соседей и болтливой домработницы, которых надо было остерегаться. Главным же неудобством для неё была необходимость скрывать нас... от собственного мужа, бывшего царского чиновника судебного ведомства, а теперь служащего деникинской военной прокуратуры... Хозяйка устроила нас на чердаке, куда и сама поднималась незаметно, соблюдая меры предосторожности... В её обществе провели мы целый день. Вместе строили планы относительно отца и сестёр. Вместе с ней чутко прислушивались к отдалённым звукам бравого марша и крикам «ура», долетавшим сюда с парада деникинцев, торжествовавших победу»⁴¹².

411 ГАКО. Ф. Р-2503. Оп. 1. Д. 30. Л. 88. Тем не менее, брат коммуниста, хранивший типографский станок, не был расстрелян и, похоже, был даже освобождён из тюрьмы ещё при белых.

412 *Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 28-29. Любопытно, что скрывая Казаких от мужа, Ю.А. Чеканова не скрывал их от своего брата-офицера, бывшего военсеца Красной армии. Это был, согласно мемуаристу, «типичный представитель старой русской интеллигенции, выходец из низов, он ценой невероят-

Спустя несколько дней семья Казацких вернулась в свою квартиру, где отец вернулся к портновскому ремеслу, обшивая офицеров. Квартиру периодически обыскивали, за ней было установлено наблюдение. Прошли обыски и аресты в домах, где жили знакомые Казацких — Гринтухи, Фризманы, Симоновы. Контрразведка полагала, что бежавший комиссар финансов укрыл где-то «награбленное золото». В конечном итоге Б.М. Казацкий был арестован. Но и после этого квартира продолжала подвергаться неожиданным нашествиям:

«С облаком морозного пара первым врывается в дом громадный детина в белом полушубке. За ним вваливается второй, в короткой английской шинели и больших валенках, который едва переступив порог зажигает спичку и прикуривает. На секунду спичка в сложенных веером руках освещает папироску, зажатую тонкими губами, светлую холёную бородку и чёрно-красные корниловские погоны. Третий, в череске и лохматой папахе, тщательно закрывает за собой дверь и быстро проходит вперёд, направляясь в сторону кухни. Двое проходят в комнату... Стягивая тесный полушубок, первый мимоходом командует маме: «Ставь самовар!», другой не спеша растёгивает шинель, зябко потирает замёрзшие руки и по-хозяйски поправляет копящий фитилёк... Прервав тягостное молчание, мама решается, наконец, спросить, зачем они пришли так поздно и что им нужно от нас. «Как зачем? Чай пить пришли. Я же велел тебе ставить самовар»... Ссылаясь на позднее время, мама просит оставить нас в покое и прийти завтра, но они, не обращая на неё внимания, спокойно разворачивают свёртки с закуской и распола-

ных усилий получил в придачу к образованию военного инженера офицерский чин... Революцию он встретил, как торжество справедливости, и в числе многих военспецов добросовестно служил Советской власти. Всё же постоянное общение с антисоветски настроенным шурином внушало ему мучительные сомнения в правильности избранного пути... Убедённый, что поступает как истинно-русский патриот, он стал перебежчиком... В то время переход на сторону врага бывших царских офицеров, служивших в Красной армии, был массовым и обычным и белогвардейцы охотно принимали их к себе на службу» (Там же. Л. 30).

История эта имела весьма показательный эпилог: «Лет через десять Юлия Александровна разыскала нас в Москве, куда она приехала ходатайствовать за мужа, арестованного Советскими органами. Она обратилась к Самуилу (работавшему тогда в Наркомфине) с просьбой подтвердить, что его мать, брат и сестра скрывались от преследований денкинцев в доме Чекановых. Зная, что Юл. Ал. скрывала нас не только от Контрразведки, но и от своего мужа, он от-казал ей в этом» (Там же. Л. 31). Весьма показательный поступок для «кристально чистого человека и коммуниста», как называет своего старшего брата Исай Казацкий! Самому Самуилу Борисовичу оставалось жить ещё десять лет.

гаются за столом, как у себя дома. Пока бандиты звучно жевали и насыщались, глотали горячий чай, мама незаметно проскочила во двор... Насытившись и рыгая, бандиты принялись рассказывать по квартире, освещая спичками каждый уголок... с усиленной энергией быстро и ловко шарить в шкафу и подушках, в надежде хоть чем-либо поживиться. За этим занятием застала их мама, вернувшаяся в сопровождении двух стражников из деникинской полиции... «Кто такие? В чём дело?» — развязно спрашивает один из грабителей, в то время как другой спокойно продолжал рыться в шкафу. «Так что мы от господина пристава. Приказано узнать, что требуется их высокоблагородиям». «Вот как? Жаловаться?.. Ступайте, братцы, обратно. Скажите, что господа офицеры прибыли с фронта, зашли чайку попить. Думали, что попали к своим, к русским людям, а тут видите, жида, сопротивляются, жаловаться бегают»... Стражники ушли, а бандиты, угрожая оружием, поспешно приступили к вымогательству: «Ну, живо, не задерживай! Давай деньги! Давай ценности!»... Неожиданно вновь появились те же стражники, но уже вооружённые винтовками, с категорическим приказом пристава: «Господам офицерам ночью не беспокоить жителей... возле управления стражи». Великодушие, проявленное к нам деникинской администрацией, и смысл приказа пристава поняли бандиты без пояснений — им попросту рекомендовали уйти в другое место, куда-нибудь подальше от городской стражи»⁴¹³.

Жертвой системы «самоснабжения», завуалированной под обыски, могли стать отнюдь не только одни коммунисты. Об этом свидетельствует трагикомическая история, произошедшая с домочадцами А.Л. Ратиева:

«Возвратившись домой, узнаю, что у нас в доме был обыск.

— По чьему распоряжению? Кто они и что искали?

— Сперва сказали нам, что ищут укрытое оружие. Прошли по комнатам, осмотрели их, спросили, кто живёт, чем занимается, кто мужчины. Было их трое, и все такие молодые, почти мальчики.

Кто их послал — спросить не догадались. Просто неловко было. Открыл один из них комод, начал бельё перебирать, как раз у вас

413 *Казачий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 57–60. Чтобы избавиться от ночных налётов, семья берёт на постой офицера-чеченца прапорщика Пшизова:

«Проживая у нас, Пшизов, как правоверный мусульманин, твёрдо придерживался закона гостеприимства: сам не обижал и другим не давал нас в обиду... Пшизов часто зазывал меня в свою комнатку, поил чаем с леденцами и даже разрешил играть кинжалом и шашкой. О себе он рассказал, что жил в Грозном, где научился русскому языку, и что его старший брат Мосса, работавший на нефтепромыслах, сражается теперь на стороне красных в кавалерии Будённого» (Там же. Л. 60).

в мужской комнате. Увидел твой свитер, отложил в сторону, потом снова в руках его помял. Другой начал рубашку рассматривать, и все трое один около другого топчутся, а сказать ничего не решаются.

— Не выдержала я, — рассказывает Соня. — Мальчики, — говорю им, — оружия у нас не найдёте, а если что надо вам, что взять хотите, лучше скажите прямо, сами вам дадим с радостью.

Надо было видеть, как они вдруг смутились. Один другого толкают:

— Серёжка, Ванька, оставьте, идём дальше! — торопит их повидимому инициатор, — нечего тут канителиться.

А у самых дверей, у выхода, останавливает их Вера, спрашивает:

— Скажите, мальчики, вы не голодны, а то, может быть, чаем вас угостить?

— А у вас чай с чем, — не выдержав, спрашивает самый млажаый из них, — с вареньем?

— Нет, варенья, к сожалению, у нас давно нет, а вот коржичками угостить можем.

Без дальних слов вся компания налётчиков садится за стол и отдаёт дань и чаю, и коржикам, и своему молодому аппетиту. После чая, чудесно преобразившись в настоящих благовоспитанных мальчиков, все трое, чинно поблагодарив за угощение и извинившись за беспокойство, ничего не взяв из вещей, уходят. Очевидно, это был их первый, не совсем удачный дебют. Остатки мирного семейного бытия ещё не успели их покинуть. Надолго ли?»⁴¹⁴

Однако режим, установленный белыми, несмотря на «самоснабжение», несмотря на все ограничительные постановления военных и гражданских властей, отнюдь не представлял собой сплошного царства террора. Город жил своей повседневной жизнью. Уже на второй день после смены власти «открылись магазины, базар наполнился продуктами и жизнь забила ключом»⁴¹⁵. Вначале большая часть торговцев была приезжими из южных губерний, но к началу октября их стали вытеснять местные купцы. Цены на большинство продуктов долгое время держались стабильными⁴¹⁶. Однако тут возникли новые проблемы. «Продуктов на рынке было теперь в изобилии — с Украины белые привезли обозы с мукой, зерном, овощами, — вспоминает М.В. Стрелкова (Баранищева). — Но купить всё можно было лишь на «николаевские» рубли или за золото. Ни того, ни другого дома у нас после похорон отца не осталось. Мать, мел-

414 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 335.

415 *Серафим, архиепископ*. Одигитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные ведомости. — 1995. — № 7–8 (55–56). — С. 5.

416 Курские вести. 1919. 3 октября.

кая торговка, ходила по соседям, меняла вещи. А часто просто выпрашивала на прожитье. И таких бедолаг в Ямской было немало... Моя мать и соседки, так много ругавшие советскую власть, присмирели. Теперь они потихоньку проклинали белых даже сильнее, чем красных. Говорили о том, что дождались ещё худших времен, что не тех они ожидали для восстановления порядка в городе»⁴¹⁷.

Под иным углом зрения оценивает перемены А.Л. Ратиев: «На второй день после занятия Курска в пекарнях в изобилии появился хлеб — и ржаной, и белый, а на рынке мясо, овощи, молоко, яйца. Удивляет другое: какая сложная, безотказно действующая система должна была существовать, чтобы полностью в течение целого года изолировать город от окружающего изобилия»⁴¹⁸.

Как и в мирное время, в городе работали кинотеатры: в «Мире» шла американская картина «Туннель», в театре «Чары» давали «Ледяное сердце» в сопровождении струнного оркестра; открывались ресторан-кафе и кондитерская в доме Левашкевича на Московской («лучшая кухня, первоклассный буфет»), гостиница «Древняя Русь» на углу Херсонской и Ендовищенской («первоклассный ресторан, образцовая кухня и кабинеты»). В городе выходили газеты, издаваемые видными журналистами Б.А. Сувориным («Вечернее время») и В.В. Шульгиным («Россия»).

Вместе с приметами прежней жизни вернулось в город даже старое время — петроградское вместо введённого большевиками московского. Именно с 10 по 12 часов петроградского времени принимал по делам службы в штабе 1-го Армейского корпуса в здании Дворянского собрания генерал А.П. Кутепов, как о том говорилось в газетном объявлении.

Начались работы по разборке укреплений, возведённых красными на подступах к городу. Приказ об этом был издан 16 (29) сентября. Зарывать окопы и разбирать проволочные заграждения на «Южной Курской позиции» должен был дорожный отряд инженера Уейского. Было также предложено привлечь к этому крестьян окрестных сёл (Зорино и Тарусовка (Панино) Рышковской волости, Амосово Рождественской волости). Подразумевалось, что «полученный от разборки сети и блиндажей материал» будет безвозмездно передан крестьянам в качестве награды за их труды. Однако материал начали свозить в волостные правления, и крестьяне, потеряв интерес, перестали являться на работы. Тем временем начались дожди, и военные вынуждены были обратиться к начальнику Курского уезда с прось-

417 Курский край. Альманах № 1. Сподохи Гражданской войны. — Курск, 1998. — С. 55.

418 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 344.

бой «привлечения крестьян указанных волостей для возможно скорейшей ликвидации большевистских окопов»⁴¹⁹.

В Курске, как в других занятых белыми городах, принимались меры к пополнению поредевших частей Добармии. Очевидцы вспоминают, что «в Курске, не в пример Харькову, в Добровольческую армию записывались горожане»⁴²⁰, некоторых из которых ожидала гибель уже в ближайшем будущем. Так, уже 23 сентября в бою под Воробьевкой погиб вольноопределяющийся Игорь Данилевский, конный разведчик 1-го ударного Корниловского полка, проживавший в Курске у Московских ворот на Подвальной, 6. Останки его были доставлены в город и торжественно погребены 25 октября на Никитском кладбище⁴²¹.

О подобном случае сохранились воспоминания и самого А.П. Кутепова: «Когда мы заняли Курск, многие приходили и записывались в части. Был большой подъем. В Корниловский полк пришел мальчик, гимназист лет 15, и настоял, чтобы его приняли. Вскоре он был убит... Мы уже отступали, когда ко мне пришел незнакомый старик, весь заплаканный, и молча подал мне книгу. «Что это?» — спросил я. «Пришли вы к нам в Курск, и ушел с вами мой мальчик. А уходя из дому, он попросил мать, чтобы, если его убьют, она отдала эту книгу генералу Кутепову... И вот я вам принес, исполняя его волю. Это первая книга, которую ему подарила мать...» Я принял подарок. Открыл книгу — это были рассказы о походах и подвигах Суворова...»⁴²²

О пополнении частей кадровыми военными свидетельствуют и воспоминания корниловца М.А. Критского: «Пополнялся и офицерский состав. Офицеры или перебежали из Красной армии, или же сдавались во время боев при всяком удобном случае. Охотно шли к добровольцам на регистрацию и те офицеры, которые все время скрывались от большевиков. Всех таких офицеров добровольцы называли «трофеями». Эти «трофеи» являлись в Белую армию смущенными, но с искренним желанием искупить свои вольные или невольные грехи перед нею. Это настроение бывших офицеров быстро угасало. По распоряжению высшего начальства, они должны были проходить через реабилитационные комиссии.

— А там, — говорили офицеры, — нас встречали мордой об стол.

Дождаясь для реабилитации своей очереди по два, по три месяца, офицеры сидели в больших городах без жалования и сильно

419 ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 155. Л. 66-67.

420 *Критский М.А.* Указ. соч. С. 92.

421 *Курские вести*, 1919, 12 (25) октября. (Подвальная — с 1925 г. ул. Павлова).

422 *Критский М.А.* Указ. соч. С. 48.

нуждались. Им приходилось заниматься спекуляций или пристраиваться в тылу.

Штаб генерала Кутепова с перебежавшими или пленными офицерами поступал так. После краткого опроса офицеру предлагали на выбор любой полк 1-го корпуса. В этом полку офицера зачисляли в офицерскую роту, где во время боев и происходила его реабилитация. Такие офицерские роты были гордостью полков»⁴²³.

Каким образом подчас встречались подобные «трофеи» иными офицерами, ярко отражено в воспоминаниях А.Л. Ратиева, который сам некоторое время был вынужден служить в рядах Красной армии.

«В дверях комендатуры появляется новая фигура военного. Слышна команда: «Бывшие офицеры, стройся!» Человек 50 выходит на середину улицы, и постепенно их шеренга вытягивается вдоль трамвайных рельс. «А ну, большевички, подтянись!» — поощряет молодой командир офицеров. «Стать, как полагается в строю! Тебе говорю, растяпа, слышишь», — обращается он на «ты» к одному из них и тыкает ему в грудь стеком, который держит в руке. Офицер взволнованно пытается что-то ему объяснить, но этот тип из комендатуры его обрывает и кричит на всю улицу: «Разговаривать в строю! Если ещё слово услышу, изменники, большевики, выпороть прикажу, публично!»⁴²⁴

При столь подозрительном и порой пренебрежительном отношении к «бывшим красным» белые охотно принимали добровольцев из числа молодёжи. В Курске был сформирован 3-й офицерский генерала Маркова полк, а куряне-добровольцыполнили ряды 1-го и 2-го Марковских полков⁴²⁵. Кроме того, 5 (18) октября

423 Там же. С. 92–93.

424 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 333–334.

425 «По взятии Курска туда сразу же из Харькова переехали все части 2-го полка и сразу же получили большое пополнение как офицерами, так и солдатами... Ещё в начале июня в Купьянске было объявлено о формировании не только 2-го, но и 3-го полка... 12 (25) сентября, когда формирование было перенесено в Курск, полк получил большое пополнение мобилизованными и пленными офицерами и солдатами... Кадр полка непрерывно пополнялся возвращающимися по выздоровлению от ран и болезней марковцами... Штаб полка был как-то мало чем связанной с полком единицей. В нём шла своя жизнь, отдалённая от готовящегося к боям полка. Один из чинов штаба, поручик, полунвалид, доброволец-второпоходник, за совершённое им преступление был по приказанию генерала Кутепова расстрелян... В конце сентября полк смотрел генерал Кутепов. Внешний вид был блестящий. Но красоты недостаточно для боя: нужны были пулемёты не на двуколах казённого образца, а на любых тачанках, подводах. Совершенно отсутствовала хотя бы маленькая команда ординарцев-разведчиков» (Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию — Т. II. — Париж, 1964. — С. 99, 115–117).

приказом командира 1-го Армейского корпуса № 283 была объявлена мобилизация офицеров в возрасте до 50 лет и «лиц, занимающихся хлебопашеством» 1895–1898 г. рождения⁴²⁶. Были в Курске восстановлены и ячейки бывших полков Императорской армии – 173-го Каменецкого и 174-го Роменского. Со временем они должны были стать ядром для полного воссоздания этих полков⁴²⁷. Однако не стоит и преувеличивать энтузиазма курян. Леонид Иванов (архиепископ Серафим) вспоминал, что «на мобилизацию откликнулось мало не только солдат, но и офицеров, которых в Курске, говорят, оставалось до 5 000. Только зелёная молодёжь вступила в ряды белых бойцов»⁴²⁸. Из этой «зелёной молодёжи», из курских гимназистов, была сформирована пулемётная команда подпоручика С.А. Сергеева в составе 3-й батареи артиллерийской генерала Маркова бригады⁴²⁹. Около 20 молодых курян, в том числе и А.Л. Ратиев, пополнили ряды команды конных разведчиков поручика Слюза 1-й запасной батареи 1-й Марковской артиллерийской бригады под командованием капитана Масленникова⁴³⁰.

Подобная работа проводилась и в других уездах губернии. Например, согласно отзывам новооскольского чекиста З.Т. Ерёмкина, «великомихайловские люди – плохие люди, [они] организовали целый полк добровольцев, которые перешли на сторону Деникина... во время пребывания здесь белых михайловские люди организовали полк и устроили митинг. Торговец Бондарев с двумя своими сыновьями организовал этот митинг и призывал всех людей поступать добровольно к белым. По его призыву организовалось примерно с полк людей и ушло добровольно к белым»⁴³¹.

Дело не ограничивалось набором добровольцев. Уже упоминавшийся красный разведчик Кернер в своём ценном докладе сообщает и о системе комплектования пополнений у белых:

«1. Мобилизация, особенно по деревням, решительно не удалась нигде, к призыву являлся ничтожный процент, большей частью больные, но и их забирали, и те дезертировали при первой возможности.

426 Явка призывных 1918–1919 г. рождения была назначена на 15 (28) октября, 1916–1917 г. рождения – на 16 (29) октября, 1913–1915 г. рождения – на 17 (30) октября (ГАКО. Ф. Р-1010. Оп. 1. Д. 152. Л. 7).

427 *Цветков В.Ж.* Добровольческая армия в Центрально-Чернозёмном районе (сентябрь–октябрь 1919 г.) // Армия в истории России. – Курск, 1997. – С. 82–84.

428 *Серафим, архиепископ.* Одигитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные новости ведомости. – 1995. – № 7–8 (55–56). – С. 6.

429 *Ларионов В.А.* Последние юнкера. – М. 1995. – С. 157.

430 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. – Курск, 2007. – С. 341.

431 ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 27. Л. 19–20.

2. Как велико дезертирство, свидетельствует то обстоятельство, что по деревням, самым небольшим, 200–300 дезертиров. Это обычное явление. Специальные отряды ходят по деревням в поисках дезертиров. Забирают отцов и подвергают порке шомполами за сыновей. Пойманных дезертиров обычно порят шомполами, но бывает и расстрел, если близко к фронту. Это рядовые дезертиры.
3. А то есть еще офицеры дезертиры. Все большие города кишмя-кишат офицерами-дезертирами, средними, а то и более высшими чинами. Особенно Харьков и Ростов, которые так [и] называются офицерскими богадельнями. Настроение там со времени отступления из-под Комаричей крайне угнетенно, причем, по моим наблюдениям, офицеры более панически настроены, чем солдаты.

Обучение и выправка солдат – все это копия царского строя. Мне случайно привелось видеть, как обучалась маршевая рота, которая должна была через несколько дней идти на фронт. Все царские замашки офицеров, вплоть до толчков по животу, чтобы не выпячивались, и ударов по рукам, чтобы не торчали, и т.п., целиком сохранились. Солдат должен стоять перед начальством, как палка. Новое здесь только упоминание на каждом шагу, что здесь не красные бандиты. Занятия в маршевых ротах вообще, где почти все пленные красноармейцы или перебежчики, самые тяжелые, и доводят их подчас до белого каления (7–8 часов в сутки занятия)»⁴³².

Многие в городе с радостью встречали известия о новых победах Белой армии. Так, 1 (14) октября во время литургии, которую служил в Знаменском соборе епископ Феофан в честь праздника Покрова Пресвятой Богородицы, пришла весть о взятии Орла. На Красную площадь начало стекаться духовенство и горожане. По окончании службы тут же «при огромном стечении народа был отслужен благодарственный молебен с многолетием Русскому Христолюбивому воинству и его вождям». Сюда прибыли представители власти во главе с губернатором князем А.А. Римским-Корсаковым. Толпа, во главе с епископом Феофаном, неся икону Знамения Божьей Матери, обошла крестным ходом все церкви городского центра⁴³³. Газеты разносили по городу воодушевляющие слухи: «Под натиском доблестных корниловцев красные в панике отходят к Москве. Генерал Май-Маевский заверил, что Рождество

432 Гражданская война на Украине. – Т. 2. – Киев, 1967. – С. 512.

433 Курские вести. 1919. 3 октября.

Добровольческая армия будет праздновать в Москве. Открыта запись добровольцев в кавалерийский полк имени императрицы Елизаветы. Генерал Юденич занял Петроград. Совнарком бежал в Вологду»⁴³⁴.

Однако «короткий душевный подъём вскоре сменился какой-то апатией. Куряне стали уходить в свои норы, в успех Белого движения не хотели верить»⁴³⁵. Как вспоминал В.А. Ларионов, «Курск не походил на Ростов и Новочеркасск. В городе ощущался микроб «советчины» и морального разложения. Страшной заразой были занесены в добровольческие ряды пьянство и кокаин, распространённые среди советских комиссаров. Устраивались вечера с употреблением кокаина при участии курских девушек. В большом зале бывшего «Дворянского собрания», с погружёнными в темноту гостиными, часто бывали балы. Офицеры, находившиеся в Курске, уже не дали боевого элемента в ряды добровольческих полков»⁴³⁶.

Настроение мирных обывателей хорошо показывает содержание одной из бесед между офицерами Марковского полка и горожанами из числа интеллигенции: «В Курске, в семье доктора; все почтенного возраста; рады освобождению; не знают, как благодарить. И в другой культурной же семье, где молодёжь была на красной службе в разных учреждениях, беспокойство. Разговор не вяжется. Конечно, говорят о тяжёлой жизни, а один из членов семьи передал то, что было сказано бывшим генералом, красным начдивом, стоявшим у них на квартире: «Все тяжести жизни в наше время вызваны гражданской войной, и только по окончании её жизнь может войти в норму». Но что же в сущности сказал генерал? Как поняли его эти люди? Он ушёл с красными, следовательно... «Жизнь войдёт в норму лишь с победой белых, и эта победа принесёт и конец войны», — заявили марковцы. Семья молчала»⁴³⁷.

Почти дословно подобный разговор повторился в одной из деревень под Щиграми между офицерами и учителем народной школы. Учитель «энергично и твёрдо» заявил, что большевики «школу и тем более народное образование не ломают, а проводят улучшения... Единственное, что может помешать школьному делу, это междуусобная война. Вообще, она расстроила жизнь всему народу».

434 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. — 1919 год. Курск, 1935. — С. 19.

435 *Серафим, архиепископ.* Одиитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные ведомости. — 1995. — № 7–8 (55–56). — С.6.

436 *Ларионов В.А.* Последние юнкера. — М. 1995. — С. 149.

437 *Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 112.

Было понятно, что виновниками всех бедствий он считает именно белых. Единственное, что могли противопоставить этой убеждённости марковцы, так это заявление: «с войной, ведь, нам-то надо примириться, так как один из тех, кто предсказывал «бурю», висит у вас на стене (М. Горький), а другие вели к ней (Чернышевский, Белинский...)». Учитель больше не отвечал. Офицеры стали болтать с его женой. Морально тяжело чувствовали они себя у этого народного учителя»⁴³⁸.

Политическая пропаганда вообще не была сильным местом в деятельности Добрармии. Секретный агент КП(б)У тов. Кернер со знанием дела отмечал в своём докладе: «Есть там еще «отдел пропаганды». Но пропаганды никакой нет. Они [сотрудники отдела] вообще не способны ни на что. Их не хватает даже на то, чтобы распространить свои газеты на фронте. Там решительно нет газет. 2–3 бездарные картины о страшном суде над большевиками и о геройской доблести Добровольческой армии висят в штабных вагонах, где сидят офицеры. Вот и весь «отдел пропаганды»⁴³⁹.

Слабость белой наглядной агитации в сравнении с «динамично исполненными» советскими плакатами отмечает и А.Л. Ратиев. Маловыразительные и одноцветные портреты Деникина и Колчака не привлекали никакого внимания прохожих. Относительной популярностью пользовался лишь плакат с ярким изображением Троцкого в виде «красного Мефистофеля» с окровавленными руками: «к плакату подходят, иногда улыбаются, иногда одобряют: «А здорово это «они» его расписали — точно кровью напился, дьявол!» — и идут дальше»⁴⁴⁰.

Нельзя отнести к успехам белой пропаганды и попытку «разоблачения красного террора», когда в витринах магазинов были выставлены «мутные фотографии изуродованных трупов, якобы обнаруженных в развалинах сгоревшего дома Губчека на Херсонской улице». По утверждению И.Б. Казацкого, это якобы оказались на самом деле любительские снимки жертв харьковской контрразведки. Их, вроде бы, опознали некие «приезжие из Харькова, где раньше были выставлены эти самые фотографии с той разницей, что там их называли «жертвами Харьковской чрезвычайки»⁴⁴¹.

Более успешно с агитационной точки зрения прошла церемония захоронения жертв красного террора. Некоторые участники

438 Там же. С. 113.

439 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 513–514.

440 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 339.

441 *Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 68.

шествия даже попытались вломиться в тюрьму у Московских ворот, чтобы расправиться с арестованными коммунистами⁴⁴².

В одном из батальонов формируемого 3-го Марковского полка командир на первом же занятии счёл необходимым провести с офицерами беседу, в ходе которой примерами из полковой истории старался пробудить в них сознание долга, «который они, офицеры, теперь призваны и обязаны выполнять». Речь его наглядно продемонстрировала всю слабость пропагандистского мастерства белых. «Господа офицеры! — говорил он. — Мы ведём борьбу с большевиками и не мне объяснять, почему и зачем. Вы лучше меня знаете, что такое большевизм, коммунизм, рабоче-крестьянская власть, «вся власть Советам» и так далее. Вы испытали их! О борьбе могу одно сказать — она должна быть доведена до полной победы. Нас, как армию, должно интересовать, как вести эту борьбу, как достичь победы. Вы знаете, как она ведётся с конца 1917 г. Вы знали, читали, о гибели Корнилова, Маркова, Дроздовского, о смерти Алексея; читали и о победах красных армий и прочее. Но, тем не менее, вот, мы здесь, в Курске. Дело в том, что, как сказал наш шеф, генерал Марков: «И с малыми силами можно делать большие дела», и Добровольческая армия их делала». Однако, когда было предложено задавать вопросы, выяснилось, что новички «не могут постичь высоты духа старых добровольцев». Они скептически выражали уверенность в том, что многочисленной Красной армии может успешно противодействовать лишь такая же мощная сила. Командир завершил дискуссию, заявив: «Господа! От нас требуется решительно победить в себе все колебания и страхи. От офицеров

442 Согласно тенденциозному описанию И.Б. Казацкого, это выглядело следующим образом: «Ясным солнечным днём улицы огласились церковным пением архиерейского хора, сменяемым медногослым рёвом духового оркестра. Медленно плыла похоронная процессия, возглавляемая колонной священников и певчих, сверкающих позолотой риз парадного облачения. Вслед за ними шали покрытые траурными попонами лошади, запряжённые парами в пышные катафалки, на которых возвышались наглухо заколоченные некрашенные гробы. Сияние труб оркестра, цокот копыт почётного эскорта кавалерии, мерное покачивание чадающих кадилиц в руках священников. Словом, здесь было всё, что положено для похоронного шествия высшего разряда. Не было лишь «убитых горем» родных и близких, которых заменяла... буйная ватага подвыпивших хулиганов... Поравнявшись с тюрьмой, толпа хулиганов с криками и свистом ринулась к тяжёлым воротам, пытаясь ворваться в тюрьму и учинить самосуд над заключёнными. Арестованные принялись барабанить в двери камер... Перепуганные солдаты тюремной охраны открыли стрельбу, предусмотренную уставом... и трусливые хулиганы в панике разбежались» (*Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 67).

— без всякого снисхождения!»⁴⁴³ Подобный вывод вряд ли сильно воодушевил большинство его слушателей.

Чувство обречённости явственно просматривается и в статье капитана 1-го Марковского полка Л.П. Большакова, опубликованной в начале октября в курской газете «Россия» — «Те, кто красиво умирают». В ней обрисован романтический образ «томных марковцев», которые «совершают обряд служения неведомой прекрасной Даме — той, чей поцелуй неизбежен, чьи тонкие пальцы рано или поздно коснутся бьющегося сердца, чьё имя — смерть... Смерть не страшна. Смерть не безобразна. Она — прекрасная Дамы, которой посвящено служение и которой должен быть достоин рыцарь. И марковцы достойны своей Дамы: они умирают красиво»⁴⁴⁴. В постскриптуме к статье редакция сообщала, что автор её теперь «уже один из тех, «которые сумели красиво умереть» — капитан Большаков погиб ещё 14 августа в бою под Корочей, застрелившись, чтобы не попасть в плен. Поэтизация «красивой смерти» и героика поражения резко отличались от грубой жизнеутверждающей силы красной пропаганды, призывавшей не рыцарски пасть на поле брани, а поскорее разгромить злого врага, мешающего строить новую, лучшую жизнь.

С фронтов приходили не только победные сводки, но и вести о тяжёлых боях и потерях. Так, 23 октября (5 ноября) в Знаменском соборе состоялась панихида по павшим в бою под Чернавой поручике Б.А. Плотникове и подпоручике С.А. Сергееве — храбром командире курских пулемётчиков-гимназистов⁴⁴⁵. Как вспоминает Л.Г. Иванов (архиепископ Серафим), «уже в середине октября генерал Кутепов дал понять епископу Феофану... что Курск может быть временно оставлен Добрармией, и предложил ему выехать на юг, обещав предоставить перевозочные средства для него и желającego духовенства»⁴⁴⁶. Посовещавшись с духовенством, епископ принял предложение генерала, и утром 31 октября (14 ноября) знаменитая икона покинула Знаменский собор. Зима в тот год наступила рано. Монахи тронулись в путь на санях и сразу же попали в сильнейшую метель: «Идти было очень тяжело. На санях сидел только держащий икону, все остальные должны были идти пешком,

443 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 117.

444 Россия. 1919. 10 октября.

445 Россия. 1919. 23 октября; подробности гибели обоих офицеров см.: Ларионов В.А. Последние юнкера. — М. 1995. — С. 159, 163–164.

446 Серафим, архиепископ. Одигитрия Русского зарубежья // Курские епархиальные ведомости. — 1995. — № 7–8 (55–56). — С. 6.

ибо лошади едва могли тянуть сани с вещами». Икону доставили в Обоянь, оттуда — в Белгород, Таганрог, Ростов, Новороссийск...

Белый террор. Общим местом во всех описаниях белого режима в Курске всегда был рассказ об ужасах «кровавого денкинского террора», начало которому положил еврейский погром 20 сентября: «Через час после занятия города белыми, Ендовищенская и Сосновская улицы, в которых проживало большинство еврейского населения, огласились воплями, призывами о помощи, звоном разбиваемых стёкол. На улицах собирались толпы. Обычно останавливали «подозрительных» по виду людей. Кто-нибудь называл задержанного «комиссаром». Конвоиры отводили таких к коменданту, поместившемуся в бывшей гостинице «Грот». Через несколько минут их вновь уводили за Московские ворота [в тюрьму]»⁴⁴⁷.

Не обошлось и без жертв. При погроме был забит до смерти 16-летний профсоюзный активист комсомолец Иосиф Брахман, живший на улице Красная Линия. Его старший брат-коммунист, Михаил, был директором обувной фабрики и успел эвакуироваться⁴⁴⁸.

Очевидцем описываемых событий невольно стал Александр Ратиев. На углу Херсонской и Ендовищенской улиц его внимание привлекли крики о помощи, которые издавал, высунувшись из окна, «старик с настоящими пейсами». На недоуменный вопрос Ратиева старик отвечал, «не переставая кричать на всю улицу»:

«Да разве они имеют право? Совесть имеют? Мы же их так ждали, так надеялись, а они среди дня в комоды лезут, шкафы открывают. Всё бельё позабрали и моё, и сына. Мы их по-хорошему просим: «Приятели дорогие, ничего не трогайте, не берите, мы же с вами, мы же свои». Даже угостить их хотели. Вот вам наше честное слово! Давно самогон для них припасли. А они своё: «Благодари своего Иегову, что живым тебя оставляем и Розочку твою не тронули». Это же, господин хороший, настоящий разбой, как тогда, при погромах»⁴⁴⁹.

447 Климачев С., Чарский Н. Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 18.

448 Казацкий И.Б. Два месяца (рукопись). Л. 15–17. Вполне вероятно, что с Брахманом свели счёты его соседи из Казацкой слободы. Дело в том, что согласно поручению профсоюза молодой комсомолец занимался проверкой условий труда малолетних учеников в частных мастерских. «Результаты его общественной работы оказались настолько эффективны, что... вскоре неграмотные хозяйчики стали лобаяться своих учеников-грамотеев, которые разоблачали в печати подпольных поставщиков и потребителей ворованного хрома и подошвенной кожи. Всё это происходило не без влияния и личного участия «самого» товарища Брахмана» (Там же. Л. 16).

449 Курские дни князя Саши Ратиева / сост. Ю.В. Донченко. — Курск, 2007. — С. 329.

Пройдя чуть дальше, А.Л. Ратиев едва сам не превратился из очевидца в жертву погрома, столкнувшись с двумя солдатами. Явно приняв потомка грузинских князей за еврея и позарившись на хорошие сапоги, они попытались схватить его. Положение спас спутник Ратиева, Д.П. Ильинский, который решительно вмешался, назвал фамилию и титул своего товарища и предложил немедленно пройти в комендатуру.

Следует, однако, отметить, что командование 1-го армейского корпуса в лице генерала А.П. Кутепова старалось решительно пресекать подобные эксцессы. Известно высказывание Кутепова о том, что «сегодня громят евреев, а завтра те же лица будут громять кого угодно». В интервью репортёру газеты «Руль» Кутепов говорил: «Чтобы искоренить антисемитизм, мне приходилось прибегать к серьёзным мерам. По моему приказанию изымались из обращения погромные листки, антисемитские издания и брошюры. Кто знаком с моей деятельностью, тот хорошо знает, что там, где был я, погромов никогда не было... В Ростове несколько офицеров и солдат стали грабить еврейский квартал, они, по моему приказанию, были повешены»⁴⁵⁰. Судя по всему, произошедший в Курске погром связан с состоянием общей неразберихи, сопровождавшей момент смены власти в городе. Более подобных инцидентов здесь не отмечено.

Опустевшая было тюрьма вновь быстро наполнялась. Уже в первые три дня в городе было арестовано до 500 человек⁴⁵¹. Следует, однако, отметить, что большинство арестованных уже в ближай-

450 *Критский М.А.* Указ. соч. С. 84.

451 С возвращением Советской власти в городе началось ответное преследование лиц, обвиняемых в «пособничестве белогвардейцам», «выдаче коммунистов», «грабеже семей коммунистов» и т.п. В фонде губревкома (ГАКО) сохранились решения Коллегии ГубЧК за период 27 декабря 1919 г. – 6 января 1920 г. Рассматривалось 67 дел, из которых 31 относилось к интересующей нас категории. В результате 19 человек было освобождено «за отсутствием состава преступления», дела 2 человек переданы в Губсовнарсуд, дела 5 человек переданы в Губревтрибунал, 1 дело отправлено на доследование, а 4 человека приговорены к «высшей мере наказания», причём трое из них – с конфискацией имущества. Этими расстрелянными были: Рудаков Филипп Васильевич, владеец усадьбы, 46 лет, уроженец с. Дьяконово, техник-подрядчик по устройству артезианских колодцев; Каноров Николай Иванович, уроженец Мирополья, 45 лет, бывший судья, ранее управляющий хлебопродажным отделом Курского губпродкома; Рудинский Моисей Дионисович, 69 лет, бывший статский советник, судья окружного суда, ранее служащий Курского артиллерийского склада; Ходочинский Бронислав, 25 лет, уроженец д. Блонь Игуменского уезда Минской губернии, служивший в управлении МКВЖД и юристом в Курском госконтроле (ГАКО). Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 7. Л. 154–155, 174–177 об). В полном объёме число курян, пострадавших за сотрудничество с белыми, пока неизвестно.

шее время было освобождено согласно личному распоряжению Н.С. Тимановского⁴⁵². Среди таких освобождённых находился, например, И.Я. Левит, бывший командир заградотряда и боец 2-й отдельной бригады Курского укрепрайона (проживал в доме Новикова на ул. Раздельной, 27). Он был арестован 19 октября «как коммунист и агитатор», но уже 13 ноября освобождён за отсутствием каких-либо улик (документы его были предусмотрительно сожжены его матерью при вступлении в город белых)⁴⁵³. Коммунистку со стажем А.Н. Чурсанову, которая заведовала губернским отделом социального обеспечения, согласно рассказу её дочери, удалось спасти, передав ей в тюрьму нательный крестик: «этого атрибута, обязательного для верующих, по мнению белогвардейцев, не могло быть у большевиков»⁴⁵⁴.

Впрочем, по воспоминаниям И.Б. Казацкого, писавшего о том со слов своего побывавшего в тюрьме отца, история с крестиками имела несколько иной смысл и размах. «Кто-то пустил слух, что все, не имеющие нательных крестов (не исключая татар и евреев), будут изолированы в одиночки, как безбожники-большевики. Слуху поверили, началась паника, которой воспользовались надзиратели, открывшие подпольную торговлю церковной галантереей по баснословным ценам... Большинство заключённых не могло купить себе злополучные крестики, так как деньги у них были ото-

452 За данные сведения автор приносит благодарность В.В. Ракову.

453 ГАКО. Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 7. Л. 16–16об. С приходом красных И.Я. Левит был арестован «по подозрению в шпионаже и дезертирстве» и вынужден оправдываться перед Особым отделом 9-й дивизии.

454 *Манжосов А.Н., Матвеевко М.Н.* Террор белых в Курской губернии // Курский край. Спалохи Гражданской войны. Альманах № 1. — Курск, 1998. — С. 43; в 1937 г. уже никакой крестик не спас Анну Николаевну Чурсанову от рук товарищей по партии.

Иногда репрессии принимали и вовсе трагикомический облик. Согласно воспоминаниям И.Д. Михалеvского (позднее секретаря Курского укома и горкома), его семья при белых «пострадала вдвойне. Во-первых, мать обвиняли в том, что у неё два сына служат комиссарами в Красной Армии, а во-вторых, за оскорбление верховных главнокомандующих Деникина, Юденича и Колчака. Мать лишили прав гражданства. Оскорбление выразилось в том, что у нас была злая маленькая собака с короткой шерстью, которую держали во дворе, звали её Буржуйкой, она оценила три щенка. Маленький мой брат... (ему было 10 лет), ещё до прихода в Курск деникинцев назвал щенят Деникиным, Юденичем и Колчаком. Во время пребывания деникинцев в Курске мальчишки били палками по нашему забору, звали щенят по имени, щенки выбегали и бросались на ребят. Узнав об этом, деникинцы, пьяные офицеры, разграбили и сожгли наше имущество. Мать с маленьким братом вынуждены были скрываться, а собак отнесли далеко к знакомым и держали в сарае» (*Михалеvский И.Д.* Автобиографический очерк. Выступление перед учащимися школы № 12. — Рукопись. Л. 4–5).

браны при аресте... К утру все желающие были «обращены в христианство», для чего пришлось изрезать на кресты ржавую жестяную лампу, срочно добытую с воли. Это сделал выдумщик и мастер на все руки Фридлянд, за которым после этого случая закрепилось прозвище «Иоанн Креститель»⁴⁵⁵.

Число казнённых достоверно установлено не было. Согласно одним сведениям было расстреляно 32 человека⁴⁵⁶; специальная комиссия курского ревкома зафиксировала 29 трупов (из них два женских), собранных в здании бывшей духовной семинарии, к которым позже было добавлено ещё 8 тел «как видно красноармейцев», привезённых «неизвестно откуда»⁴⁵⁷; П.И. Подцувев, лично хо-

455 *Казакский И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 66. Упомянутый тут Фридлянд был задержан «за подозрительную внешность» — при типичной еврейской внешности он был облачён в форму корниловского офицера.

«Больше о нём ничего не было известно, а сам он всячески избегал разговоров о своей личности... Из камеры в камеру ходили нарисованные им колоды карт, а также шахматы и шашки, мастерски вылепленные из хлеба. Как заправский телеграфист он быстро выстукивал целые фразы морзянки, успешно пользуясь ею и обучая заключённых этому искусству связи между камерами. Такое умение приспособливаться и ориентироваться в тюремной обстановке наводило на мысль, что этот человек, ничем не напоминавший преступника, уже побывал в подобных местах. Кое-кто смутно угадывал в нём все данные конспиратора-подпольщика... однако сам Фридлянд ничем не выдавал себя и никак не выражал своих политических взглядов... Он всячески избегал споров на политические темы и это, возможно, помогло ему раньше других выйти на волю и уехать дальше в глубокий денкинский тыл» (Там же. Л. 66–67, 69).

456 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935.— С. 20.

457 ГАКО. Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 27. Л. 7. Из них тела Спесивцева и Пашкова были отданы родственникам, а прочих захоронили в братской могиле на Первомайской площади 29 ноября 1919 г. При осмотре тел по характеру ранений было установлено, что «расстрел производился на весьма близком расстоянии сзади». Колотых ран и следов истязаний обнаружено не было (ГАКО. Ф. Р-2530. Оп. 1. Д. 7. Л. 62).

Расстрел 32 арестованных красочно, с леденящими душу подробностями, описывается И.Б. Казакиным якобы со слов уцелевшего при расстреле стюляра-краснодеревца Стулова. По его словам, тёмной морозной ночью «пьяные казаки, закутанные в бурки и башлыки», погнали заключённых из тюрьмы по Московской, а затем по Херсонской улицам, миновали Херсонские ворота и тюрьму за Херсонскими воротами, а потом всех «загнали в глубокий овраг, где мы долго стояли, сбившись в кучу, в глубоком снегу». Затем им приказали раздеваться. Сгрудившись, раздетые до нижнего белья люди не хотели строиться в шеренгу для расстрела, и тогда «потерявший терпение взбешённый офицер выхватил из кобуры пистолет и стал в упор стрелять в толпу. Это послужило сигналом, за которым последовал нестройный залп из винтовок». Стулов упал, раненый в плечо, незаметно отполз в сторону и зарылся в снег. Оттуда он видел, как казаки, якобы, «торопливо добивали раненых, рукоятками пистолетов выбивали золотые зубы, кинжалами отрубали обмороженные пальцы, с которых не снимались кольца». Потом он сумел уползти «в сторону городских огней» (*Казак-*

ронивший тела убитых, говорит о 23 трупах, снесённых в духовную семинарию (ул. Театральная, 4), и о 18 телах казнённых в Горелом лесу (не считая комиссара Евстафьева и секретаря губревтрибунала «беспартийного юриста фон Агте, зарубленного около своего дома»). Лично занимавшийся сбором тел казнённых П.В. Брок писал, что забрал «11 человек растерзанных» из тюрьмы за Херсонскими воротами, ещё 12 трупов подобрал в двухэтажном здании на Херсонской и ещё 3 тела обнаружил на Покровском базаре — в целом 26 человек⁴⁵⁸. Из этого общего числа казнённых можно назвать 4 чекистов, 9 ответственных советских работников, 3 военнослужащих Красной армии, редактора газеты «Курский край» эсера М.Е. Ливанова. Прочие из погибших — рядовые члены РКП(б) и, возможно, «сочувствующие». Данный список не даёт оснований говорить о широких репрессиях белых против мирного населения⁴⁵⁹.

кий И.Б. Два месяца (рукопись). Л.70–73). Из расстрелянных в тексте называются поимённо лишь двое — Сыреев и «доктор Отто, молодой энергичный врач из австрийских военнопленных».

Этот рассказ противоречит данным освидетельствования трупов и свидетельству П.В. Брока (который, в частности, забрал «11 человек растерзанных» непосредственно из тюрьмы за Херсонскими воротами). Вероятно, «рассказ Стулова» является вымыслом мемуариста, тем более что в нём опять действуют «свирепые казаки» — излюбленное пугало И.Б. Казацкого.

458 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 8.

459 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 42–42об; Курский край. Альманах № 1. Сподохи Гражданской войны. — Курск, 1998. — С. 43–45; здесь же приводятся краткие сведения о 22 из погибших:

Н. А. фон Агте — секретарь Курского ревтрибунала;

З.М. Аспидов — ответственный работник Курского уисполкома;

А.Н. Криволапов — следователь ГубЧК;

К.Я. Отто — сотрудник оперотдела ГубЧК;

Рыбалкин — следователь ЧК;

Смахтин — следователь ЧК;

М.Е. Ливанов — редактор-издатель органа левых эсеров-интернационалистов «Курская жизнь»;

К.Т. Майков — председатель комбеда Зоринской волости;

Б.М. Пашков — работник Курского военкомата;

В.П. Тимофеев — командир 1-го Елецкого полка;

А.К. Уваров — работник земельного отдела Фатежского уисполкома;

Петров — секретарь Стрелецкого волисполкома;

Ф.З. Рышьяк — заместитель председателя Курского союза кожевников;

Н.М. Спесивцев — военный телефонный техник, член РКП(б);

И.М. Сыреев — бывший начальник штаба Волжской красной флотилии, в Курской губернии являлся сотрудником сельхозкоммуны;

С.И. Фёдорова — член РКП(б), дворянка, участница трёх революций, до 1918 г. анархистка, сотрудник ГубОНО, осталась в городе из-за своего малолетнего ребёнка;

Д. Серебриков — работник 78-го военного госпиталя;

Саулит-Виксне — латышская коммунистка.

Все казнённые были расстреляны по приказу военного коменданта города князя Святополк–Мирского накануне сдачи Курска красным. До этого момента, насколько известно, в городе был повешен только один из арестованных – помощник коменданта Революционного военно-полевого трибунала 13-й армии Пётр Майоров (его выдал бывший сотрудник советского губрозыска Дурнев)⁴⁶⁰. «Упрятанный в одиночку смертник Майоров дни и ночи проводил в беседах со священником или за чтением евангелия. Это, однако, ему не помогло, и вскоре он был публично повешен на площади», – сообщает о нём И.Б. Казацкий⁴⁶¹.

В других городах губернии расстрелы арестованных коммунистов также производились, как правило, накануне ухода из них белых и ни в одном случае не достигают числа жертв «красного террора».

В Обояни 15 ноября 1919 г. было расстреляно и спущено под лёд Псла 28 человек, в том числе организаторы сельхозкоммуны братья Пётр и Максим Долженковы. Тела некоторых казнённых носили на себе следы пыток («у некоторых были отрублены руки, ноги, выколоты глаза, разможены головы, вырваны внутренности, а также вырезаны половые органы»)⁴⁶². Расправой руководил

Кроме того, среди казнённых находились орловский врач Фрадкин, агроном Лобов, электротехник Мовшович и некто Морозов.

Начальник связи 3-й бригады 9-й стрелковой дивизии Д.М. Добыкин в историческом очерке о боевом пути дивизии утверждал, что «незадолго до бегства из города в тюрьму... ворвались марковцы – офицеры из частей, прославившихся особой жестокостью», которые зверски замучили более 30 человек из 500 арестантов (*Добыкин Д., Кондаков А. Победный путь. – Курск, 1961. – С. 80*). Следует отметить, что на момент оставления белыми Курска в нём вообще не находилось марковских частей.

Любопытные дополнительные сведения приводит о двух из казнённых И.Б. Казацкий. Согласно его сведениям, К.Я. Отто был «молодой энергичный врач из австрийских военнопленных», а И.М. Сыреев «принадлежал к числу тех русских металлистов, которым удалось «выйти в люди» упорным трудом талантливого умельца–самоучки. Обосновавшись в нашем городе, он открыл небольшую мастерскую по ремонту швейных машин, велосипедов и граммофонов... Два сына механика учились в реальном училище, а дочь в гимназии» (*Казацкий И.Б. Два месяца* (рукопись). Л. 61–62).

460 *Шафранов С. А. Курск в 1919 г. // Курский край. Сподохи Гражданской войны. Альманах № 1. – Курск, 1998. – С. 61; Карнаевич В.Г., Свиридов Г.А. Курская губчека 1918–1922 гг. – Курск, 2005. – С. 221. Летом 1920 г. Дурнев был арестован и отдан под суд ревтрибунала, поскольку стало известно о его роли в казни Майорова и о том, что он «служил у белых... занимал довольно видное положение в рядах белогвардейской власти». Помимо этого он был обвинён в «принадлежности к преступной шайке вымогателей» и ряде должностных преступлений.*

461 *Казацкий И.Б. Два месяца* (рукопись). Л. 69.

462 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 164; сведения взяты из доклада Обоян-

офицер по фамилии Муладзе. Тела были извлечены из-под льда представителем полиотдела латышской дивизии Шмидтом и торжественно перезахоронены.

В Белгороде было казнено около 70 человек. Работник штаба 5-го Эстонского полка Иоханнес Типнер вспоминал позднее, что «в Белгороде советские войска застали страшную картину зверств, совершённых белогвардейскими бандитами. Перед бегством из города они расправились с заключёнными в тюрьму рабочими и советскими активистами. Весь овраг за городом был усеян трупами расстрелянных, среди которых были старики и женщины»⁴⁶³.

Сохранились сведения, что за пение «Интернационала» было убито несколько воспитанников Суджанского детского дома. Советские газеты красочно живописали подобные «зверства белобандитов»: «27 августа был арестован вступившими в Суджу деникинцами учитель Ярыгин (21 год ему). Деникинцы истязали его, пороли, били прикладами, а затем расстреляли разрывными пулями в лицо, так что голова превратилась в бесформенную массу... Всего 11 суток пробыли деникинцы в Судже [во время первого наступления белых в августе], но за это короткое время они наделали столько зла, что об их разбойничьем нашествии и огне не забудут долгие годы. Прежде всего начались аресты. Достаточно было малейшего намёка, что такой-то, мол, работал у Советской власти, и этого было достаточно для ареста. Все арестованные подвергались издевательствам: избиение шомполами, плевкам и пр. Полумёртвые, замученные жертвы или расстреливались, или живыми закапывались в землю. Когда Советские войска вступили в

ского увоенкома Исетова, который также сообщает, что эти 28 тел лишь часть из примерно 100 местных жителей, которые «подвергались смертельным истязаниям, похороны которых совершались бросанием под лёд в реку». Старые обоянские большевики вспоминали в 1967 г., что деникинцы расстреляли «жителей города Обояни и сёл... 144 человека, в т.ч. в тюрьме 22 человека и 26 человек были связанными отправлены к мосту на реке Псёл, где были расстреляны и трупы их брошены под лёд... сумели тогда бежать два или три товарища, но их имена установить не удалось» (Воспоминания старых большевиков, живших и работавших в бывшем Обоянском уезде Курской губернии. — Курск, 1967 (рукопись). — Л. 26).

463 *Типнер И.Я.* В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 266. Освидетельствование тел было произведено 14 декабря 1919 г. — «люди были убиты огнестрельным и холодным оружием, а также через повешение» (*Красная победа*, 16 декабря 1919 г.). Среди казнённых были опознаны секретарь Белгородского совнархоза Тимофеев, начальник белгородской милиции Саенко, белгородские рабочие Ковригин и Лысенко, учительница Лактионова, учительница из с. Томаровка Сидоренко, почтальон из Томаровки Иванчихин (там же). Эта же белгородская газета (орган уревкома и укома) сообщала о 400 жертвах белого террора в уезде.

Суджу, то в разных местах было найдено много трупов с выколото-ыми глазами, отрезанными ушами, носами, руками, ногами»⁴⁶⁴. К сожалению, учитывая, что подобные публикации появились накануне падения Курска, невозможно с полной уверенностью сказать, где в них кончаются факты и начинается политическая пропаганда. Достоверно известно, что после повторного взятия Суджи в подвале дома купца Соломатина было замучено десять советских служащих во главе с работником военкомата И. Моренко. Согласно сохранившимся воспоминаниям старожиллов, их поливали кипящей смолой. Другой сотрудник уездного военкомата, В.Г. Волков, был вместе с группой красноармейцев убит 28 августа 1919 г. в д. Паровой.

Подобные случаи отмечены во всех уездах Курской губернии. Так, тимский комендант Гололобов со своими помощниками Пахомовым и Платоновым «рыскали по всему Тимскому уезду, арестовывали и расстреливали не успевших эвакуироваться коммунистов и членов их семей. В деревне Беловские Дворы они расстреляли четырёх членов комитета бедноты: Семькина Феропонта Егоровича, Трухова Евгения Алексеевича, Семькина Семёна Егоровича и Семькина Дмитрия Евдокимовича, — сообщает ветеран 1-й Тимской коммунистической роты С. И. Масалов. — Особенно свирепствовал Пахомов, сын Тимского провизора. Это был ярый монархист-черносотенец. По рассказам многих очевидцев, шашка у этого палача-изверга всегда была в крови»⁴⁶⁵. В целом в Тимском уезде было расстреляно 20 коммунистов и красноармейцев, и ещё 70 во главе с членом комбеда Рубенковым отправлено в Белгород. Пятерым из них удалось бежать, прочих также казнили⁴⁶⁶.

В Щигровском уезде, согласно отчёту местного ревкома, «убито при белых 20 человек, на станции Мармыжи был повешен один коммунист. Никаких разграблений по уезду не производилось, за исключением ограбления семей коммунистов»⁴⁶⁷.

В с. Большом Троицком Ново-Оскольского уезда 18 сентября 1919 г. белыми был повешен председатель волисполкома и волостной военком Николай Меер. Помимо него в Троицкой волости было расстреляно и зарублено ещё 12 человек (в том числе коммунисты Ф.И. Сергиенко, Ст. Молчанов и беспартийный красно-

464 *Волна*, 1919 г., 12 сентября, 17 сентября.

465 *Масалов С.И.* Мы защищали завоевания Октября (рукопись). Л. 15–16.

466 *Гражданская война в ЦЧО в документах и материалах.* — Воронеж, 1931. — С. 215.

467 Там же. С. 250.

армеец Денис Стариков)⁴⁶⁸. В Короче были зарублены секретарь уispолкома Малышев и его сын–учитель⁴⁶⁹.

В Касторном белыми были расстреляны один из первых здешних комсомольцев, 18–летний Митрофан Будков (брат председателя Касторенского Совета И.П. Будкова) и посланный красными на разведку Е.С. Кандыбин. Комсомолке Анастасии Барченко грозили расстрелом и даже демонстративно ставили её к стенке, чтобы добиться от неё сведений о том, где скрываются её братья–коммунисты. Публично был высечен на базарной площади Тихон Будков – отец военкома Землянского уезда Д.Т. Будкова⁴⁷⁰.

Крестьянка села Велико–Михайловка Н.Д. Лубинец вспоминала: «Как приехали в Велико–Михайловку казаки, коммунисты стали убежать кто куда. Белые поймали коммунистов и стали их бить. Поймали одного, повели на базар. Мы побежали на улицу. Это был старик лет 50. Ведут его по нашей улице, обкрутили ему голову рушником и привели к трибуне и говорят: «мы тебя положим в больницу». Мать и четыре дочки бегут и кричат: «прости, папаша, тебя ведут на смерть». А мы шли за ним. Остановились около школы, старик вроде как умирался. Ему говорят: «не отставай». Повели его на луг и отсеки ему голову. Пушкаренко закололи на постели в его собственном доме. Я смотрела в окошко и видела, что он лежал на постели, а вся стена была забрызгана кровью. Пушкаренко занимался торговлей, но он погиб за советскую власть. Убили белые и Галюченко, который был председателем волисполкома. Галюченко был хлебороб, сапожник, продавал обувь... Белые поймали его, привязали к конскому хвосту и тащили так километра два или три, потом начали над ним издеваться: закопали головой вниз, а ногами вверх. Шушко, Багданов Николай Тимофеевич, Выблов Николай скрывались в коноплянике, их там и убили»⁴⁷¹.

По словам Обоянского уездного военного комиссара Исетова, репрессиям со стороны белых жители уезда подвергались в основном за то, что «они когда–то были членами ячеек Коммунистической партии, членами сельских комбедов, а другие за то, что Советская власть и комитет бедноты когда–то дали им пуд хлеба или воз дров»⁴⁷². Подобные случаи известны и в других уездах. Так,

468 Воспоминания П. Сукова (рукопись).

469 *Волна*, 4 сентября 1919 г.

470 *Кузнецова Е.И.* Касторное и Касторенский район. Исторический очерк. – Касторное, 1990. – С. 18.

471 ГАКО. Ф. 3139. Оп. 1. Д. 29. Л. 27–28.

472 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 164.

например, публичной порке были подвергнуты коммунары, обожившиеся в бывшей помещицкой экономии у д. Кизилово Курского уезда⁴⁷³. Красный шпион товарищ Кернер, действовавший на территории Львовского уезда, также приводит данные о подобных расправах на местах:

«Институт стражников и приставов вполне восстановлен. Порка шомпольная, нагаечная, кулачная расправа, мордобитие — вот обычные приемы начальства. Особенно тяжело крестьянам и особенно тех деревень, где была экономия. Там почти все крестьяне замешаны в разборке помещицкой собственности и со всеми идет расправа «хоряпка». Тут пощады нет никому. Глубокая старость не предохраняет от хорошей порции шомполов. При мне 70-летнему старику [из] Льгова дали несколько пощечин, на следующий день ему всыпали по желанию кн. Гагарина шомполов, по его словам, без конца и счета. Работает там контрразведка. Это не что иное, как штаб доносов. Донос — есть уже улика, и уже пойдут издевательства, порка, иногда расстрел»⁴⁷⁴.

О «белом терроре» в самом Льгове сохранились детальные воспоминания одной из его жертв — местного партийного активиста и журналиста С.Н. Деркача. По его собственным словам, он был оставлен в городе для подпольной работы, однако оказался быстро арестован и ничего сделать так и не успел. В городе в тот момент стояли части 3-го Дроздовского полка, которым командовал полковник В.В. Манштейн, известный среди большевиков под прозвищем «Безрукий Чёрт».

«Нижний этаж дома, где до этого находился Львовский уезд-исполком, был превращён в тюрьму. Туда доставлялись люди, сотрудничавшие с Советской властью. Находились все в одной комнате, неотопливаемой, без пищи, под строгим надзором. Военно-полевой суд разместился в доме купца Дьячкова, теперь это жилой дом на углу улиц Ленина и Гайдара. Там хозяйничали комендант... Макман и его помощник Виноградов... Начались казни. Проводились они, как правило, ночью, на лугу, ниже городской больницы... 1 октября к ним втолкнули избитого человека, называвшегося Вовенко. Никто из местных его не знал. Прибывший Манштейн выстроил арестованных и обратился к Вовенко: «Что, чекистская сволочь, приговорили мы тебя к расстрелу, но красные у нас так

473 Личное сообщение В.Н. Кизиловой (Зориной).

474 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 513; возмущение доносами в устах агента КП(б)У здесь особенно умиляет — можно подумать, что ЧК принципиально не рассматривала «сигналов» со стороны «сознательных граждан»!

просто на тот свет не уходят». И приказал караульным солдатам всыпать ему 50 ударов шомполами. Началось избивание, а полковник покуривал и присматривал, чтобы били сильнее. Когда 25 ударов было нанесено, Вовенко чуть дышал. Макман распорядился облить его водой и опять бить. Когда палачи ушли, Вовенко лежал на полу и запёкшимися губами шептал, чтобы его скорее добились... Вчером солдаты потащили его на луг и расстреляли разрывными пулями»⁴⁷⁵.

По словам С.Н. Деркача, на его глазах было казнено более 30 человек, но сам он не пострадал и в числе некоторых других заключённых был переведён в Курск, где и вышел на свободу. После возвращения красных он был назначен секретарём комиссии по захоронению жертв «белого террора». В итоге её деятельности в Льгове было захоронено в братской могиле 20 человек, имена трёх из которых остались неизвестны⁴⁷⁶.

В целом, согласно подсчётам советских историков, в результате «белого террора» на территории губернии погибло 528 человек⁴⁷⁷. Ничуть не оправдывая казней и расправ, творимых белыми, следует, однако, заметить, что в большинстве своём они были связаны с общей жестокостью военного времени, самоуправством отдельных лиц и не носили планомерного, массового, предписанного свыше и обусловленного политикой верховной власти характера. Он не был направлен на планомерное подавление и уничтожение тех или иных социальных групп, как это имело место у большевиков. В этом и состоит коренное различие между террором «белым» и террором «красным».

5. Наступление войск Южного фронта

Наступление Вооружённых Сил на Юге России на Москву захлебнулось в ходе упорных боёв на Орловско–Кромском направлении. Войска Южного фронта переходят в решительное общее наступление, и военные действия вновь разворачиваются на терри-

475 *Лагутич М.С.* Провинциальная хроника. Льгов в истории Курского края. – Курск, 2007. – С. 403–404.

476 Там же. С. 404.

477 *Манжосов А.Н.* Боевой девятнадцатый год // Курский край. Сподохи Гражданской войны. Альманах № 1. – Курск, 1998. – С. 16; *Манжосов А.Н., Матвеевко М.Н.* Террор белых в Курской губернии // Курский край. Сподохи Гражданской войны. Альманах № 1. – Курск, 1998. – С. 43; *История Курской области.* – Воронеж, 1975. – С. 90.

тории Курской губернии. Понеся тяжёлые потери в боях за Орёл и Кромы, части ВСЮР отходят на рубеж Севск — Дмитровск — Еропкино — Елец, намереваясь закрепиться на этих позициях. Войска Южного фронта под командованием А.И. Егорова разворачивают перед этим рубежом мощные силы 14-й армии И.П. Уборевича и 13-й армии А.И. Геккера.

Со стороны 14-й армии действовали Латышская дивизия Ф.К. Калниньша (Калнина), Отдельная стрелковая бригада П.А. Павлова, Червонно-казачья дивизия В.М. Примакова, 41-я стрелковая дивизия Р.П. Эйдемана, 57-я стрелковая дивизия Ф.А. Кузнецова и 7-я стрелковая дивизия А.Г. Голикова — всего 16032 штыков, 2934 сабель, 129 орудий, 405 пулемётов.

Со стороны 13-й армии были развёрнуты Эстонская дивизия Я.К. Пальвадре⁴⁷⁸, 9-я стрелковая дивизия П.А. Солодухина⁴⁷⁹, 3-я

478 Эстонская стрелковая дивизия была развёрнута на базе Отдельной Эстонской бригады, переброшенной на Южный фронт после поражения революции в Эстонии 5 октября 1919 г. При этом в её состав влились две крупных русских боевые части, общей численностью свыше 2 600 человек — 86-й стрелковый полк и 1-й полк Всеобуча из путиловских рабочих (1-я Петроградская стрелковая бригада особого назначения). При этом на 19 октября 1919 г. в составе дивизии числилось 3 247 штыков, 70 сабель, 11 орудий. Начальник дивизии — Я. Пальвадре, начальник штаба — И. Лехт, комиссары — А. Рейметс, И. Тамм, начальник политотдела — И. Хансинг, начальник артиллерии — Х. Тедер (*Маамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). — М., 1987. — С. 146–148).

Пальвадре Яков Карлович (Jakob Palvadre) родился 27 апреля 1889 г. на хут. Кориярве волости Тыллисте в многодетной крестьянской семье. Член РСДРП с 1906 г. Работал учителем, сотрудничал в газетах «Мейэ Кодумаа» и «Вирулане». В 1910 г. был обвинён в социал-демократической деятельности, но оправдан. Адвокатом на суде в Риге у него был родной брат Антон. Участник первой мировой войны, служил в сапёрных частях. В октябре 1917 года избран председателем комитета запасного батальона лейб-гвардии сапёрного полка. В 1918 г. командир Эстонского коммунистического батальона, затем командовал войсками Златоустовско-Челябинского и Западно-Уральского направлений. Осенью 1918 г. — командир 1-й бригады 3-й Уральской стрелковой дивизии. В апреле-мае 1919 г. — член РВС Эстляндской армии Западного фронта. С мая 1919 г. по февраль 1920 г. — командир Эстонской стрелковой дивизии. Уволен в отставку по состоянию здоровья. После окончания Гражданской войны вновь работал учителем. Окончил Петроградский университет. С 1927 г. — профессор, затем декан историко-филологического факультета ЛГУ. С 1932 г. — завкафедрой ленинградского Института советского созидательного труда. Арестован 30 мая 1936 г. и 11 октября 1936 года приговорен по статье 58–8, 11 к высшей мере наказания. Расстрелян в тот же день. Реабилитирован в 1969 г.

479 9-я стрелковая дивизия была создана на основе 1-й Курской Советской пехотной дивизии в октябре–ноябре 1918 г. Накануне Орловско-Кромской операции дивизия была переформирована и насчитывала в своих рядах более 7 000 штыков и сабель, 3 бронепоезда. Начальник дивизии — П.А. Солодухин, комиссар — С.П. Восков (*Добыкин Д.М., Кондаков А. А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 58).

стрелковая дивизия А.Д. Козицкого, 42-я стрелковая дивизия И.Х. Паука, Сводная стрелковая бригада М.С. Свечникова — в общей сложности около 18 472 штыков, 1203 сабель, 378 пулемётов, 89 орудий⁴⁸⁰.

При этом следует обратить внимание на значительное численное превосходство сил Красной армии над войсками ВСЮР. Так, только на участке Кромы — Еропкино более 14000 штыков и сабель при 75 орудиях и 312 пулемётах со стороны красных действовали против 5600 штыков и сабель при 26 орудиях и 105 пулемётах со стороны противостоявших им тут корниловцев. Аналогичное соотношение сил наблюдалось и на остальных участках фронта⁴⁸¹.

Рейд Червонных казаков на Поньри. На рубеже октября–ноября 1919 г. линия фронта стремительно приближается к границам Курской губернии. Бои идут на её северных рубежах. Короткую, но ошутимую панику вызвал в Курске рейд «Червонных казаков» В.М. Примакова на Фатеж и Поньри.

Предложение о проведении конного рейда было внесено В.М. Примаковым на совещании штаба ударной группы, которое проводили командарм-14 И.П. Уборевич и член Реввоенсовета Г.К. Орджоникидзе. Целью рейда было подорвать сопротивление белых, упорно оборонявшихся наступлению войск 14-й армии. Идея была одобрена и для осуществления этой цели была создана специальная Конная группа, куда вошли Червонные казаки Примакова, а также Латышский и Кубанский кавалерийский полки.

«В рейд я приказал взять 1500 сабель, 32 пулемёта на тачанках, 6 орудий при 6 зарядных ящиках, 16 патронных двуколки, 16 санитарных тачанок, 4 подрывные и 2 интендантские повозки. На руки каждый всадник получил 250 патронов и ручную гранату. На каждую сотню было выдано 8 пироксилиновых шашек. 1-й червонной казачьей бригадой командовал Григорьев, 2-й сводной — командир латышского полка Крышьян», — сообщает В.М. Примаков⁴⁸². В ходе рейда его участники вновь применили старую уловку «червонцев» — надев погоны, они выдавали себя за отступающие казачьи части Шкуро.

480 *Сухов И.И.* Ударники против ударников. Орловско–Кромская операция 10–27 октября 1919 г. // Сержант. № 5. С. 1–11; данные цифры не являются окончательными, поскольку численность отдельных частей и формирований изменялась в ходе боевых действий, однако дают представление относительно общего соотношения сил.

481 *Раков В.В.* Боевые действия на территории Курской губернии в 1919 году // Учёные записки РОСИ. Вып. 10. Проблемы социально–гуманитарных дисциплин. — Курск, 2002. — С. 153.

482 *Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 213.



1. А.И. Егоров, командующий Южным фронтом. Фотография 1920 г.

2. И.П. Уборевич, командующий 13-й армией Южного фронта. Фотография 1935 г.

3. Красная пехота на параде. Харьков. 1920 г.

На рассвете 21 октября (3 ноября) латышские стрелки прорвали фронт противника между сёлами Чернь и Чернодые. В образовавшийся прорыв устремилась конница и, сбив небольшие заставы белых, двинулась на с. Покровское. На подходе к селу колонна Червонной дивизии попала под перекрёстный артиллерийский огонь белых, что привело её в замешательство. Чтобы восстановить порядок, Примаков выехал со своим штабом на ближайший холм и приказал пришедшему в смятение полку двигаться к соседней балке рысью церемониальным маршем.

В полдень 22 октября (4 ноября) дивизия вошла в Ольховатку. Здесь был оставлен штаб и Латышский кавполк, а 1-я бригада во главе с самим Примаковым направилась к с. Поньри. От захваченных тут пленных стало известно, что на станции Поньри стоят бронепоезд и эшелоны белых. Под прикрытием артиллерийского огня 1-й батареи червонные казаки атаковали станцию и после часового боя овладели ею. В их руки попало 60 вагонов с обмундированием. Бронепоезд «Иоанн Калита» отошёл к Малоархангельску и вывез при этом туда базу бронепоезда «Офицер». Было освобождено 380 пленных красноармейцев, из которых тотчас сформировали роту прикрытия 1-й батареи. Железнодорожное полотно было взорвано в двенадцати местах. Однако задержаться в Поньрях «червонцам» не удалось — роты 1-го Корниловского полка при содействии 2-й запасной Марковской батареи в тот же день выбили их оттуда. Очевидец вспоминает, что «отбитое селение всё было разграблено и на улицах валялись зарубленные беженцы, среди которых были женщины»⁴⁸³.

483 *Леонтьев А.М.* Марковцы–артиллеристы при отступлении // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 285; *Материалы для истории Корниловского ударного полка.* — Париж, 1974. — С. 368; даже официальные советские историки Червонного казачества признавали, что «в первые дни рейда поступило несколько жалоб от местного населения. Некоторые бойцы занимались незаконными реквизициями продовольствия» (*Дубинский И.В., Шевчук Г.М.* Червонное казачество. — Киев, 1987. — С. 111). Документальные подтверждения тому отнесительно второго, Львовского рейда червонцев, сохранились в фондах Государственного архива Курской области. Например, житель с. Ольшанки Л.Е. Гришин жаловался, что «во время перехода войск Червонного козачества через село Ольшанку» ему были причинены сильные убытки: «самовольно взяли лошадь единственную, санки, хомут, седелку и пару упряж[ь]. Кроме сего овса 35 пуд, хлеба 10 пуд, 2 овцы, свиту и пару валенцов» (ГАКО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 123. Л. 9). Житель с. Юрьевка Ольшанской волости И.А. Лапенков так же сообщал, что в ноябре 1919 г. «к нам вступили в село Червонцы... 19 ноября их червонским начальником у меня взята лошадь гнедой масти стоимостью по тем ценам пятьдесят тысяч рублей без замены и уплаты денег. Я, Лапенков, в настоящее время не имею лошади и средств нет купить» (ГАКО. Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 123. Л. 17). Подобные же архивные сведения приводит и М.С. Лагутич: «Зо-

Между тем эскадрон Латышского кавполка занял ст. Вozy, а 3-й Кубанский полк в час дня подошёл к Фатежу⁴⁸⁴. Открыв беглый артиллерийский огонь по городку, красные кубанцы ворвались в него, изрубив оказавшую сопротивление караульную роту. Было освобождено 100 пленных красноармейцев и захвачено два бронетрактора и два восьмидюймовых орудия. В конце дня части дивизии сошлись вместе в Ольховатке.

Тем временем Латышская дивизия была выбита из Черни и Чернодья, а в целом красные части на этом участке фронта оттеснены к северу на несколько вёрст. Действия конницы Примакова в белом тылу вынудили, однако, быстро свернуть наметившееся наступление, и вскоре латыши вернули утраченные было позиции.

Разъезды, высланные Примаковым утром 23 октября (5 ноября), показали, что против него движутся крупные силы противника — три батальона пехоты при 8 орудиях и полк конницы. В связи с этим было принято решение вывести дивизию из белого тыла через с. Тагино на ст. Дьячя с целью соединиться с латышскими стрелками и атаковать неприятеля с тыла. В Тагино, где по сведениям разведки располагался штаб 1-го Корниловского ударного полка, «червонцы» «уничтожили до двухсот солдат противника и захватили канцелярию вражеского полка». Узнав, что основные силы корниловцев отходят к Поньярям, Примаков решил двинуться вслед за ними, обогнать и навязать бой.

Столкновение произошло около д. Сабуровка (Соборовка) 24 октября (6 ноября)⁴⁸⁵. «Густые цепи корниловцев подошли к Сабуровке

вут меня Егор Абадеев, 70 лет, беспартийный, постоянно проживаю во Льгове на улице Советской, фельдшер... Я с денкинцами не бежал и от Советской власти не скрывался, а когда червонцы стали меня грабить и разорять, то с семейством скрылся в селе Кудинцево... Зовут меня Семён Фёдоров, 25 лет, беспартийный, гражданин Льгова... При уходе денкинцев я не бежал, а скрылся на несколько дней, когда ещё не было никакой власти и войска, не разобравшись с обстоятельствами, могут меня расстрелять. Жена оставалась в Льгове. Когда вернулся, то узнал, что червонные казаки её насиловали и она пропала, больше её не видел. Всё моё имущество разграблено» (*Лагутич М.С. Провинциальная хроника. Льгов в истории Курского края. — Курск, 2007. — С. 341–342*).

484 Уроженец Фатежа, помкомвзвода 2-й сотни 1-го полка С. Чуйков, служивший проводником в набеге на родной город, утверждает, что к Фатежу червонцы подошли «не по-осеннему тёплой ночью со стороны села Миролобово». После захвата тюрьмы, «которая была на месте нынешних гаражей Добровольного пожарного общества пониже теперешнего Дома Культуры», и освобождения пленных, «попутно мы предали огню и громадный склад с обмундированием, снаряжением и оружием... на площади на месте Парка имени Артёма» (*Чуйков С. Польшала Гражданская война // Путь Ильича. 1971. 16 марта*). Похоже, что память подвела ветерана и в отношении погоды, и в отношении обстоятельств рейда.

485 Согласно данным М.Н. Левитова, бой у Сабуровки произошёл 7 ноября (Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 370).



1. В.М. Примаков, организатор и командир Червонной казачьей дивизии. 1923 г.

2. Червонные казаки. 1923 г.

3. Самокиш Н.С. Бой за знамя.

со стороны Александровки, — вспоминает В.М. Примаков. — Спешенные эскадроны латкавполка, расположенные за избами и гумнами по восточной стороне села, встретили противника огнём. По моему распоряжению дивизион 2-го черказполка без пулемётов обошёл корниловцев с фланга. Другой дивизион этого полка зашёл со стороны Битюк, Подоляне, связался с двумя ротами подоспевших латышских стрелков и совместными усилиями ударил по противнику. Использовав все наличные силы, я вызвал из Самодуровки 1-й полк. Корниловцы вели по Сабуровке сильный огонь из шести лёгких и двух шестидюймовых орудий. Цепи неприятеля перебежками подходили к селу. На его артогонь отвечали орудия 1-й конной полевой батареи. В это время командир латкавполка доложил мне, что спешенные эскадроны с трудом выдерживают натиск врага. Я вызвал два орудия полевой конной батареи и направился к спешенным эскадронам латышей. Взвод открыл белый огонь картечью и гранатами по растерявшейся пехоте противника. Увидев замешательство корниловцев, командир латкавполка Крышнян скомандовал: «Коноводы, коней!» Но прежде чем были поданы кони, конно-пулемётная команда 2-го черказполка и конные пулемёты латышей карьером вынеслись из села, повернули тачанки и из шестнадцати стволов открыли огонь по пехоте противника. За ними мчались четыре эскадрона латышей. В это время на фланге противника из балок вынеслись две сотни 2-го черказполка и с гиком ринулись в атаку. По другому флангу ударил 1-й дивизион 2-го черказполка. Через несколько минут громадное снежное поле было взрыхлено конскими копытами и усеяно трупами. Артиллерия подготовила успех, конные пулемётчики и всадники завершили победу. Была разбита лучшая пехотная часть Деникина — 1-й Корниловский офицерский полк. В бою взято пять трёхдюймовых орудий, два шестидюймовых орудия и большой обоз. Пленных не было — в те критические дни их не брали»⁴⁸⁶.

Рассказ Примакова при всей его красочности отличается рядом неточностей. На самом деле под Сабуровкой «червонцы» и латыши столкнулись не с 1-м, а со 2-м Корниловским полком⁴⁸⁷ (1-й полк держал в это время оборону около Самодуровки), и не с целым полком,

486 *Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 217–218.

487 Следует отметить, что если В.М. Примаков, сражаясь со 2-м Корниловским полком, полагал, что имеет дело с 1-м, то Г.К. Орджоникидзе вообще рапортовал В.И. Ленину о том, будто «по пути Примаковым разбит 3-й Дроздовский полк, захвачены батарея, 9 пулемётов, обоз» (*Дубинский И.В., Шевчук Г.М.* Червонное казачество. — Киев, 1987. — С. 113). О том, что 8-я кавалерийская дивизия якобы «в с. Студенка разбила 3-й дроздовский полк» сообщает и К.В. Агурев (*Агурев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 113).

а всего лишь с одним его 3-м батальоном, а захвачено было вовсе не семь, а только два орудия. Впечатления самих корниловцев от этого боя также несколько отличаются от описания его Примаковым:

«Погода была отвратительная, шёл дождь, а потом дождь и гололёдица. Разведкой обнаружены значительные силы противника в Битюк, Подоляне и Сабуровке. В 12 часов полк перешёл в наступление. 2-й батальон после нескольких неудавшихся атак на Битюк, Подоляне понёс значительные потери и отступил. 3-й батальон и команда пеших разведчиков тоже встретили в Сабуровке значительные силы красных пехоты и кавалерии. Несколько раз наши занимали окраины Сабуровки, понесли большие потери и стали отступать. Положение было критическим: с фронта пехота противника перешла в контратаку, а слева пошёл в атаку кавалерийский полк красных и стал рубить 3-й батальон. Сначала началось настоящее бегство, но потом кавалерия была остановлена сомкнувшейся 3-й ротой офицерского батальона штабс-капитана Панасюка и остановившейся 5-й батареей. Тут же к ним присоединилась 1-я офицерская рота и по их примеру все стали сбегаться в группы и отбивать рубившую кавалерию. Положение полка было безвыходное, и вряд ли бы кому удалось уйти от свежей кавалерии, но выдающаяся выдержка и примерное мужество штабс-капитана Панасюка и 5-й батареи, остановившейся и встретившей кавалерию огнём с дистанции в 400 шагов, спасли положение, и остаткам отступавших удалось уйти на Поньри. Когда атаки кавалерии были отбиты и части полка преследовались лишь отдельными разъездами, произошла неприятность: были брошены два тяжёлых 6-дюймовых орудия. Брошена была батарея уже при обстановке нормального боя. За батареей следовали в полном порядке две офицерские роты, и подобное отношение к делу возмутило всех. Командир офицерского батальона капитан Иванов К.В. подал рапорт о привлечении командира этой батареи к ответственности»⁴⁸⁸.

Однако, даже если отбросить все неточности и преувеличения, важность и значимость результатов рейда Червонных казаков не подлежит сомнению. «Так как конная группа не увлеклась разгромом тылов и достижением лёгких побед над тыловыми частями, обозами и лазаретами, а весь центр тяжести своих усилий перенесла на фронт белых, то результаты наличия конницы в своём тылу белые почувствовали очень скоро, — подводит итоги рейда А.И. Егоров. — А так как командование 14-й армии увязало действия рей-

488 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 370.

дирующей конницы с наступлением пехоты, то эффект получился полный: уже 5 ноября 14-я армия получила полную возможность перехода в наступление»⁴⁸⁹. Кроме того, успех набега воодушевил и командование, и его участников, что вскоре привело к повторению его в ещё больших масштабах.

Наступление на Курск. 27 октября (9 ноября) перед командованием 14-й и 13-й армий была поставлена задача окружения Курской группировки белых. Овладеть собственно Курском должны были части 13-й армии. Приказ по армии № 132 обязал Эстонскую дивизию выйти к Сейму на участке в 15 км юго-западнее города, в то время как 9-я дивизия должна была занять Курск и выйти на линию Белгородской железной дороги в Шумаково⁴⁹⁰. В целом планировалось окружение всей «Курской группы» белых войск, чему должен был содействовать и запланированный после взятия Касторной глубокий рейд конницы Будённого в сторону железной дороги Курск — Белгород.

Отступающие белые части подвергаются мощным ударам красных. Вслед за поражением 2-го Корниловского полка под Сабуровкой катастрофа постигает и 3-й Корниловский полк, подвергшийся на переходе из с. Архангельского в направлении Поныри-Ольховатка внезапной атаке со стороны Эстонской дивизии. Бой произошёл глухим морозным и вьюжным вечером 28 октября (10 ноября). Одна из деревень на пути отступления корниловцев оказалась уже занята эстонскими стрелками. Эскадрон конных разведчиков, штаб полка, связные и несколько пулемётов, шедшие во главе колонны, не заметили в деревне ничего подозрительного и безостановочно продолжили движение сквозь неё. Очевидцы вспоминают: «Перед деревней и вдоль неё был непроходимый глубокий овраг с единственной гатью на дороге... при подходе к деревне [основных сил полка] красные атаковали нас в левый фланг. Перешедший батальон и одно орудие покатались в овраг к гати. Эстонцы взяли несколько десятков наших в плен... но в этот момент с нашей стороны по эстонцам и нашим пленным прошла одна пулемётная очередь, от которой все разбежались, в том числе и наши пленные... Отрезанная же часть за это время выяснила, что деревня вся наполнена пехотой Эстонской дивизии. Первоначальная попытка открыть по деревне огонь из всех наших пулемётов, находившихся с эскадроном, блестяще провалилась, потому что они отказались работать — замёрзли. Мысль пробиваться через густо наполненный эстонцами фронт с

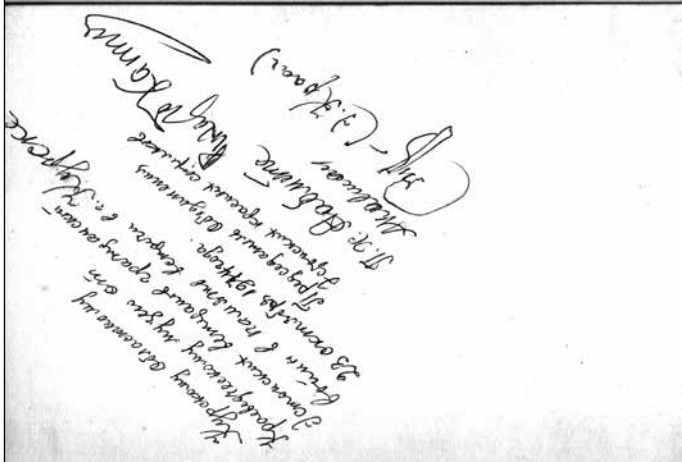
489 *Егоров А.И.* Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 382.

490 Там же. С. 327.

И. ТИПНЕР

2

В ОГНЕ РЕВОЛЮЦИИ



ЭСТОНСКОЕ ГОСУДАРСТВО
ТАУ

1. И. Типнер, работник штаба 5-го Эстонского полка.
2. Титульный лист книги И. Типнера «В огне революции» с автографом автора и других ветеранов Эстонской дивизии. 1974 г. Фонды Курского областного краеведческого музея.

непроходимым оврагом... была отброшена»⁴⁹¹. В конечном итоге потрепанный полк продолжил движение в обход опасной деревни, но в следующем селе оказался «плотно окружён кавалерией». Заняв несколько стоявших на отшибе домов, корниловцы отогрели пулемёты и начали отстреливаться. Проведя в осаде весь день и следующую ночь, они были спасены высланным им на выручку подкреплением со стороны участка 2-го Корниловского полка.

Активную поддержку отходящим пехотным подразделениям оказывают бронепоезда белых. В течение периода 22 – 29 октября (4–11 ноября) бронепоезда «Иоанн Калита» и «Офицер» неоднократно совершают вылазки в направлении станций Возы и Поныри, поддерживая огнём части Корниловской дивизии. 28 октября (10 ноября) оба они оказались отрезаны в тылу наступающих красных войск из-за крушения вспомогательного бронепоезда № 2, подбитого красными артиллеристами. «В исключительно тяжёлых условиях, под непрекращающимся артиллерийским и ружейным обстрелом, команда под руководством подпоручика [И.Н.] Губарева в течение трёх часов строила на промёрзшем грунте переводной путь, чтобы пропустить наши бронепоезда на соседнюю, незагромождённую колею. По окончании работы бронепоезда были переведены на соседнюю колею, расцепленные в своих составах. Это было необходимо вследствие весьма крутого изгиба временного пути. Затем подпоручик Губарев приступил к исправлению пути, вновь разбитого неприятельскими снарядами»⁴⁹². Обоим бронепоездам удалось благополучно выбраться из-под огня и вернуться в Курск.

Ожесточённые бои развернулись за Щигры. Части 2-го Алексеевского полка под командованием полковника князя А.А. Гагарина занимали оборонительные позиции на ст. Долгое, Грачёво, Степановка на Косорже. «Здесь они [белые] окопались, а в некоторых местах окопы были оборудованы бойницами, устроены убежища в два наката и землянки», – вспоминает начальник оперотдела 13-й армии С.А. Красников⁴⁹³. Наступление на город осуществляли части 9-й и 3-й стрелковых дивизий. Перед войсками 9-й дивизии была поставлена задача выйти к исходу дня на рубеж Ново-Николаевка – Никольское – Охочевка – Крутое – Лозовки, нанеся главный удар на Белый Колодезь и Щигры. В то же время 19-й стрелковый полк 3-й дивизии дол-

491 Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974. – С. 378–379.

492 *Власов А.А.* О бронепоездах Добровольческой армии // От Орла до Новороссийска. – М., 2004. – С. 514–515.

493 *Красников С.А.* Как были освобождены Щигры от белогвардейцев // Коммунар. 1960. 8 января.

жен был занять ст. Долгое, 21-й стрелковый полк — ст. Грачёво, а 20-й стрелковый и 3-й кавалерийский полки — прорвать линию обороны противника на Косорже и также вступить в Щигры.

Наступая на Щигры, 74-й полк 9-й дивизии под командованием Г.Н. Ермолова подвергся мощной контратаке противника со стороны д. Крутое. Однако Ермолов «несмотря на сильный буран, собрал остатки своего 3-го батальона и с этой горсткой людей атаковал белых и заставил их отступить». В итоге 26 октября (8 ноября) бойцы Ермолова захватывают город, «выбив оттуда формирующийся 2-й Алексеевский полк и прервав связь с Курском», однако уже утром следующего дня они оказались выбиты из него частями отряда генерала А.Н. Третьякова⁴⁹⁴.

В отряд Третьякова входили 1-й Марковский и Алексеевский полки, державшие силами пяти батальонов 30-вёрстный фронт. В ночь на 27 октября (9 ноября) для его усиления прибывает выделенный из группы Постовского под Касторным 1-й батальон 2-го Марковского полка под командованием штабс-капитана Н.Н. Перебейнос при двух орудиях. Его и направляет генерал для овладения Щиграми, придав в помощь бронепоезд «Генерал Корнилов». Атака оказалась удачна: «Утром показался город, встретивший эшелоны артиллерийским огнём. Роты моментально выгрузились, повели наступление и через час выбили красных из города, а затем отбили их контратаку, взяв до ста пленных и пулемёт. На станции стояли два состава беженцев из Воронежа. Никогда до этого не испытывали Марковцы такого тяжёлого чувства, не сжимались так больно их сердца, как при виде этих беженцев, переживших суточный плен у большевиков, ими обобранных, оскорбляемых, насилуемых, остававшихся в холоде и голоде. Эшелоны были немедленно отправлены в Курск»⁴⁹⁵.

Между тем 27 октября (9 ноября) «специальный отряд из трёх родов оружия», выделенный из частей 1-й бригады 3-й дивизии под командованием К.М. Свечникова (20-й стрелковый полк, 9-й кавполк, 1 орудие и рота добровольцев) внезапным налётом захватывает станцию Щигры и прилегающую к ней часть города. В течение шести часов Свечников удерживал захваченные позиции, но, не получив подкреплений, вынужден был отступить⁴⁹⁶.

494 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 145; согласно утверждениям историков 9-й дивизии, части её 1-й бригады заняли Щигры к 22 часам 28 октября (10 ноября) (*Добышкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 70–71*).

495 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 145.

496 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 165, 315.

На смену батальону 2-го Марковского полка прибывает 1-й батальон 3-го Марковского полка, переброшенный из Курска. 29 октября (11 ноября) красные возобновляют наступление на город, обходя его с востока и даже врываясь на улицы. Положение спасает отчаянное сопротивление роты прапорщика Кавуновского, потерявшей в бою половину своего состава (30 человек), включая и самого командира. Прибытие бронепоезда «На Москву» и остальных частей 3-го Марковского полка вынуждает красных отступить. «Батальон быстро вышел на обрамляющую город с запада возвышенность, на которую уже поднимались красные, и контрударом обратил их в бегство. Огнём своих подбехавших пулемётов он расстреливал их, сбившихся в ложине. И только наступившая ночь и лава кавалерии на фланге остановили преследование... Общие потери батальонов за день боя 82 человека»⁴⁹⁷.

Тем временем с северо-востока на город надвигались части 3-й дивизии. «Бойцы и командиры 2-го стрелкового полка вместе с 3-м кавалерийским полком и артиллерийским дивизионом под командованием Первова более трёх часов вели обстрел позиций противника, разрушили станцию Щигры, а также повредили во многих местах железную дорогу, — вспоминает С.А. Красников. — Кавалерийский полк Новаковского принял три контратаки белых и все их отбил с большим уроном для противника. Красные войска атаковали город с двух сторон... Командир полка Новаковский предъявил командиру белых в городе ультиматум — сдать оружие. Однако начальник гарнизона полковник Гагарин не принял капитуляцию и заявил, что будет драться... Обстрел позиций противника продолжался не менее часа. Затем трижды ходили красные пехота и конница в атаку, но неудачно. Белые не желали сдавать город. В четвёртую атаку красные части повёл сам комбриг Вакулин с развёрнутым красным знаменем в руках... К исходу дня 12 ноября 1919 г. Щигры были освобождены от белых банд»⁴⁹⁸.

497 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 149. Тут же сообщается, что «с убитых было снято три значка — 2 серебряных и золотой с красными звёздами, выдававшиеся комиссарам и командирам, состоящим в партии».

498 Красников С.А. Как были освобождены Щигры от белогвардейцев // Коммунар. 1960. 8 января; при этом ветераны 9-й дивизии утверждают, что город был занят 74-м полком 1-й бригады их дивизии «к часу ночи 13 ноября», причём во время штурма погиб комиссар 1-го батальона полка Прибылов (*Добыкин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 71). А.М. Леонтьев сообщает, что Щигры были заняты красными «27 октября вечером», то есть ещё 9 ноября н.ст. (*Леонтьев А.М.* Марковцы-артиллеристы при отступлении // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 281). Говоря о взятии Щигров, С.А. Красников ошибочно называет командира 3-й бригады 9-й дивизии Н.В. Куйбышева начальником 3-й дивизии.

Судя по всему, красивая атака во главе с комбригом–знаменосцем также была отражена, поскольку, согласно В.Е. Павлову, в ночь на 31 октября (13 ноября) три батальона 3–го Марковского полка покинули Щигры без боя. Вынужденные прекратить бесполезное сопротивление, они отступили на Охочевку, отражая по пути преследующие их части красных⁴⁹⁹. Решающую роль в овладении Щиграми сыграл выход отряда К.М. Свечникова в тыл обороняющимся в городе белым. Большая заслуга в этом принадлежит 9–му кавалерийскому полку. Преследуя отступающего противника, части 3–й дивизии к исходу следующего дня выходят на линию Шумаково–Тим.

В то же самое время части 1–й бригады 42–й дивизии продолжают наступление на станцию Мармыжи, против которой утром 1 (14) ноября были выдвинуты силы 370–го полка. К полудню красные овладели станцией, перерезав тем самым железную дорогу Курск–Воронеж.

Утром 1 (14) ноября латышские стрелки занимают Фатеж. Упорные бои развернулись за обладание станцией Охочевка. К вечеру 1 (14) ноября 79–й полк 3–й бригады 9–й дивизии занял Батурино, но после контратаки белых со стороны Уколово вынужден был отойти. Не выдержав напора противника, стал отходить и 81–й полк. Выправить положение сумел полковой комиссар Борщевский, возглавивший решительную контратаку. К исходу дня полк занял Гремячий Колодезь и приготовился к нанесению удара по Охочевке⁵⁰⁰.

В то же время на Охочевку наступали 75–й и 74–й полки 1–й бригады 9–й дивизии, действовавшие со стороны деревень Ахтырской, Гремячки и Купач. Оборонявшиеся части корниловцев отчаянными контратаками сдерживали напор превосходящих сил красных, в чём им оказывали существенную поддержку орудия бронепоездов. Чтобы обезопасить себя от вылазок бронепоездов, командование 1–й бригады приняло решение попытаться взорвать железнодорожный мост. Выполнить это вызвался красноармеец Сергей Черников, успешно осуществивший задуманное в ночь на 2 (15) ноября⁵⁰¹.

499 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 150.

500 Добыкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 72–73; Борщевский был тяжело ранен в этом бою, а его подвиг был отмечен в приказе по 13–й армии. Самого комиссара ВЦИК постановил наградить именными часами.

501 Более того, согласно утверждениям историков 9–й дивизии, на следующий же день Черников повторил свой подвиг, взорвав полотно железной дороги между разъездом Конарево и Курском (Добыкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 73). Столь глубокая и столь быстрая вылазка в тыл противника представляется маловероятной — от Охочевки до Конарево 36

Утром 2 (15) ноября бой возобновился. Охочевку атакуют одновременно 74-й, 75-й и 80-й полки. Станция несколько раз переходит из рук в руки. Наконец, захват силами 3-й дивизии Букреевки и взятие 75-м полком Верхней Ольховатки позволили нанести решающий удар и овладеть станцией. В то же время 2-я бригада 9-й дивизии (до последнего дня временно подчинённая командованию Эстонской дивизии) под командованием П.Н. Александра, двигаясь вдоль линии железной дороги, занимает Воробьёвку и Коренную пустынь. Здесь в этот день была сосредоточена вся Корниловская ударная дивизия, части которой занимают линию обороны в Дмитриевском, Сухой Неполке, Воробьёвке, Тазово, Зиборово и Шеховцово. Сам комбриг был ранен, но продолжал руководить боем. В итоге корниловцы отходят на линию Никольское — Монахово, а 3-й Корниловский полк перебрасывается в Курск. В этот же день части 9-й дивизии занимают ст. Отрешково, захватив «200 пленных и много трофеев».

Тем временем части 3-й дивизии вступают в упорные бои за Тим. С целью овладения городом был сформирован специальный отряд во главе с И.А. Русаковым. В его состав вошли команды конных разведчиков 22-го, 23-го и 24-го полков, а также 1-й эскадрон кавалерийского дивизиона 2-й бригады. Взяв город, советские войска получали возможность выйти в тыл всей курской группировке белых, поэтому борьба за Тим отличалась особой напряжённостью. Занять город 3-й дивизии удалось лишь после трёхдневных боёв 4 (17) ноября. Несмотря на сильную метель и пулемётный огонь противника, отряд Русакова разгромил на подступах к Тиму пехотную заставу белых в 60 штыков и помог батальону 23-го полка сломить сопротивление его защитников⁵⁰².

Трудно шло наступление на Курск на участке Эстонской дивизии. Белые упорно оборонялись вдоль линии железной дороги, их бронепоезда не раз прорывались к Поньярям. «В ноябре начались снежные метели. Иногда вьюги мели подряд несколько дней, так что обозримое пространство ограничивалось несколькими шагами. Для продвижения пользовались компасом. Дошли до подступов

км по прямой. Следует учесть, что как раз 3 (16) ноября огнём бронепоезда «Офицер» было отражено «нападение конницы красных на мосте через реку Сейм» у ст. Конарево и в тот же день «Офицер» сошёл с рельс на разобранном участке пути у занятой красными ст. Полевая (Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 520). Таким образом, места для одиночного подвига красноармейца Черникова нигде не остаётся.

502 Азурев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 116.

Курска. Противник там упорно оборонялся, используя свои лучшие ударные полки и бронепоезда. Но задержать наше наступление он не смог. В боях под Курском наступающая пехота врага познала силу нашего точного огня», — с удовлетворением вспоминал позднее боец 3-й Эстонской артбатареи А. Тийдре⁵⁰³.

Кроме того, трудности усугубляли проблемы со снабжением. Состояние железных дорог было таково, что передвигаться по ним было практически невозможно. Начдив Якоб Пальвадре прямо сообщал в штаб 13-й армии: «Положение катастрофическое, движение чуть ли не приостановлено, нет топлива, не на чем эвакуировать раненых и подвозить боеприпасы. Паровозы стоят холодные, а с фронта ждуг экстренных мер»⁵⁰⁴. Рельсы заносило непроходимыми сугробами. Не хватало подков для лошадей, зимнего обмундирования для бойцов, ружейного масла и боеприпасов для оружия. Отчётливо сознавая все эти трудности, встающие на пути успешного наступления, начдив Я.К. Пальвадре действовал с восхитительной прибалтийской основательностью, упрямо требуя от командования сначала 14-й, а потом 13-й армии временной передышки, «чтобы доформировать штаты бригад, артиллерию, обувь и одеть полки», запрашивая пополнения пулемётами, снаряжением, обмундированием, лошадьми. Наконец, он потребовал «подчинения ему железной дороги со всей администрацией на участке фронта дивизии, выделения в его распоряжение головного ремонтного поезда», а затем, мобилизовав население окрестных деревень на расчистку железнодорожных путей, восстановил в промежутках между боями линию железной дороги Орёл — Курск⁵⁰⁵.

Между тем командование 13-й армии приказало Эстдивизии оказать содействие левофланговым частям Латышской дивизии, преодолевающей упорное сопротивление противника в районе Глебово — Фатеж. В конце концов, 30 октября (12 ноября) 2-й, 3-й и 4-й эстонские полки повели успешное наступление в направлении Ольховатки и Станового, выходя в тыл и фланг корниловцам, сдерживавшим натиск Латышской дивизии на Фатеж. В итоге на следующий день начальник штаба Эстдивизии И. Лехт и комиссар И. Тамм телеграфировали командованию 13-й армии: «4-й Эстполк после 10-часового боя, во время которого противник 2 раза переходил в контрнаступление с намерением обойти левый фланг полка, занял дер. Становое. Наступление продолжается... частями 5-го

503 *Маамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). — М., 1987. — С. 226.

504 *Тийдре И.Я.* В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 256.

505 Там же. С. 151, 153.

и 6-го Эстполков в 9 ч. 15 м. заняты деревни Тифенское и Нижнее Брусовое... Левый фланг 5-го Эстполка прошёл дер. Воробьёвка. В 9 ч. 45 м. при поддержке сильного артиллерийского огня частями 1-го Эстполка занят укреплённый район дер. Смородинное, продолжается наступление на деревни Матвеевка и Гнилушки»⁵⁰⁶.

Обосновавшись в Понырях, штаб Эстдивизии 3 (16) ноября издаёт приказ о переходе в наступление непосредственно на Курск. В приказе в частности говорилось:

«Противник принимает все меры, чтобы удержать за собой Курск, и подготовка обороны приняла форму лихорадки: негодные к употреблению малые танки возятся с одного места на другое, присылается пополнение и ожидается прибытие сербов. [...]»⁵⁰⁷

Против нас оперирует объединённая группа войск Курского укрепрайона, составленная из 1, 2, 3 и вновь сформированного сводного Корниловского полков, артиллерии и четырёх танков. Правее действует Латдивизия, левее — 9-я дивизия. Ближайшей задачей дивизии является стремительным ударом занять г. Курск и отбросить белые банды за пределы опорного пункта г. Курск. Во исполнение чего приказываю:

- 1) Комбригу 2 Эстонской тов. Пельд в составе 2, 3 и 4 полков, 3 эсбатареи и взвода 2 эсбатареи перейти в решительное наступление и безостановочно выйти на линию Гуторово — Цветово — 1-е Рышково. [...]
- 2) Комбригу 1 Эстонской тов. Риухкрант в составе 1, 5 и 6 полков, 1 эсбатареи, взвода 2 эсбатареи и тяжёлой артиллерии перейти в решительное наступление и без остановки пройти г. Курск и выйти на линию деревень Рышково — Лебяжье включительно, оставив один полк для гарнизонной службы в г. Курске. [...]

По занятии г. Курска временное исполнение обязанности начальника гарнизона возлагаю на комбрига 1 Эстонской тов. Риухкрант.

506 Там же. С.154.

507 Любопытно присутствие в официальном приказе красной дивизии упоминания об этом ожидаемом появлении мифических сербов. Слухи о том довольно широко ходили среди белых и, вероятно, были занесены в красные штабы через показания пленных. В. А. Ларионов в связи с этим пишет: «Весёлый «констапуп» Сережа Хартулари вернулся из отпуска и привёз новые частушки, придуманные в связи с бродившими слухами, — то о «выгрузке новых танков», то о прибытии конницы генерала Врангеля с Волги, то об «эшелонах сербских добровольцев»... Всё это было чепухой, и Серёжа пел:

С юга двигаются танки,

На носу висят бапанки.

А под станциями Овны

Выгружают сербов толпы».

(Ларионов В.А. Последние юнкера. — М., 1997. — С. 173).

Комендантом города назначаю военкома дивизии тов. Тамм [...]»⁵⁰⁸.

Начдив Пальвадре, будучи совершенно уверен в успехе, вновь проявил основательность и предусмотрительность.

Действовавшие правее части Латышской дивизии имели задачу обойти Курск с запада и после занятия города продолжать наступление в Белгородском направлении. Левее эстонцев продолжали наступать части 9-й дивизии: 2-я бригада должна была овладеть Курском ударом с севера и наступать вдоль линии Курск — Обоянь; 3-я бригада должна была наступать из района Ноздрачево, Мелехино и овладеть Курском с северо-востока с тем, чтобы перерезать железную дорогу Курск — Харьков; 1-я бригада, наступающая от Охочевки и Тестово, была нацелена на ст. Полевая. Здесь также шли упорные бои. «Белые направляли все усилия для удержания Курска, сражаясь здесь с тем же ожесточением, как и под Касторной, — отмечает А.И. Егоров, — 15, 16, и 17 ноября характеризуются особенно упорными боями»⁵⁰⁹.

Важную роль в ходе боёв сыграл прорыв 3-й бригады 9-й дивизии под командованием Н.В. Куйбышева, 2-4 (15-17) ноября обошедшей Курск с востока и оказавшейся около д. Долгая Клюква. После занятия Отрешково бригада, «несмотря на ночь и сильную вьюгу», продолжила движение, двинув вперёд части 80-го полка. В Долгой Клювке в это время располагались Черноморский кавалерийский полк, 3-й Марковский полк при восьми орудиях и Марковская инженерная рота. Все они были застигнуты врасплох. В ходе боя за Клюкву, как вспоминают ветераны дивизии, «80-й стрелковый полк встретил упорное сопротивление значительных сил врага. Неоднократные атаки позиций противника успеха не имели. Тогда командир 1-го батальона т. Иванов с группой отважных бойцов обошёл противника. Внезапное появление красных в тылу и решительные действия вызвали панику среди белых. Одновременный удар с фронта завершил дело. Враг обратился в беспорядочное бегство, бросив обозы и 5 станковых пулемётов... Преследуя врага, 1-й батальон вырвался далеко вперёд и был окружён белыми. Когда они бросились в атаку, намереваясь одним ударом уничтожить красных, комбат Иванов... повёл за собой бойцов своего батальона, стремительной и безудержно смелой контратакой разбил противника и вырвался из окружения

508 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918-1920). — Воронеж, 1967. — С. 168-169.

509 Егоров А.И. Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 328.

почти без потерь»⁵¹⁰. Отличился в ходе этого боя и комиссар 9-й дивизии С.П. Восков: «в ночь с 16 на 17 ноября комиссар Восков, несмотря на ураганную бурю и мороз, вёл части в наступление. Проблудив целую ночь в лесах, сумел своим личным поведением поддерживать дух пехоты и конницы и далее сумел 17 ноября в 10 часов, несмотря на продолжавшуюся вьюгу, повести части в атаку на Долгую Ключку и, несмотря на ожесточённое сопротивление противника, разбить последнего и забрать в плен 200 чел., пулемёты, винтовки, снаряды и инженерное имущество»⁵¹¹.

Красноармейцы вышли на железную дорогу Курск — Белгород в районе Лебяжьего, создав угрозу окружения противника в Курске. Чтобы ликвидировать эту опасность, был переброшен сюда 3-й Корниловский ударный полк. Несмотря на понесённые ранее потери и усталость от непрерывных боёв, «малочисленный полк разбивает противника и преследует его до темноты»⁵¹². Опасность окружения была, таким образом, устранена, однако железная дорога на Белгород всё же оказалась в руках красных — параллельно движению 9-й дивизии продолжала наступление 3-я дивизия, 26-й полк которой вечером 4 (17) ноября после короткого рукопашного боя занимает станцию Полевая, взрывает мост через реку Полная и приступает к порче железнодорожных путей. В тот же день аэроплан белых, появившись над занятыми частями 3-й дивизии Щиграми, сбросил на город несколько бомб, но особого результата это не принесло. В то же время 23-й полк 3-й дивизии при поддержке кавполка 42-й дивизии занимает Погожее в 8 верстах восточнее Тима и движется на Куськино. Успешно продвигается и собственно 42-я дивизия⁵¹³. Но главные события этих дней разворачивались всё же вокруг Курска.

510 *Добыкин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 75. Ветеран 9-й дивизии, помкомвзвода А.В. Ломов, вспоминает: «В боях за освобождение Курска отличился наш земляк из Рышкова Нестор Каллистратович Иванов. Это был человек исключительной отваги. Восьмидесятый полк никак не мог взять Ключку. Здесь курсировал бронепоезд белых, и его огонь преграждал нам путь вперёд. Нестор Иванов со своим батальоном пробрался в тыл к белым и ударил им в спину. Это и предредило успех боя... Батальон стремительно преследовал врага, и сам оказался во вражеском кольце. Нестор Каллистратович не растерялся, произвёл перегруппировку, сосредоточил в одном месте силы и сам повёл их в атаку. Удалось не только прорвать окружение, но и разгромить белых. Ночью батальон недалеко от Ключки перебрался через мост и вошёл в Стрелецкую (Красное знамя над городом // Курская правда, 17 ноября 1974 г.).

511 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 178.

512 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 382.

513 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 174–175.

«17 ноября к 7 часам подразделения дивизии заняли исходное положение, — пишет начальник связи 3-й бригады 9-й дивизии Д.М. Добыкин. — И как только наступил рассвет, перед ними открылась красивая панорама Курска. Красноармейцы и командиры, особенно куряне, рвались в бой, чтобы освободить родной город, где 9-я дивизия была сформирована и откуда начала свой славный боевой путь»⁵¹⁴.

Бои этого дня оказались упорными и ожесточёнными. Командир 77-го полка 9-й дивизии Болдырев рапортовал о результатах своего наступления: «Доношу, что вверенный мне полк, ведя наступление на деревни Каменево и Виногробль (Недопলেখово), железнодорожную ст. Букреевка, встретил упорное сопротивление противника, и после полуторачасового боя пришлось отойти и занять позицию под дер. Малахово, где и выставил сторожевое охранение... Предполагаю сегодня в час ночи произвести налёт на ст. Букреевка»⁵¹⁵.

Не менее ожесточённое сражение разворачивалось и на участке Эстдивизии, части которой, сформировав две боевые колонны, выступили на Курск в 8 часов утра 4 (17) ноября. Как вспоминает ветеран 5-го Эстонского полка Иоханнес Типнер, «противник [вначале] почти не оказывал сопротивления. Но уже на подступах к городу положение изменилось. Белые упорно сопротивлялись, особенно в районе железной дороги, где они оборонялись при поддержке бронепоездов, и в районе шоссе, где их поддерживали бронемашины и танки. Бой продолжался около двух часов. Отлично действовали артиллеристы, в том числе оставленная в распоряжении начальника артиллерии Эстонской дивизии тяжёлая батарея 9-й стрелковой дивизии. Благодаря меткому огню артиллеристов бронепоезда противника получили серьёзные повреждения и вскоре скрылись в городе. Белогвардейская пехота дрогнула, и в сумерках цепи её также отошли»⁵¹⁶.

Сходные впечатления остались от боёв за Курск и у другого ветерана Эстонской дивизии, командира взвода А.А. Кальмана: «Ночью мы вышли из Свободы [Коренной пустыни], пересекли железную дорогу и двинулись к Курску, чтобы ударить во фланг белым. Но неожиданно появились броневики неприятеля и под их огнём наша пехота залегла. Двумя залпами наш взвод уничтожил броневики. Но радоваться удаче было некогда — к месту сражения спешила ше-

514 Добыкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 76–78.

515 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 170.

516 Типнер И.Я. В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 257.



1. Бойцы 5-го Эстонского коммунистического полка. 1919 г.
2. Начальник Эстонской стрелковой дивизии Я. Пальвадре (слева) и начальник артиллерии Эстонской дивизии Х. Тедер. 1919 г.
3. Знак стрелков Эстонской стрелковой дивизии. Фонды Курского областного краеведческого музея.

стигматурдидная батарея белых. Что делать? У нас всего две пушки. Решаю: надо опередить белых. Заняли удобную позицию, развернулись в считанные минуты и открыли беглый огонь. Белая батарея так и не успела сделать ни одного выстрела. Пушки у денкинцев были новые, английские. Выбрал для взвода два орудия и пошли на Курск»⁵¹⁷.

К вечеру 4 (17) ноября части 9-й стрелковой дивизии П.А. Солодухина и Эстонской дивизии Я.К. Пальвадре охватили Курск с юго-востока и запада. «17 ноября, с самого утра, цепи красноармейцев начали наступление на город Курск со стороны Ямского леса. В городе паника — мечутся всадники, буржуазия вновь притаилась. На ж.-д. линии, около Горелого леса стоит бронепоезд «Офицер», своими выстрелами по наступающим красноармейцам прикрывает бегство белых», — так спустя несколько лет описывалось со слов очевидцев падение города⁵¹⁸.

Сведения, полученные командованием Эстонской дивизии из допросов пленных, местных жителей и от своих разведчиков, свидетельствовали о том, что защитники города готовятся к эвакуации. Об этом было немедленно сообщено командованию 13-й армии с просьбой «усилить нажим на противника на участках соседних дивизий, чтобы помешать белогвардейскому командованию привести в порядок свои расстроенные части». В 22 часа 30 минут того же дня эта просьба поступила из штаба армии в штаб Южного фронта. Ещё через полчаса начальник штаба 13-й армии Зайончковский передал начдиву 9 Солодухину распоряжение командарма 13 Геккера: «Ввиду получения начальником Эстонской дивизии сведений о панике в Курске, он приказал своей дивизии перейти в энергичное наступление для занятия Курска. Командарм приказал Вам с полной энергией поддерживать атаку её с вашего участка на железную дорогу Курск — Белгород, и напоминает о необходимости держать сильный кулак за своим правым флангом на случай оказания помощи Эстдивизии. Присовокупляю, что согласно новой директивы Командюжа после овладения Курском тринадцатой армии надлежит при дальнейшем движении переменить направление круто на юг, а потому Вам надлежит ограничиться занятием и удержанием железнодорожного участка на линии Курск — Белгород и продвигаться к линии Цветово — Рышково во избежание излишнего переливания с частями Эстдивизии»⁵¹⁹.

517 Красное знамя над городом // Курская правда, 17 ноября 1974 г.

518 *Климачев С., Чарский Н.* Курская область. 1919 год. — Курск, 1935. — С. 21.

519 *Титнер И.Я.* В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 257–258.

Таким образом, части 9-й дивизии направлялись в обход Курска, взятие которого целиком и полностью предоставлялось эстонцам⁵²⁰.

О ходе боёв последнего дня обороны города говорят официальные рапорты и воспоминания их участников. Оперсводка 2-й бригады 9-й дивизии за 5 (18) ноября сообщает: «части 2 бригады, 78 и 77 полки, в 9 час. 18 ноября перешли в наступление из дер. Куркина в направлении дер. Букреевка. Цепи противника отступают перед наступающим 78 полком и стараются обойти влево, где встречаются энергичное сопротивление со стороны 77 полка. В районе полустанка Букреевка курсирует бронепоезд противника... За вчерашний и сегодняшний день имеются сотни перебежчиков; взято до 100 пленных; захвачен обоз неприятеля, делопроизводство 2 батальона 2 Корниловского полка»⁵²¹. В это же время 5-й Эстонский полк занимает Овсянниково и ведёт наступление на Сапогово. К 19 часам 77-й и 78-й полки вступают, наконец, в Букреевку, захватив 80 пленных и продолжая движение в сторону Щекино (Щетинка).

Как вспоминает Артур Ломбак, исполнявший тогда обязанности начальника артиллерии 2-й бригады Эстонской дивизии, 3-й Эстонский (Тартуский) полк развернулся на высотах справа от железной дороги Орёл — Курск примерно в 8 км севернее города. Вместе с командиром полка Августом Лиллакасом, конными разведчиками, командирами рот и батареей Ломбак направился на

520 Одной из причин этого, возможно, было то, что командование армии и фронта не особенно полагалось на боевые качества 9-й дивизии, неоднократно терпевшей поражения от белых. Как вспоминает комиссар 78-го полка А. А. Сагайдак, «основным костяком наших военных частей вначале были добровольцы. Отходя на север, мы мобилизовали всех без разбору. Попадали не только крестьянская беднота и середняки, но и кулаки, сыновья купцов, попов, бывших чиновников — элементы очень неустойчивые, создававшие в трудных условиях панику и влиявшие на остальную массу. Штаб 13-й армии прислал нам бывших царских офицеров, часть которых тоже была неустойчива... Ездовые были старики или женщины и подростки. В панике они отрывались от наших рот на 40 километров и разыскать их после боя было очень трудно. Младший командный состав был очень слаб, не хватало командиров отделений и взводов, командиры рот были малограмотны, не могли читать карты» (Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — Л. 60). Кроме того, в ходе отступления на сторону белых перешла и часть командного состава дивизии во главе с самим начдивом, бывшим полковником Генерального штаба (этот факт тщательно замалчивался с тех пор во всех изданиях по истории 9-й дивизии). Таким образом, командованию 13-й армии гораздо проще было положиться на проверенных и надёжных эстонских и латышских стрелков.

521 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 170–171.

рекогносцировку местности. С вершины холма позиции противника были видны как на ладони. «Видишь, Август, как белогвардейцы прыгают с ноги на ногу, будто упражняются в беге на месте», — показал внизу Ломбак. «А что им ещё остаётся делать, как не тренироваться в беге», — флегматично отозвался Лиллакас. Полк должен был развернуть наступление ровно в 14.00, однако из-за снежных заносов артиллерию удалось подтянуть только к четырём часам дня. Батарея ударила шрапнелью, и под прикрытием её огня цепи эстонских стрелков начали спускаться с холмов.

«С громким «Ура!» красные стрелки ринулись в решающую атаку, — вспоминает Ломбак. — С начала боя прошло всего несколько минут, а белогвардейцы уже побежали, оставляя позиции. До города оставалось ещё километров пять. Быстро наступали сумерки. На незнакомых улицах можно было нарваться на неприятельские засады. И хотя конные разведчики, побывав на окраинах города, не встретили там белогвардейцев, мы всё-таки приняли решение войти в город утром»⁵²².

Как вспоминает М.Н. Левитов, 5 (18) ноября «с утра красные большими силами повели наступление на Курск: с северо-запада латышская стрелковая дивизия, с северо-востока эстонская стрелковая дивизия и с востока, в обход города, с целью перерезать железную дорогу Курск — Белгород, наступали части 9-й дивизии. На всех направлениях полки Корниловской ударной дивизии с большими потерями для себя, переходя в контратаки, сдерживают противника. 3-й полк теряет полностью один батальон, шедший по железной дороге. 2-й Корниловский ударный полк сдерживает эстонскую дивизию. 1-й полк переходит в контратаки на латышей и несёт большие потери. К вечеру получен приказ оставить город»⁵²³. Поскольку железнодорожная линия на Белгород была перерезана 3-й бригадой Куйбышева ещё вечером 4 (17) ноября, то белые бронепоезда («Иоанн Калита», «Москва», «Вперёд за Родину» и «Офицер») уходят по ветке в сторону Льгова.

Исай Казацкий вспоминает, что после вывода из Курска войск здесь наступил краткий период безвластия и анархии: «в городе хозяйничали выпущенные на волю уголовные и местные хулиганы, громившие (в который раз!) лачуги на Ендовищенской и Сосновской улицах. На нижнем базаре они взламывали ларьки и мелочные лавки. Тут же бились смертным боем, не поделив награбленное. К

522 Ломбак А. Пламенные годы. — Талинн, 1981. — С. 163–164.

523 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 384.

вечеру всё стихло. Лишь изредка тишину разрывали выстрелы и пьяные песни разгулявшейся шпаны»⁵²⁴.

Перед рассветом 6 (19) ноября конная разведка 78-го стрелкового полка 9-й дивизии во главе с самим комполка Д.Г. Михайленко (30 сабель) вошла в Курск. Рапортуя о занятии города, он утверждал, будто в центре Курска «застал казаков противника, грабивших табачную и конфетную фабрики и другие предприятия; после перестрелки белые удрали по направлению к Рышково»⁵²⁵. Показатель-

524 *Казачий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 74.

525 В рапорте Д.Г. Михайленко приводится явно ошибочная дата — «в ночь на 18 ноября» (Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920 гг). — Воронеж, 1967. — С. 173). Та же дата фигурирует и в истории красных эстонских стрелков. Командир одной из рот 5-го Эстонского полка М. Ребане утверждал в своих воспоминаниях, что «немного потребовалось времени... чтобы окончательно очистить город от белых, многие из которых были пленены в ресторанах и кабаках» (*Маамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). — М., 1987. — С. 155, 156, 226). Как пишет И. Типнер, «в ночь с 17 на 18 ноября 1919 года Эстонская война вместе с некоторыми частями 9-й стрелковой дивизии ворвались в Курск...» (*Типнер И.Я.* В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 258). Это подтверждает и А. Ломбак, сообщающий, что Тартуский полк вошёл в город «с первыми лучами солнца» 18 ноября (Ломбак А. Пламенные годы. — Талинн, 1981. — С. 164). В.М. Примаков утверждал, что узнал о взятии Курска уже утром 18 ноября (*Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. Сборник воспоминаний. — М., 1969. — С. 222). А.И. Егоров вообще говорит о взятии города «вечером 17 ноября» (*Егоров А.И.* Разгром Деникина. — М., 2003. — С. 328). О взятии Курска «в ночь на 18 ноября» сообщает и официальная история Гражданской войны (История Гражданской войны в СССР. — Т. 4. — М., 1958. — С. 280), а также военный историк полковник К.В. Агуреев (*Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 115).

Однако в очерке истории 9-й дивизии утверждается, что Курск был взят всё же 19 ноября (*Добыкин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 78). О том же сообщает и М.Н. Левитов: «19 ноября. Последние части Корниловской ударной дивизии выходят из города на юг в 5 часов — было ещё темно. Противник небольшими частями занимает город, куда его части вошли днём без боя» (Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 384). О том же сообщает и В.Е. Павлов, дающий дату 6 (19) ноября (*Павлов В.Е.* Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 161). Подтверждает это и рассказ И.Н. Шевченко, ветерана 78-го полка, который говорит, что его полк «ворвался» в город именно «на рассвете 19 ноября» (*Шевченко И.Н.* В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 70). Командир артиллерийского взвода Эстонской дивизии А.А. Кальман также сообщает, что красные войска вошли в город «утром 19 ноября» (Красное знамя над городом // Курская правда, 17 ноября 1974 г.). Ещё один ветеран 9-й дивизии, В.М. Пузанов, уточняет: «78-й полк второй бригады 19 ноября в 11 часов вошёл в Курск с севера и занял южную часть города» (Красное знамя над городом // Курская правда, 17 ноября 1974 г.). Именно этой дате и следует отдать предпочтение. Появление даты «в ночь на 18 ноября» в рапортах красных командиров следует объяснить стремлением подтасовать факты в свою пользу. Дело в том, что нака-

но, что в Курск вошли только конные разведчики. Судя по всему, бойцы 78-го полка действовали при этом на свой страх и риск, явно нарушая чёткий приказ командарма Геккера, требовавшего избегать «излишнего переливания с частями Эстдивизии». Одновременно с кавалеристами Михайленко в город настороженно вступают передовые цепи 5-го полка эстонских стрелков.

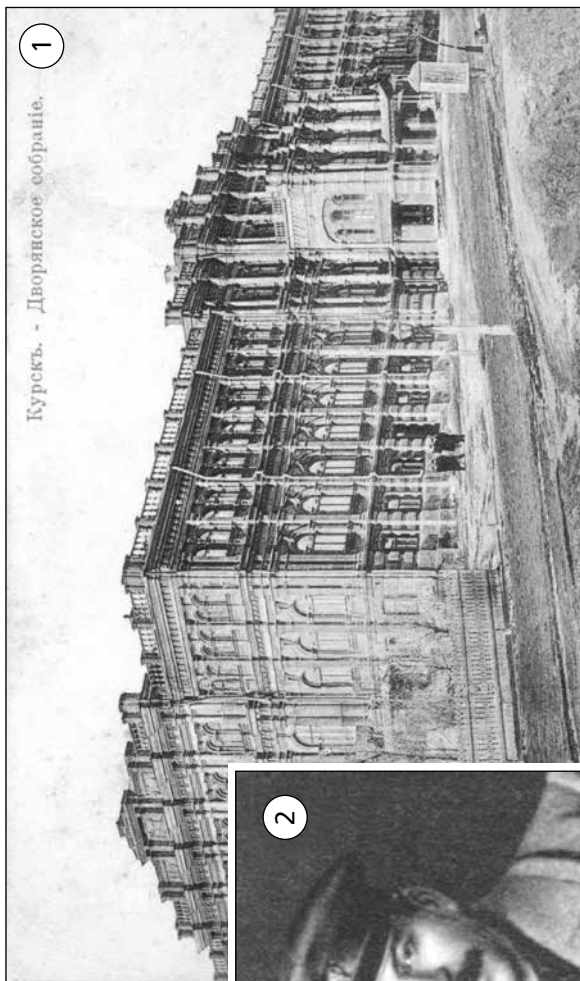
Вслед за передовыми частями в Курск стали втягиваться и основные подразделения Красной армии. Красный эстонский стрелок И. Раба впоследствии вспоминал: «Оркестр впереди, адъютант в сопровождении 25–30 красноармейцев с полковым знаменем за ним, охранение сбоку, вошли в Курск. Под звуки марша «Смело, товарищи, в ногу!» прошли по главной улице города гордой поступью. Рабочие махали нам красными платками».⁵²⁶ Московские ворота, через которые красноармейцы вступали в Курск, были к этому времени уже украшены кумачовыми флагами и приветственными лозунгами.

«В полдень с песней и знамёнами по всему городу проехал конный отряд нашего полка, — вспоминает ветеран 78-го полка И.Н. Шевченко. — Впереди, рядом с командиром [Д.Г. Михайленко], гарцевал на захваченном у деникинцев коне воспитанник 78-го полка четырнадцатилетний Фёдор Макаров: шашка через пле-

нине взятия города красное командование отдало приказ занять Курск именно 18 ноября (Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 382). Таким образом, и Эстонская, и 9-я стрелковая дивизии стремились «уложиться в намеченный срок», хотя бы только на бумаге. Из-за негласного соперничества между обеими дивизиями относительно того, кто раньше вступит в Курск, ныне практически невозможно установить, кто же действительно сделал это первым. Вероятно, это были всё же эстонцы, поскольку именно 5-й Эстонский полк был оставлен в городе для гарнизонной службы и именно Я. Пальвадре был назначен его комендантом («по традиции русской армии комендантом назначался генерал, первым вступивший в город»). Впрочем, и у полка, и у начдива уже был аналогичный опыт в Орле, где они были назначены исполнять те же обязанности.

На неверную дату взятия Курска обратили внимание ещё составители сборника документов, изданных к 50-летию Октябрьской революции, комментировавшие рапорт Д.Г. Михайленко следующим образом: «18 ноября 1919 г. штаб 9 стрелковой дивизии преждевременно сообщил штабу 13-й Армии о взятии Курска 17 ноября. Однако, как показывают документы сборника, части дивизии ни 17, ни 18 ноября в Курске не были, а вели бои на близких подступах к городу и находились от него на расстоянии 5–10 км» (Курская губерния в годы интервенции и гражданской войны (1918–1920 гг.). — Воронеж, 1967. — С. 316).

⁵²⁶ *Маамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). — М., 1987. — С. 155–156. Продвижение к Курску стоило дивизии тяжёлых потерь, в том числе не только боевых. Так, только из-за обморожения Эстдивизии в этот период лишилась 50 % командного состава. Из-за тифа в одном лишь 2-м Эстонском полку выбывало до 15 человек в сутки (Там же. С. 158–159).



1. Дворянское собрание. Курск. Начало XX в.
2. И. В. Сталин. 1919 г. В январе-феврале 1920 г. И. В. Сталин, член Революционного Южного фронта, занимал одну из комнат (четыре угловых окна на первом этаже) в здании бывшего Дворянского собрания.

чо, за спиной — карабин, во всём его облике сквозили гордость и достоинство».⁵²⁷

«Дорогие товарищи, вот как нас встречали, — делился позднее впечатлениями конный разведчик 78-го полка М.Ф. Светличный. — Несмотря на раннее время и пургу, жители Курска выходили и приветствовали [нас], а одна женщина с двумя ведрами на коромысле с мочёными яблоками подбежала к красноармейцам со слезами на глазах от радости, просила «возьмите яблочек, товарищи, ну возьмите». И это не одна, их было много».⁵²⁸

«Пешком и на санях, с песнями двигались по мостовой разрумянившиеся на морозе красноармейцы, — пишет И.Б. Казацкий. — Несмотря на то, что одеты они были в ветхое, изорванное в боях обмундирование и обуты в стоптанную обувь, все весело смеялись и перебрасывались шутками. Здесь же на улице им отдавали полушубки, валенки, меховые шапки и тёплые варежки. Угощали папиросами и отсыпали махорку».⁵²⁹

Историк Корниловского полка М.Н. Левитов описывает вступление красных в город несколько иначе: «местные большевики высыпали навстречу, наши сторонники притихли и пали духом. Однако радостной встречи не произошло даже у большевиков: в город вступали латышские части, не говорившие по-русски или по-украински, «ЧЕКА» и «янычары» Ленина, и вместо радостной встречи появился ужас на лицах. Большинство жителей поняли, в ком основная сила Ленина, но было поздно»⁵³⁰. Судя по всему, для корниловского офицера разница между латышами и эстонцами была крайне незначительна.

В любом случае, торжественный марш красноармейцев не успокоил мирных обывателей, встревоженных возвращением больше-

527 *Шевченко И.Н.* В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 71; 13-летний сирота Ф.Д. Макаров прибил к полку ещё на ст. Готня в начале августа 1919 г.; 1 октября попал в плен к белым при разгроме ими штаба 78-го полка в д. Ломовец Орловской губернии, но сумел бежать (начальник полковой канцелярии А. Стеценко и «ещё четыре штабных работника» были расстреляны); состоял в должности полкового вестового, а в январе 1921 г. был командирован командованием для учёбы на рабфак. Позднее закончил политехнический институт и, став инженером, работал в начале 1960-х гг. в Курске начальником производственно-технического отдела одного из СМУ (в другой, более ранней, книге своих воспоминаний Н.И. Шевченко, правда, называет его Фаддеем Макаровым. См.: *Шевченко И.Н.* Грайворонский революционный... — Белгород, 1962. — С. 39).

528 *Светличный М.Ф.* Письмо работникам Курского краеведческого музея (рукопись).

529 *Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 75.

530 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 384.

виков. Командир 78-го полка Д.Г. Михайленко вынужден был срочно распечатать и «в большом количестве расклеить по улицам» специальное объявление. Горожане извещались, что рабоче-крестьянская армия «вместо белого грабежа принесла гражданам города Курска настоящий революционный порядок»⁵³¹.

Если обещание «настоящего революционного порядка» и не успокоило горожан, то дальнейшее поведение красноармейцев извбило их от опасений. Победителям и без того достались богатые трофеи: около 800 железнодорожных вагонов и платформ, 30 паровозов, бронепоезд, эшелон с английскими танками, обмундированием и снаряжением, орудия, пулеметы, боеприпасы, около 2000 пленных, главным образом мобилизованных белыми орловских и курских крестьян. Большинство пленных было захвачено в эшелонах на железной дороге⁵³².

Части 9-й дивизии после взятия Курска получили приказ сосредоточиться на линии реки Рать и затем перейти в армейский резерв в районе Щигров. Личный состав Эстонской дивизии в награду получил по месячному денежному окладу, а 5-й Эстонский полк остался в городе для несения гарнизонной службы (до 12 (25) ноября). Обязанности коменданта города до 16 (29) ноября выполнял сам начдив Якоб Пальвадре⁵³³. В город возвращалась Советская власть⁵³⁴.

531 Страницы и лица. «Курская правда» 1917–2002. – Курск, 2002. – С. 44.

532 *Маамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). – М., 1987. – С. 156 (По всей видимости, большая часть пленных относилась к числу больных и раненых, которых не успели эвакуировать).

533 В своих мемуарах И.Б. Казацкий утверждает, что первым комендантом города был некий Якимович. (*Казацкий И.Б.* Два месяца (рукопись). Л. 76).

534 В фондах ГАКО сохранился документ, наглядно иллюстрирующий ту неразбериху, которая сопровождала смену власти в губернии. Судя по всему, немалая часть сельского населения (даже пригородного) вообще не понимала сути происходящих событий. Для этих крестьян обе враждующие стороны были просто «солдатами», которые то и дело являлись неизвестно откуда к ним в сёла со своими требованиями и угрозами: «Мы нижеподписавшиеся гражданае дер. Касторной Стрелецкой волости Курского уезда собравшиеся на полном сельском сходе в числе 45 домохозяев в присутствии нашего председателя и секретаря обсуждали вопросы такие, что у нас проходили солдаты через нашу деревню и стояли у нас мы их приняли кормили снабжали их фуражем и подводами. Эту часть мы помним 4-й латышский полк, этого полка солдаты разобрали у нашего бывшего старосты и сына его стражника который при наступлении белых перешли на сторону белых все свое хозяйство оставил на произвол судьбы, как принадлежащей белой армии в виду этого было разобрано означенными солдатами все а именно первым долгом одна пасека, 2 поросенка, 4 лошади, 7 овец, кур и уток, а также обужу и одежду, другие части приезжали, как из города Курска, так и других мест берут фураж и картошку и хлеб, овес, сено и все другие предметы и нам не дают никаких бумаг и печатей мы граждане думаем

Отступление дроздовцев и рейд Червонных казаков на Льгов. Во второй половине октября 1919 г. под напором 41-й и 46-й дивизий 14-й армии Уборевича части Дроздовской дивизии, действовавшие севернее Дмитриева, начали медленно отходить на юг. Ситуация для дроздовцев резко обострилась 28 октября (10 ноября), когда находившиеся западнее Дмитриева части 5-го кавалерийского корпуса белых внезапно отступили, и красные двинули в прорыв свои войска. Пришлось спешно эвакуировать Дмитриев, где стояли 2-й Дроздовский и Самурский полки. Последние подразделения белых уходили из города уже под сильным ружейным обстрелом со стороны противника, сбившего роты дроздовцев, которые прикрывали отход. Город заняли части 3-й бригады 46-й дивизии, наступавшие со стороны Севска.

В то же самое время 59-й и 66-й полки 7-й дивизии под личным руководством начдива А.Г. Голикова занимают слободу Михайловка, где при этом погибла 6-я Дроздовская батарея. В руки красных попали 6 орудий, 6 пулемётов «и другие трофеи». Победители торжественно рапортовали командованию о том, будто ими в Михайловке целиком разгромлен 3-й Дроздовский полк⁵³⁵.

Отступавший со стороны Комаричей 1-й Дроздовский полк А.В. Туркула концентрировался в это время в с. Дерюгино. В два часа ночи 28 октября (10 ноября) красными был атакован его 3-й батальон в д. Бычки. Атака была отражена, но и далее в продолжение дня «красные пытались несколько раз перейти в наступление с севера и с востока, причём они накапливались в лесу, который находился в трёх верстах от деревни. Гаубица в течение дня открывала несколько раз огонь, отгоняя красных»⁵³⁶. К вечеру батальон

какое наше положение даем мы все что требуется для нашей армии но именно не знаем кому мы даем поступает ли для нашей армии или нет был пример такой: приехал солдат, собрал у нас муки, пшена и написал записку, приезжает другой солдат, требует тоже самое мы показали ему эту записку, они сказали эта записка белых, а нам давай мы ничего не признаем мы тоже али теперь случай такой в первую часть арестовали старосту, дочь 26 лет и учительницу у 26-го ноября приезжают три солдата, которые закричали на нас: кто приказал Вам арестовать? Кто разобрал его имуществонесите сейчас, а то мы Вас постреляем, арест им сняли, в чем покорнейше просим коменданта г. Курска распорядиться и разрешить как нам поступить с этим делом что можно допускать без ваших бумаг до реквизиций или нет» (ГАКО. Ф. Р-1529. Оп. 1. Д. 5. Л. 55).

535 *Кравченко В.М.* Дроздовцы в осенне-летних боях 1919 года // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 304–305; Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 165–166.

536 *Ребиков Н.Н.* На московском направлении // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 374.

отступил к Дерюгино, где присоединился к остальным частям полка. Отсюда дроздовцы двинулись на Дмитриев.

Подойдя к Дмитриеву на рассвете 29 октября (11 ноября), 1-й Дроздовский полк с ходу атаковал застигнутого врасплох противника прямо в городе. «Дмитриев раскинут по холмам, между ними глубокий овраг. Над оврагом курился туман... Головной батальон наступал цепями, впереди 7-я и 8-я роты поручиков Усикова и Моисеева, — вспоминает А.В. Туркул. — Первые строения; всё пусто. Цепи тянутся вдоль заборов, маячат тенями в холодном тумане. Площадь, на ней темнеют походные кухни... Но вот у кухни засуетились, глухо застучал пулемёт — на площади красные. Город проснулся от боя. Красные нас прозевали, но отбиваются с упорством. Оба командира головных рот, поручик Моисеев и поручик Усиков, убиты. К вокзалу, где ведёт атаку 4-я рота, тронулся 1-й батальон полковника Петерса. Пушки красных открыто стоят на большаке к Севску и бьют картечью по нашим цепям. У меня захватило дыхание, когда я увидел, как цепи 4-й роты по мокрому снегу и грязи вышли на большак, прямо на пушки. Я видел, как смело картечью фельдфебеля роты, как капитан Иванов заскакал впереди цепи, размахивая сабелькой, как рота поднялась во весь рост, с глухим «ура» побежала под картечь... Красные отдышались, подтянули резервы и перешли в сильную контратаку. А наша артиллерия уже расстреливает последние снаряды. Единственная гаубица 7-й батареи, выпустив последнюю гранату, под напором красных спустилась в овраг, разделяющий город. В овраге столпились обозы. У нас ни одного снаряда. Обмёрзший, дымящийся разведчик подскакал ко мне с донесением: у вокзала на путях брошена санитарная летучка с ранеными и вагоны, набитые патронами и снарядами — целый огнесклад. Случай — слепая судьба боёв — спас всё. Рота 2-го батальона кинулась к вагонам, стала там живой цепью, передавая снаряды из рук в руки. Мы вывезли из огня санитарную летучку. Раненые, голодные и измученные, с примёрзшими бинтами, плакали и целовали руки наших стрелков. Гаубица загремела снова... Наша артиллерия... на рысях под огнём проскочила овраг и открыла пальбу. Цепи 1-го и 3-го батальонов перешли в контратаку. Красные замялись, потом стали откатываться. Мы выбили их из Дмитриева. Уже в третий раз мы занимали город»⁵³⁷.

537 Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 88–89; Заняв город, дроздовцы размещались на постой по старым квартирам. «Отряхивая с шинели снег, я позвонил у дверей того дома, где уже не раз стоял штаб 1-го полка, — пишет Туркул. — ...Мне долго не открывали. Наконец позвонел ключ в замке, и я услышал знакомый и милый женский голос: «Вот видишь, я говорила...

Среди захваченных в городе трофеев были семь трёхдоймовых пушек и «большой обоз». Это весьма пригодились победителям, поскольку буквально сразу им пришлось отражать натиск наседавшего противника. Уже в девять утра следующего дня 30 октября (12 ноября) части 46-й дивизии, а также подошедшие с севера подразделения 41-й и 7-й дивизий повели ожесточённую атаку на город. При поддержке бронепоезда «Дроздовец» штурм был отбит. «Бронепоезд под командой штабс-капитана Рипке⁵³⁸ работал как часы, — вспоминает подпоручик Н.И. Плавинский. — Очередная смена заняла свои места, и бронепоезд полным ходом понёсся навстречу глухо доносившемуся орудийному гулу... Командир впереди, на контрольной площадке, с биноклем в руках, офицеры по своим местам, сидят, свесив ноги внутрь, в окнах башен. Кто-то рассказывает анекдот. Смеются...

Не может быть, чтобы первый Дроздовский полк, если он в городе, прошёл мимо, не освободил нас...».

Описание боя за Дмитриев содержится также в воспоминаниях капитанов А.К. Павлова и Н.Н. Ребикова (Поход на Москву. — М., 2004. — С. 374–375).

- 538 Капитан Владимир Владимирович Рипке — офицер 2-й батареи 26-й артиллерийской бригады, ветеран похода Яссы–Дон. А.В. Туркул называл его «холодным храбрецом» — «невысокий, неслышный в походке и движениях, с очень маленькими руками, светлые волосы острижены бобриком, пенсне, всегда сдержанный, не выбранился, не прикрикнет, а всё замирает при виде его, и команда действительно предана до смерти своему маленькому капитану» (*Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 90*). Он застрелился во Льгове под впечатлением потери бронепоездов, отходивших из Курска. Дата его гибели в биографических справках неизменно указывается ошибочно — 29 октября 1919 г. (От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 610), сентябрь 1919 г. (Дроздовский и дроздовцы. — М., 2006. — С. 677). Это физически невозможно, учитывая что гибель бронепоездов произошла в ночь на 6 (19) ноября 1919 г. Со слов А.В. Туркула известно, что Рипке застрелился «через день» после катастрофы, то есть 7 (20) ноября. Львовский краевед М.С. Лагутич опубликовал сенсационное утверждение, будто застрелившийся «командир отряда бронепоездов капитан Рипка (!)» был похоронен у церкви с. Капыстичи и «несколько лет назад, при строительстве на старом фундаменте новой церкви, рабочие наткнулись на останки с ещё сохранившимися знаками различия белогвардейского офицера» (*Лагутич М.С. Провинциальная хроника. Льгов в истории Курского края. — Курск, 2007. — С. 184*). С этим, однако, нельзя согласиться. Крайне маловероятно, чтобы тело капитана везли из Льгова под Рьльск и даже переправлялись ради похорон на другой берег Сейма (Капыстичи расположены на правом берегу реки, примерно в 20 км выше Рьльска, а между селом и Льговом расположен густой Банищанский лес). Тем более что и Рьльск был занят красными как раз в день гибели бронепоездов 6 (19) ноября. Кроме того, следует заметить, что Введенская церковь в Капыстичах отнюдь не была разрушена до фундамента, у неё лишь была снесена колокольня. Начавшиеся в 2001 г. работы по восстановлению храма носили в первую очередь реставрационный характер. В приалтарной части церкви располагались склепы, содержавшие захоронения местных помещиков Воропановых. Скорее всего, потревоженные останки одного из них и были приняты за погребение белого офицера.

Точно на прогулку отправляются... Гул артиллерийской и пулемётной стрельбы становится веселее. Вот, наконец, видна и станция... Слева красные, силой этак в дивизию, припёрли дроздовцев к полотну железной дороги. Тонкие, но упругие и крепкие, как сталь, цепочки дроздовцев стойко держались, время от времени переходя даже в контратаки... Красные, очевидно решив покончить дело одним ударом, пошли густыми цепями одна за другой... Вот тут-то и понадобилась помощь «Дроздовца». Заговорили восемь левобортовых пулемётов и четыре орудия. Красные первое время, как «вросли» в землю... но наши гранаты и шрапнели заставили притихшие в смертельной тоске цепи красных всколыхнуться в последних судорогах: начались беспорядочные перебежки назад... Дроздовцы перешли в атаку. Всё шло хорошо, но дула орудий так накалились, что стрелять было опасно. А тут ещё новая беда — красные начали обстреливать бронепоезд химическими снарядами. Хлор затянул тяжёлой жёлтой пеленой всё пространство около бронепоезда. Невозможно было смотреть, дышать... А мы всё продолжали стрелять. Штаб-капитан Рипке не тронулся с места. Наконец, красные смешались окончательно, их артиллерия замолчала. Только тогда бронепоезд был выведен из полосы хлора. Дроздовцы выравнивали фронт»⁵³⁹.

Ночью район железнодорожной станции был обстрелян подошедшей со стороны Севска красной батареей. В ответ две роты дроздовцев при двух гаубицах и трёх лёгких орудиях вышли на Севское шоссе и, удалившись версты на две от города, обстреливали д. Кузнецовку.

Укрепившись в Дмитриеве, А.В. Туркул наладил связь с оборонявшимся правее 2-м Дроздовским полком, а 31 октября (13 ноября) в Дмитриев прибывают генералы А.П. Кутепов и В.К. Витковский. В то же время, подтянув свежие силы, красные перешли в новое наступление, действуя со стороны Севска. По сведениям А.В. Туркула, против него тогда действовало 14 полков противника, наступавших на него с трёх сторон⁵⁴⁰. Этому вполне можно по-

539 *Плавинский Н.И.* «Дроздовец» // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 382–383

540 «Поразительную малочисленность» частей Добармии, противостоящих наступлению красных, с удивлением отмечал и тов. Кернер: «На Комаричском фронте, например, где у нас было несколько полков, у Деникина действовали 2–3 роты, а в момент отступления Деникина из-под Комаричей там была одна 9-я рота 2-го Дроздовского полка. Это несмотря на то, что решительно все, что можно, там отправляется на фронт, не оставляется даже резервов в ближайшей к фронту полосе (например, в 2 верстах от... [неразборчиво] ни одного солдата). В караульной роте при штабе полка так мало людей, что нередко бесшумно двое суток тот же солдат откардуливал, а раз — и трое» (Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 511–512).

верить, так как именно 31 октября (13 ноября) командарм-14 И.П. Уборевич отдаёт специальный приказ по армии о нанесении удара по закрепившимся у Дмитриева дроздовцам. Текст его звучит весьма лестно для потрёпанного полка Туркула: «Противник в районе г. Дмитриев сосредоточил всю Дроздовскую дивизию. Представляется самый исключительный случай, пользуясь нашим численным превосходством, разбить противника. Начдиву 46 вести решительное наступление, охватывая противника с запада и отрезав с юга. Начдиву 41 решительным поспешением теснить противника с фронта. Начдиву 7 [напрячь] максимум сил, обхватывая противника с востока и развивая удар на юг. Начдиву 8 кавалерийской ударом на Льгов идти в тыл Дроздовской дивизии, содействовать полному сокрушению противника»⁵⁴¹.

В 12 часов дня 31 октября (13 ноября) силы трёх красных дивизий атаковали город с трёх сторон: от Крупча, от Севска и со стороны Дерюгина. Выдержать упорный бой против превосходящих сил помогала белым огневая поддержка бронепоезда «Дроздовец», помешавшего красным захватить деревянный мост через Свапу и тем самым отрезать осаждённому пути к отступлению. «Железнодорожный мост загремел: «Дроздовец» полным ходом врзался в толпу большевиков, давя, разбрасывая с рельсов, расстреливая в упор пулемётами, — пишет А.В. Туркул. — Гаубичная открыла по ним ураганный огонь. Мои молодые роты поднялись в атаку. Всё с моста сметено. «Дроздовец», грохоча, выкидывая чёрный дым, вкатил на вокзал: низ серой брони в пятнах крови. На броневой площадке в английской шинели стоит капитан Рипке. Он узнал меня на перроне. Поезд стал замедлять ход. «Вперёд, без остановки! — крикнул я, махнув рукой. — Вперёд!» Капитан Рипке отдал честь. Бронепоезд прогремел мимо»⁵⁴².

Повторный удар красные нанесли уже ночью, и дроздовцы вынуждены были отойти к вокзалу. В конечном итоге, взорвав за собой мосты, они отступили к д. Рогозна. Вслед за ними утром в город вошли 159-й и 367-й полки 1-й бригады 41-й дивизии. После завершения боёв за Дмитриев командование 14-й армии смогло, наконец, перебросить часть войск (3-ю и 4-ю бригады 41-й дивизии) в направлении на Глухов.

Прибытие этих подкреплений решило исход обороны Глухова, и находившиеся там части 2-й дивизии 5-го конного корпуса ге-

541 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 166.

542 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 90.

нерала Юзефовича в ночь на 1 (14) ноября оказались вынуждены отойти к Рьльску. «За два дня похода в страшные морозы и метели мы добрались до Рьльска, пришли приблизительно часа в 4 дня и не успели даже отдохнуть, как вечером большевики повели наступление на город и окружили его с двух сторон, — вспоминает поручик С.Н. Шидловский. — Пришлось отойти в деревню на половине дороги между Рьльском и Кореневым. В эту ночь мороз усилился, люди так устали, что были не в состоянии слезть с лошадей, чтобы идти пешком, а между тем это было единственным спасением от отмораживания ног и рук... Курск был оставлен и большевики продвигались по железной дороге на село Коренево; эти обстоятельства заставили и нас отойти к тому же селу. Здесь узнали, что Врожба занята красными и что части первой нашей кавалерийской дивизии отходят по железной дороге на Сумы... От Коренева до Сум мы шли приблизительно около пяти дней, во время пути происходили лишь небольшие стычки»⁵⁴³.

Тем временем отход дроздовцев продолжался. На рассвете 1 (14) ноября, когда красные уже овладели Глуховым, полк Туркула втянулся в д. Рогозна. С другой стороны в него же вошли красные. «И мы, и они шли колоннами, — вспоминает А.В. Туркул. — В голове: у нас — взвод 7-й гаубичной, у них — полевая батарея. Обе колонны вошли в узкую деревенскую улицу. Командир гаубичного взвода полковник Камлач успел раньше красных сняться с передков. Первым же выстрелом он угодил в красную батарею. Батальон кинулся в атаку. Нам досталась батарея, пулемёты, сотни три пленных. У нас только один раненый»⁵⁴⁴.

Вечером того же дня, пытаясь наладить связь с отступающим правее 2-м Дроздовским полком, разъезд Туркула захватил двух пленных. Это оказались старые знакомые дроздовцев — казаки Червонной дивизии. Они сообщили, что «червонцы» вышли в новый рейд и движутся на Льгов.

Новое задание 8-я кавалерийская Червонно-казацья дивизия В.М. Примакова получила уже вскоре после возвращения из набега на Фатеж — Поньри. Согласно уже упоминавшемуся приказу по армии командарма-14 И.П. Уборевича от 31 октября (13 ноября), она должна была прорвать фронта противника в районе Фатежа и совершить набег на Льгов. Львовский железнодорожный узел имел важное стратегическое значение, а кроме того, овладев городом, красная конница оказывалась в тылу Дроздовской дивизи

543 Шидловский С.Н. Записки белого офицера. — СПб., 2011. — С. 62–63.

544 Туркул А.В. Указ. соч. С. 91.

зии, которая в этот момент сдерживала натиск 46-й и 41-й дивизий 14-й армии.

Действия Червонных казаков проходили по отработанной в предыдущем набеге схеме. Дивизия сосредоточилась в сёлах Нижний Реут и Путчино. На рассвете 1 (14) ноября бригада латышских стрелков Стуцки под прикрытием сильной выюги нанесла удар по с. Солдатское на реке Усожа, выбив из него противника и продолжив наступление на Миролобово и Фатеж. Уже вскоре, в 8.30 утра, 7-й и 9-й полки 3-й латышской бригады «с небольшими потерями овладели г. Фатежем и, преследуя противника, выдвинулись на линию дер. Миролобово. Части 2 бригады заняли линию Миленино–Глебово, что в 5 в. восточнее г. Фатежа»⁵⁴⁵.

В образовавшийся прорыв тотчас вошли единой колонной «червонцы». В этом набеге в распоряжении Примакова находилось «1900 сабель, 32 пулемёта «максим» на тачанках, 6 орудий при 6 зарядных ящиках, 32 патронные двуколки, 16 санитарных тачанок, 2 трючные повозки с патронами и 4 с подрывным имуществом»⁵⁴⁶. У села Репинка разъезды «червонцев» обнаружили батальон пехоты белых, но из-за сильной метели бой не состоялся и противники мирно разошлись⁵⁴⁷.

К двум часам дня 1-й полк дивизии достиг Ольшанки, штаб и 2-й полк остановились в Мармыжах, а 3-й и Латышский полки заняли село Костельцево. В Ольшанке Червонные казаки захватили «сто неприятельских солдат и офицеров, восемь пулемётов «максим» и сорок повозок». Пленные сообщили, что на станции Льгов стоят эшелоны с имуществом и якобы располагается штаб генерала Май–Маевского. Узнав это, начдив приказал Латышскому и Кубанскому полкам утром следующего дня атаковать Льгов и «разрушить пироксилином железнодорожный узел». Комбриг Григорьев и 1-й полк получили приказ занять Марицу и взорвать там железнодо-

545 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 167–168.

546 *Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. – М., 1969. – С. 219.

547 Там же; точно такой же случай произошёл 27 октября (9 ноября), когда отступающий 1-й батальон 2-го Корниловского полка входил в Поньры: «Дорога ночью... была ужасна: гололедница и снег с сильным ветром в лицо убивали всё живое. Грязь была настолько глубока, что местами на руках перетаскивали не только орудия, но и лошадей. К 6 часам стали втягиваться в село Поньры, а навстречу, с юга, шли разъезды красных, но все так замёрзли, что драться никто не мог и после отборной ругани разъезды скрылись, батальон стал на квартиры, а далее на юг по квартирам же стояли красные» (Материалы для истории Корниловского ударного полка. – Париж, 1974. – С. 371).

рожный мост. Бойцам 2-го полка было поручено организовать патрулирование окрестностей, а также выделить сотню для взрыва моста через Реут у с. Пены. Для этой цели подрывникам предстояло вначале переправиться через Сейм у д. Глушково, однако там их встретил пулемётный огонь противника. После перестрелки красным всадникам пришлось отойти в Кожлю. Чуть более удачен был и набег на Марицу. Около 11 часов утра 2 (15) ноября червонные казаки атаковали село и успели взорвать небольшой участок пути. Однако огонь подошедшего от Дмитриева бронепоезда «Дроздовец» вынудил нападавших отступить к Ольшанке. Исправив пути, бронепоезд ушёл через Льгов на Артаково. В то же время один взвод 1-го полка, высланный к с. Панкеево, согласно сведениям В.М. Примакова, встретил и разгромил «роту дроздовцев при четырёх орудиях». Это была 12-я батарея 1-го Дроздовского полка под командованием поручика Лунина (одна 48-линейная гаубица и две трёхдюймовые пушки), которая двигалась отдельно от основных сил полка без всяких мер охраны. При вступлении в д. Захарково (в 2 км к северо-западу от Панкеево) дроздовцы столкнулись со взводом «червонцев», и шедшие впереди поручики Лунин и Крамаренко первыми попали в плен, были доставлены во Льгов и там зарублены. Три офицера сумели спастись бегством⁵⁴⁸.

548 *Ребиков Н.Н.* На московском направлении // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 377.

Одним из спасшихся офицеров был капитан Б.Ф. Мордвинкин, оставивший об этом весьма реалистичные воспоминания:

«Ночь мы провели в Дмитриеве. Ночью и на следующий день красные нас атаковали со всех сторон кроме юга, но мы начали отход под прикрытием нашего бронепоезда, когда все обозы уже переправились. Остаток дня и полночи шли прямо на юг вдоль железной дороги до станции Конышевка, при которой было дворов восемь. Там переночевали, как сельди в бочке, а утром наш взвод получил приказ идти походным порядком в Льгов, и, если будем слышать стрельбу на западе, держаться дальше к востоку.

Командир остался при 7-ой гаубичной батарее, а мы, пять офицеров, с двумя орудиями и 37-ю повозками и крестьянскими розвальнями отправились. В первом встретившимся селе мы пошли по избам, погрелись, закусили и двинулись дальше. При выходе из села, мы заметили кавалерийские массы, двигавшиеся на северо-запад. Это было очень подозрительно, и я послал двух разведчиков в село двух-трёх верстах. Вскоре они прискакали и сообщили, что там красная кавалерия. Я приказал повернуть обратно. Так как была гололедица, то я пропустил всех вперёд. Последними прошли орудия. [...] На церковной площади вся колонна остановилась. Номера собрались в группки, закуривая, а я в это время заметил, как из этой улицы, откуда я только что приехал, выскочила конная группа, выхватила шашки и накинулась на номеров. Я схватил свою винтовку и спустил курок, но выстрела не последовало, так как смазка от мороза застудела и боек не имел нужной силы. Я вынул револьвер, засунул его за борт шинели, чтобы в нужный момент кончить свою жизнь. Спокоен я был совершенно.

Помню, что только одна мысль повторялась, приниживала мой мозг — «какой глупый конец! Какой глупый конец!»

В это время с другой стороны моих розвальней подскакали двое красных на хороших лошадях, в хороших полушубках и папахах и, ругая меня и стреляя в меня на расстоянии в 5–6 шагов, требовали, чтобы я бросил винтовку. Я же, надеясь, что смазка размякнет, спустил в них курок, но всё без результата. Наконец они поскакали вперёд с другой стороны нашей колонны, я побежал вперёд, взять другую винтовку из повозки.

Нашёл, попробовал спуск — в порядке. Вынул обойму, но от мороза пальцы не могли продавить патроны в магазин. Пришлось вставить по одному патрону. В это время по другой стороне проскакал конный, стреляя из ручного пулемёта. Первая моя пуля была в него. Он свалился с коня. В этот миг я заметил, что несколько конных пробрались на мою сторону и скачут на меня. Я кинулся бежать вверх по колонне до конца площади. Снег был выше, чем по колёно, и бежать было очень трудно, но опасность давала мне силы. Лошадям тоже было трудно, но всё же я слышал, как они ко мне приближаются, крича «стой» и ругаясь. Но вот и плетень. Мне удалось благополучно через него перескочить, и я забежал за сарайчик. Это был край села, и было много овинчиков, скирдочков и соломы.

Они меня окружили, и я оказался под перекрестными выстрелами, но и я всё время отстреливался. Наконец те, что были со стороны поля, поскакали в погони за несколькими уходившими нашими санями, и мне стало легче прятаться. Наконец красные со стороны площади потеряли меня из вида и постепенно удалились.

Я спрятался между двумя овинчиками и через плетень наблюдал за площадью. Когда она опустела, я выскочил на площадь и кинулся к первой избе. Дверь оказалась запертой: я постучался, но из предосторожности кинулся скрыться, откуда вышел, но услышал, что дверь отпирают, и вернулся в избу. Крестьянин начал меня просить, чтобы я не входил, потому что, по-видимому, кого-то боялся. Я ему говорю: «Скажешь, что я тебе пригрозил оружием». Я кинулся в избу и взял масло из лампадки у икон, смазать затвор. Сам всё время смотрю в окошки на площадь. Начинаю его расспрашивать, где есть овраги и леса, как мне лучше выбраться. Спрашиваю, есть ли у него лошадь. Говорит, что есть, но совсем молодая. Прошу дать её мне, а я оставляю её на станции Конышевка, у кого он скажет. Соглашается сразу, а жена начинает причитать, что потеряют единственную лошадку. А хозяин на неё: «Молчи, баба! Видишь, душа человеческая погибает, а тебе лошадь жалко».

Он пошёл во двор наместить попонку вместо седла, а мне говорит, чтобы я снял шпоры. «Нет, — говорю. Шпоры — это теперь моя надежда». Вскоре и я вышел во двор. Подводит лошадь к самым воротам и вдруг говорит: «Стой, какой-то пеший идёт с винтовкой!»

Смотрю. Действительно, конвоирует двоих безоружных. Был мороз градусов 20 при ветре и несло снег. Вижу, остановился. Смотрю в ту сторону, куда смотрит он, и вижу бабу, которая ему что-то кричит, но я из-за ветра не слышу что именно, но затем я слышу его слова. Спрашивает: «В какую избу он забежал?» Баба ему показывает.

Я быстро возвращаюсь в холодную избу, подхожу к двери, в которой есть заиндевевшее стекло, но уголок отбит, и через это отверстие я вижу, что он, идя сзади двоих пленных, направляется в мою сторону. Я ставлю винтовку, вынимаю револьвер и держу дверь запертой. Слышу его команду «стой», а потом толчок в дверь и «отопри». Я открываю дверь и делаю выстрел. Он падает. Я выскакиваю, выхватываю у него винтовку, поднимаю глаза на пленных и вижу нашего кашевара и подпоручика Кульнева, причём он только в шинели и белье. Говорю им «бежим».

Перескакиваю через плетень, где я уже перескакивал. Немного погода, вижу, что подпоручик закапывается в скирдочек из конопляных снопиков, а кашевара нет. Говорю ему «бежим», а он — «не могу, сердце лопнет». Говорю: «Вот и хорошо, всё лучше расстрела». Я ему дал винтовку, а он её бросил, и тогда я для лёгкости бросил патроны.

Выбежал я из села и вижу лес в расстоянии около версты. Обернулся и увидел, что подпоручик бежит в сторону сада. Кричу ему: «Бежим за мной, бежим вместе». Не помогает, тогда я начал пробиваться по сугробам в сторону леса и вдруг провалился по самые плечи. Первый момент не мог пошевелиться, но, делая плавательные движения, стал пробираться вперёд. Эта яма оказалась началом оврага. С трудом выкарабкался я на другой берег, обернулся и вижу, что теперь подпоручик бежит ко мне. Стал его дожидаться. В это время выбежал из села кто-то, увидел нас, стал свистеть и махать руками кому-то в селе. Когда Кульнев добрался до меня, я дал ему руку и вытащил его. Теперь вместе побежали к лесу. Вбежав в лес, остановились. Я был одет легко, но имел английскую кожаную безрукавку, кроме гимнастёрки и брюк, а потому снял пояс, револьвер и шинель, так как Кульнев был только в одном белье и шинели. Он, забежав в избу, хотел переодеться, а его в это время забрал местный коммунист и повёл вместе с кашеваром. Снимаю безрукавку, передаю ему и вижу ужас на его лице. Обернулся и вижу человек 20 кавалеристов. Мы кинулись бежать вглубь леса по глубоким сугробам. Я бежал, держа в руках шинель, пояс и револьвер. Несколько раз падали через пни, засыпанные снегом. Снег на голове таял, и холодные капли пробивались на тело. И в то же время коченели руки от мороза. Наконец мы остановились, не было сил бежать.

Я пробрался по балке на край леса, чтобы узнать, что делают красные. Я их не увидел. Очевидно, они не рискнули пробираться через овраг. Начинались сумерки. Метель усиливалась. Отдохнуть мы не могли, потому что просто коченели. Я соображал, где может находиться станция Коньшевка. Там должны быть наши, если красные отрезали им путь. Несмотря на тёмную ночь, мы всё же видели наш путь, так как снег под ногами белел. Иногда, на короткий момент мы садились в снег, как в кресло, переводили дух, и шли, всматриваясь во все стороны. Часов в одиннадцать метель стала стихать, тучи сначала временами открывали звёздное небо. Потом оно очистилось совсем. Я увидел созвездие Большой Медведицы и успокоился, так как направление на станцию было взято верно. Теперь стало так светло от снега, что было очень далеко видно.

Я решил найти дорогу, так как по сугробам было очень трудно идти. Направились в сторону, где она предполагалась, и скоро заметили телеграфные столбы. По дороге было идти совсем легко. Вскоре мы заметили, что нам навстречу идут двое, ведя лошадей. Потом мы разобрали, что лошадей нет, а идут трое с винтовками. Я говорю Кульневу, чтобы он шёл за мной, как можно ближе ко мне. Если это большевики, я подойду ближе и буду стрелять, а он чтобы схватывался в рукопашную. Вот мы уже совсем близко от них, и они спрашивают: «Кто идёт?» Я отвечаю «свои» и, держась за ручку револьвера за бортом шинели, быстро к ним подхожу. И один из них говорит: «Господин поручик, не беспокойтесь, мы свои».

Этo радости все мы обнялись. Это оказались два дроздовца и один самурец, потерявшиеся в метели. Когда я им сказал, что наша батарея попала в плен в том селе, куда они направлялись, думая, что идут на станцию, они сразу насторожились. Прежде всего, они Кульневу закутали полотенцем голову, на руки надели тёплые носки и вместо пояса тоже завязали полотенце.

Не зная, кто находится на станции, мы подбирались к ней болотцем с пучками камыша. До плетня оставалось шагов шесть, когда сбоку показалась фигура часового с винтовкой на «готовсь» и крикнула «стой». Я стремглав кинулся вперёд

Между тем 2-я бригада под общим командованием Яна Крышьяна вышла к с. Кочетно и открыла артиллерийский огонь по Льгову. Позднее Примаков укорял командира Латышского полка за чрезмерную неторопливость, из-за которой он «упустил из рук Май-Маевского». Похоже, что и комполка, и самому начдиву так и осталось неведомо, что во Льгове стоял поезд не В.З. Май-Маевского, а генерал-майора В.К. Витковского, командовавшего Дроздовской дивизией⁵⁴⁹.

Чудом успевший выбраться из Льгова В.А. Кривошеин вспоминал позднее этот момент: «Часам к четырем дня слышится ружейная стрельба с северной стороны, за вокзалом. Еще не особенно близко. Сразу начинается поспешная эвакуация. На станции, как говорят, стоят восемнадцать поездных составов, наш предпоследний, за ним поезд генерала Витковского, командира Дроздовской дивизии. Один за другим, пыхтя паровозами, проходят мимо нас поезда с промежутками в две-три минуты. Стрельба все приближается и учащается. Впечатление, что стреляют одни наступающие красные, а сопротивления со стороны наших совершенно нет. Наш вагон как раз против вокзала, смотрю в окно. Пули сыплются градом на вокзальную платформу. Бегают и суетятся люди, вскакивают на ходу в отходящие поезда. Вдруг все опустело, ни души. Наконец толчок и наш поезд трогается. Но сразу останавливается. Слышно

через плетень и очутился во дворе, полном розвальней. Спрашиваю крестьянина, который нес охапку сена, какая часть здесь? Отвечает: «А кто её знает». Спрашиваю другого – тоже не знает. Вижу, на улице топится полевая кухня. Спрашиваю кашевара, говорит:

«Обоз 2-го Дроздовского». «Где начальник обоза?» Указывает избу. Иду туда, а там переполох из-за нас.

Рассказываю про пленение батареи, про красную кавалерию, и начальник обоза отдаёт распоряжение об увеличении охраны и по телефону со станции общается полковнику Туркулу в село того же имени, как и станция. Приказано двигаться в село.

Мне, между тем, хотели снять сапоги, так как ноги очень промёрзли. Таща за сапоги, таскали меня по полу, и, наконец, с большим трудом стащили. Сапоги были, как железные от мороза, а тёплые носки примёрзли к ним. Мне стало больно ходить, я шёл точно по иголкам. Нас покормили и привели в боевой вид. Дали винтовки и патроны, а Кульнева – и одели. Сапоги мои отогрели.

Прибыв в село, мы были приняты в 7-ю гаубичную батарею, а меня позвал полковник Туркул и расспросил о красной кавалерии и о пленении всей батареи с двумя офицерами. Уцелели трое: я, Кульнев и офицер, которого я сразу послал обратно с донесением о красной кавалерии» (*Мордвинкин Б.Ф.* Мемуары дроздовца-артиллериста. Гл. 25).

549 С лёгкой руки начдива анекдотическая история с неудавшейся поимкой Май-Маевского до сих пор кочует по исторической литературе. Например, см.: *Дубинский И.В., Шевчук Г.М.* Червоное казачество. – Киев, 1987. – С. 115.

как пыхтит паровоз, колеса буксуют на месте, не могут взять подъема. Потом набирают силы и делают еще рывок. Безуспешно! И так несколько раз подряд. А между тем стрельба все усиливается, пули красных ложатся совсем рядом с нами, но до вагона не долетают. Быстро стемнело, и пошел снег с дождем. Смотрю напряженно в окно и думаю: что если отцепят вагон и бросят его? В какой раз, молю Бога о помощи и спасении! И в этот момент сильнейший толчок сзади. Это поезд генерала Витковского толкает нас, и, благодаря ему, наш паровоз берет подъем. Мы едем, оставляя за собой Красную армию, которая без боя берет вокзал. Те, кто был очевидцем, рассказывали, как красные кричали «ура», а по другой версии, пели «Интернационал»⁵⁵⁰.

После недолгой артподготовки кубанцы и латыши в конном строю атаковали город. «Противник попытался задержаться за мостом, ведущим в Нижнюю Деревеньку, но два спешенных эскадрона латышей ружейным огнём выбили его. Кубанцы карьером прошли мост, уничтожая отступающего врага, и вместе с вновь посаженными на коней латышами ворвались на станцию»⁵⁵¹.

Овладев городом и станцией, «червонцы» взорвали мост через Апоку, захватили «до семисот пленных, три орудия и много пулемётов», а также «до двухсот вагонов с военным имуществом и обмундированием». Среди пленных немалую часть составляли бывшие красноармейцы, пленённые в своё время белыми и зачисленные в полки Добрармии. Теперь они вновь возвращались в ряды Красной армии⁵⁵².

В Льговской тюрьме было освобождено 17 человек «политических» узников, среди которых находился и красный шпион товарищ

550 *Кривошеин В. А.* Воспоминания. — Н.—Новгород, 1998.

551 *Примаков В. М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 219–220.

552 Служивший тогда в 8-й дивизии Н. Н. Исаев вспоминал, как среди пленных внезапно обнаружил считавшегося погибшим однополчанина, «своего бывшего друга и товарища Андрея Привалова, которого считали, что он погиб в тяжёлом бою в селе Б.—Низовцево. Он угадал меня и других товарищей нашего бывшего кавдивизиона... Зная, кто и что представляет из себя мой друг и товарищ, добровольно вступивший в Красную гвардию, был красным партизаном, получил ранение на восточном фронте и т. д., мы его восстановили в наших рядах, вручив ему белоказачью лошадь и трофейное оружие. А на второй день мой друг бросился первым из нашего взвода в атаку на врагов и был тяжело ранен не здававшимся в плен белогвардейским капитаном. Эту подлюку зарубал я, пом. командира 4-го взвода 3-й сотни 5-го кав. полка 8-й Червонно-казачьей дивизии» (*Исаев Н. С.* Мои воспоминания о Гражданской войне (рукопись из фондов Рьльского краеведческого музея). 1966 г. — Л. 66 [орфография подлинника сохранена]).

Кернер. С немалым злорадством наблюдал он из окна своей камеры, как «с утра 15 ноября происходило паническое бегство солдат и особенно офицеров. Местная буржуазия выехала из Львова уже за несколько дней до того. По городу к станции тянулись бесконечные повозки и сани с мебелью и разными домашними вещами»⁵⁵³. Освободившие его Червонные казаки (при штабе которых он затем провёл ближайшие четыре дня) привели Кернера в полный восторг: «О нем [Примакове] я не могу вспомнить без восхищения, как и [о] всем командном составе. Доблесть, мужество и коммунистическое сознание — вот черты командного состава этой дивизии. И не удивительно, что наши солдаты под таким командованием чувствуют себя бодро и уверенно и не боятся опасности. Командиры, как и политкомы, там впереди, всегда на виду у всех. Настроение солдат до такой степени прекрасное, радостное, что у меня еще тогда же сложилась уверенность, убеждение, что такие солдаты не предадут Советскую власть, солдаты буквально рвутся в бой»⁵⁵⁴.

Между тем пурга усиливалась, однако Примаков не бездействовал. Решив «внести панику в ряды вражеских фронтовых частей», он выслал 3 (16) ноября на север сеть крупных разъездов, целью которых было тревожить белых, «произведя как можно больше переполоха в неприятельском тылу». Разъезды, вступив в стычки с отступающими частями 2-го Дроздовского полка, сообщили о том в штаб дивизии. Получив эти сведения, Примаков спланировал бой, результатом которого должен был стать разгром движущихся в его направлении дроздовцев. С этой целью он стянул в Мармыжи 1-й и 3-й полки и вывел из Львова в Кочетно большую часть Латышского полка⁵⁵⁵. Вскоре разведка сообщила, что три батальона пехоты противника вошли в Костельцево. Тогда Примаков двинул на село 2-й полк со стороны Мармыжей и Журавинки. А 3-й полк — со стороны село Рогово.

«Пересечённая лабиринтом диких оврагов местность не позволяла действовать в конном строю, — описывает ход боя начдив. — 1-й черказбатарея было приказано открыть огонь из села Мармыжи по Костельцево. Командир дивизиона донёс, что для боя можно использовать захваченную у противника вместе с офицерами, при-

553 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 514.

554 Там же; следует отметить, что радужное настроение Кернера изрядно угасло, когда он прибыл в занятый красными частями Дмитриев: «Тыл у нас не поспевает за фронтом. Беспорядок, неразбериха на ст. Дмитриев, которая в то время была уже около 10–12 дней в наших руках, — прямо преступление. Прибывающим раненым не оказывалась медицинская помощь. Побороть эту тыловую расхлябанность, чтоб догнать фронт, — это наша обязательная задача дня» (Там же).

555 Вначале В.М. Примаков пишет, что в городе был оставлен один эскадрон, но затем оказывается, что белые выбили из Львова «два эскадрона латышей».

слугой и снарядами исправную 45–линейную гаубицу. Я вызвал офицеров и предложил им свободу, если они будут стрелять по своим. Офицеры согласились. Через полчаса гаубица открыла огонь по Костельцево и меткими выстрелами сбила колокольную, на которой располагались пулемёты противника. В 13 часов из Клесово прискакал казак с донесением, что на Запрудье, Костельцево идёт батальон пехоты противника. Его оружие лежит на подводах. Представлялся удобный случай отбить обоз у неприятеля и обезоружить его. Для выполнения этой задачи я послал сотню 1–го полка... Только сотня успела выйти из Мармыжей на Клесово, как прибыл взвод, бывший в разъезде, и привёл с собой обоз с 400 винтовками и пленного офицера. Батальон дроздовцев из-за снежной бури не заметил наших казаков и ушёл в Костельцево без оружия. В Костельцево, таким образом, собрался весь 2–й Дроздовский полк. После артиллерийской перестрелки 2–й и 3–й червонные казачьи полки пошли в шашки, охватив Костельцево с трёх сторон. Село было взято, захвачено до тысячи пленных, в том числе тридцать шесть офицеров, и два орудия. Знаменная рота ушла со знаменем на Болванку, Кривоторовку. Мы потеряли в этом бою сорок человек убитыми и ранеными. В течение ночи в разных местах разъездами были захвачены отдельные группы дроздовцев. В овраге возле села Костельцево найдены брошенные знаменной ротой два орудия без замков»⁵⁵⁶.

Пока основная часть «червонцев» была поглощена уничтожением 2–го Дроздовского полка, передовые разъезды 1–го Дроздовского полка в два часа ночи столкнулись с неизвестными всадниками, и только обменявшись выстрелами, поняли, что встретились со своими: «Скоро в едва белеющей степи мы заметили шевелящийся чёрный квадрат. Этот дышащий квадрат была вся кавалерийская дивизия Барбовича, стоявшая на службе в открытом поле»⁵⁵⁷. Объединившись, конница И.Г. Барбовича и пехота А.В. Туркула двинулись на Льгов.

Войдя на рассвете 4 (17) ноября⁵⁵⁸ в с. Кудинцево, белые сбили стоящую там заставу латышей, а потом ворвались во Льгов,

556 *Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. – М., 1969. – С. 221–222.

557 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... – М., 1995. – С. 92.

558 *Примаков утверждает, что дроздовцы выбили латышей из Льгова утром 5 (18) ноября (Примаков В.М. Рейды червонных казаков // Против Деникина. – М., 1969. – С. 222). Однако, скорее всего, 5 (18) ноября он только узнал об этом событии. Ян Крышнян, похоже, не торопился оповещать начдива о прорыве Туркула и своей неудаче, надеясь, что ему удастся самостоятельно исправить оплошность. В итоге между хронологией Примакова и хронологией Туркула (которой в настоящем случае следует отдать предпочтение) возникло расхождение на один день.*

пройдя его насквозь и выйдя к железнодорожной станции и селу Нижние Деревеньки. «Во Льгове мёртвая тишина, пустота, как недавно в Дмитриеве, — пишет А.В. Туркул. — Наша цепь потянулась окраинами. На улице ходит пар. Мы увидели в тумане толпу солдат, ведущих коней на водопой, и снова не знали, что там, свои или враги. Именно тогда к штабу полка вернулся дозор с пленным: это был красный казак. Льгов занят Червонной дивизией. Первый батальон пошёл выбивать её из кварталов, где мы уже проходили; я с остальным полком двинулся к большому мосту через Сейм. К утру 4 ноября весь Льгов и вокзал были в наших руках. Нам досталось много верховых, вконец измученных лошадей. Я помню убитых большевиков на мосту через Сейм: все были в красных чекменях, кажется, венгерцы [на самом деле латыши — А.З.]. Мост мы взорвали. Полк встал правее вокзала. Кавалерия Барбовича пошла в село за Льговом»⁵⁵⁹.

В четыре часа утра 5 (18) ноября выбитые из Льгова латыши нанесли ответный удар, пытаясь восстановить утраченные позиции. Они атаковали станцию Льгов, где стоял штаб полка. Несмотря на внезапность атаки, дроздовцев не удалось застать врасплох. Быстро стянув части полка к вокзалу, Туркул организовал эффективное сопротивление и при поддержке артиллерийского огня успешно отразил нападение. Батарея, став на позицию близ железнодорожной станции, «открыла огонь по красным, толпившимся около железнодорожных зданий»⁵⁶⁰. Удалось даже захватить пленных. Потери полка составили не более 10 человек убитыми и ранеными. Пропал без вести один ездовой с патронной двуколкой. Позднее Примаков сообщал, явно со слов самого Яна Крышьяна, что латыши преследовали отступающих дроздовцев, захватив «несколько пленных и часть обоза». Этими трофеями латкавполка, которыми Крышьян пытался оправдать своё поражение, и были, судя по всему, упомянутые Туркулом двуколка и ездовой⁵⁶¹.

559 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 2; вопреки фактам, противореча даже изложению хода событий самим В.М. Примаковым, советский военный историк полковник К.В. Агуреев утверждает, что будто бы «8-я кавалерийская дивизия внезапной атакой освободила Льгов и... отразив 17 ноября контратаки деникинцев, удержала город до подхода 46-й стрелковой дивизии» (*Агуреев К.В.* Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 114).

560 *Рибиков Н.Н.* На московском направлении // Поход на Москву. — М., 2004. — С. 378.

561 *Туркул А.В.* Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 94; *Примаков В.М.* Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 222; похоже, что только после этого боя Крышьян и сообщил Примакову о прорыве

Утром, взорвав согласно полученному приказу командования виадуки под Льговом, 1-й Дроздовский полк продолжил своё отступление. В пути А.В. Туркула вызвали к телефону на вокзал. С ним говорил командир бронепоезда «Генерал Дроздовский». Он вместе с «Иоанном Калитой», «Офицером» и «Москвой» шёл на Льгов из только что взятого красными Курска. После взрыва виадуков все четыре бронепоезда оказались в ловушке. Червонные казаки, получившие уже известие об их безвыходном положении, подтянули свою артиллерию и открыли по ним огонь. Спасти бронепоезда не было никакой возможности, и после совещания было решено их взорвать⁵⁶².

Дроздовцы продолжили отход на юг. Червонные казаки в ночь на 6 (19) ноября установили связь с занявшей Фатеж Латышской дивизией, направив туда трофеи и пленных. Согласно данным В.М. Примакова, «противник потерял до 500 человек убитыми, 11 орудий, 50 пулемётов, до 200 вагонов со снабжением»⁵⁶³.

Одновременно с ударом красной конницы по Льгову на западе Курской губернии, ещё более массивированный натиск происходил на её восточных рубежах.

Сражение за Касторное. 18 (31) октября дивизии Конного корпуса С.М. Будённого перешли в наступление в направлении Касторной. Станцию обороняла группа под командованием генерала В.И. Постовского. В её состав входили Кавказский стрелковый полк (400 штыков), 25-й Смоленский полк (400 штыков), «Волчий батальон» (150 штыков) и Землянский отряд в 150 штыков и 400 сабель. После присоединения к группе 2-го Марковского

ве Туркула. Этой ночью, как рассказывает Туркул, произошёл случай, которого нельзя не упомянуть: «В больницу, где было до двух сотен наших, красные ворвались со стрельбой и криками: «Даёшь золотопогонников!» Они искали офицеров. Несколько десятков их лежало в палатах, все другие раненые были дроздовскими стрелками из пленных красноармейцев. Ни один из них в ту отчаянную ночь не выдал офицеров. Они прикрывали одеялами и шинелями тех из них, у кого было «больно кадетское лицо»; они заслоняли собой раненых и с дружной бранью кричали большевикам, что в больнице золотопогонников нет, что там лежат одни пленные красноармейцы. Тут мы подоспели вовремя. В больнице не было ни одного замученного, ни одного расстрелянного» (Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С.94–95).

562 Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С.95; Примаков В.М. Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 222–223; Власов А.А. О бронепоездах Добровольческой армии // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 521–523. На основе бронепоезда «Генерал Дроздовский» был затем создан красный бронепоезд «Червонный казак».

563 Примаков В.М. Рейды червонных казаков // Против Деникина. — М., 1969. — С. 223.

полка она стала насчитывать 2750 штыков и 400 сабель⁵⁶⁴. Помимо того, Касторную прикрывали «корпуса Шкуро и Мамонтова». Реально «корпус Шкуро» представлял собой одну лишь 1-ю Кавказскую казачью дивизию в составе 4 Кубанских полков и Терской конной батареи общей численностью до 600 шашек при крайне плохом конском составе. Численность конницы Мамонтова не превышала 1800 шашек. Таким образом, общая численность белой кавалерии под Касторной достигала примерно 3000 сабель⁵⁶⁵. Это цифра противоречит фантастическим утверждениям С.М. Будённого и А.И. Егорова, будто бы красным пришлось бороться с превосходящими силами противника в числе 33 конных и 21 стрелковых полков⁵⁶⁶, Белые, как неоднократно подчёркивали их противники, использовали в боевых действиях бронепоезда и танки. Но если бронепоезда действительно играли серьёзную роль в организации обороны и при нанесении контрударов, то о танках этого сказать нельзя. «Подвезли три танка — один большой и два малых, — пишет о них сам А.Г. Шкуро. — ...От танков, однако, мне было мало проку, ибо они вечно ремонтировались и портились после каждого своего выхода в поле»⁵⁶⁷.

Силы самого Будённого, брошенные на овладение Касторным, помимо его Конного корпуса включали в себя 11-ю кавалерийскую дивизию Матузенко и Отдельную конную бригаду Н.П. Колесова, а также 12-ю и 16-ю стрелковые дивизии 8-й армии. В целом это составляло 7500 сабель и 5000 штыков при 200 пулемётах и 26 орудиях. Кроме того, с севера на Касторное двигались части 42-й дивизии⁵⁶⁸. Таким образом, ни о каком численном превосходстве белых в битве за Касторное не может быть и речи.

Следует также иметь в виду, что если силы красных в ходе боёв непрерывно возрастали за счёт подхода частей 11-й кавалерийской и 42-й стрелковой дивизий, то силы белых столь же непрерывно таяли, перебрасываемые на другие участки фронта. Так, 25 октября (7 ноября) 1-й батальон 2-го Марковского полка был отозван к Мармыжам. В итоге «группа генерала Постовского уменьшилась на 350 штыков и 2 орудия... Он лишился резерва и пришлось

564 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 140.

565 Елисеев Ф.И. С Хопёрцами // Дневники казачьих офицеров. — М., 2004. — С. 291–292.

566 Егоров А.И. Разгром Деникина. — М.—СПб., 2003. — С. 306.

567 Шкуро А.Г. От Воронежа до Дона // От Орла до Новороссийска. — М., 2004. — С. 443.

568 История Гражданской войны в СССР. — Т. 4. — М., 1959. — С. 277, 281; Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 141.

снять с участка 3-й батальон марковцев в резерв, а его участок занять 2-м батальоном и смоленцами, таким образом удлинившими свой фронт»⁵⁶⁹.

К 22 октября (4 ноября) части Конного корпуса вступили в стычки с войсками белых, оборонявшими этот важный железнодорожный узел. «По данным разведки, было установлено, что противник подготавливается к упорной обороне, — вспоминает С.М. Будённый. — На станции Касторной и в селе Касторном пехота противника отрывала окопы для круговой обороны. По железной дороге курсировали бронепоезда, прикрывающие своим огнем все подступы к железнодорожному узлу. Сюда стягивались и кавалерийские части противника. Мы услышали, что генерал Постовский, возглавлявший оборону Касторной, поклялся, что он не сдаст этого железнодорожного узла и подступы к нему зальет кровью красных. Противник рассчитывал на свое превосходство в силах, на отличные возможности для маневра бронепоездов, на удобное для обороны географическое расположение Касторной... местность на северных подступах к Касторной сильно пересеченная. С востока Касторная прикрывалась рекой Олым и особенно укрепленными оборонительными позициями. Наиболее открытой, благоприятной для наступления была местность с юга и юго-запада от Касторной. Отсюда я и решил нанести удар. К вечеру 4 ноября был отдан приказ Конному корпусу с рассветом 5 ноября перейти в наступление с целью овладения железнодорожным узлом Касторное»⁵⁷⁰.

Ночью повалил густой снег, а к утру разыгралась настоящая пурга. Тем не менее красная конница на рассвете 23 октября (5 ноября) начала наступление на позиции белых у Касторной.

«4-я кавалерийская дивизия наносила главный удар противнику через Орехово, Погожевку [Погожево], Котовка с выходом на железную дорогу Стар. Оскол — Касторная с целью охвата противника с юга. 6-я кавалерийская дивизия, тесно взаимодействуя с 4-й дивизией, наступала уступом влево, через станцию Нижнедевицк, Олым, Суковкино, прикрывая корпус от главных сил Мамонтова, — вспоминает далее С.М. Будённый. — К 16 часам 4-я кавалерийская дивизия с боями овладела линией Семеновка, Горяиново, Плоское, Орехово. Особенно ожесточенный бой разгорелся в районе Орехово. Противник силою до шести кавалерийских полков оказывал упорное сопротивление, но под стремительными ударами главных

569 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 142.

570 Будённый С.М. Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959. — С. 299–300.

сил 4-й кавдивизии отошел под прикрытие бронепоезда в направлении Погожевки.

6-я кавалерийская дивизия к 13 часам овладела Верхне-Туровым. Однако, попав в этом районе под сильный огонь бронепоездов и превосходящих сил противника, подтянутых со стороны города Нижнедевица, дивизия вынуждена была оставить Верхне-Турово и отойти в исходное положение»⁵⁷¹. Первый этап боёв за Касторное завершился не в пользу красных.

Следующие два дня прошли во взаимных атаках и контратаках. На железной дороге Касторная – Воронеж три бронепоезда белых непрерывно обстреливали позиции буденовцев. Однако 7 ноября 4-я дивизия всё же заняла Успенку, а 6-я – Погожево. Следует отметить, что по оценке самого С.М. Будённого, главная трудность в боях под Касторной «состояла в том, что противник занимал очень выгодный оборонительный район, прикрытый бронепоездами, которые не знали недостатка в огнеприпасах, обладали высокой маневренностью и могли создавать полосы перекрестного огня на всех подступах к станции Касторной. Каждый раз, когда противник под ударами корпуса отходил, наши преследующие части попадали под ураганный огонь его бронепоездов и вынуждены были отходить. Наша артиллерия не могла вести эффективной борьбы против бронепоездов не только из-за недостатка снарядов, но и потому, что бронепоезда быстро маневрировали, уходили из-под обстрела и вновь появлялись на угрожаемых участках»⁵⁷².

8 ноября В.И. Постовский организовал контрудар со стороны станции Касторной, Котовки и Нижнедевица, перейдя в наступление силами около четырех тысяч сабель и до восьми полков пехоты при поддержке четырех танков и трех бронепоездов. Упорный бой продолжался весь день.

В своих мемуарах С.М. Будённый рассказывает, как «в 9 часов утра в распоряжение 2-й бригады 4-й кавалерийской дивизии в Успенку вошли четыре танка белогвардейцев. Наши бойцы, до этого ни разу не видевшие танков, приняли их в непроглядной пурге за возы сена и продолжали спокойно укрываться от непогоды во дворах. Не встретив никого на улице, танки повернули обратно и без выстрела медленно ушли. Через некоторое время Успенку атаковала гренадерская дивизия. Гренадеры дрались упорно и, используя свое численное превосходство, а также поддержку танков, потеснили 2-ю бригаду. Но к 17 часам 2-я бригада совместно с 3-й

571 Там же. С. 300.

572 Там же. С. 305.

бригадой этой же дивизии выбили белогвардейцев из Успенки и отбросили их вместе с танками к Касторной»⁵⁷³.

Реально ситуация выглядела несколько иначе. Участник боя, командир 2-го Хопёрского полка Ф.И. Елисеев, вспоминает: «Мы... двинулись в наступление, когда настало утро. Впереди шли два танка... по затверделому снегу танки шли, думаю, вёрст десять в час. Пехота быстро отстала. Мы были впервые с танками в бою. Издали и с фланга было хорошо видно, как какие-то две тёмные стальные черепахи уверенно ползли вперёд... и, неожиданно появившись перед красными, открыли по ним огонь. Намётом и в разные стороны красная конница бросилась врассыпную. 2-й Хопёрский полк, выбросив одну сотню в лаву, развёрнутым фронтом бросился в преследование. Танки остановились у речонки, которую «взять», видимо, не смогли. Хопёрцы быстро перешли её вброд и заняли село... ни наши два танка, ни наша пехота не вошли в село Успенка. В него вошёл только 2-й Хопёрский полк, который к вечеру вновь был оттянут в Касторную... О гренадерах, как пишет Будённый, мы не слышали»⁵⁷⁴.

Между тем, сковав боями силы 4-й дивизии, белые нанесли удар по двум бригадам 6-й дивизии, занимавшей Погожево. Удар был нанесён силами до трех тысяч сабель из района Нижнедевицка при поддержке трех бронепоездов. В итоге упорного боя Погожево было очищено от красных, отступивших в Орехово.

Получив сведения о подходе подкреплений, Будённый «решил прикрыться от противника небольшими силами на линии Отрада, Успенка, а главными силами, сосредоточенными в Орехово, Погожевка [Погожево], нанести удар в юго-западном направлении, разгромить группу генерала Пестовского и выйти на линию Касторная, Суковкино, Верхне-Девица»⁵⁷⁵.

В семь часов утра 27 октября (9 ноября) части 6-й кавалерийской дивизии под прикрытием пурги перерезали железную дорогу Воронеж – Касторная и развернули стремительное наступление в направлении города Нижнедевицк и Ново-Ольшанка. Конные части противника, лишившись прикрытия бронепоездов, начали отходить, прикрываясь крупными заслонами. На рассвете вступила в бой и 4-я кавалерийская дивизия. «С первых же минут завязался исключительный по своему ожесточению бой. Конные атаки следовали одна за другой, артиллерия и пулеметы вели непрерывный

573 Там же. С. 301.

574 Елисеев Ф.И. С Хопёрцами // Дневники казачьих офицеров. – М., 2004. – С. 289–290, 292.

575 Будённый С.М. Пройденный путь. – Кн. 1. – М., 1959. – С. 301.

огонь. На фронт 4-й дивизии были переброшены большая часть огневых средств корпуса и одна бригада 6-й дивизии. Весь день мы с комиссаром корпуса А.А. Кивгелой скакали верхом из бригады в бригаду, из полка в полк, организуя атаки и контратаки, сосредоточивая огонь пулеметов и артиллерии на наиболее угрожаемых участках», — вспоминает С.М. Будённый⁵⁷⁶.

В итоге к вечеру основные силы белых были отброшены к Нижнедевицку, Суковкино и Касторной. Разведка сообщила об отводе Постовским тыловых учреждений в сторону Старого Оскола. В связи с этим было принято решение «прикрывшись небольшими силами на линии Успенка — Котовка, с утра 10 ноября развивать наступление, нанося главный удар в направлении Суковкино, Бычѣк, Лачиново с целью отрезать пути отхода противнику из Касторной, окружить и уничтожить его. Для прикрытия действий корпуса с юга в направлении Кулевка был выставлен заслон. Главный удар наносили части 4-й и 6-й кавалерийских дивизий в составе пяти бригад»⁵⁷⁷.

Однако на рассвете 28 октября (10 ноября) белые нанесли упреждающий удар по частям Конного корпуса, атаковав его позиции в направлении Новой Ольшанки. Контратаки красной конницы вынудили белых отступить к станции Суковкино, куда были выдвинуты бронепоезда. Однако одновременно с этим белые при поддержке двух автоброневиков перешли в наступление на линии Успенка — Погожево, успешно продвигаясь на Орехово. Будённому пришлось срочно перебросить на это направление основные силы 4-й кавалерийской дивизии. Удар конницы с фланга и тыла расстроил боевые порядки белой пехоты и заставил ее поспешно отступить в село Касторное. К исходу дня положение было восстановлено. 4-я дивизия закрепилась в Семёновке, Милавке и Орехово, а 6-я дивизия отошла от ст. Суковкино, расположившись в Новой Ольшанке.

Следующие два дня на фронте царило затишье, а в ночь на 12 ноября С.М. Будённому передали директиву Реввоенсовета Южного фронта от 27 октября (9 ноября). В этой директиве его корпусу ставилась задача: «По занятии района Касторное, усиленными переходами произвести рейд в тыл противника с целью разгрома его тылов и перерыва железной дороги Курск — Белгород на участке станций Солнцево — Ржава»⁵⁷⁸.

576 Там же. С. 302.

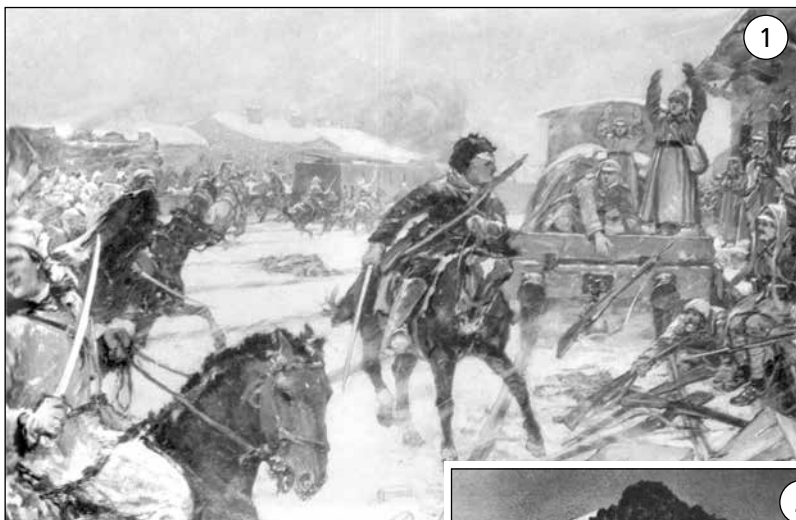
577 Там же. С. 303.

578 Там же. С. 304–305.

Конный корпус был сильно измотан и утомлён упорными боями. Кроме того, к вечеру 30 октября (12 ноября) погода резко испортилась: после дождя резко похолодало, подул сильный ветер, началась гололедица, а затем началась метель, не прекращавшаяся до 1 (14) ноября. Новое наступление на Касторную в связи с этим пришлось отложить. В конечном итоге начало его было запланировано на 15 ноября вне зависимости от того, какая будет погода. Согласно замыслу Будённого, «6-й кавалерийской дивизии приказывалось наступать уступом за 4-й кавдивизией в направлении Кулевка, Ясенки и прикрыть операцию корпуса с юго-востока от конницы Мамонтова; 4-й дивизии предстояло с рассветом 2 (15) ноября выступить в направлении Новая Ольшанка, перервать железную дорогу Касторная — Старый Оскол, занять станцию Суковкино и нанести удар по Касторной с юга. 11-й кавалерийской дивизии с приданной на время операции резервной бригадой Колесова приказывалось в 5 часов утра перейти в наступление и, взаимодействуя с частями 4-й дивизии, атаковать противника в Касторной с востока и северо-востока»⁵⁷⁹.

Между тем «пурга на ночь разбушевалась еще больше. Ветер валил с ног, мороз обжигал лицо, колючий снег бил в глаза». Тем не менее в ночь на 2 (15) ноября конные части буденовцев стали выдвигаться на исходные позиции. Атаковав врасплох на рассвете ст. Суковкино, 4-я кавалерийская дивизия захватила там «подразделение пехоты противника и оперативный пункт штаба генерала Постовского, связывающий Касторненскую группу с конницей Шкуро и Мамонтова». Станция была буквально забита эшелонами, гружёнными боеприпасами. Захваченный в плен штабной офицер дал ценные сведения о численности и вооружении группы Постовского. Будённый приказал пленному вызвать к аппарату дежурного по штабу генерала Постовского. «От имени офицера оперативного пункта я сообщил дежурному штаба, что, несмотря на метель, разъезды противника неоднократно проникали к станции Горшечное, а также пересекали железную дорогу севернее и южнее станции Суковкино. В связи с этим прошу выслать бронепоезд, чтобы прикрыть станцию и оперативный пункт от внезапного нападения ... Переговорив с дежурным офицером генерала Постовского, я приказал приготовиться к захвату обещанного им бронепоезда. Для того чтобы не вызвать подозрений у команды бронепоезда, были приняты надлежащие меры маскировки. Я, Городовиков и группа бойцов, оставшихся на перроне, были одеты в бурки и внешне ни-

579 Там же. С. 307.



1. Авилов М.И.
Захват станции Касторное.
2. С.М. Будённый, командарм
1-й Конной Армии. Фотография 1919 г.
3. С.М. Будённый и штаб
4-й кавдивизии.

чем не отличались от белых. Для большей убедительности, что мы белые, немного впереди нас были выставлены захваченные в плен жандарм и офицер. Бойцы, выделенные для захвата бронепоезда, укрылись по обе стороны железнодорожного полотна. Ждать пришлось не очень долго. К перрону подошел белогвардейский бронепоезд, и командир его, щеголеватый поручик, молодецки спрыгнув на перрон, подскочил ко мне с рапортом: «Господин генерал, бронепоезд «Слава офицерам» [«Слава Офицеру»] прибыл в ваше распоряжение» (он принял меня за Мамонтова). Я прервал его и приказал следовать за мной в вокзал для обстоятельного доклада о положении в Касторной.

— Слушаюсь, ваше превосходительство, — щелкнув каблуками, ответил офицер и, окруженный нашими людьми, последовал за мной в вокзал, где и был обезоружен.

Поручик ничего не сказал нового в дополнение к показаниям пленного офицера оперативного пункта. Он лишь добавил, что на восточных подступах к селу Касторному начались бои; станция Касторная забита эшелонами с огнеприпасами, и, вероятно, опасаясь взрывов, командование группы Постовского предпринимает меры к эвакуации эшелонов, либо к рассредоточению их. Такой вывод он сделал, наблюдая маневры паровозов на станции.

На перроне послышались одиночные выстрелы, потом все стихло. Когда мы вышли из вокзала, наши бойцы уже захватили бронепоезд. На радость нашим артиллеристам в бронепоезде был большой запас снарядов. Я велел распределить их между 4-й и 6-й кавалерийскими дивизиями, а бронепоезд подготовить к действиям в направлении Касторной»⁵⁸⁰.

Со станции Суковкино 2-я бригада 4-й дивизии начала наступление на Касторную вдоль железной дороги. 3-й бригаде было приказано вести наступление в сторону железной дороги Касторная — Воронеж, с выходом на разъезд Благодатинский. 1-я бригада оставалась в Суковкино для охраны трофеев и прикрытия станции. Затем Будённый повторил свой трюк с телеграфом, попросив выслать ещё один бронепоезд уже к разъезду Благодатинскому, где его тотчас захватили бойцы 3-й бригады.

Упорный бой разгорается в этот день и на участке обороны 2-го Марковского полка: «Гремят орудия. Красные ведут наступление густыми цепями в 2–3 линии на Успенское и Лачиново... Красные наступают методично, в порядке. Два орудия при батальоне не могут взять под огонь всех наступающих на многовёрстном фрон-

580 Там же. С. 309–311.

те. Когда пулемёты начали пристрелку, красные стали наступать перебежками. И только с подходом на 1000 шагов открыли огонь роты. Красные заметались, залегли. Напрасны были усилия командиров поднять цепи. Напрасен был огонь их двух батарей. Вправо красные шли в прорыв между батальонами, но во фланги им били орудия и они остановились. Влево они перешли уже железную дорогу, но им в тыл стреляли орудия со ст. Кшень. А когда марковцы обозначили контрнаступление, вся масса красных ринулась назад. Только три часа шёл этот бой, а затем наступила тишина. Но гром боя всё сильнее доносился с юга. Было около 14 часов, когда красные снова перешли в наступление, на этот раз на село Касторное. И опять без успеха. Отбили атаку и смоленцы, однако на их участке бой скоро возобновился»⁵⁸¹.

К исходу дня, поняв, что Суковкино в руках красных, Постовский перешёл к круговой обороне станции Касторной. В то же время части 4-й дивизии двигались на Касторную с юга, преодолевая по пути ожесточенное сопротивление противника в районе Котовки и Красной Долины. 6-я дивизия, подойдя к Кулевке и Ясенке, была встречена сильным ружейно-пулемётным огнём из-за глубоких оврагов, засыпанных снегом. Преодолеть этот оборонительный рубеж красная конница не смогла.

Одновременно части 11-й кавалерийской дивизии совместно с кавалерийской бригадой Колесова атаковали с востока село Касторное. Попав под сильный артиллерийский огонь и столкнувшись с упорной обороной пехотных частей противника, конница красных отступила к Успенке. Повторная атака, уже в пешем строю, вынудила белых отойти на следующую линию укреплений. Упорный бой время от времени переходил в рукопашную схватку. Во второй половине дня защитники Касторного начали отступать на юг и юго-запад. Воодушевлённые бойцы бригады Колесова и 11-й кавалерийской дивизии атаковали отступающих в конном строю, ворвались в село. В то же время, под прикрытием захваченного утром бронепоезда, станцию Касторное атаковала 4-я кавалерийская дивизия, а с севера наступали части 42-й стрелковой дивизии.

Фронт на участке Смоленского полка был прорван. Об этом тотчас был поставлен в известность командовавший марковцами капитан Д.В. Образцов. Студент, добровольцем пошедший на фронт 1-й Мировой войны, полный Георгиевский кавалер и ветеран «Ледяного похода», он спешно отправляется на выручку смоленцам,

581 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 143.

останавливает бегущих, организует оборону, однако «на одной из улиц он попадает под огонь красных. Падает убитый под ним конь, а в это время налетают кавалеристы. Капитан Образцов отстреливается из револьвера и падает под ударом сабли»⁵⁸². Под напором будённовской кавалерии марковцы, смоленцы и кавказцы начинают отходить в направлении станции Касторная–Старая, оставляя село. Участвовавший в штурме Касторного И.И. Харченко вспоминает: «При входе в село, мы наткнулись на мосту через реку Олым на проволочное ограждение и пулемёты. Опрокинув здесь неприятеля, мы двинулись дальше по [современным] улицам Фрунзе и Ленина в обход кладбища, которое с одной стороны (от центра) было ограждено каменной стеной в рост человека. Там залегло человек 50 офицеров, которых всех здесь же и порубили»⁵⁸³. Схватка на кладбище фактически завершила бой. Огонь бронепоезда сдержал будённовцев, бросившихся в погоню за отступающими.

Вскоре Будённый получил восторженное донесение Колесова: «Бой сегодня был неопиcуемый... Пехота вся разбита, взято около полка в плен, бесчисленное множество изрублено, масса трофеев, как то: орудия, винтовки, пулеметы, обозы, кухни и проч.»⁵⁸⁴. Сообщение начальника бригады о «множестве изрубленных» подтверждают и воспоминания касторенских старожилов. Они рассказывают, как в одной из хат укрывлось три офицера, просивших хозяйку дать им гражданскую одежду. Испуганная хозяйка отказывалась, а красные кавалеристы уже гарцевали во дворе, размахивая шашками, но не решаясь ещё ворваться в дом. Двое из белых наконец решили сдаться и вышли во двор с поднятыми руками. Будённовцы тотчас отсекали им руки и ускакали. Вслед за этим в ту же хату внесли раненого Н.П. Колесова. Оставшийся там третий из офицеров успел уже раздеться до исподнего, и комбриг, приняв его за хозяина, приказал немедленно принести ему шубу. Офицер признался, что он не хозяин, а пленный. Услышав это, Колесов тотчас выхватил наган и выстрелил в него. Лишь вмешательство сопровождавших комбрига командиров спасло на этот раз «пленному» жизнь — пуля ушла в потолок⁵⁸⁵.

Будённый в своих мемуарах уверяет, будто «генерал Постовский, бросив свой штаб, пытался на санях скрыться из Касторной, но был опознан нашими бойцами и зарублен»⁵⁸⁶. Однако тут, по словам Ф.И. Елисеева, Семён Михайлович «поставил себя в недопусти-

582 Там же. С. 144.

583 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 1. Д. 28. Л. 35.

584 *Будённый С.М.* Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959.— С. 313.

585 Личное сообщение *Е.И. Кузнецовой*.

586 *Будённый С.М.* Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959.— С. 313.



1. Мост у с. Касторное — место прорыва красных в ходе боев за село. Фотография 1938 г. Фонды Государственного архива Курской области.

2. Кладбище у с. Касторное — место обороны последней группы отступающих белых. Фотография 1938 г. Фонды Государственного архива Курской области.

мый курьёз». Генерал Владимир Иванович Постовский не только не был тогда зарублен и благополучно проживал затем в эмиграции в Париже, но более того, после окончания 2-й Мировой войны являлся председателем Общества советских патриотов на Юге Франции и в 1947 г. вернулся в СССР!⁵⁸⁷

Следующий день, 3 (16) ноября, ознаменовался крупным кавалерийским боем между будённовскими частями и казаками Шкуро, в ходе которого красным удалось значительно потеснить шкуринцев. Белые части начинают отступление в направлениях на Тим и Новый Оскол.

Трофеи, захваченные в результате боёв под Касторной, составили, согласно значительно преувеличенным подсчётам Будённого, «четыре бронепоезда, четыре танка, сто пулеметов, двадцать два орудия, десятки тысяч снарядов, миллионы ружейных патронов, тысячу лошадей и около трех тысяч солдат и офицеров, сдавшихся в плен»⁵⁸⁸.

Упорная оборона Касторной сорвала замысел красного командования пустить корпус Будённого в рейд по тылам белых в район Солнцево — Ржава и позволила дать войскам ВСЮР возможность упорядоченно отступить из-под Курска. Но главным итогом было то, что в результате битвы оказалась окончательно сломлена система обороны белых. Это повлекло за собой их массовый и спешный отход на юг.

Тимский рейд группы Третьякова–Блейша. Одновременно с битвой за Касторное велись упорные бои за контроль над линией железной дороги, соединяющей эту важную станцию с Курском. Наступление здесь осуществляли части 42-й стрелковой дивизии (начдив И.Х. Паука). Утром 3 ноября 1-я стрелковая бригада 42-й дивизии заняла Ливны, и «тесня противника в направлении на Мармыжи, продвигалась вдоль железной дороги на Касторное»⁵⁸⁹. Согласно В.Е. Павлову, пользовавшемуся старым стилем, Ливны были взяты ещё 20 октября (3 ноября)⁵⁹⁰.

587 Дневники казачьих офицеров. — М., 2004. — С. 282, 450.

588 Будённый С.М. Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959. — С. 314; дополнительные цифры даёт официальная «История Гражданской войны»: «За два дня боёв — 15 и 16 ноября — в районе Касторной было захвачено до 3 тысяч пленных, 4 бронепоезда, 4 танка, 22 орудия, свыше тысячи лошадей, несколько десятков тысяч снарядов, большое количество патронов» (История Гражданской войны в СССР. — Т. 4. — М., 1959. — С. 280–281).

589 Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 114.

590 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 136. Датировка событий К.В. Агуреева, данная на основе советских источников, несколько расходится с датировками эмигрантских историков, данных на основе полевой документации белых полков. В данном случае, вероятно, имеется в виду, что 20 октября (3 ноября) Ливны покинули части ВСЮР, а 42-я СД заняла город утром 21 октября (4 ноября).

Линию железной дороги оборонял отряд генерала А.Н. Третьякова, в состав которого входили 1-й Марковский и Алексеевский полки, державшие силами пяти батальонов 30-вёрстный фронт. При этом 1-й Офицерский генерала Маркова полк под командованием А.Н. Блейша занимал оборону по линии железной дороги на участке Лачиново – Кшень – Мармыжи. Сосед слева – Алексеевский полк. В Кшени располагался 2-й батальон. Лачиново было затем передано группе генерала Постовского, а стоявший там 1-й батальон 1-го полка (капитан Попов) к вечеру 31 октября (13 ноября) 1919 г. перешёл в Кшень, «нанеся удар по сосредотачивающимся к северу частям красных»⁵⁹¹.

В направлении на Кшень и Лачиново действовала 2-я бригада 42-й дивизии (373, 374 и 375 стрелковые полки). Перед 1-й бригадой (370, 371 и 372 стрелковые полки) была поставлена задача овладения Мармыжами и Расховцом, что и было достигнуто к 1 (14) ноября. Между тем к полудню 30 октября (12 ноября) 374-й полк под командованием Уткина после упорного боя занимает сёла Михайлоанненку и Петрово-Карцево. Полк к этому моменту был значительно ослаблен и насчитывал в строю не более 180 штыков. Однако комполка сразу же выслал в сторону ст. Кшень 10 конных разведчиков, которые вскоре доставили сведения о составе и численности противника. По их словам, оборону Кшени держат два батальона марковцев и сотня Черноморского казачьего полка с тремя орудиями, а по железной дороге курсируют два бронепоезда. Здесь же находится и обоз в 300 подвод. На следующий день на переправе через р. Кшень 1-й батальон 374-го полка успешно отразил предпринятую марковцами попытку удара в тыл со стороны д. Нижнее Гурово. Опасаясь повторения такого удара, красное командование усиливает позиции по левому берегу Кшени, направив туда 375-й полк под командованием Гавтвы, которому придаётся мортирная батарея. Вслед за этим части 374-го полка начинают наступление на станцию Кшень⁵⁹².

Согласно официальной документации 42-й дивизии, Кшень была занята красными уже к 15 часам дня 1 (14) ноября. Однако, судя по сведениям историка Марковского полка, бои за овладение станцией носили более длительный и упорный характер.

Ранним утром 2 (15) ноября марковцами была отражена попытка красных атаковать станцию: «рано утром, когда уже почти никто

591 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. – Т. II. – Париж, 1964. – С.136.

592 Немцев Н.А. Земля Кшенская. Очерки по истории Советского района Курской области. – Курск, 2003. – С. 62–63.

не спал, команда «Строиться!» В момент все в строю. Роты расходятся, разворачиваются и как-то спокойно, без суеты, равнодушно к рвущимся снарядам и наступающим на них густым цепям, идут вперёд. Загремели орудия, затрещали пулемёты. Красные шархались из стороны в сторону, стали залегать. Марковцы ринулись вперёд. Они бежали бы за противником не две-три версты, а больше, если бы не приказание отойти к железной дороге... Во второй половине дня красные опять перешли в наступление. Оно велось уверенно в охват левого фланга. Напряжённо-тяжёлый бой закончился полной неудачей для них. Кажется, никогда не оставалось их столько лежать на поле»⁵⁹³.

Однако исход боёв за Касторное предопределил и судьбу Кшени. Поражение группы Постовского поставило отряд Третьякова в крайне опасное положение. В итоге в ночь на 4 (17) ноября, несмотря на усиливающуюся метель, Марковские и Алексеевские части, входившие в отряд генерала А.Н. Третьякова, начали своё отступление. Ведя аррьергардные бои, отряд 5 (18) ноября сосредоточился в районе сёл Верхние Апочки и Рогозцы. Здесь к нему присоединился отходивший из-под Касторной батальон 2-го Марковского полка. Положение отряда было чрезвычайно сложным: «отряд с трёх сторон имеет противника, с четвёртой — его развезды. До Солнцева 40 вёрст по прямому направлению. Части противника уже у верховья Сейма, т.е. в 20 верстах южнее этого направления. Силы неизвестны»⁵⁹⁴. Оценив ситуацию, Третьяков отдал приказ выступать в направлении сёл Погожее и Кузькино. Отряд тронулся в путь в час ночи 6 (19) ноября.

Занять эти сёла без боя не удалось: «На утро по всему фронту отряда начались стычки с кавалерией красных. Атака на один батальон отбита; у другого хутора строившийся за ним дивизион рассеян батареями; у третьего — красные атаковали с тыла, едва не захватив батарею, но были отбиты пулемётным огнём и резервной ротой; у четвёртого красные, выскочив из него, отошли в сторону, но когда батальон прошёл хутор, они ворвались в хутор; резервная рота повернула назад и выбила их. К вечеру отряд, пройдя до 25 вёрст, занял Погожье и Кузькино, захватив обоз 1 бригады 2-й красной кавалерийской дивизии»⁵⁹⁵. В Кузькино собрались остатки 2-го Марковского полка (1-й и 2-й его батальоны). Здесь же Третьякову удалось получить более подробные сведения о распо-

593 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С.147.

594 Там же. — С. 162.

595 Там же. — С.163.

ложении в окрестностях частей 3-й советской дивизии: «на юге по Сейму — бригада пехоты; на Солнцево ушли бригада кавалерии и пехота; в Тиме, в 6 верстах севернее, — один-два полка; бригада кавалерии, рассеянная при наступлении, осталась к востоку». Для более успешного осуществления прорыва по занятой противником территории генерал Третьяков принимает решение разделить свой отряд на две группы.

Группа под непосредственным командованием самого А.Н. Третьякова включала в себя 900 штыков (600 марковцев и 300 алексеевцев), 50 всадников и 8 орудий. Она должна была продолжать начатое движение на запад на сторону Верхосеймья, откуда следовало резко свернуть на юг и выйти к переправам через Сейм.

Вторая группа состояла из подразделений 1-го Марковского полка (около 1000 штыков, 100 всадников и 10 орудий) под командованием полковника А.Н. Блейша, получившего за своё невозмутимое спокойствие прозвище «Каменный гость». Она должна была свернуть на север, захватить Тим и тем самым ликвидировать угрозу, нависшую над отступающими.

На рассвете 7 (20) ноября обе группы выступили в путь. Группа Третьякова успешно достигла Верхосеймья, «сопровождаемая с тыла и флангов красной кавалерией» (это были, скорее всего, части кавалерийского полка 42-й дивизии)⁵⁹⁶. На следующий день Третьяков, после незначительного сопротивления, выбил противника из Свинца, а 9 (12) ноября решительной атакой нанёс поражение кавалерийским частям красных и занял с. Суволочное, овладев переправой через Сейм. Не удовлетворившись достигнутым, Третьяков продвинулся ниже по течению к с. Орлянка, потеснив подразделения 22-го полка 3-й дивизии и поставив под контроль тамошнюю переправу, через которую, как ожидалось, будет переправлять реку группа Блейша.

Тем временем 1-й Марковский полк ранним утром 7 (20) ноября, сбив охранение 3-й дивизии, вошёл в Тим. «Красные выскакивали из домов, бежали по улицам, — пишет В.Е. Павлов. — Части полка прошли небольшой район города и собрались на северо-западной окраине. Довершила дело конная сотня: она обезоруживала и загоняла во дворы сотни красных. Здесь был их полк и ещё какие-

596 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 176; здесь, в оперсводке штаба 13-й армии от 20 ноября 1919 г. говорится, что «23 полк [3-й дивизии] совместно с кавполком 42 дивизии выбил противника из дер. Погожее... и продолжает преследование в направлении дер. Куськино».

то части»⁵⁹⁷. После четырёхчасового отдыха марковцы атаковали с. Становой Колодезь (ныне Становое), выбив оттуда стоявшие там подразделения 3-й дивизии. Несмотря на сгущающиеся сумерки, Блейш продолжил движение и к 22 часам вошёл в с. Гнилой Колодезь (ныне Гнилое), где и расположился на ночлег. Однако провести ночь в тепле марковцам не удалось: на окраине села произошла стычка с конным разездом красных, двоих взяли в плен, но трое ускакали в сторону занятого 3-й дивизией с. Рождественское. Не желая рисковать, Блейш решает нанести упреждающий удар. Okolo пяти часов утра 8 (21) ноября 1-й Марковский полк подошёл к Рождественскому и приготовился атаковать. В этот момент с востока к селу приблизилась колонна противника. Подпустив её поближе, резервный батальон полка дал залп, и «колонна была сметена огнём этого батальона, как раз в тот момент, как два других ворвались в село». Из показаний раненых красноармейцев выяснилось, что в бою был разбит полк численностью в 600 штыков. В плен было взято 150 человек. В селе стоял другой полк той же численности, а также батарея в четыре орудия. Здесь же располагался штаб бригады, но его захватить белым не удалось. После двухчасового отдыха, оставив половину пленных, полк выступил к с. Лещинская Плота и там, наконец, смог спокойно заночевать.

На следующий день группа Блейша двинулась на юг по правому берегу речки Лещинки в сторону с. Субботино. Часть пленных вновь была освобождена⁵⁹⁸. На подступах к Субботино полк попал под артиллерийский обстрел, за которым последовал «сильнейший ружейный и пулемётный огонь». Упорный бой затянулся на четыре часа, и ещё два часа марковцы выбивали противника из села. В плен попало 200 красноармейцев, но у Блейша из строя выбыло 100 человек.

В ночь на 10 (23) ноября группа Блейша двинулась на Солнцево, где располагались 7-й кавалерийский полк и батальон 22-го стрелкового полка 3-й дивизии⁵⁹⁹. «Глубокий снег, осторожное дви-

597 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 164; В.А. Ларионов пишет, что «в Тиме захватили советскую четырёхорудийную батарею и батальон пехоты» (*Ларионов В.А. Последние юнкера. — М., 1997. — С. 172*).

598 «Скоро пленных стало так много, — вспоминает В.А. Ларионов, — что полковник Блейш приказал их отпускать по домам. Особо явных коммунистов при этом раздевали на околицах деревень: забирали у них штаны, шинели, гимнастёрки и сапоги, и они потом, полуголые, по снегу бежали назад в тёплые хаты» (*Ларионов В.А. Последние юнкера. — М., 1997. — С. 172*). Обычно же «лишних» пленных просто запирали в сараях.

599 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 176.

жение. Светает, но лёгкий туман. Красные заметили. Начинается стрельба. Роты выходят на лёд реки; залегают под сильным огнём у переправы; карабкаются на берег на флангах. Красные охвачены и отбегают. Быстро в колонне по дамбе и мосту идёт резервный батальон, выходит на гребень, разворачивается и атакует Зуевку. Красные оставляют её. Полк берёт Солнцево уже с поддержкой батарей... Вслед за батальонами шли батареи, обоз, колонна пленных в 400–500 человек (отпущено до 300, взяты лишь те, кто не пожелал остаться) и прикрывающие части, уже под обстрелом обложившей село красной кавалерии»⁶⁰⁰.

Отход группы Третьякова–Блейша проходил в исключительно тяжёлых условиях. Приходилось прорываться через тылы наступающих красных войск, несмотря на морозы и метели. За семь дней, с 4 (17) по 10 (23) ноября, отряд прошёл с боями около ста вёрст, нанеся поражение шести полкам 3-й дивизии.

Действия полковника А.Н. Блейша и неожиданный захват Тима особенно впечатлили красное командование. Это было даже сочтено контрударом белых, якобы намеревавшихся вернуть утраченные позиции. Сообщалось, что «белогвардейский отряд под командованием генерала Третьякова... начал распространяться на север и северо-запад с явным намерением действовать в тыл 9-й стрелковой и Эстонской дивизиям, чтобы затем вынудить их к отходу от Курска»⁶⁰¹. Оценивая ситуацию, А.И. Егоров позднее писал: «Надо отметить, что организация этого контрманевра прошла совершенно незамеченной для красного командования, почему удар явился полной неожиданностью для 13-й армии»⁶⁰². Ему вторит и советский военный историк полковник К.В. Агуреев: «отряд генерала Третьякова, стремясь восстановить положение в районе Курска, перешёл в контратаку, направив свой удар против 3-й стрелковой дивизии, которая, не выдержав натиска белогвардейцев, отошла на север. 20 ноября белогвардейцы заняли г. Тим, угрожая захватить Курск»⁶⁰³. Нет нужды говорить, что на самом деле подобных наполеоновских планов ни генерал Третьяков, ни полковник Блейш отнюдь не вынашивали.

В связи с этими событиями РВС 13-й армии отдал приказ перебросить 9-ю дивизию в район Тима, Мантурово и Афанасьевки, куда она и прибыла к исходу 12 (25) ноября. Поскольку никакого

600 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 166.

601 Добышкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 83.

602 Егоров А.И. Разгром Деникина. — М.—СПб., 2003. — С. 328.

603 Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 127.

обширного контрудара белых здесь не происходило, то уже 17 (30) ноября части 9-й дивизии продолжили наступление, двинувшись в направлении Старого Оскола⁶⁰⁴. Эстонская дивизия также получила приказ «сменить некоторые расстроенные части 3-й стрелковой дивизии и вместе с частями 9-й и 42-й стрелковых дивизий ликвидировать прорыв неприятеля»⁶⁰⁵. Сведения о том, что «в тылу Конкорпуса в районе города Тим белые проявляют активность, сосредоточив там шестнадцать орудий и значительные силы пехоты», дошли 7 (20) ноября и до С.М. Будённого. В результате, чтобы предотвратить возможный удар в тыл корпуса, он направил в Тим 62-й полк 11-й дивизии, тотчас выступивший туда форсированным маршем. Спустя два дня, 9 (22) ноября, Будённому было доложено, что 62-й полк «достиг города Тим, пленил там отдельные группы пехоты противника и захватил одиннадцать орудий». Остаётся загадкой, каким образом им это удалось сделать в тот самый день, когда отряд Блейша вёл бой уже в д. Субботино, значительно южнее Тима⁶⁰⁶.

Отступление ВСЮР с территории губернии. После разгрома в Долгой Ключеве 3-й Марковский и Черноморский полки получили приказ отступать к станции Солнцево. Марковцы под командованием полковника А.С. Наумова отошли к Старому Черемошному, а на следующий день, 5 (18) ноября, стало известно, что красные заняли Солнцево и подорвали железнодорожные пути. После этого Наумов уводит свои силы на Обоянь, «в пути едва избежав захвата пехотой и кавалерией красных». Фронт на линии Ржава — Обоянь держали в это время корниловцы и черноморцы.

Отступая через Медвенку (Медвенский Колодезь), Корниловская дивизия собирается в Обояни 8 (21) – 10 (23) ноября, а уже вечером 11 (24) ноября на город разворачивают наступление части Латышской дивизии. Оставив в арьергарде офицерский батальон 2-го полка, корниловцы оставляют Обоянь. «Под прикрытием выюги латыши подошли близко, но нарвались параллельно своему

604 По утверждению К.В. Агуреева, 3-я дивизия, усиленная частями подоспевшей 9-й дивизии, перешла в контрнаступление и «21 ноября после ожесточённого боя г. Тим был освобождён. Преследуя разгромленный отряд генерала Третьякова, части 3-й стрелковой дивизии 24–25 ноября вели ожесточённые бои в районе дер. Орлянка... и вынудили белогвардейцев отойти на юг» (Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 127). Нет нужды говорить, что все упомянутые жестокие бои происходили либо в воображении полковника Агуреева, либо (скорее всего) в рапортах красных командиров, через расположение частей которых тот пробивался на юг отряд Блейша.

605 Титнер И.Я. В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 259.

606 Будённый С.М. Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959. — С. 319–320.

фронту на овраг... страшной глубины и с крутыми берегами, благодаря чему обороняющиеся подпустили противника на ширину оврага и открыли огонь с дистанции в сто шагов, — вспоминает М.Н. Левитов. — Впоследствии выяснилось из показаний пленных латышей, что их потери были так велики, что заставили командира этого полка «рвать на себе волосы» за рискованное нападение на корниловцев. Вооружены и одеты латыши были отлично. Ручные гранаты имелись почти у всех и в достаточном количестве. На этот раз их цепи отошли, и противник ограничился обстрелом переправ и станции из 42-линейных орудий»⁶⁰⁷.

Отступление корниловцев продолжалось в полном порядке, но практически безостановочно. По пятам за ними следовали части Латышской и Эстонской дивизий. Для организации более успешного преследования противника Эстонской дивизии были приданы авиационный отряд и бронепоезд «Мститель Углекоп». Правда, поскольку фланги латышской и 9-й дивизии сомкнулись, то эстонцы оказались во втором эшелоне наступления. Однако уже 9 (22) ноября был получен приказ главкома о переброске дивизии на главное направление и её усилении дополнительными свежими частями. К 13 (26) ноября по исполнение этого приказа к дивизии присоединился 5-й Эстонский полк, несший гарнизонную службу в Курске. Кроме того, в её состав вошла Отдельная стрелковая бригада П.А. Павлова, выделенная из Ударной группы 14-й армии (теперь она стала именоваться 3-й бригадой Эстдивизии). Дивизии были приданы также 3-й истребительный авиаотряд, бронепоезда «Смерть Директории», «Советская Украина» и «Грозный мститель за павших коммунаров». Теперь общая численность дивизии достигала 10 500 человек при 17 лёгких орудиях и 107 пулемётах⁶⁰⁸. Соседями Эстдивизии слева были части 3-й дивизии, а справа наступали латышские стрелки. Бойцы 2-й бригады Эстонской дивизии заняли исходные позиции для нового наступления, сменив части 9-й и 3-й дивизий на линии Полевая — Верхнее Гуторово — Лисово — Брынцево, а 1-я бригада заняла расположение подразделений 9-й дивизии в районе Андреевка — Колодное. Отсюда эстонцы двинулись в направлении Солнцево и далее в сторону Белгорода, преодолевая сопротивление отступающих корниловцев, беря в плен их отдельные группы. Как вспоминает А. Ломбак, спустя несколько дней после взятия Курска, его батарея натолкнулась на 13 солдат

607 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 386.

608 *Мамяги В.А.* В огне борьбы (красные эстонские стрелки). — М., 1987. — С. 156–157.

3-го Корниловского полка. Поняв по чёрно-красным погонам с кем он имеет дело, Ломбак поинтересовался, что они тут делают: «И кого вы здесь ищете? Или заблудились?» «Мы ищем того, кто возьмёт нас в плен», — отвечали корниловцы. «Вот оно что, — безразличным тоном отвечал красный командир. — Тогда идите по этой дороге до следующей деревни. Найдите там штаб 3-го Эстонского коммунистического полка, может быть удастся сдать в плен ему. Но поторопитесь: штаб скоро уходит оттуда». «А вы не могли бы взять нас в плен?» — спросил кто-то из корниловцев. «У нас нет времени возиться с вами», — равнодушно ответил Ломбак и продолжил движение по намеченному на этот день маршруту⁶⁰⁹.

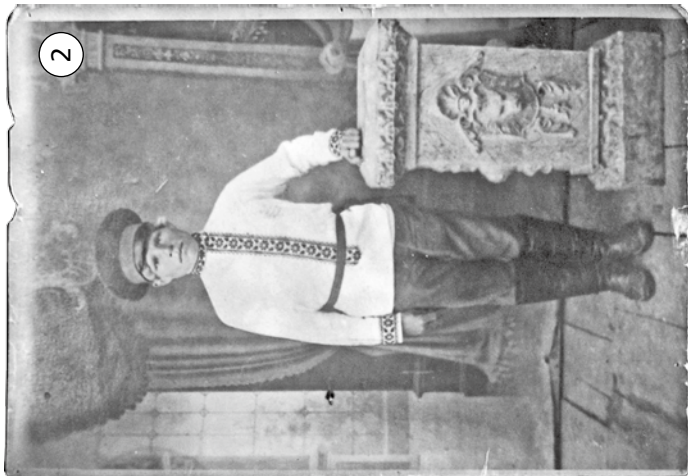
Упорный, дивившийся почти весь день бой с эстонцами отступающим пришлось выдержать 14 (27) ноября. А в сумерках 16 (29) ноября эстонцы нанесли удачный удар по 2-му Корниловскому полку в д. Сухая. Сестра милосердия полка В.Я. Гайдукова вспоминала: «Разместив раненых, медицинский персонал направился в отведённую ему избу. Не успели войти, как под окнами раздались стрельба и крики. Хозяйка дома с криком стала их просто выгонять, но хозяин заступился и стал прятать их под печку. Кто знает, что представляет из себя это убежище, тот поймёт, с какими трудностями туда нырнули четыре человека. Тут же врываются большевики и на ломаном русском языке приказывают всем выходить. Это были эстонцы. Они стали винтовками шарить и под печкой. Но в это время снова началась стрельба и эстонцы убежали. Корниловцы контратакой отбили их. Часть раненых была перебита. О переживаниях спасшихся под печкой распространяться не приходится, образ их спасителя — русского крестьянина — остался у них на всю жизнь»⁶¹⁰.

Несмотря на отдельные успешные контратаки противника, наступление эстонских стрелков развивалось неудержимо. Штаб дивизии перебрался из Курска на ст. Солнцево. Командование 13-й армии поставило перед ним задачу к 18 ноября (1 декабря) выйти на рубеж Киселево — Шляхово — Мазикино — Пожарище — Богодухово, приготовившись развернуть оттуда наступление на Белгород.

Под напором эстонцев и частей 9-й дивизии отступают алексеевские и марковские части, державшие фронт в районе Прохоровка — Короча. Тяжёлый бой пришлось выдержать 2-му Марковскому полку 18–21 ноября (1–4 декабря) у с. Казачье. Потеснив батальон

609 Ломбак А. Пламенные годы. — Талинн, 1981. — С. 165.

610 Материалы для истории Корниловского ударного полка. — Париж, 1974. — С. 387.



1. Г. К. Беляев (крайний справа), уроженец с. Богородского Ново-Оскольского у. Курской губ., доброволец 1-й Конной Армии. Убит в боях с белыми. Фонды Государственного архива Курской области.
2. М. Г. Барабанов, уроженец с. Богородского Ново-Оскольского у. Курской губ., доброволец 1-й Конной Армии. Убит под Ростовом. Фонды Государственного архива Курской области

алексеевцев, красные обошли село с юга. «Полк направляет два батальона; потеснены и они. Батальон, оставшийся в Казачьем, атакуется кавалерией; он её отбивает, но ему приказано оставить село. Дорога, по которой до этого шли два батальона, проходившая через глубокую лощину, перехвачена красными; другая дорога в двух верстах севернее у хутора, который занят противником. Временно командующий батальоном капитан Эмпахер решает отводить батальон северной дорогой. Быстрой атакой эстонцы выбиваются из хуторов, и под прикрытием 12 тяжёлых и 6 ручных пулемётов батальон переходит лощину. Кавалерия опоздала. Её сдержал взвод пулемётов подпоручика Рузского, а за лощиной удар красных с противоположной стороны был сдержан командой разведчиков»⁶¹¹.

После боёв с эстонцами и латышами в районе Верхопенья и Верхопенских хуторов корниловцы продолжают отход на Белгород. По пути 19 ноября (2 декабря) 3-й Корниловский полк столкнулся в д. Сырцово с группой красных, зашедших в его тыл, и выбил её оттуда. В конечном итоге к 23 ноября (6 декабря) вся Корниловская дивизия сосредотачивается в Белгороде, откуда на другой же день, как марковские части, отбывает в Харьков. Одной из причин поспешного отхода было не только фронтальное давление превосходящих сил Красной армии, но и фланговый прорыв масс красной конницы, которая 9 (22) ноября заняла Волчанск.

Следом за отходящими белыми на Белгород наступали Латышская и Эстонская дивизии. Латышские стрелки продвигались на Томаровку, эстонцы наступали левее. Задача взятия Белгорода была изначально поставлена перед Латдивизией, однако обстоятельства сложились так, что исполнять приказ пришлось совместными усилиями обеих дивизий. Начдив Пальвадре и его штаб переехали ближе к линии фронта на ст. Ржава. Силы эстонских стрелков, готовясь к нанесению удара по Белгороду, были распределены по трём боеучасткам. Действиями на них руководили, соответственно, командир 1-й бригады Н. Риухкранд, командир 2-й бригады А. Пылд и командир 3-й бригады П. Павлов. Правый боевой участок занимали 2-й и 3-й эстонские полки, 2-я и 3-я эстонские батареи (7 орудий), 2-я латышская тяжёлая батарея (2 орудия), кавалерийский дивизион 3-й эстонской бригады. Эти силы должны были наступать из района Беленихино — Щелоково на Шахово и ст. Болховец. Средний боеучасток составляли 4-й и 6-й эстполки, 1-я эстонская батарея (4 орудия) и тяжёлая батарея 9-й дивизии

611 Павлов В.Е. Марковцы в боях и походах за Россию. — Т. II. — Париж, 1964. — С. 169–170.

(4 орудия). Им было приказано наступать в направлении ст. Беломестная и села Маслова Пристань. Левый боеучасток (7-й, 8-й, 9-й эстонцы и 6 орудий 3-го лёгкого артдивизиона) имел целью выйти на линию Маслова Пристань — Устинка и выделить боевую группу для перехвата железной дороги между Белгородом и Волчанском у ст. Топлинка⁶¹².

Начало наступления было назначено на утро 23 ноября (6 декабря), однако контратаки белых бронепоездов на Правом боеучастке вынудили эстонцев вступить в бой уже утром 22 ноября (5 декабря). После упорных боёв, сломив сопротивление марковцев, 2-й и 3-й эстонские полки заняли Собынино, Собили, Шляхово. Утром же следующего дня развернулось общее запланированное наступление. К полудню 7-й полк выбил противника из Ушаково и развернул наступление на Шеино. Бой за эту деревню, которую оборонял 2-й Марковский полк, длился более шести часов. Эстонцы заняли её только к 19 часам после «ожесточённой схватки на улицах». Успешно продвигался и 9-й полк, захватив в д. Мелихово пленных и пулемёты. Части Правого боеучастка к вечеру заняли Гостищево, Вислое, Киселево и Хохлово. После упорных боёв за Шляхово и Шеино марковцы получают приказ об отступлении на Белгород.

Наконец, к вечеру 24 ноября (7 декабря) части 3-й бригады Эстонской дивизии и 7-й Латышский полк, сломив сопротивление арьергардных подразделений белых, вступили в Белгород. Через четыре дня они были уже в Харькове. А 25 ноября (8 декабря) части 3-й дивизии без боя заняли Волчанск.

Наступление на Дмитриев вели 41-я и 46-я дивизии 14-й армии. После окончательного овладения городом 41-я дивизия двинулась на Рыльск и Глухов, 46-я — на Льгов. Для совместных действий ей была придана 8-я кавалерийская дивизия В.М. Примакова — Червонные казаки. С 3 (16) ноября командиром 46-й дивизии являлся Р.П. Эйдеман, а обязанности военкома исполнял Л.З. Мехлис. 6 (19) ноября в два часа ночи во Льгове состоялась встреча Примакова и Эйдемана, обсуждавших планы наступления на Суджу. 6 (19) ноября части 41-й дивизии занимают Рыльск, а 10 (23) ноября 1-я бригада 46-й дивизии с боем занимает Коренево. После этого в районе Локни Эйдеман встречается с командиром бригады Я.А. Киселем, отдав ему приказ осуществить фронтальное наступление на Суджу совместно со 2-й бригадой Жупана. 3-я бригада М.Я. Германовича должна была в это время совершить обходное движение. Эйдеман

612 *Титнер И.Я.* В огне революции. — Таллин, 1964. — С. 263.

сообщил комбригу, что командарм недоволен ходом Суджанской операции, которая проходит «без малейшей идеи маневра». После того, как части 46-й дивизии заняли, наконец, Суджу, Р.П. Эйдеман издал 13 (26) ноября приказ, в котором было отмечено, что стремление наносить только лобовые удары «ведёт к излишним потерям, тем более что мы имеем дело с офицерской Дроздовской дивизией, широко пользующейся всеми пунктами обороны»⁶¹³.

Отход белых проходил в тяжелейших условиях. «Курск, Севск, Дмитриев, Льгов — оставлено всё. Взрываем за собой мосты, водокачки, бронепоезда. За нами гул взрывов, — пишет А.В. Туркул. — ...На железнодорожных путях часто встречаются вереницы теплушек. Их заносит снегом. Дроздовец [Е.В.] Рышков рассказывает в дневнике о таком замёрзшем эшелоне на станции Псёл: «Жарко, когда раскалена докрасна железная печка; холодно, едва она погасла. Голый по пояс офицер свесился с нар. «Стреляйте в меня! — кричит он. — Стреляйте мне в голову!» Поручик или пьян или сошёл с ума. «Не хочу жить. Стреляйте! Они всех моих перебили, отца... Всю жизнь опустошили... Стреляйте!..» Воеет пурга. Теплушку трясёт. Часовые ныряют в снег; заносит и часовых и эшелон...» Отход — это отчаяние. Хорошо одеты, тепло обуты советские Лебединский или Сумский полки, их 1-я или 2-я латышские бригады. У нас подбитые ветром английские шинеленки, изношенные сапоги, обледеневшее тряпье вокруг голов. Отход — отчаяние. Болота, болотные речки. Грязь оттепелей, проклятые дикие метели. Глубокий снег, сугробы по грудь. Ветер то в спину, то в лицо. Едва войдёшь в деревню на ночлег, уже подъём или ночной бой, без сна: красные в деревне. Отходим по мёрзлой пахоте без дорог, в лютую стужу, в потёмках. Падают кони. Там, где прошли перед нами войска, холмами чернеет конская падаль, заносимая снегом. Всё стало угрюмым — люди, небо, земля. Точно из железа. Выедено кругом всё, вымерло. Мы идём голодные, теряем за собой замёрзших мертвецов»⁶¹⁴.

Трудно приходилось и красноармейцам. Сводка политотдела Южного фронта от 17 (30) ноября так сообщала о состоянии частей 13-й армии: «3-я дивизия 1-я бригада [в] боях, настроение повышенное. Красноармейцы раненные остаются [в] строю. Необходимо пополнение. Настроение противника подавленное. 2-я [бригада]: настроение хорошее, политсознание слабое, политработа тормозится [в связи с] боями. Комсостав нераспорядителен, недостаток обуви, теплого обмундирования. Продовольствие нере-

613 Панков Д.В., Панков Д.Д. В моём сердце — отчизна одна. — М., 1985. — С. 39.

614 Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест... — М., 1995. — С. 96–97.

гулярно. [...] 9-я дивизия: недостаток 400 пар сапог, 400 шинелей, 200 папах, 300 теплых брюк, литературы. Заболеваний 5 процентов. Продкомиссия бездействует. Красноармейцы довольствуются крестьянами. [...] Эстонская дивизия 2-й Эстонский полк: настроение хорошее, снабрганы работают слабо, продовольствие, фураж охотно доставляются крестьянами. Ввиду недостатка папах, теплых портянок были случаи отмораживания ног. Заболевают сыпным тифом. Население встречает Красную Армию радушно. Эстонская батарея: нет крупы, мяса. Заболевания простудой»⁶¹⁵.

Тем не менее части Красной армии занимают всё новые города и населённые пункты губернии: 11 (24) ноября они вступают в Путивль, 23 ноября (6 декабря) — в Грайворон и Хотмыжск. Продвижение их не было всего лишь триумфальным маршем. Отступая, белые, тем не менее, ещё сохраняли высокую боеспособность, время от времени нанося ощутимые удары по своим преследователям. Так произошло, например, под селом Бурьнь в окрестностях Путивля.

Отходя из-под Дмитриева, 1-я дивизия 5-го кавалерийского корпуса отступала в направлении Глухов — Путивль — Ворожба. В конце октября 1919 г. входивший в её состав Сводно-уланский полк, выдержав ряд столкновений с партизанами атамана Шубы, расположился между Путивлем и ст. Ворожба. Отход полка прикрывал дивизион Новоархангельских улан под командованием полковника М.П. Кадьяна. Между тем части советского 365-го полка начали обходить ст. Ворожба с северо-востока, намереваясь перерезать линию железной дороги, ведущую к Белополью. Дивизион полковника Кадьяна получил приказ остановить это опасное продвижение.

«Еще ночью оба эскадрона вышли из села Бурьнь, где они ночевали, и на восходе солнца подошли к большому лесу, за которым, как выяснил разъезд, находилась пехота противника, силою в батальон, — вспоминает князь Н.В. Голицын. — Несмотря на то, что у полковника Кадьяна было в 1-м эскадроне только 40 пашек, а во втором — 60, он решил атаковать батальон красных в конном строю. Пулемётная команда заняла позицию на опушке леса и открыла огонь по цепи противника, которая залегла и стала продвигаться перебежками. Пулемёты корнета Капора стреляли очень метко, и много перебежавших красноармейцев оставались на месте. До них было около версты. Оба эскадрона стояли развернутым фронтом за лесом, ружейную и пулеметную стрельбу, но еще не видели противника.

615 Гражданская война на Украине. — Т. 2. — Киев, 1967. — С. 510.

Полковник Кадьян скомандовал: «Дивизион, шашки вон, пики бою, слушай!» (первые шеренги были вооружены тяжёлыми деревянными пиками). Командиры эскадронов повторили эту команду своим эскадронам: «Дивизион, рысью марш!»

Выйдя за край леса, уланы увидели противника, до которого было с полверсты. Командиры эскадронов скомандовали: «Стой, равняйся!» Полковник Кадьян перекрестился, вынул шашку и крикнул: «С Богом!» Командиры эскадронов скомандовали: «Правое плечо вперед, в атаку, карьер, марш–марш. Ура!» Уланы подхватили «Ура» и дали шпоры.

Поле было ровное, снег неглубокий, что не затрудняло атаки. Стреляя на ходу, красноармейцы стали сбегаться в кучу для отражения атаки, но не успели, как на них налетели уланы. Многие пехотинцы становились на одно колено, выставляли перед собой, уперев приклад в землю, винтовку со штыком, на который напарывались уланские лошади. [...] Около 150 красноармейцев были убиты и ранены. Остальные, около 300, бросились бежать к другому лесу на северо–восток⁶¹⁶.

В это время полковник Кадьян закричал: «Пленных не брать, это китайцы!»⁶¹⁷ [...] Китайцы бежали к другому недалекому лесу, а

616 Потери белых оказались несравнимо меньшими: «Во время атаки около 25 лошадей были ранены штыками, столько же приблизительно улан. Тяжелораненых – 4, убит 1 – улан первого эскадрона Попивненко. Под штабс–ротмистром Вилламовым убита штыком лошадь. Он первый налетел на противника, обогнав свой эскадрон и полковника Кадьяна, под которым лошадь была ранена пулей в голову» (*Голлицын Н.В.* Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М., 2002. – С. 207).

617 В отношении китайцев белые были настроены особенно непримиримо: «Они зверствовали по отношению к русскому населению, и уланы видели, как они расправлялись с крестьянами в районе Глухова (не лучше их были венгры)» (*Голлицын Н.В.* Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. – М., 2002. – С. 207). Ф.И. Елисеев вспоминает, как в боях под Касторной приказал «докончить» раненого красноармейца только потому, что тот показался ему китайцем: «Под ноги моей кобылицы, занесённый снегом, попался раненый красноармеец. Казак соскочил и повернул его на спину. Передо мною открылось скуластое, тёмно–жёлтое лицо монгола. Он беспомощно открыл на меня глаза и снова закрыл их. «Господин полковник!.. Кит–та–ец–ц?!» – вопросительно воскликнул и пояснил мне казак. «Докончить!» – коротко произнёс я и поскакал дальше. Выстрела я не слышал. «Докончил» ли его казак или нет – я не знаю. Но это была первая жертва моего личного распоряжения за всю Гражданскую войну, чтобы убить своего врага. И лишь потому, что он был «китаец». О роли китайцев в Красной армии писалось, как об особенно жестоких палачах над белыми. Да и зачем он, китаец, иностранец, пошёл в Красную армию? Пошёл против нас, блюстителей порядка? – думали многие из нас» (*Елисеев Ф.И.* С Хопёрцами

уланы носились по полю, коля их пиками и рубя палашами. Все же было взято в плен 3 китайца, хорошо одетых и вооруженных пистолетами «маузер». По всей вероятности, они были начальниками.

Ввиду того, что они по-русски не говорили (или не хотели), а среди улан никто не знал китайского языка, они были отправлены в штаб дивизии. Проходя на следующий день через город Белополье, уланы увидели, что они были повешены перед железнодорожной станцией. Трофеями этого боя было два пулемета Максима, три Люиса, винтовки, ручные гранаты и большое количество патронов, которых в Добровольческой армии всегда не хватало»⁶¹⁸.

В итоге наступление красных на Ворожбу было сорвано, и воинские эшелоны, грузившиеся там, смогли беспрепятственно уйти на Белополье.

После непродолжительного отдыха в Касторной продолжал наступление и Конный корпус Будённого. Ситуация, в которой про-

// Дневники казачьих офицеров. — М., 2004. — С. 299). Позднее, допрашивая пленных, Елисеев выяснил, что этот красноармеец был всего лишь «башкирцем» — «Мне было очень больно за свою опрометчивость. Я всегда любил всё «восточное, азиатское», и вот, случайностью, приказал лично добить именно одного из них...» — сокрушался он после этого.

Ничуть не сокрушался зато А.В. Туркул, после того, как уже в ходе боёв за Крым его дроздовцы захватили в плен и расстреляли сразу 300 китайцев: «У многих были на пальцах золотые обручальные кольца с расстрелянных, в карманах портсигары и часы, тоже с расстрелянных. Азиатские палачи Чека, с их крысиной вонью, со сбитыми в чёрный войлок волосами, с плоскими тёмными лицами, ожесточили наших» (*Туркул А.В. Дроздовцы в огне // Я ставлю крест...* — М., 1995. — С. 147).

Надо отметить, что белые мемуаристы охотно акцентируют внимание на присутствии в рядах противников различных «инородцев» (особенно китайцев и венгров). Тем самым Гражданская война для них приобретает хотя бы отчасти оттенок «обычной» войны с внешним противником за национальное дело. Интересно, что подобные настроения были характерны и для красных, не менее охотно упиравших на свою борьбу с иностранными интервентами, марионетками которых, якобы, являлись белогвардейцы. Не ограничиваясь этим, они пользовались любой возможностью, чтобы указать на присутствии среди белых «чужеродных формирований» — черкесов, чеченцев, на худой конец, просто казаков. Описывая события «Ледяного похода», советский репортёр в своей абсолютно живой статье извещал читателей «Известий» о том, что «отряд Корнилова состоял из киргизов, чеченцов и офицеров», а укрывался он в черкесских аулах (*Головин А. Борьба с чёрным врагом (на Кубани) // Известия. 28 апреля 1918 г.*). Таким образом, создавалась также видимость борьбы с «внешним» врагом. Подобные приёмы должны были сгладить психологический шок, возникающий от осознания сути Гражданской войны — войны между соотечественниками.

618 *Галицын Н.В.* Конная атака Новоархангельских улан в октябре 1919 года // Возрождённые полки русской армии в Белой борьбе на Юге России. — М., 2002. — С. 206–207.

ходило это наступление, была весьма необычна: «создалось своеобразное наслоение противников: впереди отходили разбитые части корпусов Мамонтова и Шкуро, за ними двигались, преследуя их, части Конного корпуса, на которых сзади нажимала пехота белых, преследуемая стрелковыми соединениями 13-й и 14-й Красных армий»⁶¹⁹.

Хотя директива Реввоенсовета Южного фронта от 9 ноября, требовавшая от Конного корпуса нанесения удара в район Солнцево – Ржава, оставалась в силе, исполнять её С.М. Будённый справедливо счёл нецелесообразным. Вместо этого, «исходя из реальной обстановки», он решил «развивать достигнутый успех, то есть наступать вдоль железной дороги на юг, углубляясь в стык деникинских армий».

5 (18) ноября, продвигаясь вдоль железной дороги Касторная – Старый Оскол, Конный корпус занял станцию Горшечное. По мере приближения к Старому Осколу сопротивление белых возрастало. 7 (20) ноября 6-я дивизия и резервная бригада Н.П. Колесова столкнулись с 10-й конной дивизией белых. В результате боя, как сообщает С.М. Будённый, «более пятисот белоказаков было зарублено и взято в плен»⁶²⁰.

8 (21) ноября корпусу был отдан приказ овладеть Старым Осколом, наступление на который началось на следующий день. По плану 11-я дивизия, двигаясь в направлении Углы – Старый Оскол, должна была выйти на линию Стоило, Песчаная Пристань; 6-я дивизия наносила удар в направлении Верхне-Атаманского; 4-я дивизия была оставлена в резерве. Однако в ходе наступления, пока 6-я и 11-я дивизии охватывали город с востока и юга, всадники 4-й дивизии, отрезав бронепоезда белых, внезапно ворвались на станцию Старый Оскол. В итоге дерзкого рейда была почти без выстрела захвачена прямо в эшелонах только что прибывшая к месту боёв бригада 2-й Кубанской дивизии генерала С.Г. Улагая. Вслед за этим был нанесён удачный удар и по второй бригаде 2-й Кубанской, что двигалась в эшелонах к Старому Осколу: «впереди и позади эшелонов бригады было разобрано железнодорожное полотно. Оказавшись под угрозой уничтожения из пулеметов, выдвинутых нашими бойцами по обе стороны железной дороги, белоказаки выскакивали из вагонов вместе с лошадьми в глубокие кюветы, забитые снегом. Никаких подмоствок, либо приспособлений для выгрузки не было, и удивительно, что

619 *Будённый С.М.* Пройденный путь. – Кн. 1. – М., 1959. – С. 317.

620 Там же. С. 319.

ни одна лошадь не получила увечий, без чего не всегда обходится даже организованная выгрузка»⁶²¹.

После этого противостоять надвигающимся силам будённовцев могла только одна 4-я Кубанская дивизия, которая, столкнувшись с 6-й дивизией Конного корпуса, понесла тяжёлые потери и стала поспешно отступать в сторону Нового Оскола.

Как утверждает С.М. Будённый, «в этом бою 6-й дивизией был уничтожен Сводный кавалерийский полк князя Гагарина, убит был и сам Гагарин»⁶²². Однако командир 2-го Хопёрского полка Ф.И. Елисеев сообщает, что встречался с князем Гагариным и его полком уже после сдачи Старого Оскола: «Старый Оскол был сдан красным 8 ноября... От села Избища полк был послан куда-то на запад, где находился полуконный кавалерийский полк князя Гагарина. Об этом полку слышим впервые. Представившись почтенному князю-полковнику с длинной седой бородой, [я] отошёл к своим казакам... Этот полк был составлен из интеллигенции, больше из студентов Воронежской губернии, уже при отступлении. Полковник князь Гагарин был начальник одного из уездов этой губернии и теперь отходил вместе с нами. Солдат и офицеров в полку было очень мало, лошадей не хватало. Да и людей-то было, может быть, на один эскадрон мирного времени. В переходах они «менялись» — то есть конные уступали пешим своих коней и, дав передохнуть пешим, вновь садились на них. Конечно, такой полк мало был боеспособный. Все они одеты в шинели и фуражки. Некоторые студенты и ученики классов средних учебных заведений — в своих форменных фуражках. Несомненно, они были неопытны в военном деле... Мне их было жалко»⁶²³. Погиб ли князь Гагарин в бою или нет, но в любом случае, разгром этого «полка» не мог принести будённовцам особой славы.

Старый Оскол был полностью занят будённовцами к полудню 9 (22) ноября. На железнодорожной станции тут скопилось множество беженцев, ставших жертвой откровенного грабежа со стороны красных кавалеристов. «Интересную картину наблюдал я на станции Старый Оскол, забитой белогвардейским хвостьем, не

621 Там же. С. 320.

622 Там же. С. 321; цитируя утверждение Будённого о гибели Гагарина в бою за Старый Оскол, Ф.И. Елисеев пишет: «Насколько это верно — неизвестно, печать белых об этом ничего не говорит» (*Елисеев Ф.И. С Хопёрцами // Дневники казачьих офицеров. — М., 2004. — С. 318*). Очень похоже, что в данном случае, как и в истории с зарубленным генералом Постовским, Семён Михайлович несколько погорячился.

623 *Елисеев Ф.И. С Хопёрцами // Дневники казачьих офицеров. — М., 2004. — С. 314-315, 317-318.*

успевшим убежать из города, — пишет в своих мемуарах сам С.М. Будённый. — С семьями и багажом, на своих огромных сундуках, разнообразных корзинах, сумках и чемоданах восседало это мрачное воронье на перроне и на вокзале. А в это время шустрые бойцы из хозяйственных команд наших полков тут же подбирали брошенное противником военное имущество и различные грузы, аккуратно складывая их на повозки»⁶²⁴. Хотя говорится тут в первую очередь о некоем «военном имуществе», из контекста видно, что «шустрые бойцы» не обходили своим вниманием также имущество «белогвардейского охвостья».

В Старом Осколе Будённому стало известно о решении Реввоенсовета Южного фронта создать на основе его корпуса Конную армию. Взятие Старого Оскола создало благоприятные условия для успешного наступления на левом фланге 13-й и правом фланге 8-й армий. Однако, двинувшись 13 (26) ноября далее на Новый Оскол, Будённый вскоре натолкнулся на упорное сопротивление противника.

«Обычно белые отходили рассредоточенно, сдерживая наши передовые части ружейно-пулеметным огнем. Но как только основные силы Конного корпуса развертывались для атаки, противник быстро свертывался в колонны и отходил под прикрытием арьергардов, — пишет С.М. Буденный. — Не оказывая серьезного сопротивления, белые вместе с тем стремились отходить более или менее организованно, сохраняя свои силы... Но чем ближе корпус подходил к Новому Осколу, тем большее сопротивление оказывали белые. Так, во второй половине 27 ноября деникинцы силами двух кавалерийских полков перешли в контрнаступление из района Велико-Михайловки в направлении Малое Городище, Бубново. Однако энергичным ударом 2-й кавалерийской бригады 6-й дивизии противник был рассеян. Но вскоре белые вновь при поддержке четырех бронепоездов повели наступление, теперь уже из района станции Чернянка. Однако и эта попытка наступать провалилась. 6-я дивизия начала обходить станцию Чернянка. Белокосаки, опасаясь окружения, поспешно отошли к Новому Осколу. Удачным артиллерийским обстрелом два бронепоезда противника были повреждены, но белогвардейцы сумели их взять на буксир и увести в Новый Оскол»⁶²⁵.

Этот бой дал будённовцам понять, что в районе Нового Оскола и Велико-Михайловки им придётся столкнуться с довольно крупными силами неприятеля. Директива РВС Южфронта от 6 (19)

624 *Будённый С.М.* Пройденный путь. — Кн. 1. — М., 1959. — С. 321.

625 Там же. С. 323–324.

ноября предписывала «стремительно преследовать отступающего противника в общем направлении Старый Оскол, Короча, Белгород», однако ситуация вновь складывалась иначе — основные силы противника отходили под натиском Конного корпуса не к Белгороду, а в направлении Валук. Кроме того, свернув на Белгород, корпус подставил бы собственный фланг для удара противнику, сосредоточившемуся в районе Нового Оскола. В конечном итоге, Будённый принял решение «разгромить противника в районе Новый Оскол, Велико-Михайловка и в дальнейшем действовать по обстановке, добываясь связи со штабом Южного фронта».

15 (28) ноября части корпуса начали занимать исходные позиции для наступления на Новый Оскол. Главный удар планировалось нанести из района Лозного силами 4-й и 6-й дивизий, охватив Новый Оскол с запада и юга. В то же время 11-я кавалерийская дивизия выдвигалась в район Анновки с целью прикрыть фланг корпуса от возможных ударов противника из Яблоново и Корочи.

Тем временем упорное сопротивление противника, а также отставание 42-й дивизии вынудили командование 13-й армии принять решение о переброске на левый фланг 9-й дивизии, которой и было поручено вести наступление на Новый Оскол. Вскоре бойцы 9-й дивизии уже высаживались из вагонов на ст. Голофеевка. Сосредоточение её здесь завершилось к 19 ноября (1 декабря).

Однако уже 16 (29) ноября белые организовали контрудар из района Валук в сторону Нового Оскола и Велико-Михайловки, вклинившись в стык 13-й и 8-й армий и намереваясь разгромить старооскольскую группировку красных. Основой сил, собранных для этого наступления, стал корпус К.К. Мамантова (3500 шашек Донской конницы и 1000 кубанцев и терцев).

Утром 17 (30) ноября Конная армия С.М. Будённого развернула встречное наступление на Новый Оскол. «Весь день 4-я дивизия вела упорные бои за Велико-Михайловку. Используя естественные препятствия, белогвардейцы несколько часов отражали наши атаки. И лишь к вечеру, попав под сильнейший артиллерийский огонь и фланговые удары частей 4-й дивизии, противник дрогнул и, бросая обозы, стал отходить на юг в направлении Барсук, Сидоровка. Против 6-й кавалерийской дивизии, наступавшей вдоль железной дороги, оборонялись конные казачьи части и подразделения 2-го Кавказского пехотного полка при поддержке двух бронепоездов. Наиболее упорные бои разгорелись в районе Холки. Но и здесь сопротивление противника было сломлено. 6-я дивизия заняла станцию Холки»⁶²⁶.

626 Там же. С. 325.

Утром следующего дня бои возобновились. Заняв Барсуку, Беломестное и Ольховатку, 4-я дивизия оттеснила к Слоновке корпус генерала Науменко. Наступлению 6-й дивизии белые сопротивлялись при поддержке двух бронепоездов. Чтобы сломить их оборону, начдив Тимошенко перебросил 1-ю бригаду Книги к востоку от железной дороги, а остальные две бригады направил обходить Новый Оскол с запада. Однако комбриг В.И. Книга вовсе не спешил вести своих всадников под огонь бронепоездов и атаковал противника только после личного вмешательства самого Будённого⁶²⁷.

К часу дня 18 ноября (1 декабря) Новый Оскол был взят. В город вошли 2-я и 3-я бригады 6-й дивизии, а 1-я бригада Книги продолжила преследование уходящего на восток корпуса Мамантова, сообщив командованию о своём местонахождении только на второй день.

За ночь корпус К.К. Мамантова успешно оторвался от бригады Книги и к утру 19 ноября (2 декабря) прибыл в Бирюч, где неожиданно для себя натолкнулся на части 8-й Красной армии. Впрочем, для частей 8-й армии появление донцов Мамантова было еще неожиданнее. В итоге около тысячи красноармейцев оказались в плену, а прочие в беспорядке бежали на северо-восток. Было захвачено также семь пушек. Однако вслед за этим Мамантов столкнулся с частями 12-й и 16-й стрелковых дивизий 8-й армии, которые продвигались к Бирючу и Алексеевке из Синих Липяг. Бросив пленных и трофеи, казаки спешно отступили к Алексеевке.

В Новом Осколе будённовцы задержались до утра 22 ноября (5 декабря), когда наступление было возобновлено. К исходу дня части Конной армии уже овладели Волоконовкой и стали готовиться к удару на Купянск и Валуйки. Однако прежде им предстояло окончательно сломить сопротивление белой кавалерии.

«Деникин всё ещё не понимал всей серьёзности положения своих армий, — пишет об этом периоде К.В. Агуреев. — Желая как можно быстрее разгромить основные силы наступавших советских войск, и особенно конницу, и вновь захватить стратегическую инициативу в свои руки, он решил не только нанести удар по Конной армии, но и перейти в наступление по всему фронту... конной группе генерала Мамонтова была поставлена задача — разгромить конницу Будённого»⁶²⁸.

627 Там же. С. 327–328; («1-я бригада считалась лучшей в дивизии. Она состояла из добровольцев — беднейших ставропольских крестьян, глубоко уважавших своего комбрига. Они считали его, тоже крестьянина, своим выдвиженцем и почтительно называли по имени и отчеству. Он не был лихим рубакой, но зато умел простыми словами воодушевить людей и повести их за собой в стремительную атаку», — пишет С.М. Будённый).

628 Агуреев К.В. Разгром белогвардейских войск Деникина. — М., 1961. — С. 128–129.

С первых чисел декабря (21–22 ноября ст. стиля) на всех направлениях развернулись упорные бои. Конная армия Будённого продвигалась на юг, тесня 3-й Кубанский корпус, а 9-я дивизия выдвинулась, наконец, в район Нового Оскола. Между тем конная группа К.К. Мамантова, заняв 22 ноября (5 декабря) исходное положение в районе Верхососенска и Красной, нанесла удар в направлении на Новый Оскол, намереваясь ударить во фланг коннице Будённого. Однако будённовцев там уже не было, и удар Мамантова пришёлся по частям 9-й дивизии.

Сосредоточившись в районе с. Красное, 2-я бригада 9-й дивизии должна была сменить части 2-й бригады 42-й дивизии, после чего выступить на Валуйки. Однако донцы Мамантова успели выбить части 42-й дивизии из Львовки (Дубовца) и Красного ещё до прибытия на этот участок их смены. В итоге 76-й полк 9-й дивизии остановился в д. Шарাপовка, а 78-й полк при поддержке батальона 77-го полка в течение всего дня 21 ноября (4 декабря) вели упорный бой за овладение Красным. Несколько раз село переходило из рук в руки, но к вечеру казаки были вытеснены оттуда в сторону Львовки. Утром следующего дня, 22 ноября (5 декабря), 76-й полк выступил на Львовку, а 78-й — на Асеевку.

На переходе к Львовке 76-й полк был внезапно атакован 9-й и 10-й бригадами Донского корпуса К.К. Мамантова (до 1500 сабель), которые действовали с приданной им конной батареей. Отбив первую атаку, полк не выдержал повторного удара. Вначале подался и обратился в бегство 1-й батальон полка, который казакам удалось окружить и разгромить. «Несмотря на стойкость и самоотверженность красных бойцов, полк был смят; остатки его с двумя пулемётами, конной разведкой вырвались из кольца и, преследуемые противником, стали отходить», — вынуждены констатировать историки 9-й дивизии⁶²⁹. Спасти удалось командиру полка Г.М. Кобленцу и комиссару И.П. Шагайденко. В плен к казакам попало 130 красноармейцев и полковой оркестр.

Начдив Солодухин, узнав о произошедшей катастрофе, тотчас приказал сформировать ударную группу в составе 78-го полка, одного батальона 77-го полка, 6-й сотни кавполка и батареи арtdивизиона. Группа конных разведчиков 78-го полка под командованием А.Г. Шевченко сумела незамеченной приблизиться к Львовке и, сняв часовых, выяснить расположение противника и пленных. В ночь на 23 ноября (6 декабря) ударная группа с трёх сторон подошла к селу и стремительно атаковала спящих казаков. «Началась

629 *Добыкин Д.М., Кондаков А.А. Победный путь. — Курск, 1961. — С. 85.*



1. Авилов М.И. Сталин принимает парад 1-й Конной Армии. Декабрь 1919 г. с. Велико-Михайловка, Ново-Оскольский у., Курская губерния.

2. Площадь в с. Велико-Михайловка, на которой проходил парад. Фотография 1938 г. Фонды Государственного архива Курской области.

паническая стрельба ошеломлённых деникинцев. Оторвавшиеся от привязи лошади усилили панику белых, многие из них выскакивали полураздетыми... Как рассказывала потом хозяйка дома, где ночевал Мамонтов, ординарец генерала разбудил его и в страхе крикнул: «Красные в селе! Спасайтесь!»... Он в испуге схватил хозяйские валенки, полушубок и в одном белье выскочил во двор. Через несколько минут... генерал с двумя ординарцами уже мчался во весь опор на лошади без седла к большой дороге, ведущей в тыл», — пишет участник ночного рейда И.Н. Шевченко⁶³⁰.

«В наши руки попали богатые трофеи, — вспоминают ветераны 9-й дивизии, — 60 лошадей с сёдлами, 60 сабель, 20 000 патронов, 30 винтовок, 3 ящика с револьверами, телефонное имущество и многое другое. Уничтожено было 70 казаков и 10 офицеров, в том числе начальник штаба корпуса полковник Петров»⁶³¹. Кроме того, в руки красных попали важные штабные документы. Участники рейда понесли потери ранеными, среди которых был комиссар 78-го полка Кончаловский.

Утром 24 ноября (7 декабря) после ожесточённого боя в районе Волоконовки Конная армия Будённого разгромила силы К.К. Мамантова, вынудив его отступить к Валуйкам. Попытка наступления белых была, таким образом, сорвана, и части 9-й дивизии совместно с будённовцами двинулись на Валуйки, которые и были взяты 26 ноября (9 декабря). А к 2 (15) декабря сопротивление белых было окончательно сломлено, и они оказались отброшены за Купянск на рубеж Северского Донца. Таким образом, в первых числах декабря территория Курской губернии оказалась полностью возвращена под контроль Советской власти.

630 *Шевченко И.Н.* В боях и походах. — Харьков, 1966. — С. 75–76 (См. также: *Шевченко И.Н.* Рождённые в пламени // Против Деникина. — М., 1969. — С. 199–200; *Шевченко И.Н.* Грайворонский революционный... — Белгород, 1962. — С. 50–51). Здесь же рассказывается, как привели пленных красноармейцев в Львовку, белоказакки «отобрали китайцев и евреев и тут же их зарубили», а потом принялись избивать остальных, требуя выдачи коммунистов. Не добившись этого, они пригрозили на другой день расстрелять каждого пятого из них.

631 *Добькин Д.М., Кондаков А.А.* Победный путь. — Курск, 1961. — С. 85.

6. Восстановление Советской власти

К концу сентября вся Курская губерния оказалась под властью Вооруженных Сил на Юге России. Советское руководство бежало в Орёл. Здесь 25 сентября на железнодорожной станции собрались 5 членов Курского губисполкома и провозгласили: «В связи с тем, что Курская губерния занята деникинцами, Курский губисполком распустить»⁶³². На следующий день так же на станции Орёл 150 членов Курской городской партийной организации РКП(б) заявили о роспуске своей организации⁶³³. Руководящие и партийные работники губернии поступили в распоряжение Орловского губкома РКП(б) или политотдела Южного фронта. Вывезенное имущество было передано орловским властям.

После оставления белогвардейцами г. Курска стали восстанавливаться советские и партийные органы власти губернии. 20 ноября был создан временный орган власти – Губернский революционный комитет. 20 декабря на общегородском собрании коммунистов избран временный Губком РКП(б)⁶³⁴.

В течение ноября Губревком создал отделы: губпродком, губземотдел, труда, здравоохранения, народного образования, финотдел, губкож, железнодорожный ревком. Начали функционировать отделы Губисполкома. На предприятиях вновь учреждались фабрично-заводские комитеты. В городе был восстановлен классовый паек для обеспечения жителей продуктами питания⁶³⁵. В декабре была запрещена свобода торговли, разрешенная деникинской администрацией города.

4 декабря была восстановлена прямая телеграфная связь Курска с Москвой. Понемногу возобновлялось железнодорожное сообщение

632 Протокол заседания президиума Губернского исполнительного комитета о роспуске Губисполкома в связи с занятием губернии деникинцами // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 156.

633 Протокол общего собрания членов Курской городской организации РКП(б) о роспуске курской городской партийной организации в связи с занятием г. Курска деникинцами // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 157.

634 Страницы истории города Курска. – Курск, 1981. – С. 101.

635 Телеграмма Реввоенсовету 13 армии о восстановлении деятельности советских учреждений // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 180.

ние на линиях в Курской губернии⁶³⁶. 12 декабря была восстановлена почтово–телеграфная связь на территории губернии.

По мере перехода территории губернии под контроль советской власти на местах стали создаваться временные органы управления – уездные ревкомы. Например, Уревком в г. Льгове был создан 25 ноября⁶³⁷. В последнюю очередь советские органы власти были восстановлены в южных уездах, т.к. белогвардейцы здесь продержались до второй половины декабря. В г. Белгороде Уком создали в конце декабря. Советская власть восстанавливалась командирами и партийными структурами красноармейских частей.

В сельской местности вновь начинали функционировать сельсоветы. Например, в конце ноября 1919 г. были восстановлены сельские советы в Курском уезде⁶³⁸. Имущество жителей губернии, отступивших с белогвардейцами, конфисковывалось.

Ещё несколько месяцев назад местное население с восторгом встречало белых, а теперь настроения переменялись, и оно с радостью встречало красных. Абсолютное большинство населения уездов губернии стало лояльно настроено к советской власти.

Любопытно то, что при восстановлении советской власти в очередной раз выяснилось отсутствие партийных кадров на местах. В сельской местности партиячейки РКП(б) так и не смогли стать самостоятельной силой. Например, в некоторых волостях Курской губернии в конце 1919 – начале 1920 гг., после мобилизации коммунистов в армию, не удалось создать партийные ячейки. Отсутствовали коммунисты⁶³⁹.

Для исправления сложившейся ситуации применялись экстренные меры, которые к этому времени становились обычной практикой большевиков. Так, в феврале 1920 г. в Фатежском уезде была

636 Доклад главного комиссара Московско–киевско–воронежской ж.д. в управление эксплуатации Наркомпути о состоянии дороги и восстановительных работах после изгнания денкинских войск // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Курск, 1967. – С 189–190.

637 Приказ № 1 Львовского уревкома о создании Ревкома и о поддержании в Льгове революционного порядка // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 180.

638 Постановление Курского уревкома о восстановлении сельских советов в уезде // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918 – 1920). – Курск, 1967. – С 183.

639 См. например: Письмо крещищенского волревкома Тимскому Укому РКП(б) о наличии партийных ячеек и коммунистов в волости // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 201–2002.

проведена «Партийная неделя». В течение 7 дней любой желающий представитель трудящегося населения мог вступить в РКП(б) без поручителей⁶⁴⁰.

Существовали определенные трудности в координации действий РКСМ и РКП(б). Так, хотя в Курском уезде волостные комсомольские организации объединяли 216 чел., их взаимоотношения с коммунистическими организациями и органами советской власти были установлены не везде. Причина была в слабом знакомстве советских и партийных деятелей с РКСМ и его задачами.

Лояльное отношение к советской власти в очередной раз оказалось недолгим. Советские власти продолжили политику военного коммунизма с продразверсткой. В декабре в городе приступили к организации продотрядов из рабочих. Продотряды должны были действовать на территории всей губернии⁶⁴¹. С января 1920 г. деятельность продотрядов стала координироваться. Для этой цели было создано Губернское продовольственное совещание, в уездах создавались упродсовещения. В подчинение упродсовещаний переводились райпродкомы уездов.

Реорганизация органов, ведущих продовольственную политику, была вызвана очередными неудачами по проведению продразверстки. Так, к концу января 1920 г. план по продразверстке Курская губерния выполнила всего на 2 %, тогда как во многих губерниях цифры были значительно выше⁶⁴². Немногим лучше продовольственная политика была решена к июню. Вместо запланированных 9 000 000 пудов зерновых было собрано 1 869 910 пудов и вместо 1 893 680 пудов масляничных — 36 207 пудов⁶⁴³.

Вместе с политикой продразверстки были воссозданы структуры по борьбе с мешочничеством. Для работы на железной дороге создавалось два отряда по 50 человек. Кроме борьбы с мешочни-

640 Воззвание Фатежского Укома РКП(б) и Уисполкома к населению с призывом вступать в партию в дни «Партийной недели» // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 216.

641 Постановление Губревкома об организации продотрядов из рабочих г. Курска // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Курск, 1967. — С. 191.

642 Обращение Губисполкома и Губпродсовещения к крестьянам Курской губернии о своевременном выполнении продразверстки // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 211.

643 Из доклада зам. губпродкомисара Губисполкому и Губпродколлегии о ходе заготовки хлеба в губернии на 5 июня 1920 г. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 246.

чеством, названные отряды должны были выявлять дезертиров совместно с железнодорожной милицией и ОРТЧК⁶⁴⁴.

Как следствие, в начале 1920 г. в губернии вновь начались крестьянские волнения, вызванные политикой военного коммунизма. Наибольшее количество крестьянских восстаний произошло в Корочанском, Грайворонском, Рыльском и Путивльском уездах.

Наибольшее недовольство крестьян вызывала продразверстка и мобилизация в действующую армию. Причем крестьянство не стремилось к борьбе на любой стороне. Уклонение от мобилизации в не меньшей мере наблюдалось и при нахождении губернии под властью администрации Добровольческой армии.

В восстаниях принимало участие местное крестьянство и дезертиры. Для подавления недовольства крестьян приходилось применять вооруженную силу. Все восстания носили местный характер и дальше территорий своих уездов не распространялись. Жертвы были как со стороны восставших, так и представителей советской власти.

Размах крестьянских восстаний виден на примере одного из них, бывшем в апреле 1920 г. в Грайворонском уезде. Восстание на почве недовольства продразверсткой охватило несколько сёл. Центром восставших стало с. Вязовое. Силы повстанцев насчитывали около 700 человек при 7 пулеметах и 300 единиц стрелкового оружия. Для подавления восстания пришлось применять несколько красноармейских отрядов с пулеметами.

Одной из причин, вызвавшей восстание, стала деятельность отряда особого назначения, состоявшего из коммунистов и комсомольцев под командованием А.А. Сагайдака. Этот отряд, численностью в 120 человек, «вёл борьбу против бандитизма, дезертирства и спекуляции... начальнику были предоставлены большие права: у дезертиров отбирать имущество, у кулаков отбирать хлеб и другие продукты... спекулянтов задерживать, отбирать товары»⁶⁴⁵. В итоге к 14 апреля отрядом в Вязовом было собрано 560 добровольно сдавшихся дезертиров, которых под конвоем отправили в Грайворон. Тут их поместили под стражу, объявив, что отпустить домой могут только после Пасхи. Это вызвало возмущение задержанных, которые самовольно покинули Грайворон. По пути домой «они

644 Протокол совещания представителей Губвоенкомата, ГубЧК, Железнодорожной милиции, войск ВОХР о борьбе с мешочничеством на линии Курского железнодорожного узла // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 255.

645 *Сагайдак А.А.* Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. – Курск, 1967 (рукопись). – С. 68.

проводили собрания и вместе с кулаками решили: поскольку хлеб, [то] купить на этот хлеб в Мирополье оружие»⁶⁴⁶. В любом случае, имевшие боевой опыт дезертиры быстро разоружили оставшихся в селе 11 красноармейцев, убили секретаря Грайворонского уисполкома Досычева, после чего ими была создана «директория». Согласно воспоминаниям А.А. Сагайдака, «она имела свой совет старейшин, а при нем штаб, возглавляемый царским штабс-капитаном Тоцуенко или Троценко (точно фамилию не вспоминаю)... Вся людская сила — мужчины и женщины — была разбита на сотни и десятки дворов. Всех, кто не шёл за ними, они убивали как врага»⁶⁴⁷.

Восстание быстро начало приобретать угрожающий размах. Волновались крестьяне Красноаружской и Ракитной волостей Грайворонского уезда, Миропольской волости Суджанского уезда, Пушкарной, Краснопольской и Славгородской волостей Харьковской губернии. Отряд Сагайдака, прибывший на Красноаружский сахаровод, быстро ощутил, «что нас окружает враждебная сила». Вслед за этим власти начали стремительно стягивать силы для подавления восстания в зародыше.

В секретном докладе о подавлении Вязовского восстания говорится: «по получении срочного распоряжения от губвоенкома и губкомдезертира 19-го апреля с.г. мы совместно с отрядом, состоящим из роты Особого назначения и взвода уездкомдезертира, выехали на ст. Гютня, куда прибыли 20-го апреля в 12 часов дня... мы установили связь с отрядами, находящимися на сахарном заводе в Красной Яруге: Суджанским под командой суджанского уездвоенкома тов. Кваскова и Грайворонским под командой тов. Масловского. На ст. Гютня мы имели самые разнообразные сведения о характере и количестве восставших в с.Вязовом. После этого тов. Подцуевым было сделано распоряжение согласно мандата тов. Масловскому, чтобы никаких действий не предпринимать до соединения всех отрядов. Но после этого была получена телеграмма от Грайворонского уездвоенкома, в которой указывалось, что командование всеми отрядами передается тов. Масловскому»⁶⁴⁸.

По приказу Масловского Грайворонская караульная рота была послана на южные подступы к селу с целью установить связь с под-

646 Мемуарист уверяет, будто повстанцы закупили за этот хлеб в Мирополье «винтовки, пулемёты, гранаты и гранатомёты, патроны» (Там же. С. 67). В это трудно поверить, тем более что далее сам же А.А. Сагайдак рассказывает о столкновениях с восставшими, вооружёнными одними вилами и топорами (оружие они, якобы, прятали в сараях).

647 Там же. С. 67.

648 НА КОКМ. Д. 114.

ходящим Сумским отрядом, движущимся со стороны Краснополя. Суджанская караульная рота заняла позиции с восточной стороны села. Курскому отряду был отведён юго-восточный участок. А.А. Сагайдак перечисляет стянутые на подавление восстания силы более детально: «полк красноармейцев, прибывший с пулемётами из Курска, кавалерийский эскадрон из Сум, бронепоезд из Белгорода, пехотную роту с двумя пулемётами из Суджи... из Сум был прислан кавалерийский эскадрон»⁶⁴⁹.

К 6 часам утра 26 апреля отряды заняли отведённые им исходные позиции и, развернувшись цепью, начали наступление на Вязовое. Для переговоров с восставшими была выслана делегация — «тов. Константинов и тов. Ксентьев, но, не дойдя нескольких саженей до деревни, были встречены ружейным огнём»⁶⁵⁰. В селе ударили в набат, послышались звуки сигнального рожка, поднялась стрельба. Карательные отряды перешли в наступление, и после полуторачасовой перестрелки «дружным натиском Курского и Суджанского отрядов» село было занято. Повстанцы бежали в сторону д. Колотиловки, надеясь спастись в пределах Харьковской губернии, но там их уже ожидал Сумской отряд. Повстанцам удалось смять действовавший на левом фланге Грайворонский отряд. Его командир, товарищ Троцкий, был убит, а бойцы «поддаваясь панике и увлекаемые одним командиром взвода, красным офицером тов. Пономаренко», обратились в беспорядочное бегство. Это дало части крестьян возможность спастись из горящего села⁶⁵¹. По-

649 Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — С. 67.

650 Цитирую статью из «Курской правды», А.А. Сагайдак излагает этот эпизод следующим образом: «Когда отряд чоновцев приблизился к селу, у околицы появилась толпа женщин и детей. Командир отряда вышел вперёд и обратился к ним: «Куда идёте?» Но ответа не дождался. Неожиданно из толпы выбежали бандиты и подняли его на вилы. Отряд пришёл в замешательство, чоновцы не могли стрелять в безоружную толпу, которую гнали впереди себя мятежники. Но вот откуда-то сбоку застрочил пулемёт, это бил по врагу подоспевший на помощь особый отряд по борьбе с бандитизмом. Вязовая была освобождена. Отступая, мятежники подожгли село» (Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — С. 70–71). Далее повествуется, как сам А.А. Сагайдак («коренастый, крепко сложенный юноша... с не по летам серьёзными выразительными глазами») спас из горящей хаты пожитки несчастной семьи, мать которой была «убита бандитами». В секретном докладе губвоенкома, разумеется, нет никаких упоминаний о чувствительных бойцах ЧОНа и коварных мятежниках.

651 «По занятии деревни отрядами в разных местах села вспыхнули пожары. Кем поджигалось осталось невыясненным. Ревтрибуналом были приняты самые энергичные меры для прекращения пожаров, которые были к вечеру окончательно прекращены» (НА КОКМ. Д. 114).

сле этого село было разбито на несколько участков, находящихся под контролем военных застав и постов. На следующий день начала свою работу выездная сессия Ревтрибунала, был издан приказ о сдаче оружия и добровольной явке всех дезертиров в 24-часовой срок. Не надеясь на это, победители провели облаву по всей Вязовской волости. Трибунал работал в Вязовом в течение 12 дней. В целом, согласно сведениям А.А. Сагайдака, в ходе подавления восстания «убито было с нашей стороны 124 человека, а с их [мятежников] — 511 человек».⁶⁵² Кроме того, красноармейцы, мстя за своих убитых товарищей, сожгли около 30 домов наиболее активных участников восстания⁶⁵³.

Наказание непокорных крестьян не всегда ограничивалось чисто карательными мерами. Нередко после подавления крестьянского выступления на усмиренные населенные пункты налагались контрибуции. Так, на зажиточных крестьян хутора Хворостянка Корочанского уезда была разверстана контрибуция в размере 350 000 руб. В том же уезде после подавления восстания в с. Белом было конфисковано более 20 лошадей для пополнения конного резерва милиции⁶⁵⁴. Описание подобных случаев в советских документах встречается довольно часто.

Ситуация в губернии в первой половине 1920 г. оказалась настолько напряженной, что Губисполком ходатайствовал перед центральной властью о введении в губернии военного положения. В телеграмме, направленной в центр, отмечалось, что в ситуации,

652 Сагайдак А.А. Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — С. 68.

Согласно докладу грайворонского уездного военкома Лазебного, восстание в Вязовом началось 16 апреля 1920 г. и было подавлено 21 апреля. Руководил им кулак М.К. Аксененко. При подавлении погибло 27 красноармейцев. Согласно следственному материалу, «восстание было поднято на почве хлебной разверстки и нежелания дезертиров служить в Красной Армии. План восстания был задуман дезертирами, находившимися на сборном пункте в Грайвороне, где были пущены контрреволюционные слухи о том, что берут хлеб и ничего не оставляют, а также, что Грайворонский уезд отходит к Украине и хлеб не должен быть отправляем в Великороссию. Дезертиры разбежались по домам, затем собрались в лесу... До прибытия курского отряда бандитами 18 апреля были зверски убиты 17 милиционеров и красноармейцев, среди них член Грайворонского уисполкома т. Досычев. Во время последнего боя убито 5 красноармейцев. Многие группы изуродованы» (КОПА. Ф. 65. Оп. 1. Д. 117. Л. 9, 10, 17).

653 См.: Доклад Грайворонского увоенкома о контрреволюционном восстании в с. Вязовом и его ликвидации. Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 241–244.

654 Выписка из протокола заседания Корочанского уездного отдела управления о мерах наказания дезертиров. Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). — Воронеж, 1967. — С. 244.

когда в уездах постоянно не прекращаются кулацкие восстания (этим термином определялись все попытки вооруженного неповиновения крестьян), нормальными средствами проводить продразверстку и другие мероприятия советской власти невозможно. Выход видели во введении военного положения⁶⁵⁵.

Что касается вопроса о дезертирах, то в их числе оказывались крестьяне, рабочие, уклоняющиеся от мобилизации, и солдаты Красной армии, самовольно возвращающиеся домой из действующей армии. По данным ГубЧК, занимавшейся выявлением дезертиров, к началу марта 1920 г. было выловлено 6 000 дезертиров. Около 10 000–15 000 военнообязанных к тому времени успешно скрывались⁶⁵⁶. Если же говорить о размахе дезертирства с декабря 1919 г. до середины июня 1920 г., то в губернии от призыва в армию скрывалось более 70 000 человек. Органами милиции и ВЧК в ходе облав было задержано 33 999 дезертиров, 35 070 дезертиров добровольно явились в органы советской власти, из них 20 326 человек явилось в «Неделю ликвидации дезертирства»⁶⁵⁷.

Для борьбы с дезертирством в первую очередь применялись репрессивные меры. Изначально они были мало результативны. Так, отряды, направляемые на ловлю дезертиров, сами состояли из местных жителей и недавних дезертиров. Они не внушали местным жителям страха. Поэтому приходилось отряды, сформированные в одном уезде, перебрасывать для работы в другой уезд, но тогда в их среде в свою очередь начинало развиваться дезертирство. Местное население к дезертирам относилось сочувственно, помогло им укрываться от властей.

Ситуацию удалось изменить после того, как отряды по ловле дезертиров стали комплектовать коммунистами. К середине лета Фатежский, Обоянский, Дмитриевский, Льговский, Щигровский, Тимский, Курский и Новооскольский уезды были почти полностью очищены от дезертиров. Однако, несмотря на то, что, как уже отмечалось выше, было выявлено около 70 000 дезертиров, еще

655 Телеграмма Губисполкома во ВЦИК и НКВД с ходатайством о введении военного положения в губернии. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 245.

656 Из доклада Губчека Губисполкому о борьбе с контрреволюционными выступлениями в Рьельском, Путивльском и Грайворонском уездах. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 220.

657 Из отчета Губвоенкомата Орловскому военному округу о работе комиссии по борьбе с дезертирством с 15 июня по 1 июля 1920 г. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 262.

около 30 000 человек, призванных служить в армию, продолжали скрываться от властей. При этом всего 2–3 % не явившихся на службу являлись злостными дезертирами, остальные дезертировали в основном по семейным обстоятельствам.

Наиболее подверженными дезертирству оказались не крестьянские, а фабрично–заводские уезды, являвшиеся опорой большевиков. Не желающие идти в армию устраивались на заводы, во всевозможные артели и учреждения, работающие на оборону. Особенно много злоупотреблений было отмечено в Белгородском уезде, где отсрочку получали все обязавшиеся засеять и убрать для армии четверть десятины свеклы. Много злоупотреблений было со стороны медицинских комиссий, которые выдавали поддельные документы о невозможности нести службу в армии по состоянию здоровья. Например, по данным губернского центра, в Суджанском уезде находилось около 7 000 дезертиров, по местным бумагам дезертиров в уезде не было. Причиной оказалась деятельность медкомиссии, выдававшей ложные справки⁶⁵⁸.

Таким образом, можно констатировать, что большинство военнообязанных жителей губернии в той или иной мере пытались уклониться от службы в армии.

Кроме репрессивных мер, для борьбы с дезертирством властями периодически устраивались такие мероприятия, как «Неделя ликвидации дезертирства». Названная неделя прошла с 16 по 23 мая 1920 г. Всем добровольно явившимся дезертирам прощалась их вина. Однако проблема дезертирства продолжала существовать весь период Гражданской войны. Некоторое исключение составил период войны с Польшей. Данная война многими оценивалась как патриотическая, и дезертирство несколько сократилось. На фронт, как и прежде, стали отправляться добровольческие формирования. Правда, в основном они состояли из коммунистов.

Полного успокоения крестьян, не поменяв свою внутреннюю политику, большевики добиться не могли. Причина была в том, что в 1920 г. Курскую губернию, истощенную нерациональной политикой, частично затронули неурожаи 1920–1921 гг., приведшие к страшному голоду во многих районах страны. Всю весну и начало лета 1920 г. не было дождей. Погибли озимые посевы. Яровые начали сеять только в июне, когда выпали дожди. Возникла угроза не-

658 Из отчета Губвоенкомата Орловскому военному округу о работе комиссии по борьбе с дезертирством с 15 июня по 1 июля 1920 г. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 264–266.

урожая и срыва озимого сева 1921 г. в связи с отсутствием семян⁶⁵⁹. Для обеспечения посева 1921 г. в губернии были приняты экстренные меры. В августе 1920 г. был запрещен передел озимого зерна. Зерно должно было быть сохранено для посева. За неисполнение приказов губернских властей, запрещавших обмол зерна, была отдана под суд Старооскольская посевная комиссия. Несмотря на все принимаемые меры, было件件но, что посе́вы будут намного ниже ожидаемых. В Грайворонском уезде получалось посадить только 15 % от запланированного⁶⁶⁰.

Как видим, большевики, пришедшие к власти в октябре 1917 г., смогли удержать власть в своих руках в годы Гражданской войны. Благодаря мобилизации всех сил на борьбу со своими противниками они вышли из борьбы победителями. Однако политика военного коммунизма вызывала с каждым днем все большее и большее недовольство. Коммунистам требовалось менять ориентиры внутренней политики для сохранения своей власти. Рост недовольства всех слоев населения привел к введению новой экономической политики. Страна стала оправляться от последствий Гражданской войны.

7. Последняя вспышка Гражданской войны (Рейд Н.И. Махно по Курской губернии)

После победы над Белым движением главной задачей большевиков стало уничтожение вооруженных формирований, появившихся в различных губерниях бывшей Российской империи в годы Гражданской войны. Численность отрядов, их организация и снаряжение, способности и авторитет руководителей определяли полноту власти и размер территории, на которую власть этих отрядов распространялась (от одной–двух деревень до нескольких губерний). Нередко большевики использовали такие формирования в своих военных операциях против Белой армии, но всегда рассматривали их в качестве временных союзников, которые или должны быть расформированы с последующим вступлением их членов в ряды Красной армии, или же полностью уничтожены.

659 Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 22.

660 Телеграмма Губисполкома В.И. Ленину, зам. Наркома по продовольствию Брюханову, Наркому земледелия Серее о создании чрезвычайных комитетов и ходе сева озимых по губернии. // Курская губерния в годы иностранной военной интервенции и Гражданской войны (1918–1920). – Воронеж, 1967. – С. 277–278.



1. Н.И. Махно, создатель и руководитель Революционной Повстанческой Армии Украины. Фотография 1919 г.

2. Командиры Повстанческой Армии (слева направо): Тарановский, Ф. Щусь, Кожин.

3. Группа махновцев. В центре — Ф. Щусь.

Наиболее показательна в этом плане судьба Революционно–Повстанческой Армии Украины, возглавляемой Нестором Ивановичем Махно⁶⁶¹, части которой приняли активное участие в завершающих сражениях Гражданской войны, штурме Перекопского перешейка, форсировании Сиваша и захвате Крымского полуострова. Однако сразу же после разгрома Врангеля командующий войсками Южного фронта М.В. Фрунзе начинает широкомасштабную войсковую операцию по ликвидации махновского движения. 26 ноября 1920 г. был издан приказ №00131 «О разоружении и уничтожении махновских банд на территории Украины»: «Требование РВС Южфронта, предъявленные 23.XI командующему повстанческой армией Махно, о расформировании партизанских отрядов, производящих бесчинства, им не выполнено. Вместо этого Махно открыто выступил против Советской власти и Красной Армии, объявив мобилизацию в районе Гуляй–Поле и начав враждебные действия нападением на отдельные отряды Красной Армии. Ввиду изложенного приказываю: 1) Войскам фронта считать Махно и все его отряды врагами Советской республики и Революции; 2) Командирам всех частей Красной Армии, имеющих соприкосновение с махновскими отрядами, таковые разоружать; оказывающих сопротивление уничтожать; 3) Всю территорию УССР в кратчайший срок очистить от остатков бандитских шаек и тем обеспечить возможность мирного строительства. Командующий армиями Южного фронта Фрунзе. Член Реввоенсовета С. Гусев. Наштауж Паука»⁶⁶².

Но уничтожить повстанцев не удалось. Прорвав кольцо окружения, они покинули бывшую центр махновщины Екатеринославскую губернию и двинулись на юго–запад в поисках союзников и продовольствия. 22 декабря 1920 г. отряды «батки» переправились по льду на правый берег Днепра у с. Терновки (севернее Александровска) и осуществили двухнедельный рейд по Екатеринославской, Николаевской и Киевской губерниям, затем повернули назад, 7 января 1921 г. ещё раз перешли Днепр южнее Канева и

661 Махно Нестор Иванович (1889–1934) родился в семье крестьянина с. Гуляйполе Александровского уезда Екатеринославской губернии (современная Украина). С 1905 г. участвует в революционных «экспроприаторских» налетах. В 1908 г. за «убийство и разбой» приговорен к пожизненной каторге, до марта 1917 г. отбывал срок в Бутырской тюрьме (Москва). После возвращения домой организует повстанческий отряд, который вскоре превращается в Революционно–Повстанческую армию Украины. Руководимые Н.И. Махно части сыграли большую роль в разгроме белого движения на Украине, совместно с войсками Южного фронта участвуя в боях за Крымский полуостров.

662 Гражданская война на Украине. Т. 3. – Киев, 1967. С. 780–781.



1. М.В. Фрунзе. Фотография 1919 г.

2. В.С. Нестерович.

3. Красный гусар. Подобную форму носили бойцы Заволжского Красногусарского полка, входившего в состав «летучего» корпуса В.С. Нестеровича.

4. Махновское знамя, захваченное красноармейцами в с. Гуляй-Поле Екатеринославской губернии.

направились в сторону Полтавской губернии. Состоявший из 3000 сабель, 300–350 посаженных на тачанки пехотинцев, свыше 60 пулеметов и 8 орудий отряд Махно «смело и уверенно шел по направлению к Полтаве, пользуясь великолепно налаженной своей разведкой и агентурой, стремительностью своего движения и слабой связью, иногда почти полным её отсутствием в красноармейских частях. Он не разбрасывал своих сил – катился лавиной без дорог, балками, перелесками, хуторами, берег свои силы, не ввязывался попусту в бой и лишь стремился обновить целиком свой конский состав, обоз, пополнял запасы всякого рода и даже не митинговал, как это было в Екатеринославщине»⁶⁶³.

Для более эффективного преследования махновцев командование войск Украины из Сводной Заволжской бригады (Заволжский Красногусарский полк и Заволжский стрелковый полк), 1-го кавполка 8 дивизии ВНУС и 3-й отдельной Запкавбригады был сформирован «летучий» корпус, состоящий из 1800 штыков, 1100 сабель, 70 пулеметов и 12 трехдоймовых полевых орудий. Командиром корпуса был назначен В.С. Нестерович⁶⁶⁴, которо-

663 Рыбаков М. Действия летучего корпуса тов.Нестеровича // Сборник трудов военно-научного общества при Военной академии. Кн. 4. – М., 1923. С. 105.

664 Нестерович Владимир Степанович (1895–1925) – уроженец Белоруссии, работал слесарем железнодорожного депо Гомеля, с 1915 г. на фронтах 1-й Мировой войны. Дослужился до штабс-капитана, в 1917 г. вступил в РСДРП. В 1918 году В.С. Нестерович вступил в РККА, с января по сентябрь 1918 года командует 1-м московским революционным отрядом, с сентября по июнь 1918 года – командир 1-го Московского революционного полка, с июня 1919 года по февраль 1920 года – командир 1-й (она же 142-я) бригады 42-й стрелковой дивизии. Командуя бригадой В.С. Нестерович участвовал в боях с Добровольческой армией Деникина, в том числе в Воронежско-Касторненской операции (октябрь–ноябрь 1919 г.), за отличия в период боев с июля по декабрь 1919 г. награжден орденом Красного Знамени. С 18 февраля по 23 марта и с 20 июля по 1 сентября 1920 года В.С. Нестерович – командир 42-й стрелковой дивизии, участвовал в Северо-Таврической операции, воевал с войсками Врангеля, за участие в штурме Перекопа награжден Почетным революционным оружием. С 1 сентября по 18 октября 1920 года командовал 9-й кавалерийской дивизией. В январе – начале февраля 1921 г. возглавлял специально созданный для преследования и уничтожения махновской Повстанческой армии Украины летучий корпус. После его расформирования, с февраля по апрель 1921 г. снова командует 9-й кавдивизией, продолжает борьбу с махновцами. После окончания Гражданской войны В.С. Нестерович учился на Военно-академических курсах при Военной академии РККА, окончив которые в 1922 г. был назначен командиром 31-й бригады 11-й Гомельской кавалерийской дивизии, которой командовал до августа 1924 года. С августа 1924 г. по апрель 1925 г. В.С. Нестерович занимает пост военного атташе в Вене под фамилией Ярославский, фактически являясь резидентом советской разведки. Непосредственно руководит снабжением и действиями болгарских и македонских коммунистических боевых отрядов, координирует сбор военных сведений по странам Балканского

му телеграммой штабвойск Укра №056 (сек) 186/оп. М.В. Фрунзе предоставлял, «после того как он вцепится в противника, полную свободу действий, как самостоятельному отряду, руководствоваться лишь одной целью полного уничтожения банды везде, куда бы она ни пыталась укрыться»⁶⁶⁵.

Поспешность, с которой был организован корпус, привела к тому, что в его состав вошли разнородные и ранее не взаимодействовавшие друг с другом части с различным укладом и традициями. Согласно М.Рыбакову, «в одних господствовала «партизанщина» со всеми её аксессуарами, вплоть до сильного желания «побрахлить» в ущерб боевым задачам, и своеобразное понимание боевой дисциплины, якобы «царского пошиба». В других было довольно значительно развито регулярное начало, упорное желание довести до конца боевую задачу прежде всего, безотказное выполнение приказаний, несмотря ни на что, и действительное сознание необходимости борьбы с бандой Махно. Сгладить эту несогласованность качеств, подобрать соответствующий комсостав и политработников не было теперь времени, почему количество сил летучего корпуса не могло иметь большого значения, и тяжесть всей операции должна была лечь только на вполне дисциплинированное ядро корпуса, которое равнялось приблизительно половине числа бойцов; главным образом, его составляли заволжские стрелки»⁶⁶⁶.

Ещё одной отрицательной стороной операции было то, что «ставя уничтожение противника в зависимость от преследующего, сзади идущего отряда, который мог и не поспеть или же быстро выдохнуться, — командование предопределяло, чисто догматически, условия благоприятные для решения этой задачи, или же считало противника более пассивным... В результате, корпус был предоставлен только своим силам и не было выставлено ни одного лобового заслона банде, уходящей из-под удара корпуса... все красноармейские части, до сего времени преследующие Махно или выставленные на его пути, остались сзади и никакого влияния на операцию оказать не могли. Месторасположение же других частей было неизвестно»⁶⁶⁷.

полуострова. В 1925 г. после организованного болгарскими коммунистами по заданию Коминтерна взрыва в кафедральном соборе Софии, в результате которого 134 человека погибли на месте, 79 человек позднее скончались от ран, а 500 человек были ранены, порвал с разведкой и уехал в Германию, где вошёл в контакт с англичанами. В августе 1925 г. был отравлен советскими агентами в одном из кафе Майнца.

665 Рыбаков М. Указ. соч. С. 106.

666 Рыбаков М. Указ. соч. С. 106.

667 Рыбаков М. Указ. соч. С. 108.

Первые серьезные столкновения с махновцами выявили непригодность ряда частей корпуса к скоординированным действиям, а также подавляющее превосходство махновской кавалерии. Конница повстанцев «вела бой при сильной пулеметной поддержке компактными массами, которые и двигались и нанесли удар все вместе, единым, слитым и организованным телом, члены которого целесообразно выполняли свои функции. Если нужно было — они спешивались и вели огневой бой пешими цепями, в виде почти ломанной, прерывистой линии с большими интервалами, всегда поддерживаемые своей конницей. Строгая согласованность действий, решительность и умелое маневрирование при постоянном учете всей боевой обстановки, в особенности умение использовать оплошность или ошибки своего противника — были характерным явлением для тактики Махно. Любовь бандитов к окружению, постоянное желание сжать противника, отвлекая его внимание от своих главных, настороженных где-либо скрытно кулаков, заставило наше командование применить более глубокие боевые порядки, чтобы всегда иметь возможность из глубины отразить врага. Широкие порядки легко прорывались, разрезывались густыми стремительными колоннами Махно и затем легко разбивались по частям, но не отрядами, непосредственно оглушающими сразу красноармейские части, а всегда бойцами из резерва, который строился у него во флангообразные массы из отборнейших конников... Действия махновцев отличались своей сюрпризностью, своеобразной подлинной партизанской прихотливостью, предусмотреть которую не было возможности. Наша же кавалерия... не умела вести боя в спешенном порядке; сплошь да рядом, в критическую минуту, она была пустым местом. Она терялась, находясь под постоянным гипнозом скачущего всадника с шашкой (а махновцы действительно были отличные рубаки, особенно из «Чёртовой сотни» [особая группа имени батьки Махно, насчитывала 250–300 сабель — А.Ш.], где виртуозность владения шашкой доходила до того, что одним ударом разрубалась голова, шея и полтуловища, или полголовы скашивалось так точно, как будто резали арбуз). Она не могла расстаться со своими лошадьми, полагаясь лишь на силу и быстроту их ног... привыкшая «партизанить» и... убегать от противника, ни разу не принимая его атак... Кавалерию можно было использовать лишь для наблюдения задвигающимся противником и других мелких боевых задач, но всегда вблизи расположенной от нее пехоты»⁶⁶⁸. В отличие от кавалерии, пехотинцы

668 Рыбаков М. Указ. соч. С. 116–117.

летучего корпуса произвели на махновцев совсем другое впечатление. Особенно поразили повстанцев заволжские стрелки, в бою за г. Недригайлов (Сумская губ., Украина) в полный рост, с винтовками наперевес и криками «ура» контратаковавшие скачущих махновцев. Как потом показывали на допросах пленные, «никогда не было, чтобы против нас так дралась пехота, это первая, которая бьет наших и дуrom лезет вперед, нисколько не боясь шашки скачущего всадника... Это какая-то черная танка [танк — А.Ш.]»⁶⁶⁹.

О личном отношении командующего летучего корпуса к неуловимому противнику и сложившейся тогда ситуации свидетельствует высказанное позднее в доверительной беседе признание В.С. Нестеровича: «Порой мне казалось, что я команду гусарами Михельсона, усмиряющими крестьянское восстание Пугачёва. С той только разницей, что теперь с обеих сторон бессмысленный бунт»⁶⁷⁰.

Маневрируя и отрываясь от противника, махновцы прошли Полтавщину и Сумщину, а вечером 20 января вплотную приблизились к границе Курской губернии, расположившись на ночлег в с. Юнаковка, находившемся всего в 18 верстах к юго-западу от курского уездного города Суджи. На рассвете 21 января к южной окраине Юнаковки подошли заволжские стрелки. По замыслу командования корпуса они должны были встретить махновцев, выбитых из села нападениям кавалеристов. В полном соответствии с приказом заволжцы охватили Юнаковку с южной стороны и, вытянув свой правый фланг (конная разведка полка при 4 пулеметах и две роты 1-го батальона с 12 пулеметами) почти к западной окраине села, перекрыли дорогу на м. Мирополье (Курская губ., совр. Сумская обл., Украина). Однако из-за начавшегося бурана ни кавалерия, ни артиллерия не сумели подойти вовремя, вследствие чего стрелки были вынуждены атаковать Юнаковку в одиночку. После короткого боя в 9 часов утра Юнаковка была занята, а выбитые из села махновцы сначала пытались прорваться в сторону Мирополя, но встретив сопротивление 1-го батальона, отошли на север. Сделав большой полукруг (верст в 12 — 15), они свернули на восток и без дороги пошли в сторону с. Рождественского, находившегося в 8 верстах южнее Суджи⁶⁷¹.

Согласно свидетельству начальника махновского штаба В.Ф. Белаша: «войдя в Курскую губернию повстанцы легко вздохнули, так

669 Рыбаков М. Указ. соч. С. 113. «Черными» заволжцы назывались махновцами потому, что их отличительным знаком были черные каракулевые шапки — боевой подарок от Московского Совета, привезенный на Южный фронт Л. Каменевым в 1920 г.

670 Прохоров Д.П. Сколько стоит продать Родину. — М., 2005. — С. 18.

671 Рыбаков М. Указ. соч. С. 119.

как большевистских войск здесь было несравненно меньше, чем на Украине, что давало возможность привести себя в порядок и отдохнуть»⁶⁷².

Первым населенным пунктом, захваченным махновцами на Курской земле, стало с. Гuevo Замостянской волости (совр. Суджанский р-н), где повстанцы «...забрали у крестьян около 50 лошадей годных, а в замен даны лошади совсем не годные»⁶⁷³. Пострадал от налета и Гувеский совхоз, хотя его сотрудники и предпринимали все меры предосторожности. «Под 21 ч. ночью была сделана связь дозора с Миропольем тов. М.Г. Степановым и Чупруненко А. в 2 часа ночи послана разведка в Белгородский монастырь тов. Савченко и к Юнаковке послан тов. Подольский; ввиду сильной метели и плохой одежды возвратились. В 11 ч. дня отдано распоряжение запрячь лошадь для дальнейшей разведки. После раздавшегося пушечного выстрела по направлению Юнаковки дано распоряжение эвакуировать скот на Суджу. После распоряжения через минуту совхоз был окружен бандитами... ворвавшейся бандой со всех сторон забраны лошади племенные и рабочие в количестве 33 шт., из них племенных 24 шт. и рабочих 9 шт. На место забранных оставлено 8 шт., итого в наличие имеются в совхозе 18 шт. лошадей, коровы в целости, свиньи тоже. Ограблена касса совхоза в сумме 118 183 р. 33 коп. Контора ограблена, двери взломаны, бумаги перепутаны. В амбаре взломан замок и взято неопределенное кол-во овса, ...7 комплектов упряжи, двое санок, розвальни и часть сена... По возвращении из Мирополя убит [во дворе совхоза — А.Ш.] гражданин тов. Кириухин Иван Венидиктович [помощник начальника милиции 1-го района — А.Ш.], забрали с собой бандиты зав. зерноочистительным пунктом от продкома тов. Панкратова [позднее застрелен — А.Ш.], ограбили зав. конным заводом тов. Чусикова, оставлен нагим и счетовод Долгая»⁶⁷⁴. Погибли и два милиционера, охранявшие Гувеский винокурный завод, «из коих т. Козельскому [Прокопию Николаевичу — А.Ш.] отрублена борода, перерублено горло и проколот шашкой насквозь живот, а т. Кондрашев застрелен»⁶⁷⁵.

К 14 часам 21 января оперативная обстановка в Суджанском уезде представлялась Курскому губвоенкому Мазурову следующим образом: «По донесению нач. отряда — Суджанского уездвоенкома Богачева банда махновцев силою около 200 сабель оперирует в

672 *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. — Киев, 1993. — С. 537.

673 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 39.

674 ГАКО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 21. Л. 298.

675 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 39.

р–не Юнаковка, что в 18 в. ю–з Суджи. К бандитам присоединяются местные крестьяне. Для усиления Суджанского гарнизона мною посланы: из Льгова 50 штыков и оттуда же высылается рота. Из Курска из 119 батальона ВНУС высылается рота в 150 штыков при 2 пулеметах. Нач. отряда – Суджанскому уездвоенному Богачеву приказано организовать при себе оперативный штаб и немедленно прикрывая Суджу повести усиленную разведку на Юнаковку, а по выяснении обстановки захватить и уничтожить бандитов. Рыльскому уездвоенному приказано сосредоточить у ст. Коренево... резерв из частей войск Рыльского гарнизона»⁶⁷⁶.

Однако ситуация оказалась гораздо серьезней, чем предполагали курские военные.

Вместо небольшой группы в 200 сабель на территорию губернии прорвалась вся Повстанческая Армия во главе с легендарным «баткой». Во второй половине следующего дня в Курске были получены уточненные данные о численности махновцев. Курский губвоенком Мазуров сообщал замначпервойск Украины Михайлову в Харьков: «Сов. секретно. По сведениям, полученным от Начкорпуса Нестеровича, банды Махно 22 около 15 часов находились у д. Верховенье, что в 30 верстах южнее Обояни. Численность бандитов по сведениям, полученным от перебежчика, около 2–3 тыс. преимущественно на лошадях при 35 пулеметах систем Максим, 2 Льюиса при одном оружии. Снарядов и патронов очень мало, вооружено из всей группы около 300 человек винтовками разных систем, а остальные саблями. Всей группой руководит по непроверенным сведениям сам Махно. Группа эта называется Тарановская и делится на два отряда. Один из них состоит из 1 кавполка, азовской группы и 2-го Крымского полка, численность не известна. Командует этим отрядом какой-то бандит Харлашко⁶⁷⁷, и другой отряд состоит из 3-х⁶⁷⁸ кавалеристов Киевского полка без седел и вооружения. Кто ими командует, неизвестно... На участке вверенной мне губернии для противодействия бандам расположены наши войска: в Судже 2 роты и 280 штыков при 2-х пулеметах и 10 кавалеристов, в Обояни рота и 70 штыков, в Белгороде 1200 штыков при 2-х батареях и 5 пулеметах. Из Белгородского гарнизона 400 штыков при 4 пулеметах и 2 орудиях занимают линию Драгунское – Быковка – Гостище в 19–20 верстах с–з

676 ГАКО. Ф. Р–323. Оп. 1. Д. 577. Л. 11.

677 Харлампий Обций (до 1917 г. известен в Крыму под псевдонимом «Красная шапочка»). Крымский татарин. В 1907–1908 гг. анархо–террорист, с мая 1919 г. примкнул к Н.И. Махно. Командир кавалерийского Крымского полка, составленного из крымских татар. Убит в бою под ст. Барвенко в апреле 1921 г.

678 Так в документе.

Белгорода... Всем нашим частям дана задача оказывать поддержку корпусу т. Нестеровича захватить и уничтожить банду»⁶⁷⁹. Было прикрито и Курское направление. Командир Курского отдельного продовольственного батальона П.И. Поддубев впоследствии вспоминал, что «ровно в 12 часов ночи на мою квартиру прибыл из штаба полка вестовой кавалерист, который передал мне секретный пакет с сообщением, что в 8 часов утра на город Курск должен наступать бандит Махно, отряд его имеет 500 сабель с пулеметами. Мне надлежало немедленно выступить в направлении Медвенки и, отойдя от нее на 5 километров, разбить батальон в цепи и ожидать появления Махно. Просидев в ожидании двое суток мы узнали, что банда Махно повернула по направлению к станции Ржава»⁶⁸⁰.

Сообщения о появлении в Курской губернии махновских отрядов вызвало серьезную обеспокоенность командвойск Орловского округа Скудре. 22 января в 21 час 25 минут он направляет в Курск телеграмму: «Секретно Спешно Курск Губисполком Копия Губвоенком Копия комбригу 9-й ВНУС Рябинину Появляющиеся банды губернии требуют принятия решительных мер борьбы объединения в одних руках всех войск губернии силу постановления ВЦИК от 30 августа истекшего года. Командование всеми вооруженными силами губернии должно быть возложено на комбрига 9 тов. Рябинина. Просьба спешно сообщить не встречается ли препятствий»⁶⁸¹.

Впрочем, сил расквартированных в Курском крае подразделений хватило лишь на то, чтобы обеспечить прикрытие крупных уездных центров в южных и западных районах губернии. Этим не замедлили воспользоваться махновцы. Вероятно, сочтя штурм Суджи нецелесообразным, они перешли через железную дорогу в районе ст. Псёл, форсировали реку Псёл, после переправы двинулись на Плехово (отобрано 3 лошади, 174 пудов хлеба, в том числе 130 п., собранных по продразверстке, убит член сельисполкома Ф.М. Пронякин), прошли Борки (отобрано 32 лошади, 18 овец, 5 свиней, 5 саней, собранные по продразверстке 283 пуда хлеба), Спальное (отобрано 15 лошадей, 10 саней, 138 пудов сена, 357 пудов хлеба, из которых 212 пудов, собранных по продразверстке), Крупец (забрано 3 лошади, убит С.Н. Пыльский; при разграблении Крупецкой мельницы убит зав. мельницы П.А. Зорин, раздеты контролер В.Н. Витокин (?), служащие И.И. Зикаев, Бурдо) и через Песчаное двинулись в сторону слободы Белая.

679 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 577. Л. 16.

680 ГАКО. Ф. Р-3139. Оп. 8. Д. 7. Л. 45об.

681 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 8. Л. 35-35об.

В курских деревнях до сих пор можно найти очевидцев махновского рейда. В 2001 г. в с. Камышное (Беловский р-н) С.А. Ермаковой были записаны рассказы Ф.И. Подшиваловой (1903 года рождения), В.И. Швердина (1912 года рождения) и В.В. Вертаковой (1910 года рождения). «Махновцы появились у нас в январе, проходили через наше село, отступая на Мирополье, тянулись почти целый день. Впереди двигалась колонна примерно в сотню человек, по три в ряд. Все были одеты в черную форму (черные штаны, сапоги, полушубки, шапки), в голове колонны везли два черных знамени. Знамена были свернуты, но не зачехлены. Первое украшали махры типа аксельбанта, второе с какой-то вышивкой. Всадники отряда выглядели устало, но сытно, были вооружены винтовками и саблями, сидели на хороших лошадях. Они угощали местных детей сахаром, торбы с которым висели у них перед седлами, обещали дать еще больше, если кто-нибудь укажет на хозяев, имеющих хороших лошадей. За этой сотней двигалась основная часть махновцев вперемешку с обозами. Одеты были более разномастно, чем передовой отряд, но основная масса также носила черную форму. Снаряжены были также похуже, а у лошадей, на которых они сидели, торчали ребра. Проходя по селу, новоприбывшие на пути своего следования подпаливали хаты, но особо не грабили. Местные жители появление махновцев встретили без особого восторга. Прятались сами, прятали имущество и особенно лошадей. Боялись оказать помощь или просто выразить сочувствие». Но так встречали махновцев не везде. Сообщения с мест говорят о том, что реакция местного населения на появление повстанцев, как правило, была скорее нейтральной или даже положительной, а в ряде мест (например, Суджанский уезд) даже фиксировалось вступление местных жителей в их отряды. Наиболее ярко причины такого отношения освещает сводка, направленная в Курский губернский отдел управления из Корочи: «Настроение населения в январе месяце подавленное в связи с проведением продовольственной разверстки; отношение населения к мероприятиям Советской власти, а также к местным органам неудовлетворительное, т.к. крестьяне ввиду неурожая как хлебов, так равно и корнеплодов, испытывают голод... Стало очевидным пристрастное отношение большинства населения к порядкам, проводимым бандами Махно. Можно отметить такое явление, что Махно де разрешает свободную торговлю, вследствие чего можно достать соли, смазочных веществ и все предметы, без которых крестьянину не обойтись, тогда как Советская власть все время обещает, но до сего времени ничего не дает»⁶⁸².

682 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 8. Л. 58.

В слободу Белую махновцы вступили в полдень 21 января. Один из первых беловских комсомольцев А. Ломакин хорошо запомнил этот момент: «мы, мальчишки, придя со школы, катались в это время на коньках у моста через реку Илёк. На дороге из села Песчаное появился небольшой отряд верховых. На груди у солдат были кумачовые банты. Красные, подумали мы. Несколько человек отделились от отряда и направили своих коней к нам. «Эй, вы, пацаны! Какая власть у вас в селе?» «Советская, известно», — отвечали мы. Тогда они бросили нам несколько горстей пилёного сахара в грудках и уехали. Мы же, конечно, подрались за этот сахар. Через некоторое время на шоссе Песчаное — Белое появилась целая колонна конников, обоз тяжело гружённых саней...»⁶⁸³

По свидетельству беловского краеведа Н. Комягина, нападение произошло в то время, когда все учреждения волости были закрыты, и служащие ушли на обеденный перерыв. «Первым делом махновцы налетели на милицию. Они сорвали замки, забрали имущество, три лучших лошади с упряжью, фураж и продукты питания, а находившегося в это время на дежурстве помощника нач. милиции Лаптина тут же расстреляли. Милиционер Найдёнов, стоявший на посту, понял, что пришельцы враги, выхватил пистолет и начал стрелять. Ему удалось уложить двух махновцев. Но его схватили. Раздели до нательного белья, вывезли на площадь и стали водить по снегу. И тут произошло невероятное. Найдёнов изловчился и перепрыгнул через забор. Бандиты бросились вдогонку, но его уже и след простыл»⁶⁸⁴. «Находившиеся под арестом за кражу 5 цыган были освобождены махновцами. После освобождения цыгане указали дом начальника милиции Чаленко, у которого ограблено имущество [лошадь, шуба, 12 000 рублей — А.Ш.], изнасилована жена, Чаленко спасся бегством, сохранив печать секретной переписки»⁶⁸⁵.

В 4 часа дня в Белую прибыли основные силы Повстанческой Армии во главе с самим знаменитым «батькой». Грабежи и убийства вспыхнули с новой силой. Махновцы громили партийные и советские учреждения, изымали казенные деньги, жгли переписку, дела, учетные книги и наряды. Была опустошена заготконтора № 28 (несколько тысяч пудов хлеба), в разграблении которой приняли участие и беловские обыватели. Очевидцы вспоминают, что сразу по прибытию махновцев «начался грабёж складов волпродкома, ма-

683 *Ломакин А.* Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 27 октября 1977.

684 *Комягин Н.* Налет на Белую // Колхозная правда. 23 декабря 1972.

685 *Волков С.Е.* Банда Махно в Курской губернии. — Курск, 1929. — С. 9.

газинов потребкооперации, частных лавок. Бандиты из винтовок стреляли в замки, разворачивали их клинками и открывали двери. Малосознательные жители слободы Белой, да и близлежащих сёл, тащили зерно, мясо, мёд, сахар, сливочное и растительное масло и другие продукты, которые здесь были заготовлены для Красной Армии и рабочих промышленных центров». Живописные подробности погрома складов врезались в память Андрея Жукова, позднее ставшего одним из первых в слободе комсомольцев: «Наша семья жила тогда на базарной площади, квартира находилась недалеко от магазинов, которые стояли в два ряда. Раздались выстрелы. Я стоял у калитки и видел, как махновцы сбивали замки и раскрывали двери складов. «Берите, что кому нужно, — говорили они людям, собравшимся здесь, — это вам батько Махно дарит...» Откуда-то взялись цыгане на паре лошадей. Они вытаскивали мешки с сахаром, туши мяса, круги сливочного масла и всё это грузили на сани. А кулак Прохор Кривенко, запыхавшись, прибежал домой и с ходу закричал на сынов: «Гришка, прячь скорей лошадей и новые сани, а то Махно заберёт! Ты же, Фрол, беги на базар. Там магазины грабят. Может, что и достанешь. Да мешок возьми, сахар несут»⁶⁸⁶.

Не избежали внимания повстанцев и Беловская больница (у фельдшерниц А. Тапагиной и Г. Щадиловой отобраны одежда, валенки и брюки) с местным детским садом (забрали накидки, простыни, у заведующей А.И. Николаевской отобрана 1000 руб.). Согласно составленному Суджанским УИКом «Списку лиц, пострадавших от банд Махно» большинство беловских грабежей носило «адресный» характер и их жертвами обычно становились сотрудники советских учреждений или представители власти: председатель и члены волисполкома, сотрудники военкомата, милиционеры, агроном уземотдела, сотрудники заготконторы, заведующий волотдела Наробраза, делопроизводители и т.д. Как правило, нанесенный повстанцами ущерб ограничивался отобранной одеждой, бельем и обувью, иногда лошадьми, очень редко деньгами и украшениями (кольца).

Тем не менее некоторые попавшие в руки махновцам активисты и совслужащие погибли. Расправе над ними батька придал характер настоящего «народного суда». Как вспоминает А. Ломакин, «у здания волостного совета... на большом столе стоял стул. На нём в белом полушубке сидел Нестор Махно. К нему подводили людей, которые были захвачены за работой в волостных учреждениях, до-

686 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 27 октября, 1 ноября 1977.

кладывали об их принадлежности к Советской власти, а он молча взмахивал стеклом... Это был знак — в расход»⁶⁸⁷.

По рассказам очевидцев можно восстановить обстоятельства гибели некоторых из жертв махновского набега: «на площади у Николаевской церкви обучался отряд молодежи. Пять махновцев, подъехав верхами к инструктору Курского полка Лактионову, потребовали от него документы. Не подозревая, кто перед ним, инструктор протянул удостоверение и был тут же зарублен саблей. Красноармеец Пётр Михайлович Петров, служивший на бронепоезде № 9, заехал домой в отпуск на пять дней. Возвращаясь от друга, был схвачен махновцами. Пётр Михайлович попросил их разрешить попрощаться с семьей, надеясь воспользоваться оставленными дома саблей и револьвером. Но войдя во двор, он и здесь увидел махновцев. Петров вскочил в хату, но оружия уже не было. Красноармейца отвели на площадь и зверски убили [отрубили ноги и голову — А.Ш.]... Ворвались они и в квартиру к счетовому работнику волисполкома Василию Ивановичу Шаповалову, который вовремя спрятался в сарае под сеном. Его искали и там, ширяя в сено штыками и саблями, но к счастью не нашли, хотя и повредили на нем одежду. Над девушкой Ольгой Усатовой махновцы учинили расправу за то, что она торговала в магазине красной мануфактурой. Бандиты потребовали ключ от магазина, но она плюнула им в глаза и ключи не отдала. Ольгу схватили и, выведя на лед, отрубили ей голову»⁶⁸⁸. Среди погибших в Белой также значатся бухгалтер волпродкома А. Абрамов, сотрудник заготконторы А.Я. Забашта и зав. волотделом наробраза Н.Я. Булгаков. Как вспоминает А. Ломакин, «Булгакова, сыны которого были коммунистами и находились в Красной Армии, зарубили прямо на площади. Его раздели до нательного белья и приказали бежать. Когда он удалился метров на 100, его догнали на лошади и шашкой сняли голову»⁶⁸⁹. Всего, по сведению Беловского волисполкома, в волости подверглось ограблению 30 человек крестьян и совработников, было убито 9 совработников и подверглись насилию 10 человек⁶⁹⁰.

687 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 1 ноября 1977.

688 Комягин Н. Указ. соч.; Согласно воспоминаниям А. Ломакина «О. Усатову отпустили домой. Там изнасиловали, потом замучили и ночью отвезли на реку и бросили с моста на лёд» (Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 1 ноября 1977).

689 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 1 ноября 1977.

690 ГАКО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 21. Л. 300.

Ночью махновские дозоры донесли о приближении к Белой 3-й Отдельной Волжской кавбригады летучего корпуса. Когда к слободе на рассвете подошли пехотные части летучего корпуса, они увидели только хвост колонны, которая «выбыла из сл. Белая по направлению с. Пены Обоянского уезда». Стрелки с одной батареей ударили по отступающим махновцам, однако сумели отбить лишь несколько саней с мукой, зерно-фуражом, мясом и сахаром, несколько пулеметов и уничтожить до трех десятков повстанцев. Батарея выпустила десятка полтора снарядов по уходящей колонне, но безрезультатно⁶⁹¹. Преследование уходящих махновцев оказалось затруднено из-за поднявшейся сильной метели. Нелегко, впрочем, было и преследуемым. Жители Белой, «которые были тогда мобилизованы махновцами в очередь, как ездовые», позднее вспоминали: «В это время поднялась страшная метель, усилился мороз. Ветер гнал и метал тучи снега. Это затрудняло движение. Бандиты то и дело останавливались, определяя направление. По дороге выбрасывали из саней трупы своих вояк, которые болели тифом и замерзали в пути»⁶⁹².

Подводя итоги пребывания повстанцев в своем уезде, руководство Суджанского уисполкома сообщало Курскому Губревтрибуналу, что «налету махновцев подверглись некоторые селения Замостьянской, Уланковской и Беловской волостей, а также и расположенные на их территории Совхозы (Гуевский и Мало-Солдатский) и склады заготконторы № 28. В разграблении принимало участие и местное население. Ввиду недолгого пребывания банды на территории уезда окончательному разгрому не подверглось ни одно государственное учреждение. Бандиты грабили, что им нужно было, не задерживаясь долго на одном месте, зная, что по их следам идет дивизия, которой было поручено преследование махновцев... Банда Махно при проходе через территорию Суджанского уезда проявила исключительно грабительские наклонности, относясь совершенно одинаково к общенародному, государственному достоянию и имуществу, так и частных лиц. Конечно, бандиты отличались особенно неприязненным отношением к партийным, ответственным и всем тем работникам, которые зарекомендовали себя энергичными и деятельными»⁶⁹³.

Следует добавить, что ситуацией немедленно воспользовались и местные повстанцы, совершившие ряд успешных вылазок: «не-

691 Рыбаков М. Указ. соч. С. 119.

692 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 1 ноября 1977.

693 ГАКО. Ф. Р-717. Оп. 1. Д. 21. Л. 294.

большие местные банды в это время появлялись также в сёлах Гоптаровка, Кондратовка, Илѣк. В Ильке, например, бандиты совершили налѣт на помещение сельсовета. Убили секретаря Касьяненко, ограбили кассу, увели лошадей»⁶⁹⁴.

Вечером 22 января с. Пены было занято кавалеристами В.С. Нестеровича, сообщившего об этом М.В. Фрунзе: «Копия Переговоров Курск Арнольдов Копия Губвоенкому Копия Курскгубчека По прямому проводу Главнокомандующему Украины тов. Фрунзе 22 янв. 21 час. 10 мин. Слобода Пены... что банды Махно собирая по дороге всех лошадей к гор. Обоянь. В бою у деревни Белое 23 янв. отбита часть обоза банд. Ввиду того что преследование ведется на тех же лошадях, на которых вышли из Екатеринославской губернии, я лишен возможности производить обходные движения и приходится ограничиваться ударами по хвосту банд. Ввиду отсутствия кавалер. начков и полной бездарности имеющихся конница неоднократно не выполняет боевых задач слабо и не точно выполняются задания разведки... К настоящему часу банды двинули на Верхопень 30 в. от Обояни, часть вверенного мне корпуса двинули на [название нечетко – А.Ш.] и Верхопень, часть корпуса 2 часа 23 января переходит в Новенькое. По движению бронированных поездов линии ст. Возовое – Белгород – Прохоровка... прошу взять под особый контроль... Кроме того прошу о движении войсковых частей гор. Короча, Белгорода в район ст. Беленихино дер. Драгунское дер. Берлозка [?]»⁶⁹⁵ сев Белгорода Комкорп Нестерович Военком Кранхин Начштаба Пашков»⁶⁹⁶.

Впрочем, отступление основной части повстанцев под натиском кавкорпуса Нестеровича еще не означало полного очищения района от махновских отрядов. В этом смог лично убедиться заведующий Обоянским Политбюро Дроздов, который находился в Пенах одновременно с Нестеровичем, но задержался в этом населенном пункте до утра. 23 января в 8 часов утра, когда Дроздов уже собирался выезжать из Пен со своим отрядом, он увидел в окно, «как в село въехали полным карьером какие-то кавалеристы с красным флагом. Дроздов выслал мальчика узнать, «что за верховые». Мальчик вернулся и сообщил, что они рубят телеграфные столбы и рвут проволоку. Дроздов и с ним один милиционер ушли через огороды и спрятались в клуне. Через два часа махновцы выехали из Пен на

694 Ломакин А. Революционные годы на Беловской земле // Колхозная правда. 1 ноября 1977.

695 В документе название неразборчиво.

696 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 17.

Богатое»⁶⁹⁷. Вероятно, повторный налет на Пены был совершен повстанцами, догнавшими свои основные силы и маскировавшимися под красноармейцев. Жертвами налета на Пены стали «волостной комиссар, председатель волисполкома, инструктор укома ВКП(б), политком 23 дивизии, в отпуску у родственников, 6 красноармейцев и совслужащих [погибли также 4 милиционера, высланные вместе с Дроздовым к границе Суджанского уезда — А.Ш.]. Складов не тронули, вероятно, из-за отсутствия свободного времени. На другой день Дроздов по следам махновцев поехал в с. Богатое, по пути к нему присоединилось 8 бойцов разгромленного махновцами продотряда. Состоявшее из 17 человек при одном пулемете подразделение шло из с. Драгунского⁶⁹⁸ в Ивню, по дороге наткнулось на махновцев, в результате чего было потеряно 8 человек, трупы которых были подобраны Дроздовым. В Богатом зав. Политбюро нашел 9 зарубленных сотрудников волостного военного комиссариата, двух волостных милиционеров, нескольких агентов продкома и совслужащих. Из продкладов повстанцами было вывезено 3000 пудов хлеба. Разрешали брать местным, но те отказались»⁶⁹⁹.

В условиях навязанной махновцами манёвренной войны основной удар пришелся на местных милиционеров и коммунистов. Однако их сил не хватало не только на противодействие врагу, но зачастую и для защиты собственной жизни. Тем самоотверженной были действия этих людей, шедших по следам махновцев, докладывавших об их передвижениях, устанавливавших заградпосты, задерживающие подозрительных людей. Так, на одном из сторожевых пунктов была задержана женщина, у которой оказалась повстанческая печать, парики и другие предметы «компрометирующего» характера. Шпионка была расстреляна милицией⁷⁰⁰. Махновские агенты использовали и подлинные документы, попадавшие в руки повстанцев от убитых или арестованных ими людей. Так, Обоянское Политбюро предупреждало, что с целью шпионажа на территории Грайворонского уезда махновцы использовали партбилеты убитых ими обоянских коммунистов: Зюбанова, Алексина, Чернышева, Машлакова, Боева, Шатохина, Шурутина, Харютченко и Акулина⁷⁰¹. Перевоплощение применялось махновцами не только для одиночных агентов. Повстанческие отряды не раз въезжали в

697 Волков С.Е. Указ. соч. С. 10.

698 Скорее всего, имеется в виду д. Драгунка современного Ивнянского р-на Белгородской области.

699 Волков С.Е. Указ. соч. С. 11–12.

700 Волков С.Е. Указ. соч. С. 10.

701 Волков С.Е. Указ. соч. С. 14.

курские деревни с красными флагами и, выдавая себя за буденновцев, собирали якобы на совещание местных коммунистов, милиционеров и совслужащих, которых затем, предварительно ограбив и раздев донага, безжалостно уничтожали.

Ввиду своей малочисленности, плохой вооруженности, а также внезапности появления махновских отрядов, местные коммунисты, милиционеры и совслужащие оказывались не в состоянии противостоять налетавшим на населенные пункты бандам и уничтожались практически поголовно. Согласно воспоминаниям исполнявшего в то время обязанности зав. агитационно–пропагандистского отдела Обоянского укома А.А. Сагайдака: «23 января 1921 года мы получили сведения, что по Обоянскому уезду промчали 12 000⁷⁰² махновцев во главе с самим Махно, Петренко и Корниенко, они свой путь усеяли сотнями трупов активистов советской власти, их преследовали кавалеристы под командованием т. Нестеровича, но у махновцев и Красной кавалерии не было боеприпасов и все сражения проходили холодным оружием, т.е. клинками и пиками, убиты махновцами 59 активистов⁷⁰³, тоже порублены клинками. Характерно, что многие члены РКП(б) не были казнены, хотя они были в руках Махно. Так, фельдшер уездвоенкома — член РКП(б) был у себя дома в Верхопеньях и не сказал, что он коммунист, а сказал, что он фельдшер, его заставили перевязывать раненую ногу Махно и отпустили. Упродкомиссар тов. Лобанов насильно заставил кулака обмолачивать хлеб не обмолоченный и сдавать в подразверстку, был захвачен в доме кулака, куда пришли махновцы покупать⁷⁰⁴, и ускользнул из их рук, т.е. его спасли кулак и его сыновья, спрятав под соломой в клуне, а всех милиционеров, агентов Упродкома и продотрядовцев, избачей, председателей с/советов и членов с/советов уничтожили на месте без суда и следствия»⁷⁰⁵.

Согласно докладу члена уисполкома Гурово от 30 января 1921 г. «убитых в Краснянской волости 7 чел., убиты бандой Махно в с. Сырцевой около 4–х ч. дня 22 янв. 21 г. и отправлены в Обоянь 6 чел.»⁷⁰⁶. Жертвами махновцев стали также: Самойлов Илья Пе-

702 Количество махновцев преувеличено, по крайней мере, в 4 раза. Вероятно, здесь уместна русская поговорка «У страха глаза велики».

703 Согласно официальным данным на территории Обоянского уезда погиб 51 человек. Приводимые А.А. Сагайдаком данные о 59 убитых махновцами людьми, вероятно, ошибочны, т.к. он писал свои мемуары в 1967 г.

704 Обратите внимание — махновцы *покупают* (!!!) у местного жителя необходимые им припасы.

705 *Сагайдак А.А.* Мемуары о Великой Октябрьской Социалистической революции 1917 года и Гражданской войне 1918–1920 гг. — Курск, 1967 (рукопись). — Л. 76.

706 Там же. Л. 5.

трович — бывший управляющий Юматовского совхоза, который, отставив имущество совхоза, лично застрелил четырех бандитов, после чего был убит сам, Плюхих Александр из села Студенок, бывший работник Пенского Волвоенкомата, житель села Пеньков Михаил Васильевич и многие другие⁷⁰⁷. Всего же в Обоянском уезде от рук махновцев погиб 51 человек.

Как правило, своих жертв махновцы умерщвляли самым жестоким образом. Им отрубали подбородки, штыками или шашками наносили по десятку ран, распарывали животы, выкалывали глаза, перерезали горла, отрубали пальцы, ноги и головы⁷⁰⁸. Лишь изредка, благодаря счастливому стечению обстоятельств, попавшие в руки бандитов люди оставались живы. Так, например, было в с. Верхопенье, где махновцы убили 6 милиционеров во главе с начальником милиции Алтуниным и делопроизводителем Белецким. «Милиционер Трусов видел эту расправу бандитов, находясь в это время в общегитие, приготовился к сопротивлению, и когда бандиты стали входить в помещение, он начал стрелять из нагана»⁷⁰⁹. Но все три патрона дали осечку, и Трусова взяли в плен. Милиционера раздели, разули и повели во двор, чтобы зарубить, однако «т. Трусов будучи бос порешил сопротивляться и выбрав минуту ударил одного из бандитов в грудь, последний упал на землю, тогда т. Трусов ударил близ стоящих бандитов, бросился бежать и скрылся»⁷¹⁰. Кроме милиционеров в Верхопенье были заручлены народный судья, учитель, красноармейцы и совработники.

Наиболее полное описание действий повстанцев во время налетов сохранилось в материалах расследования обстоятельств их нападения на Юматовский государственный конный завод под с. Верхопеньем. Согласно протоколу опроса, проведенного 5 февраля 1921 г. членом коллегии Обоянского земотдела Хабаровым, «22-го января около 9 ч. вечера в расположение завода неожиданно ворвался кав. отряд бандитов в кол-ве около 100 чел. Разбившись на части [повстанцы] одновременно грабили конюшни и кладовые, а часть около 30 ч. бросилась в помещение зав. [заведующего завода] т. Харютченко. Ворвавшись в переднюю, занимае-

707 Воспоминания старых большевиков, живших и работавших в бывшем Обоянском уезде Курской губернии. — Курск, 1967 (рукопись). — Л. 27.

708 Возможно, факты умерщвления пленных холодным оружием могут быть объяснены не только ненавистью махновцев к большевикам и представителям Советской власти, но, в ряде случаев, элементарной нехваткой у них боеприпасов, особенно патронов. Об этом же говорит в своих воспоминаниях и А.А. Сагайдак.

709 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 40.

710 Там же. Л. 40.

мую охранниками завода, бандиты забрали 7 винтовок и под страхом смерти потребовали у ст. охр. т. Андрусова вести в квартиру т. Харютченко. Подойдя к двери спальни они приказали Андрусову (позвать) его, предупредив, что с ним с Андрусовым никого нет. Только что собиравшийся лечь спать т. Харютченко услышав оклик Андрусова и подозрительный шорох толпы около двери, быстро через кухню скрылся на чердак. Не дождавшись ответа бандиты сорвали дверь с крючков и ворвались в спальню»⁷¹¹. Обнаружив там его жену, махновцы «став по бокам и угрожая револьверами потребовали указать, где укрывается ее муж. На ответ, что она не знает, бандиты надругавшись над ней начали разграблять ее комнату. Одна часть забирала деньги, одежду и все другое имущество, а другая взяв ее... пошла разыскивать бежавшего из спальни мужа. Обнаружив его на чердаке бандиты поручили стеречь ее часовому. Сделав папиросу часовой поднялся по лестнице, чтобы закурить, оставив таким образом ее одну. Воспользовавшись отсутствием его, она отбив доску, закрывающую окно, выскочила и убежала через сад, преследуемая бандой и выстрелами, и укрылась в ближайшей деревне, зарывшись в сене»⁷¹².

«Разграбив квартиру, причем забрав 340 000 р. денег, около 500 аршин мануфактуры, предназначенной к раздаче служащим и рабочим завода, и другое имущество, вошли на чердак, где и был обнаружен т. Харютченко, вооруженный револьвером и бомбою. Не допуская до себя [махновцев] после долгих трех–четырёх часов сопротивления т. Харютченко сдал оружие, будучи ранее предупрежден бандитами, что дом его окружен пулеметами и бомбометами и если он Харютченко добровольно сдастся, ему ничего не будет. Одетый в фуфайку, в одних кальсонах, в валенки и шапку (последняя была сейчас же сорвана) т. Харютченко был снят с чердака и переведен в квартиру заведующего совхозом т. Голуба, от которого банда требовала 300 000 р. денег, на что т. Голуб отвечал, что деньги израсходованы, в доказательство чего предъявил документ. Затем бандиты произвели обыск, взяв 7 000 р. собственных денег и др. ...ценные вещи, вышли из помещения и во время обыска бандиты допросили т. Голуба, что действительно ли т. Харютченко коммунист, а также и он Голуб, на что последний ответил, что сам не коммунист и про т. Харютченко ничего не знает. Было около 2 часов [ночи], когда отряд бандитов уехал, собрав все награбленное, а также и т. Харютченко. 23 января около 8 часов утра в завод снова

711 ГАКО. Ф. Р–313. Оп. 1. Д. 1348. Л. 7.

712 Там же. Л. 6.

прибыл отряд в 6 человек, забрав еще 4 лошади и подушку уехали по направлению Погореловки, причем уезжая бандиты предупредили, что комиссар, заведующий в селе Сырцово, зарублен... Тело т. Харютченко, исколотое в живот с отрубленной почти головой и рассеченным вдоль лицом, было перевезено его отцом домой и похоронено на местном кладбище [26 января в с. Дмитриевке Красноярской вол.— А.Ш.].». На конезаводе было «уведено с конюшни лучших племенных 9 жеребцов и 24 матки, взято 2 хомута парадных, 10 хомутов рабочих, 4 шлейки, 4 седелки, 6 уздечек, 2 шлейки английских, 1 пара возжей тесменных, 3 возжей простых, 3 веревки возовых, 4 рабочих дуги, 2 саней парадных и 4 саней простых. Забрали из кладовых продуктов: овса около 100 п., проса 50 п., пшена 6 п., соли 35 п., мяса 10 п., керосина 35 п., яблок сушеных 16 п. Все канцелярские книги и документы по хозяйству уничтожены бандитами, а чистую бумагу забрали с собой»⁷¹³.

В Верховенье ночевал только арьергард повстанцев, главные же их силы располагались в районе сел Сырцово и Березовское. В 6 часов утра 23 января повстанцы ушли из с. Верховенки, в 9 часов прошли с. Лучки, у с. Тетеревино (10 в. севернее от с. Гостищево) махновцы разобрали железнодорожный путь, чтобы задержать подход бронепоезда, захватили железнодорожную станцию Сажное и расположились на ночлег в селах Оскочное, Олешанец, Качаье и Заячье.

По версии М. Рыбакова, бронепоезд опоздал к месту прохода повстанцев всего на один час, из-за снежных заносов, толщиной превышающих два аршина (около 1,5 м). Несколько бронепоездов (№ 45, 18 и 97) застряло в пути, а снегоочиститель сошел с рельс⁷¹⁴. Однако, несмотря на полную неэффективность действий бронепоездов на курских железных дорогах, деятельность их экипажей получила высокую оценку своего командования. Об этом свидетельствует справка, выданная Р.С. Кукулдаве: «Дано сие командиру бронелетучки 100-й бригады т. Кукулдава Рожден в том, что во время участия указанной бронелетучки против банд Махно на линии жел. дор. Курск — Белгород, Белгород — Волчанск командир, комсостав и команда указанной бронелетучки проявили максимум энергии и работоспособности, точно и аккуратно выполняя данные им задачи, за что и объявляю благодарность». В верхнем левом углу штамп: «РСФСР Революционный военный совет Республики. Начальник броневых частей. 28 января 1921 года № 0171/оп». Внизу

713 Там же. Л. 6.

714 Рыбаков М. Указ. соч. С. 120.

круглая гербовая печать, подписи начвоенкома маневренной группы бронепоездов и начальника штаба⁷¹⁵.

Несмотря на изматывающее преследование, махновцы были в более выигрышном положении по сравнению со своими преследователями, которые испытывали острую нехватку в обмундировании, транспортных средствах и питании. «Красноармейцы двигались по голодному району. Четвертые сутки бойцы не имели горячей пищи, последние двое суток отсутствовал хлеб... На отдых приходилось занимать небольшие села; кроме того, обстановка требовала скученного расположения, до 30 человек в доме, т.е. ни отдыха, ни пищи не было. Район был безлошадный, поэтому средства передвижения не могли быть сменены. Ежедневные наступления по глубокому снегу, без дорог, через овраги и изгороди окончательно дорвали обмундирование бойцов и привели в совершенную негодность остатки обуви. Начались мелкие обмораживания ног, которые бойцы завертывали в разные тряпки, связывая их веревками»⁷¹⁶.

Однако военное руководство настаивало на продолжении преследования. В приказе от 23 января М.В. Фрунзе требовал: «Отряд Махно, преследуемый нашими войсками на протяжении свыше тысячи верст, заметно ослаб... Показания пленных и перебежчиков говорят о большом недостатке вооружения и огнеприпасов. Задача войск, преследующих Махно, остается прежняя — гнать Махно до полного изнеможения, дабы окончательно покончить с главным повстанцем Украины»⁷¹⁷.

В ответ на это комкорпуса В.С. Нестерович возбудил перед командованием ходатайство о даче отдыха его частям, указывая на чрезвычайное переутомление людей, почти полное отсутствие обуви, окончательную усталость, особенно в артиллерии, лошадей, докладывая при этом, что в кавалерии уже осталось только до 350 сабель. В ответной телеграмме № 121 (сек.) от 24 января М.В. Фрунзе отвечал, что им вполне учитывается состояние частей корпуса и необходимость дать им отдых. Но в данный момент отдых невозможен. Задача близка к решению. «Напрягите последние усилия: смена подготавливается на линии Купянск — Беловодск частями 2-й кавдивизии, для чего необходимо отбросить Махно на юг, где организуется встречный заслон». Так же комюжфронта высказывалась уверенность в том, что после героического перехода задача будет закончена блестяще⁷¹⁸.

715 *Роцин В., Ефремова Л.* Старые бойцы встречаются вновь // Курская правда. 17.08.1957. С. 2.

716 *Рыбаков М.* Указ. соч. С. 120.

717 *Белаш А.В., Белаш В.Ф.* Дороги Нестора Махно. — Киев, 1993. — С. 537.

718 *Рыбаков М.* Указ. соч. С. 121.

Пока шли эти переговоры, махновцы утром 24 января прошли через с. Алексеевку (разбито 3 телефонных аппарата и убиты нар-судья 5-го участка И.Ф. Процепко с находящимся в кратковременном отпуске красноармейцем Ф.Г. Процепко)⁷¹⁹, сл. Пригородную (в волысполкоме разбит 1 телефонный аппарат) и подошли к г. Короча (совр. Белгородская обл.). Позднее Уездный отдел Управления НКВД докладывал в Курск, что «с приближением банд к городу усилилась паника среди населения и служащих... Имелись сведения, что банды Махно при вступлении в город раздадут населению всю собранную разверстку, потому вечером 23 января в городе стали появляться крестьяне окольных слобод и хуторов с намерением разобрать хлеб, но благодаря присутствию войсковых частей местного гарнизона хлеб и продукты уцелели»⁷²⁰. Учитывая силы противника, а также неспособность местного гарнизона, ввиду его малочисленности и плохой вооруженности, оказать махновцам серьезное сопротивление, председатель Корочанского уисполкома Соломенцев отдал распоряжение «погрузить канцелярию отделов уисполкома и другое ценное имущество и в [8.30] часов 24 января утром... выехать по направлению с. Большое Яблонovo – Старый Оскол»⁷²¹. В 10 часов утра Корочу покинул гарнизон и возглавляемый Соломенцевым штаб, а еще через полчаса город был занят подошедшими с двух сторон колоннами повстанцев. В.Ф. Белаш вспоминал, что «в городе имелся большой запас продовольствия. Двери складов были открыты для всего населения, расхитившего их содержимое. Будучи недовольно советским режимом сельское и городское население было активным. В лесах укрывались остатки Чередняковцев⁷²², которые вливались в нашу армию. Но, как только мы оставили город, они вновь ушли в леса, не желая выходить из района»⁷²³.

Основная волна погромов пришлась на партийные и советские учреждения. В исполкоме и отделе управления было украдено 10 стульев, 15 плакатов, 1 лампа, ведро, стаканы, «изорван большой портрет в красках тов. Ленина», разбито одно окно. В Райсоюзе расхищено товаров, имущества и инвентаря на сумму 1 195 980 рублей. В уземотделе были разграблены сельскохозяйственная би-

719 ГАКО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1348. Л. 9.

720 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 3. Д. 8. Л. 58.

721 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 6.

722 Чередняк – крестьянин Волчанского уезда Харьковской губернии. Анархист с 1917 г., командир отряда. С 1919 г. активный махновец, командир Екатеринославского пехотного полка и группы.

723 *Белаш А.В.* Указ. соч. С. 537.

блиотека и сельскохозяйственный музей, общий убыток составил 2 500 000 рублей⁷²⁴. Полному опустошению подверглись склады заготконторы № 18, где хранилось собранное с населения волости продовольствие и припасы⁷²⁵. Были убиты агент кожевенного отдела А. Молибога, агент продкома П. Бондарев, счетовод продкома Ф.И. Рябцев, красноармеец Г. Шевцов, переписчик Г. Суполип и служащий уездного военкомата Г.А. Климов⁷²⁶.

В грабежах и погромах активное участие приняли и местные жители. Однако, когда командир Крымского полка Харлашка и повстанец Савонов ограбили местную церковь, «население по этому случаю начало на махновцев роптать. Об этом узнал штаб Повстанческой Армии — А.Ш.] и дело передал на расследование комиссии антимахновских дел. Зная суровость наказания, они спровоцировали полк. И когда армия выходила из города, они самовольно повернули на юг. Вскоре, пройдя Купянский район, они достигли Изюмского уезда, в котором и остались оперировать»⁷²⁷. Здесь же в Короча Совет Революционных Повстанцев Украины простился с активными махновцами Аршиновым–Мариным⁷²⁸ и Рывкиным,

724 В уздраве забраны приказы отдела на 1920 г., газеты за 1920 и 1921 годы, 15 аршин мануфактуры, лошадь с упряжью и сани, 3 пуда соли, 13 фунтов мыла и медикаменты. Из Центрпечати вывезено 18 337 книг, 675 газет, 699 журналов, 1 127 плакатов, 259 портретов, 1 416 открыток, 1 121 календарь, 140 грамофонных пластинок, 20 фунтов керосина, одна касса, разбито 18 оконных шкафных окон. Из Рабкрина — 2,5 бутылки чернил, из Ународобразу мануфактуры 2.250 арш., платков 350 шт., карандашей, бумаги, ручек, учебников — 350 шт., вещи, собранные по «Неделе Ребёнка», и театральные принадлежности: мануфактуры — 200 арш., мыла — 15 пудов и др.

725 Со складов уездного продкомитета исчезло 2500 пудов хлебопродуктов, 9000 пудов семян, 5 свиных туш, 1 457 пудов мяса, 228 пудов окороков, 74 пуда бараньего сала, 71 пуд говяжьих отходов, 28 пудов свиных ног, 138 пудов соленого сыра, 442 пуда битых кур, 201 пуд соленых кур, 4 пуда соленых гусей, 13 пудов битых гусей, 50 пудов коровьего масла, 1 000 пудов картофеля, 500 пудов бурака, 551 пуд капусты, 190 пудов яблок, 164 пуда меда, 30 пудов соли, 300 пудов повидла, 80 пудов яичного порошка и 250 пудов шерсти

726 Необходимо отметить, что М. Рыбаков совсем не говорит о том, что Короча в течение нескольких суток была занята махновцами. Вместо этого он сообщает, что уже 24 января части корпуса захватили город после двухчасового боя. Однако ниже он же сообщает, что 25 января в 2 ч. 45 м. Нестерович со ст. Гостищево отдает приказ № 225/оп., в котором предполагает, что банда Махно занимает г. Корочу, приказывает окружить её со всех сторон и атаковать город (*Рыбаков М. Указ. соч. С. 121–122*). В связи с этим произошедшие 27 и 28 января действия сознательно датированы автором на двое суток раньше. Также М. Рыбаков не упоминает и о разгроме махновцами Нового Оскола.

727 *Белаш А.В. Указ. соч. С. 537.*

728 Марин Петр Андреевич (Аршинов) — родился в рабочем поселке Амур–Нижнеднепровск Екатеринославской губернии. Социал–демократ, с 1906 г. анархист–террорист. Осужден на 20 лет каторги, которую отбывал в Бутырской

«выбывшими из армии по мотивам налаживания подпольной работы в Харькове и собирания материалов по истории махновского движения, решившими вступить в контакт с Антоновым»⁷²⁹.

Трое суток город находился во власти повстанцев. Лишь 27 января 1921 года к Корочке подошли части летучего корпуса и махновцы покинули город. Сразу же после освобождения Корочки «исполком приступил к исполнению своих обязанностей и выяснению как павших жертв, так и разграбленного имущества. Был объявлен приказ о добровольной сдаче всего имущества, разграбленного при Махно, в 48 часов, после чего были произведены обыски, каковые по донесениям на лиц, кои участвовали в разграблении складов, продолжаются и до сих пор. Обыски производятся продотрядом и Политбюро. При нашествии махновской банды на Корочанский уезд убито 18 чел., ранено 2, увезена командированная на продработу учительница Попова»⁷³⁰. Накаляли обстановку и продолжавшие находиться на территории уезда мелкие банды отставших от основных сил повстанцев. 1 февраля 1921 г. председатель Корочанского уисполкома Соломенцев сообщал в Курск, что «после прихода банд Махно через Корочу и уезд банды разсыпались по уезду, из каковых несколько поймано. Отобраны воззвания, коими они призывают население к избиению комиссаров»⁷³¹.

Практически беспрепятственное шествие Махно по курским уездам вызывало серьезную обеспокоенность у их руководителей и состояние, близкое к панике, среди гражданского населения. Об этом красноречиво свидетельствует факт введения военного положения в Тимском уезде, находящемся достаточно далеко от основного театра событий. В приказе № 5 от 26 января 1921 г. Тимский уездный исполком сообщал населению уезда:

§1 Президиум Тимского Уездного Исполнительного Комитета с настоящего числа объявляет город Тим и уезд НА ОСАДНОМ ПОЛОЖЕНИИ.

§2 Всему населению города и его уезда предлагается к настоящему положению относиться спокойно, не волноваться, не выдумывать небывлиц и не верить ложным слухам, а наоборот,

тюрьме (Москва). Освобожден в 1917 г., член редколлегии газеты «Анархия». С 1919 г. примкнул к Н.И. Махно, редактирует «Путь к свободе», «Повстанец» и др. В 1920, с сентября по февраль 1921 г. заведующий культурно-просветительным отделом. С 1922 г. живет в Германии, затем во Франции. В эмиграции написал книгу «История махновского движения».

729 *Белаш А.В.* Указ. соч. С. 537.

730 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 6, 9.

731 ГАКО. Ф. Р-323. Оп. 1. Д. 577. Л. 24.

лиц подозрительных или же распространяющих ложные слухи или панику немедленно же задерживать и арестованных доставлять в Тимуисполком.

- §3 С объявлением настоящего приказа вся власть административная, военная и гражданская переходит в распоряжение Президиума Тимуисполкома.
- §4 Все воинские части, находящиеся в городе и уезде, как то: продотряды, конная и пешая советская уездная и районная милиции, а также и лесная переходят с настоящего числа в распоряжение Начальника Гарнизона гор. Тима.
- §5 Начальнику гарнизона гор. Тима приказывается немедленно же создать оперативный штаб, назначить по городу караулы и патрули и строго следить за положением и спокойствием в городе. О деятельности оперативного штаба, а также о состоянии и положении города и уезда ежедневно доносить Президиуму Уисполкома, в экстренных же случаях доносить немедленно о всем случившемся не промедляя ни минуты.
- §6 Всем Волисполкомам и Сельсоветам наблюдать за революционным порядком на местах, строго следить за подозрительными лицами и в случае обнаружения чего-либо контрреволюционного немедленно же арестовывать и доставлять в Уисполком, а также не терять связи с оперштабом и обо всем случившемся немедленно доносить.
- §7 Настоящий приказ входит в силу с момента его издания.

*Председатель Уисполкома Поветкин
Товарищ председателя Свищенков
Секретарь Медведев⁷³²*

Однако, выйдя из Корочи, отряды Повстанческой Армии не повернули на север, а продолжили свое движение в восточном направлении в сторону сл. Слоновка. Тогда же налету махновцев подвергся и Новый Оскол, возможно, ставший жертвой одного из отрядов, рыскавших в стороне от движения основных сил повстанцев. Налетчики разгромили помещения волисполкома, уничтожили все делопроизводство, разбили кассу, выбили все окна, разбили один телефонный аппарат, срезали 4 телеграфных столба и оборвали 12 пролетов провода. Был убит зав. волземотделом т. Лапин [фамилия напечатана нечетко — А.Ш.]; у которого забрали 700 000 казенных рублей, в плен попал и предволисполкома тов. Гусев с 102 700 казенных рублей. В районе Новооскольской волости махновцы изъяли 3 хомута, 3 седелки, 3 дуги, 100 аршинов полот-

732 ГАКО. Ф. Р-483. Оп. 1. Д. 35. Л. 7.

на, собранных в «Неделю помощи фронту», 18 аршинов школьной мануфактуры, заменено 16 лошадей, забрано 5 упряжей, 16 саней, 8 хомутов, разграблено около 600 пудов сена⁷³³. Погибли посланные в разведку милиционеры Павленко, Лиманский, Кидапов и Немыкин, возвращавшиеся из служебной командировки со ст. Прохоровка сотрудники уземотдела Н.И. Шевцов и Я.Г. Лудченко, находящийся при производстве следствия следователь убюосто т. Решетников и студент Петроградского Технологического института Шеховцов, ранены помнач милиции 2-го района Маслов и милиционер Щерблыккин.

Последним населенным пунктом Курского края, занятым махновцами, стало с. Николаевка, пройдя которое повстанцы пересекли границу Воронежской губернии у сл. Лутовиновки⁷³⁴ и заночевали в с. Успенском⁷³⁵.

Итоги кратковременного пребывания Повстанческой Армии Украины на территории Курской губернии были подведены в составленном начальником губмилиции секретном докладе: «среди милиционеров после ухода банды был упадок духа и даже нежелание служить в милиции... Население настроено анархически, общее нежелание подчиняться местным властям, производится усиленная самовольная порубка лесов и не выполняются всякого рода наряды. Меры к устранению беспорядков приняты. Высылаются конная милиция для ведения борьбы против элементов, не желающих подчиниться власти»⁷³⁶.

Несмотря на то, что махновцы практически достигли охваченной пламенем восстания Тамбовщины, соединиться с А.С. Антоновым⁷³⁷ им так и не удалось. 1–3 февраля 1921 г. они были разбиты красными войсками в ожесточенных боях под Ровенками, Каменкой и Морозовкой (Воронежская губ.) и отброшены обратно на Украину⁷³⁸. Еще несколько месяцев после курского рейда «батька»

733 Там же. Л. 8об.

734 У М. Рыбакова – Литвиново.

735 Рыбаков М. Указ. соч. С. 122.

736 Там же. Л. 40.

737 Антонов Александр Степанович (1889–1922) – руководитель восстания тамбовских и воронежских крестьян в 1920–1921 гг. Погиб в перестрелке с сотрудниками ЧК 24 июня 1922 г. (Подробнее о А.С. Антонове и «Антоновщине» см.: Самошкин В.В. Антоновское восстание. – М., 2005).

738 К последним месяцам пребывания Н.И. Махно на Украине, вероятно, относится выставленное в Суджанском районном краеведческом музее «Воззвание к махновцам». Судя по упоминанию в тексте «Воззвания» кронштадтского восстания, листовка была напечатана уже после курского рейда, вероятно, поздней весной или летом 1921 г. Однако документ достаточно интересен в плане агитационных приемов большевиков по отношению к членам революционных

метался по Украине и Южной России, пока с сотней оставшихся в живых соратников 25 августа 1921 г. не форсировал Днестр и обрёл убежище на территории Румынского королевства. Из Румынии Н.И. Махно перебирается в Польшу, оттуда в 1926 г. переезжает с семьей в Париж, где и умирает от туберкулеза в 1934 г.

отрядов, не придерживающихся коммунистических взглядов, вследствие чего публикуется полный текст, напечатанный на лицевой странице листовки (обратная сторона «Воззвания» приклеена к планшету и недоступна для работы): «Ещё раз Советская власть обращается к Вам, махновцам, и к тем, которые ещё не потеряли разум, а в которых ещё бьётся человеческое сердце, которые ещё могут опомниться и оставить черное дело предательства рабочих и крестьян. Читайте и подумайте. Скоро 4 года, как Российские рабочие и крестьяне совместно с Украинскими пролетариями и незаможными селянами бьются за то, чтобы добиться мирной жизни без помещиков, без банкиров и фабрикантов. Лишь несколько месяцев тому назад за рабоче-крестьянское дело у Перекопа пало 10.000 рабочих и крестьян. В этом деле и Вы участвовали, совместно с нами, отбивая врага, ибо Вы сознавали, что допустить, чтобы вернулись помещики и фабриканты — это значит вернуть на Украине крепостное право, это значит вернуть виселицы и нагайки для рабочих и крестьян. Советская власть заключила с Вами соглашение, но политический авантюрист, батько Махно и его соратники после Крымской победы хотели воспользоваться этим фактом для свержения власти Украинских рабочих и крестьян и установить кулацко-махновскую диктатуру под именем безвластия. Советская власть во время этого соглашения присмотрелась к махновским отрядам и убедилась, что в них существует не безвластие, а кулацкий деспотизм разного анархического начальства и мордобитие, исходящее от штаба батько Махно. И получился разрыв. Советская власть не могла допустить, чтобы под именем идейной агитации анархизма делались пьяные погромы и разрушались города. Теперь, когда мы добились того, что внешних фронтов нет, когда рабочие и крестьяне восстанавливают свою промышленность, когда каждый гражданин может приложить свою долю труда для возрождения Советской Украины, когда бандитизм идет на убыль, многие бандиты являются к Советской власти с повинной, и она принимает их в свою трудовую семью — в этот момент Советская власть говорит Вам, рядовым махновцам, обманутым рабочим и крестьянам: «Опомнитесь, пока не поздно!». История Украинской революции, поведение позорной памяти Центральной Рады, которая играла в «демократизм», а сама привела немцев и французов на Украину, Кронштадтский мятеж в России, где матросы взяли курс «немного влево» и создали так называемые «бес-...». (далее текст не сохранился).

Заключение

Гражданская война закончилась победой большевиков, в стране на долгие годы установилась Советская власть. В ходе этой войны Курский край испытал на себе не только социально-экономические и политические эксперименты борющихся за власть сил, но и стал ареной боевых действий. Спецификой курской истории того времени стало то, что в отличие от многих российских регионов на территории губернии последовательно сменяли друг друга власти Советская и Вооруженных Сил на Юге России, затем наоборот.

К моменту прихода белых сил на территорию губернии Советская власть здесь проявила себе в полной мере. Она охарактеризовала себя со всех сторон, в том числе и самых отрицательных – продразверстка, «красный террор», карточная система распределения продуктов, деление жителей на категории полноправных и лишенных гражданских прав. Неудивительно, что, несмотря на национализацию заводов и обрабатываемой земли, в данной ситуации местное население с восторгом встречало части Добровольческой армии, занимающие территории губернии.

Однако белогвардейская администрация не смогла разрешить наиболее остро стоящие перед населением вопросы, такие как земельный и рабочий, что спровоцировало охлаждение или враждебное отношение местного населения к ВСЮР.

Военное противостояние на территории края также имело свою специфику. Курская губерния после распада Российской губернии оказалась граничащей с враждебно настроенной Украиной, поддерживаемой союзными германскими и австрийскими войсками. Поэтому с первых же дней установления советской власти здесь пришлось создавать воинские части, необходимые не только для удержания собственной власти, но и охраны границ.

Под Белгородом произошло одно из первых вооруженных столкновений Гражданской войны. На Курской и Орловской земле Вооруженные Силы на Юге России достигли наибольшего успеха во время наступления на Москву. Здесь же началось триумфальное наступление советских войск, заставившее войска А.И. Деникина отступить на юг, а затем эвакуироваться в Крым.

С окончанием боевых действий на территории губернии мирная жизнь установилась не сразу. Вернувшиеся большевики устано-

вили прежние порядки, что вызвало очередной всплеск недовольства Советской властью со стороны населения.

К моменту окончания Гражданской войны в стране власти осознали, что попытки быстрого построения социалистического строя, соответствующего учению марксизма, оказались преждевременными. Затянувшийся социальный эксперимент мог привести к свержению еще окончательно не окрепшей Советской власти.

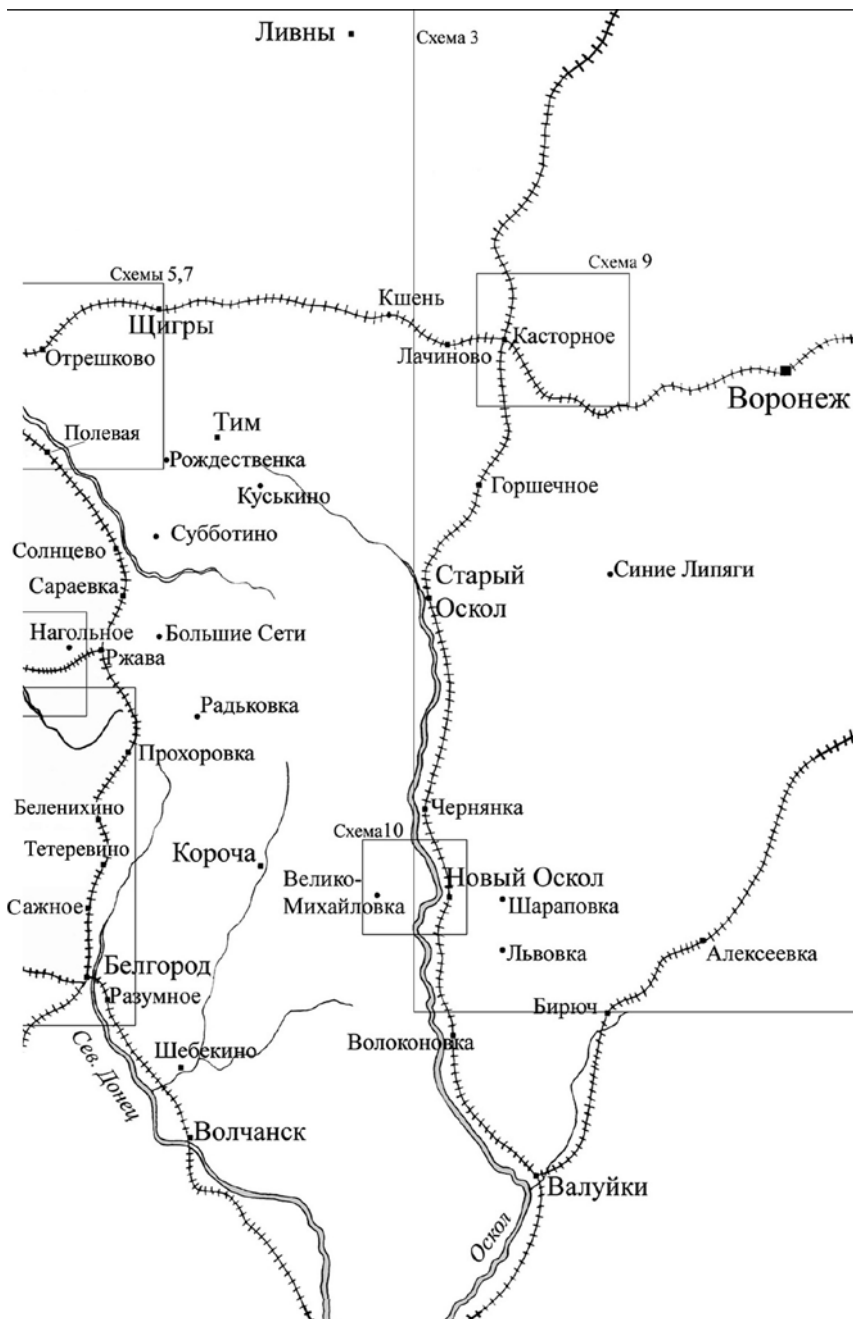
В 1921 г. руководство государства было вынуждено провести перестройку хозяйственной жизни, перейдя к новой экономической политике (НЭПу). Однако последнее вовсе не означало отказа коммунистов от своей монополии на власть, тотального идеологического контроля в обществе. Сохранилась жёсткая политическая цензура во всех сферах общественной жизни, были ликвидированы последние немногочисленные социалистические партии, продолжились беспрецедентные гонения на православную церковь.

Как видим, весь запутанный клубок проблем, рождённых Гражданской войной в Курском крае, проявил себя в полной мере. Хотелось бы, чтобы сегодня мы смогли разобраться в причинах той великой трагедии нашего народа и не допустили очередной «Русской смуты».

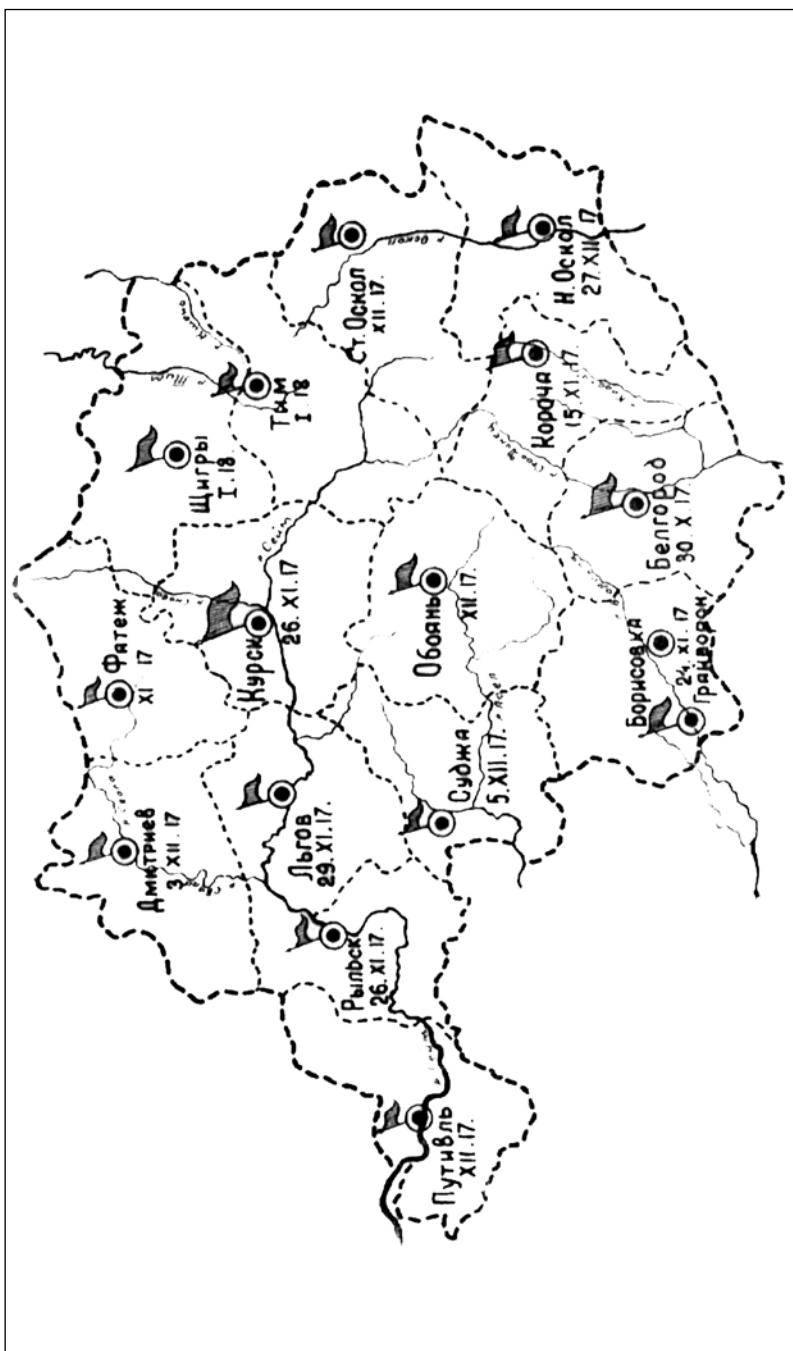
Карты и схемы



Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно–политической истории)



Курский край в Гражданской войне 1917–1921 гг. (очерк военно-политической истории)



Установление Советской власти в Курской губернии



Схема 1. Оборонительные действия Курского отряда (9-й сд) в апреле-ноябре 1918 г.

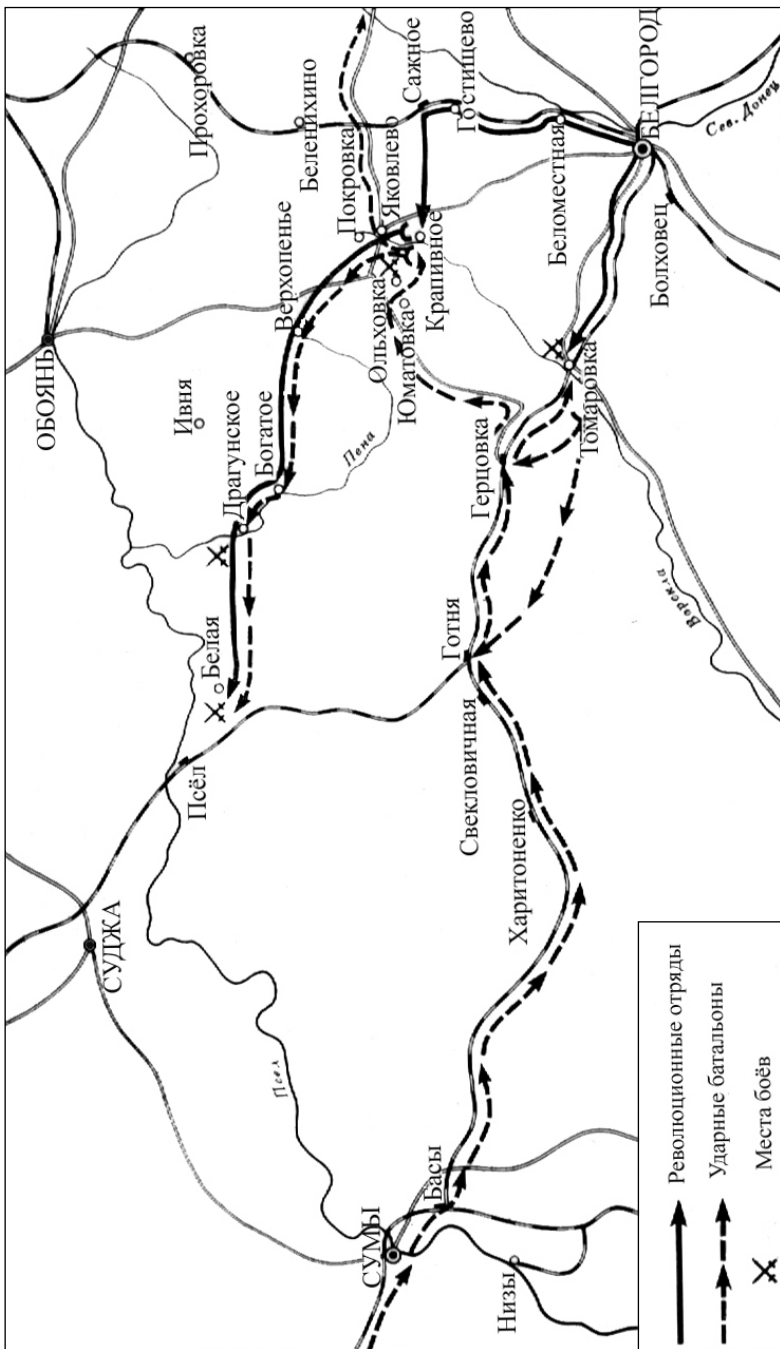


Схема 2. Боевые действия под Белгородом 25 ноября — 6 декабря 1917 г.

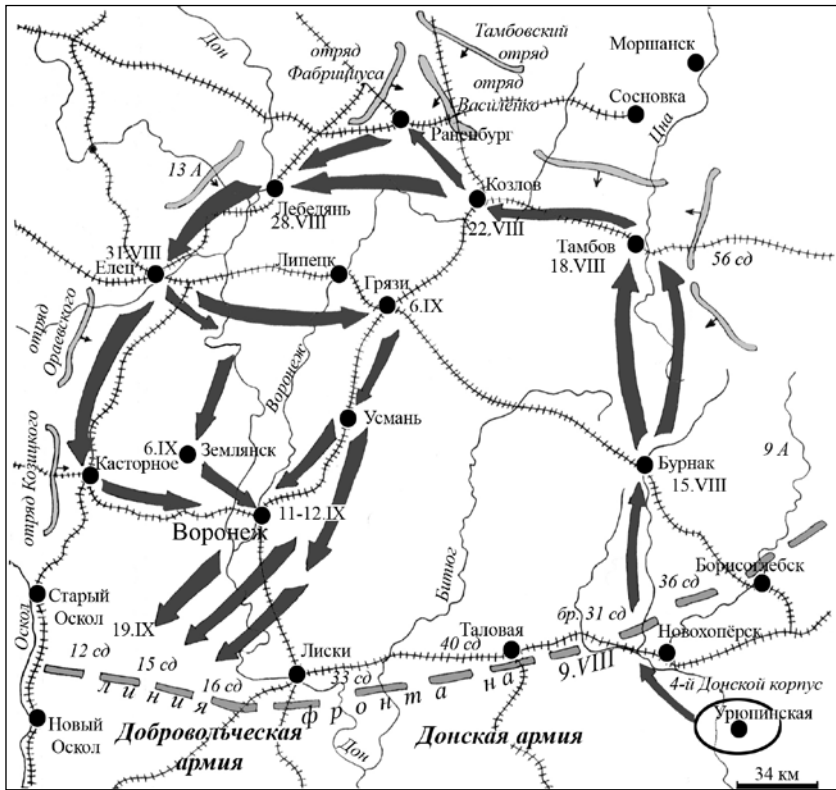


Схема 3. Рейд 4-го Донского корпуса генерала К.К. Мамантова 10 августа — 19 сентября 1919 г.

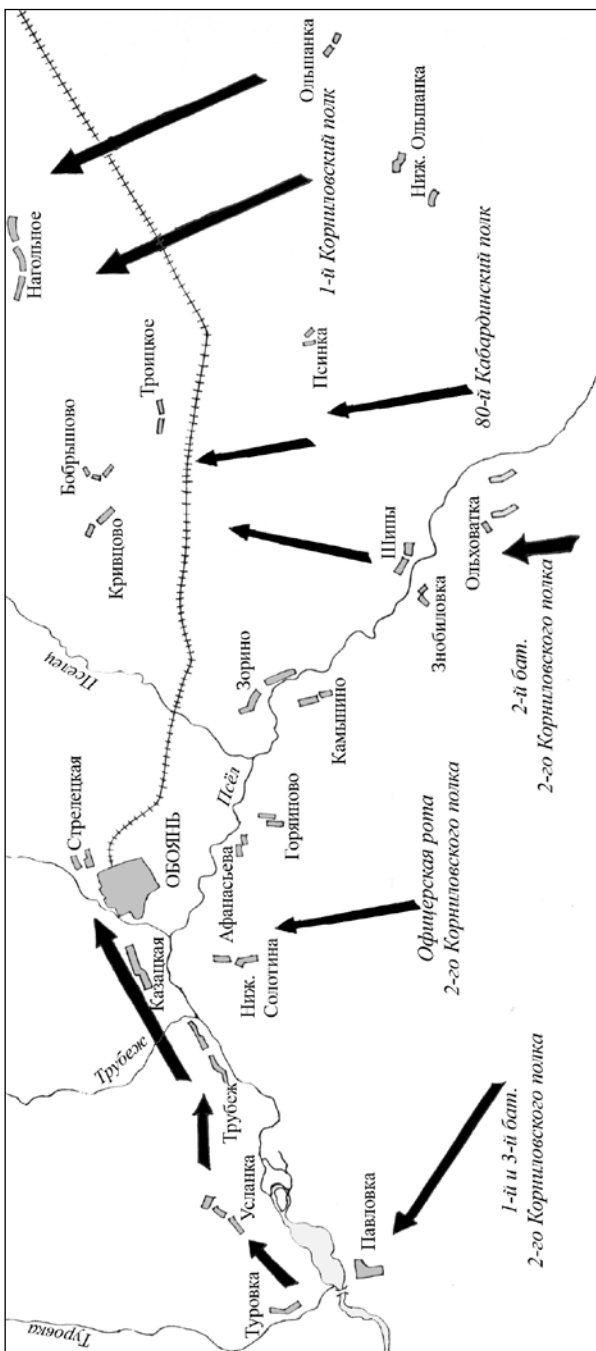


Схема 4. Наступление на Обоянь частей Добровольческой армии

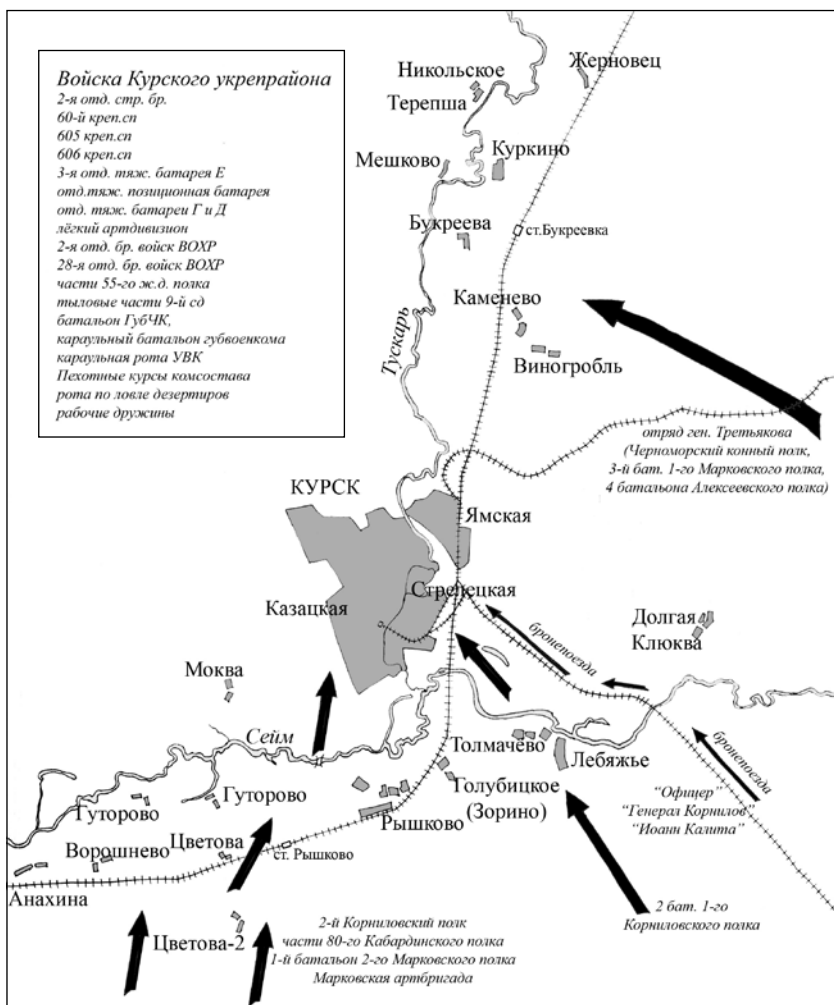


Схема 5. Наступление на Курск частей Добровольческой армии

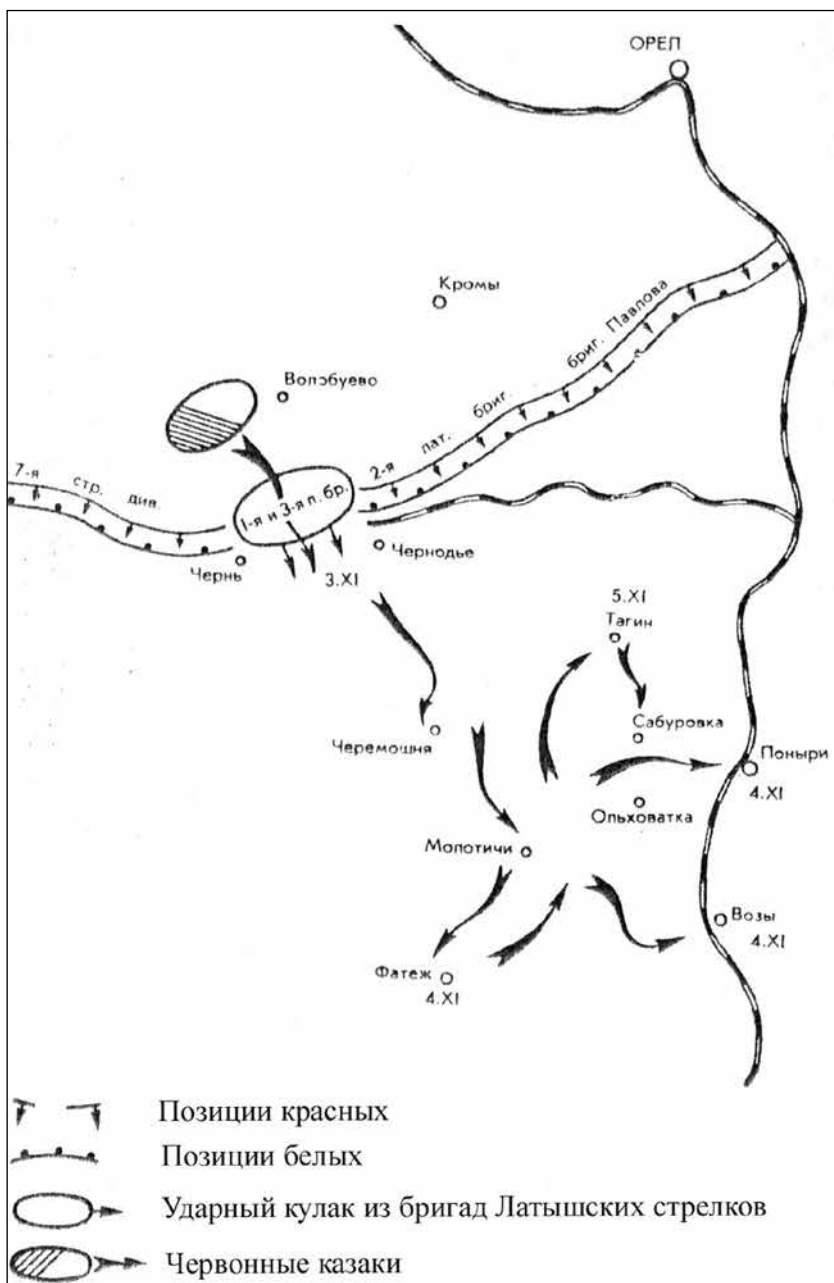


Схема 6. Рейд Червонных казаков на Фатеж–Поньри

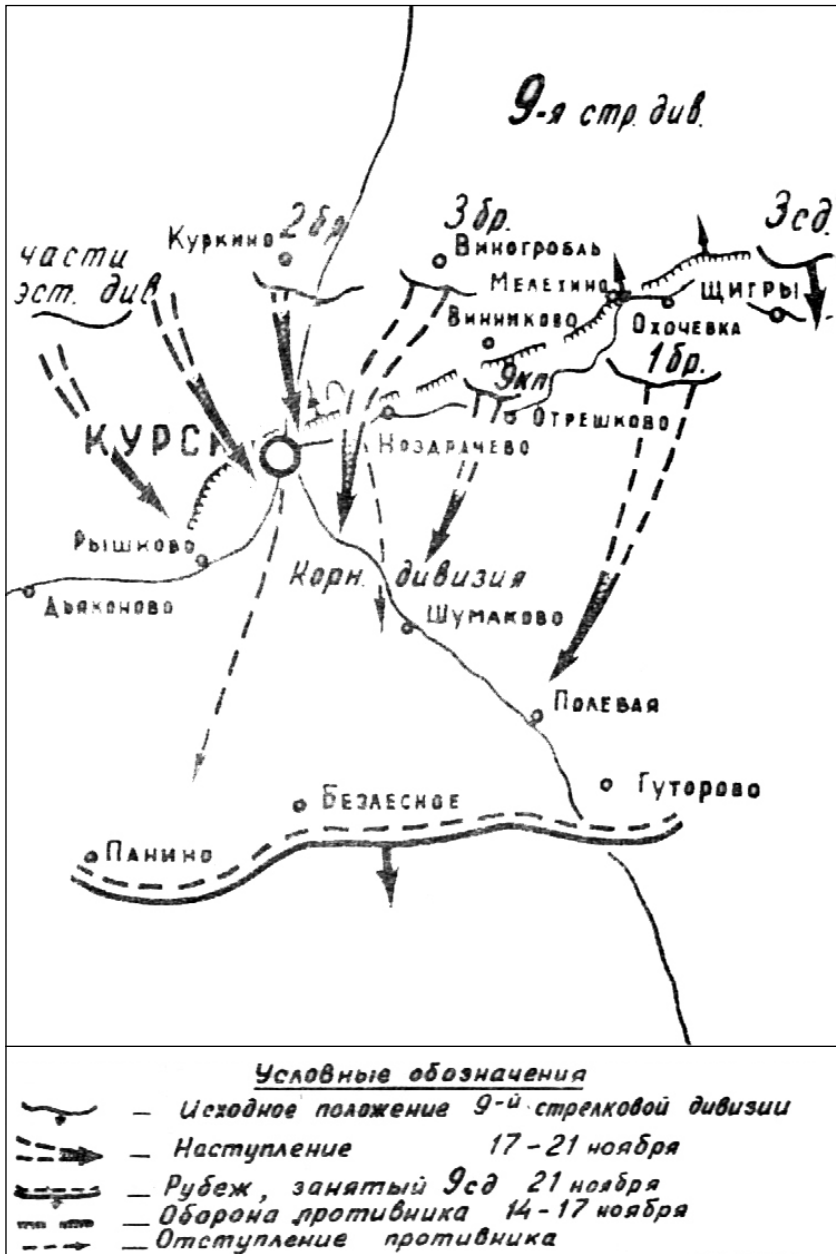


Схема 7. Наступление на Курск войск Южного фронта

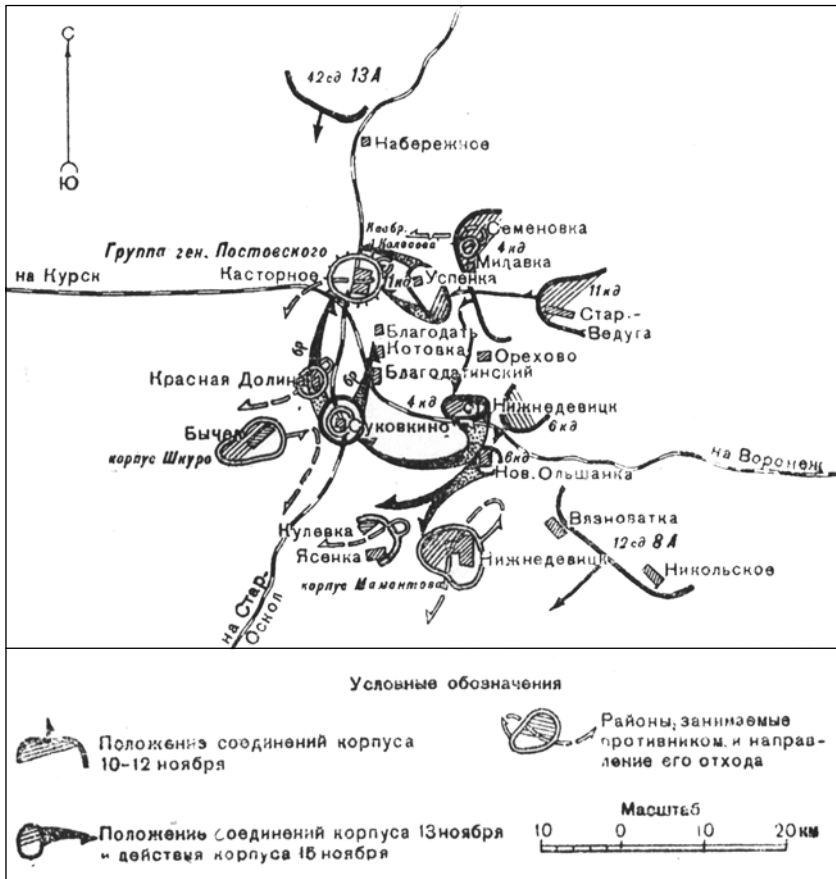


Схема 9. Боевые действия Конного корпуса Буденного под Касторной

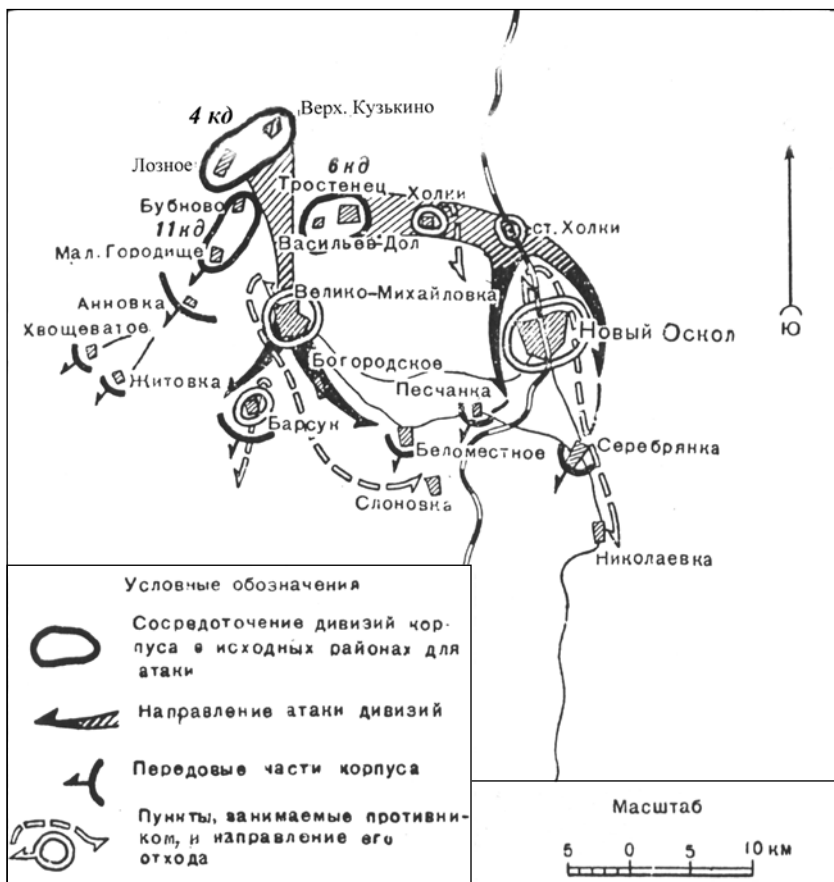
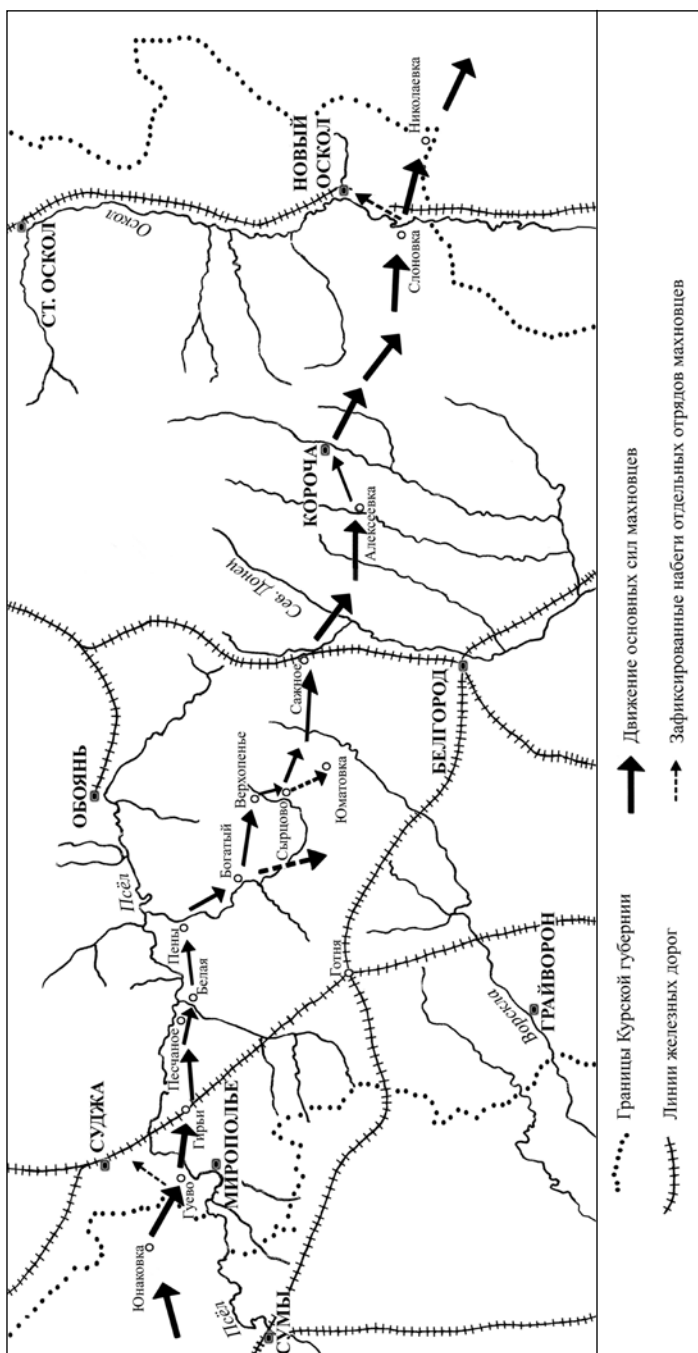


Схема 10. Бой Конного корпуса Буденного у Велико-Михайловки и Нового Оскола



Рейд Н.И. Махно по южным уездам Курской губернии 21–27 января 1921 г.

Содержание

Предисловие (С.Н. Емельянов, А.В. Зорин)	3
Часть 1. Под красным знаменем	
(А.В. Зорин, С.Н. Емельянов)	7
1. Февраль 1917 г.	7
2. Установление Советской власти в Курске	13
3. Установление Советской власти на территории губернии	30
4. Красный террор	49
5. Разгул анархии	74
6. Церковь и власть (С.Н. Емельянов)	105
7. Советские преобразования	129
8. Крестьянские восстания	138
Часть 2. Между молотом и наковальней	155
1. Боевой 18-й год (А.В. Зорин, С.Н. Емельянов)	155
Разгром ударников	156
Партизанские отряды и военное строительство	170
Военные действия на Украинской границе	185
Июльские события под Льговом	205
Положение на Украинской границе	212
Наступление Красной армии	221
Укрепление Красной армии	226
2. Наступление ВСЮР летом 1919 г. (А.В. Зорин)	232
Взятие Белгорода	235
«Московская директива» и планы красного командования	253
Рейд Мамантова	256
«Купянский прорыв»	259
Суджанское направление	262
Бои у Ржавы и Нагольного	270
Борьба за Обоянь	281
Бои за Корочу	285
Наступление на Курск	290
3. Падение «красной крепости»	298
Взятие Курска (А.В. Зорин, А.Г. Шпилев)	298

Дальнейшее наступление ВСЮР (<i>А.В. Зорин</i>)	345
4. Губерния под властью белой администрации	357
Белый режим в Курске (<i>А.В. Зорин, А.Г. Штилев, С.Н. Емельянов</i>)	357
Белый террор (<i>А.В. Зорин</i>)	380
5. Наступление войск Южного фронта (<i>А.В. Зорин</i>)	390
Рейд Червонных казаков на Поныри	392
Наступление на Курск	399
Отступление дроздовцев и рейд Червонных казаков на Льгов	420
Сражение за Касторное	435
Тимский рейд группы Третьякова–Блейша	447
Отступление ВСЮР с территории губернии	453
6. Восстановление Советской власти (<i>С.Н. Емельянов, А.В. Зорин</i>)	471
7. Последняя вспышка Гражданской войны (Рейд Н.И. Махно по Курской губернии) (<i>А.Г. Штилев</i>)	480
Заключение (<i>С.Н. Емельянов</i>)	509
Карты и схемы	511

КУРСКИЙ



МУЗЕЙ

АРХЕОЛОГИИ

Музейные издания

- Моргунов Ю.Ю. Древние памятники поречья Сулы // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 2. Курск, 1996.
- Моргунов Ю.Ю. Посульская граница: этапы формирования и развития // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. 3. Курск, 1998.
- Гавритухин И.О., Обломский А.М. Гапоновский клад и его культурно–исторический контекст. М., 1996.
- Ю.А. Липкинг и археология Курского края. Материалы межрегиональной научной конференции. Курск. 2005.
- Зорин А.В., Стародубцев Г.Ю., Шпилев А.Г., Щеглова О.А., 2008. Очерки истории Курского края с древнейших времён до XVII в. Курск, 2008.
- Славяно–русские древности Днепровского Левобережья. Материалы конференции, посвящённой 75–летию со дня рождения К.Ф. Сокола. Курск, 2008.
- Средневековый город Юго–Востока Руси: предпосылки возникновения, эволюция, материальная культура. Материалы международной научной конференции, посвящённой 100–летию начала археологических исследований Гочевского археологического комплекса. Курск, 2009.
- Germania — Sarmatia. Сборник научных трудов. Вып. II. Калининград, Курск. 2010.
- Радюш О.А., Щеглова О.А. Волниковский «клад» и Курское Посеймье в эпоху Великого переселения народов. Курск, 2012.
- Древности Днепровского Левобережья от каменного века до позднего средневековья (к 80–летию со дня рождения А.И. Пузиковой) // Материалы и исследования по археологии Днепровского Левобережья. Вып. IV. Курск, 2012.

Часы работы:

9.30 — 17.00, без перерыва и выходных.

Последний четверг каждого месяца — сандень.

Выставка «Золото гуннов»

Часы работы: 9.30 — 17.00

Выходной — понедельник.

Адрес: Россия, 305001, г. Курск, ул. Пионеров, 6

Телефон: (4712) 54–91–94, 54–91–95

Факс: (4712) 54–91–96

e-mail: kgoma@mail.ru

Сайт: archeo-kursk.ru



Емельянов Сергей Николаевич — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой гражданско–правовых дисциплин Московского института государственного и муниципального управления в Курской области.

Область научных интересов: Гражданская война в России 1917—1922 гг., государственно–церковные отношения в конце XIX — начале XX вв., развитие института военного духовенства Русской Императорской армии в 70–е гг. XIX в. — начале XX в.

Автор более 70 научных и научно–педагогических работ.



Зорин Александр Васильевич — кандидат исторических наук, главный хранитель Курского государственного областного музея археологии.

Лауреат премии имени И.Е. Забелина (2011 г.)

Область научных интересов: история и археология Курского края, история Русской Америки, Курский край в Гражданской войне.

Автор более 100 научных работ.



Шпилев Андрей Геннадьевич - заведующий научно–экспозиционным отделом Курского государственного областного музея археологии.

Лауреат премии имени И.Е. Забелина (2011 г.)

Область научных интересов: комплекс украшений населения Курского края в VIII—XVII вв., курский традиционный костюм, курские клады и кладоискатели, курские разбойники XVI—XIX вв., Курский край в Гражданской войне.

Автор более 50 научных и научно–популярных работ.